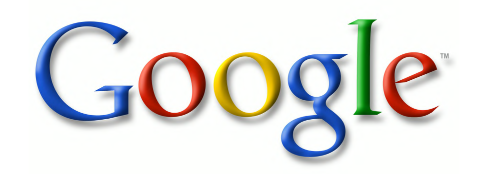
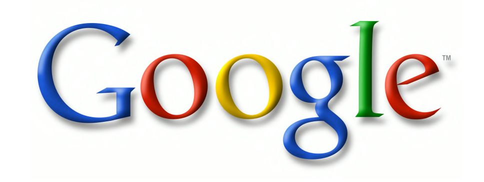
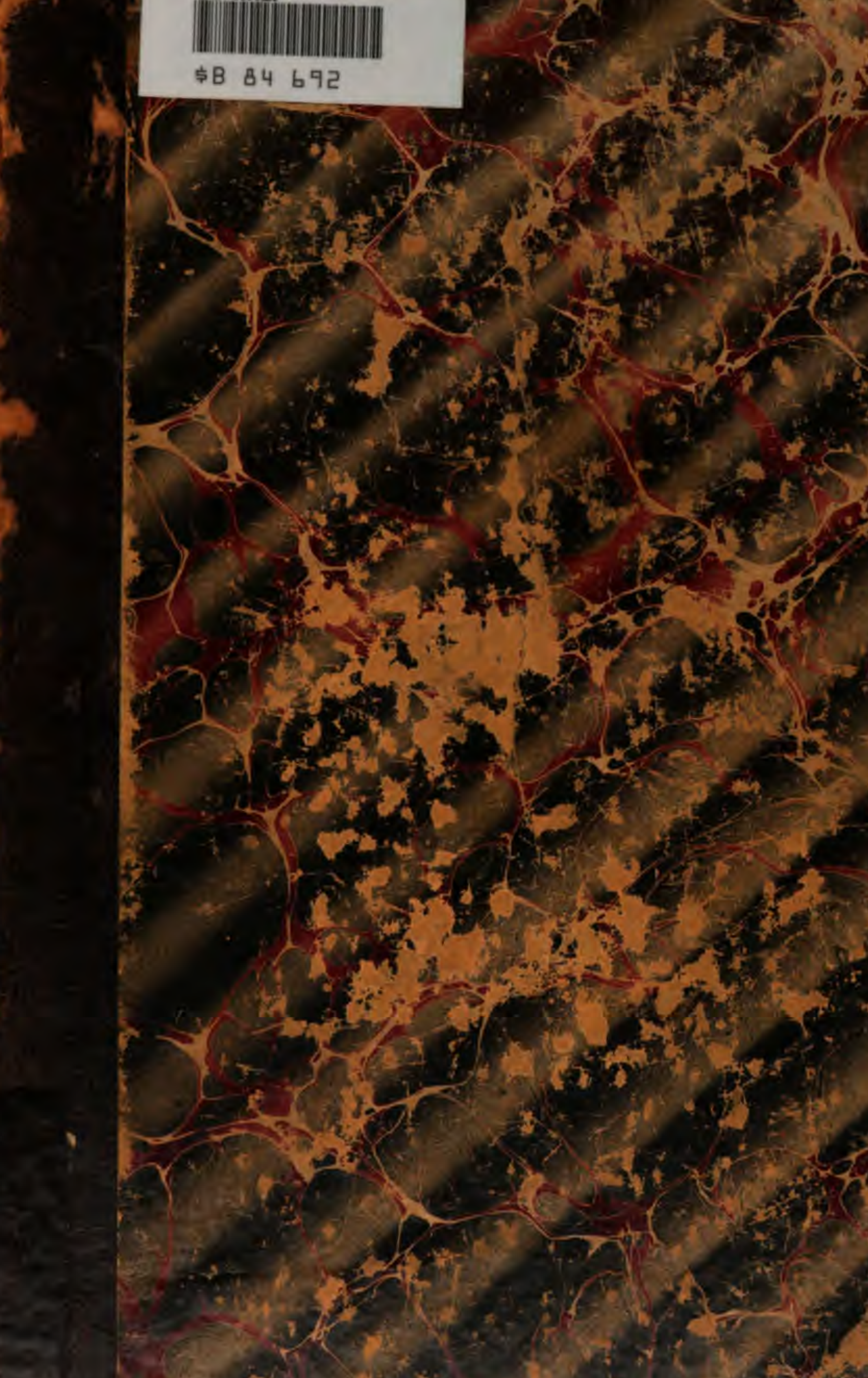
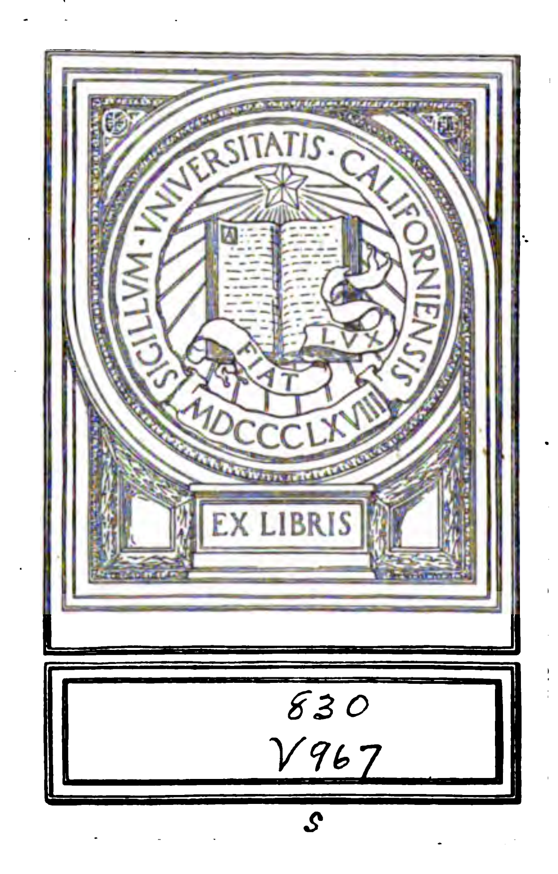


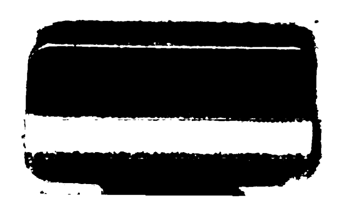




81-75

Изъ библiотеки
Сергея Петровича
Кизанiскаго.





Славянская Хрестоматія

Выпуски 1, 2 и 3.

СЛАВЯНСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

СБОРНИКИ ПО СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ:

ДРЕВНЕМУ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ, ДРЕВНЕ-РУССКОМУ; БОЛГАРСКОМУ, СЕРБО-ХОРВАТСКОМУ, СЛОВИНСКОМУ, ЧЕШСКОМУ, ЛУЖИЦКОМУ И ПОЛЬСКОМУ.

СЪ СВѢДѢНІЯМИ И ЗАМѢЧАНІЯМИ О ПАМЯТНИКАХЪ И ОБЩИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ НАРѢЧІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Гр. Воскресенскій,

ДОЦЕНТЪ МОСКОВСКОЙ Д. АКАДЕМІИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ЯЗЫКИ ДРЕВНІЙ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ И ДРЕВНЕ-РУССКІЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
н. Страстномъ бульварѣ.
1882.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. 15 Ноября 1881 года.

Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпринимая изданіе сборниковъ по славянскимъ нарѣчіямъ, составитель имѣлъ въ виду дать въ руки своимъ слушателямъ руководство къ практическому изученію этихъ нарѣчій. Все изданіе будетъ состоять изъ трехъ выпусковъ. Въ второй войдутъ языки болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій, въ третій чешскій, лужицкій и польскій.

Издавая настоящій выпускъ, считаемъ неизлишнимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія А) по отношенію къ первому отдѣлу:

1) Для ознакомленія съ характеристическими особенностями древняго церковно-славянскаго языка помѣщены тексты изъ четырнадцати памятниковъ XI в. и двухъ памятниковъ XII в. Отрывки изъ сербскихъ списковъ евангелія XII в. приведены для ознакомленія съ сербскою рецензіей рукописей. Такимъ образомъ наше изданіе представляетъ образцы языка всѣхъ трехъ рецензій: болгарской или юсовой, русской и сербской. Тексты приводятся изъ рукописей, писанныхъ какъ кириллицей, такъ и глаголицей. Изъ рукописей глаголическихъ въ наше изданіе вошли замѣчательнѣйшіе списки евангелія: Ватиканскій, Аѳонскій Григоровичевъ и Зографскій, а также знаменитый Glagolita Clozianus.

2) Приложено все стараніе о найисправнѣйшемъ изданіи древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ. Нѣкоторые тексты взяты прямо изъ рукописей (именно изъ Чудовской Псалтыри, Саввина Евангелія, Изборника Святославова 1073

года [1]), другіе изъ палеографическихъ снимковъ (Туровское Евангеліе). Тѣ и другіе напечатаны съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древняго правописанія [2]). Остальные тексты взяты изъ печатныхъ изданій Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Ягича, Копитара, Миклошича и Будиловича. При выборѣ текстовъ для напечатанія, отдавалось преимущество отрывкамъ наиболѣе любопытнымъ въ филологическомъ отношеніи.

3) Къ глаголическимъ спискамъ евангелія приложены варіанты изъ Остромирова списка, для сравнительнаго изученія ихъ въ отношеніи языка и перевода.

4) За текстами изъ памятниковъ слѣдуютъ примѣчанія двоякаго рода: историческія, для изученія памятника въ литературномъ отношеніи, и филологическія, для изученія особенностей языка даннаго памятника.

5) Въ концѣ перваго отдѣла приложена характеристика древняго церковно-славянскаго языка.

Б) По отношенію къ второму отдѣлу:

1) Въ второмъ отдѣлѣ помѣщены тексты изъ шестнадцати памятниковъ народнаго русскаго языка XII—XIV в., на которыхъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не легло вліяніе книжное,—въ томъ числѣ тринадцать грамотъ, Русская Правда по Син. списку Кормчей 1282 г., Лаврентьевскій списокъ лѣтописи 1377 г. и Слово о Полку Игоревѣ.

---

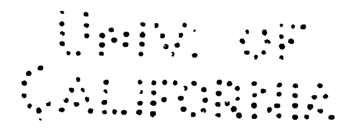
[1]) Къ сожалѣнію, при составленіи настоящаго выпуска мы не могли воспользоваться рукописями Миней Октябрьской 1096 г. и Ноябрьской 1097 г., такъ какъ обѣ эти рукописи отправлены были изъ Типографской Синод. библіотеки, гдѣ онѣ хранятся, въ Академію Наукъ.

[2]) Нѣкоторыя начертанія, впрочемъ, не могли быть переданы въ печати, за недостаткомъ типографскихъ средствъ. Такъ, не переданы начертанія мягкихъ л, н, встрѣчающіяся въ Чудовской Псалтыри XI в. и особыя начертанія д, имѣющія мѣсто въ Саввиномъ Евангеліи и Супрасльской рукописи. Неизлишне также замѣтить здѣсь, что въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ точка ставится не внизу строки, а въ срединѣ ея, что также въ нашемъ изданіи не выдержано.

2) Восемь грамотъ изданы по точнымъ палеографическимъ снимкамъ съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древняго правописанія; четыре грамоты взяты изъ Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I и II, одна изъ Актовъ Юридическихъ. Русская Правда напечатана по изданію въ 1-й части Русскихъ Достопамятностей, Лаврентьевскій списокъ лѣтописи—по изданію Археографической Коммиссіи, подъ редакціей акад. А. Ѳ. Бычкова (СПБ. 1872). Слово о Полку Игоревѣ напечатано все вполнѣ по изданію 1800 года.

3) Приложены варіанты къ Русской Правдѣ по пергам. списку пол. XIV в. Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, къ Лаврентьевской лѣтописи по спискамъ XV в: Радзивиловскому, Московской Д. Академіи и Троицкому, и къ Слову о Полку Игоревѣ по Екатерининскому списку, напечатанному Пекарскимъ въ V т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ.

4) Какъ и въ первомъ отдѣлѣ, за памятниками слѣдуютъ примѣчанія историческія и филологическія, а въ концѣ приложена характеристика древне-русскаго языка.



ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЯЗЫКЪ ДРЕВНІЙ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ.

---

1. Изъ Остромирова Евангелія 1056—1057 г.

(По изд. Востокова, 1843 г.).

Сѫбо҃ . по просвѣщении ⁘ єва҃ . отъ мат҃ . гла҃ . єі . ⁘ Мат. IV,
1—11. **Въ врѣма оно . възведенъ бысть іс҃ . дх҃мь въ поу-
стынѭ . искоуситъса отъ диꙗвола и пощьса дьни . м҃ . и нощиї .
м҃ . послѣдь възалка и пристѫпль искоуситель рече ѥмоу аще
сн҃ъ ѥси бж҃ии . рьци да камениѥ се . хлѣби бѫдѫть . онъ же
отъвѣщавъ рече писано ѥсть . не о хлѣбѣ ѥдиномь живъ бѫдеть
чл҃къ . нъ о вьсакомь гл҃ѣ исходащиимъ из оустъ бж҃ии тогда
поꙗтъ и диꙗволъ. въ ст҃ы градъ. и постави и на крилѣ
цр҃къвьнѣѥмь . и рече ѥмоу аще сн҃ъ ѥси бж҃ии . вьрзиса низъ
писано бо ѥсть . ꙗко ан҃гломъ своимъ заповѣсть о тебѣ . и на
рѫкоу възьмѫть та да не прѣтъкнеши о камень ногы твоѥꙗ
рече же ѥмоу іс҃ пакы писано ѥсть не искоусиши г҃а б҃а сво-
ѥго пакы поꙗтъ и диꙗволъ на горѫ высокѫ зѣло . и показа
ѥмоу вьса цр҃ствиꙗ вьсего мира. и славѫ ихъ . и рече ѥмоу
вьса си дамь тебѣ. аще падъ поклониши ми са тогда рече
ѥмоу іс҃ иди за ма сотоно писано бо ѥсть . г҃оу б҃оу твоѥмоу
поклониши са . и томоу ѥдиномоу послоужиши . тогда остави
и диꙗволъ и се ан҃гли пристѫпиша и слоужаахѫ ѥмоу ⁘**

нє҃ . к҃ . по н҃ . евангелиє . отъ матѳеа. гла҃ . к҃ . ⁘ Мат. IV,
18—23. **Въ врѣма оно . хода іс҃ъ . при мори галилеистѣємь видѣ
дъва брата симона нарицаѥмааго петра . и аньдреꙗ брата ѥмоу**

въмѣтажщита мрѣжа въ море . бѣаста бо ловьца и рече има
идѣта по мънѣ . и сътворѫ вы ловьца чл҃вкомъ она же абие .
оставльша мрѣжа по немь идоста и прѣшьдъ отътѫдоу.
оузьрѣ ина дъва брата иакова зеведеова . иоана брата юмоу
въ корабли . съ зеведеомъ оц҃ьмь юю закаꙁаѭща мрѣжа своя .
и възъва я . она же абие . оставльша корабль . и отьца своюго
по немь идоста и прохождааше късѫ галилеѭ ис҃ъ . оуча на
съборищихъ ихъ и проповѣдая еуаньгелие ц҃рствия. и исцѣ-
ляя вьсакъ недѫгъ и вьсакѫ язѫ въ людьхъ ⁖

не҃ . з҃ . по н҃ . ека҃: отъ матѳеа . гла҃ . ое҃ . ⁖ Мат. IX, 27—35.
Къ врѣмя оно. прѣходащоу иис҃усоу. по немь идоста дъва
слѣпьца . зовѫща и гл҃ѭща помилоуи ны с҃ноу д҃довъ пришъдъ-
шоу же юмоу въ домъ . пристѫписта къ нюмоу слѣпьца и
гл҃а има ис҃ вѣроуюта ли яко могѫ се сътворити гл҃аста юмоу
еи г҃и тогда прикоснѫса оуесоу има . гл҃я бѫдѣта . да никъ-
то же не оувѣсть она же ишъдъша . прослависта и по вьсеи
земли тои тѣмаже исходащема . се приведоша къ нюмоу чл҃къ
нѣмъ бѣсьнъ и изгънаноу бѣсоу прогл҃а нѣмыи и дивишася
народи гл҃ѭще . николиже явися тако въ изл҃и а фарисеи гл҃а-
ахѫ о кънази бѣсъ . изгонить бѣсы и прохождааше ис҃ . грады
вьса и вьси . оуча на съборищихъ ихъ и проповѣдая еуанге-
лие ц҃рствия . и исцѣля вьсакъ недѫгъ . и вьсякѫ язѫ въ
людьхъ ⁖

Мц҃а . марта (9) стра ст҃ыхъ . мкъ . м҃ ⁖ ека҃ . отъ мат҃ . гла҃ с҃ ⁖
Мат. XX, 1—16 . Рече г҃ь притъчѫ сиѭ подобьно юсть ц҃рь-
ствие н҃бесьное чл҃коу домовитоу иже изиде коупьно заоутра
наяти дѣлателя въ виноградъ свои съвѣщавъ же съ дѣлатели.
по пѣназоу на дьнь . посъла я въ виноградъ свои и ишьдъ
къ третиѭ годинѫ . видѣ ины на тръжищи стояща праздьны .
и тѣмъ рече идѣте и вы въ виноградъ мои и юже бѫдеть
правьда дамь вамъ они же идоша пакы же ишьдъ . въ
шестѫѭ и деватѫѭ годинѫ . сътвори такожде въ юдинѫѭ же
на десате годинѫ ишьдъ . обрѣте дроугыя стояща праздьны и
гл҃а· имъ чьсо сьде стоите вьсь дьнь праздьни и гл҃аша юмоу
яко никъто же насъ не наятъ и гл҃а имъ идѣте и вы въ ви-
ноградъ мои и юже бѫдеть правьда . приимете вечероу же

бъвъшоу. гла гь виноградa въ приставьникоу своемоу призови дѣлателя. и дай имъ мъздж. начьнъ отъ последьнихъ. до прьвыихъ пришедъше иже въ единжж на десяте годинж. приимша по пѣназоу и пришъдъше прьвии. мьнѣахжся вяще приати и приаша и ти по пѣназоу. приимъше же. ръпътахж на господина глжще како сиа последьниа. единъ часъ сътворивъша. и равьны намъ сътворилъ я еси понесъшиимъ тяготж дьне и варъ. онъ же отъвѣщавъ рече единомоу ихъ дроуже не обиждж тебе не по пѣназоу ли съвѣщахъ съ тобож възьми свое и иди хощж же семоу последьнюмоу. дати яко и тебѣ или нѣсть ми лѣть. сътворити. еже хощж въ своихъ ми аще око твое лжкаво есть яко азъ благъ есмь та бждуть последьнии пьрвии. и пьрвии последьнии. мъноѕи бо сжть ѕъвании. мало же избьраныихъ ჻

сж. ві. по .и. еван. отъ матѳеа. гла. се ჻ Мат. XX, 29—34.
Въ врѣмя оно исходащоу исоу отъ иерихона. по немь идоша народи мъноѕи и се дъва слѣпьца сѣдаща при пжти. слышавъша яко исъ мимоходитъ възъписта глжща помилоуи ны ги сноу двдовъ народъ же запрѣти има да оумлъчита. она же паче зъвааста глюща помилоуи ны ги сноу давыдовъ. и ставъ исъ. възглаcи я и рече что хощета да сътворж вама гласта емоу ги да отврьзетася оуи наю. милосрьдовавъ же исъ. прикоснж ся оучию има и абие отврьзостася има оучи. и по немь идоста ჻

в втикъ. вкакыа не ჻ еуане. ѿ ма. гла. сѕ. Мат. XXV, 1—13.
Тогда оуподоби ся црствие небесьное .і. дѣвъ. яже приимъша свѣтильникы своя. изидоша противж женихоу и невѣстѣ пять же отъ нихъ бѣ боуи. и пять мждръ. боуя бо. приимъша свѣтильникы своя. не възяша съ собож елеа. а мждрыя. възяша елеи въ съсждѣхъ своихъ съ свѣтильникы своими моудащоу же женихоу. въздрѣмаша ся вься и съпаахж полоунощи же. въпль бысть се женихъ градеть. исходите въ сърѣтение емоу тогда въсташа вься дѣвы ты. и оукрасиша свѣтильникы своя а боуя. рекоша мждрыимъ. дадите и намъ отъ олеа вашего. яко свѣтильници наши оугасаяжть отъвѣщаша же мждрыя глжща еда како не достанеть вамъ и намъ идѣте же паче къ

продажщиимъ и коупите себѣ идѫщамъ же имъ коупитъ. приде женихъ и готокыѩ кънидоша съ нимь на бракъ и ꙁаткорены бышѧ дкьри послѣдь же придоша и проуаиѩ дкы глѭщѧ ги ги отврьꙁи намъ онъ же отъкѣщавъ реѵе амии. глѭ камъ не вѣдѣ васъ бѫдите оубо. ꙗко не вѣсте дьни ни ѵаса. въ нь же сынъ ѵлвѵьскыи придеть ⁖

Мат. XXVIII, 16—20. Ѥдины же на десате оуѵеникъ. идоша въ галилеѭ. въ горѫ. ꙗможе повелѣ имъ исъ и видѣвъше его. поклонишаса ѥмоу ови же оусѫмьнѣшаса и пристѫпль исъ реѵе имъ глѧ. дана ми ѥсть вьсака власть. на небеси и на ꙁемли шьдъше оубо. наоуѵите въса ꙗꙁыкы крьстаще ꙗ. въ има оца. и сна. и стааго дха оуѵаще ꙗ блюсти вьсѣ ѥлико ꙁаповѣдахъ вамъ и се аꙁъ съ вами ѥсмь вьса дьни. до сконьѵаниꙗ вѣкоу аминъ ⁖

стаго поста ⁖ сѫта: г: еѵлие ѿ марка ⁖ ⁖ гла. ка. Мар. II, 14—17. Въ врѣма оно. мимоиды исъ видѣ леѵиѭ алъфеова. сѣдаща на мытьници. и гла ѥмоу по мънѣ иди. и въставъ. въ слѣдъ ѥго иде и бысть въꙁлежащоу ѥмоу въ домоу ѥго и мъноꙁи мьꙁдоимьци и грѣшьници. въꙁлежаахѫ съ исомь и съ оуѵеникы ѥго бѣахѫ бо мъноꙁи. и по ниемь идоша и кънижьници же и фарисеи. видѣвъше и ѣдѫщъ съ мьꙁдоимьци и грѣшьникы глаахѫ оуѵеникомъ ѥго ѵьто ꙗко съ мьꙁдоимьці и грѣшьникы. ѣсть и пиѥть и слышавъ исъ гла имъ ꙗко не трѣбоуѭть съдравии враѵа. нъ болащеи не придохъ приꙁъватъ правьдьникъ нъ грѣшьникы на покаание ⁖

сѫта: д: стаго поста ⁖ еѵлие ѿ марка. гла. од: Мар. VII, 31—37. Въ врѣма оно. ишьдъ исъ отъ прѣдѣлъ тѵрьскъ и сидоньскъ. приде на море галилеиско междоу прѣдѣлы декапольскы и привєдоша къ ниемоу. глоуха и нѣма и молѣахѫ ѥго. да въꙁложить на нь рѫкѫ и поимъ и ѥдиного отъ народа. вложи пьръсты своꙗ въ оуши ѥго и плинѫвъ коснѫ и въ ꙗꙁыкъ ѥго и въꙁьрѣвъ на небо въꙁдъхнѫвъ. и гла ѥмоу еффаѳа. ѥже ѥсть раꙁврьꙁиса и абиѥ раꙁврьꙁостаса слоуха ѥго и раꙁдрѣшиса ѫꙁа ꙗꙁыка ѥго и глаашє ѵисто и ꙁапрѣти имъ. да никомоуже не повѣдать ѥлико же имъ ꙁапрѣщаашє. они же паѵе

изидиха проповѣдаахѫ. и прѣизлише дивлѣахѫ са глѭще. добрѣ вьсе творить глоухыи творить слышати. и нѣмыи глати ·:·

сѫ .є. стаго поста: єѵане. ѿ марка гла .пк:. Мар. VIII, 27—31. Въ врѣмѧ оно. изиде ис и оученици его. въ вьси кесариѩ филиповы. и на пѫти въпрашааше оученикы своѩ гла имъ кого мѧ глѭть чловѣци быти они же отъвѣщаша. ови иоана крьстителѩ иии илиѭ. а дроузии. єдиного отъ пррокъ. и тъ гла имъ вы же кого мѧ глєте быти отъвѣщавъ же петръ гла ємоу ты єси хсъ и запрѣти имъ. да никомоуже не глють о ніемь и начатъ оучити ѩ ѩко подобаєть сыноу чловѣчьскоуоумоу мъного пострадати. и искоушеноу быти. отъ старьць. и архиереи. и кънижьникъ и оубиєноу быти. и по трьхъ дьньхъ въскрьснѫти ·:·

не .а. новоуоумоу лѣтоу єва. отъ лоукы. гла. ко. Лук. V, 1—11. Въ врѣмѧ оно стоѩше ис при єзерѣ геннсаретьсцѣ. и видѣ дъва корабица стоѩща при єзерѣ рыбари же ошьдъше отъ неѭ плакаахѫ мрѣжа своѩ вълѣзъ же въ єдинъ отъ корабицоу. иже бѣ симоновъ. моли и отъ земли отъстѫпити мало и сѣдъ оучааше ис корабли народы ѩкоже прѣста гла. рече къ симоноу възѣди въ глѫбинѫ и въметѣте мрѣжа ваша въ ловитвѫ и отъвѣщавъ симонъ рече ємоу наставьниче. об нощь вьсѫ троуждьшеса. ничесоже не ѩхомъ по глоу же твоємоу въвръжемъ мрѣжѫ. и се сътворьше. обаша множьство рыбъ мъного прѣтрьзаахѫ же са мрѣжа ихъ и помаиѫша причастьникомъ. иже бѣахѫ въ дроузѣмь корабли. да пришьдъше помогѫть имъ и придоша. и напльниша оба корабла. ѩко погрѫжати са има видѣвъ же симонъ петръ. припаде къ колѣнома исоусома гла изиди отъ мене ѩко мѫжь грѣшьнъ єсмь ги оужасъ бо одрьжааше и и вьса иже бѣахѫ съ нимь. о ловитвѣ рыбъ ѩже ѩша такожде же иѩкова и иоана сына зеведеова. ѩже бѣста. обьщаника симонови и рече къ симоноу ис. не боиса. отъселѣ чловѣкы бѫдеши лова и изведъше корабла на землѭ. и оставльше вьсе. въ слѣдъ єго идоша ·:·

ка Мца. то [октабра]. на. прпдбьноумоу иларионоу ·:· єва. ѿ лоукы. гла .мг. ·:· Лук. VI, 17—23. Въ врѣмѧ оно. ста ис на мѣстѣ равьнѣ и народъ оученикъ єго. и мъножьство мъного

людии. отъ вьсеꙗ ноудеꙗ и иерслима. и поморна тоурьска и сидоньска иже придоша послоушатъ юго. и исцѣлитъ са отъ недѫгъ своихъ и страждѫщеи отъ дхъ неунстъıихъ цѣлꙗахѫ са. и вьсь народъ искааше прикасати са юмь. ꙗко сила из нюго исхождааше. и исцѣлꙗаше. вьса и тъ възведъ оуи свои на оученикъı своꙗ глааше Блажени. нищии дхъмь. ꙗко ваше юсть црьствию бжию. Блажени. алчѫщеи нынѣ. ꙗко насътите са Блажени. плачѫщеи са нынѣ ꙗко въсмѣюте са Блажени бѫдете. югда възненавидать въı члци. и югда разлѫчать въı. и поносать. и пронесѫть има ваше. ꙗко зъло сна чльскааго ради Въздрадоуите са въ тъ дьнь. и възиграите са. се бо мьзда ваша мънога въ нбсехъ ∵

нє .д. нровоумоу лѣтоу. єва. отъ лоукъı. гла.ог. ·:· Лук. VIII, 5—15. Рече гь притъчѫ сиѭ изиде сѣꙗи сѣꙗтъ сѣмене своюго и югда сѣꙗаше. ово паде при пѫти и попьрано бъıсть. и пътица нбсьнъıꙗ позобаша ю а дроугою паде на камене. и прозабъ оусъше. зание не имѣаше влагъı. а дроугою паде посрѣдѣ трьниꙗ. и въздрасте трьние и подави ю а дроугою паде на земли добрѣ и прозабъ сътвори плодъ съторицеѭ въпрашаахѫ же и оученици юго глѫще. чьто юсть. притъча си онъ же рече имъ вамъ дано юсть вѣдѣти таинъı цесарьствиꙗ бжиꙗ а прочинмъ въ притъчахъ да видѧще. не видата. и слъıшаще не разоумѣѭть юсть же притъча си сѣма юсть слово бжию а иже при пѫти сѫть. слъıшащеи потомь же приде дꙗволъ. и възьметь слово отъ срдца ихъ да не вѣръı имъше спсени бѫдѫть а иже на камени. иже югда оуслъıшать. съ радостиѭ приимѫть слово. и сии корене не имѫть. иже въ врѣмѧ вѣрѫ юмлѭть. и въ врѣмѧ напасти остѫпаѭть а падъшею въ трьнии. си сѫть слъıшавъшеи. и отъ печали и богатьствиꙗ и сластьми житиискъıими ходѧще подавлѣѭть са и не до врьха плода творать а иже на земли добрѣ. сии сѫть. иже добрѣмь срдцьмь и благъмь слъıшаще слово дрьжать. и плодъ творать въ трьпѣнии си глꙗ възглаcи имѣꙗ оуши слъıшати да слъıшить ∵

5 Іюня. єулие. отъ лоукъı. Лук. XI, 1—4. Въ врѣмѧ оно. пристѫпльше къ ісусоу оученици юго рѣша юмоу ги наоучи нъı молити са. ꙗкоже иоанъ наоучи оученикъı своꙗ рече же имъ югда молите са глите Оче нашь иже юси на нбсехъ. да

сватить са имѧ твоѥ . да придеть црьствиѥ твоѥ да бѫдеть волѧ твоѩ . ѩко на небси и на ѕемли . хлѣбъ нашь насѫщьныи . даждь намъ дьньсь и остави намъ дльгы наша . ѩко и мы оставлѩѥмъ длъжьникомъ нашимъ и не въведи насъ въ напасть . нъ избави ны отъ непрiѩзни.

нє .кї. новоу лѣ . єва . отъ лоукы . гла . са . ·:· Лук. XVII, 12—19. Въ врѣмѧ оно . въходѧщоу ису ви . въ вьсь нѣкѫѭ . и сърѣте и .ї. прокаженъ мѫжь иже сташа издалече и ти възнесоша гласъ глѭще ісе наставьниче помилоуи ны и видѣвъ ѩ рече имъ шьдъше покажѣте са иереомъ и бысть. идѫщемъ имъ. ищистиша са ѥдинъ же отъ нихъ. видѣвъ ѩко исцѣлѣ . възврати са съ гласомъ великомъ . слава ба и паде ниць на ногоу ѥго . хвалѧ ѥмоу въздаѩ и тъ бѣ самаранинъ отъвѣщавъ же іс рече не десѧть ли ищистиша са . а десѧть како не обрѣтошаса . възвращьшеса дати славѫ боу тъкъмо иноплеменьникъ сь и рече ѥмоу . въстани иди вѣра твоѩ спсе та ⁖

нє ѕї. новоумоу лѣ єва . отъ лоу . гла . сдї . ·:· Лук. XVIII, 9—14. Рече гь притъчѫ сиѭ члка дъва възидоста въ црквє помолитъ са ѥдинъ фарисеи. а дроугыи мытарь фарисеи же ставъ . сице въ себѣ молѣаше са гли бе . хвалѧ тебѣ въздаѭ. ѩко нѣсмь . ѩко и проучии члкци хыщьници . неправьдьници прѣлюбодѣици . или ѩко и сь мьздоимьць пощѫ са дъвакраты въ сѫботѫ . десѧтинѫ даѭ отъ вьсего ѥлико притажѫ а мьздоимьць издалече стоѩ не хотѣаше ни оуниѭ възвести на небо нъ биѩаше прьси своѩ гли бе . милостивъ бѫди мънѣ грѣшьникоу глѭ вамъ сниде сь оправьданъ въ домъ свои паче оного ѩко вьсакъ възносаи са съмѣрить са и съмѣраѩиса възнесеть са ⁖

нє .єї. новоумоу лѣ. єва . отъ лоу . гла. ске. ·:· Лук. XIX, 1—10. Въ врѣмѧ оно вънидє іс въ ерихѡ . и се мѫжь именемь нарицаѥмыи ѕакхеи . и сь бѣ старѣи мытаремъ. и тъ бѣ богатъ и искааше видѣти ісa . къто ѥсть и не можааше народъмь ѩко тѣлъмь малъ бѣ и прѣдьтекъ възлеѕе на сукоморичѭ . да видить ісa ѩко тѫдѣ хотѣаше минонти и ѩко приде на мѣсто . възьрѣвъ іс видѣ и . и рече къ нѥмоу ѕакхее . потъщавъ са сълѣѕи . дьньсь бо подобаѥть ми въ домоу твоѥмь быти и потъщавъ са сълѣѕе и

приꙗтъ и радоуꙗ сѧ и видѣвъшеи . ръпътаахоу глѭще ꙗко къ грѣшьнѫ мѫжоу вънидє витатъ ставъ же ꙁакхеи. рече къ гоу се полъ имѣниꙗ моѥго гн . дамь ниіщимъ . и аще ѥсмь . чимь кого обидѣлъ . въꙁвращѫ четворицеѭ рече же къ немоу ис ꙗко дьньсь спсениѥ домоу семоу бысть . ꙁаниѥ и сь . снъ авраамль ѥсть приде бо снъ члвчьскꙑи въꙁискатъ . и спастъ погꙑбъшаго ∴

въ понедѣльникъ . .в. не але . гла .в. величить дша моꙗ га. ева . отъ иоана . гла . ка . Io. II, 1—11. Въ оно врѣмѧ . бракъ бысть въ кана галилеи . и бѣ тоу мати іса + ꙁъванъ же бѣ іс . и оученици ѥго на бракъ + и не доставъшоу винꙋ . гла мати іса къ немоу + вина не имѫть + гла ѥи іс + чьто ѥсть мънѣ и тебѣ жено.. не оу приде година моꙗ + гла мати ѥго слоугамъ ѥже аще глеть вамъ сторите + бѣше же тоу водоносъ каменъ шесть лежащь . по очищению июденскоу . въмѣстащь по дъвѣма ли по трьмъ мѣрамъ + гла имъ іс + напълните водоносы воды + и напълнишѧ до връха + и гла имъ + почрьпѣте нынѣ . и принесѣте архитриклинови + они же принесоша . ꙗко же въкоуси архитриклинъ . вина бывъшаго отъ воды . и не вѣдѣше отъкѫдѫ ѥсть . а слоугы вѣдѣахѫ почрьпъшеи водѫ + и въꙁгласи жениха архитриклинъ . и гла ѥмоу . всакъ чловѣкъ . прѣжде доброѥ вино полагаѥть . и ѥгда оупиѭть сѧ тогда хоуждеѥ + ты же съблюде доброѥ вино доселѣ + се створи ꙁнамениѥмъ начатъкъ іс. въ кана галилеи + ꙗви славѫ своѭ ⁑ и вѣроваша ⁑ въ нь . оученици ѥго. ·:·

въ патъкъ . свѣтьлыꙗ не : але . гла . и . благо ѥсть исповѣдати сѧ: еваигелиѥ: отъ иоана . гла .к. ·:· Io. II, 12—22. Въ оно врѣмѧ . вънидє іс въ каперънаоумъ . самъ и мти ѥго . и братиꙗ ѥго и оученици ѥго . и тоу не мъногы дьни прѣбысть + и близъ бѣ пасха июденска и вънидє іс въ иероусалимъ . и обрѣте въ црькви . продаѭщаꙗ волы . и овьца и голѫби . и пѣнѧжьникы сѣдащѧ + и створи ꙗко бичь отъ вьрви . и иꙁгъна вьса и црькве + овьца и волы . и тържьникомъ расыпа пѣнаꙁа + и дъскы опровьрже + и продаѭщиимъ голѫби рече + въꙁьмѣте си отъсѫдоу + не творите домоу оца моѥго домоу коуплиьнаго + помѧнѫша же оученици ѥго ꙗко написано ѥсть ⁑ жалость ⁑ домоу твоѥго сънѣсть мѧ ⁑ отъвѣщаша же июдеи и рекоша ѥмоу . коѥ

ʒнаменние ꙗвлаꙗеши намъ . ꙗко си твориши + отъвѣща і҃с и рече имъ + раʒорите цьркъвь сиѭ . и трьми дьньми въʒдвигнѫ ѭ + рѣша же июден + четырьмидесаты . и шестиѭ лѣтъ съʒъдана бысть цьркы си ⁑ а ты ли ⁑ трьми дьньми въʒдвигнеши ѭ · + онъ же глаааше ⁑ о цьркъви ⁑ тѣла своюего + юегда же въста отъ мьртвыихъ . помѧнѫша оученици юего . ꙗко се глаааше + и вѣрѫ ꙗша кънигамъ . и словеси юеже рече іс҃. ·:·

въ .а҃. не҃ . по пасцѣ на невѣрние ѳомино . си же и въ память юемоу . але҃ . гла҃ .в҃. придѣте въʒдрад . ека҃ . отъ иоана . гла҃ сг҃і . Іо. XX, 19—31. Сѫщоу поʒдѣ въ тъ дьнь. въ юединъ сѫботы . и двьрьмъ ʒатворенамъ . идеже бѣхѫ оученици юего събьрани. ʒа страхъ июденскъ . приде і҃с и ста посрѣдѣ ихъ . и гл҃а имъ + миръ вамъ + и се рекъ . покаʒа имъ рѫцѣ и ребра своꙗ + въʒрадоваша же са оученици видѣвъше г҃а + рече имъ і҃с пакы + миръ вамъ + ꙗкоже посъла ма оц҃ь и аʒъ посылаѭ вы + и се рекъ дѫнѫ и гл҃а имъ + приимѣте дх҃ъ ст҃ыи + имъже отъпоустите грѣхы . отъпоустатьса имъ + и имъже дьржите дьржатьса имъ + ѳома же юединъ отъ обою на десате . нарицаюемыи блиʒньць . не бѣ тоу съ ними . юегда приде іс҃ + глаахѫ же юемоу дроуʒии оученици + видѣхомъ г҃а + онъ же рече имъ + аще не виждѫ на рѫкоу юего . ꙗʒвы гвоʒдииныꙗ . и вложѫ пьрста моюего . въ ꙗʒвѫ гвоʒдиинѫѭ . и вложѫ рѫкѫ моѭ въ ребра юего . не имѫ вѣры + и по осми дьнъ. пакы бѣахѫ вънѫтрь оученици юего . и ѳома съ ними + приде і҃с двьрьмъ ʒатворенамъ и ста посрѣдѣ . и гл҃а имъ + миръ вамъ + потомь гл҃а ѳомѣ + принеси пьрстъ твои сѣмо и виждь рѫцѣ мои + и принеси рѫкѫ твоѭ . и вложи въ ребра моꙗ. и не бѫди невѣрьнъ нъ вѣрьнъ + отъвѣща ѳома и рече юемоу + г҃ь мои и б҃ъ мои + гл҃а юемоу і҃с + ꙗко видѣвъ ма вѣрова ⁑ блажени не видѣвъшеи и вѣровавше + мънога же ина ʒнамениꙗ створи і҃с . прѣдъ оученикы своими . ꙗже не сѫть писана . въ кънигахъ сихъ + си же писана быша . да вѣрѫ имете . ꙗко і҃с юесть хс҃ъ сн҃ъ божии + и да вѣроуѭще . живота вѣчьнааго . имате въ има юего. ·;·

Х Запись Остромирова Евангелія.

2\. Слава тебѣ г҃и цр҃ю нб҃сьныи ѩко сподоби мѧ написати еу҃лие се. ночахъ же е҃ писати. Въ лѣ҃. ҂ѕ҃. ф҃. ѯ҃д. А оконьчахъ е҃ въ лѣ҃. ҂ѕ҃. ф҃. ѯ҃е. Написахъ же еу҃лие се. рабоу б҃жию нареченоу сѫщоу въ кр҃щении иосифъ. а мирьскы остромиръ. близокоу сѫщоу изѧславоу кънѧзоу. изѧславоу же кънѧзоу тогда прѣдрьжащоу обѣ власти. и оц҃а своего ѩрослава. и брата своего володимира. самъ же изѧславъ кънѧзь. правлѣаше столъ оц҃а своего ѩрослава кыевѣ. А брата своего столъ поржчи правити близокоу своемоу остромироу новѣгородѣ. Мънога же лѣ҃. дароуи б҃ъ сътѧжавъшоумоу еу҃лие се. на оутѣшение мъногамъ д҃шамъ кр҃стиѩньскамъ. дан емоу г҃ь б҃ъ бл҃ние ст҃ыхъ. еван҃гелистъ. иоана. ма҃ѳеа. лоукы. мар҃. и ст҃ыхъ праоц҃ь. Аврама. и ис҃ака. и иѩкова. самомоу емоу. и подроужию его. Ѳеофанѣ. и чадомъ ею и подроужиемь чадъ ею. съдравьствоуите же мънога лѣ҃. съдрьжаще пороучение свое ·:· аминъ ·:·

· ⁜ азъ григории диѩко҃н. написахъ еу҃гание [с]е. да иже горазнѣе сего напише. то не мози зазьрѣти мьнѣ грѣшьникоу. почахъ же писати. мц҃а. окт҃. к҃а. на памѧ҃. иларионa. А оконьча҃. мц҃а. маиѩ. въ. в҃і. на па҃. епифана ·:· молю же вьсѣхъ почитаѩщиихъ не мозѣте клѧти. нъ исправльше. почитаите. Тако бо и ст҃ы ап҃лъ паулъ г҃леть. Бл҃те. А не кльнѣте ·:· аминъ ·:·

Остромирово Евангеліе написано въ 1056—1057 г. діакономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира. Подлинная рукопись хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Напечатана вполнѣ А. Х. Востоковымъ (Спб. 1843. 4°). Другое, ручное изданіе сдѣлано В. Ганкой (Прага, 1853, 12°). Это евангеліе—недѣльное (апракосъ), то-есть расположенное не по евангелистамъ въ послѣдовательномъ порядкѣ главъ, а по недѣлямъ, начиная съ пасхи. Именно, въ немъ содержатся евангельскія чтенія: 1) въ главные дни пасхальнаго года отъ свѣтлаго воскресенья до послѣдней заутрени великаго поста, 2) въ праздники

отъ 1 сентября до послѣдняго августа и 3) особыя евангельскія чтенія.—Остромировъ списокъ Евангелія представляетъ драгоцѣнный источникъ для изученія древняго церковно-славянскаго языка, который, въ отношеніи правописанія и грамматическихъ формъ, представляется здѣсь, во многихъ мѣстахъ, въ своемъ древнѣйшемъ, первоначальномъ строѣ. Такъ, носовые гласные ѫ, ѧ, ѭ, ѩ, глухіе ъ, ь и буква ѣ употребляются большею частію правильно, по древнеславянски. Формы склоненія прилагательныхъ полныхъ не сокращаются. Преходящее время имѣетъ окончаніе продолженное. Правильно употребляется неопредѣленное достигательное. Но при господствующемъ чистомъ древнеславянскомъ языкѣ, въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчаются также слѣды вліянія мѣстныхъ нарѣчій: южнаго за-дунайскаго (болгарскаго) и русскаго. Вліяніе перваго выразилось въ смѣшеніи, въ значительномъ количествѣ случаевъ, твердыхъ и мягкихъ слоговъ, въ смѣшеніи ѣ и ꙗ, въ двоякомъ смягченіи буквы к въ сочетаніи ск передъ и и передъ ѣ, въ окончаніи прилагательныхъ и причастій на ы или ъи вм. ыи въ имен. ед. муж. (єдиноуяды, с҃ты, съшьдъи, съи) и существительныхъ на и вм. ии въ род. множ. и мѣстн. ед. (прѣгрѣшени, оусъмени). Слѣды вліянія русскаго языка: употребленіе оу вм. ѫ, ю вм. ѭ, ꙗ вм. ѧ и обратно; написаніе глухихъ ъ и ь передъ л и р, а не послѣ нихъ (пълнъ, пьрстъ); переходъ глухихъ гласныхъ въ чистые (сотьника 194 в., мечьника); замѣненіе и поср. ь (црквьѭ 215 г., диоклитьꙗнѣ 226 а); формы полногласныя (перегънжвъ, володимира, новъгородѣ); смягченіе д въ ж (прѣже, роженъıи, прихожѫ).

2. Изъ Туровскаго Евангелія XI в.

(По снимкамъ, сдѣл. въ литографіи Вермелѣева, С-ПБ. 1868., издан. Виленскаго учебнаго округа).

⁜ Сѫбо̑ ꙁ҃і . єва̑ ѿ ма̑ гла̑ . с҃ꙁн. ·:· Мат. XXV, 1—13.
Ре҃ гь . притъчѫ сиѭ . оуподоби сѧ цр҃ствиє нб҃сьноє . десѧти дв҃ъ.
ꙗже приимъшѧ свѣтильникы своꙗ . ꙁидошѧ противѫ женихоу
и невѣстѣ. пѧть же бѣаше ѿ нихъ бѹи . и пѧть мѫдръ . бѹиꙗ
бо . приимъшѧ свѣтильникы своꙗ . не вꙁѧшѧ съ собоѭ
олѣꙗ . а мѫдрыꙗ приѩшѧ съ собоѭ олѣи въ съсѫдѣхъ . съ
свѣтильникы своими . мѫдѧщю же женихоу . въꙁдрѣмашѧсѧ

вьса и съпаахѫ . полоуноштн же въпль бысть . се женихъ градеть . исходите къ сърѣтению юмоу . тогда въсташа вьса дѣвы . и оукрасиша свѣтильникы своѩ а бѫюѩ рѣша мѫдрыимъ. дадите ї намъ ѿ олѣа вашего . ꙗко свѣтильници наши оугасаѭть . ѿвѣщаша же мѫдрыѩ глѭща . еда како не достанеть намъ . и вамъ . идѣте же паче къ продаѭщиимъ . и коупите себѣ . идоущамъ же имъ коупитъ . приде женихъ и готовыѩ въиидоша съ нимъ на бракъ . и затворены быша двьри . послѣди же приидоша . и прочаѩ . дѣвы глѭща . гн гн . ѿврьзи намъ. онъ же ѿвѣщавъ ре . аминь глѭ вамъ . не вѣмъ васъ . бѫдите оубо ꙗко не вѣсте дьне ни часа . въ нь же снъ чл҃вчь приидеть ⁘

⁘ сѫбо . в. ева ѿ лоу. гла . лг. Лук. V, 17—26. Въ врѣмя оно . бѣ оучѧ ісъ . и бѣахѫ сѣдяще фарисеи . и законоучителие. иже бѣахѫ пришьли ѿ вьсакоѩ вьси галилѣискы . и июдѣискы. и иерлма и сила гна бѣ . цѣлити ѩ. и се мѫжи носяще на одрѣ члвка . иже бѣ ослаблюнъ . и искаахѫ вънести и . и положити прѣдъ нимь . и не обрѣтъше коудоу вънесѫть и . народа ради. възлѣзъше на храмъ сквозѣ скѫдьлы низъвѣсиша и . съ ложьмь посрѣдѣ . прѣдъ іса . и видѣвъ вѣрѫ ихъ ре юмоу . чл҃вче ѿпоущаѭть ти ся грѣси твои. и начаша помышлꙗти . къниѩьници и фарисѣи глѭще . къто юсть сь иже глють хоулоу . кто можеть ѿпоущати грѣхы . тъкъмо юдинъ бъ . разоумѣвъ же ісъ помышлениѩ ихъ . ѿвѣщавъ ре имъ что помышлꙗюте въсрдцихъ вашихъ . чьто юсть оудобѣю рещи . ослаблюноуоумоу ѿпоущаѭть ти ся грѣси твои . ли рещи въстани и ходи . нъ да оувѣсте . ꙗко власть имать снъ чл҃вчь на земли ѿпоущати грѣхы. ре ослабленоуоумоу . тебѣ глѭ . въстани и възьми ложе твою. и иди въ домъ свои . и абию въставъ прѣдъ ними . възьмъ на немь же лежааше . иде въ домъ свои . слава ба и оужасѣ приѩть вьса . и славлꙗахѫ ба . и исплъниша ся страхомъ глѭще . ꙗко видѣхомъ дивьна дьньсь. ·:·

Сѫбо . г . ева. ѿ лоу . гла. ли . Лук. V, 27—32. Въ врѣмя оно . изиде ісъ . и оузьрѣ мытаря именемь левьгиѩ . сѣдяща на мытьници . и ре юмоу иди по мънѣ . и оставль вьсе . въставъ. въ слѣдъ юго иде . и сътвори чрѣждениѥ велиѥ левгиюмъ . въ домоу своюмь . и бѣ народъ мъногъ . мытари . и инѣхъ . иже

бѣахѫ съ нимь въꙁлежаще. и ръпътаахѫ кънижьници ихъ . и фарисеи . къ оучєникомъ єго . г҃лѭще . почто съ мытари и грѣшьникꙑ . ѣсть и пиєть . и ѿвѣщавъ і҃съ р҃е къ нимъ . не трѣбѫѭть съдравии врача . нъ болѧщеи . не придохъ приꙁъватъ правьдьникъ . нъ грѣшьникъ въ покаꙗние.

Іо. X, 1—9. (**Аминъ . аминъ . г҃лѭ вамъ. не въходѧи двьрьми въ дворъ овь**) [1] **чии . нъ прѣлаꙁѧи инѫдѣ тать єсть и раꙁбойникъ . а въходѧи двьрьми пастырь єсть овьцамъ . семоу двьрьникъ ѿвьрꙁаєть . и овьца гласъ єго слꙑшать . и своѩ овьца глашаєть по имени . и иꙁгонить ѩ . єгда же своѩ вьсѧ ижденеть . прѣдъ ними ходить . и овьца по немь идѫть . ꙗко видать гласъ єго . по щоуждемь же не идѫть . нъ бѣжать отъ него . ꙗко не ꙁнаѭть щоуждааго гласа . сиѭ притъчѫ р҃е имъ і҃съ . они же не раꙁоумѣша чьто бѣша . ꙗже г҃лааше имъ . рече же имъ пакꙑ і҃съ . аминъ аминъ г҃лѭ вамъ . аꙁъ єсмь двьрь овьцамъ . вьси єлико же приде ихъ прѣжде мене . татьє сѫть и раꙁбоиници . нъ не послоушаша ихъ овьца . аꙁъ єсмь двьрь . мъноѭ аще къто вънидеть с҃псеться и вънидеть . и иꙁидеть . и пажить обрѧщеть ⁘**

Туровскимъ названо это Евангеліе по мѣсту открытія въ Туровѣ (Минской губ., Мозырскаго уѣзда) и потому, что еще въ началѣ XVI вѣка оно принадлежало Туровской Преображенской церкви, какъ это видно изъ двухъ записей князя Константина Ивановича Острожскаго, помѣщенныхъ на поляхъ Евангелія. Отъ этой замѣчательной рукописи, представляющей чистый старославянскій языкъ, очень немного измѣненный русскимъ писцемъ, уцѣлѣло всего только десять листовъ (хранятся въ Виленской Публичной библіотекѣ). И. И. Срезневскій въ своемъ трудѣ: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ [2]) издалъ сполна всѣ уцѣлѣвшіе листы по подлиннику, а также представилъ чтеніе и сравненіе текста съ другими древними текстами. И еще раньше Срезневскій издалъ нѣсколько

---

[1]) Слова, поставленныя въ скобкахъ, взяты изъ Остромирова Евангелія.

[2]) Въ Сборникѣ II Отд. Ак. Наук. т. XII, статья XLV. Спб. 1874.

листовъ изъ этой рукописи въ XXXIII статьѣ „Свѣдѣній и замѣтокъ“ (Спб. 1867, стр. 30—33), и въ „Древн. слав. памятн. юсоваго письма“, стр. 168—172. Этой же рукописи посвящены два изданія: одно—прекрасный литографическій снимокъ со всѣхъ листовъ, приготовленный въ 1868 г. въ Петербургѣ, въ литографіи Бермелѣева (этимъ снимкомъ и мы пользовались при печатаніи настоящихъ отрывковъ); другое—тщательное типографское изданіе, сдѣланное П. Гильтебрандтомъ въ 1869 г. въ Вильнѣ.

3. Изъ Чудовской толковой Псалтыри XI в.

(По рукоп. Чуд. монаст. № 7).

Пс. 2. Въскѫѭ въꙁгърдишѧсѧ страны. и людие поѹчишѧсѧ тъштетьныимъ. присташѧ црѥ ꙁемьсции. и кнѧꙁи събьрашѧсѧ въкоупѣ на Га и на Ха ѥго. Растьргнѣмъ оѹꙁы ихъ. и отъвьрꙁѣмъ иго ихъ. Живыи на нбсе посмѣѥтьсѧ имъ. и Гь поржгаѥтьсѧ имъ. Тъгда бо речє въꙁглеть къ нимъ. гнѣвомъ своимь. и ꙗростиѭ своѥѭ съмѧ(те)ть ꙗ. Аꙁъ же поставленъ ѥсмь црь отъ него. На сионѣ горѣ стѣи ѥго и въꙁвѣштаꙗ повелѣние гнє. Гь речє къ мнѣ снъ мои ѥси ты. аꙁъ дьньсь родихъ тѧ. Проси отъ мене и дам ти ѩꙁыкъ причѧстиѥ твоѥ. и одьржаниѥ твоѥ коньць ꙁемлѧ. ꙗко оѹпасеть страны. жьꙁломь желѣꙁномь. съкрѹшить ихъ ꙗко съсѫдъı грьнъчарѧ скѹделника. нынѣ црє раꙁоѹмѣите накажѣтесѧ вьси сѫдѧштеи ꙁемли. Работаите Гви съ страхомь. и радоѹитесѧ ѥмоѹ съ трепетомь. Приимѣте накаꙁаниѥ. еда когда раꙁгнѣваѥтьсѧ Гь. и погыбнете отъ пѫти правьдьна. Ѥгда въꙁгоритьсѧ ꙗрость ѥго на вы въскорѣ. Блажени бо речє надѣѭштеисѧ нимъ ⁘

Пс. 85. Приклони Гн оѹхо твоѥ и оѹслыши (мѧ ꙗко нишь)ть и оѹбогъ ѥсмь аꙁъ. Съхрани дшѫ моѭ ꙗко прѣподобьнъ ѥсмь. Съпаси раба твоѥго бже мои. оѹпьваѭштааго къ тебѣ. Помилоуи мѧ Гн ꙗко къ тебѣ въꙁовѫ вьсь дьнь. Въꙁвесели дшѫ раба твоѥго. ꙗко къ тебѣ въꙁдвигохъ дшѫ моѭ. Ꙗко ты Гн благъ и кротькъ. и прѣмилостивъ вьсѣмъ приꙁываѭштиимъ тѧ. Вънѹши бже млтвѫ моѭ. и въньми гласъ молениꙗ моѥго. Въ дьнь печали моѥꙗ. въꙁъвахъ къ тебѣ. ꙗко оѹслыша мѧ. Нѣсть подобьнъ тебѣ въ бꙁѣхъ Гн. и нѣсть по дѣломъ твоимъ. Вьси ѩꙁыци елико

сътворилъ иеси . придоуть и поклонаться прѣдъ тобою ги . и прославать има твоє . яко великъ иеси ты и твора чоудеса . ты иеси бъ иединъ . Наведи ма ги на поуть твой . пойдоу въ истинѣ твоей . Да възвеселиться сьрдьце моє . боятиса имени твоего . Исповѣмьса тебѣ ги бже мой вьсѣмь сьрдцемь моимь . и прославлю има твоє въ вѣкъ . яко милость твоя велика на мнѣ есть . и избавилъ иеси дшж мож . отъ ада прѣисподьнааго . Боже безаконьници въсташа на ма и сънъмъ крѣпъкыихъ възискаша дша мож . Не прѣдъложиша тебе прѣдъ собож . И ты ги бже мой штедръ и милостивъ . тьрпѣливъ и прѣмилостивъ и истовъ . призьри на ма и помилоуй ма . Даждь дьржавж твож рабоу твоемоу . и спси сна рабы твоея . Сътвори съ мною знамение благо . И да възрать ненавидаштеи мене . и постыдаться . яко ты ги поможе ми и оутѣшилъ ма иеси.

Въ Чудовской Псалтыри (176 л., въ 4-ку), какъ и въ Туровскомъ Евангеліи, за выдѣленіемъ ошибокъ русскаго писца, видимъ послѣдовательно выдержанный чистый древнеславянскій языкъ. Выписки у И. И. Срезневскаго въ „Древн. памятн. рус. письма и языка“, 164—169 и въ „Древн. слав. памятн. юсоваго письма“ 172—175. Изслѣдованіе языка сей рукописи см. въ трудѣ Вяч. И. Срезневскаго: Древній слав. переводъ Псалтыри, Спб. 1877 26—38. Толкованія въ семъ спискѣ Псалтири принадлежатъ блаж. Өеодориту.

4. Изъ Саввиной книги Евангельскихъ чтеній XI в.

(По рукоп. Син. Типогр. библ. № 15).

на утрось рождьства хва ева ѿ ма . ѥско же рождство сице . съ пса въ не стххъ оць прѣдъ рождьствомъ . ѿ полу . а на литоур . Мат. II, 1—12. Ісоу рождьшюса вь виөьлеомѣ июдеисцѣмь . вь дни ирода цра . се вльсви отъ въстокъ придж въ ерслмъ гл҃жще . къде естъ рождъса црь июдеискъ . видѣхомъ бо звѣздж его на въстоцѣ . и придохомъ поклонитъса емоу . оуслышавъ же иродъ црь съматеса . и вьсь иерслмъ съ нимь и събравъ вса архиерел и кънижьникы людьскыл . и въпрашаше а къде хс раждаетъса . они же рѣша емоу . въ виөьлеомѣ

июдейстѣмь. тако бо пса҃ естъ пррⷪ҇мъ. и ты виѳлеоме ꙁемле июдова. иничимь же мьньши еси въ вл҃дка июдовахъ. ис тебе бо изидетъ вл҃дка. иже оупасетъ люди моя и иꙁлѣ. тогда иродъ таи призъвавъ вльхвы. испыта отъ нихъ врѣмя явльшаася звѣзды и посълавъ а въ виѳлеомъ рече. шъдъше испытаите извѣстьно о отрочати. егда же обрѧщете е повѣдите ми. да и азъ шъдъ поклонѫся емоу. они же послоушавъше цр҃а идошѧ. и се звѣзда юже видѣшѧ на въстоцѣ. идѣше прѣдъ ними. доньдеже пришъдъши ста на врьхоу. идеже бѣ отроча. видѣвъше же звѣздѫ въздрадовашаса радостиѭ велиѥѭ зѣло. и въшъдъше же въ храминѫ. видѣшѧ отроча съ мариеѭ мтериѭ его. и падъше поклонишѧся емоу. и отврьзъше съкровища принесошѧ емѹ дары. злато и ливанъ. и змурьнѫ. и отъвѣтъ приимъше въ сънѣ. не възвратишаса къ иродоу. нъ инѣмь пѫтьмь отидѫ въ странѫ своѭ.

∴ сѫ҃ е҃ евл҃ ѿ ма҃ гла҃ ѳ҃а. Мат. IX. 9—13. Въ оно҃ мимоиды іс҃ видѣ члка сѣдѧща на мытьници. именьмъ маѳеа и гл҃а емоу по мнѣ иди. и въставъ вь слѣдъ его идѣше. и бысть възлежѧщи емоу въ храминѣ. и се мнози грѣшьници. и мытаре пришъдъше възлежахѫ сь ісомъ. и оученици емоу. и видѣвъше фарисеи гл҃ахѫ къ оученикомъ его почто съ мытары и грѣшъникы оучитель вашъ ястъ. іс҃ же рече имъ. не трѣбоуѭтъ съдравии врача. нъ болѧщии. и вы шъдъше наоучитеса. что есть милости хощѫ. а не жрътвы. не приидъ бо правьдьникъ звать. нъ грѣшъникъ въ покаание ∴

сѫ҃ в҃ поста. евл҃ ѿ марк. Мар. I, 35—44. Въ оно҃ изиде іс҃ въ поусто мѣсто. и тоу моулѣше. и гънаша і симонъ и иже бѣхѫ сь нимь. и обрѣтъше і гл҃аша. емоу. яко вси ищѫтъ тебе. и гл҃а имъ. идѣмъ въ ближьниа вси и грады. да і тоу проповѣдѣ. на се бо изидъ. и бѣ проповѣдаѧ на съньмищихъ ихъ въ всеі галилеи. и бѣсы изгонѧ. и приде къ немоу прокаженъ молѧ. и на колѣноу падаѧ. и гл҃а емоу. аще хощеши можеши мѧ оучистити. іс҃ же милосрьдовавъ. простьръ рѫкѫ коснѫ сѧ і. и гл҃а емоу. хощѫ очистиса. и се рекъшю емоу абие отиде проказа отъ него. и чистъ бысть. и запрѣщь емоу отъпоусти і. и гл҃а емоу. блюди. никомоу же ничесо же не рьци. нъ шъдъ

покажиса ѥ҆рєѡви . и҆ принеси ꙁа ѻ҆чищєниѥ̑ твоѥ̑ . ѥ҆же повелѣ моиси . въ съвѣдѣтельство и҆мъ ⁘

нє҃ ги҃ єва҃ ѿ лоу҃ . г҃ ҁ҃ѯ҃і . Лук. XVIII, 18—27. Въ ѻ҆но҃ ѵ҃лкъ ѥ҆динъ приде къ і҆с҃ви . и҆скоушаѧ и҆ и҆ гл҃ѧ . оучителю благы . что сътворь животъ вѣчьны наслѣдьствоуѭ . рече ѥ҆моу і҆с҃ . что мѧ гл҃ешили блага . никто же благъ . тъкмо б҃ъ ѥ҆динъ . ꙁаповѣди вѣси . не оубиі . не прѣлюбы сткори . не кради . ни лъжи съвѣдѣтель бѫди . чьти ѻ҆ц҃а своѥ̑го и҆ м҃тере . ѻ҆нъ же рече ѥ҆моу . вса си съхранихъ ѻ҆тъ юности своѥ̑ѧ . слꙑшавъ же і҆с҃ рече ѥ҆моу . ѥ҆ще ѥ҆диного не доконьчалъ ѥ҆си . все ѥ҆лико и҆машили продаждь . и҆ даждь нищиімъ . и҆ и҆мѣти и҆машили съкровище на нб҃схъ . и҆ гради по мнѣ . онъ же слышавъ се . прискрьбьнъ бꙑстъ . бѣ бо богатъ ꙁѣло . видѣвъ же і҆с҃ прискрьбьна сѫща . рече неоудобь и҆мѫщиимоу богатьство . вь ц҃рсткіѥ̑ б҃жиѥ̑ вънити . оудобѣѥ̑ бо ѥ҆стъ вельбѫдоу скоꙁѣ и҆глинѣ оуши пройти . нежели богатоу вь ц҃рствиѥ̑ б҃жиѥ̑ вънити . рѣша же слышавъшеі . кто можетъ сп҃енъ бꙑти . ѻ҆нъ же рече . не въꙁможьно ѥ҆стъ ѻ҆тъ ч҃лкъ . а ѻ҆тъ б҃а въꙁможьна сѫтъ ⁘

нє҃ . и҃ пентикостина єва҃ ѿ і҆ѡа҃ гл҃ . на . Іо. VII, 37—51. Въ послѣдьниі д҃нь . праꙁникоу . стоꙗше і҆с҃ и҆ въꙁъпи гл҃ѧ . аще кто жаждетъ . да придетъ къ мнѣ . и҆ пиѥ̑тъ вѣроуѧ въ и҆мѧ . ꙗкоже рѣша кънигꙑ . рѣкꙑ ѻ҆тъ ребръ ѥ҆го истекѫтъ водѣ живѣ . се же рече ѻ҆ д҃сѣ . иже хотѣхѫ приімати вѣроующеі въ нь . не ю бо бѣ д҃хъ с҃тꙑ данъ . ꙗко і҃с не ю бѣ прославенъ . мноꙁи же ѻ҆тъ народа слышавъше слово се гл҃ахѫ . се ѥ҆стъ въ и҆стинѫ про҃ . и҆ ини гл҃ахѫ се ѥ҆стъ х҃с . ови гл҃ахѫ . ѥ҆да ѻ҆тъ галилеѧ градетъ х҃с . не кънигꙑ ли рѣша . ꙗко ѻ҆тъ сѣмене д҃ва . и҆ ѻ҆тъ виѳьлеѻ҆мꙑ веси . и҆деже бѣ д҃дъ . градетъ х҃с распьра же бꙑстъ ѥ҆го ради . и҆ни же ѻ҆тъ нихъ . хотѣхѫ ѧ҆ти і . нъ никто же не въꙁложи на нь рѫкѹ . придѫ же слоугꙑ къ с҃щенъꙑмъ . и҆ фарисеѡмъ . и҆ рѣша и҆мъ ѻ҆ни . почто не привєдосте ѥ҆го . ѻ҆тъвѣщаша слоугꙑ . николи же не гл҃а тако ч҃лкъ . ꙗко сь ч҃лкъ . ѻ҆тъвѣщаша и҆мъ фарисеі . ѥ҆да и҆ вꙑ прѣльсти . ѥ҆да кто ѻ҆тъ кънаꙁъ вѣрова въ нь . и҆ли ѻ҆тъ фарисеі . нъ народъ съ и҆же не вѣстъ ꙁакона проклѧти сѫтъ . гл҃а никодимъ къ нимъ . пришъдꙑ къ немоу нощиѭ . ѥ҆динъ сꙑ ѻ҆тъ нихъ . ѥ҆да ꙁаконъ нашъ ѻ҆сѫждаѥ̑тъ ч҃лка . аще не слышитъ

ѿ него прѣжде. и разоумѣеть что творить. еда ѿ галилеа прⷪ҇ приде. пакы же имъ іс рече гла. азъ есмь свѣтъ всемоу мироу. ходаі въ слѣдъ мене. не имать ходити въ тьмѣ нъ имѣти имать свѣтъ жизни·:·

Саввина книга Евангельскихъ чтеній издана вся вполнѣ И. И. Срезневскимъ въ Древн. слав. пам. юсоваго письма, стр. 1—154. Здѣсь же въ обозрѣніи (стр. 5—19) дано мѣсто описанію этой замѣчательной рукописи, хранящейся въ Типографской Синодальной библіотекѣ, въ Москвѣ. (См. также въ журналѣ: Archiv für slavische philologie, 1881, 4, 580—612, статью проф. Ягича: Das altslovenische Evangelistarium Pop Sava's).

5. Изъ Ватиканской глаголической книги Евангельскихъ чтеній.

(По изд. Срезневскаго въ Древн. глаголич. памятникахъ, Спб. 1866 г.)

Мат. XVIII, 10—17. Рече гь. блюдите [1]) и не нероднте о единомъ отъ малынхъ снхъ. глѭ бо вамъ. ѣко анћелы [2]) на небесехъ вынѫ [3]) видатъ лице оца моего иже естъ на нбхъ [4]). приде бо сынъ чл҃чь [5]) възнскатъ и съпасть погыбъшиихъ [6]). что же се вамъ мьнитъ [7]). аще бѫдетъ оу етера чка [8]). р̄. овецъ. и заблѫдитъ едино [9]) отъ нихъ. не оставитъ ли десати [10]) десатъ и девать на горахъ. и шедъ [11]) ищетъ заблѫждьшааго [12]). и аште обраштетъ са [13]). аминь аминь. глѭ вамъ. ѣко радоуетъ са о неи паче неже ли о девати десатъ и девати незаблѫждьшинхъ. тако нѣсть волѣ прѣдъ оцмъ вашимъ [14]) нбсимъ. да погыбнетъ едино [15]) отъ малыихъ снхъ. аште же съгрѣшитъ [16]) братръ [17]) твои. иди и обличи и междю собою и тѣмъ единѣмъ. и аще тебе послоушаетъ. приобраштеши брата своего. аще ли тебе не послоушаетъ. пакы поими съ собоѭ единого ли [18]) дъва. да въ оустѣхъ дъвою ли треи [19])

Варіанты изъ Остромирова Евангелія: [1]) блюдѣтеса. [2]) ангели ихъ. [3]) выинѫ. [4]) нбсьнааго. [5]) члвчьскыи. [6]) погыбъшааго. [7]) чьто са мьнитъ вамъ. [8]) етероу дроугоуоумв члвкоу. [9]) едина. [10]) девати. [11]) шъдъ. [12]) заблѫжьшаа. [13]) аще бѫдеть обрѣсти ѭ. [14]) вашимь. [15]) юдинъ. [16]) + къ тебѣ. [17]) братъ. [18]) или. [19]) трии.

съвѣдѣтель станетъ вѣкъ глаголъ. аште же не послоушаетъ ихъ рьци цръкви. аще же и о цръкви не родити въчьнетъ [1]. да бѫдетъ ти ѣко и ѩзычьникъ и мытарь.

Іо. 1, 1—17. Искони бѣ слово. и слово бѣ оу [2] Б҃а. и Б҃ъ бѣ слово. Се бѣ искони оу Б҃а. вьсѣ тѣмъ бꙑша [3]. и беж [4] него ничесоже [5] бысть. еже бысть. въ томъ живот бѣ. и живот бѣ свѣтъ чловѣкомъ. и свѣтъ въ тьмѣ свѣтитъса. и тьма его не обат. Бысть ч҃къ посъланъ отъ Б҃а. имѧ емоу Иоанъ. сь [6] приде въ свѣдѣтельство. да свѣдѣтельствуетъ о свѣтѣ [7]. бѣ свѣтъ истиньнъ [8]. иже просвѣштаетъ въсѣкого ч҃ка иджштааго [9] въ миръ. въ мирѣ бѣ. и миръ тѣмъ бы҃. и весь миръ его [10] не прьꙗтъ [11]. елико же ихъ приꙗтъ и дасть имъ [12] область чадомъ б҃жиемъ быти. вѣрѫющиимъ [13] въ имѧ его. иже не [14] отъ кръве. ни отъ похоти плътьскꙑѩ. ни отъ похоти мѫжьскы. нъ отъ Б҃а родишаса. И слово плъть бысть. и въселиса въ ны. и видѣхомъ славѫ его. славѫ ѣко иночадаго [15] отъ о҃ца. исплънъ благодѣти [16] истины. Иоанъ съвѣдѣтельствоуетъ [17] о немъ. и възъва. г҃ла. сь бѣ. его же рѣхъ. грѧды по мьнѣ. прѣдъ мьноѭ бысть. ѣко прьвѣи мене бѣ. и отъ исплънениѣ его мы вси приꙗсомъ [18] благодѣть [19] възблагодѣть [20]. ѣко Мосеомъ законъ [21] данъ бы҃. благодѣть [22] и истина И҃с Х҃мъ бысть.

Іо. 1, 35—42. Въ оно врѣмѧ стоѣаше [23] Иоанъ и отъ оучениікъ его дъва [24]. оузьрѣ же И҃са ходѧща [25] и г҃ла. се агнецъ б҃жи [26]. и оуслышасте [27] и оба оуч҃ка глаголѭща [28]. и по Исоусѣ идосте [29] и обращь [30] сѧ И҃съ. и видѣвъ ѩ по себѣ идѫща г҃ла има. чьто хощета [31]. она же рѣсте [32] емоу. равви. еже глаголетъ сѧ сказаемо оучителю. кьде живеши. г҃ла има при-

---

[1]) нечьнеть. [2]) отъ. [3]) и тѣмь вс҃а быша. [4]) без. [5]) ничьтоже не. [6]) тъ. [7]) + да вьси вѣрѫ имѫть имь. не бѣ тъ свѣтъ нъ да съвѣдѣтельствоуіеть о свѣтѣ. [8]) истиньныи. [9]) грѧдѫща. [10]) + не позна. въ свои приде и свои его. [11]) не приꙗша. [12]) имъ. [13]) вѣроующиемъ. [14]) ни. [15]) ѥдиночадааго. [16]) благодати и. [17]) съвѣдѣтельствова. [18]) приꙗхомъ. [19]) благодать. [20]) благодать. [21]) ꙗко законъ мосеомь. [22]) благодать. [23]) стоꙗше. [24]) + и. [25]) идѫща. [26]) б҃жии [27]) слышаста. [28]) г҃лѭщь. [29]) идоста. [30]) обращь же. [31]) чьсо ищета. [32]) рѣста.

дѣта [1]) видита. Придосте [2]) же и видѣста. кьде живѣаше [3]). и бысте [4]) оу него денет [5]). Година же бѣ ѣко дьсатаѣ [6]). бѣ же Андрѣа братръ [7]) Сїмона Петра єдїнъ отъ обоѭ слышавъшюю отъ Иоана и по немъ шедъшюю. обрѣте сь прѣжде братра [8]) своего Сїмона. и гла емоу. Обрѣтомъ [9]) месиѭ. еже есть ськазаемъ [10]) Хсъ. и приведе и къ Исы [11]) възьрѣвъ же на нь Исъ. и рече. тъи єсї Сїмонъ сынъ Иониинъ. тъи наречеши сї [12]) кїфа. еже съказает са Петръ.

Іо. IV, 5—14. Вънидє [13]) Исъ въ градъ Самаренскъ. нарицаемы Соухарь. искрь [14]) въси. ѭже дастъ Иаковь Иосифоу сыноу своемоу. бѣ же тоу стоуденець [15]). година же бѣ ѣко шестаа. и приде жена отъ Самариѩ поурьпатъ [16]) воды. гла ей Ис. даждь ми пити. оученици бо его ошьли бѣахѫ въ градъ. да брашьна [17]) коупатъ. гла емоу жена Самарѣныни. како ты Июдеи сы просиши оу мене пити [18]) жены Самарѣныни сѫщѧ. не прикасаѭтъ бо са Июдеи Самаранехъ. Отвѣща Ис. и рече ей. аще би [19]) вѣдѣла даръ бжи [20]). и кьто есть глѧи ти. даждь ми пити. ты би [21]) просила оу него. и далъ ти би [22]) водѫ живѫ. гла емоу жена. ни поурьпальника имаши. и стоуденець есть глѫбокъ [23]). отъкѫдѣ [24]) оубо имаши водѫ живѫ. еда ты болии еси оца нашего Иакова. иже дасть намъ стоуденець. и тъ из него питъ [25]). и сынове его. и скоти его. Отъвѣщавъ Ис рече [26]). ей. всѣкъ пиѩи отъ воды сеѩ. вжадѣждет [27]) са пакы. а иже пиетъ отъ воды. ѭже азъ дамъ емоу. не иматъ въжадати са [28]) къ вѣкъ. нъ вода. ѭже азъ дамъ емоу. бѫдетъ въ немъ источьникъ воды въскачѫштаѩ [29]) въ живот вѣчьныи.

Іо. XIX, 38—42 Въ о͡н [30]). Просї Иса оу Пилата Иосифъ їже отъ Аримаѳеа. сыи оученикъ Исвъ таимъ же за страхъ [31]) Июдейскь

---

[1]) + и. [2]) придоста. [3]) живѣше. [4]) прѣбыста. [5]) дьнь тъ. [6]) десатаи. [7]) братъ. [8]) брата. [9]) обрѣтохомъ. [10]) съказаѥмыи. [11]) Иїсви. [12]) са. [13]) приде. [14]) близь. [15]) + иаковль. Иїсъ же троуждьса отъ пѫти. сѣдѣаше тако на стѫденьци. [16]) поурѣтъ. [17]) брашьно. [18]) отъ мене пити просиши. [19]) бы. [20]) бжии. [21]) бы. [22]) бы. [23]) глѫбокъ ѥсть. [24]) отъкѫдоу. [25]) пи. [26]) отъвѣща Иїсъ и рече. [27]) въжаждеть. [28]) въжадатиса. [29]) истѣкаѭщаѩ. [30]) въ врѣма оно. [31]) страха ради.

да възьметъ тѣло ѩсво [1]). Приде ж и никодим. пришедъı къ ѩсві нощиѭ прѣжде. несъı съмѣшеніѥ . змурно и алгоино . ѣко и литръ съто . пріасте же тѣло ѩсво. и обіисте ѥ рizамі. съ ароматъı . ѣко же объıчаи ѥстъ июдеомъ погрѣбаті . Бѣ же на мѣстѣ идѣ же и распаса [2]). врътъ [3]) и въ врътѣ [4]) гробъ новъ . въ немъ же николи же никто же не бѣ положенъ . тоу же за параскевьїѫ июдеискѫ . ѣко близъ бѣ [5]) гробъ . положисте [6]) ѩса .

Ватиканское или Ассеманіево Евангеліе, вывезенное патеромъ І. С. Ассемани въ 1736 г. изъ Іерусалима, издано, глаголицей, Фр. Рачкимъ, въ Загребѣ, 1865. Въ введеніи помѣщено изслѣдованіе о семъ Евангеліи проф. В. Ягича. И. И. Срезневскій издалъ по подлиннику, кириллицей, нѣсколько чтеній изъ сего Евангелія сравнительно съ Остромировымъ спискомъ. Въ 1878 г. вновь издалъ это Евангеліе, латинскими буквами, I. Črnčić, въ Римѣ.

6. Изъ Аѳонскаго Григоровичева глаголическаго четвероевангелія XI в.

(По изд. Срезневскаго въ Древн. глагол. памятн.)

Мат. XX, 1—16. **Подобьно естъ цсрствие небеское [7]) чл҃вкоу домовитоу . иже [*]) изиде коупьно утро [8]). наатъ [9]) дѣлателъ винаградоу своемоу [10]). съвѣщавъ же съ дѣлателъı . по пѣназоу на день . посъла ѩ въ виноградъ свои . и шедъ въ третиѭ годинѫ . видѣ инъı на тръжищи стоѩшта праздънъı . и тѣмъ рече идѣте и въı въ виноградъ мои и еже бѫдетъ правъда дамъ вамъ. они же идѫ [11]). пакъı же шедъ въ шестѫѭ и въ деватѫѭ годинѫ. сътвори такожде. въ единѫѭ же на десате годинѫ шедъ. обрѣте дроугъıѩ стоѩшта праздънъı и гл҃а имъ чъто [12]) стоите сьде весь день. праздьни. и гл҃аша емоу ѣко**

---

[1]) + и повелѣ пилатъ. приде же и възѧ тѣло ис҃сово. [2]) распѩша [3]) вьртьпъ. [4]) въ вьртьпѣ. [5]) бѣаше. [6]) положиста

Варіанты изъ Остромирова Евангелія: [7]) нб҃сьнок. [8]) заоутра. [9]) наѩти. [10]) въ виноградъ свои. [11]) идоша. [12]) чьсо.

[*]) ч поставлено вмѣсто глаголическаго знака Ⰹ, для отличенія его отъ знака Ⰹ=ї.

никтоже насъ не наатъ [1]). гла имъ идѣте и вы въ виноградъ мои. и еже бѫдетъ правъда. приимете. вечероу же бывшю [2]). гла гнъ [3]) винограда. къ пристакьникоу своемоу. призови дѣлатела и даждь [4]) имъ мъздѫ. начень отъ послѣдьниихъ до прьвыихъ. пришедъше же иже въ единѫѭ на десате годины. прнаса [5]) по пѣнязю. и пришедъше прьвии мьнѣахѫ са ваште приати. и приаса [6]) по пѣназоу. приемъше же ръптаахѫ на гнъ глѭште. како сьа послѣдьнаа. единъ часъ сътвориша. и равьны намъ сътворилъ а еси. понесъшеимъ таготѫ дьне и варъ. онъ же отъвѣщавъ рече единомоу ихъ. дроуже не обиждѫ тебе. не по пѣнагоу ли съвѣштахъ съ тобоѭ. възьми свое и иди. хоштѫ же семоу послѣдьнюмоу дати ѣко и тебѣ. или нѣстъ ми лѣть сътворити въ своихъ ми еже хоштѫ [7]). аште око твое лѫкаво естъ ѣко азъ благъ есмъ. тако бѫдутъ послѣдьнии прьвии и прьвии послѣдьнии. мънози во сѫтъ зъвании мало же изъбранъіихъ.

Мар. IV, 3—9. [8]) Се изиде сѣаи сѣатъ. и бысть егда сѣаше ова падѫ на пѫть и придѫ птица и позобаша ѣ. а дроугое паде на каменьнѣемъ идеже не имѣ земла мъногы и абье прозабе зане не имѣаше глѫбины земьныа. слъньцоу же въсиѣвъшю присваде. и зане не имѣша корениѣ оусъше. и дрогое паде въ тръиии и възиде тръние и пдави е и плода не дастъ. и дроугое падъ на земи добрѣ и даѣше плодъ въсхода и расты. и приплоди ово тридесати ово м. ово съто. и глаше. имѣаи оуши слышати да слышитъ.

Лук. XV, 1—10. Бѣахѫ же къ немоу приближаѭштеса вьси мытаре и грѣшьници послоушатъ его. и роптаахѫ фарисѣи и кънижьници глѭште. ѣко сь грѣшьникы приемлеть. и съ ними ѣстъ. Рече же къ нимъ притъчѫ сию гла. кы члвкъ отъ васъ имы съто овецъ. и погоубль единѫ отъ нихъ. не оставитъ ли деватидесатъ и девати въ поустыни и идетъ въ слѣдъ погыбшаа. доньдеже обраштетъ ѭ. и обрѣтъ възлагаатъ на рамѣ свои ра-

---

[1]) + и. [2]) бывъшоу [3]) гь. [4]) даи. [5]) прияша. [6]) прияша. [7]) еже хощѫ въ своихъ ми. [8]) Въ Остром. спискѣ нѣтъ сего чтенія, а также и слѣдующаго (Лук. XV, 1—10).

доуаса . н принедъ въ домъ съѕываатъ дроугы н сѫсѣды гл҃а нмъ радоуитеса съ мъноѭ . ѣко обрѣтъ овъцѫ моѭ погыбъшѫѭ. гл҃ѭ вамъ . ѣко тако радость бѫдетъ на н҃бсе о едномъ грѣшъницѣ каѭштнса неже о деватндесатъ н девати праведъницѣхъ иже не трѣбоуѭтъ покааниѣ лн. каѣ жена нмѫшти десатъ драгмъ . аште погоубитъ драгмѫ еднѫ . не въжнѕаатъ лн свѣтильника н помететъ храмины ѵ иштетъ прилежъно доньдеже обраштетъ н обрѣтъши съѕываатъ дроугы н сѫсѣдынѣ гл҃ѭшти . радоунтеса съ мъноѭ ѣко обрѣтъ драгмѫ ѭже погоубихъ . Тако гл҃ѭ вамъ радость бываатъ прѣдъ а҃лы б҃жии о едином грѣшъницѣ каѭштнимъса.

Іо. XVIII, 2—13. Вѣдѣаше же нюда нже н прѣдааше мѣсто. ѣко мъножицеѭ [1]) събираашеса іс҃ тѫ съ оучєникы своими . Нюда же пріемъ спирѫ . ѵ отъ архиереи . н фарисѣи слоугы. приде тамо съ свѣтилы [2]) ѵ свѣштами н орѫжии Іс҃ же вѣды вьсѣ градѫштаа [3]) на нь . ѵ шедъ рече нмъ коко [4]) иштете. отъвѣшташа емоу . іс҃ [5]) наѕарѣа . гл҃а нмъ іс҃ азъ есмъ стоѣаше же нюда нже н прѣдааше съ ними. да ѣко рече нмъ азъ есмъ . идѫ [6])въспать . н падѫ [7]) на ѕемн . пакы же а въпроси іс҃ . кого иштете . они же рѣша [8]) іс҃а наѕарѣа . отъвѣща іс҃ . рѣхъ [9]) вамъ ѣко азъ есмъ. аште мене иштете. не дѣите сихъ ити . да съб҄одетъса слово еже рече . ѣко аже далъ еси мьнѣ. не погѫбихъ никого же отъ нихъ . Симонъ же петръ имы [10]) ножъ нѕвлѣче н . н оудари архиереова раба . ѵ оурѣѕа емоу оухо десное . бѣ же нма рабоу малхъ . рече же іс҃ъ петрови . вьньѕи ножъ въ ножьницѫ . Чашѫ ѭже дастъ мьнѣ от҃цъ не нмать [11]). лн пити еѣ . спира же н тысѫштъникъ [12]). ѵ слоугы нюдеискы аса [13]) іс҃а н съвѧѕаша н. Ѵ вѣса [14]) н къ аннѣ прѣвѣе . бѣ бо тьсть каиѣфѣ.

Этотъ драгоцѣнный памятникъ найденъ В. И. Григоровичемъ, во время его извѣстнаго путешествія по Аѳону и славянскимъ

[1]) мъногашьди. [2]) съ свѣтильникы. [3]) вьсе идѫщеѥ. [4]) кого. [5]) і҃ іса. [6]) идоша. [7]) падоша. [8]) рекоша. [9]) рекохъ. [10]) имѣѭ. [11]) нмамъ. [12]) тысащьникъ. [13]) ѩша. [14]) ведоша.

землямъ, въ Аѳонскомъ скитѣ Богородицы и въ 1877 г. поступилъ въ собственность Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ. Подробное описаніе его, съ приложеніемъ извлеченій изъ текста, см. въ статьѣ Григоровича, въ Изв. 2-го Отд. **Ак. Н.** 1852 г., II, 242—246 и въ трудѣ И. И. Срезневскаго: **Древн.** глагол. пам. Спб. 1866, 91—115 (съ листомъ снимковъ). Сл. **также** Шафарика Památky hlah. písemnictví, v Praze, 1853, VIII—**IX** и 47—50, и Miklosich Slav. Bibliothek, Wien, 1851, 1, 261—**263**.

7. Изъ Зографскаго глаголическаго четвероевангелія XI в.

(По изд. проф. В. Ягича, въ Берлинѣ, 1879 г.)

Мат. XI, 27—35. **І * прѣходѧштю ис҃ки . по немь ідете в҃ слѣпьца [1]) . ʒовѫшта і глѫшта . помилоуі ны іс҃ сн҃е дав҃ъ . пришьдъшоу же емоу въ домъ . пристѫписте [2]) къ немоу слѣпьца . і гла има . іс҃ вѣроуета ли . ѣко могѫ се створити . гласте [3]) емоу. еі г҃и . тъгда коснѫ ѣ въ очи [4]) гла . по вѣрѣ ваю бѫди вама. і отврьʒосте сѧ очи има . і ʒапрѣти има іс҃ . гла . блюдѣта да никтоже не оувѣсть . она же шедъша [5]) прослависте [6]) и по всеи ʒемли тои . тѣма же исходаштема . се принѣсѧ [7]) чк҃ъ къ немоу . нѣмъ бѣсенъ . і иʒгънаноу бѣсоу . прогла нѣмы . і дивишасѧ народи глѫште . николиже авѣ [8]) сѧ тако въ іи҃л . Фарисеи же глахѫ . о кънѧʒи бѣсъ иʒгонитъ бѣсы . і прохождаше іс҃ . грады вьсѧ і веси . оуча на сънъмиштихъ [9]) ихъ . і проповѣдаѩ еваћлие црс҃твие . і ицѣлѣѩ вьсѣкъ недѫгъ і вьсѣкѫ ѩʒѫ въ людехъ.**

Мат. XXVIII, 1—20. **Въ вечеръ же сѫботъны . свитаѭшти въ прьвѫѭ сѫботѫ [10]) . приде марие магъдалыни . і дроугаѣ марие видѣтъ гроба . і се трѫсъ бысть велиі [11]) . анћлъ [12]) бо г҃нь**

Варіанты изъ Остромирова Евангелія: [1]) **идоста дъва слѣпьца.** [2]) **пристѫписта.** [3]) **гласта.** [4]) **прикоснѫсѧ очесоу има.** [5]) **ишъдъша.** [6]) **прослависта.** [7]) **приведоша.** [8]) **авѣ.** [9]) **съборищихъ.** [10]) **свитаѭштоу пьрвоуомоу въ сѫботы.** [11]) **велиѥ.** [12]) **анћгелъ.**

* **І** соотвѣтствуетъ глаголическому Ⰺ.

сьшьдъ съ нбсе. і҆ пристѫпь отъвали камень ѿтъ двьрі гроба. і седѣаше на нѥмь. бѣ же зракъ его. ѣко мльни. і҆ одѣние его бѣло ѣко снѣгъ. ѿтъ страха же его [1]) сътрасошѧ сѧ стрѣгѫштеі. і҆ бѣшѧ ѣко мрътви. отъвѣштавъ же агглъ рече женама. не боита вы сѧ. вѣмь бо ѣко і҆са. пропѧтаего [2]) і҆штета. нѣстъ сьде. въста бо. ѣкоже рече. придѣта видита мѣсто. і҆деже лежа хъ [3]). і҆ скоро шьдъши. рьцѣта оученикомъ его. ѣко въста отъ мрътвыхъ. і҆ се варѣетъ вы въ галилеи. тоу і оузьрите. се рѣхъ [4]) вама. і҆ ошьдъши [5]) скоро отъ гроба. съ страхомь і҆ радостиѭ велиеѭ [6]). тѣсте [7]) възвѣститъ оученикомъ [8]). егда же і҆дѣашете [9]) възвѣститъ оученикомъ его. і҆ се ис. сърѣте і гла. радоуі҆та сѧ [10]). онѣ же пристѫпьши. ѩсте сѧ [11]) за нозѣ его. і҆ поклонисте сѧ емоу. Тъгда гла і҆ма ис. не бої҆та сѧ. і҆дѣта і҆ възвѣстита братрії [12]) моеи. да і҆дѫтъ въ галилеѭ і҆ тоу мѧ видѧтъ. і҆дѫштема же і҆ма. сь ѥтеры [13]) отъ коустодиѩ. пришьдъше въ градъ. възвѣстишѧ а҆рхиереомъ вьсѣ бывшаа. і҆ събърашѧ сѧ старци. съвѣтъ же сътворьше. сърѣбро много дашѧ воиномъ. глѭште. рьцѣте. ѣко оученици его нощиѭ. пришьдъше оукрадошѧ і намъ съпѧштемъ. і҆ аште се оуслышано бѫдетъ. оу і҆гемона [14]). мы оутолимъ і. і҆ вы бес печали сътворимъ. они же приимъше сърѣбро. сътворишѧ ѣкоже наоучени бышѧ. і҆ промьче сѧ [15]) слово се. въ і҆юдеі҆хъ до сего дне. Єдинъ же на десѧте оученикъ і҆дошѧ въ галилеѭ въ горѫ ѣможе повелѣ і҆мъ ис. і҆ видѣвъше и [16]) поклонишѧ сѧ емоу. ови же оусѫмьнѣшѧ сѧ. і҆ пристѫпль ис. рече і҆мъ гла. дана ми естъ вьсѣка власть. на нбсе і҆ на земли. шьдъше оубо наоучите вьсѧ ѩзыкы. крьстѧшта [17]) ѩ. въ и҆мѧ оц҃а і҆ сн҃а і҆ ст҃аго дх҃а. оучѧшта [18]) ѩ блюсти. вьсѣ елико заповѣдѣхъ вамъ. і҆ се азъ съ вами есмь. вьсѧ дни. до съконьчаниѣ вѣка. а҆минь: ⁘

---

[1]) того. [2]) распѧтааго. [3]) гь. [4]) рекохъ. [5]) отъшьдъши. [6]) великоѭ. [7]) текостѣ. [8]) + его. [9]) ѩкоже идѣаста. [10]) радоуитесѧ. [11]) и. [12]) идѣта повѣдита братии. [13]) се нѣкотории. [14]) игемона. [15]) пронесесѧ. [16]) его. [17]) крьстѧще. [18]) оучѧще.

Мар. XI, 1—10. [1]) І егда приближисѧ въ ил҃мъ . въ витаѳнѭ . ї виѳаниѭ . къ горѣ єлеѡньсцѣ . посъла дъва ѿтъ оучєникъ своїхъ . ї гл҃а їма . їдѣта въ вьсь ѣже естъ прѣмо вама . ї абье въходѧшта вь нѭ . обрѧщетета жрѣбьць привѧзанъ . на немьже нѣстъ не оу никтоже отъ чл҃къ вьсѣлъ . ѿрѣшьша і приведѣта . ї аште вама къто речетъ чьто се дѣета . рьцѣта ѣко г҃ь трѣбоуєтъ . І ї абье пакы посълетъ і сѣмо . їдосте же ї обрѣтосте жрѣбьць привѧзанъ . при дверехъ . вьнѣ на распѫтиі . ї отрѣшаашете і . ї єтери ѿтъ стоѭштиіхъ тоу . гл҃аахѫ їма . чьто дѣєта ѿрѣшаѭшта жрѣбьць . ѡна же рѣста їмъ . ѣкоже заповѣдѣ ис҃ . ї оставиша ѣ . ї приведоста жрѣбьць къ ісви . ї възложиша на нь . ризы своѩ . і вьсѣде на нє . мнози же ризы своѩ постилаахѫ по пѫти . а дроузиі вѣтвє рѣзаахѫ ѿтъ дрѣвъ . ї постилаахѫ по пѫти . ї прѣдьходѧштеі . і въ слѣдъ ходѧштеі . въпьѣхѫ глѭште . ѡсанна бл҃гвнъ грѧдаи въ їмѧ гн҃е . бл҃гвно грѧдѫштее цр҃сьє . въ їмѧ г҃и оц҃а нашего дв҃да . Ѡсанна въ вышьниіхъ .

Лук. VI, 17—23. І сьшьдъ съ ними ста на мѣстѣ равьнѣ . ї народъ оучєникъ его . ї множьство много людїи . отъ вьсеѩ їюдеѩ . ї ил҃ма . ї поморьѣ тѵрьскаѣ . ї сидоньска . їже придѫ [2]) послоушатъ его . ї ицѣлити сѧ [3]) . отъ недѫгъ своїхъ . ї стражд ѫштеі . отъ дх҃ъ нечистъ [4]) . цѣлѣахѫ сѧ . ї вьсь народъ ськааше прикасати сѧ емь . ѣко сила їз него їсхождааше . ї ицѣлѣааше вьсѧ . І тъ възведъ очи своі . на оучєникы своѩ гл҃ааше . Блажени ништиі дх҃омь . ѣко ваше естъ цр҃ствие бж҃ие . Блажени алчѫштеі нынѣ . ѣко вы насытите сѧ . Блажени плачѫштеі сѧ нынѣ . ѣко вы въсмѣєте сѧ . Блажени бѫдете . єгда възненавидѧтъ вы чл҃ци . ї егда разлѫчѧтъ вы . ї пронесѫтъ їмѧ ваше . ѣко зъло сн҃а чл҃скаго ради . въздрадоуїте сѧ въ тъ дьнь . ї възиграїте [5]) се мъзда ваша многа на небесехъ . по сихъ бо творѣахѫ пророкомъ оц҃и їхъ .

Іо. XXI, 1—14. По семь ѣви сѧ пакы ис҃ . оучєникомъ своїмъ

---

[1]) Въ Остр. спискѣ этого чтенія нѣтъ. [2]) придоша. [3]) исцѣлитъ сѧ. [4]) нечистыихъ. [5]) възиграитесѧ.

імъ . на мори тивериѣдьсцѣмь [1]). ѣви же са сице [2]). бѣахѫ въ коупѣ симонъ петръ . і ѳома нарицаемꙑ близньць . і натанаілъ [3]). іже бѣ отъ кана галилеіскꙑ . і сна зеведѣова . і ина два отъ оученикъ его . гла імъ симонъ петръ . ідѫ рꙑбъ ловитъ . глаша емоу . ідемъ і мꙑ съ тобоѭ . і идѫ і вьсѣдѫ [4]) въ корабль. і [5]) въ тѫ нощь не ѩша ничесоже оутроу же абие бꙑвъшю. ста ис . при брѣзѣ . не познаша же оученици ѣко ис . естъ гла же імъ ис . дѣти . еда чьто сънѣдьно імате . отъвѣщаша же емоу ни . онъ же рече імъ . въврьзѣте о деснѫѭ странѫ [6]) мрѣжа і обрящетете . въвръгѫ [7]) же і къ томоу не можаахѫ привлѣщи еѩ . отъ множьства рꙑбъ. гла же оученикъ егоже любляаше ис петрови . гь естъ . симонъ же петръ слꙑшавъ ѣко гь естъ . епендитомь прѣпоѩса са . бѣ бо нагъ . і въвръже са въ море . а дроузи оученици корабьницемь [8]) приидѫ [9]). не бѣша бо далече отъ земла . нъ ѣко дьвѣ сътѣ лакътъ . влѣкѫще мрѣжѫ рꙑбъ . ѣко ізлѣзѫ [10]) на землѫ . видѣша огнь лежащь. і рꙑбѫ на немь лежащѫ і хлѣбъ . гла імъ ис . принесѣте отъ рꙑбъ ѩже ѩсте нꙑнѣ. Вьлѣзе [11]) же симонъ петръ . і [12]) извлѣче мрѣжа [13]) на землѭ. плънѫ велиіхъ [14]) рꙑбъ. съто і пать десатъ і три [15]). толикоу сѫщю не протръже са мрѣжа . гла імъ . ис . приидѣте обѣдоуіте . і никтоже не съмѣаше отъ оученикъ . істазати [16]) тꙑ кто еси . вѣдѫще ѣко гь естъ . Приде же ис . і приатъ хлѣбъ. і дастъ імъ . і рꙑбѫ такожде . Се юже [17]) третици [18]) ѣви са ис. оученикомъ своімъ . въставъ отъ мрътвꙑхъ [19])

Зографское Евангеліе, названное такъ по мѣсту открытія въ Зографскомъ, на Аѳонѣ, монастырѣ, было принесено въ даръ Зографскими монахами покойному Государю Императору въ 1860 г. и хранится теперь, въ драгоцѣнномъ переплетѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ. Проф. Ягичъ еще въ 1877 г. помѣстилъ въ своемъ журналѣ: Archiv für slav. philol. (I. 1—55, II.

---

1) **Въ врѣмѧ оно . ѩвиса ис оученикомъ своимъ. въставъ отъ мьртвꙑихъ на мори тиверіадьстѣемь.** 2) **тако.** 3) **наѳанаилъ.** 4) **и изидоша и въсѣдоша.** 5) + **абие.** 6) + **корабла.** 7) **въвьргоша.** 8) **корабицемъ.** 9) **придоша.** 10) **излѣзоша.** 11) **вълѣзъ.** 12) і опущ. 13) **мрѣжѫ.** 14) **великꙑихъ.** 15) **.р. и. н. и .г .** 16) + **его.** 17) **оуже.** 18) **третиѥѥ.** 19) **мьртвꙑихъ.**

201—269) изслѣдованіе о языкѣ этого памятника, а въ 1879 г. въ Берлинѣ издалъ палеографически евангельскій текстъ. См. также описаніе, съ приложеніемъ извлеченій изъ текста, И. И. Срезневскаго въ Древн. глаг. пам. 115—156.—Ватиканскій, Аѳонскій Григоровичевъ и Зографскій списки Евангелія принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ и важнѣйшимъ памятникамъ древнеслав. глаголической письменности по своей древности (всѣ они не позднѣе XI в.), а также по фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ языка. Отмѣтимъ частое употребленіе прошедшихъ простыхъ, сигматическаго: принесомъ, вѣса=ведоша, чиса=чьтоша, ѣса=ядоша, пропаса, и друѓаго, безъ х и ш или с: азъ обрѣтъ, мы обрѣтомъ, идомъ, придж, издж, бж=бъіша (Зогр: да бж і низърнижли 144. да бж слъішали 145); окончаніе 3 л. ед. наст. на ѣатъ, аатъ, вм. ѣетъ, аетъ (Григор: разоумѣатъ, вънжіаатъ, вънимаатъ); окончаніе 3 л. двойств. ч. на є, вм. а: есте, рѣсте, приасте, глаголасте, бждете (во всѣхъ трехъ спискахъ); причастіе наст. вр. на а, вм. ы: грядаи, живаи, саі, ѣдаи, неса (Зогр., у Ягича XXIV); двучленное склоненіе прилаг. и причастій: новаего, грядаштаего, иноуждаего, посълавъшюемоу (Зогр., у Срезн. 152); форму братръ, вм. братъ; употребленіе ђ присмягченіи г въ словахъ иностранныхъ: еванђеліе, анђелъ, Леуђиінъ (во всѣхъ спискахъ); употребленіе т и д вм. ѳ: Тома, голгота, Витаниѣ, марта, виндсандъі и т. д.

8. Изъ Сборника поученій графа Клоца (Glagolita Clozianus) XI в.

(По изд. Копитара, Vindobonae, 1836.)

с҃таго епіфаниѣ, архіепискоупа купрьскааго, о погребенії тѣла г҃нѣ, и б҃а нашего и҃у х҃а; и о иосифѣ иже отъ ариматѣѩ, и никодимѣ; и о сьни(ти)ї г҃и нашего гробьнѣмь, по съпасении муцѣ дивъно бънкъшю.

Чъто се дьнесь безмлъвье много на земи? чъто се безмлъвье много, и млъчанье много? безмлъвье много, ѣко цесарь съпитъ. земля оубоѣса, и оумлъча, ѣко б҃ъ плътьѭ оусъпе; б҃ъ плътьѭ оумрѣтъ, и адъ въстрепета; б҃ъ въ малѣ оусъпе, и съпаштаѩ отъ вѣка отъ адама въскрѣси. къде нънѣ сѫтъ вчерашьнаѩ млъвъі, и гласи, и гпворы бывшаѩ на х҃а отъ законопрѣстѫпьникъ. къде народї, и воиї,

и ѵнии, и орѫжьѣ, и дрѣколї. кѫде цѣсаре, и їереи, и сѫдьи осѫждеными. кѫде свѣшта и мечи, и говори бешїсльни; кѫде людьем шатаньѣ, и трѫтъ неправедьнъні. въ истїнѫ оубо, ѕѣло въ истинѫ людьє поѹчишаса тъштетьнъним и соуетьнымъ; потъкѫса въ акрогонїеи камень х҃ъ и самї съкроушишаса; привръгѫса въ твръдъи камень, нъ въ нѣнъи влънъи їхъ разидѫса. потъкѫса о наковалѣ непобѣдимѣемь, нъ самї сътьрени бъиша. вьзнѣса на древо камень, и съшедъ оумрътвї ꙗ. съвѣзаша велїкааго симпсса, слъньца х҃а, нъ раздрѣшь вѣчьныꙗ ѫзъи, иноплеменнїкъи и законопрѣстѫпьникъи погоуби. заиде б҃ъ слъньце подъ землѭ, и тъмѫ прѣмрачьнѫѭ июдеомъ сътвори. дьнесь с҃пснье сѫштїмъ на земи, и отъ вѣка подъ землеѭ съпаштїмъ; дьнесь с҃псенье вьсемоу мїроу, елїко видимъ и елїко не вїдимъ. соугоубо дьнесь пришествие г҃не. соугоубо съмотренье, соугоубо ч҃лвколюбьствие, соугоубо сънитье, вькоупѣ же и съмѣренье; соугоубо въ ч҃вкомъ посѣштенье; отъ небесе на земї, отъ земла подъ землѭ б҃ъ приходїтъ. врата адова отъврѣзаѭтъса; съпаштеї отъ вѣка радоуитеса, сѣдаштеи въ тъмѣ и въ сѣни съмрьтьнѣ велиїкъи свѣтъ прїимѣте. съ рабъи г҃ъ, съ мрътвъимї б҃ъ, съ оумеръшимї животъ, съ повїнънымї непокїнъи, съ сѫштїмї въ тъмѣ немрьчаи свѣтъ, съ плѣнникъи свободїтель, съ прѣисподьнїими прѣвъиш҃ьнии н҃бсъ. х҃ъ на земи, вѣровахомъ: х҃ъ въ мрътвъихъ, съ нимь съиидѣмъ, да оувѣмъи таинъи ѫже тоу. да разоумѣемъ б҃жїѭ таина подъ землеѭ чюдеса; да оувѣмъ, како и сѫштїмъ въ адѣ просвѣтїлъ естъ проповѣдь. чьто оубо, вьса лї прѣпрость с҃псаетъ, ꙗвльса въ адѣ б҃ъ? нї, нъ и тоу вѣроуѭштаꙗ въчераже съмотрьлївъиаа твора, а дьнесь владъичьнѣ: въчера пльтьскаа, а дьнесь господьскаа д҃ша: въчера ч҃скаа, а дьнесь б҃жствьнаа д҃етъ: въчера за оухо оударенъ бъивааше, дьнесь блїсцаньмь б҃жїемь адовъское жилїште бьеть: въчера съвазанъ бъивааше, дьнесь не расдрѣшенънымї ѫзами съвазаетъ моучителѣ: въчера осѫжденъ бъивааше, дьнесь осѫжденъимъ свободѫ даръствоуетъ: вьчера слоугъи пилатовъи рѫгаахѫ са емоу, дьнесь вратьници адовьни видѣвъше его иштезѫ. нъ оубо слъиши х҃вѣи мѫцѣ вънишънее слово, слъиши и въспои,

слъиши ї прославы, слъиши ї проповѣждь бж҃иѣ вельѣ чюдеса : како законъ остѫпаетъ, како благодѣть процвїтаетъ, како образї мимоходатъ, како истїна проповѣдаетъса, како сѣнь мимоходїтъ, како слъньце вьселенѫѭ испльнѣетъ, како ветъхъи законъ обетъша, како новъи їзвѣштаетъса; како древнѣа прѣидѫ, како новаа процвїса; дъвои людье вь сионѣ въ врѣма хв҃ьнѣї мѫцѣ придѫ, еврѣїсцїи коупьноже и поганьсцїи; дъва ц҃рѣ, пилатъ и їродъ; два архерѣа, и анна и каїафа; да обѣ масцѣ въкоупѣ бѫдете, ова прѣсташѭштї а хв҃ъна начинаѭштї; дъвѣ жрътвѣ въ тъ вечеръ дѣашетеса, понеже и сп҃сенье гл҃ѫ живъимъ и мрътвъимъ бъиваше; июдѣи же съвазаѭште агнецъ закалахѫ, а иже отъ поганъ въ пѫть б҃а; и овї вь сѣнь възїрахѫ, ови же въ слъньцю и въ б҃оу притѣкаахѫ; и ови съвазавъше х҃а отъсъилахѫ, а иже отъ поганъ инодш҃ьно его приїмахѫ; и ови скотьнѫѭ жрътвѫ, ови же бж҃ию тѣлоу жрътвѫ приношахѫ. нъ июдѣи схожденье, еже отъ еѵипта, поминѣахѫ, а иже отъ поганъ избавленье, иже отъ лъсти, проповѣдахѫ. и се бъде. вь сионовѣ градѣ ц҃рѣ велїкаго, въ немьже сътвори сп҃сенье посрѣдѣ земла, посрѣдѣ двѣма жївотома познанъ бъивъ ї҃у с҃нъ бж҃ї, посрѣдѣ о҃цю и д҃ха, обѣма жївотома живетъ, отъ живота истїнь животъ ѣвлѣмса, и посредѣ анјлъ и члоѣкъ, въ ѣслехъ раждаѭса; и посрѣдѣ дъвоихъ людї, камень ѫгълень лежа, и посрѣдѣ закона и пророкъ въкоупѣ проповѣдаемъ, и посрѣдѣ мосѣа и їлиѭ въ горѣ ѣвлѣѭса, и посрѣдѣ обѣма разбойникома б҃въ разоумьноумоу разбойникоу ѣвлѣѭса, и посрѣдѣ настоѭштїи жизни и градѫштїи сѫди вѣчьнъ сѣда, и посрѣдѣ дьнъсъ живъимъ и мрътвъимъ ѣвлѣѭса. соугоубѫ пакъи г҃да жизнь, соугоубо розьство въкоупѣ и норозьствоу, и слъиши въ рѣчи соугоубо розьствоу вештї и въсплештї чюдеса. анјлъ марїи матери х҃вѣ рожъство его благовѣствова, и ајлъ мари магдалъинї порожденье его, еже отъ гроба благовъстъствова: ноштьѭ х҃ъ въ витьлѣомь раждаетъса, ноштьѭ пакъи вь сионѣ из мрътвъихъ пораждаетъса; врътъпъ ис камене, идеже х҃ъ пораждаетъса; пелениъи въ рождъство приемлетъ, пеленами и сьде поввѣетъса; змрънѫ рождъса приматъ, змрънѫ и въ погребенье, а алъгоуї

приемлеть; тоу иосифъ безмжжьны мжжь маріинъ, сьде иосифъ иже отъ ариматіи; въ витьлеемі въ ѣсли рождьство, нъ и въ гробъ, ѣко въ ѣсли место; прьвиі пастыри х҃вое благовѣстьствоуѭть рождьство, нъ и прьвіи высѣмъ пастыри х҃ві оученици благовѣстиша х҃вовое из мрьтвыихъ порожденье: тоу радоуіся, анјлъ девѣ и въпии, сьде радоуите са велика свѣта ајлъ х҃ъ женамъ възпьеше; въ прьвое рождьство х҃ъ по четыриехъ десатехъ дьнь вьниде земънѣи нѣмъ, въ ц҃ркь, и принесе ѣко прьвенецъ дъва грълинуишта б҃оу; нъ и въ погребенье его еже отъ мрьтвыихъ х҃ъ по г҃ дьнь вьзіде въ вьиспрьніі н҃мъ, ѩдоуже не разлжуіса, въ истіннаѣ с҃та свѧтыимъ ѣко прьвенецъ неистьлѣнѣнъ из мрьтвыихъ, и приведе б҃ви и о҃цю дъва грълиуништа, д҃шѫ и плъть нашѫ; егоже и приѩть, ѣко семьонъ етерь, ветъхыи дьнемъ б҃ъ, ѣко въ рѫцѣ свои, въ своѣ ѣдра. аште лі ветъскыи се а не вѣрьно слышиши, обличаѭть та недвіжниі печати господьскоумоу порожденью х҃воу гробоу; ѣко во знаменаномъ печатомъ девьстьвеныимъ затвореномъ х҃ъ отъ девы родіса, тако не отврьстомъ сѫштемъ гробьныимъ печатомъ х҃во порожденье бы. какоже въ гробъ и когда, и отъ кыихъ х҃ъ жизнь полагаетъса, свѧтыихъ словесъ да послоушаемъ. поздѣже быв[ъ]ши, сать, приде чкъ богать именемь иосіфъ; съ дрьзнжвъ вьниде къ пілатоу, и проси отъ него тѣла іисусова; вьниде чкъ къ чкоу, проса приѩті б҃а чловѣкомъ; прошааше брьнье оу брьньѣ, приѩти зиждителѣ высѣмъ; сѣно отъ сѣна, приѩті небескыи огнь; каплѣ малаа отъ капла приѩті бездынѫ! къто видѣ, ли кто слыша къде, чкъ чкоу творьца чкомъ дарьствоуѭшта; беззаконнікъ праведьника и творьца закономъ обѣштаваетъса дарьствовати; сѫди осѫжденъ, ѣко осѫждена, сѫдьѭ сѫдьѣмъ, въ погребенье дастъ! поздѣ бывьшю, приде чкъ богать именемь иосифъ. въ истинѫ богать, ѣко высе сложеное тѣло г҃не пріимъ; въ истинѫ богать, ѣко соугоубѫѭ оусіѭ х҃вѫ отъ пилата приѩтъ; и богать, ѣко безценнаго бисьра достоінъ бысть приѩті; въ истинѫ богать, вьлагалиште бо понесе ц҃ѣльно вьсѣсткыиаго богатьства; како бо не богать, высемоу міроу жизнь и спасенье сътѧжавъ; како не богатыи иосифъ,

даръ прінмъ пнтѣѭштаго н вьса н вьсѣмн обладаѭшта . поздѣ бънкшю : бѣ бо оубо зашьло въ адъ праведьное слъньце ; тѣмьже прнде чкъ богатъ , нменемь носнфъ отъ арнматіи , нже бѣ крнꙗса страха радї нюдѣнска ; прнде же н нвкодімъ , пришедъ къ нові ношгьѭ ; таннън таннамъ потаенън , два потаена оученнка съкриті сѫ въ гробѣ градете ; съкръвенаѭ въ адѣ таннаѭ потаеноу.......

Отъ сего Сборника сохранился только небольшой отрывокъ, 12 листовъ, который изданъ въ свѣтъ въ 1836 г., въ Вѣнѣ, Копитаромъ подъ заглавіемъ: Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi λειψανον foliorum. XII. membraneorum, servatum in bibliotheca ill-mi comitis Paridis Cloz Tridentini (Vindobonae, 1836). Это—древній переводъ нѣсколькихъ Словъ Іоанна Златоустаго и Слова Епифанія Кипрскаго, отрывокъ изъ сборника Словъ на мартъ мѣсяцъ, въ томъ же родѣ, какъ Супрасльская рукопись (о которой см. ниже). Сборникъ красиво написанъ на хорошемъ пергаминѣ по 40 строкъ на страницѣ. Впослѣдствіи удалось проф. Миклошичу найти и издать еще два листа изъ этого сборника (Denkschriften der phil. hist. Classe der K. Akademie, X: 195. Wien, 1860). Весь памятникъ (14 листовъ) переизданъ И. И. Срезневскимъ буквально по чтенію Копитара и Миклошича (въ Древн. глаг. пам. 165—206). По правописанію и языку Glagolita Clozianus весьма сходенъ съ древнеглаголическими списками Евангелій—Ватиканскимъ, Григоровичевымъ и Зографскимъ. Подробности см. у Копитара и Срезневскаго.

9. Изъ Супрасльской рукописи XI в.

(по изд. Фр. Миклошича, Vindob. 1851 г.)

Мѣсяца марта кв . мѫченне свѧтоую Трофнма н Еукарпнона.

Мъногоу бывъшоу пакыштоу н матежоу , любнмаа братне , н горьцѣ прѣтаѭштоу цѣсароу на божна рабы , люто же зѣло дѣлаѭштемъ по вьса мѣста кназемъ н новы н люты нзобрѣтаѭште мѫкы , лежаахѫ бо дарове мнозн отъ цѣсара , да нже обрѧтъ крьстнѣна прѣдастъ , то тъ да възьметъ дары , н тако вьсѣкоѧ пакостн н вьсѣкоѧ бѣды вьса вьсѧдоу нсплъннша сѧ,

господь же помагааше вьсѣмъ подвизаѭштиимъ сѧ на мѫчениѥ, ꙗкоже бꙑстъ о славьнѹю мѫченикоу Трофимѣ и Єѵкарпиѡнѣ, сиꙗ оубо сватаꙗ мѫченика воина бѣаста оу того кънѧза мѫчаштааго крьстиꙗны, инъ же никтоже не бѣаше ѥмоу извѣстенъ развѣ сею о мѫчении, люта бо и нечловѣчьска сѫшта на божиꙗ рабꙑ бꙑста лютѣиша . посълана же бꙑста Трофимъ и Єѵкарпіѡнъ мѫчитъ рекомꙑѧ рабꙑ божиѧ , съказати же вьсѧ приобьштаваѭштаѧ сѧ к нимъ и тоѧжде вѣрꙑ сѫштаѧ. идоста же примъшлѣѭшта горькꙑѧ мѫкꙑ . тако оубо мꙑслѧштема има бꙑстъ нѣчто сице невѣрънꙑимъ неизвѣсто, вѣрьнꙑимъ же и зѣло извѣсто. огнь бо многъ съ великомъ шоумомъ на въздоусѣ въ ниѫ гласъ испоуштааше . камо сѧ подвизаѥта, Трофиме и Єѵкарпиѡне; по что ли рабомъ моимъ прѣтита; не прѣодолѣѥта тѣмь иже ихъ побѣдита, нъ бѫдета и ва сь ними, тако мьнѣ миловавъшоу ва . се слꙑшавъша лютаꙗ тѧ и соуровая и нечловѣка падоста на земи, не сътрьпѣвъша ни вида того ни гласа, долоу клачашта и лици закрꙑваѭшта, что сиі ѥстъ, рекоста, великꙑи богъ, ꙗвивꙑи сѧ и глаголавꙑи къ нама; блажена бꙑховѣ была , аште бꙑховѣ раба ѥго была. се има съ великомъ страхъмъ глаголѭштема раздра сѧ огньнꙑи облакъ и ста, и гласъ из него бꙑстъ. въстанѣта, глаголѧ, и покаита сѧ, и грѣси ваю оставьѭтъ сѧ, и ꙗко оуставивъша сѧ въстаста съ пѣваниимъ и видѣста нѣкого въ бѣлахъ ризахъ по срѣдѣ облака сѣдѧшта, многꙑ же прѣстоѩшта . оужасъша же сѧ вида того рекоста . приими на, господи , отвѣтъ творѧштема , о нихъже съгрѣшиховѣ . то има рекъшема безвѣсти абиѥ бꙑстъ облакъ . сиꙗ же плакаста сѧ и тѫжааста о томь , ѥже сътвориста зѣло много , и молѣаста съ слъзами припадаѭшта , проштениꙗ просѧшта о съгрѣшениихъ ѥю . пришьдъшема же има близъ Никомидиа живѫштии въ радѣ надѣахѫ сѧ зѣло нѣчто приꙗти отъ нею сѫштиимъ тоу крьстиꙗномъ . она же абиѥ пришьдъша къ преторѹ , ѥже ѥстъ сѫдиште , идеже има бѣаше повелѣлъ прѣбꙑвати кънѧзъ , забꙑста же , о немьже бѣаста посълана , ни цѣсара закона ни заповѣди помьнѣста , нъ паче божии законъ изволиста , ѥже ѥстъ съпасениѥ доуши и тѣлоу . вьлѣзъша же въ тьмницѫ раз-

дрѣшиста авиѥ сѫштаа тоу, братиѩ а нарицѫшта, бывъшеѥ же ꙗвьѥниѥ съповѣдаѭшта, и ꙗко и вѣ хоштевѣ крьстиꙗна быти, повѣдаста, ꙗко многымь мьнѣаше са дѣлоу прѣславьноу, Трофимъ и Єукарпиѡнъ, словѫштаꙗ при ꙋ҆оугости и при дръзости и кнаӡемь посълана на крьстиꙗны мѫчитъ, она же не брѣгъша повелѣниѥ кнаӡъ паче крьстиꙗномъ приꙗѥта. слышавъ же кнаӡь бывъшаꙗ приде вь Никомидиѭ и призъвавъ ꙗ рече. что ва бысть, вьсѣхъ чловѣкъ окаанѣнишаꙗ; како твьрьдѣи доуши каю напрасно прѣмѣниста са; отравена ли быста; повѣдита ми, нъ оумъ ли ѥста погоубила; съберѣта оумъ и помамѣта са, да не тожде приимета, ѥже многашди ниѣмъ сътвориста. она же отъвѣштавъша рекоста. ӡа ниѥже творихове, то оувѣдѣхове господа истиньноѥ слово вѣдимоѥ, раӡоумѣхове, комоу сътворихове, сь тѣми хоштевѣ быти, съ тѣми желаѥвѣ жити. ꙗроу да бы обрѣлъ лютѣниша и нечловѣчьнѣниша, да быша тажде и нама сьдѣлалы, ꙗже и вѣ о рабѣхъ божиихъ, о исповѣдницѣхъ крьстиꙗньскы вѣры, с ꙋ҆нимиже и на да быхове съподобила са. тѣми отъвѣштаѥвѣ, о ꙋ҆нихъже съгрѣшихове. и то има рекшема повелѣ кнаӡь бити ꙗ жъӡлиѥмъ по ребромъ и власѣномъ соукномъ вьстирати раны ѥю, и не оуснѣ ничьсоже, видѣаше же ꙗ сладьцѣ тръпашта. сетьнѣѥ же побѣжденъ бывъ отъвѣтъ дастъ о нею, огню прѣдати ꙗ повелѣ. она же и нанесеныꙗ има раны добьѥ сътрьпѣвъша и съ пострадавшиими приҷътъша са коуі҆но съ сватыими мѫченикъи съподобиста са приати небесьскоѥ цѣсарьство. съконьчаста же са сватаꙗ божиꙗ мѫченика въ Никомидиистѣ градѣ о Христосѣ господі нашемъ, сь ꙋ҆нимъ же отьцоу слава и дръжава съ сватыимъ доухомь ныиꙗ и присно и вь вѣкы вѣкомъ аминъ.

Іѡанна ӡлатооустаaго слово вь великы четвръть҆.

Въ истинѫ тѫжѫ оужастиѭ сы одрьжим҆, како насытѫ. жаждѫ вашего любослышаниꙗ, кѫѭ прѣдипоставьѭ словеси трепеӡѫ, что бѫдѫ люди селикы госта, ниже ѥдинъ Христос гонѣѥтъ насытити. при дверехъ бо оуже вьсего мира радость, приближаатъ са отинѡниѥ господьниꙗ въскрьсениꙗ, пакы матетъ са жидовьскыи несьмыслънъи родъ, пакы на пастоуха лаѭтъ

ѩси, пакы на владыкѫ вѣште творѧтъ рабї, пакы свѣтъ творѧтъ тьмьнии дѣлателѥ, пакы Июда поучаѥтъ сѧ беꙁаконьноуоумѹ прѣданию, пакы готовѧтъ жидове сьребро, да въ адъ поустѧтъ ѥже къ мрътвыихъ простъ, и навыкнѫтъ, ꙗко плѣвома ѥсть сьмрьть, да сѧ истрѧсѫтъ гроби, а мрьтвии въперени бѫдѫтъ на вьстаниѥ, пакы оученикъ продаѥтъ и ꙁаконоу выкнѫвъшии коупоуѭтъ, а раꙁбойникъ на крьстѣ богословитъ. нъ прѣдаѭштаго слово поманѣмъ. что хоштете ми дати, да аꙁъ вамъ прѣдамъ ѥго; что хотатъ дати, беꙁоумлию Июдо. оудавьѥнию же, проужиѩ тьмѫ, неоугасимъи огнь, цѣсарьствиꙗ божиꙗ лихованиѥ, отълѫчениѥ свѧтыихъ, беꙁъ вьстаниꙗ падениѥ. то бысть мѣнениꙗ твоѥго отъ жидовъ притѧжаниѥ. что ти могѫтъ дати сицѣво, ѥлико ти ѥстъ погыбнѫти, ѡ беꙁакониче и вьсего ꙁьла пльне; по что сице на малѣ продаѥши небесе и ꙁемнаго творьца, ѥже на длани носитъ вьсе, ѥгда владыкѫ си видѣ чтома и многоцѣнноѥ муро на грьдѫѩ ѥмоу главѫ видѣ лѣѥмо и чтѫштии женѣ ꙁаꙁьрѧ вьпиꙗше. въскѫѭ пагоуба си сего мурѧ; по что се муро не бысть продано на трехъ сьтѣхъ динарихъ и дано оубогымъ; да муромъ, ѥже ѥсть раꙁличь вониꙗми оустроѥно и хытростиѭ съкоупьѥно, трьми сътомъ сьцѣни динаремъ, а истинноѥ муро, ѥже обонꙗвъше мрьтвии въскрьсаѭтъ, на трехъ десѧтехъ сьребрьницѣхъ продаѥши; не вѣси, что продаѥши, Июдо, отъмило та ѥстъ сьребролюбьства пиꙗньство. къгда ѥси видѣлъ господина робомъ продаѥма; къгда ли ѥси навыкнѫлъ продаꙗти свѣтъ, да тьмѫ коупиши; по что ли любьве похоули поꙁнаниѥ; по что ли лобьꙁаниимъ прѣдааниѥ твориши; добрѣ ли та обличаꙗ иꙁ далече пророкъ вьпиꙗше. ѥмоуже клатвы, оуста ѥго пльна сѫтъ горести и льсти, подъ ꙗꙁыкомъ ѥмоу троудъ и болѣꙁнь, ꙗко и бритва иꙁоштрена, сътворикъ льсть лобыꙁааше владыкѫ си, пристѫпи, лобьжи, трьпитъ ти владыка трьпѣливыи. не ꙁълааго смрада твоѥго лобыꙁаниꙗ оукраштаꙗ сѧ, нъ ѥже ти бѣ далъ даръ, не твоихъ иꙁемьꙗ оустъ. ѡ кольми сьребролюбьство ꙁьло, тѣмь бо оученикъ апостольска истѫ къ радоу оудавьѥнию ꙗже приꙗ и достоинѫ покаꙁа силѫ грьтань, имьже иꙁидоша прѣдаанию словеса. сего же нечьстиваго оставивъше на благочьстива раꙁ-

боннпка приведѣмъ слово. ѡ свѧте неиспов ѣдимыи, тѣмь бо разбонникъ въскоуи съ крьста въ рап, юже бо и видѣ господа посрѣдоу висашта и вьсь миръ трасѫштъ са страхомь и сльньце лютоѭ покрывакмо са желеѭ, дьньнѧи же свѣтъ бѣжашть и съставоу чиноу своюго отьмештѫть са, камении ю расѣдаюмо са. видѣвъ же вьсе то и на оумѣ си положивъ и подроуга си разбонника не решти не вѣды словесъ и всѫ тварь юже видѣ сѣмо и онамо зыбаѭштѫ са и трепештѫштѫ, посрѣдоу висашта владыкѫ трепештѫштиихъ позна и познавъ тоу абию въꙃьпи помани ма, господи, югда придеши вь цѣсарьствию си. но истинѣ бысть разбонникъ юдинонадесатааго часа дѣлатель, вьсего бо дьне жизни испльни дѣло, и аште и на юдинь часъ наатъ бысть, нъ добрѣ сьдѣла, не сътѫжи си вѣроѭ, не вьꙃьрѣ на хоулы ни ѩꙁвы, жидовьска оукорения не брѣже, вьꙁа миръ вьсь, оучителю и вьсего мира владыкѫ познавъ достоино дастъ поклонения. что противѫ томоу мьꙁдамъ вьꙁдатель, любивыи чьстемь добро дѣѭштиимъ Христос; разбонника градѫштею просивъша сии прѣвеликыи даръ юдиномь часѣ покаꙁа оного рекша, помани ма, господи, югда придеши въ цѣсарьствию си. тоу абию владыка Христос отьвѣшта рекы· аминъ глаголѭ ти, дьнесь съ мноѭ бѫдеши въ раи· истинно писанию юже глаголетъ· юште глаголѭштоу тебѣ рекѫ, се, придохъ. томоу Христосоу и богоу нашемоу слава и поклонения съ отцемъ и съ сватыимъ доухомь нынѣ и присно и вь вѣкы вѣкомъ аминъ.

Супрасльская рукопись, названная такъ Востоковымъ по мѣсту открытія въ Супрасльскомъ монастырѣ (близъ Бѣлостока), есть минея четія на мартъ мѣсяцъ, заключающая въ себѣ не только житія святыхъ, но и поученія на празднества, бывающія въ мартѣ. Сохранилось всего 185 л. въ большую 4-ку; изъ нихъ 118 сохраняются въ библіотекѣ Люблянскаго Лицея; остальные въ частныхъ рукахъ. Первыя извѣстія о семъ сборникѣ съ небольшими выписками сообщены были Востоковымъ въ Библіографическихъ листахъ 1825 г. (стр. 189 и слѣд.); вся рукопись издана Фр. Миклошичемъ въ Вѣнѣ, 1851 г. подъ заглавіемъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Замѣчанія о языкѣ и выдержки текста изъ Супрасльской рукописи см. также у Сре з

невскаго въ Древн. пам. юсоваго письма, 2, 27, 174—186, 225—240. Правописаніе рукописи—юсовое, смѣшивающее твердые и мягкіе слоги. Правильно выдержаны въ Супрасльской рукописи слѣдующія черты: ѫ и ѧ стоятъ почти всегда на своихъ мѣстахъ; ъ и ь въ сложныхъ слогахъ всегда послѣ л и р: мльчать грътань, хрьбетъ, жрьти; ск передъ и и ѣ смягчается постоянно въ ст: пастѣ, крьстьяньстѣ, июдеистии. Вообще, рукопись весьма важная и замѣчательная по особенностямъ правописанія, фонетики равно и грамматическихъ формъ.

10. Изъ XIII Словъ Григорія Богослова, рукописи XI в.

(По изд. А. Будиловича, Спб. 1875 г.).

Слово 12-е. ⁜ Слоко ст҃аго грїгора бо҃слвца . на ст҃ѫю пентикостию.

О праꙁдьницѣ къмалѣ помѫдрїимса . да дх҃кнѣ праꙁдьноуемь . Нинъ бо иномѹ праꙁдьникъ . а слѹꙁѣ слокесьноумѹ слово . еже къ слокесехъ врѣмени подобьно · Никоѥ же добро не кеселить тако · любикъıꙗ доброу ни едино же · ꙗкоже праꙁдьнокати дх҃къ-любащюмоу праꙁдьникъ · Съмотри же сице · Праꙁдьноуеть жидокинъ · нъ по кънигамъ · плътьноуоумоу бо късдѣждаа ꙁаконѹ · дх҃кнаго не постиже · Праꙁдьноуеть и̏ еллинѝ . нъ по плъти · и̏ по своимь богоѝ и бѣсомь · отъ сихъ же ови сѫть страстемь съдѣлателе · ови ихъ отъ страсти почьтени быша · Сего дѣлꙗ страстьно ихъ есть праꙁдьнокание · да бѫдеть чьсть божиꙗ · съгрѣшати · къ ниѥмоу прибѣгаеть страсть · акы прѣчисто слокещение · Праꙁдьноуемь и̏ мы · нъ ꙗкоже мьниться дх҃кї · Мьнить же са · или гл҃юще · то подобьнѣнѹ · си идѫща · Се бо есть праꙁдьнокати и намь · да д҃ши что приобрѣсти · стоꙗщиихъ и дрьжимъıихъ · нъ не мимоходащиихъ · ни расъıпаемьıихъ · и къмалѣ наслаждающиихъ поюкъ · паче же · расъıпающи кръждающиихъ · аще по моемоу слокоу · Что ли сѫть трѣбѣ иножаниꙗ дръка · или ꙁкѣри многа пїща · да паче некр҃тѣи бѫдеть · и нрака бѣдьнѣї · Сего дѣлꙗ оубо праꙁдьнокати дх҃кнѣ · Начатькъ же слокоу · (рещи бо · аще и малъı како продлъже-

но намь слово · любьзнѣ же трудитися любащиимъ словеса · да акы сласть кѫѭ събороу прнмѣснмь) . седморицѫ чьтѫть жїдовьскы дѣти . отъ моусиина закона · ꙗко пѵѳагорьсти чєтворицѫ посаѣжде · єюже и кльнѫть са · осморицѫ же и трїдєсатерицѫ · иже отъ симона · и отъ маркиона · сии же и равны числомъ · вѣкы прозываѭть · и чьтѫть · Не вѣдѣ · къими словесы · покладаниꙗ чьтѫть · или по кои силѣ сего числа · Обаче ꙗвѣ · еже есть въ шестъи дьнѣ бъ вещь съставивъ · и образивъ . и оукрасивъ · вьсѣмї обличении · и съмышлении · и нынѣ видимѫѭ сиѭ тварь сътворивъ · въ седьмъи день · почи отъ вьсѣхъ дѣлесъ · ꙗкоже повѣдаеть и има сѫботы · покои жидовьскомь азыкомь · ꙗвлаюши · Аще ли есть и выше сего слово о семь · иди да са поиѫждраютъ · Чьсть же имъ . не въ дьнѣхъ тъчью · нъ и въ лѣтѣхъ сънпостижѫщи · Дьнии же сѫбота · си присно въ нихъ чьтома · ꙗко же и квасьное отъатие · тъчьно числомь · въ лѣтѣхъ же седьмое лѣто оставенꙗ . И не въ седьморицахъ же тъчью · нъ и въ седьморицахъ седьмичьнъихъ · тако же и въ дьньхъ и въ лѣтѣхъ · Дьнии же оубо седьмориця · раждаѭть пентикостиѫ · нароучитъ и сватъ въ нихъ дьнь · лѣтьнаа же ïовилеонъ · въ нїхъ прозываема · такожде земи оставлюние їмы · и рабомь свободѫ · и селомь коупленомь отъстѫпление · Освашаѭть бо не житъ тъчью · ни прьвѣсньць · нъ · и лѣтъ начатъкы бїи си · родъ . Се семое число почитаемо чьсть пантикостии прїкеде · Седмориця бо · въ себѣ сълагаема · пораждаеть пентикостию · единомоу же соушѫ дьни . иже отъ бынашаагo вѣка прнахомь · осмыї сѫшь тъжьде · и пьрвы . паче единъ и нерасыпанъ · Подоба бо есть тамо съконьчати · иже сьде покой дши · ꙗко дати часть седми · таже осмоуоумоу . ꙗкоже прѣжде нꙑнїи пьрвѣе насъ . соломоние съказаша слово · Седморичьнѣй же чьсти многа послоушьства · нъ и мало отъ мъногъ намъ докьлаеть · Ꙗко седьмь нарицаемь чьстьнъихъ дѹхъ · Мьниѫ же оубо дѣлеса дхвьнаꙗ . доухы · любо исании прозывати · Очищена же словеса господьниꙗ · по давидоу · седми соугоубь · Правьдивъи же шестиши · отъ бѣды избавлаемь · а въ седмѫю и не врѣжаемъ · А грѣшьнїкъ не седмиши тъчью . нъ седмь краты · седмищї прашаемь ·

Пакы же и отъ сжпротивьнъихъ оуко · (похвалено бо есть и изүчение ʒълобы ·) каиноу седьмищи · отъоумьщение · се же есть сждъ приемлѧ оубоѩ братьнѩ · а ламехъ седмьдесатъ краты седмищи · ѩко оубоиникъ къ по ʒаконѣ и по отъсжжении · Ʒълии же сжсѣди седмь краты соугоубь · къ ѩдро приємлюще · седмиѭ же стлъпъ прѣмждрости храмъ подъпираемь · толицѣй же оуссы ʒоровакелѣ · камыкъ оукрашаемь · Седмищи же дьнию бъ хвалимъ · И неплодъ же ражающи · седморо. съкършеное үисло · несъкършенѣ ѡ үадѣхъ сжпротивнаѩ · Аще ли есть подобно й пьрваѩ съказаниѩ съмотрити · помышлѩемъ седмъи въ къноүцѣхъ енѡха · прѣставлениемь поүьтена · Помышлѩѭ же · и въ дъкждесатоү ти пьркаго отъ адама · старѣиии їное · отьүьства прославлена · таины большаа · прибытье · Трищи бо сългоүбаема седморица се үисло сдѣлокаеть · Дьрʒнет же нѣкто отъ юнъ ихъ по семоу үїслоу · и до ѩнаѧго адама прити . ба моего · и ги иса ха · отъ пьркаго и въ грѣсѣ сжщаго адама · седмьдесатъ седмы үьтомъ · полоүүнноу үисароу · рождении ѩкоже са въспащаеть · Помышлѩѭ же · и седмь трѫбъ исоуса наүгиина · и о хождений толицѣхъжде · и дьнѣ й жьрьци · отъ нихъже иерихѡиѩ ʒабрала потрасоша са · Ѩкоже и седмое възвращение илиѩ пророка · сарафѡнйскыѩ вьдовица сыноу житие късдъхноүвъ · тогожде же и равно үислоиъ на плахы възлиѩние · егда огньмь бжимь поүщенъмь трѣбоу потрѣби · и стыдѣниѩ пророкы отъсжди · тъүьно не могъшемъ створити отъ молениѩ · Сицежде же и седьмое съврьшение облака · отрокѹ повелѣно · елисѣово же тъүьно обьщие о дѣтищї · сѡманитидъйа · доүхание жївотьнѣ раʒгрѣкъшие · Сегожде же мьню съкаʒанїѩ · (да не глю о седьми стлъбъ · и о седми свѣтилъ свѣтила ·) въ седми же дьнъ жьрць съкьршаемь · въ седми же прокаженъи оүищаемь · въ толицѣхъ же и храмъ божий понаклаемь · Въ седмьдесатое же лѣто · людие отъ плѣнениѩ възвращаемї · да еже есть въ ѥдїници · тожде бждеть и въ десатьхъ · да үисло къ съкършьнѣемь седморица · поүьтеться таина · Үто ли ми дальнаѩ глати · Исъ самъ үистыи съкършитель · вѣсть кърмити · патию хлѣбъ пать тысащь въ поустыни · вѣсть же и седмию пакы үетыри

тысаща · И насыщенни̑ остатъци · онъде дъванадесате кошьниць · а сьде седмь · ни едино же не сы сильнѣ · мьню ни не подобнѣ дх҃окы · И ты же о себѣ събираѩ · многа оусмотриши числа · имѫща нѣчьто ꙗвленънихъ глѫбле · Нъ еже нынѣшьноу оумоу времени · потрѣбьнѣє . еда по симь словесемь . или близъ ихъ . или ст҃ѣнша сихъ · чьтѫть оубо жидове пентикостиꙗ дьнь · чьтем же и мы · ꙗко же соуть и дроугаꙗ и їна жидовьска · образъмь въ онѣхъ съвршаема · таинѣ же въ насъ оуставлꙗѥма · Толико о дьнї поглавше къ прокоу слова прѣдъстѫпаема ....

Рукопись XIII Словъ Григорія Богослова принадлежитъ Императорской Публ. библіотекѣ въ С.-Петербургѣ; пріобрѣтена ею изъ частныхъ рукъ въ 1824 г. Востоковъ тогда же отнесъ ее къ XI в. на основаніи почерка, правописанія и другихъ примѣтъ (въ Библіогр. листахъ 1825, стр. 85—91). Рукопись писана на пергаминѣ, на 376 л. въ 4-ку. Языкъ памятника древнеславянскій, со слѣдами руки одного или нѣсколькихъ русскихъ переписчиковъ. Вся рукопись критико-палеографически издана проф. А. Будиловичемъ въ Спб. 1875 г., а еще ранѣе, 1871 г. вышло его же „Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, по рукописи XI в.“ Въ введеніи указана и литература этого памятника.

11. Изъ Евгеніевской Псалтыри XI в.

(По изд. Срезневскаго въ Древн. памят. рус. письма и языка).

Сла̂ пса̂ Дв҃ъ на Х҃а плмъ възложиса · ѥ́сть же и́ оуштенье́ вѣрьнъи́мъ ∴ ч҃з.

Ⰲъспоите [1]) г҃оу пѣ̂ новѫ ∴ Бл҃гдатьнѫѭ гл҃ѥть пѣ̂ ꙗже о таинъи́хъ поѫ́гь вѣрьнии́ ∴ ꙗ́ко дивьна сътвори г҃ь ∴ Кал : се рождьса отъ дѣвы . а́ва́ьса на землй ꙗко ч҃лкъ распатъ на древѣ ∴ въскрьсъ и́з мьртвъи́хъ . и́ въшедъ на н҃бса ∴∵ Сп҃сенье́ ѥмоу десница ѥ́го и́ мышьца ст҃ааго ∴ Продроужь кр҃стомь

---

[1]) Ⰲ—глаголическая буква, соотвѣтствующая кирил. В.

диꙗвола. и ада съкроуши и спсе чл҃ка ⁘ Съказа г҃ь спсенье свое ⁘ Вьсѣмъ ꙗвль крс҃та и бл҃гдать еванг҃льскѫѭ ⁘ Прѣдъ ѩзыкы отъкры правьдѫ своѭ ⁘ Спс҃ъ ѩзыкы. отъ идолъскаго гнѣва и просвѣтивъ ѩ бл҃годатьѭ ⁘ Помѧнѫ милость своѭ Иꙗковови ⁘ отъ Июдей бо вѣровавъшиꙗ. и приꙗтъ ꙗ Хс҃ъ. и не отъриѫ ихъ ⁘ И їстинѫ своѭ домоу Из҃лвеоу ⁘ Истиноѭ бо цр҃кви съхраниши. домъ бо Хв҃ъ цр҃кы ѥсть. Из҃ль бо видѣ-ниѥ бж҃не съказаѥтьсѧ. еже ѥсть Хс҃ъ ⁘ Видѣшѧ вьси коньци земли спсенье б҃а нашего ⁘ Въ коньцихъ бо земли познашѧ знаменье кр҃стьноѥ. ѥже ѥсть спсеньѥ ⁘ Въскликнѣте б҃оу вьсѣ земли ⁘ Отъниѥли бо ꙗвисѧ Хс҃ъ. къ томоу не прѣстанѫть вѣрьнии пьсалъмы и пѣнии въсклицаѭште Боу ⁘ Въспойте и ра-доуитесѧ и пойте ⁘ Ѕѣло въспойте рече съ радостиѭ. поѭште и веселиѥмь ⁘ Пойте б҃оу нашемоу въ гѫслехъ ⁘ Съ д҃шеѭ си-рѣчь гѫсли бо д҃ша ѥсть. а цѣвьница ѩзыкъ без него бо д҃ша не можеть г҃лати ⁘ Въ гѫслехъ и въ гласѣ псалъмьсцѣ ⁘ Съ д҃шеѭ и гласомъ велиѥмь пѣти подобаѥть б҃а. ꙗко днесь сътво-ри родоу чловѣчьскоумоу ⁘ Въ троубахъ ковановахъ и гласомь троубы рожаны ⁘ Ꙗкоже тогда рече Из҃лити трѫбами трѫб-лѣахѫ. кованами же г҃лѥть. и мѣдьнами же. и рожанами. Тако вѣрьнии людиѥ въстрѫбишѧ. трѫбами разоумьнами. еванг҃льскъими гласы. твьрды бо сѫть ꙗко мѣдь. рожанами же кр҃стомь. рогъ бо кр҃стъ ѥсть. ꙗко начатокъ вьсѣмъ ⁘ Въскликнѣте прѣдъ ц҃ремь и г҃мь ⁘ Сирѣчь беспрѣстани ⁘ Да подвижитьсѧ море исплъниѥнье ⁘ Крьштеньѥ и бл҃годать ꙗже въ ниѥмь. море бо ꙗко мъного и по вьсей вьселениѥнѣи влънасѧ д҃хомь ст҃ымъ ⁘ Вьселенаꙗ и вьси живѫштии на ниѥи ⁘ Вьсѧ бо земля и ч҃лци ѩ мълвѧть въ часъ. крьштениꙗ. къто прьвѣѥ въсхытить бл҃дать ⁘ Рѣкы въсплѣштѫть рѫками вькоупѣ ⁘ Плештѫщите чюдо иже въ Іеръданѣ. дѣѥмоѥ на сѧ кааждо. отъ рѣкъ бл҃гдать помышлꙗаше разоумѣи же и покаꙗньꙗ сльзы подобьно рѣкамъ носимы ⁘ Горы възрадоуѭтьсѧ. отъ лица г҃на ꙗко градеть ⁘ Пр҃ци. горы бо въ кънигахъ нарицаѭтьсѧ. ꙗко велиꙗ догмати съꙗвъше. ꙗко догъматъ. ꙗвльшесѧ горъи ⁘ Ꙗко приде сѫдити земли ⁘ Приде бо и сѫди земьноумоу житиѭ. прѣложивъсѧ на бл҃гдать ⁘ Сѫдити вьселенѣи правьдоѭ ⁘

Оу҆законивъ ѩ҆ правьдоѭ ⁘ И҆ людемъ правостиѭ ⁘ Люди и҆же вьселеньи҆ . исправль ева̑нг҃льѥмь ⁘ ⁘ ⁘

Сохранившіеся отрывки изъ этой рукописи принадлежали митрополиту Евгенію, а теперь принадлежатъ Импер. Публ. библіотекѣ (14 листовъ) и Академіи Наукъ (2 листа). Изданы вполнѣ въ Древн. пам. рус. письма и языка Срезневскаго, 154—164.— Пс. 103, ст. 1—15 напечатанъ въ Истор. хрестоматіи Буслаева. Замѣчательно, что въ этой рукописи употреблены между прописными буквами нѣкоторыя глаголическія. Правописаніе этой рукописи, въ основѣ своей древнеславянское, носитъ на себѣ признаки вліянія нарѣчій болгарскаго и русскаго. См. Древн. пам. юсоваго письма, 183—184. Подробности въ трудѣ Вяч. И. Срезневскаго: Древній Слав. переводъ Псалтыри, Спб. 1877, стр. 11—13. Здѣсь указана и полная литература этого памятника. Толкованія въ семъ спискѣ Псалтыри принадлежатъ Св. Аѳанасію Александрійскому.

12. Изъ Изборника Святославова 1073 года.

(По рукописи Моск. Син. библ. № 31—161).

а) **Въпросъ · добро ли ѥ҆ прѧмь комъкати часто или порѧды . Отв҃ :**

А҆п҃лоу г҃лщоу да и҆скоушаѥ҆тьсѧ ч҃лкъ самъ ти тако о҆тъ хлѣба да ꙗ҆сть и҆ о҆тъ чашѧ да пиѥ҆ть . и҆же бо недостои҆ньнѣ ꙗ҆сть и пиѥ҆ть о҆соуждениѥ҆ себѣ ꙗ҆сть и҆ пиѥ҆ть не расѫждаꙗ҆ тѣла г҃нꙗ . сего дѣлꙗ҆ въ васъ мноꙁи немоштьни и҆ больни и҆ мьртви сѫть мноꙁи . а҆ште бо быхомъ соудили себе то не быхомъ о҆соуждаѥ҆ми были соудими же о҆тъ г҃а наказаѥ҆мыса да не съ миромь о҆соужени бѫдемъ . да добрѣ вѣдомо ѥ҆сть ꙗ҆ко подоба про҆чиштатиса ѥ҆сть о҆тъ вьсакого соупротивьна дѣла . ти тако пристоупати въ божьствьноуоумоу комъканиѭ . да не на пагоубѫ доуши и҆ тѣлоу бѫдеть . рече бо б҃ъ мѡусеомь въ и҆и҆ꙁраи҆лю . всакъ ч҃лвкъ и҆же а҆ще придеть о҆тъ всего сѣмене вашего . въ с҃тыи҆мъ ѥ҆лико же а҆ште о҆св҃щаѭть с҃нове и҆и҆ꙁраи҆леви г҃ви ти да нечистота ѥ҆го бѫдеть на и҆емь да и҆ꙁгънана бѫдеть д҃ша та о҆тъ мене . и҆ пакы . бл҃гоучьстивы сътворите с҃ны и҆и҆ꙁраи҆-

лєвы ѿтъ неүнстоты ихъ и да не оумьроуть неүнстоты своєѧ ради єгда осквьрнать сънь моѫ соуштоуѫ въ нихъ....

б) Θеодωритово ѿтъ неразоумьныихъ. гн бл҃гослови ѻ҃үе ∴

Богѫ попоуштаѭштѫ. дѣиствоуѭть и бѣси. тако бо и фараѡнови вльсви жьзльноѥ и рѣүьноѥ. и жабноѥ сътвориша. послабивъшѫ боу҃. владоуштааго ради безоумиѩ. прострѣти бо имъ повелѣ б҃ пагоубныѩ раны. раздрѣшити же ихъ не можахоу. ѥже бо имъ попоусти б҃ъ. толико же тъүьѭ сътвориша. се же оубо и сьде ѡбави рекыи. аште въстане въ тебе пророкъ. или видаи сънъ. и дасть знамениѥ или үюдо. и да придеть знамениѥ или үюдо. ѥже гл҃а къ тебе и да реүеть поидѣмъ послоужимъ богомъ инѣмъ. ихъ же не вѣсте. не послоушаите пророка того. и сьновидьца такого. ѩко искоушаѥть гь б҃ъ васъ. любите ли г҃а б҃а вашего. ѿтъ всего срьца. и ѿтъ оума вашего. да тѣмь оубо боу҃ попоуштаѭштоу лъжии пророкъ үюдо творить. оуүать же нынѣ вънимати знамениѥмъ ∴ ѥгда иже ѩ сътворать соупротивьнѣ. бл҃гоуьстиѥ оуүить. повелѣ же и лъжаго пророка оубити. и люди злаго оуүениѩ гонозити. погоубите бо реүе злоѥ ѿтъ себе сами ∴

в) Како правьда сънабъдѣваѥтьса. аште за ѻ҃ца үада моуүатьса ∴

'Акы дѣтолюбьца и пекоуштеса ѡ многодѣтьствѣ. страшить прѣштении. и реүеть ѿтъдаѩ грѣхы ѿтьүа на үадѣхъ до третиѥго и үетвьрътааго рода ненавидаштиимъ мене. и твора милость въ тысашта и въ тьмы любаштимъ мене. и хранаштимъ повелѣниѩ моѩ. а ѩкоже ѥнагомꙋ вънимати писаниѥ всемоу. неүьстиво. ѥсть. самъ тъ б҃ъ. оуүить соупротивьнѣ законъ оуставлаѩ. да не оумьрꙋть реүе дѣти за ѻ҃ца. ни ѻ҃ци за дѣти. нъ къжьдо въ грѣсѣхъ своихъ да оумроуть. иезекиильмь реүе үьто се ѥ ваша притъүа си. гл҃юшти имъ. ѻ҃ци ѩша кысѣло. и зоуби үадомъ оскоминьни, быша. живъ азъ ѥсмь гл҃еть г҃ь. аште боудеть притъүа та. нъ ıидъшиимъ кысѣло зоуби оскоминьни боудоу. ѩко вса д҃ша моѩ соуть. да д҃ша съгрѣшаѭштаѩ. та и да оумреть ∴

г) Въпросъ ∴ 'Аште рабъ въцѣсаритьса. издраиль. въ ѥгѵптѣ рабъ бывъ и на земли ѡбѣтьныи въцѣсарися. и несъмыслъ

найдѫса жита ꙁемлю готовоу приимъ и іади и насытивъсѧ. отъврьже сѧ. и раба аште иждене свою госпождоу га оубивъıи съборъ распавъ плъть христосовоу вънѣ вратъ. и жена мрьꙁъка аште сѧ лоучи лжѭ благоу иже отъ странъ црквъ хрсова. четверо єсть чюдо на ꙁемли тоже єсть моудрѣіе моудрыихъ. мравиıа иже не имоуть силы готовати си въ жатвоу пиштѫ и страны вѣрою бывъшѭѭ христоса. готовѧть себѣ вѣчьноую жиꙁнь добрыими дѣлы. и іаꙁви страна некрѣпъка. створиша въ камении свою домы. рекъше страны на доуховьнѣмь камыцѣ христосѣ. съꙁьдашасѧ иже бысть въ главоу оугльноую. хомѣсторъ роукама сѧ опираıа. и оудобь оулавиемъ. тъ живеть въ полатахъ цѣсарьскыихъ. раꙁбоиникъ протяжениıемь роучьныимь на кристѣ кристосовѣ опираıа сѧ живеть въ породѣ въ домоу цѣсарьстѣмь. оца и сна и стаго дха. бес цѣсара єсть проугъ и воиѥть отъ єдиного повелѣниıа доброучиньнѣ. бес цѣсара бѣша іаꙁыци. грѣхъ бо надъ ними цѣсарьствоваше. ныне же вѣровавъше въ боу воюють небесьное воиньство. троıе єсть єже добропоутьнѣ ходать. а четвьртоıе єже добрѣ прѣходить. аггели на небесьхъ стии на ꙁемли. дша правьдьныихъ подъ ꙁемлю. а четвьртоıе бжие слово проиде добрѣ ѫтробоу дѣвичѫ обновлениıе адамово твора. прѣиде въ миръ проповѣдьникъ викъ. истинѣ прѣиде въ адъ. дша съкаꙁаныихъ отрѣшити хотѧ отъ оуꙁы...

д) Феодоритово отъ цѣльбьныихъ ⁘

Въ єгуптѣ много нѣколико иꙁдраилю поживъшѫ врѣма и ꙁлыѧ нравы тоꙁемьць приимъшѫ и жрьти коумиромъ и бѣсомъ отъ тѣхъ навыкъшѫ играти и пласати и гоусльми мосиковискыими глоумитисѧ и въ ты нравы вълѣꙁъша свободити въсхотѣвъ бъ нъ не всѣмъ жрьти нї пакы лъжеименїтыимъ єгуптьскыимъ бгомъ нъ томоу тъчьѭ. єѭптьскыıа приносити богы. бга бо творахоу преже и волъ єгоупта. не и овьча. и коꙁоу и голоубицѫ. и грълицѫ. и иныи приносы не іадомыхъ нї нечистыихъ нарицаемыхъ. да не тѫжать оубо. акы обычаи тѣхъ всѣхъ въꙁбранении мьнимыимъ богомъ. отъречс жрьти. себѣ же жрьти ꙁаконъ оустави ємоу же прьвѣе сами кланахоу сѧ. отъ надъꙁмльныихъ волъ и коꙁѫ и овьцѫ. а отъ

птиць и грълицѫ и голѫбь жьртн же немошти ради жьроуштиихъ попоустивъ чьтомаю же отъ нихъ. заклати же повелѣвъ. да отъ закалании накыкноуть. бъ не мнѣти жьромыихъ. да не сего дѣла и скинию маса въѕбранахоу ꙗсти, имь же то тъчьѭ ѥгуптѣне ꙗдахоу инѣхъ акы бъ въздьржащеса неуистъі бо ты мьнѣти законооуставникъ ꙗсти повелѣ боготворимаꙗ акы отъ нихъ ꙗдома. да не жрьтвьнаꙗго оубо и гоусльнааго гласа трѣбоую бъ жьрьтн повелѣ. и ѥрьганы играти нъ немошти ихъ смотра и ветъхыю врѣды исцѣлаꙗ. то тако оуставн ⁘

Послѣсловіе писца. 'А коньць вьсѣмъ книгамъ. оже ти собѣ не любо то того и дроугоу не твори :

Въ лѣто. ,зфпа. написа Іωаннъ дıакъ изборьникъ сь. великоуоумоу кназю стославоу :

Великъıи въ кназѣхъ кназь Сватославъ. въжделаниѥмь. зѣло въжделавъ. дрьждалникъıи владыка обавити. покръвенъıѩ разоумы въ глоубинѣ. многострѫпътьныхъ сихъ кънигъ. прѣмѫдраꙗго васила. въ разоумѣхъ. повелѣ мнѣ. немоудроуведнѫ. прѣмѣноу сътворитї рѣчи. инако. навѫдаште тождьство разоумъ ѥго. ꙗже акы вьчела любодѣльна. съ вьсакого цвѣта исанїоу. събьравъ акы въ ѥдинъ сътъ. въ велъмысльноѥ срьдьце своѥ. проливаѥть акы сътъ сладъкъ. из оустъ своихъ прѣдъ болары. на въразоуминие тѣхъ мыслемъ. ꙗвлаꙗса имъ новыи птолемеи не вѣрою нъ желаниѥмь паче. и събора дѣла мноучьстьныихъ. божьствьныихъ кънигъ вьсѣхъ. имиже и своꙗ полаты испълънь. вѣчьноуѭ си памать сътвори. еже памати внижѫ въсприꙗти. бѫди христолюбивѣи ѥго дши въ отъмьштениѥ вѣнцемъ. блаженъıихъ и стыихъ мѫжь. въ непрѣбрдомыи вѣкъ вѣкомъ ⁘⁘

Изборникъ „съворъ отъ многъ оць“ съ рисункомъ, изображающимъ семейство князя Святославова (+ 1076), писанъ для сего князя діакомъ Іоанномъ въ 1073 году. Подлинникъ (266 л., въ листъ) хранится въ Синодальной библіотекѣ, въ Москвѣ. Эта драгоцѣнная рукопись открыта (10 іюня 1817) К. Калайдовичемъ въ Воскресенской Новоіерусалимской библіотекѣ, и описана

имъ въ его сочиненіи: „Іоаннъ экзархъ болгарскій“, 1824, стр. 102—104. Перечень важнѣйшихъ статей Изборника, въ сличеніи съ статьями греческаго оригинала, и описаніе самаго памятника предложилъ Востоковъ въ „Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“, Спб. 1842, 499—506. Важнѣйшія фонетическія, грамматическія и лексикальныя особенности рукописи отмѣчены въ „Матеріалахъ для исторіи письменъ“, Ѳ. И. Буслаева, Москва, 1855, стр. 5—10, съ приложеніемъ прекрасныхъ снимковъ, работы І. Шелковникова. Сл. въ „Древнихъ памятникахъ юсоваго письма“, Срезневскаго, стр. 179—181. Болѣе подробное разсмотрѣніе памятника—въ „Описаніи слав. рукописей Синодальной библіотеки“ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, II: 2, 365—405. Выписки—у Ѳ. И. Буслаева, Истор. христоматія церковнослав. и древнерус. языковъ, М. 1861, 261—275 и у И. И. Срезневскаго, Древніе памятники русскаго письма и языка, Спб. 1863, 138—141, 145—146. Пок. О. М. Бодянскій много лѣтъ трудился надъ приготовленіемъ къ печати филологическаго изданія этого памятника, вмѣстѣ съ греческимъ оригиналомъ. Въ 1880 г. Изборникъ Святославовъ изданъ въ Петербургѣ Обществомъ любителей древней письменности на средства одного изъ членовъ Т. Морозова. Это—одно изъ самыхъ роскошныхъ и дорогихъ изданій: текстъ напечатанъ посредствомъ фотолитографіи, а картины посредствомъ фотохромолитографіи. Этотъ Сборникъ составленъ не славяниномъ, а переведенъ съ такого же греческаго сборника. (См. Опис. Румянц. Муз., стр. 500). Переводъ сдѣланъ былъ, вѣроятно, для болгарскаго царя Симеона, много способствовавшаго успѣхамъ славянской письменности въ X вѣкѣ; ибо въ другомъ спискѣ этого Изборника (1446 г.), хранящемся въ библіотекѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, вмѣсто имени великаго князя Святослава, упомянутъ въ предисловіи царь Симеонъ: „Великыи въ цр҃ехъ симеонъ желаніемъ зѣло жела“ и т. д. См. С. П. Шевырева, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, 1850, часть II, 30—32. Статьи, помѣщенныя въ Изборникѣ, не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія, философскаго, риторическаго, описательнаго и частію историческаго. Это—цѣлая энциклопедія различныхъ свѣдѣній, почерпнутая изъ византійскихъ источниковъ. Большую часть рукописи (л. 27—223) занимаютъ Анастасіевы отвѣты съ приложеніями.

Правописаніе Святославова Изборника, въ основѣ своей древне-славянское, подверглось значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ русскаго писца. Сравнительно съ Остромировымъ Евангеліемъ, этотъ памятникъ отличается бóльшимъ вліяніемъ русскаго правописанія и произношенія: ж, ѫ, ѧ, ѩ весьма часто употребляются неправильно; довольно часто встрѣчаются русскія полногласныя формы; д чаще, чѣмъ въ Остромировомъ спискѣ, смягчается по русски въ ж, вм: жд.

13. Изъ Изборника Святославова 1076 г.

(По изданію въ Древн. пам. русскаго письма и языка Срезневскаго и въ Истор. Хрістоматіи Буслаева).

а) **Слово нѣкоѥго калоугѥра о (чьтіи стъıхъ) [1]) книгъ.**

Добро ѥсть братиѥ поучѥтаньѥ книжьное. паче вьсакомоу хрьстьꙗноу. блажени бо рече: испытаюштии съвѣдѣниꙗ ѥго вьсьмь срдцьмь възиштють ѥго. чьто бо рече испытаюштеи съвѣдѣниꙗ ѥго. Ѥгда чьтеши книгы. не тъштися бързо иштисти до дроугыꙗ главизны. нъ поразоумѣи чьто глють книгы и словеса та. и трищьды обраштаꙗся о ѥдиной главизнѣ. рече бо въ сьрдьци моѥмь съкрыхъ. словеса твоꙗ да не съгрѣшѫ тебѣ. Не рече оусты тъчью изглаахъ. нъ и въ сьрдьци съкрыхъ да не съгрѣшѫ тебѣ. и поразоумѣваꙗ оубо истиньнѣ писаниꙗ правимь ѥсть ими. рекоу же. оузда коневи правитель ѥсть и въздержаниѥ. правьвьдьникоу же книгы ѧ. Не съставить бо сѧ корабль без гвоздии ни правьдникь без поучениꙗ книжьнаго. и ꙗко же плѣньникомъ оумъ стоить оу родителъ своихъ. тако и правьдьникоу о поученьи книжьнѣмь. красота конноу ороужиѥ. и кораблѫ вѣтрила. Тако и правьдьникоу поучениѥ книжьное. отъкрыи бо рече очи мои. да разоумѣю чюдеса отъ закона твоѥго. очи бо глеть размыслъ срдчьныи и прочеѥ: Не съкрыи отъ мене заповѣдии твоихъ разоумѣи. ꙗко не отъ очию скрыи. нъ отъ разоума и срдца. тѣмь же

---

[1]) У Срезневскаго напечатано: о **чьхъ книгъ.**

и похоули не поѳучажштаса . гл҃а . проклати оукланажштенса отъ ꙁаповѣдни твоихъ . тѣмъ же и самъ са похвали гл҃а ❖ Коль сладка словеса твоꙗ паче меда оустомъ моимъ . и ꙁаконъ оустъ твоихъ паче тысаніта ꙁлата и сребра и всѣпѣтъ гл҃а . Въꙁрадоужса аꙁъ о словесьхъ твоихъ ꙗко обрѣтаꙗ корисдь мъногоу . користь во нарече словеса Бж҃иꙗ . гл҃а . Ꙗко обрѣтохъ недостоинъ сы такъ даръ . иже ми са поѹчати словесьмъ твоимъ дьнь и нощть . То мы братиꙗ поразоумѣнимъ . и послоушаимъ разоумьнъıма оушима і поразоумѣнимъ силоу и пооученние ст҃ыхъ книгъ ⁘ Послоушаи ты житьꙗ ст҃ааго Василиꙗ . и ст҃ааго Їѡ҃а ꙁлатооустаго . и ст҃ааго Кирила філософа . и инѣхъ многъ стынхъ . како ти съ нърка повѣдають о нихъ рекоуште . иꙁ маада прилежахоу ст҃ъхъ книгъ . тоже и на ина добраꙗ дѣла подвигноушаса . виждь како ти начатъкъ добрымъ дѣломъ . пооученние ст҃ынхъ книгъ . да тѣми братиꙗ и сими подвигнѣмъса на поуть житиꙗ ихъ . и на дѣла ихъ . и поучаимъса въ ино книжьнымъ словесьмъ . творащие волю ихъ ꙗко же велать . да и вѣчныꙗ жиꙁни достоини боудемъ . въ вѣкы аминь ⁘

б) Ѯенофонта иже гл҃а къ сн҃ома своима.

Аꙁъ чадѣ рекоу вама . чловѣча житиꙗ отити хощтю : вѣста бо како въ житии семь жихъ веꙁлоукы . како отъ вьсѣхъ чьстьнъ бѣхъ и лжбимъ . не сана ради велика . нъ нороѡвъмь великъмь :

Не оукорихъ никого же не вередихъ . и никого же не оклеветахъ . ни ꙁавидѣхъ никомоуже :

Ни раꙁгнѣвахъса ни накогоже . ни на мала ни на велика :

Не оставихъ цр҃кве бж҃на вечеръ ни ꙁаоутра ни полоудне :

Не прѣꙁьрѣхъ . ништиихъ . ни оставихъ страньна . и печальна не прѣꙁьрѣхъ никъгда же . ниже въ тьмьницахъ ꙁаключении . потрѣбьнаꙗ имъ дахъ : ниже въ плѣньницѣхъ иꙁбавихъ :

Не помыслихъ на добротоу чжжю....

Тако и вы живѣта чадѣ мои . да и важ б҃ъ оублажитъ . и длъголѣтьна ꙗвитъ и сътворитъ .

Оубогыихъ посѣштанта . вдовицѫ защитиштанта . немоштьныꙗ милоунта . и осоуждаемыꙗ бес правьды изьмѣта . миръ имѣꙗта съ вьсѣми . Паче же вьсѣхъ иже въ поустыни и въ пештерахъ и въ пропастьхъ земльныихъ . добро творита .

Поминаита манастыра . чьрнориздьцѧ стыдитаса и чьтѣта . и милосрьдоуита .

Матери же каю чьсть отъдаита . и вьсе добро сътворита ки . да ҃га оузьрита . радоуюштаса . и о томь веселитаса въ вѣкы :

Вьсе коꙗнко имата златъмь и сребрьмь и ризами . неимоуштиимъ подаита : и въ работѣ соуштаꙗ акы своꙗ чада лкбита . и оуныꙗ милоуита . и старыꙗ свободы съподобита . пищѫ имъ до съмрьти дающа . и съ проста рекѹ . юже ма видѣста творашта . и вы творита да спсетаса . и съподобитаса стыихъ :

Мтре не забываита . волѫ юи творита . и послоушаита съ страхъмь гньмь :

Вѣдѣ бо ꙗко дѣло гне дѣлаюта : заповѣди гна храннта . и бъ мира сего боуди съ вама : аминь :

в) Їѡ Златооустаагo o постѣ :

Цсрь хота прияти градъ противьныихъ . отемлеть имъ водоу и скоро приметь градъ . тако и правдьникъ хотаи побѣдити дияꙗвола . да приметь постъ .

Храмъ неподобьнъ бес покрова ни постъ бесъмѣрении съсоудъ не приметь воды бeз дьна . ни поста бъ бесъмѣрениꙗ .

Дни настоꙗщюю мълва бывають въ чловѣцѣхъ и матежъ и пришъдъши нощи вьси оусъноуть тако и члвкъ томимъ отъ мысли и примъшю постъ вьса оумьртвить . Небонъ адама невъздьржаниꙗ оутробьноꙗ изведе и потопъ сътвори . и содомьско попалениꙗ то съведе . такожде же и июдѣи велико зъло сътвориша отъ пьꙗньства и отъ питаниꙗ на беззакониꙗ изълѣзъше . да сего дѣла и хсъ алка м̃ днии намъ образъ показаꙗ спсениꙗ . Ре бо гь блжени алчющеи и жажющии ꙗко ти насытатьса .

Изборникъ Святослава 1076 г. (276 л. въ малую 4-ку), принадлежавшій прежде исторіографу кн. Щербатову, хранится въ Имп. Публ. библіотекѣ. Написанъ въ годъ кончины Святослава, 1076 г. какъ видно изъ послѣсловія: **коньчашаса книгы сиѧ роукою грѣшьнаго иоанна. изъбрано из мънога книгъ кнѧжь... коньчахъ книжькы сиѩ въ лѣто .ѕ҃. ф҃. пд. лѣто. при стославѣ кнѧзи русьскы ѕемлѧ. аминъ.** По содержанію частію сходенъ съ Изборникомъ 1073 года, но богатъ болѣе статьями нравственно-религіознаго содержанія. Система правописанія въ обоихъ этихъ памятникахъ одна и таже, хотя въ спискѣ 1076 г. и замѣтнѣе вліяніе русскаго писца: ж, ѫ, ѧ и ѩ смѣшиваются съ простыми гласными; иногда опускаются ъ и ь, и смѣшивается ѣ съ є; попадаются полногласныя русскія формы. Любопытно въ этомъ памятникѣ, между прочимъ, упоминаніе о славянскомъ первоучителѣ Св. Кирилѣ философѣ и о его житіи (въ статьѣ: О чтеніи книгъ).

14. Изъ Ноябрьской Минеи 1097 года.

(По изд. Срезневскаго въ Древн. пам. рус. письма и языка).

Мц҃а то҃ (ноабра) въ .и҃. стаго архгла михаила. ко҃. гла҃ .в҃. самогла҃ ⁘

Архистратиже бжиі. слоуго бжиѩ славы. англом наставьниче. и начальниче бесплътьныим. іеже іесть на на польѕоу моли. и всаниѩ мастн. беѕплътьныімъ. архистратигъ ⁘ іко҃. по҃. оущсии ⁘

Рече чьлвколюбьче писаныхъ си. множьствѣ радоватиса. англъ. о чацѣ іединомъ каюштиимъса бесъмьртьне. тѣмь мы въ беѕаконихъ беѕгрѣшьне іедине. срдцевѣдьче. тебе молимъ са. всегда дьрѕновеннемь. ѩко чловѣколюбьча. оущедрити. и посълати. недостоинымъ. оумиление вадко подаѩ намъ. прощение. ѕа вса бо ны ты молишиса ⁘

сти҃. на гн ѕ ⁘ гла҃ .а҃. по҃. нбсныим ⁘

Англьвы ти въ мирѣ праѕдьноующие. соущоумоу на прѣстолѣ слаславы бгоу сѣдащоумоу. въѕъпиемъ нѣ сты іеси оче нбсный. съприсносоущьноіе слово стъ єси. и дхъ оубо прѣстын ⁘

Небєснымъ пьрвый сы. дьрзновеннемь си многымь. и слоужителю бжствнаго оного свѣтозарна. самовидьче неизрєчєнныхъ. спси нас михаиле архистратигъ. соущаа въ напасти и бѣдѣ и съкроушенни. млтвами си избави молимъса ⁘

Бесплътьнымъ на҇ло. и слоужитель сйы вышьнаго. иже радоуса пьрвый. рекъ бцн спсн насъ. гавриле. архистратигъ. молащихъ ти са вѣрою. и блгоучьстьно хвалащихъ спса. ха ⁘

⁜ ино. гла .д. по. ꙗко добла ⁘

Трьсълъньчнаго божьства. прѣстатель свѣтьлъ. михаиле ꙗвла са архистратиже. съ вышьними силами въпиюши веселоучаса. стъ єси оче. сто събєзначально слово стоє. и сты дхъ. єдина слава и црство єдино єстьство. и єдино бжство и сила ⁘

И образъ твои огньнъ. и доброта чоудена. михаиле пьрвый англе. бесплътьнымъ бо єстьствъмъ. проходиши коньца. съконьцавайваа повелѣния всѣхъ творьца. сильнъ крѣпостью своєю съказаꙗса. источьникъ цѣльбъ црквь твою показа. именьмъ твои стмь почитаємы ⁘

Твора англы твоꙗ дхы. ꙗко же пишєтьса. и слоужаще тебѣ пламы огньны. средѣ чиновъ ликъствоующа показающа гй. твоєго архаггла михаила архистратига твоєимъ пове[ле]ниємь. повиноущеса словоу. и пѣсньми трьсватоую съ страхъмь възглашающе славѣ твоей ⁘

на стихов ⁘ гла: и. к ⁘

Сърадоуитеса намъ .. вса англкаа чиноначалиꙗ прѣдъстатель бо вашь і нашь застоупьникъ. великый архистратигъ. въ дньшьнии днь. въ устинѣмь єго храмѣ. преславьно ꙗвлаꙗса освꙗщаєть. тѣмь дължьно. въспоюще томоу възъпиємь. покры насъ. кровъмь крилоу твоєю. великый михаиле архаиле ⁘

на стих ⁘ заоу. гла .є. ⁘

Идеже осѣнꙗєть блгодать твоꙗ всехвальне. отътоудоу и диꙗвола прогониса сила. не тьрьпитъ бо. свѣта твоєго видѣти съпадый дньница. тѣмь ти са молимъ. пламꙗныꙗ єго стрѣлы ꙗже на ны движаємыꙗ оугаси си. ходаствъмь ти избавлаꙗ насъ. ѿ соблазъ єго. достоино хвальне михаиле архистратиже ⁘ — —

⁜ пѣ҃ .ѳ҃. ермо҃ . всякъ ꙁемьнъ ⁘

Държавоу ѿ ба҃ приимъ . невъꙁбраньноу же же и непобѣдимоу . юдиною обакленнымъ противьнааго и мъногооухаьнааго . бесчинения посрамляють . и побѣдоу . михаилъмъ приемлють . и тѣмь ха҃ приемлють ⁘ — —

Привлѣци насъ къ юдиному на желанию твоюмоу члѣковце беꙁплътьныхъ причтьныими матками . твоимь рачениюмь . бжь҃ствьныи дъждениие хе҃ . съ иными сътвори юже пѣти и славити та . въ вѣкы вѣкомъ мати твою ⁘ —

Подлинная рукопись хранится въ Синодальной Типографской библіотекѣ, въ Москвѣ, подъ № 202. Писана на пергаминѣ, въ 4-ку, на 174 л. (первой тетради недостаетъ), среднимъ уставомъ разными писцами, между прочимъ инокомъ Михаиломъ, какъ видно изъ подписи на л. 89 об. на полѣ: ги҃ помоꙁи рабоу своемоу михаилѣ а мірьскы ва... а простите ма грѣшьнаго.. и недостоинаго. На л. 171 об. внизу написано: въ лѣ҃ ҂ѕ҃.х҃.е҃ ⁘ Рукопись эта принадлежала прежде Новгородскому Сковородскому монастырю. Правописаніе—русское (изрѣдка встрѣчается, однако, начертаніе ѫ). Областное произношеніе обозначилось въ смѣшеніи ц и ч.— Въ Типографской библіотекѣ хранится также Октябрьская Минея 1096 г. (подъ № 200), пис. на пергаминѣ, въ 4-ку, на 127 л. мелкимъ уставомъ разными писцами, имена коихъ открываются изъ подписей на самой рукописи (на л. 1 об. 52 об. и 127 об.)— также русскаго правописанія. Эта Октябрьская Минея 1096 г. прежде принадлежала Новгородскому дѣвичьему Лазареву монастырю.

15. Изъ Сербскаго Евангелія (Мирославова) XII в.

(По изд. Срезневскаго въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, статья XLVI, Спб. 1874).

мца҃ . енва . ꙁ҃ . ⁘ сто҃ Иоана крстлѣ ⁘ свѣ вьсиѣ праведь ⁘ алѣ҃ . гла҃ . и҃ . а҃ . ⁘ еоу҃ . ѿь Иωа҃ . гл҃ . ѓі . Іо, І, 29—34. Вь о҃ . вѣды Иоа҃ Іса҃ гредюща къ себѣ . и гла҃ имь . се агнць бжи҃ . вьꙁемлеи грѣхи всего мира . си есть о немь же аꙁь рѣхь . по мнѣ гредеть мюжь . иже прѣдь мноѫ асть ꙗко прьвѣе мене

ꙗсть и аꙁь не вѣдѣхь его. нь да ꙗвить се Иꙁлеви. сего ради аꙁь придь вь водѣ крьсте и свѣдѣтельствова Иоань гле. ꙗко видѣхъ (дхъ) сьходещь ꙗко голоубь сь нбсе. и прѣбы на немь. и аꙁъ не видѣхь его. но посланы ме крьстити вь водѣ ть мьнѣ ре. надь нь же оуꙁриши дхь сьходещь и прѣбывающь на немь. си ꙗсть крьстеи дхомь стмь. и аꙁь видѣхь и свѣдѣтельствовахь. ꙗко си есть снъ бжи.

Не. по бгоꙗве ал. г. ф. пр нерѣи твои облѣкю. еоу. ѿ Ма. гла. и. і. Мат. IV, 12—17. Вь ѡ: слышавь Ісь ꙗко Иоа предань бы. отиде вь Галилѣю. и оставь Наꙁареть. пришьдь вьселисе вь Каперьнаоумь. вь поморие. вь прѣдѣлѣхь Ꙁавлонихь. и Нефталимлихь. да сьбюдетьсе реное Исаиемь пророкомь глщемь. ꙁемлѣ Ꙁавлонѣ и ꙁемлѣ Нефталимлѣ. пють морѫ оѡнь нолъ Ердана Галилѣа еꙁыкь. людие сѣдещe вь тьмѣ. видѣше свѣть велеи. и сѣдещимь вь странѣ и сѣни смртьнѣи. свѣ вьсиѣ имь. ѿ толѣ наче Ісь проповѣдати и гати. покаите се приближи бо се црьство нбсное.

Записъ. Аꙁь грѣшны Григорие дикь недостоины нарещисе дикь. ꙁаставихь сие евнглие. ꙁлатомь. кнеꙁю великославноумоу. Мирославоу. снбоу Ꙁавидиноу. а мне ги. не ꙁабуди грѣшнаго. ны храни себѣ. дѣ ми есть гие жаль. тебѣ работавши кнеꙁю своемоу гноу. дѣ ми е. не хранивши грѣшнаг ⁘

И такъ, евангеліе это писано дьякомъ Григоріемъ для князя Мирослава, сына Завидина. По лѣтописямъ Сербскимъ. Завидъ былъ сынъ Тѣхомила, братъ Стефана Немани, и „сьꙁда црькевь на Лимоу ѡ. ѯ. стальна св. а. Петра и Павла.“ (Шафарикъ, Památky dr. písemnictví Iihoslovanův. VI: 58 и 68). Въ архивѣ Вѣнскомъ есть двѣ латинскія грамоты, одна 1186 г., другая 1190 г., заключающія въ себѣ мирныя условія Дубровчанъ съ княземъ Мирославомъ, и подъ обѣими грамотами есть подпись по сербски: кнеꙁь Мирославь (Fr. Miklosich, Monumenta Serbica, Viennae, 1858, III и V). Одинъ листъ этого Сербскаго Евангелія (апракоса) хранится въ собраніи преосв. Порфирія, остальные листы на Аѳонѣ. И по рисунку буквъ рукопись эта относится къ XII в. Писана на тонкомъ, нѣжномъ пергаминѣ, прекраснымъ крупнымъ уста-

вомъ въ два столбца по 23 строки; начальныя буквы сдѣланы весьма изящно и разрисованы разными красками.

16. Изъ Сербскаго Евангелія (Волканова) XII в.

(По изд. Срезневскаго въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, статья XII, Спб. 1867).

вь соу : сыѱпоу : еуге : ѡть ма : Мат. VI, 1—13. Рє гь вьнимамлостына ваша не творите прѣдь члвкы : да видими боудете ними : аще ли ни мьзды не имате : ѡ ѡца вашего иеже иесть на нбсехь : иегда бо творишн млостыню : не вьстроуби прѣдь собою : ако и лицемѣри творєть вь соньмищихь и вь стьгнахь : да прославетсе ѡ члвкь : и право глю вамь вьсприма мьзда свою : тебѣ же млостиноу творєщоу : да не чоуиеть лѣвица твоя да боудеть млостыйна твоя вь таинѣ : и ѡць твои виде те вь таинѣ : вьздасть тебѣ авѣ : и иегда млишн се не боуди ако лицемѣри : ако любеть на соньмищихь и на стьгнахь на распоутиихь стоеще молетьсе : да аветь се члвкомь : аминь глю вамь ако вьсприемоуть мьздоу свою : ты же иегда млишисе вьниди вь клѣть свою и затвори двери твое и млисе ѡцоу твоемоу : вь таинѣ : и ѡць твои виде те вь таинѣ : вьздасть тебѣ авѣ : молеще же се не лихо глите : ако же и иезыїчьници : мнеть бо се ако вь мнозѣ глани своими оуслышани боудете : не поб(о)ите се имь : вѣсть бо ѡць вашь ихь же трѣбоуиете : прѣжде прошениа вашего : тако оубо млите се вы : ѡче нашь иеже иеси на нбсѣхь : да стить се име твое : да приде црьствиие твоие . да боудеть воля твоя . ако на нбси и на земли : хлѣбь нашь придоущии : даждь намь днесь : и ѡпоусти намь дльгы наше : ако и мы ѡпоущаиемь дльжьникомь нашимь : и не вьведи нась вь напасть : но избави нась ѡ неприязни . ако твоие иесть црьство и сила : и слава вь вѣкы аминь ∴

Запись. Понеже мнози начеше чинити . и извѣсти дѣати аже ѡ извѣстьныхь вещехь : случисе мнѣ грѣшьнимоу присно и оуныломоу : и хоуждьшюмоу всѣхь : ни нидостоинимоу назвати се именеми симь : мьниха : Сумеѡна : вьзвѣстити вса по редоу : аже

съвршин вл҃ка всѣхь: провиенїемь: и ѡ̈мемїемь: мене грѣшьнаго: Сѷмеѡ̈на старьца: бывшаго ме нѣкгда в мирѣ: и ѥще ѿ ми сущую неразлюченѹ ѿ рода: ни ѡ̈мление ѡ̈не не бѣше: токьмо г҃и Ис҃ Х҃ъ спо̑би ме н(е) достоинаго: достоинѹ быти ѡ̈дьети иго твоѥ на се: ѡнь же ѩ̑ко благь: и милостивь: рекы грѧдущаго (по) мьнѣ нѣжденѹ вамь: испль(ни) желанние ѡ̈не вьскорѣ: оуже на вр... го же чаѩхь за многие дн҃ї: и ѥще сущу ми в манастырь вь ѡбьщежитї: и пакы уждельѣвьшю ми се: ѡ̈извдихь се изити изь манастира: и ѿ братие: и послѣдовати Хѹ: не поминловахь себе: ни ѡ̈щедѣхь немѡ̈щьные старости (ма)тере своѥ: за име.... и любимую братию ѡставихь и сестры. и инѹ прочую присны: да сьбудетьсе г҃(ле)ѡ̈не: не пр҃ркы ни ап҃лы: нѹ самѣмь г҃дмь нашимь Ис҃ Х҃стомь: всакь ѡставлен: матирь и братию: ина прочаѩ: и по мнѣ шьдь: стократь при..., ѿ живот вѣчьны: Д҃вдь бо пишеть: каѩ ѡ̈льза у крьви ѡ̈мен: ѥгда сънидѹ въ истьлѣние: ѥда исповѣсть ти се прьсть или възвѣстить истинѹ твою: се врѣме покаѩниѩ ѡ̈настоить. ѩ̑ко нѣсть в сьмрьти поминаѥи тебе: вь адѣ же кто исповѣсть ти се... и вса сьмысльньїю... сподобихь се страньнѣ быти к своѥму родителю и братиї: приѥмле досажденние и укоренние: и ѡ̈са д... ѡклеветанние: ѿ зьлыхь ч҃лвкь: а ѡ врага напасти и брани: паче всѣхь: нѹ азь то вса вз(е)млю за име Х҃стово: поменѹѥ слово Д҃вдово: ѩ̑ко тебе ради поругань быхь вс҃ь дн҃ь: и паки тѣждь знаѥмымь ѡ̈нимь: и страньнь с҃нь матери ѡ̈мен: сн҃мь же всѣмь свьршивьшимь се мною грѣшьнымь: спо̑бихь се жити в Пеки в градѣ Расѣ и написахь сие книге: своѥму г҃ну: великѥму жупанѹ [1]) : Ѿ неизреченьные б҃у и бж҃ьствьные (г҃а) м(у)кы: чюю... е... самдрьжьныхь властелѣхъ: тѣмь же изрекѹ ѡ нихь: ужасаю се зѣло ѡ̈ним же, и словомь ѡбаче дрьзивьхь: вспоминаю величиѩ ихь: и подвигы д҃шевьные: ѩ̑же сьвршин небсьны ц҃рь ѿ таковѣхь властелѣхь: понеже вл҃мы а гь нашь Ис Х҃ъ: по неизьмѣрьнѣи ѥго милости: и по изволению пр҃чстые г҃же б҃це: прѣдасть Х҃сь. чьстьны вѣнцѣ великѥму жу-

---

[1]) Далѣе подчищено строкъ 11-ть.

панꙋ Вльку: владычьствующю ему: своею Срьбьскоѡмь ꙁем-лею: и Ꙁетьскоѡмь страноѡмь: и Поморьскыми градь: ... и Ни-шевьскыми прѣлы велеродьномꙋ: велеславьномꙋ: великомꙋ жу-панꙋ Вльку: сйа самодрьжьнаго гйа ѡбласти своюе: Стѣфана Немане:

Запись свидѣтельствуетъ, что евангеліе это написано старцемъ Симеономъ въ г. Расѣ (Новый-Пазаръ) для великаго жупана Волка или Волкана, сына самодержавнаго Стефана Немани. По мнѣнію И. И. Срезневскаго, запись эта относится къ 1199—1200 году („Свѣдѣнія и замѣтки“, 20—28. Сл. его же „Древніе памятники письма и языка югозападныхъ славянъ“, Спб. 1865, 58—60). Это евангеліе (апракосъ) принадлежитъ преосв. Порфирію. Написано на неровномъ, дурномъ пергаминѣ, плохимъ почеркомъ, на 189 л. въ 4-ку, въ два столбца; рукопись почти полная.

Древній церковнославянскій языкъ въ этихъ двухъ сербскихъ спискахъ евангелія (Мирославовомъ и Волкановомъ) подчиненъ переписчиками вліянію сербскому. Правда, еще кое гдѣ случайно попадаются начертанія ѫ, ѧ, но большею частію они замѣняются, по сербски, чистыми гласными: ѫ чрезъ ꙋ, ю,—ѧ чрезъ є; твердые и мягкіе слоги не различаются: ь употребляется почти исключительно, а вм. ꙗ, о вм. є, и вм. ы и наоборотъ, ꙋ вм. ю и наоборотъ; вмѣсто глухихъ часто ставятся чистые о и є; вмѣсто ы часто ставится по сербски є; ъ и ь смѣшиваются; предлоги ꙋ и вь употребляются одинъ вмѣсто другаго. Имена прилагательныя въ ед. им. муж. р. оканчиваются на ы, и, вм. ыи, ии; въ 3 л. ед. наст. иногда опускается флексія ть; неопредѣленное достигательное б. ч. не сохраняется.

Характеристика древняго церковнославянскаго языка.

Древнимъ церковнославянскимъ языкомъ называется тотъ, на который въ пол. IX в. переведены были Свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ священныя книги. Какой народности принадлежалъ этотъ языкъ—Болгарамъ ли, или Мораво-Паннонцамъ,—относительно этого вопроса ученые еще не пришли къ единогласному рѣшенію. Подлинныхъ рукописей славянскихъ отъ времени Кирилла и

Меѳодія не сохранилось; остались только списки съ нихъ, изъ которыхъ древнѣйшіе относятся не ранѣе, какъ къ XI столѣтію. Такъ какъ списки эти дѣлались въ разныхъ мѣстностяхъ и писались разными лицами (болгарами, сербами, русскими), то подлинный древнеславянскій языкъ въ нихъ измѣнялся болѣе или менѣе подъ вліяніемъ разныхъ мѣстныхъ нарѣчій, которыми говорили переписчики. Отсюда возникли рецензіи рукописей: русская, сербская и болгарская или юсовая. Такимъ образомъ для того, чтобы на основаніи этихъ списковъ судить о томъ древнемъ нарѣчіи, на которое переведены священныя книги, необходимо въ языкѣ ихъ выдѣлить разныя особенности, принадлежащія тѣмъ или другимъ нарѣчіямъ.

Отличительныя особенности древняго церковнославянскаго языка, очищеннаго отъ разныхъ діалектическихъ наслоеній, суть слѣдующія:

А) Относительно звуковъ:

1. Правильное употребленіе носовыхъ ѫ, ѭ, ѧ, ѩ въ корняхъ, суффиксахъ и флексіяхъ. Носовые суть ничто иное, какъ соединеніе краткой гласной съ согласною носовой м или н, такъ что ѫ=ом, он, ъм, ън,—ѧ=ем, ен, ьм, ьн. Носовое произношеніе начертаній ѫ, ѭ, ѧ, ѩ открыто было Востоковымъ (въ его „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ“) чрезъ сравненіе ихъ съ польскими звуками ą, ią, ę, ie, и послѣ подтверждено Миклошичемъ (въ его „Сравнит. грамматикѣ слав. языковъ“) и другими чрезъ сравненіе славянскихъ словъ и формъ, содержащихъ ѫ, ѧ съ соотвѣтственными словами и формами индоевропейскихъ языковъ: санскрита, готскаго, литовскаго, греческаго и латинскаго.

2. Правильное отличеніе слоговъ твердыхъ и мягкихъ, то-есть строгое различеніе въ употребленіи ъ и ь, а и ꙗ, о и є, оу и ю, ы и и.

Примѣчаніе. Въ рукописяхъ болгарскихъ или юсовыхъ начертанія ѫ ,ѧ, правда, употребляются, но неправильно, одно вмѣсто другаго; видно, что истинное значеніе этихъ начертаній было уже утрачено. Равнымъ образомъ, твердые и мягкіе слоги также смѣшиваются, | предпочтительно употребляется твердый ъ. Въ рукописяхъ русскихъ начертаній ѫ, ѧ совсѣмъ нѣтъ: вмѣсто ѫ въ нихъ оу, вмѣсто ѧ—ꙗ или я (послѣднее послѣ шипящихъ). Твердые же и мягкіе слоги различаются правильно. Въ рукописяхъ сербскихъ также нѣтъ начертаній

ж, ѧ, которыя замѣняются здѣсь также чистыми, ѫ чрезъ оу, ѧ чрезъ е. Твердые и мягкіе слоги также не различаются, но предпочтительно употребляется мягкій ь.

3. Употребленіе глухихъ гласныхъ ъ и ь въ корняхъ, суффиксахъ и флексіяхъ, при чемъ при плавныхъ л и р съ предшествующею согласной глухіе ставятся послѣ плавныхъ л и р: пльнъ, грьдъ, жльтъ, срьдьце (русскія формы: пълнъ, гърдъ, жьлтъ, сьрдьце). Доказательства гласности начертаній ъ и ь представляютъ: а) самое употребленіе ихъ въ древнемъ церковнослав. языкѣ, б) параллели другихъ славянскихъ нарѣчій и в) сравненіе съ родственными индоевропейскими языками.

4. Сравнительно съ русскимъ языкомъ древній церковнославянскій отличается неупотребленіемъ такъ называемаго русскаго полногласія: глава, градъ, млѣко, брѣгъ вм. русскихъ полногласныхъ формъ: голова, городъ, молоко, берегъ. Остальныя славянскія нарѣчія въ этомъ отношеніи согласуются съ древнимъ церковнославянскимъ, кромѣ польскаго, въ которомъ господствуетъ звукъ о послѣ плавныхъ: głowa, głod, broda.

5. Зубныя д и т, равно гортанная съ зубной (гт, кт), смягчаясь переходно, измѣняются въ жд и шт или щ: сѫждень, насыштенъ, мошти, пешти (отъ мог-ти, пек-ти). Такъ же въ древнеболгарскомъ языкѣ. Въ русскомъ въ этомъ случаѣ видимъ ж и ч, въ сербскомъ ђ (=дьжь) и ћ (=тьчь), въ хорутанскомъ j и ć, въ чешскомъ z и c, въ польскомъ dz и ć.

Б) Относительно грамматическихъ формъ:

1. Правильно употребляется двойственное число въ склоненіи и спряженіи.

2. Прилагательныя имена имѣютъ двоякое склоненіе—краткое и полное. Прилагательныя краткія склонялись одинаково съ существительными.

3. Употребляется два прошедшихъ простыхъ: прош. совершенное и несовершенное или длительное (несохъ и несѣахъ).

4. Употребляются еще двѣ формы краткаго аориста: а) аор. такъ называемый сигматическій, съ с вм. х и ш, и съ сжатіемъ корня: исъ вм. идохъ, съблюсъ вм. съблюдохъ, тиса вм. тьтоша, привѣса вм. приведоша; б) краткій аористъ безъ х и ш (=2 греч. аор.): азъ идъ, мы идомъ, они идѫ.

5. **Формы дѣепричастія нѣтъ совсѣмъ.**

В) Изъ синтаксическихъ особенностей древняго церковнослав. языка **отмѣтимъ:**

1. Сочетаніе существительнаго собирательнаго съ сказуемымъ во множ. числѣ: **народъ же стоѧ и слышавъ гл҃аахѫ** Остр. Ев. Іо. XII, 29; **молиша и вьсь народъ** Лук. VIII, 37; **въскорѣ събьравъ сѧ многъ народъ въ орѫжиї поидоша на нь** Супр. рук. (по изд. Миклош. стр. 37).

2. Употребленіе мѣстнаго пад. безъ предлога въ значеніи мѣста и времени: **ꙗко сѫтъ съхранены кости наша семь мѣстѣ** Супр. 60; **исцѣлѣ отрокъ томь часѣ** Остр. Ев. Мат. XVII, 18; **да не бѫдеть бѣгство ваше зимѣ** Мат. XXIV, 20.

3. Употребленіе неопредѣленнаго достигательнаго на **тъ**, **щь**, вм. **ти**, **щи**—послѣ глаголовъ, означающихъ шествіе, посланіе и вообще достиганіе цѣли: **изиде сѣꙗи сѣꙗтъ сѣмене своѥго** Остр. Ев. Лук. VIII, 5; **придоша послоушатъ ѥго и исцѣлитъ сѧ отъ недѫгъ** Лук. VI. 18; **вьниде съ нима облѣщь** Лук. XXIV, 29.

4. Употребленіе **дательнаго самостоятельнаго**, въ которомъ ставятся причастіе и мѣстоименіе личное или существительное имя съ своими опредѣлительными словами, въ предложеніи придаточномъ сокращенномъ: **идѫщамъ же имъ коупитъ приде женихъ** Остр. Ев. Мат. XXV, 10; **ꙗдѫщемъ же имъ приимъ Іс҃ хлѣбъ.** Мат. XXVI, 26.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЯЗЫКЪ ДРЕВНЕ-РУССКІЙ.

1. Грамота в. к. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, 1130 года.

(По снимку, въ приложеніи къ Древн. памятн. русскаго письма и языка, Срезневскаго).

+ Се азъ мьстиславъ володимирь сн҃ъ дьржа роѹсьскоѹ землю въ своѥ княжениѥ повелѣлъ ѥсмь сн҃оѹ своѥмоѹ всеволодоѹ ѡ҃дати боѹицѣ ст҃моѹ геѡргиеви съ данию и съ вирами и съ продажами + и вено воское [1]) даже которыи князь по моѥмь княжении почьнеть хотѣти ѡ҃ꙗти оѹ ст҃го геѡргиꙗ. а бг҃ъ боѹди за тѣмь и ст҃аꙗ бц҃а и тъ стыи геѡргии. оѹ него то ѡтнимаѥть. и ты игоѹмене исаиѥ. и вы братиѣ. донелѣ же ся миръ състоить. молите бг҃а за мя и за моѣ дѣти. кто ся изоѡстанеть въ манастыри. то вы тѣмь дължьни ѥсте молити за ны бг҃а и при животѣ. и въ съмьрти. а ꙗзъ далъ роѹкою своѥю. и осеньнеѥ полюдиѥ даровьноѥ полъ третиꙗ десяте гривьнъ ст҃моѹ же геѡргиеви. а се ꙗ всеволодъ далъ ѥсмь

---

[1]) Слова: „+и вено воское“ написаны другимъ почеркомъ и— надъ строкою (четвертой и пятой строками).

блюдо серебрьно . кь .л҃. гр҃вн серебра . ст҃моу же геѡргиеви велѣлъ ѥсмь бити въ ню на ѡбѣдѣ коли игоумень ѡбѣдаѥть. даже кто запъртить или тоу дань и се блюдо. да соудить ѥмоу б҃ъ въ д҃нь пришьствиꙗ своѥго и тъ ст҃ыи геѡргии ⁖

Подлинникъ хранится въ Юрьевомъ монастырѣ. Напечатанъ въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, изд. Археогр. Ком. СПБ. 1846, т. I, № 2,—въ Истор. Христ. Буслаева, въ Др. пам. рус. письма и языка Срезневскаго; описаніе и объясненіе (Митр. Евгенія) въ Вѣстн. Европы, 1818 г. №№ 15 и 16, стр. 201—255, въ Трудахъ Общества ист. и древн. рос. III, 3—64 и въ Извѣстіяхъ II отд. Ак. Наукъ, VIII, 337—353.

Эта грамота писана въ то время, когда Мстиславъ, по кончинѣ своего отца Владиміра Мономаха, какъ великій князь Кіевскій, „держа роусьскоу землю въ своѥ княжениѥ“ а сынъ его Всеволодъ занималъ его мѣсто въ Новгородѣ, слѣд. не ранѣе 1117—1118 г. и не позже 1132, когда Мстиславъ скончался. Она писана на имя игумена Юрьева монастыря Исаіи, слѣд. не ранѣе 1128 г., потому что до этого времени игуменомъ былъ Киріакъ. Притомъ же, грамота дана отъ имени обоихъ князей, Мстислава и Всеволода, слѣд. тогда, когда оба князя были вмѣстѣ; а это было только въ 1130 году, когда Всеволодъ, послѣ похода на Чюдь, „ходи Кыевꙋ къ отьцю“ (Полн. Собр. рус. лѣт. III, стр. 6). Слѣд. грамота писана въ 1130 году. Это—древнѣйшій памятникъ дипломатической нашей письменности. Грамотой этой опредѣлены в. к. Мстиславомъ вклады Юрьеву монастырю: 1) волость Буицѣ съ данью, съ вирами и съ продажами [1]), 2) изъ осенняго полюдья даровнаго 25 гривенъ [2]). Къ этому сынъ Мстислава Всеволодъ прибавилъ серебряное блюдо вѣсомъ въ 30 гривенъ.

---

[1]) т. е. съ обыкновенною податью селянъ и съ тѣми доходами, которые получались отъ платы за преступленія.

[2]) Весною и осенью князь ѣздилъ по волостямъ. Полюдье даровное—доходъ, составлявшійся изъ поклоновъ людей князю во время его пути по волостямъ.—Между четвертой и пятой строками грамоты приписанъ позднѣе еще вкладъ Мстислава „вено вcovкое—“вотское, по чтенію Митр. Евгенія или волоцкое, по чтенію Срезневскаго. *Вѣно* въ древн. перев. Св. Пис. и въ

Грамота Мстислава 1130 г. есть замѣчательнѣйшій памятникъ русской рѣчи и русскаго правописанія перв. пол. XII в. Начертаній ѫ, ѭ нѣтъ; ѧ смѣшивается съ ꙗ и ѩ (ѿѧти, дьржа); ъ и ь по русскому правописанію ставятся *передъ* плавными (дьржа, дължьни, съмьрти); за всѣмъ тѣмъ они правильно различаются и употребляются и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ позднѣйшій русскій языкъ совсѣмъ опускаетъ эти звуки (мьстиславъ, поуьшеть, дължьни, русьскоу, осеньнее, даровьное, не можеть, ꙁа тѣмь, ѿтимають, стоить, оукладають, соудить); ѧ употребляется вм. ꙗ (=носов. ѫ): боудѧ, братиѧ, ꙁа моѧ дѣти (въ словѣ вѣно е вм. ѣ); встрѣчаются полногласныя формы: володимирь сн҃ъ, всеволодоу, серебрьное, серебра. Мѣстоименіе 1-го л. не только по славянски: аꙁъ и съ смягченіемъ а въ ꙗ: ꙗꙁъ, но и чисто по русски: ꙗ. Изъ грам. формъ любопытны: 1) зват. падежъ: игоумене исаие; 2) прош. сложное: повелѣлъ есмь, далъ есмь, дължьни есте, и съ опущ. есмь: аꙁъ далъ; 3) будущее сложное предположительное: аже поиметь хотѣти ѿѧти=если бы сталъ желать отнять; 4) повелительное: б҃ъ боуди ꙁа тѣмь=да будетъ Богъ противъ того.

2. Вкладная грамота преп. Варлаама Хутынскому монастырю, ок. 1192 г.

(По снимку, въ прилож. къ Древн. памятн. русскаго письма и языка, Срезневскаго).

+ Се въдале варламе ст҃моу сп҃соу . ꙁемлю и огородъ и ловища рыбьная и гоголиная [1]) и пожни [2]) .а. рель [3]) противѣ села ꙁа волховомъ . в. на волхевьци . поле . г. корь . д. лоꙁы . е҃. волмина . г. на островѣ и съ никами . вхоу же тоу ꙁемлю хоутиньскоую въдале ст҃моу сп҃соу . и съ челядию . и съ скотиною . а се брат.... а. отрокъ съ женою .в҃. вълос.. . г. дѣвъка

книгахъ церковныхъ постоянно употребляется въ смыслѣ приданнаго, φερνή. Вѣно, упоминаемое въ грамотѣ, могло быть приданымъ первой или второй жены Мстислава. Слово „вѣно" издревле употреблялось и въ значеніи выкупа за невѣсту, дававшагося роднымъ ея. См. въ Слов. Востокова и Миклошича и въ Изв. VIII, 347—349.

[1]) Гоголь—родъ утки. Словарь Церк. слав. и рус. яз., сост. II Отд. Ак. Н. Спб. 1847 г. [2]) пожня—лугъ, сѣнной покосъ въ лѣсу. Ibid. [3]) рель—поемный лугъ. Ibid.

феѵронина съ дъвѣма сыновьц[и] . д. недать . а конь. шестеро . и корова . се другое село на своудици за... внею въдале стыи спсоу и божница въ немь . стго георгия . и инеи и пожни и ловища и еже въ немь . се же всѣ далъ варламъ михалевъ стъ стмоу спсоу . аще кто диаволъмь науоуенъ и злыми улвкы наважень цъто хоуеть ѿяти ѿ нивъ ли ѿ пожьнь ли или ѿ ловищь . а боуди юмоу противенъ стыи спсъ . и въ сь вѣкъ и въ боудоущии.

Подлинникъ хранится въ Хутынскомъ монастырѣ. Грамота эта напечатана въ Дополн. къ актамъ истор. т. I, № 5, и у Срезневскаго въ приложеніяхъ къ Мыслямъ объ исторіи русскаго языка и въ Древн. пам. русскаго письма и языка. Время написанія этой грамоты опредѣляется сказаніемъ 1-й Новгородской лѣтописи, подъ 6700=1192 г: „Въ тоже лѣто постави цьрковь въ низу на Хутинѣ Варламъ цьрнець, а мирьскымъ именьмъ Алекса Михалевиць, въ имя святого Спаса Преображенія; и святи ю владыка архепископъ Гаврила на праздьникъ, и нарече монастырь“ (Полн. Собр. рус. лѣт. III, Спб. 1841, стр. 20). Грамота 1192 г.—второй по древности памятникъ дѣловой нашей письменности. Языкъ этой грамоты представляетъ слѣдующія данныя: носовыхъ звуковъ нѣтъ, на мѣстѣ ихъ чистыя гласныя; глухіе ъ и ь сохраняются (дъвѣма, диаволъмь, хоутиньскоую, рыбьниа), замѣняясь иногда чистыми: за водхоумъ, противенъ, водхевьци; но при семъ замѣчательно, что твердый ъ замѣняется не только чрезъ о, но и чрезъ е: въдале (3 раза), варламе (ср. и варламъ), сходно съ симъ: михалевъ (е вм. о); смѣшиваются и глухіе между собой: всоу(=вьсю), цьто; и поставленъ вм. ы и древняго нос. а: инеи, пожни (2 раза); полногласныя формы: огородъ, корова; шипящіе и ц сочетаются съ мягкими: божница, ловища (и, здѣсь же, ловища); д и т переходно смягчаются, по русски, въ ж и у: наважень, хоуеть; ц вм. у: цьто. (Мѣна согласныхъ ц и у, употребленіе е вм. ъ и о, и вм. ы должны быть отнесены на счетъ сѣвернаго, Новгородскаго нарѣчія русскаго языка). Изъ грамматическихъ формъ можно отмѣтить двойств. число (съ дъвѣма сыновьци), отличеніе средняго рода въ множ. числѣ (ловища рыбьниа и гоголиниа) и употребленіе причастія на лъ безъ вспомогательнаго глагола вмѣсто прош. простаго (въдале, далъ).

3. Изъ Договорной грамоты Смол. князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1229 г.

(Въ Собраніи госуд. грам. и договор. II, № 1).

Ҷто сѧ дѣють по вѣрємьнємь, то ѿидє то по вѣрьмьнємь; приказано боудѣтє добрымъ людѣмъ, а любо грамотою оутвѣрдать, како то боудѣтє всємъ вѣдомъ, или кто посль живꙑи ѡстанѣтьсѧ. Того лѣта, коли Алъбрахтъ, вл҃дка Ризкии оумьрлъ, ѹздоумалъ Кнѧзь Смольнєскꙑи Мьстиславъ, Двдвъ с҃нъ, присла̀лъ въ Ригоу своюго лоучьшєго попа Юрьмєѧ и съ нимь оумьна моужа Пантєлья и своюго горда Смольнєска: та два была посълмь оу Ризѣ, из Ригы юхали на Гоуҷкꙑи бєрьго, тамо твєрдити миръ. Оутвьрдили миръ, ҷто былъ нємирно промьжю Смольньска и Ригы и Готскꙑмъ бєрьгомь всємъ коупьцємъ. Прє сєи миръ троудилисѧ дъбрии людиє: Ролфо ис Кашєлѧ, Б҃жи дворѧнинъ, Тоумашє Смолнѧнинъ, ажбꙑ миро былъ и дъ вѣка; оурѧдили пакъ миръ, како было любо Руси и всѣмоу Латинєскомоу ѩзыкоу, кто то оу Роусє гостит. На томь мироу, ажбꙑ миръ твьрдъ былъ, тако былъ Кнѧзю любо и Рижанꙑмъ всємъ и всємоу Латинєскомоу ѩзыкоу и всємь тємь, кто то на Оустоко морѧ ходить, ажбꙑ нальзлъ правдоу то написати, како то дєржати Роуси съ Латинєскꙑмь ѩзыкомь, и Латинєскомоу ѩзыкоу съ Роусию то дєржати, аж бꙑхꙑмъ ҷто тако оуҷинили; того Б҃ъ нє даи, ажбꙑ промьжю нами бои былъ, а любо ҷл҃вка оубиють до с҃мрти како ҷл҃вка, то ѿплатити, ажбꙑ миръ нє ръздроушєнъ былъ: такъ платити, како то бꙑ ѡбоимъ любо бꙑлꙑ. Здє поҷинаюєтьсѧ правда: ажє боудєть свободьнꙑи ҷл҃вкъ оубитъ, ї҃ гривєнъ сєрєбра за головоу; ажє боудѣтє холъпъ оубитъ, а҃ гривна сєрьбра заплатити: оу Смольнѣскь тако платити и оу Ризє и на Готскомь бєрьзѣ. Око, роука, нъга, или инъ ҷто любо, по пѧти гривьнъ сєрьбра ѿ всѧкого платити: за ѡкъ є҃ сєрьбра, за роукоу є҃ сєрьбра, за нъгоу є҃ сєрьбра, и за всѧкꙑи соуставъ пѧть гривьнъ сєрєбра; за зоубъ г҃ гривнъ сєрєбра: и Смольньскь и оу Ризѣ и на

Гоукомь березѣ: Кто биёть дроуга деревъмь, а боудете сипь, любо кровавъ, полоуторы гривны серебра платити ёмоу; по оухоу оударите, г҃ четвърти серебра; послоу и попу что оучинать, за двоё того оузати, два платежа. Аже кого оуранать, полоуторы гривны серебра, аже боудете ѥзѣвка: тако платити оу Смольнеске и оу Ризѣ и на Гоукомь берьзѣ. Аже извинитьса Роусинъ оу Ризе, или на Гоукъмь березе, оу дыбоу ѥго не сажати; аже извинитьса Латининъ оу Смольнѣскѣ, не мьтати ѥго оу погрѣбъ, аже не боудетѣ порукы, то оу желѣза оусадить. Аже Латининъ дасть Роусиноу товаръ свой оу дълго оу Смольнске, заплатити Немчиноу пьрвѣе, хота бы иньмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу: тако оузати Роусиноу оу Ризѣ и на Готскоймь березѣ. Аже розгнѣваётьса Кназь на своёго чл҃вка, а боудете виньвать Немчцю Роусинъ, а ѿимьть Кназь все, женоу и дѣти оу холъпство, пѣрвоё платити ёмоу Латининоу, а потомь Кназю какъ любо съ своимь чл҃вкмь: такоу правдоу възати Роусиноу оу Ризѣ и на Гоукъмь березѣ. Аже Латининъ дасть Кнажю хълопоу въ заёмъ, или иньмоу доброу чл҃вкоу, а оумрете не заплативъ, а кто ёмлеть ѥго ѡстатькъ, томоу платити Немчиноу: такова правда оузатие Роусиноу оу Ризѣ и на Гоукомь березѣ. Роусиноу не оупирати Латинина ѡдиемь послухомь, аже не боудетѣ двою послохоу, ѡдиного Немчина, а дроугого Роусина, добръıхъ людии: тако Латининоу не пьрьпрети Роусина, аже не боудеть послоуха Роусина, а дроугого Немчина оу Ризѣ и на Гоукомь березѣ. Роусиноу не вести Латинина ко желѣзоу горачемоу, аже самъ въсхочетѣ; а Латининоу тако Роусина не вести, аже самъ въсхочете. Роусиноу не звати Латина на полѣ битъса оу Роускои земли; а Латининоу не звати Роусина на полѣ битоса оу Ризѣ и на Готскомъ березѣ. Аже Латинескии гость биётьса мьжю събою оу Роускои земли любо мьчемь, а любо деревъмь, Кназю то не надобе, мьжю събою соудити: тако аже Роускии гость биётьса оу Ризѣ или на Гоукомь березе, Латине то не надъбе, а те промьжю събою оурадатеса.——

Коли са грамота псана, ишлъ былъ ѿ Р҃жтка Г҃на до сего лѣта, ѕ҃ лѣто и҃ е҃ лѣто и҃ н҃ лѣто и҃ к҃, подъ Пискоупомь Риз-

кими, Проксть Юганъ, Мистьръ Бълкиенъ, Вѧни дворяниннъ, и подъ горожаны Ризьскими, прѣдъ всеми Латинескими коупци. Си грамота оутвьржена всехо коупьце пьчатию. ——

¹ Подлинникъ хранится въ Рижскомъ городскомъ архивѣ. Напечатанъ въ Собр. госуд. грам. и догов. М. 1819 г. II. № 1 и (часть) въ Истор. Христом. Буслаева. Эта грамота, опредѣляющая условія взаимныхъ правъ и обязанностей Русскихъ и Нѣмцевъ, и очень важная какъ источникъ древняго русскаго права, не менѣе важна въ исторіи русскаго языка своими звуковыми и грамматическими формами. Важнѣйшую особенность правописаніе этой грамоты предлагаетъ въ обоюдномъ переходѣ ъ и о, ь и е; а такъ какъ е и ѣ постоянно смѣшиваются, то и ъ и ѣ (вм. е) переходятъ другъ въ друга. Областное произношеніе обозначилось въ переходѣ к въ ц и ч въ ц. Очень употребительны русскія полногласныя формы, равно какъ прошедшее сложное и даже безъ вспомогательнаго глагола. Отмѣтимъ правильное употребленіе двойств. числа и случай соблюденія неопредѣленнаго достигательнаго: Латининоу не ходити Роусина на полѣ битося оу Ризѣ и на Готскомь березѣ. Въ словосочиненіи заслуживаетъ вниманія: 1) частое употребленіе неопредѣленнаго наклоненія вмѣсто повелительнаго (вышеприв. примѣръ); 2) опущеніе союзовъ оже, аже (приходяче поидете добрымъ людемь вм. оже приходяче поидеть); по оухоу оударите. г҃ четверти серебра вм. (аже по оухоу..); 3) употребленіе мѣстоименія са отдѣльно отъ глагола и передъ нимъ (что са дѣютѣ).

4. Договорная грамота в. к. Александра Невскаго и Новгородцевъ съ нѣмецкими послами, 1257—59 г.

(По снимку, въ Грамотахъ, найд. Напіерскимъ и изд. Археогр. Ком. Спб. 1857).

+Се азъ кназь Олександръ. и сн҃ъ мои Дмитрии. с посадникомь. Михаилъмь и с тысяцькымь Жирославомь. и съ всѣми новгородци. докончахомъ миръ. с посломь нѣмьцькымь. Шивордомь. и с любьцькымь. посломь Тидрикомь. и с гъцкымь посломь. Олъстенъмъ. и съ всѣмь латиньскымь языкомь. что са оучинило таже. межи новгородци.

и межю нѣмци. и гты. и со всѣмъ латиньскымь юзыкъмь. то все ѿложихомъ. а миръ докончахъмъ. на сеи правдѣ. новгородцмъ гостити. на гоцкыи берегъ. бес пакости. а нѣмцьмъ и гтъмъ гостити. в новъгородъ. бес пакости. и всемѹ латиньскомоу юзыкоу. на старыи миръ. поудъ ѿложихомъ а скалви поставихомъ. по своюи воли и по любви. а к ратшиничю тажю. платили юсмы. к҃. грвнъ серебра. за двѣ голове а третьюю выдахомъ. а нѣмьцмъ и гтъмъ. и всемоу латиньскомоу юзыкоу. платити. по двѣ коунѣ ѿ капи. и ѿ всякого вѣсьнаго товара. что кладоуть на скалви. и продавше. и коупивше. а старыи миръ до котангиѣ. а новгороцьмъ въ становищи. на гоцкомъ березѣ. бес пакости въ старыи миръ. а хдешнии гость. оже не поиметь нашего посла ни новгородьскихъ коупець из нова города. или съ гѣцького берега. а что са оучинить ис котангъ. до новагорода или из новагорода до котлингъ. немецкъмоу гости оже бес посла поидоуть. то новоугородоу тажа не надобе. въ старыи миръ. оже кто гостить к корѣлоу. или нѣмци или гтане. а что са оучинитъ. а то новоугородоу тажа не надобе. а которыхъ треюе дворць въпросили ваша братьа посли. а тѣхъ са юсмъı ѿстоупили по своюи воли. а се старая наша правда. и грамота. на чемь цѣловали ѿци ваши и наши крт҃ъ. а гдѣ са тажа родить тоу ю кончати. а иною грамоты. оу насъ нѣтоуть. ни потаили юсмы. ни вѣдаюмъ на томь крт҃ъ цѣлоуюмъ ⁘

Подлинникъ хранится въ Рижскомъ архивѣ. (Издана академикомъ А. А. Куникомъ въ „Грамотахъ, кас. до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганз. городами“, 1857, № 1 и въ „Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ по Отд. рус. языка и слов.“ VI, 166—171). Грамота эта, заключающая въ себѣ условія возстановленія мира Новгорода съ Нѣмцами, писана въ 1257—59 г. по мнѣнію издателя Куника, или въ 1262—63 г. по опредѣленію Срезневскаго („Извѣстія“, VI, 170—171 и „Древн. пам. рус. письма и языка“, стр. 62). Правописаніе этой грамоты представляетъ слѣдующія черты: ъ и ь иногда удерживаются (михаилъмь, нѣмьцкымь, гъцкымь, юзыкъмь, нѣмцьмъ, гтъмъ, гъцького), иногда замѣняются чрезъ о, е (посадникомь, жирославомь, посломь, юзы-

номь, коупець, немецькъмоу), или совсѣмъ опускаются (гты, новгородцмъ); ъ смѣшивается съ є (немецкъмоу); о вм. начальнаго а (олександръ); употребляются русскія полногласныя формы (головє, берега). Изъ граммат. особенностей можно отмѣтить родит. п. прил. на ого (съ гъцького берега); употребленіе прош. простаго (докопуахомъ, отложихомъ, поставихомъ, выдахомъ) и прошедшаго описательнаго (платили юсмы, юсмы отстоупили, ни потаили есмы) и даже безъ вспом. глагола (цѣловали). Въ синтаксическомъ отношеніи можно отмѣтить употребленіе неопред. наклоненія въ смыслѣ повелительнаго и употребленіе мѣстоименія ся отдѣльно отъ глагола (уже ся оучинило).

5. Договорная грамота Новгорода съ в. к. Ярославомъ Ярославичемъ, 1264—1265 г.

(Въ Собр. госуд. грам. и догов. I, № 1.)

✝ Благословление отъ Владыкы , покланяние отъ Посадника Михаила , и отъ Тысяцьскаго Кондрата , и отъ всѣгo Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ , и отъ всѣхъ меньшихъ , къ Князю Ярославу . На семь , Княже , цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду ; на цѣмь-то цѣловали Дѣди и Отци , и Отець твой Ярославъ . Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ , по пошлинѣ . Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ , того ти , Княже , не держати своими мужи , нъ дьржати мужи Новгородьскыми ; а даръ имати тобѣ отъ техъ волостий . А бесъ Посадника тобѣ волостий не раздавати : а кому раздаялъ волости Братъ твой Александръ , или Дмитрий съ Новгородци , тобе техъ волостий безъ вины не лишати . А что ти , Княже , пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой дьржати , на своей чясти дьржати ; а Новъгородьць на своей чясти дьржати . А въ Бежицахъ , Княже , тобе , ни твоей Княгыни , ни твоимъ Бояромъ , ни твоимъ Дворяномъ селъ не дьржати , ни купити , ни даромъ приимати , и по всей волости Новгородьской . А се , Княже , волости Новгородьскые : Волокъ съ всеми волостьми , Тържькъ , Бежицѣ , городьць Палиць , а то есме дали Иванкови ; потомъ Мелѣчя , Шипино , Егна , Вологда , Заволоцье , Трѣ , Перемь , Печера , Югра . А въ Русу

ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ Отця своего Ярослава. А судъ, Княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на г҃ лѣта, судье не слати. А изъ Бежиць, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А безъ вины ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти, Княже, не посуживати. А пожне, Княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ Братъ твой Александръ пожне, а то ти, Княже, ненадобѣ. А что, Княже, Братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи. Дворяномъ твоимъ и тиуномъ погонъ имати; како то пошло. А на томъ ти, Княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ Послѣхъ: а мы ти ся, Господине Княже, кланяемъ. А что, Княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, Княже, имати по к҃ векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. А Дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести. Тако, Княже Господине, пошло отъ Дѣдъ и отъ Отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего Отчя Ярослава.

Грамота сохраняется въ подлинникѣ въ Государств. архивѣ. Въ Новгородской лѣтописи 1-й читаемъ: „Въ лѣто 6772 (1264). Выгнаша Новгородци князя Дмитрія Александровича, сдумавше съ посадникомъ Михаиломъ, зане князь еще малъ бяше; а по Ярослава послаша, по брата Александрова, во Тферь, сынъ посадничь и лучшіи бояры. Въ лѣто 6773 (1265) посадиша въ Новѣгородѣ на столѣ князя Ярослава Ярославича, мѣсяца генваря въ 27“ („Полн. собр. рус. лѣт.“ III, Спб. 1841, 58). Въ грамотѣ упомянуты и посадникъ Михаилъ и тысяцкій Кондратъ. Грамота эта опредѣляетъ условія, на которыхъ Ярославъ можетъ быть княземъ Новгородскимъ.

Въ отношеніи фонетическомъ замѣчательны слѣдующіе случаи: ь довольно часто употреблено по древнему обычаю (семь, на всѣмь, на цѣмь, дьржати, городьць, осетрьникъ, Новгородьць), но иногда и замѣнено поср. е, ѣ (меньшихъ, держати и дѣржати, отець, смерда); ъ также кое-гдѣ удержанъ, (Тържькъ), а кое-гдѣ замѣненъ поср. о (Торожку); ы удержано послѣ гортанныхъ (Княгыни, Владыкы, Новгородьскые, однако—Новгородьскими); смягченіе согласныхъ представляетъ случаи довольно разнообразные (Волоцѣ, Палиць, Бѣжиць, Бежичяномъ, Мелѣчя, части, отчя=отця, ср. однако: Бежицахъ, мужа). Изъ грам. формъ отмѣтимъ: зват. п. (Господине, Княже), и неопр. достигательное (ездити на озвадо звѣри гонитъ). Постоянно употребляется прошедшее сложное. Неопредѣленное наклоненіе постоянно вмѣсто повелительнаго. Мѣстоименіе ся употреблено отдѣльно отъ глагола: а мы ти ся кланяемъ.

6. Изъ Русской Правды по Синод. списку Кормчей 1282 г.

(По изд. въ „Русск. Достопамятностяхъ", ч. I. Москва, 1815 г.).

Соудъ Ярославль Володимирица. Правда Роусьская [1]).

Ажь [2]) оубьѥть моужь моужа, то мьстити [3]) братоу брата, любо ѡтцю [4]), любо сыноу, любо брато чадоу [5]), любо братню сынови; ѡжели не боудеть кто ѥго мьстя [6]), то положити за головоу п, гривенъ, аче боудеть Княжь моужь, или Тивоуна [7]) Княжя. Ачели боудеть Роусинъ [8]), любо гридь [9]), любо коупець [10]), любо Тивоунъ [11]) бояреськъ, любо Мечникъ, любо Изгои, любо Словенинъ, то м. гривенъ [12]) положити зань. По Ярославѣ же пакы съвъкоупивъшеся сынове [13]) ѥго: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ:

Важнѣйшіе варіанты по пергаминному списку пол. XIV в., рукописи Московскаго Общества Исторіи и древностей россійскихъ (изд. во 2-й ч. Русск. Достоп. М. 1843 г.): [1]) Рускаа. [2]) оже. [3]) местити. [4]) отю. [5]) братучада. [6]) хто его местя. [7]) тіоуна. [8]) ачи будеть горожанинъ. [9]) гринь. [10]) купечь. [11]) тиоунъ. [12]) гривнъ. [13]) совокупиша сѧ вѣ.

Кꙑсничько [1]), Переньгъ [2]), Никифоръ, и отложиша оубиение [3]) за головоу; нъ [4]) коунами ся выкоупати [5]), а ино все, якоже Ярославъ соудилъ, такоже и сынове [6]) юго оуставиша. — —

Оже станеть без вины на разабои [7]).

Боудеть ли [8]) сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника людие не платять, нъ [9]) выдадять и всего съ женою и съ дѣтьми [10]) на потокъ, а на разграбление [11]). Аже кто не вложиться [12]) въ дикоую виру [13]), томоу людие не помагають, нъ самъ платить.

Ѡже [14]) кто оударить мечемь [15]).

Аже [16]) кто оударить мечемь [17]), не [18]) вынезъ юго, или роукоятью [19]), то ві. гривне продаже [20]) за ѡбидоу; ѡжели вынезъ мьчь, а не оутнеть, то гривноу коунъ. Аже кто кого оударить батогомь, любо чашею [21]), любо рогомь [22]), любо тылѣснию, то ві. гривнѣ [23]); не търпя [24]) ли противоу томоу, оударить мечемь [25]), то вины юмоу в томь [26]) нѣтоуть [27]). Аще ли [28]) оутнеть роукоу и [29]) ѡтпадеть роука, или оусъхнеть, или нога, или ѡко или не [30]) оутьнеть, тъ полъвиры [31]), к. гривенъ, а томоу за вѣкъ ı. гривенъ. Аже пьрьсть оутьнеть [32]) кыи любо, то г. гривны продаже [33]), а самомоу гривна коунъ [34]).

Ѡже придеть кръвавъ моужь.

Ѡже [35]) придеть кръвавъ [36]) моуже [37]) на дворъ, или синь, то видока юмоу не искати, нъ [38]) платиті юмоу про-

---

[1]) Коснячко. [2]) Перенигъ. [3]) оубьенье. [4]) *нъ* опущ. [5]) ся выкупять. [6]) сыви. [7]) за розбоі. [8]) будетли. [9]) но. [10]) с жоною и з дѣтми. [11]) на разграбленье. [12]) не вложи. [13]) в дикую вину и виру. [14]) аще. [15]) мецемь. [16]) аще. [17]) мечомъ. [18]) *не* опущ. [19]) рукоятъю. [20]) продажи. [21]) батогомъ или цяшею. [22]) рогомъ. [23]) гривни. [24]) терпя. [25]) мечемъ. [26]) в томъ. [27]) нитъ. [28]) Ачили. [29]) а. [30]) носъ. [31]) полувѣрье. [32]) оутнеть мечемъ. [33]) продажи. [34]) коунъ опущ. [35]) аще. [36]) кровавъ. [37]) мужь. [38]) но-

дажю г . гривны ; или не боудеть на немъ знамения [1]), то привести юмоу видокъ . слово противоу слова [2]), а кто боудеть началъ [3]), томоу платити ѯ . коунъ . Аче же и кръвавъ [4]) придеть , или боудеть самъ почалъ , а выстоупять [5]) послоуси , то то юмоу заплатежь [6]), оже и били [7]). Аже [8]) оударить мечемь [9]), а не оутнеть [10]) на смерть , то г. гривны , а самомоу гривна за раноу , оже лѣчебною [11]); потьнеть ли на смерть , то вира . Или пьхнеть моужь моужа , любо к собѣ , любо от себѣ , любо по лицю оударить , или жердью оударить , а видока два выведоуть [12]), то г . гривны продаже [13]). Оже боудеть Варягъ или Колбягъ , тъ полная видока вывести , и идета [14]) на роту .

Оже кто въсядеть на чюжь конь.

А оже [15]) кто въсядеть на чюжь конь не прашавъ , то г . гривны . Аче [16]) кто конь погоубіть , или ороужию , или портъ , а заповѣсть на търгоу [17]), и послѣдь познаюТЬ въ своюмь городѣ [18]), свою юмоу лицемь [19]) взяти , а за обидоу платити [20]) юмоу г . гривны . Аже [21]) кто познають свою , что боудеть погоубилъ , или оукрадено [22]) оу него что , или конь , или портъ , или скотина , то не рьци [23]): се мою . нъ поиди [24]) на сводъ : кдѣ юси възялъ [25]) ? съведитеся [26]), кто [27]) боудеть виноватъ , на того татьба [28]) снидеть ; тъгда [29]) онъ свою възметь [30]), а что боудеть съ нимь [31]) погыбло , тоже [32]) юмоу начнеть платити . Аче [33]) боудеть коневыи [34]) тать , а выдати Князю на потокъ ; пакы ли боудеть клѣтьныи тать , то г . гривны платити юмоу.

---

[1]) Аще ли не будеть на немъ знаменья. [2]) слову. [3]) почалъ. [4]) Аще ли кровавъ. [5]) вылизу (т. е. вылѣзуть). [6]) платежь. [7]) билъ. [8]) оже ли. [9]) мечемъ. [10]) потнеть. [11]) личе (лѣче – лѣчеть?). [12]) вындуть. [13]) продажи. [14]) идеть. [15]) Аще. [16]) А се. [17]) на торгу. [18]) а последи познають въ своемъ городѣ. [19]) личемь. [20]) взяти. [21]) Оже. [22]) погубили или оукрали. [23]) не рчи. [24]) иди. [25]) гдѣ есть взялъ? [26]) Сведет ли ся. [27]) хто. [28]) тадба. [29]) тогда. [30]) возметь. [31]) с нимъ. [32]) тожь. [33]) Ачи. [34]) коневой.

Ѡ рѣзѣ.

Аже кто коуны даѥть въ рѣзъ [1]), или наставъ на медъ [2]), или жито въ просопъ [3]), то послоухы ѥмоу ставити, како ся боудеть рядилъ, тако ѥмоу ѥмати [4]).

А се оустави Володимир [5]).

А се оуставилъ Володимиръ Всеволодичь, по Святополче [6]) съзвавъ [7]) дроужиноу свою на Берестовомъ [8]): Ратибора тысячького Кыѥвьского [9]), и Прокопию Бѣлогородьского тысячького, Станислава Пьреяславьскаго тысячького [10]), Нажира Мирослава [11]), Иванка Чюдиновича [12]), Ѡльгова [13]) моужа, и оустави [14]) люди до трьтьяго рѣза, ѡже ѥмлеть въ рѣзъ коуны [15]). Аже кто възмѣть [16]) два рѣза, тъ то взяти ѥмоу исто [17]), пакы [18]) ли възметь [19]) три рѣзы, то иста ѥмоу не взяті. — —

Ѡ закупѣ.

Аже закоупъ бѣжить [20]) ѡт господы, то ѡбѣль [21]); идеть искатъ коунъ [22]), а явлено ходить [23]); или къ Князю, или къ соудиямъ [24]) бѣжить, ѡбиды дѣля своѥго господина, нъ про то не роботять [25]) ѥго, нъ дати ѥмоу правьдоу. — —

---

[1]) дасть коуны в рѣзы. [2]) или наставъ на медъ—опущено. Въ Волтинскомъ спискѣ: медъ въ наставы. [3]) в присопъ. [4]) имать. [5]) Оустав Володимира Кн҃зя. [6]) по Ст҃ополчѣ. [7]) созвавъ. [8]) на беростовѣмъ. [9]) киевьского тысячкогс. [10]) перешславьского тысячкого. [11]) Монислава. [12]) чюдиница. [13]) Олгова. [14]) оуставили до третьяго рѣза. [15]) оже емлеть въ треть куны. [16]) возметь. [17]) тому взяти исто. [18]) паки. [19]) возметь. [20]) бижить. [21]) обель. [22]) идет ли искать кунъ. [23]) ходити. [24]) к судьямъ. [25]) не роботить.

А се ѡже холопъ оударить [1]).

Аже [2]) холопъ оударить свободна моужа, а оубѣжить въ хорѡмъ [3]), а господинъ ѥго не выдасть, то платиті зань господиноу ві. гривнѣ; а за тѣмъ [4]) аче [5]) кдѣ налѣзѣть [6]) оудареныи тъ [7]) своѥго истьча [8]), кто же ѥго оударилъ [9]), то Ярославъ былъ оуставилъ и оубити; нъ сынове ѥго оуставиша по ѡтци на коуны, любо и бити розвязавше, или взяти гривна кунъ за соромъ.—

Ѡ смѣрдѣ [10]).

Ѡже [11]) смердь [12]) моучить смьрда [13]) безъ Княжя слова, то г. гривны продаже, а за моукоу гривна коунъ [14]). Аже ѡгнищанина моучить [15]), то ві. гривне продаже, а за моукоу гривна. —

Русская Правда, помѣщенная въ Кормчей 1282 г. предлагаетъ очень много русскихъ формъ въ правописаніи и произношеніи словъ. Носовыхъ нѣтъ; *ѫ* употребляется неправильно; ъ и ь иногда ставятся по древнеславянски, но обыкновенно замѣняются гласными *о* и *е*; *д* смягчается въ *ж*, *т* въ *ч*; иногда буквы *ц* и *ч* переходятъ одна въ другую; употребительны русскія полногласныя формы. Памятникъ этотъ отличается также многими особенностями русскаго синтаксиса. Неопредѣленное наклоненіе ставится въ смыслѣ повелительнаго (ажь оубьѥть моужь моужа, то мьстити братоу брата; ѡже придеть кръвавъ моуже на дворъ, или синь, то видока ѥмоу не искати...); употребляется разговорная форма изложенія (аже кто познаѥть своѥ.... то не рьци: се моѥ нъ поиди на сводъ: кдѣ ѥси възялъ? съведитеся....); именительный пад. вмѣсто винительнаго, съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (взяти. гривна кунъ за соромъ). Отмѣтимъ случай употребленія неопредѣленнаго достигательнаго: идеть искатъ коунъ.

---

[1]) ѡ холопѣ. [2]) иже. [3]) а вбѣжить в хоромы. [4]) и за тѣмь. [5]) аци. [6]) гдѣ налѣзеть. [7]) *тъ* опущ. [8]) истьця. [9]) кто оударилъ. [10]) ѡ смердѣ. [11]) аже. [12]) смердъ. [13]) смерда. [14]) коунъ опущ. [15]) мучити.

7. Правая грамота Смол. князя Θеодора Ростиславича по судному дѣлу о нѣмецкомъ колоколѣ, 1284 г.

(По снимку, въ Грам. найд. Напіерскимъ и изд. Археогр. Ком., 1857 г.)

Се азъ князь смоленьскыи федоръ · соудилъ есмь · вирела . съ армановичемь про колоколъ про немецьскыи · вирель правъ а армановичь виноватъ · выдалъ есмь армановича и съ дворомь · немьцомъ за колоколъ · а тоу были на соуде со мною бояре мои · григоръ наместьникъ · данило . артемии · микула дадиевичь . лоука оковиничи . поутята дядковичь . а отъ немець были на соуде искали колокола . инъ . альбратъ изъ брюньжвика . геньци · юганъ варендорьпръ · моисеи княжь печатникъ федоровъ печаталъ сиже грамота писана бы̑ ищьло было отъ ржтва г҃на до сего лѣта . ҂а҃. лѣтъ и двесте летъ и осмьдесятъ лѣтъ и три лѣта . а на четвьртое лѣто писана ⁘ а федорко писець княжь псалъ ⁘

Подлинникъ хранится въ Рижскомъ архивѣ. Напечатана въ Грамотахъ, касающихся до сношеній сѣверозап. Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, 1857, IV и въ Истор. Христоматіи Буслаева.—Осудя Армановича, какъ виновнаго въ дѣлѣ его съ Бирелемъ о нѣмецкомъ колоколѣ, князь Θеодоръ выдалъ его нѣмцамъ съ дворомъ.—Правописаніе грамоты русское: ъ и ь переходятъ въ о и е (со, дворомь, немець, писець); ѣ смѣшивается съ е (немецьскыи, немьцомъ, на соуде, двесте летъ). Употребляется прошедшее описательное съ вспомогательнымъ глаголомъ (соудилъ есмь, выдалъ есмь) и безъ онаго (были на соуде, искали, печаталъ).

8. Грамота Новгородскаго князя Андрея Александровича къ мужамъ Датскаго короля въ Ревель, между 1294–1304 г.

(По снимку, въ Грам. изд. Археогр. Ком., 1857 г.)

Ѿ великогъ кн҃за андрѣя . ѿ влдкы бл҃гние . ѿ посадника андрѣя · ѿ тысачьского . ѿ всего новагоръда · ко кѣрольвымо

моужьмо в колывань · что ѥсте присылали посоы ко кнѧзю · и ко всемоу новоугоръдоу · с любовию · и с ласкою. кнѧзь вели-кыи послалъ к вамо своѥго сна. а вашего племиника володи-мира. а ѿ новагорода коузма. и нанѧ. с любовию же и с ласкою · что имоуть молвити посъло великогъ кнѧзѧ · и нов-горъдескыи · томоу вероу имить · посолъ нашими оусты мол-вате к вамъ.

Подлинникъ въ Рижскомъ архивѣ (изд. въ Грам. кас. до снош. сѣверозап. Россіи, V и у Буслаева въ Ист. Христ.).—Право-писаніе русское, на основаніи чисто народнаго, мѣстнаго произ-ношенія. Замѣчательно употребленіе о и е вм. ъ и ь, и обратно (какъ въ грамотѣ 1229 г). Напр. великогъ, новагоръда, ко къроль-кымо моужьмо, новоугоръдоу, к вамо, посъло, новгоръдескыи, имить, молвате. Прошедшее описательное съ вспомогательнымъ глаголомъ (ѥсте присылали) и безъ онаго (послалъ). Род. п. прилаг. муж. р. ед. ч. на огъ, ого: ѿ великогъ, ѿ тысячьского.

9. Грамота Смол. кн. Александра Глѣбовича къ Рижанамъ, ок. 1300 г.

(По снимку, въ Грам. изд. Археогр. Ком., 1857 г.)

Поклонъ ѿ кнѧзѧ смоленьского. ѿ ѡлександра. ѿ глѣбо-вича. к ратманомъ к рижьскимъ. ї ко всѣмъ · горожаномъ како ѥсте были въ любви [1]) съ ѡтцмь моимъ глѣбомь. ї с моимь стрыємь. федоромь. тако будете ї со мною въ люб-ви. а язъ тоже любви хочю с вами. гость ко мнѣ поущай-те а поуть имъ чистъ · а мои моужи к вамъ ѣдуть. а поуть имъ чисто :

Подлинникъ въ Рижскомъ архивѣ (изд. въ Грам. кас. до снош. сѣверозап. Россіи, VIII). Цѣль грамоты—подтвержденіе прежнихъ дружественныхъ сношеній Смоленска съ Ригою. Въ правописаніи ъ замѣненъ чрезъ о (со, глѣбомь, федоромь, поуть чисто); о

---

[1]) Въ подлинникѣ: въ лви.

вм. а (александра); полногласная форма (горожаномъ); т смягчено въ ц (доцю). Род. п. прил. муж. р. на ого: смоленьского и жен. р. на ѣ: тоѣже любви; прош. описательное: есте были.

10. Грамота Полоцкаго Епископа Іакова къ Рижанамъ, ок. 1300 г.

(По снимку въ Грам. изд. Археогр. Ком., 1857 г.)

+ Поклонъ и бласловлѣнье. ѿ Якова епискупа полотьского. прозвитери. и намѣстьникоу пискупаю и дѣтемъ моимъ ратманомъ. былъ есмь не дома. ко отьца своего митрополита. нынѣ есмь на своемь мѣсте. оу святоѣ софьѣ. а нынѣ есмь оуждалъ любовь ваша правда съ сыномь моимь с витенемь. такоже дати свои любовь ваша первая с полочаны съ дѣтми моими. што вамъ было надобѣ. то было ваше. а нынѣ што дѣтемъ моимъ надобѣ того имъ не боронитє. а нынѣ абы сте пустили жито оу полотеско. а азъ кланаюса и бласловлаю. і бога молю за васъ дѣти своѣ. аже боудеть полочанинъ чимъ виноватъ рижанину а за тѣмь не стою своими дѣтми исправу дамь. аже будеть рижанинъ чимъ виноватъ полочанину. вы дайте имъ исправу такоже. а азъ вамъ кланаюса дѣтемъ своимъ: и бласловлаю. ї бга молю.

Подлинникъ въ Рижскомъ архивѣ (издана въ Грамотахъ, кас. до снош. сѣверозап. Россіи, VI и въ Ист. Христ. Буслаева). Въ ней епископъ Іаковъ выражаетъ свое желаніе, чтобы миръ былъ по прежнему между Полочанами и Ригой. Упомянутъ князь Литовскій Витенъ, который жилъ въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка.—Въ правописаніи ъ и ь замѣняются чрезъ о и е; чередуются предлоги оу и къ: ко отьца (вм. оу отьца), оу полотеско; полногласная форма: не боронитє; по народному выговору што вм. чьто, бласловлаю, бласловлѣнье вм. благословляю, благословенье; а вм. язъ или азъ. Род. п. прил. муж. р. на ого: полотьского, и жен. р. на ѣ: оу святоѣ софьѣ; прошедшее опис: былъ есмь, есмь оуждалъ. Отмѣтимъ также имен. п. вмѣсто вин. при дѣйств. глаголѣ: а нынѣ есмь оуждалъ любовь ваша правда.

11. Проѣзжая грамота Новгородскаго кн. Андрея Александровича и всего Новгорода Ганзейскимъ купцамъ, 1301 г.

(По снимку, въ Грам. изд. Археогр. Ком., 1857 г.)

+ Ѿ великого кнѧзѧ анъдрѣꙗ · ѿ посадника смена · ѿ тысачкого машка . ѿ всего новагорода . се приѥха . иванъ бѣлыи · из любка · адамъ съ гочкого берега · инча ѿчать · из ригы . ѿ своѥи братии ѿ всѣхъ коупьць · своихъ латиньского ꙗзыка и дахомъ имъ .г҃. поути горнии . по своѥи волости · а четвертыи в рѣкахъ гости ѣхати безъ пакости . на божии роучѣ · и на кнажи . и на всего новагорода . оже боудеть . нечистъ поуть · в рѣкахъ · кназь велить · своимъ моужемъ проводити сии гость а вѣсть имъ пѣдати ·:

Грамота эта сохранилась въ двухъ изводахъ, очень мало отличныхъ одинъ отъ другаго,—въ Румянцевскомъ музеѣ и въ Рижскомъ архивѣ (напечат. въ Вѣстникѣ Европы съ объясненіями Шлецера, 1811 г. № 23, стр. 196—214, Калайдовича и Евгенія, Епископа Вологодскаго 1812 г. № 3, стр. 104—114 и № 15, стр. 229 и слѣд; въ Дополн. къ актамъ истор. I, № 6, въ Грамотахъ, кас. до снош. сѣверозап. Россіи IX, въ приложеніяхъ къ Мыслямъ объ исторіи русскаго языка Срезневскаго и въ Истор. Христ. Буслаева).

Въ отношеніи фонетическомъ эта грамота представляетъ слѣдующее: ѣ вм. о, какъ въ грамотѣ 1229 г. (пѣдати); ч вм. ц (коупѣчь, роучѣ); полногласныя формы (берега, волости). Изъ граммат. особенностей отмѣтимъ род. п. прил. на ого: великого, тысачкого, гочкого, латиньского и употребленіе прошедшаго простаго: дахомъ.

12. Договорная грамота Новгорода съ в. к. Михаиломъ Ярославичемъ, 1317 г.

(Въ „Собраніи Госуд. грам. и догов.“ I, № 13).

Отъ Посадника отъ Михаила , отъ Тысячкого отъ Матфѣя, отъ Бояръ , и отъ житьихъ людѣй , и отъ чорныхъ людѣй ,

и отъ всего Новагорода , послаше Новъгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михаилѣ на Тфѣрь , а велѣлѣ миръ имати на семъ . Аже братью нашю попущати безъ окупа , Новгородскихъ Бояръ и Новоторьскихъ Бояръ , жить ихъ людѣй и чорныхъ людѣй , и сиротъ Новгородской волости и Новоторьской волости ; или хто данъ па порукѣ Новгородѣчь или Новоторжанинъ , а съ тыхъ порука на землю ; или кого къ челованью привелъ , а съ тыхъ целованье на землю ; или грамоты дерноватыи на кого написалъ , а тѣ грамотѣ подереть . А что Князь Михаиле товаръ порубилъ братьи нашей до Новоторьского взятья , а того товара весь Новъгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступитися ; а что товаръ Новгородскѣй и Новоторьскый въ Торъшку взятъ въ полонъ , а того товара весь Новгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступитися . А землѣ и водѣ старый рубежь по старымъ грамотамъ . А Намѣстникы свои съ Торъшку сведетъ . А на семъ повелѣше весь Новъгородъ Юрью и Якиму миръ взяти съ Княземь съ Михаиломъ ; а повелѣша печати приложити изо всихъ пяти кончевъ къ сей грамотѣ . Аже Князь Михаила почне Пословѣ свои слати въ Новъгородъ , Новъгородъ повелѣ Юрью и Якиму Пословѣ Михаиловѣ поняти въ Новъгородъ .

Правописаніе этой граматы представляетъ слѣдующія данныя: ъ и ь замѣняются чрезъ *о*, *е* и *ѣ* (по смѣшенію *ѣ* съ *е*: Новгородѣчь); въ твор. и мѣстн. ед. ч. и въ 3 л. ед. буд. вр. употребленъ ъ вм. ь: съ Михаиломъ, на семъ, сведетъ; *ѣ* и *е* смѣшиваются: пословѣ, людѣи, Тфѣрь; *о* вм. *е*: чорныхъ; *ѣ* вм. *и*: велѣлѣ, людѣи и вм. *ы*: товаръ новгородскѣи и новоторьскыи, грамотѣ, на порукѣ (вин. мн.); обратно *и*, *ы* вм. *ѣ*: изо всихъ пяти кончвъ, тыхъ—тѣхъ; *и* предъ гласнымъ обыкновенно сокращается въ ь: Юрья, взятья, целованье, братьи, Юрью, братью; гортанныя сочетаются съ мягкими: Якима, новгородскихъ, на порукѣ (ср. намѣстникы); шипящій съ мягкою: нашю; полногласныя формы: волости, полонъ; *ч* вм. *ц*: новгородѣчь, целованью, кончевъ; смѣшеніе согласныхъ: Тфѣрь, въ Торъшку, хто. Изъ грамматическихъ особенностей отмѣтимъ род. прил. на *ого*: тысячкого;

употребленіе прошедшаго простаго: посласе, повелѣше, повелѣша, и прош. описательнаго съ опущеніемъ вспомог. глагола: велѣлъ, написалъ, порубилъ, привелъ, велѣлѣ; неопредѣленное наклоненіе: велѣлъ отступитися и—отступится. Отмѣтимъ также употребленіе будущаго въ смыслѣ повелительнаго: подереть, сведетъ, т.-е. ать подереть, ать сведетъ.

13. Изъ Договорной грамоты в. к. Симеона Іоанновича съ братьями, 1341 г.

(Въ „Собр. Гос. грам. и догов.“ I, № 23).

Се язъ Князь Великий Семенъ Ивановичь всея Руси съ своею братьею молодшею со Княземъ съ Иваномъ и съ Княземъ Андрѣемъ целовали есмы межи собе крестъ у Отня гроба . Быти ны за одинъ до живота , а брата своего старѣйшего имѣти ны и чтити во отцево мѣсто ; а брату нашему насъ имѣти... А кто будеть брату нашему старѣйшему недругъ , то и намъ недругъ : а кто будеть брату нашему старѣйшему другъ , то и намъ другъ . А тобѣ , Господине Князь Великий , безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ : а братьѣ твоей молодшей безъ тобе не доканчивати ни съ кимъ . А кто иметь насъ сваживати... исправа ны учинити , а нелюбья не держати , а виноватого казнити по исправѣ... целовали есмы по душевной грамотѣ Отця нашего , како ны Отець нашъ роздѣлъ далъ , того ти подъ нами блюсти , а не обидѣти.... А чимь ны благословилъ Отець нашъ , волостми ли , порты ли , или иными чимь , а тымь ся есмы подѣлили , того ны не поминати... А что ся учинить простороже отъ мене , или отъ васъ , или отъ моего Тысяцьского и отъ нашихъ Намѣстниковъ , исправа ны учинити , а нелюбья не держати... А что Олексѣ Петровичь вшелъ въ коромолу къ Великому Князю , намъ Князю Ивану и Князю Андрѣю къ собѣ его не приимати , ни его дѣтий , и на надѣятись ны его къ собѣ до Олексѣева живота ; воленъ въ немъ Князь Великий , и въ его женѣ , и въ его дѣтехъ . . .

Въ правописаніи ъ и ь замѣняются чрезъ *о* и *е*; а вм. ь въ твор. пад. ед. ч. и въ 3 л. буд. врем. (со князем съ Иваномъ и съ княземъ Андрѣемъ, отъведетъ, поѣдетъ); *ь* смѣшивается съ *е*, гортанныя съ *и*, вм. ы; *и* передъ гласнымъ сокращается въ ь; полногласныя формы: братьею молодшею, волостми, простороже, въ коромолу. Род. п. прил. на *ою*: виноватого, тысяцьского; прошедш. опис: есмы подѣлили, целовали есмы, и безъ вспомог. глаг: далъ, благословилъ, вшелъ. Синтаксическая особенность— употребленіе им. п. вм. вин. съ неопр. накл: исправа ны оучинити.

14. Новгородская купчая пол. XIV в.

(Въ Акт. Юридич. изд. Археогр. Коммис. Спб. 1838, № 71. I).

Се купи Окынфо, и Еванъ, и Марке, и Өедоро, у Жирятиничей, у Гошкуя, и у Якова, и у Бориса, и у Выгната, Разуевъ острово, у Пикиничѣ земли; и даша на немъ рублей гривну на 70 лѣтъ, а отъ того лѣта коли Іо, Князь мертвь Ивановиче; а боля Жирятиничимо ненадобѣ у Пикиничѣ земли, увидаются Гошкуй, и Якове, и Борисъ, сами съ своимъ племенемъ; а у томъ острови Окынфу 2 чясти, а Евану и Марку и Өедору 3 чясти.—А на то послухо: Дрочила Олексино, попъ Сменъ Святаго Спаса, Созонъ Илеѣно. А псало Өлуферій передо обима истчи; а стояло у печяти Гошкуй отъ всего племени.

Это—купчая сдѣлка Жирятиничей съ Окинфомъ и его племенемъ. Подлинникъ писанъ на бумагѣ. Время написанія опредѣляется выраженіемъ: „отъ того лѣта коли Іо. Князь мертвь Ивановиче." Вел. князь Іоаннъ Іоанновичъ умеръ въ 1359 г.—Грамота эта писана подъ вліяніемъ сѣвернаго или Новгородскаго нарѣчія. Древніе ъ и ь переходятъ въ *о*, *е* особенно на концѣ словъ: Окынфо, Өедоро, Якове, Марке, Ивановиче; *ѣ* замѣняется чрезъ *и*: у Пикиничѣ земли, у томъ острови; *ѣ* вм. *и*; передо обима истчи. Употреблено прош. простое: купи, даша, и прош. описательное: псало, стояло. Въ синтаксическомъ отношеніи любопытно употребленіе сказуемаго въ среднемъ родѣ при подлежа-

щемъ въ муж. родѣ: а исало Олуферій, а стоялю у печати Гоинкуй, а также употребленіе сказуемаго въ ед. ч. при многихъ подлежащихъ: се купи Окынфо, и Еванъ, и Марке, и Өедоро.

15. Изъ Лаврентьевской лѣтописи 1377 г.

(По изд. Археогр. Ком., СПБ. 1872 г.) *).

а) *Разселеніе славянскихъ народовъ.*

По [1]) мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля, и Болгарьска, (И) [2]) отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемь Марава [3]), и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни: Хорвате [4]) Бѣлии, и Серебь [5]) и Хорутане Волхомъ [6]) бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, (и) [7]) сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове, друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и [8]) сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне [9]), зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю [10]) Припетью [11]) и Двиною и нарекошася Дреговичи; (инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане) [12]), рѣчьки [13]) ради, яже втечеть [14]) въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни [15]) же сѣдоша около езера [16]) Илмеря [17]), (и) [18]) прозвашася сво-

---

*) Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и варіантахъ буквою Л означенъ Лаврентьевскій списокъ, буквою Р—Радзивиловскій, буквою А—принадлежащій Московской Духовной Академіи и буквою Т—Троицкій. Послѣдніе три списка всѣ XV вѣка. [1]) Такъ въ РА; въ ЛТ во. [2]) *и* изъ РА. [3]) РА Морава. [4]) Такъ въ РА; въ ЛТ Хровате. [5]) РА Сербъ. [6]) Р волотомъ. [7]) *и* изъ РА: [8]) А нѣтъ *и*. [9]) Р деревляне. [10]) РА межи. [11]) Р Припятью. [12]) инии:.... Полочане изъ РА. [13]) РА реки. [14]) РА течетъ. [15]) РА Словене. [16]) РА озера. [17]) Р Ильменя. [18]) *и* изъ РА.

имъ имянемъ, и сдѣлаша градъ[1] и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи[2] и по Сулѣ, и нарекошася[3] Сѣверъ. (И)[4] тако разидеся Словѣньский языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская[5].

б) *Обычаи славянскихъ племенъ, населявшихъ древнюю Русь.*

Имяху[6] бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свои[7] нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ[8] и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху[9], брачный[10] обычай имяху: не хожаше[11] зять[12] по невѣсту, но привожаху[13] вечеръ, а заутра[14] приношаху по ней что вдадуче[15]. А Древляне[16] живяху звѣриньскимъ[17] образомъ, живуще[18] скотьски[19]: убиваху другъ друга, ядяху все[20] нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица[21]. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху[22]: живяху в лѣсѣхъ[23], якоже (и)[24] всякии звѣрь, ядуще все нечисто, (и)[25] срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами, (и)[26] браци не бываху въ нихъ, но[27] игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища[28], и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто съвѣщашеся; имяху же[29] по двѣ и по три жены. (И)[30]

---

1) РА сдѣлаша городъ. 2) Такъ въ РА; въ ЛТ по Сѣли. 3) Такъ въ РА; въ ЛТ нарекоша. 4) *и* нѣтъ РА. 5) РА нѣтъ словѣньская. 6) РА имяхуть. 7) РА нѣтъ свой. 8) А къ свекровь. 9) Т имяху; РА имуще. 10) РА и брачныи. 11) Такъ въ ТР; въ Л не хожеше; въ А не хожаху. 12) РА женихъ. 13) Такъ въ ТРА; въ Л приведяху. 14) Такъ въ Т; въ Л заутра; въ А утро. 15) РА дадуть. 16) РА деревляне. 17) Т звѣриньнымъ; РА звѣрьскымъ. 18) Такъ въ ТРА; въ Л живуще. 19) Т скотьскы; РА скотьскии. 20) Такъ въ ТРА; въ Л вся. 21) Такъ въ ТРА; въ Л дѣвица. 22) РА имяху. 23) Такъ въ РА; въ ЛТ в лѣсѣ. 24) *и* нѣтъ РА. 25) *и* нѣтъ РА. 26) *и* нѣтъ РА. 27) Такъ въ ТРА; въ Л и. 28) РА пѣсни. 29) ТРА имяхуть же и. 30) И нѣтъ РА.

аще кто умряше [1]), творяху тризну [2]) надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху [3]), и посемь собравше кости вложаху [4]) в судину малу [5]), и поставляху [6]) на столпѣ [7]) на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая [8]) Кривичи (и) [9]) прочии погании, не вѣдуще Закона Божия [10]), но творяще сами собѣ законъ.

в) *Призваніе Варяговъ.*

(Въ лѣто 6370) [11]). Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ,(и) [12]) быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. (И) [13]) рѣша сами в собѣ: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ [14]) по праву». (И) [15]) идоша [16]) за море къ Варягомъ, к Русі, сице бо тіи звахуся [17]) Варязи Русь [18]),яко се друзии зовутся Свие [19]), друзии же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте [20]), тако и си. Рѣша Руси [21]) Чюдь, (и) [22]) Словѣни, и Кривичи (и) [23]) Вси [24]): «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ [25]) и володѣти [26]) нами». И изъбрашася 3 братья [27]) с роды своими, (и) пояша по собѣ всю Русь, и придоша [28]); старѣиший [29]) Рюрикъ, (сѣде Новѣгородѣ) [30]), а другий, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третий Изборьстѣ [31]),

---

[1]) Т умряшеть. РА умираше. [2]) Такъ въ А; въ ЛТ трызно; во Р трызну. [3]) Т съжьжагаху Р сожигахуть А сожигаху. [4]) РА влагаху. [5]) Т в съсудъ, РА въ сосудъ малъ. [6]) Такъ въ РА; въ Л поставяху. [7]) РА на столѣ. [8]) РА сии же обичая творять и. [9]) *и* изъ РА. [10]) Л бѣи. [11]) Въ лѣто 6370 изъ ТРА. [12]) *и* изъ ТРА. [13]) И изъ А. [14]) РА рядилъ. [15]) И изъ ТРА. [16]) Такъ въ ТРА, въ Л идаша. [17]) Такъ въ РА; въ Л сице бо ся зваху тьи; въ Т иже сице бо ся зваху ти. [18]) Такъ въ РА; въ Л суть; въ Т русью. [19]) Такъ въ РА; въ Л Свое; въ Т этого слова нѣтъ. [20]) Т гѣте. [21]) Такъ въ РА; въ ЛТ Русь. [22]) *и* изъ РА. [23]) *и* изъ ТРА. [24]) Такъ въ РА; въ ЛТ вся. [25]) РА у насъ княжити. [26]) Т владѣть. [27]) Т братеники. [28]) РА придоша к словеномъ первое и срубиша городъ Ладогу и сѣде в Ладозѣ. [29]) РА старей. [30]) сѣде Новѣгородѣ изъ Т. [31]) Т во Изборстѣи РА въ Изборьску.

Труворъ. (И) [1]) отъ тѣхъ (Варягъ) [2]) прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци [3]) отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни.

г) *Крещеніе Владиміра.*

И минувшю лѣту, в лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьский, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города в лимени, дали града стрѣлище [4]) едино, и боряхуся крѣпко изъ града [5]), Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «аще ся не вдасте, имамъ стояти и [6]) за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воа своа [7]), и повелѣ приспу сыпати [8]) къ граду. Симъ же спущимъ [9]), Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще [10]) сыплемую персть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху [11]) боле, а Володимеръ стояше. И (се) [12]) мужь Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ [13]), напсавъ сице на стрѣлѣ: «кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю». И ту абье повелѣ копати прекі трубамъ и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко царема [14]), Василью и Костянтину, глаголя сице: «се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже

---

[1]) И изъ ТРА. [2]) Варягъ изъ ТРА. [3]) Такъ въ А; въ Л Нооугородьци въ Т а Новогородци; въ Р Новгородци. [4]) Въ Л стѣлище; въ РА стрелища. [5]) РА крѣпко гражане. [6]) РА нѣтъ и. [7]) Такъ въ РА; въ Л воѣ своѣ. [8]) приспу сыпати изъ Ипатскаго списка; во всѣхъ трехъ спискахъ приступити. [9]) Такъ въ Ип. сп.; въ Л спущенимъ; въ Р и присту спущимъ; въ А и приступающимъ. [10]) РА и крадяху. [11]) РА и вои сыпаху. [12]) се изъ РА. [13]) РА Анастасъ. [14]) Такъ въ РА; въ Л цареві.

и сему створихъ». И слышаста [1]) царя, быста печальна, (и) [2]) въздаста вѣсть, сице глаголюща: «не достоить хрестеяномъ за поганыя даяти [3]); аще [4]) ся крестиши, то и се получишь [5]), и царство небесное примеши, и с нами единовѣрникъ [6]) будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати [7]) сестры [8]) своее за тя [9])». Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ отъ царю: «глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми люба [10]) вѣра ваша и служенье, еже бо ми спвѣдаша послании нами мужа». И си слышавша цара рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: „крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ". Рече же Володимеръ: «да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя». И послущаста царя (и) [11]) посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры; она же не хотяше ити: «яко в полонъ», рече, «иду, луче [12]) бы ми сде умрети». И рѣста ей брата [13]): «еда како обратить Богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Греческую землю избавишь [14]) отъ лютыя рати; видиши ли, колько [15]) зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ аще не идеши, тоже имуть створити намъ»; и одва ю принудиша. Она же сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чресъ море; и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По Божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, (и) [16]) тужаше велми, (и не домышляшеться что створити) [17]); и посла к нему царица, рекущи [18]): «аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли (ни), то не имаши избыти (недуга) [19]) сего». Си слышавъ Володимеръ,

---

[1]) Слѣдуетъ быть: слышавша. [2]) *и* изъ РА. [3]) Такъ въ РА; въ Л дати. [4]) РА аще ли. [5]) РА получиши. [6]) РА единовѣренъ. [7]) РА вдати. [8]) Такъ въРА;въ Л сестръ. [9]) РА за тебе погана. [10]) Въ Л любо; въ РА любѣ и. [11]) *и* изъ РА. [12]) Такъ въ РА; въ Л лучи. [13]) Такъ въ А; въ ЛР братья. [14]) РА избавиши. [15]) РА колико. [16]) *и* изъ РА. [17]) и не домышлящеться что створити изъ РА. [18]) Такъ въ РА; въ Л рькуще. [19]) недуга изъ РА.

рече: «да аще истина будеть, то по истинѣ великъ Богъ будеть крестеянескъ [1])»; и повелѣ крестити ся. Епископъ же Корсуньский с попы царицины, огласивъ, крести Володимира; яко [2]) възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ [3]) же се Володимеръ напрасное цѣленье, и прослави Бога, рекъ: «топерво [4]) уведѣхъ [5]) Бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья [6]), и есть церки та стояще въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посрѣди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье.

д) *Изъ Поученія Владиміра Мономаха.*

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеньмъ, славнымъ, нареченый [7]) въ крещеніи Василий, Русьскымъ именемъ Володимиръ, отцемь възлюбленымъ и матерью своею Мьномахы [8])....

Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте бес престани, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя. Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка.

---

[1]) А хрестьянскій. [2]) РА и яко. [3]) РА видѣвъ. [4]) РА теперво. [5]) Такъ въ Р; въ ЛА увидѣхъ. [6]) РА святое бого-родици. [7]) Въ Л нареченѣмь. [8]) Послѣ этого слова пробѣлъ въ 4½ строки; начала Поученія не достаетъ. Въ РА совсѣмъ нѣтъ этого Поученія.

Ни права , ни крива не убивайте ; ни повелѣвайте убити его ; аще будеть повиненъ смерти , а душа не погубляйте [1]) никакоеиже хрестьяны . Рѣчь молвяче , и лихо и добро [2]) , не кленитеся Богомъ, ни хреститеся , нѣту бо ти нужа никоеиже ; аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи , или къ [3]) кому , а ли управивъше сердце свое , на немже можете устояти , тоже цѣлуйте , и цѣловавше блюдѣте , да не , приступни , погубите душѣ своеѣ . Епископы , и попы и игумени , с любовью взимайте отъ нихъ благословленье , и не устраняйтеся отъ нихъ , и по силѣ любите и набдите , да приимете отъ нихъ молитву отъ Бога . Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ , но рцѣмъ : смертни есмы , днесь живи , а заутра в гробѣ [4]) ; се все , что ны [5]) еси вдалъ , не наше , но твое , поручилъ ны еси на мало дний ; и в земли не хороните , то ны есть великъ грѣхъ . Старыя чти яко отца , а молодыя яко братью . В дому своемъ не лѣнитеся , но все видите ; не зрите на тивуна , ни на отрока , да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему , ни обѣду ващему . На войну вышедъ , не лѣнитеся , не зрите на воеводы ; ни питью , ни ѣденью не лагодите , ни спанью ; и сторожѣ сами наряживайте , и ночь , отвсюду нарядивше около вои , тоже лязите , а рано встанѣте ; а оружья не снимайте с себѣ вборзѣ , не розглядавше лѣнощами , внезапу бо человѣкъ погыбаеть . Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда , в томъ бо душа погыбаеть и тѣло . Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ , не дайте пакости дѣяти отрокомъ , ни своимъ , ни чюжимъ , ни в селѣхъ , ни в житѣхъ , да не кляти васъ начнуть . Куда же поидете , идеже станете , напойте , накормите унеина ; и боле же чтите гость , откуду же к вамъ придеть , или простъ , или добръ , или солъ , аще не можете даромъ , брашномъ и питьемъ : ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ

[1]) Въ Л не погубляете. [2]) Быть можетъ: и лиху и добру. [3]) Въ Л к. [4]) Въ Л в гробъ. [5]) Въ Л чтны.

землямъ, любо добрымъ, любо злимъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы; и человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою [1]) любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть бе-сорома, и вамъ будеть добро. Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью, и рече: просвѣти очи мои [2]), Христе Боже, н(же) далъ ми еси свѣтъ твой красныи, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога; и сѣдше думати с дружиною, или люди оправдивати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне, о тъ чинъ [3]) бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци...

е) *Посмѣсловіе писца.*

Радуется купець прикупъ створивъ, и кормьчий въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божий Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сия, глаголемыи Лѣтописець, мѣсяца генваря въ 14, на память

---

[1]) Должно быть: жены своя. [2]) Въ Л мо. [3]) Въ Л. чина.

святыхъ отець нашихъ аввадъ, в Синаи и в Раифѣ избьеныхъ, князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Дионисья, и кончалъ есмъ мѣсяца марта въ 20, на память святыхъ отець нашихъ, иже в манастыри святаго Савы избьеныхъ отъ Срацинъ, в лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи великомъ Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Дионисьѣ Суждальскомъ и Новгородьскомъ и Городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашь, Сынъ Бога живаго, емуже слава и держава и честь и покланянье со Отцемъ и с пресвятымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣкы, аминь.

Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, названный такъ по имени переписчика, инока Лаврентія, писанъ въ 1377 году, на пергаминѣ, въ большую четвертку, на 173 листахъ, разными почерками. До 40 листа рукопись писана въ сплошную строку, уставнымъ почеркомъ, а съ 41 листа до конца—въ два столбца, мелкимъ полууставнымъ почеркомъ, близко подходящимъ къ скорописи, и другими чернилами Въ трехъ мѣстахъ рукописи (послѣ 9, 169 и 170 лл.) недостаетъ по нѣскольку листовъ. На 78—85 листахъ рукописи находится Поученіе Владиміра Мономаха, помѣщенное въ средину повѣствованія о людяхъ, заточенныхъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ. Кромѣ заглавія, счетъ годовъ, заглавныя буквы отдѣльныхъ сказаній и послѣсловіе писаны киноварью. Изъ знаковъ препинанія употреблена, и часто весьма неправильно, одна точка, которая стоитъ вверху, въ срединѣ и внизу строкъ. Встрѣчаются также надстрочные знаки; ихъ особенно много въ той части рукописи, которая писана въ два столбца.

Лаврентьевскій списокъ, подобно большей части нашихъ лѣто-

писей, есть лѣтописный сводъ, въ который вошли Повѣсть временныхъ лѣтъ въ редакціи начала XII в. и ея продолженія, преимущественно излагающія событія Сѣверной Руси (Суздальскаго княжества). Такой составъ списка отразился на его правописаніи, разнообразіе котораго даетъ поводъ предполагать или о многихъ писцахъ, участвовавшихъ въ его перепискѣ, или о многихъ рукописяхъ, находившихся въ рукахъ составителя этого сѣверо-восточнаго (Суздальскаго) свода.

Лаврентьевскій списокъ былъ поднесенъ Императору Александру Павловичу графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и, по Высочайшему повелѣнію, переданъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Часть Лаврентьевскаго списка издана въ 1804 г. проф. Чеботаревымъ и Черепановымъ (всего 10 печатныхъ листовъ), и въ 1824 г. проф. Тимковскимъ („Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія", 13 печатныхъ листовъ). Вполнѣ напечатанъ Лаврентьевскій списокъ Археографическою Коммиссіей въ 1846 г. подъ редакціей Бередникова, въ I томѣ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей, но неудовлетворительно. Лѣтопись Нестора, изданная Миклошичемъ (Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum edidit Fr. Miklosich, Vindobona, 1860) есть ничто иное, какъ переизданія Повѣсти временныхъ лѣтъ, помѣщенной въ I томѣ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей,—языку которой издатель придалъ правильность и однообразное правописаніе. Въ 1872 году лѣтопись по Лаврентьевскому списку вновь издана Археографическою Коммиссіей подъ редакціей акад. А. Ѳ. Бычкова. Въ этомъ новомъ изданіи Лаврентьевскій списокъ а) воспроизведенъ буква въ букву, съ соблюденіемъ даже грамматическихъ неправильностей (допущены только слѣдующія отступленія отъ подлинника: раскрыты титла, замѣнены гласныя оу, ѡ, ꙗ, ѥ гласными *у*, *о*, *я*, *е* и разставлены знаки препинанія, какъ того требуетъ смыслъ), и б) сличенъ съ двумя другими списками: Радзивиловскимъ и принадлежащимъ Московской духовной академія, а также съ погибшимъ пергаментнымъ Троицкимъ, насколько его сохранилось въ изданіи проф. Чеботарева и Черепанова 1804 г. (См. Предисловіе къ изданію Лѣтописи по Лаврентьевскому списку, Спб. 1872).

Правописаніе Лаврентьевской лѣтописи русское, общее съ другими письменными памятниками XIV вѣка. Глухіе ъ и ь перехо-

дать въ *о* и *е*, *ѣ* смѣшивается съ *е*, *и*, *я*; *и* предъ гласной сокращается въ ь; употребительны русскія полногласныя формы; начальное *е* замѣняется, по русски, чрезъ *о*; шипящія сочетаются съ мягкими; *ж* и *ч* вм. древнеслав. *жд* и *шт* или *щ*. Областное произношеніе сказалось въ обоюдномъ переходѣ *въ* и *у*. Полныхъ формъ именъ прилагательныхъ и преходящаго времени нѣтъ. Причастія иногда употребляются правильно, иногда смѣшиваются въ родахъ и числахъ. Но наряду съ симъ встрѣчаются и многія древнѣйшія формы. Сюда относится употребленіе прошедшаго простаго, прилагательныхъ одночленныхъ, дательнаго самостоятельнаго и неопредѣленнаго достигательнаго, а также правильное употребленіе двойственнаго числа.

16. Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова.

(По изд. 1800 г.).

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати [1]) старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку [2]) Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по былинамь [3]) сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь [4]) творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ [5]) по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть [6]) бо речь първыхъ [7]) временъ усобіцѣ; тогда пущашеть і҃ соколовь [8]) на стадо лебедѣй [9]), который дотечаше, та преди пѣсь [10]) пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы [11]) Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і҃ соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху. Почнемъ

Варіанты по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II и напечатанному Пекарскимъ въ Запискахъ Импер. Ак. Наукъ, т. V, прил. № 2, 1864 г. [1]) начати. [2]) о полку. [3]) по былинамъ. [5]) пѣснѣ. [4]) волкомъ. [6]) помняшетъ. [7]) первыхъ. [8]) 10-ть соколовъ. [9]) лебедей. [10]) пѣснѣ. [11]) полкы.

же, братіе, повѣсть сія отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь [1]) крѣпостію своею; и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився [2]) ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы [3]) на землю Половѣцькую [4]) за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на своя бръзыя комони, да позримъ синего Дону! Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецькаго [5]) съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, сословію стараго [6]) времени! абы ты сіа плъкы [7]) ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь [8]) Игореви, того (Олга) [9]) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ дону [10]) великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь [11]) внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ ....

Трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече [12]) ему Буй [13]) Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни [14]) свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ [15]) знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени,

---

[1]) умъ. [2]) наполнився. [3]) полкы. [4]) Половецькую. [5]) Половецкого. [6]) старого. [7]) полкы. [8]) пѣснѣ. [9]) Ольга. [10]) къ Дону. [11]) Велесовъ. [12]) речь. [13]) буй [14]) куряни. [15]) имь.

сами скачють [1]) аки сѣрии влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ.

Тогда въступи [2]) Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою [3]) путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въ стазби [4]); дивъ кличетъ [5]) връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, вльзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый [6]) блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы [7]) полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ [8]) птиць подобію, влъци [9]) грозу въ срожатъ [10]), по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя [11]) щити. О руская земле! уже за Шеломянемъ еси.

Длъго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла [12]) поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галицъ [13]) убуди. Русичи великая поля чрьлеными [14]) щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы. Съ заранія въ пяткъ [15]) потопташа поганыя плъкы [16]) Половецкыя; и рассушясь [17]) стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтъмами [18]) и япончицами, и кожухы начашя [19]) мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми [20]). Чрьленъ [21]) стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена [22]) чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю. Дремлетъ [23])

---

1) скачютъ. 2) вступи. 3) тмою. 4) Выраженіе „свистъ звѣринъ въ стазби“ въ екатерининскомъ спискѣ пропущено; но въ приложенномъ при немъ переводѣ оно есть и передано такъ: „поднялся свистъ звѣрей въ ихъ логовищахъ“. 5) кличетъ. 6) Тъмутораканьскый 7) телѣгы. 8) пасеть. 9) волци. 10) въсрожать. 11) чрленыя. 12) мьгла. 13) Галичь. 14) чрълеными. 15) въ пякъ. 16) полкы. 17) рассушась. 18) орътмами. 19) начаша. 20) Половецкыми. 21) чрьленъ. 22) чръвлена. 23) Дремлеть.

въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло ¹) небылонъ ²) обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный ³) воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ ⁴) сѣрымъ влъкомъ ⁵); Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д. солнца ⁶): а въ нихъ трепещуть синіи млъніи ⁷), быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго ⁸): ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти ⁹) о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ ¹⁰) уже не Шеломянемъ ¹¹) еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами ¹²) на храбрыя плъкы ¹³) Игоревы! земля тутнетъ; рѣкы мутно текуть ¹⁴); пороси поля прикрывають ¹⁵); стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы ¹⁶) отступиша. Дѣти бѣсови ¹⁷) кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными ¹⁸) щиты.

Яръ туре Всеволодѣ ¹⁹)! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами ²⁰), гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше ²¹), своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ ²²) поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Яръ ²³) Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ ²⁴) чти и живота, и града Чръниговa ²⁵), отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци ²⁶) Олговы, Ольга ²⁷) Святъславличя ²⁸). Тъй ²⁹) бо Олегъ мечемъ ³⁰) крамолу коваше, и стрѣлы ³¹) по земли сѣяше.

---

¹) залѣтѣло. ²) не было въ. ³) черный. ⁴) бѣжитъ. ⁵) волкомъ. ⁶) 4 солнца. ⁷) молніи. ⁸) велицкого. ⁹) потручати. ¹⁰) земле! ¹¹) шеломянемъ. ¹²) стрелами. ¹³) полки. ¹⁴) текутъ. ¹⁵) прикрываютъ. ¹⁶) полки. ¹⁷) Бѣсови. ¹⁸) чръвлеными. ¹⁹) Всеволоде! ²⁰) стрелами. ²¹) поскочаше. ²²) лежать. ²³) ярь. ²⁴) забывъ. ²⁵) Чернигова. ²⁶) Полцы. ²⁷) Олга ²⁸) Святъславлича. ²⁹) Той. ³⁰) мечемъ. ³¹) стрелы.

Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ [1]. То же [2]) звонъ слыша давний великый Ярославь сынъ Всеволожь [3]): а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкь [4]) повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы [5]) ко святѣй Софіи въ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь [6]) скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици [7]) свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти [8]) на уедіе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы [9]); а сице и рати не слышано: съ зараніа [10]) до вечера, съ вечера до свѣта летять [11]) стрѣлы [12]) каленыя; гримлють [13]) сабли о шеломы; трещать [14]) копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звѣнить давечя [15]) рано предъ зорями? Игорь плъкы [16]) заворочаеть [17]); жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася [18]) другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебе-

---

[1]) Тмутороканѣ. [2]) То же. [3]) Всеволожъ. [4]) Святополкъ. [5]) иноходцы. [6]) человѣкомъ. [7]) Галици. [8]) полѣтѣти. [9]) полкы. [10]) съзараніа. [11]) летять. [12]) стрелы. [13]) гримлють. [14]) трещаять. [15]) давеча. [16]) полкы. [17]) заворочаеть. [18]) бишась.

диными крылы [1]) на синѣмъ море [2]) у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ [3]) на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже, и начяша [4]) Князи про малое, се великое млъвити [5]), а сами на себѣ [6]) крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити [7]). За нимъ [8]) кликну Карна и Жля [9]) по скочи по Руской земли, смагу мычючи [10]) въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія [11]) въсплакашась аркучи: уже намъ [12]) своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима [13]) съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ [14]) напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускый [15]), а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича [16]), Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ [17]) ихъ Святъславь грозный Великый Кіевскый [18]). Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы [19]) и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки [20]) и озеры; иссуши потоки [21]) и болота; а поганаго [22]) Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ [23]), яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ [24]) Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія [25]), Рускаго злата насыпаша.

---

[1]) крилы. [2]) на синемь морѣ. [3]) Княземь. [4]) начаша. [5]) молвити. [6]) на себе. [7]) храброго полку не креснти. [8]) За нимь. [9]) Карнанжля. [10]) смагу *людемъ* мычючи. [11]) рускыя. [12]) намь. [13]) ни о очима. [14]) Черниговь. [15]) утече средѣ земли Рускып. [16]) Святъславлича. [17]) отець. [18]) гроздный выликый Кіевьскый. [19]) силными полкы. [20]) рѣкы. [21]) потокы. [22]) поганого. [23]) отъ желѣзных великыхъ полковъ половецкыхъ. [24]) каютъ. [25]) Половецкыя.

Ту Игорь Князь высѣдѣ [1]) изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево; уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславъ [2]) мутенъ сонъ видѣ [3]): въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною [4]) паполомою, на кроваты [5]) тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ [6]) великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ [7]) мя; уже дьскы [8]) безъ кнѣса вмоемъ [9]) теремѣ златовръсѣмъ [10]). Всю нощь съ вечера босуви [11]) врани възграяху. У Плѣсньска [12]) на болони, бѣша дебрь Кисаню [13]) же и не сошлю къ синему морю.

И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста [14]) съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя [15]), а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца [16]) припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша [17]) въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ г̃ [18]) день: два солнца помѣркоста [19]), оба багряная стлъпа погасоста, и съ [20]) нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки [21]) пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивь [22]) на землю. Се бо Готскія [23]) красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ: поютъ [24]) время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія [25]).

Тогда Великій [26]) Святславъ [27]) изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя [28]) Игорю и Всеволоде!

---

[1]) высѣде. [2]) Святъславъ. [3]) виде. [4]) черною. [5]) на кровати. [6]) тлъковинъ. [7]) нѣгують. [8]) ужедъ скы. [9]) въ моемъ. [10]) златоврьсемъ. [11]) босуви. [12]) У Плѣньска. [13]) кисаню. [14]) слетѣста. [15]) Тмутороканя. [16]) крилца. [17]) а самого опуташа. [18]) въ 3-й. [19]) померкоста. [20]) сь. [21]) акы. [22]) дивъ. [23]) Готьскыя. [24]) поють. [25]) веселіа. [26]) вели кый. [27]) Святъславъ. [28]) сыновча.

рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити , а себѣ славы искати . Нъ нечестно одолѣсте : нечестно бо кровь поганую проліясте [1]). Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ [2]) скована , а въ буести закалена . Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго , и богатаго и многовои [3]) брата моего Ярослава съ Чернитовьскими былями , съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры [4]), и съ Топчакы , и съ Ревугы , и съ Ольберы [5]). Тіи бо бес щитовь [6])съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ [7]), звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте му жа имѣся [8]) сами, преднюю славу сами похитимъ [9]), а заднюю ся сами подѣлимъ [10]). А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ [11]), высоко птицъ възбиваетъ [12]); не даетъ [13]) гнѣзда своего въ обиду . Нъ се зло Княже ми непособіе ; на ниче [14]) ся годины обратиша . Се Уримъ [15]) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами . Туга и тоска сыну Глѣбову .

Великый Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити , а Донъ шеломы выльяти . Аже бы ты былъ, то была бы Чага [16]) по ногатѣ , а Кощей по рѣзанѣ . Ты бо можеши посуху живыми [17]) шереширы стрѣляти [18]) удалыми сыны Глѣбовы . Ты буй Рюриче и Давыде , не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы [19]) тури , ранены саблями калеными , на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина [20]) въ злата стремень за обиду сего времени , за землю Русскую [21]), за раны Игоревы , буего Святславлича [22])! Галичкы Осмомыслѣ [23]) Ярославе! высоко

---

[1]) прольясте. [2]) въ жестоцѣмъ Харалузѣ. [3]) много вои. [4]) съ Шельбиры. [5]) съ Олбѣры. [6]) бесъ щитовъ. [7]) полкы побѣждають. [8]) мужа имѣся. [9]) похытимь [10]) подѣлимь. [11]) въ мытѣхъ бываеть. [12]) птиць възбиваеть. [13]) не даеть. [14]) наниче. [15]) урим. [16]) чага. [17]) живыми опущ. [18]) стреляти. [19]) рыкають аки. [20]) Вступи та гӣа. [21]) Рускую. [22]) Святъславлича. [23]) Осмомысле.

сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ [1]) столѣ. Подперъ горы Угорскыи [2]) своими желѣзными плъки [3]), заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю [4]) ворота, меча времены чрезъ облаки [5]), суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ [6]); оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши [7]) съ отня злата стола Салтани [8]) за землями. Стрѣляй [9]) Господине Кончака, поганого Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича [10]). А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ [11]) на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ [12]) ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо уваю желѣзныи [13]) папорзи подъ шеломы латинскими [14]). Тѣми тресну земля, и многи [15]) страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела; и Половци сулици своя повръгоща [16]), а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ [17]) солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ [18]) листвіе срони: по Рсіи [19]), по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити [20]). Донъ ти Княже кличетъ, и зоветъ [21]) Князи на побѣду. Олговичи храбрыи Князи доспѣли на брань. Инъгварь [22]) и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи [23]), не худа [24]) гнѣзда шестокрилци [25]), непобѣдными [26]) жребіи собѣ власти расхытисте? кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи [27]) и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами [28]) за землю Русскую [29]), за раны Игоревы буего Святъславлича; уже бо [30]) Сула не течетъ [31]) сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ [32]) течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ [33]) подъ кликомъ поганыхъ.

---

[1]) златокованнемъ. [2]) Угорьскыи. [3]) полки. [4]) затворив Дунаю. [5]) облакы. [6]) текуть. [7]) стреляеши. [8]) Салътани. [9]) Стреляй. [10]) Святъславича. [11]) носить васъ умь. [12]) на вѣтрѣхъ. [13]) желѣзніи. [14]) латиньскыми. [15]) многы. [16]) повръгоша. [17]) утръпѣ. [18]) небологомь. [19]) по Роси. [20]) полку некресити. [21]) кличеть и зоветъ. [22]) Ингварь. [23]) Мстиславличи. [24]) нехуда. [25]) шестокрильци. [26]) не побѣдными. [27]) лядкыи. [28]) стрелами. [29]) Рускую. [30]) Ужебо. [31]) течеть. [32]) болотомь. [33]) Полочянамъ.

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія [1]; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину [2]) твою Княже птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь [3]) ту брата Брячяслава [4]), ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну [5]) душу изъ храбра тѣла, чресъ [6]) злато ожереліе. Унылы [7]) голосц, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте [8]) наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни [9]) връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй [10]) клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго [11]). Скочи отъ нихъ [12]) лютымъ звѣремъ въ плъночи [13]), изъ Бѣлаграда [14]), обѣсися [15]) синѣ мьглѣ, утръ же воззни стрикусы [16]) оттвори врата Новуграду; разшибе [17]) славу Ярославу, скочи влъкомъ [18]) до Немиги съ Дудутокъ [19]). На Немизѣ снопы стелютъ [20]) головами, молотятъ чепи харалужными [21]), на тоцѣ животъ кладутъ [22]), вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ [23]). Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше [24]), а самъ въ ночь влъкомъ [25]) рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ [26]) позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ

---

[1]) Литовьскыя. [2]) Дружину. [3]) Небы. [4]) Брячаслава. [5]) жемчужну. [6]) чрезъ [7]) Уныли. [8]) начасте. [9]) на седмомъ вѣцѣ Зояни. [10]) Тъ. [11]) Кіевьскаго. [12]) отныхъ. [13]) въ полночи. [14]) изъ бѣла-града. [15]) обѣси ся. [16]) утръже вознистри кусы. [17]) Разшибѣ. [18]) волкомъ. [19]) дудутокъ. [20]) стелють. [21]) халужными. [22]) животь кладуть. [23]) сыновь. [24]) радяще. [25]) волкомь. [26]) Полотьскѣ.

Кіевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое [1]) припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути.

О! стонати Руской земли, помянувше пръвую [2]) годину, и пръвыхъ [3]) Князей. Того стараго Владиміра не льзѣ [4]) бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ [5]): сего [6]) бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы [7]); нъ [8]) рози нося имъ хоботы пашутъ [9]).

Копіа поютъ на Дунаи. Ярославнынъ гласъ слышитъ [10]): зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине [11]) насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ [12]) горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днепре словутицю [13])! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку [14]) Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море [15]) рано. Ярославна рано плачетъ [16]) къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце [17])! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине [18]) простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ [19]) сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на

---

[1]) первое. [2]) первую. [3]) первыхъ. [4]) нелзѣ. [5]) Кіевьскымъ. [6]) Сего. [7]) Давидови. [8]) Нъ. [9]) пашуть. [10]) Ярославнымъ гласъ слышить. [11]) гие. [12]) бяшеть. [13]) о дне пресловутицю! [14]) полку. [15]) на морѣ. [16]) на морѣ плачеть. [17]) Солнце! [18]) гие. [19]) идуть.

землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ [1]), Игорь бдитъ [2]), Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго [3]) Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи [4]) горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ [5]) комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ [6]), и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами [7]) избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ [8]) потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бръзая [9]) комоня.

Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ [10]), стлавшу ему зелѣну [11]) траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми [12]) на ветрѣхъ [13]). Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя [14]) по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило [15]).

А не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ [16]) Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша [17]), сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только [18]), дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ [19]), соловіи веселыми пѣсьми [20]) свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ [21]) Гзакъ Кончакови:

---

[1]) спить. [2]) бдить. [3]) мѣрить отъ великого. [4]) поскачи. [5]) въвержеся на борзъ. [6]) босым волкомъ. [7]) мглами. [8]) волкомъ. [9]) борзая. [10]) волнахъ. [11]) зелену. [12]) чрьнядьми. [13]) вѣтрѣхъ. [14]) Ростиславля. [15]) преклонило. [16]) ѣздить. [17]) Галици помолкоша. [18]) толко. [19]) кажуть. [20]) пѣсньми. [21]) Молвить.

аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростриляевѣ [1]) своими злачеными стрѣлами [2]). Рече [3]) Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ [4]), а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею [5]). И рече [6]) Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю [7]) птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца [8]) стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы [9]): Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ [10]), Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси чрезъ [11]) море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй [12]) Богородици Пирогощей [13]). Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ Княземъ [14]), а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича [15]). Буй туру Всеволодѣ. Владиміру Игоревичу [16]). Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны [17]) на поганыя плъки [18]). Княземъ слава, а дружинѣ аминь.

Слово о Полку Игоревѣ было открыто гр. Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1795 г. въ одномъ старинномъ Сборникѣ, купленномъ въ числѣ другихъ книгъ у Іоиля, Архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря. Сборникъ писанъ на бумагѣ, конца XIV или начала XV в. Къ сожалѣнію, Сборникъ этотъ въ 1812 г., при нашествіи французовъ, погибъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ библіотекой гр. Мусина-Пушкина. Утраченную безвозвратно подлинную рукопись Слова замѣняетъ намъ первое изданіе ея, составленное гр. Мусинымъ-Пушкинымъ и Малиновскимъ *). Въ этомъ изданіи право-

---

1) рострѣля — евѣ. 2) стрелами. 3) Речь. 4) летить. 5) дѣвицею. 6) рекъ. 7) на ю. 8) пѣснотворца. 9) Головы. 10) небесе. 11) чресъ. 12) Святѣй. 13) пирогощей. 14) Князем. 15) Святъславличь. 16) Всеволоде Владиміру Игоревичь. 17) христьаны. 18) полки.

*) Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго Игоря Святославича.. Москва, 1800 г., въ Сенатской Типографіи.

писаніе подновлено по русскому шрифту, то есть: поставлены *е* вм. *ѥ*, *я* вм. *ѧ* и *ꙗ*, *у* вм. *оу*, *й* вм. *и*; уничтожены надстрочные знаки, раздѣлены слова, и сокращенныя подъ титломъ прочтены сполна. При семъ, вѣроятно, въ печатный текстъ вкрались нѣкоторыя неточности. Съ этого перваго изданія Слово о Полку Игоревѣ было перепечатываемо много разъ и большею частію съ отступленіями *). Литература Слова весьма обширна. Очерки литературы этого замѣчательнѣйшаго памятника нашей древней словесности находимъ у Максимовича [1]), Сахарова [2]), Дубенскаго [3]), Е. Барсова [4]), А. Смирнова [5]) и Жданова [6]). Изъ изслѣдованій Слова укажемъ на труды Дубенскаго [7]), Буслаева [8]), кн. Вяземска-

---

*) Въ 1864 г. Пекарскимъ изданъ Екатерининскій списокъ Слова Полку Игоревѣ, найденный въ Государственномъ Архивѣ между бумагами Императрицы Екатерины II. (Записки Импер. Академіи Наукъ, т. V, прил. № 2). Екатерининскій списокъ, какъ можно видѣть изъ его варіантовъ, нами подъ строкою отмѣченныхъ, разнится отъ печатнаго въ 1-хъ тѣмъ, что въ немъ при плавныхъ больше чистыхъ гласныхъ, чѣмъ глухихъ; во 2-хъ, въ окончаніяхъ 3 л. глаголовъ больше ъ, чѣмъ ь; въ 3-хъ, помѣшаны ѣ и е; въ 4-хъ, слова выведены изъ подъ титла иначе, напр. пѣснѣ вм. пѣсь,—речь вм. рече (19 стр. у Пекарскаго); въ 5-хъ, численные буквенные знаки і҃, г҃, д҃ замѣнены арабскими цифрами 10, 3, 4; въ 6-хъ, слово „господине" пишется подъ титломъ гн҃е; въ 7-хъ, Зоянь вм. Троянь, оочима вм. очима и т. д.

[1]) Статья Максимовича въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1836 г., ч. 10, № 4.

[2]) „Изслѣдованія критиковъ" въ V т. Пѣсенъ Русскаго народа (перепечатаны потомъ въ I т. Сказаній русскаго народа, 1841).

[3]) „Взглядъ на исторію литературы Слова о Полку Игоревомъ" въ 3 ч. Рус. Достоп., М. 1844 г.

[4]) „Критическій очеркъ литературы Слова о Полку Игоревѣ", въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г., ч. 187.

[5]) „Литература Слова о Полку Игоревѣ со времени открытія его до 1875 г." въ Филол. Записк. 1875 г., вып. VI и 1876 г., I—III, V—VI.

[6]) „Литература Слова о Полку Игоревѣ" въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ, 1880 г., №№ 7 и 8.

[7]) Текстъ Слова и объясненія Дубенскаго въ 3 ч. Русск. Достопамятностей.

[8]) „Русская поэзія XI и нач. XII в." въ Истор. Очерк. рус. нар. словесности и искусства, т. I, Спб. 1861 г., 377—400 и въ разныхъ

го [1]), Миллера Вс. [2]), Потебни [3]), Смирнова [4]). Фонетическія и формальныя особенности языка Слова изложены у Буслаева (въ Истор. Христоматіи), Колосова [5]) и Смирнова [6]).

Важнѣйшія фонетическія особенности Слова о Полку Игоревѣ, а) относительно гласныхъ звуковъ:

1). При плавныхъ вмѣсто чистыхъ употребляются глухіе, которые въ этомъ памятникѣ не предшествуютъ, а сопровождаютъ плавные: плъкы, наплънився, бръзыя, хлъми, блъванъ (въ началѣ Слова встрѣчается *ър, ъл*: пълку, първыхъ, вълкомъ); ь при плавномъ употребляется не только тамъ, гдѣ въ современномъ языкѣ *о*, но и тамъ, гдѣ теперь *е*: чрьпахуть, чрьна, врьху, прьвое.

2). ъ и ь иногда смѣшиваются: дивь, умь, Днѣпрь, Святъславь, соколовь; вихръ, отецъ, Донецъ.

3). Обыкновенная замѣна для ъ и ь—*о* и *е*.

4). *ѣ* смѣшивается съ *е* и замѣняетъ иногда *ѧ* (=*я*): усобіцѣ (вин. п. множ. ч.).

5). *и* передъ гласнымъ переходитъ въ ь: бья, вьются, польяна, христьяны.

6). *о* вм. *е* въ началѣ слова; озеры, одинъ (встрѣчается и единъ), и въ рединѣ: собѣ.

мѣстахъ; изданіе Слова съ критическими примѣчаніями въ Истор. Христом. М. 1861 г., стр. 581—594 и въ Русской Христ. М. 1870 г. См. также крит. разборъ изданія Дубенскаго (Москвитянинъ, 1845 г. № 1, 29—40) и Тихонравова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г., 2, 441—455). Проф. Буслаевъ первый выяснилъ миѳологическій характеръ Слова.

[1]) „Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ", СПБ. 1875.

[2]) „Взглядъ на Слово о Полку Игоревомъ", М. 1877 г.

[3]) Текстъ и примѣчанія—въ Филол. Зап. 1877 г., V—VI; 1878 г., I, II, IV. Проф. Потебня представилъ здѣсь множество данныхъ для сравненія Слова съ произведеніями устной народной словесности.

[4]) „Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ" въ Филол. Зап. 1877 г., III, V—VI; 1878 г., II—VI.

[5]) „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе", Варш. 1872 г., 183—188.

[6]) Филол. Зап. 1877 г., V—VI.

7). *о* вм. *а*: посады, Оварскія, завтроку; въ предлогѣ *роз*: роспущени, рострѣляевѣ.

8). *о* и *а* чередуются: зори и заря, Тьмутораканьскый и Тьмутороканѣ.

9). *е* чередуется съ *и*: Софеи и Софіи, Владимера и Владиміра, вѣщей и вѣщій, Кощей и Кощіево. Ср. лебедѣй (*ѣ*=*е*) и повѣстій.

10). *и* вм. *ѣ*: дивицею; *ѣ* вм. *и*: брезѣ (им. п. мн. ч.).

11). *ы* и *и* чередуются: Давидовы и Давыде, кричатъ и крычатъ, крилы и крылы, рища и рыща; *ы* вм. *и*: на кроваты.

12). *е* вм. *я*: буего, синего.

13). Полногласіе встрѣчается часто, но преобладаютъ формы неполногласныя. Не имѣютъ полногласной формы: древо, жребій, злато, сребро, страна, средь, стрежаше; иныя слова встрѣчаются и въ полногласной и не въ полногласной формѣ (березѣ и брезѣ, Володимиръ и Владиміра, головы и главы, городу и граду, на заборолѣ и на забралѣ, молодая и млада, соловіи и славій, хороброе и храбра, голоси и гласъ, ворота и врата, на борони и брань); въ одной полногласной формѣ: бологомъ, болота, вережени, поволокоста, полонену, пороси.

14). *а* вм. *я* въ словахъ: сіа, копіа, трупіа, веселіа, заранія представляетъ особенность графическую, а не фонетическую.

б) относительно согласныхъ:

1). Гортанные сочетаются и съ *ы* и съ *и* часто въ однихъ и тѣхъ же словахъ: аки и акы, погибашеть и погыбе, великій и великый, кикахутъ и кычетъ, пожитимъ и расхытисте. Но вообще *ы* при гортанныхъ чаще, чѣмъ *и*. Смягченіе гортанныхъ выдерживается правильно.

2). Зубные смягчаются и по древнеславянски—въ *жд* и *щ*, и по русски—въ *ж* и *ч*.

3). Шипящіе сочетаются нерѣдко съ мягкими *я*, *ю*: Брячислава, горячюю, рассушясь.

4). *ц* и *ч* смѣшиваются: вѣци и вѣчи, луци и лучи, птиць и птичь, русици и русичи, чепи, луцежъ.

Изъ грамматическихъ особенностей отмѣтимъ: 1) правильное употребленіе двойственнаго числа въ именахъ и глаголахъ (хотя

встрѣчаются и ошибки: два солнца, тіи бо два храбрая Святславлича); 2) краткія формы прилагательныхъ: храбра и млада Князя, мила брата, неготовами дорогами; 3) неопредѣленное накл. постоянно на *ти* (за исключеніемъ одного слова „*быть*" при многихъ *быти*); 4) окончаніе 2 л. наст. вр. ед. ч. постоянно на *ши* и 3-го л. на *ть* и *тъ*; 5) формы прошедшихъ простыхъ—аориста и преходящаго,—послѣднее съ наращеніемъ *ть* въ 3 л. ед. и мн. ч: помняшеть, граяхуть, кикахуть, (и-*тъ*: бяшетъ). Прошедшія времена большею частію простыя; сложныхъ мало, и изъ послѣднихъ больше безъ вспомогательнаго глагола. 6) Формъ дательнаго самостоятельнаго и неопредѣленнаго достигательнаго не встрѣчается.

Въ рукописи Слова, какъ она издана гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, не являются многія особенности живаго языка, получившія начало въ XIII и XIV стол. и сдѣлавшіяся очень распространенными въ XV в. Къ числу ихъ относятся:—въ звукахъ: а) нѣтъ замѣны *ый* поср. *ой*, б) нѣтъ измѣненія *г* на *в* въ род. п. прилагательныхъ;—въ формахъ: а) ни разу не встрѣтилось окончаній дат. п. множ. ч. муж. и средн. р. на *амъ* и *ямъ*, твор. тогоже числа и рода на *ами* и *ями* (исключая „былями") и предложнаго на *ахъ* и *яхъ*; б) въ неопред. наклоненіи нѣтъ окончанія на *ть* (исключая слова „не быть", каковая форма не безъ основанія считается прошедшимъ временемъ, поставленнымъ съ титломъ); в) нѣтъ въ 2-мъ л. наст. вр. окончанія *шь*, въ 3-мъ л. ед. и мн ч. окончанія *тца* вм. *тся*. Видно, что рукопись Слова, погибшая въ 1812 г. переписана была съ древнѣйшаго оригинала. „Языкъ Слова о Полку Игоревѣ—говоритъ Колосовъ въ заключеніе обзора звуковыхъ и формальныхъ особенностей нашего памятника—представляетъ наслоеніе, условленное разностію мѣста и времени переписки его. Явился этотъ памятникъ на югѣ; переписанъ,—по крайней мѣрѣ въ послѣдній разъ, а можетъ быть и нѣсколько разъ,—на сѣверѣ. Отсюда—особенности южнорусскаго языка являются въ немъ смѣшанными съ особенностями сѣвернаго. Относимъ къ первымъ *и* вм. *ѣ*, смѣшеніе *ы* и *и*, *ш* вм. *с* въ словѣ *шизый*. Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести употребленіе *ъ* при губныхъ и удержаніе тогоже звука при *ц*, *с*, *р*, *н* въ суффиксахъ. Самою рѣзкою чертою сѣвернаго говора переписчика является мѣна звуковъ *ч* и *ц*. Изъ формальныхъ особенностей на

счетъ южнорусскаго языка слѣдуетъ отнести частое употребленіе прошедшихъ простыхъ и являющееся въ нихъ, въ 3-мъ лицѣ, окончаніе *тъ*" (Очеркъ ист. зв. и ф. рус. яз., стр. 187).

Характеристика древне-русскаго языка.

Основныя качества русскаго языка, отличающія его отъ всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій, ясно обозначились въ его памятникахъ, начиная съ самыхъ древнихъ. Онѣ суть слѣдующія: А) относительно звуковъ:

1). Носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ историческое время, не было. Древнеслав. ѫ замѣнялся чрезъ *у*, ѧ чрезъ ꙗ или *а*.

2). Глухіе гласные сохранялись при *л* и *р*, какъ и въ древнеславянскомъ, съ тою только разницей, что въ русскомъ они *предшествуютъ* плавнымъ, тогда какъ въ древнеславянскомъ слѣдуютъ за ними. Въ Грам. 1130 г: дьржа, дължьни.—И вообще глухіе ъ и ь ставились правильно въ корняхъ, суффиксахъ и флексіяхъ, хотя рано обнаружили наклонность замѣняться гласными *о*, *е*. Въ Грам. 1192 г: за Волховомъ, противенъ.

3). Самое отличительное звуковое явленіе русскаго языка есть полногласіе, т. е. перемѣна древнеслав. группъ *ла*, *ра*, *лѣ*, *рѣ* съ предъидущей согласной въ *оло*, *оро*, *ере*: перегънавъ, володимира, новѣгородѣ Остр. Ев.; поросяте Сб. 1073 г.; полоненъ, хоронити, норовъ, доброноровіе, вередихъ Сб. 1076 г.; володиміръ сн҃ъ, серебрьно, серебра Гр. 1130 г.; огородъ, корова Гр. 1192 г.

4). Русскій языкъ издревле замѣнялъ начальное *е* чрезъ *о*: олѣни Остр. Ев.; оже Сб. 1073 г.

5). Звукъ *ѣ* въ русскомъ языкѣ издревле замѣнялся простымъ *е*: жреба, предана, древо, несть Остр. Ев.; вено Гр. 1130 г.; вообще въ древнерусскихъ грамотахъ *ѣ* и *е* постоянно смѣшиваются.

6). Самую рѣзкую черту относительно согласныхъ составляетъ переходное смягченіе зубныхъ *д* и *т* въ *ж* и *ч* (=древнесл. *жд* и *шт*): прихожа, роженыи Остр. Ев.; чюжему, печерахъ Сб. 1076 г.; наваженъ, хочеть Гр. 1192 г.

7). Шипящіе *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* требовали послѣ себя мягкихъ *я*, *ю* (тогда какъ въ древнеславянскомъ могли сочетаться съ *а*, *оу*): нарицаемыи, сълъньцю, чюдотворьца Остр. Ев.; чаша, часъ Сб. 1073 г.; творьца Мин. 1096 г.; божница, ловища Гр. 1192 г.

Б) Относительно грамматическихъ формъ должно замѣтить, что древне-русскій языкъ весьма близокъ въ этомъ отношеніи къ древнему церковно-славянскому. Въ древне-русскомъ языкѣ употреблялись правильно: 1) двойственное число въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, 2) два прошедшихъ простыхъ (совершенное и несовершенное или длительное), 3) времена сложныя, прошедшія, будущія условныя, 4) неопредѣленное достигательное и 5) дательный самостоятельный. Изъ грамматическихъ особенностей древне-русскаго языка можно отмѣтить:

1) преимущественное употребленіе прилагательныхъ двучленныхъ или полныхъ;

2) употребленіе причастія настоящаго на *а* вм. *ѧ*: ида, неса, мога (такъ же въ древнечешскомъ языкѣ), и

3) приставку *ть* въ 3 л. прош. вр. ед. и мн. ч: дѣяшеть, бяхуть.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Языкъ древній церковно-славянскій.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Языкъ древне-русскій.

Стр.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
24	2 сн.	пьркоуомоу.	пьр̆коуоумоу
26	12 сн.	народъı ˘скаӑше	народъ ̔іскаӑше
31	17 св.	ко	ко
50	1 св.	Изборниин	Изборникъ
—	15 св.	Кирилѣ	Кириллѣ
54	6 св.	вьнима-	вьнимаете
57	16 сн.	ie,	ię,
63	5 св.	сп̑ъ	сн̑ъ
79	4 св.	жить ихъ	житьихъ
81	16 св.	Io,	Io.
92	15 св.	1880	1800

СЛАВЯНСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

СБОРНИКИ ПО СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ:

ДРЕВНЕМУ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ, ДРЕВНЕ-РУССКОМУ, БОЛГАРСКОМУ, СЕРБО-ХОРВАТСКОМУ, СЛОВИНСКОМУ, ЧЕШСКОМУ, ЛУЖИЦКОМУ И ПОЛЬСКОМУ.

СЪ СВѢДѢНІЯМИ И ЗАМѢЧАНІЯМИ О ПАМЯТНИКАХЪ И ОБЩИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ НАРѢЧІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Гр. Воскресенскій,

ДОЦЕНТЪ МОСКОВСКОЙ Д. АКАДЕМІИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ЯЗЫКИ БОЛГАРСКІЙ, СЕРБО-ХОРВАТСКІЙ И СЛОВИНСКІЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

От Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется. Сентября 18 дня 1882 года.

Ректоръ Академіи Протоіерей *С. Смирновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ распадается на три отдѣла, посвященныхъ языкамъ болгарскому, сербо-хорватскому и словинскому или хорутанскому. Въ видахъ историческаго изученія этихъ языковъ, предъ образцами изъ современной письменности, дано мѣсто древнимъ памятникамъ и болѣе позднимъ, составляющимъ переходъ къ новому состоянію языка. Такимъ образомъ, въ первомъ отдѣлѣ помѣщены а) три древнеболгарскихъ грамоты и запись 1230 г., б) отрывки изъ весьма любопытнаго и важнаго по чистотѣ народнаго языка болгарскаго сборника Люблянской библіотеки XVI—XVII в. и в) отрывокъ изъ болгарской исторіи проф. М. Дринова, за тѣмъ болгарскія народныя пословицы, поговорки, легенды и народныя болгарскія пѣсни. О полной исторіи болгарскаго языка (а также и словинскаго) по памятникамъ не можетъ быть рѣчи, потому что пока недостаетъ самыхъ памятниковъ.

Болѣе полнымъ представляется второй отдѣлъ. Здѣсь помѣщены образцы языка а) изъ памятниковъ древне-сербской письменности, б) изъ памятниковъ древне-хорватской письменности, в) изъ дубровницкой письменности XV—XVIII вв., г) изъ новой сербо-хорватской письменности и д) сербскія народныя пѣсни.

Въ третьемъ отдѣлѣ на первомъ планѣ помѣщены Фрейзингенскіе отрывки, древнѣйшій памятникъ словинскаго или хорутанскаго языка, за тѣмъ—образцы изъ новой словин-

ской письменности и словинскія народныя пословицы и поговорки.

Приложено стараніе о найисправнѣйшемъ изданіи древнихъ памятниковъ болгарскихъ, сербскихъ и словинскихъ. Такимъ образомъ, болгарскія грамоты и запись 1230 г. напечатаны нами по точному палеографическому изданію И. И. Срезневскаго [1]), такъ какъ въ изданіи Шафарика «Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův» (грамота 1348 г. помѣщена въ 2-мъ изд. І. Иречка, 1873 г. въ приложеніяхъ) онѣ напечатаны не точно: Шафарикъ, какъ извѣстно, при изданіи памятниковъ уничтожалъ древніе знаки препинанія и раскрывалъ титла. Древне-сербскія грамоты, представляющія весьма цѣнныя данныя для исторіи сербскаго языка, какъ наиболѣе народные и оригинальные письменные памятники, печатаемъ всѣ, за исключеніемъ первыхъ двухъ, по изданію въ «Србскихъ Споменикахъ» П. Карано-Тврътковича (Бѣлградъ, 1840), которые вѣрнѣе ихъ передаютъ, чѣмъ «Památky» Шафарика и «Monumenta Serbica» Миклошича, слѣдующаго въ изданіи древнихъ памятниковъ системѣ Шафарика. Въ «Споменикахъ» не замѣтно сглаживающей и обобщающей руки: въ нихъ соблюдены титла, подлинные знаки препинаній, различіе между начертаніями оу и ү, о и ѡ и т. д. Намъ оставалось только исправить нѣкоторыя явныя опечатки и часто встрѣчающіяся неправильныя соединенія словъ, произшедшія отъ ошибокъ переписчика или наборщика. Отрывки изъ житій св. Симеона и св. Саввы и Даніилова Родослова, сохранившихся въ позднихъ спискахъ и для языка представляющихъ немного цѣнныхъ данныхъ, мы привели въ виду ихъ литературной важности и для ознакомленія вообще съ характеромъ древне-сербскихъ житій. При семъ мы пользовались изданіями Шафарика и Даничича. По изданію Шафарика напечатаны отрывки и изъ Законника Душанова, но къ тексту Ходошской рукописи,

---

[1]) Собственныя имена отличены въ изданіи И. И. Срезневскаго, для облегченія пользованія, прописными буквами.

изданной Шафарикомъ, нами приложены важнѣйшіе варіанты изъ Призрѣнскаго списка XIV—XV в. по изданію проф. Зигеля. Знаменитые Фрейзингенскіе отрывки напечатаны нами по точнымъ палеографическимъ снимкамъ въ изданіи Кеппена, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древняго латинскаго правописанія.—Откуда взяты нами остальные тексты, показано въ своемъ мѣстѣ. Тексты (грамоты, отрывки историческіе и законодательные, произведенія поэтическія, народныя пословицы, поговорки и пѣсни) выбирались наиболѣе любопытные въ филологическомъ и литературномъ отношеніяхъ.

Какъ и въ первомъ выпускѣ, за текстами изъ памятниковъ слѣдуютъ примѣчанія двоякаго рода: историческія, для изученія памятника въ литературномъ отношеніи, и филологическія, для изученія особенностей языка даннаго памятника. Встрѣчающіяся непонятныя слова объяснены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Въ концѣ каждаго отдѣла приложена характеристика соотвѣтствующаго языка.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЯЗЫКЪ БОЛГАРСКІЙ.

А) Древне-болгарскія грамоты и записи.

1. Договорная грамота болгарскаго царя Іоанна Асѣня II-го съ купцами Дубровника, 1221—1245 г.

По изд. И. И. Срезневскаго въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизв. и неизвѣстныхъ памятникахъ, ст. LXXXI, 1879).

+ дава цр҃ми [1]: ѡриꙁмѡ [2]) си: хѡ́рѣ [3]) всеи Дѫбрѡвинш-стѣи лоукѡвиⷨ (в)сев ѣрнымъ гѡ(стемъ) цр҃ми. да ꙇдѹ хѡ́-датъ пѡ всеи хѡрѣ цр҃ми: с кѹплѫ каквѫ (ли)вѡ: или иѡсаⷮ или женѫ или кѹпиѫ [4]) каквѫ либѡ иѡсаⷮ: и дѡ кѡꙗ либо ꙁемѣ или хѡ̑ры дѡидѫ: или дѡ Бѣдынѣ. или Браничька и Бѣлграда дѡидѫⷮ: или дѡ Трънѡва и по всемѹ Ꙁагориѹ.. (и)л(и) дѡ (П)раслав(а) или Карвѹнъскыѣ хѡры приⷣѫ: или Крꙿстѣи хорѣ: или Бѡ̑рѹис(тѣ)и: или вѡ Дрй и в Димѡт или къ Скѡ̈ь-скѫѫ хѡрѫ. или Прилѣ(п)скѫѫ: или к Дѣвѡлскѫѫ хѡрѫ. или в ꙁема Арбанаскѫѫ: или в Сѡлѹнъ: идѫтъ: пѡ всадѹ: да си кѹпѡвaѫ: и продаваѫтъ: свѡбѡ̑нѡ. бесъ вꙿсѣкѡѫ пакѡсти: да не имаѫ(т)ъ пѡ всѣхъ хѡраⷯ цр҃ми и г(ра)до-

---

[1]) цр҃ми=царство ми—моя царская власть, мое царское величество.—[2]) ѡриꙁмѡ—указъ (ὅρισμα—опредѣленіе, приказаніе). —[3]) хѡра—округъ, приходъ (χωρίον—деревня).—[4]) кѹпиѫ, кѹпиꙗ —товаръ.

вѣхъ: и клисꙋрахъ [1]) ꙁапрѣтенна: н(ж) да си хода и кꙋпꙋжтъ. и прѡдаваꙋжтъ бес печѧли ѣ(к)ѡ и всекѣрини. (лю)бѡвнии гѡсте црмн: ктѡ ли имъ спакѡсти: ѡ том либо: или на клисꙋрѣ: или на фѡрѡсѣхъ [2]). или гд(е) (л)ибѡ прѣꙁъ ꙁакѡ: о кꙋмерки [3]) тѡ да е вѣсть: тѡи е прѡнвинкъ црми: и милѡсти не ще (и)мѣти (и)ж велик(ж)... ме ѡргиж [4]) патитъ [5])... ми.

+ Асѣн цр. (Б)лъгар(ѡ)м. и Гръком +

Подлинникъ хранится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, въ С.-Петербургѣ. Писана эта грамота на бумагѣ. Кромѣ Срезневскаго напечатали ее Шафарикъ въ своемъ изданіи: Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův, díl předchozí, v Praze, 1851 (Listiny, psaní a nápisy, č. III) и Миклошичъ въ Monum. Serbica, Viennae, 1858, 2—3. Шафарикъ и Миклошичъ отнесли ее къ XII в., къ царствованію Асѣня І-го (1186—1196 г.), но во время Асѣня І-го Болгары, воюя съ Греками, едва ли могли предлагать купцамъ Дубровника право свободной торговли по *всей* землѣ: земля ихъ была еще не свободна, кромѣ Загорья. Вѣроятнѣе грамота эта относится къ царствованію Асѣня II-го (1221—1245 г.) [6]). Упрочивая за купцами Дубровника право свободной торговли, эта грамота важна въ историческомъ отношеніи, какъ памятникъ, представляющій пространство болгарскаго царства въ XIII в., при Асѣнѣ II-мъ: города и округи, въ ней упоминаемые, доказываютъ ясно, какъ широко были раскинуты границы Болгаріи. Бьдынь—Видинъ на Дунаѣ. Браничьвъ — Браничевъ на Дунаѣ, близь устья Млавы, гдѣ теперь развалины Браничевца и Костельца. Бѣлградъ—на Дунаѣ въ Сербіи. Трьново—столица царства болгарскаго въ XIII в. Ꙁагорие — округъ отъ Гемскаго горнаго прохода по Черное море (Шафарикъ, Славян. древности, т. II, кн. I, 361). Праславъ—Прѣслава, Переяславецъ князя Святослава. Дринъ—Адріанополь. Димотъ — Демотика въ

---

[1]) клисꙋра—крѣпость, замокъ (κλεισοῦρα, κλεισωρεία — горный замокъ, отъ κλείω и ὄρος).—[2]) фѡрѡсъ—базаръ, торгъ (=φόρος).—[3]) кꙋмерекъ—мыто, таможенная пошлина (κουμέρκιον). [4]) ѡргия—гнѣвъ (=ὀργή).—[5]) патити — терпѣть, претерпѣвать (πάθος — страданіе, болѣзнь). [6]) Ср. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, 2, 109—112.

Македоніи. Скопская хора—округъ города Скопья на Вардарѣ. Прилѣпская хора—округъ города Прилѣпа въ Македоніи. Дѣвольская хора — округъ Дѣволя=Дяволя въ Македоніи. Арбанаская ꙁемля—Албанія.

Не менѣе замѣчательна эта грамота и какъ древнѣйшій памятникъ дѣловой письменности болгарской. Языкъ этого памятника представляетъ уже рѣзкіе отпечатки начала разрушенія древнихъ формъ. Такъ, носовые звуки смѣшиваются: ѩдѹ, повсадѹ, въ ꙁемѧ вмѣсто ѭдѹ, повьсѭдѹ, въ ꙁемѭ; бесъ всѣкоѫ пакѡсти вм. бесъ всѣкоѭ пакѡсти. Вмѣсто ѧ употребляются ѩ, ѣ: дѡ коѩ ꙁемѣ, до Карвѹнъскыѣ хѡры вм. до коѩ ꙁемѧ, до Карвѹньскыѩ хоры; обратно, ѧ вм. ѣ: Праслава вм. Прѣслава. Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ слоговъ выразилось въ исключительномъ употребленіи твердаго ъ, и а, ѹ вм. ѩ, ю (ꙁапрѣтениа, по Ꙁагорнѹ). Губныя иногда смягчаются посредствомъ л, чаще же остаются безъ смягченія (с кѹплѫ, до ꙁемѣ, в ꙁемѧ). Окончаніе 3-го лица тъ (=ть) часто опускается (женѫ=гонятъ, дѡидѹ, кѹповаѫ, спакости, ѥ=ѥсть); смѣшиваются формы глаголовъ (кѹпѹѫтъ и кѹповаѫтъ, продаваѫтъ вм. продаѭть); творительный пад. ед. ч. жен. р. оканчивается на ѫ, вм. оѭ, ѥѭ (с кѹплѫ вакѫ).—Множество греческихъ выраженій указываетъ на значительное вліяніе Грековъ.

2. Запись Іоанна Асѣня на мраморной колоннѣ въ лаврѣ Терновской, 1230 года.

(По изд. И. И. Срезневскаго).

в л҃: ҂ѕ҃ѱ҃лн. ї҃н҃ г҃ азъ Іѡа҃ Асѣ҃ въ Ха҃ Ба҃ вѣрны цр҃ь и самодрьжець Бльгарѡмь. сн҃ь стараго Асѣнѣ цр҃ѣ. създа҃ ѿ заѹала: и писаниѥ ѹкраси҃ до конца: прѣчтѫѫ сїѫ цр҃кь въ имѧ ст҃ы: м҃чнкь. ихже помощїѫ. въ ѕ҃і лѣ цр҃тва моего. въ ѥже лѣ писааниѥсѧ храмъ съ излѣзо҃ на брань въ Рѡманїѫ и разби҃ воискѫ Грьцкѫ. и самого цр҃ѣ кюр Ѳодѡра Комнина ѩ сь всѣми болѣры его. а ꙁема вса прѣ ѿ Одрина и до Драчѣ Грьцкѫ ѥще же Арбанаскѫ и Срьбскѫѫ. тькмо сѫщи градово окр҃ть Цр҃ѣгра и самого того гра дрьжахѫ Фрѫꙁи. нъ и ти по рѫкѫ цр҃тва моего. повиновахѫсѧ понеже иного цр҃ѣ не имѣхѫ раꙁвѣ(ѣ) мене. и мьною ради дн҃и свои испровождаахѫ бѣхѫ бг҃

тако повелѣвьшꙋ. ѝбо беꙁ негѡ̀ нѝ дѣло. ни слово съвръшаеть-са. томоу слава въ вѣкы аминъ·:·

Запись эта сдѣлана Іоанномъ Асѣнемъ II-мъ, въ 1230 г., по случаю сооруженія въ Терновѣ церкви Сорока Мучениковъ. Напечатана въ статьѣ Даскалова: „Открытія въ Терновѣ“, Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1859, 2, стр. 19, въ Блъгарск. книжицахъ, год. II, ч. II, 412 (Цариградъ, 1859), въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. Ак. Н., т. 7, 374 и въ Свѣд. и зам. Срезневскаго, ст. LXXXI, 1879. Запись эта важна и въ историческомъ отношеніи, свидѣтельствуя о размѣрахъ болгарскихъ владѣній при Асѣнѣ II-мъ, знаменитѣйшемъ изъ государей втораго болгарскаго царства. Въ правописаніи этой записи смѣшиваются твердые и мягкіе слоги (**блъгарѡмь, сѵ҃ь, мѩ̑ькь, храмъ съ, сѫщы҃**), носовые звуки употребляются также смѣшанно (**ꙁема вса**—вин. ед., **мьнош испрокаждаѫщє**); губныя смягчаются безъ помощи **л**: **ꙁема**. Изъ грамматическихъ особенностей отмѣтимъ окончаніе твор. п. ед. ч. сущ. жен. р. на одинъ **ѫ** : **по̂ рѫкѫ**. Это окончаніе твор. п., сходное съ винительнымъ, составляетъ отличительную особенность древняго болгарскаго нарѣчія сравнительно съ древнимъ церковно-славянскимъ.

3. Изъ жалованной грамоты болгарскаго царя Константина Асѣня монастырю Св. Георгія, близъ Скопля, до 1278 г.

(По изд. И. И. Срезневскаго).

и къ проучнымь бл... многимь иже съꙁдашє и приложишє ст҃ыи... и правовѣрьныи црїє. се ѹбо и бг҃олюбиѥ дѣло врѣгащєѥ. скровища ы имании дати къ ст҃ынмь и бж҃твнымь цр҃квамь ѩкоже бо и ст҃ыи ы православныи црїє Грьуцїи ы Блъгарсцины и҆ жюпани и҆ книꙁеви и краве Срьпьскыѩ ꙁемлѩ многоѹсрьднѫѩ любовъ и҆ попеченниѥ имѫщє кь ст҃ымь и бж҃вьнымь цр҃квамъ. такъже и цр҃ѣми ѡнѣмь бл҃говѣрнынмъ и ст҃ынмъ цр҃емъ прѣже мене бывшинмъ поревнова҃ дани же не оскѫдныѩ ыꙁливати и҆ ѡбгащати ихъ. сьшєшю цр҃ѣми въ долнаѩ ꙁьмлѩ ѡбрѣте цр҃ѣми манастирь великомѫченика Хв҃а Геѡргиѩ Горга. сьꙁанна Романомъ ст҃ынмь црмъ на брьдѣ Вирпинѣ прѣмо Скопии града надь Скрѣка и накомь иноплеменивнкь

Агарѣнь и изгоубывша вса правила своа и метоха [1]) своа падша до шснованиа. и пакы стымь кир Алезиемь цремь създаниа и въздвиженина и прославлениа и множѣми стыми и православными цри подарованна и покрѣпленна. изнесе. прѣдь црквми архимандрить утнаго храма того Варлаамь правила и хрисовула стыихъ и правовѣрныихь цреи прѣжде мене бывшиих и краеи и стаго Романа цръ Диогена цръ стаго Петра цръ кир Никифора цръ и проуниих. и стара кирь Алезиа цръ Калоиоана цръ кирь Манонла цръ. кирь Тодора цръ. кирь Исакъ цръ стаго Симеона Неманъ дѣда црвми. Ватацъ цръ Калимана цръ любезьно црвми приемь и проуеть не потвори ни прѣвреди нь исправикь и крѣпуанше оутврьдыхъ. пауе всѣх цреи и краи выше писанны. А люе кои са шбрѣтанать вь гра Скопскомь стаго и великославнаго великомнка Хрка Геωргиа Горга и побѣдоносца вь бранехь. и побѣдоносца въ бранех. да не работанть вь црина [2]) никоа работа. ни да даканть ни коа приплатж. ни да метеха [3]) съ ними ни севаст [4]) ни прахторъ [5]) ни князь [6]) ни кастрофилакь ни вата. ни топщикаль. ни сждити ни сказати и ни глобж [7]) взати ни кои доходокъ И науельникŏ стоуденець. пе. и Саниципа ω изкора еа. и панагир [8]). ка. ноемкра. въ сии шбласте да се не прикасають ни кои владащи ни инъ никто. кто ли дрьзнет и прикоснет се да са каже гнѣко црквми. и да бжде невѣрень црвми. Село Дьвигŏ сь селомь Дальбицж сь урѣшωвены. сь виногра с нивиемь сь жрьнками и с пашищи сь планинами и сь забѣлы и сь вьсѣми правинами [9]) и прѣже законными и. а си-

---

[1]) метоха—подворье. [2]) царина—пошлина, таможня.—[3])= греч. μετέχειν—сообща съ кѣмъ-нибудь владѣть, имѣть въ чемъ часть.— [4]) севастъ — греч. σεβαστός. Такъ назывались цесари. Слово это означало и государственный, военный чинъ, слѣдующій за главными начальниками арміи.—[5]) прахторъ—сборщикъ податей.—[6]) князь—чиновникъ, назначенный для исполненія какихъ-либо порученій. [7]) глоба—подать, плата за преступленія.—[8]) панагиръ — общее собраніе,—ярмарка.—[9]) правины—привиллегіи.

норн [1]) селъ [2]) тѣхъ ѿ Урьногорѫ како слаꙁи долуецъ та на Дльбицѫ . та на могилѫ . на мраморь на крьтей и инꙁь на Боутелскы пѫ . Та прѣ Кавиꙗново брьдо како иде пѫ кь Рамици и на высѣ ставъ [3]) на Роуднѣ . Та на дромъ кои иде на Ꙁилопигѫ ѿ брьда того на Бѣлы камы . Та вьꙁдѣлъ на Дльга полѣна . Та на градище до Урьного камене . Село Побжжа сь виногра сь нивиюмь сь жрьнками и сь пашищи сь всѣми правинами и прѣже ꙁаконнымн н ⁘ Село Коїдово и село Дльбица и село Раѡуе . сь всѣми правинами ихъ ⁘ Село Глоумово сь метохе съ виногра с нивиюмь . сь жрьнками и сь всѣми правинами и . Село . . . . сь метохемь . сь виногра . сь нивиюмь и сь всѣми правинами и прѣже ꙁаконнымн и ⁘ Село Ꙁѹна . . . . сь ꙁаселкы тѣми . . . . сь мокросѣки и сь Голѣмымь помь . и сь поповѣии сь виногра с нивиемь сь жрьнками сь ꙁимовищи . сь лѣтовищи сь планинами сь ловище ꙁвѣрны и рыбнымь и сь ꙁабѣлы сь всѣми правинами и прѣже ꙁаконнымн и ⁘ Село Сѫшица сь поповинами сь село . сь виногра с нивиемь сь планинами и сь всѣми правинами и ⁘ Село Радеуница сь поповиѩи сь виногра с нивиюмь и сь всѣми правинами и ⁘ Село Бро а к немь метохь мати бжиѩ Ѥпискеѳие . с нивиюмъ сь виногра сь жрьнками съ ликами сь лѣтовищи сь ꙁимовищи сь бродинами сь мостинами . сь ловище ꙁвѣрны и рыбнымъ и сь трьгомъ . и с панагиремь . иже стаетъ . и . септемврѣ . и всакѫ неда трьгъ и сь доходкомь трьга тога и сь всѣми правинами и прѣже ꙁаконнымн и . . . . .

Подлинникъ хранится въ Хиландарскомъ монастырѣ. Грамота эта написана на хлопчатобумажномъ листѣ и по ветхости съ трудомъ читается. Издана въ Památk. dřevn. písemn. Jihosl. č. XIX, 23—27. Въ отношеніи правописанія должно отмѣтить: смѣшеніе слоговъ твердыхъ и мягкихъ, выразившееся въ смѣшанномъ употребленіи ъ и ь (ъ употребленъ сравнительно гораздо рѣже), ы и и (ы=и, Блъгарсцины, кралые, ыꙁликати, оутврьдыхъ и т. д.); смѣшеніе ѫ и ѧ: брѣгащеѥ, многоусрьдиѧ, вь долиѧ ꙁемлѧ, надь Скрѣвѧ, сѧ ѡбрѣтаѧть, работаѧть, даваѧть (любопытно написаніе

---

[1]) синоры — границы.—[2]) село—въ древнемъ смыслѣ, — обработанная земля. — [3]) ставъ—остановившаяся вода,—озеро.

слова: архимадрить; должно отмѣтить еще употребленіе ѫ, а вм. ы въ род. ед. и вин. множ. именъ жен. р.: ѿ Урьногорѫ, ѿ Китавѫ, горы Єланѫ, ѿ изкора рѣчицкѫи рѣкѫ, ѿ кѣрнжа странѫ, метоха); иногда встрѣчается є вм. а, по-сербски: сьздашє, приложишє, начєльнико; ск смягчается въ сц, причемъ с иногда опускается и оставляется одно ц: грьчци. Въ отношеніи грамматическомъ можно отмѣтить слѣдующее: опускается флексія 3-го л. ть: ни да метєха, да бѫдє; твор. ед. сущ. жен. р. оканчивается на ѫ вм. оѭ: надь Скрѣкѫ; вин. ед. какъ именительный: на бѣлы нивы; отъ мѣстоименія тъ род. ед. тога.

4. Жалованная грамота болгарскаго царя Іоанна Александра монастырю Св. Николая Чудотворца, въ Орѣховѣ, 1348 г.

(По изд. И. И. Срезневскаго).

Блгоучьстивно уто, и ѕѣло бгоугодно, и всѣми похвально еже къ стымъ. и бжтвнымъ цркамъ теплѫ любовъ имати. изрядно оукрасити дарои же и повелѣниемъ црскымъ. тоже и въседръжителю бгоу оугодно естъ и ѡ всемъ блгоприатно.. тѣм же и црво ми теплѫ люб.... имѣѫ. къ симъ бжтвнымъ црквамъ дръзновеинемъ. оусрдно изрядиѣи же, кь стомоу. и теплѡмоу, помощникоу, и пособителю црва ми. стмоу и великославномоу уютворцоу архиерархоу Хвоу Николѣ. еже въ всѣкы бранє. приилючъшихса црва ми неѿстѫпно, теплѣ помогаѫщи црвоу ми. тѣм же и црво ми въспомѣнѫвше слово прка Двда. еже рече. гн възлюбихъ красотѫ домоу твоего. и мѣсто въселеніа славы твоеа и иже рече, съ сими бжтвними црквами. цріе црвоуатъ. и рогъ црскыи възвышаетса и дръжава ихъ оутвръждаетсѧ и силиїи правдѫ пишѫтъ, рекноуа црско ми семоу словеси, и хота сиа бжствнѫѫ цркви оукрасити извѣстно ѩкоже есть лѣпо, ѩкоже и сѫщии мимошедши цріе. Сѫщи съдръжителие скиптра Блгрскаго црва оукрасишѫ и записашѫ чъстнаа бгонаучъртана писмене. избраиныа хрисовоулы. кои же принесошѫ са къ црвоу ми ихже оувѣдѣ и оузрѣвши црво ми и поревноуасимъ. и хота приложити и покрасити чъсть достоинѫѫ. блгодарениемь съвръшити хота ѩкоже достоитъ, просвѣтити црво

ми . и направити , коеждо мѣсто . и кож либо цр҃ковъ . не тъкмо великыа еже сѫтъ ст҃ыа лавры . нѫ и малыа же . въ нихже тъкмо нарицаетсѧ и прославѣетсѧ . има Іс҃а Хр҃а Бг҃а нашего . и православнаа вѣра христіанска , и тогоже ради , бл҃гоизволи цр҃ко ми , даровати съи бл҃гоѡбразныи въ сеи настоѧщіи хрїсѡвоуль , цр҃ва ми , томѹ монастырю цр҃ва ми . ст҃го великославнаго чюдотворца , и архиерха Николѫ . еже естъ въ мѣстѣ нарицаемѣмъ Ѡрѣховъ . за вса ѡбластъ и ѡдръжание того монастырѣ , и за вса мѹ люди . и за вса мѹ работникы . и за всѣ м гевгеліа и за люди Ѡрѣховѣнъ . еже сѫтъ въ Срѣдци . и селище Бѣлица . до междѫ Костина брода . и селище Бововци . и селище Дръщрѣне . и конорѣзъ . и сѣнокоси въ ракыти . и блатечницѫ съ всѣмъ бранищемъ . идеже аще сѫтъ или парици , и ѡтроци . или технитаре , или людие какови либо . или сѫтъ нивїа . или виногради . или сѣнокоси . или жрънки, или кипѹрие . или периволе или брани . . . или рыбнаа ловища или ѡрѣшіне , или иныа какови либо сѫтъ стаси . и прилежанїа то монастырѣ съ всѣмъ да ѡбладѹетъ тои монастырѣ , ст҃го архиереа и чюдотворца Николы . а ѿ всѣхъ болѣрѣ и работникѣ цр҃ва ми малыихъ же и великы . посилаемыхъ по всѣ времена . но всеи хорѣ късприемати дани и съдръжати въсѣкыа работы цр҃ва ми . еже . сѫ настоѫщіи севасти хоры тоа : дѹки , катепаны , писци . десаткаре , всѣкии свинії , ѡвчи , пчелиыи , винаре же и повари. апохаторе , крагоучаре и песъщци градаре побирчие изгончие . ѿ сихь въсѣхъ да неимать власти никто . испакостити . ни ноги поставити на силѫ в сиꙗ села . и люди и селища манастырѣ цр҃ва ми : и въса мѹ правини . ни писати, ни дани взати . ни кома ни мита ты ни десатокъ, ни какъвъ . ни хлѣбъ ни вино , ни масо ни зоби , ни кѹрата ни самѣхь поемати . на коа либо работѫ цр҃ва ми . ни имъ конѣ енгарепсати . ни воловы , ни ѡслате , ни поводѫ взати , ни на ино что испакостити , тѣмъ людемъ . развѣ да имаатъ всѣкѫ вла . съ всѣми своими правинами , монастырѣ цр҃ва ми ст҃го Николы . и настоѧщи архимаирить, того монастырѣ ст҃го . и по немь , кто настанетъ служитель . в томь монастыри виногра в Драчовѣ . и дрѹгиі

виногра к Скрнинѣ. и други въ Дїачей весн. и другыи в Житомитсѣ, его же е далъ чрьностарецъ за постріїгъ. и глобы какови либо са устраатъ в тѣхъ людѣ. монастырский, малы же и голѣмы. или фунъ, или распустъ. или разкой. или койскы татъ. или проуда глобы да не метехаатъ з глобамы. севасти ни прахтори црѣва ми. развѣ архимайритъ, да си узнима в монастыри що е правина. також е и попове кои сѫ в люхъ монастырскыхъ. да нымъ не пакоститъ велика цркква. ни протопопа, ни ексарси ни иин проуний.. иж да прѣбываатъ свободно вси людие. того монастырѣ црѣва ми. да нима... купиж дойдеже слнце на земла сіаетъ. и дойдеже е живо црьско ми. иж и по съмрти црѣва ми хто бѫде наслѣдникъ црьску ми, или ѿ возлюбенныx дѣтей црѣва ми, или ѿ сродникъ црѣва ми, или инъ кого бгъ ѿбере. и посадитъ на прѣстолѣ црѣва ми. хто либо ѿ православны христїанъ. да не подучится и пометнетъ. ни порушитъ сьї блгоѡбразныи хрїсовоулъ црѣва ми. иж па да потврьжатъ и понавлѣтъ якоже юсть лѣпо стымъ и православнымъ цремъ творити. якоже и само црьство ми. не раздруши ни пометиж, иж па потврѣ и поми, и просвѣтитъ. хто ли раздрушитъ и поперетъ, такокаго да искуситъ гъ бгъ, праведны свой сѫдомъ. и да наслѣдуетъ клатвѫ ѿ га бга и ѿ прѣчтыа его мтре и ѿ всѣ стхъ ѿ вѣка гоу угодивши. на всѣкое убо извѣстое утврьжение. и въ свобо чистѫ. и въ ѡдрьжание вѣчное, и нераздрушимое дарова црьство ми сьи хрїсовулъ, црѣва ми стго и великославнаaго чютворца и архиерарха Хва Николы. за вса и дрьжавѫ и ѡблаⷭ и за люи и за вса му правины. писа и пописа црьство ми, црьскымъ ѡбычнымъ знамениемъ.... блгоустивла, и блговѣ..ѣнаа, назнаменаса дрьжава црѣва ми. в лѣ ѕ. ѡ. ие ентнема і мца декемврїа. а. днь. в сѫ ⁖

Іѡанъ Алеѯандръ въ Ха Ба блговѣрень црь и самодрьжць всѣмъ Блгаромъ и Гркѡм [1]).

+ Црь повелѣ Добромиръ писа к Орѣхвици де. а. днь. в сѫ.

---

[1]) Подпись эта писана вязью.

Подлинникъ въ Хиландарскомъ монастырѣ. Упоминаніе объ этой грамотѣ въ Очеркѣ путешествія по Европ. Турціи Григоровича, стр. 39—40. Напечатана въ 2-мъ изд. Památ. dřevn. písemn. Jihosl. (v Praze, 1873), стр. 96—99. Характеристическая особенность языка этой грамоты—смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ слоговъ (предпочтительно употребляется ъ,—чъстнаа, бгомачъртана, православнаа, сїаетъ, блгочъстиваа, блговѣнчѣнаа,—ѕ глобамы) и смѣшеніе носовыхъ звуковъ (оукраснша, ѕаписашѫ, тѣплѫ а, на коѧ либо работѫ, да ймаатъ; любопытно ъ вм. ѫ въ словѣ: сътъ); губныя смягчаются безъ помощи л: просаавѣетса, возлюбенны; замѣненія согласныхъ однихъ другими: скиптра, хто, що; въ глаголѣ есть флексія пропадаетъ: що е правина, е далъ. — Любопытна также жалованная грамота Іоанна Шишмана монастырю Рыльскому, 1379 г., хранящаяся въ Рыльскомъ монастырѣ. Она напечатана въ „Болгарскихъ Грамотахъ“ В. Априлова, Одесса, 1845 (съ объясненіями и переводомъ на русскій языкъ), въ Гласникѣ VII, 184—188 и въ 2-мъ изд. Památ. dřevn. písemn. Jihoslov., v Praze, 1873, 105—108.—Грамоты Константина Асѣня, Іоанна Александра и Іоанна Шишмана важны столько же въ отношеніи филологическомъ, сколько для географіи древней Болгаріи, по упоминанію въ нихъ множества селъ, рѣкъ и горъ, а равно важны и для уразумѣнія внутренняго устройства болгарскаго царства, поколику въ нихъ упоминаются различныя государственныя должности и чины, разнаго рода подати и повинности.

В) Изъ болгарскаго сборника XVI — XVII в., Люблянской библіотеки.

(По изд. проф. В. И. Ламанскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г.).

Изъ слова о страшномъ судѣ.

Питаше о скончаніе свѣтꙋ.

Ꙋто дѐ има тꙋка межꙋ на едни людіе та̂ питать кога̀ ще да се свршши свѣть ть та̂ никои не знае ѿ людіе тѣ, тькмо еднинь бъ, дѐ то стори нбо и землю и дни и годины и нощи и зими и лѣта, той знае кога ще да се свршши свѣть ть, той знае деньть и часьти. Зара

тїа думы каже Хс въ еѵлїе що тое ѿ малеа о тїа дни и о тонзыи ча никои не знае ни аплы гни, тъкмо моатъ башта знае самсиен. И пакъ ре Хс на аплы те нѣе дадено вамъ да знаете това времe и тои ча кога ще да бъде. що то е мои башта работилъ и напослилъ да знае чакъ. като думатъ и сега тука между на едни людїе. еде въ кое времe ще да се сврьши свѣтъ тъ, еде въ кое. а то никои не знае. като да рече единъ члкъ орачъ има една нива на краи пѫтъ. Ѿто де миньха много людїе низ онзи пѫть. и видѣха онази нива оноmъва ораше, и онази нива фтасала да се жьне. а онїа людїе що то миньвать въ онзи пѫть, та каже единъ члкъ ѿ тѣх. еде е кои днь ще да се жьне тази нива; а другы ре има и още і дни да стои та че ще тогива да се жьне. Видете ли нолко людїе миньха, и ни единъ не подума изданево. ни то знаьха кога ще онзи орачъ да дойде да си жьне нива та. А онзи гсподарь що тому е нива та, кога ще той, и кога фтаса тогива ѿиде та ги пожьна нива та. а то ѿ толкози людїе ни единъ не знима (sic) оно-мува орачю умътъ и работа, та. Ѿда е и за тонзы свѣтъ тьи много рѣчи думаме, ала никои не знае кога ще тонзи свѣтъ да се свьрши. ами послушаите да вы кажеме. Ѿ напрѣ дойдоха прроцы те та рекоха, ето е близу скончанїе на свѣтъ тъ. Та пакъ дойдоха напоконь и аплы те, та и тїе рекоха ето малко остана да се докрьши свѣтъ. оти видѣха сички те людїе по сичкїать свѣтъ въ злына влазѣха. Та пакъ настанаха на-поконь даскале и философе. та оучаха ката днь и празникъ, та и тїе думаха покаите се че ще да се свьрши свѣтъ скоро. Ами ни токо да знаете че никои не знае вжїа та работа, тъкмо единъ Бъ. Ами послушаите ма о нѣчто да вы кажѣ, що ны показа Хс за скончанїе то токо малко за страхъ да имате, та ре въ стое еѵлїе. Кога стане межу людїе тѣ сички по сичкїать свѣтъ омраза да се ненавидеть единъ другыго. и щатъ да бѫдать воискы много межо царїе то. що тоги има по сичка та земля. та щѫть да бѫдать воиwве и кръвы много, и гладове, и морове, и болести. Ѿда тогива да знаете че е близо свршенїе на свѣтъ. Ѿто казахме кое малко кое много как ще да се свьрши свѣтъ. а ни сега послушаите

какщи да се роди тоизы антихрїсть и как ще да ѿхрани, и как ще да ѿрасте. и с какка ще хытрина и с мудрость да ходи по земли та. и как ще да стане царь напоконь та ще на нѣгово цртво да се доврьши сичькїать свѣть. и какьв ще да стане напоконь зль.—

Той (антихристъ) ѿ прьвѣнь вѣше кроткь, а на поднрѣ стань срьдить. ѿ напрѣ бѣше млтикъ на сыромаси и на сыроты, а напоконь стань наизль на сыромаси те. ѿ прьвѣнь любѣше сичкы те людїе, а на поднрѣ сичките мразѣше, ѿ напрѣ не любѣше неправда, а напоконь вылаше праведни те. Зто тока сичко зло зе да чини: и стань да се не покланѣ в цртвото си никому. и ще да звере коиске много, да затрїе трите царїе Жгѵпескаго и Ливїйскаго, и Ѳиопска. тачѣ тогива ще да направи черкова на Ѳврѣе те въ Іерлимь, и да имь и даде да я држьть. Това казува и на еѵлїе то ѿ Мѳеа. Кога видите да има омраза межу ва и да опустѣвать черкови и градове. що е рекль пррк Данїиль. Кои стои на мѣсто сто чьти да разумѣешь. Тогива що то има чуци межу Ѳврѣете. та щьть да бѣга в горїе то и по планинїе то ѿ зло антихрїстово. тогива ще антихрїсть да се нарече самсиси азе сь гь де то ще да опусти праведните. и ще да стане на мѣсто сто да ремь іерлимь. тачѣ тогива ще да помислы да стане поголѣ ѿ ба. Ѡ нефелитче и непочьтенниче. той сѣка че ще да дрьжи цртво то си за много, а не знае че ще скоро да лиша ѿ него. такваз работа ще да стори онзи нечьстивы антихрїсть. тогива кои има в този врѣме достоинь да влѣзе въ цртво нбное. кои ще да познае тогива онсгова лъжа, та да побѣгне. Като ще да сбере сички те дїаволе да му са воиске въ образь члчьскы. и ще да си направи везире, и пашїе, и кадїе, и воеводы и субашїе и слугы и целѣте, се дїаволе по сички те мѣста и градове, се негови людїе. И онїа Ѳврѣе щьть да го омразѣть кои того сь сторнле цара а той ще да се расрьди на тѣх. та ще да ги погледува грозне, като вез лице и срьди. и друга мисль не мислѣше, а ми токо мислѣше ката днь ката ча как да лъже людїе тѣ. тогива ще да викне з голѣ глас на сички те людїе. Слоушанте сичкы що има тука людїе малы и голѣмы, и сички родове и езыци. колка е моа та сикость и сила.

и колико вѣры и земли дрьжа та имь сь царь. Кои ще до царь свѣ мене, да се бие. кои е тоизи царь де то се не вои ѿ мене. А ако щете да видите сега знаменїе и чюдо да ви сторя. тогика то изьча ре на дрьвїе то, та станьха ѿ планинѣ та, и ѿидоха сички те в море то да ходеть по сухо като по землѧ. и сторн тоизи ча сичко то като реке. и огнь сведе ѿ небе то. днь стори на нощь, а нощь на днь. що да думаме много. токо що помисли, а то и стори. зямь да го вѣрувать. Өто и сега е не види влаvенїи хртїане. а тои ны прѣмамѣ. и ные вѣрувамѣ в него. а ми що щьть да сторать вь онова време ѡнїа члцїи прѣ тѣ като ще да е страшень и грьдить. а ми сега кои ны накарува на сила. Өто и сега има тука межу на грѣшнїи и нечистїи жены, та баять и магїа струва и лъжать на, а нїе сь покланѣме тѣмь, та се прѣдавамѣ дїаволу.

Этотъ болгарскій сборникъ, хранящійся въ Люблянской Лицейской библіотекѣ подъ № 21, подробно разсмотрѣнъ проф. Ламанскимъ въ статьѣ „Непорѣшенный вопросъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. Январь, Іюнь и Іюль 1869 г.). Относится онъ къ XVI—XVII в. — Люблянская болгарская рукопись принадлежитъ, не смотря на свою недревность, къ замѣчательнѣйшимъ и любопытнѣйшимъ памятникамъ славянскимъ, и какъ памятникъ болгарской словесности XVI — XVII в., и какъ памятникъ народнаго болгарскаго нарѣчія этого времени. Онъ даетъ весьма драгоцѣнный матеріалъ для болгарскаго словаря и особенно для историко - сравнительной грамматики славянской, для которой представляетъ нѣсколько новыхъ, весьма замѣчательныхъ для филолога данныхъ. Послѣ изученія этого памятника получается довольно полный обликъ народнаго болгарскаго нарѣчія XVI—XVII в., которое едва ли не болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій того времени отступаетъ отъ древнеславянскаго языка XI вѣка („Непорѣш. вопросъ“, стр. 120—121). — Проф. Ламанскій сообщилъ извѣстія также о другомъ болгарскомъ сборникѣ XVIII в., содержащемъ въ себѣ болгарскую лѣтопись („Болгарская словесность XVIII в.“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869, сентябрь).

В) Изъ соч. проф. М. Дринова: „Погледъ врьхъ происхожданье - то на блъгарскіи народъ и начало - то на блъгарска - та историія ,“ въ Віенѫ, 1869 .

Дохождanье - то на Аспарухова - та дружина на Балканскіи полуостровъ, основаніе - то на блъгарско - то царство ; начало - то на сегашніи блъгарски народъ . Погрьчаванье - то на нѣколко славенски племена ; происхожданье - то на сегашни - тѣ грьци . —

Ные нѣмаме подробни извѣстія за взаимни - тѣ отношенія между многобройни - тѣ славенски племена на Балканскіи полуостровъ въ 6 - тіи и 7 - міи вѣкъ . Нъ и по тѣзи кратки и распрьснати свидѣтелства , които ни сѫ оставили Византіински - тѣ историци и за този предметъ , ные можемъ доста добрѣ да си представимъ какъвъ харaксеръ сѫ имали тѣзи отношенія . За достовѣрно се знае, че тѣзи славене , отъ - както съ общи сили отнехѫ отъ Византіиска - та Империія земи - тѣ , въ които се заселихѫ , не можихѫ да съставѫтъ едно политическо тѣло или поне единъ политически съюзъ : всяко племе е искало да си живѣе особенно, подъ свое - то племенно име . — Ако да бѣше се случило , да ги описва Херодотъ , ные не се съмнѣваме , че той щеше да ги опише съ такива думи , съ какви - то , вѣдѣхме , той описва прежни - тѣ жители на Балканскіи полуостровъ , Трако - Иллирци - тѣ . — И за Славене - тѣ той щеше да каже : «народъ многочисленъ , но не могѫщественъ защо - «то се е подѣлилъ на много племена , отъ които всяко иска «да бѫде само по себе .» — При това стрьмленіе на тѣзи многобройни племена , нѣма съмнѣніе , че тѣ още сѫ и враждовали по между си : или за преднина , или за по - добри - тѣ области или пакъ по други причини . Ные не щемъ ся излъгѫ , ако кажемъ и за тѣхъ сѫщо - то , което прьвіи Славенски лѣтописецъ казва за взаимни - тѣ отношенія между Славенски - тѣ племена въ сегашна Россія . *Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья,*

кождо свой нравъ... И почаша сами въ собѣ володѣти; и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся [1]).

Таквва взаимни отношенія се установихѫ и между Южни-тѣ Славенски племена, отъ-както тѣ ся разселихѫ по Балканскій полуостровъ. Това разглобено, тъй да рѣчемъ, тѣхно положеніе давало е на Византія възможность да се пооправи отъ бѣдственно-то положеніе, въ което ѭ докарахѫ тѣзи племена, кога-то тѣ съ общи сили, ръководими отъ една обща цѣль, удрихѫ на неѭ. Тя намѣри сега сгоденъ случай да начене война съ разъединени-тѣ вѣче и не сговорни по между си тѣзи племена, случай кой-то ѝ даваше възможность лесно да ги покорява едно по едно всички-тѣ. Но ето, че около половина-та на 7-мій вѣкъ явява се отъ къмъ Дунава нова дружина, коя-то оцѣте благи-тѣ надежди на Византійско-то правителство. На тази нова дружина е было рѣчено да тури край на племенніи животъ между славене-тѣ на Балканскій полуостровъ и да ги съедини по-вечето въ едно ѣко политическо тѣло, което да може да спасе, заедно съ независимость-та, и народность-та на Славене-тѣ. Казваме и народность-та, защо-то е извѣстно, че подвластни-тѣ на Византія народи лесно губѣхѫ народность-та си и ставахѫ безъродни *Ромеи*. Тази дружина на която бѣ отсѫдено да запази многобройни-тѣ Славенски племена отъ Византійска-та власть и пагубна за народность-та имъ политика, и да създаде отъ тѣхъ една силна славенска дръжава на Балканскій полуостровъ, тази дружина, както ще покажемъ, не бѣ многобройна, но бѣше воинственна, защо-то освѣнъ война-та, други занятія не познаваше. Освѣнъ това, тя не бѣ отъ Славенскій родъ, а бѣше отъ едно съвсѣмъ друго порекло, и съставяше часть на едно *Чудско*, или *Финско племе*, называемо *Българе* [2]). Въ 1-ва-та половина на

[1]) Лѣтописъ Нестора г. 6370.

[2]) Тунманъ и Енгелъ сѫ доказвали че тѣзи Българе сѫ отъ *Татарско порекло*. Ранчъ и Венелинъ ги сѫ пріемали за *Славене*,

7-міи вѣкъ това племе съставяше една доста голѣма орда, която се скиташе между рѣки-тѣ *Донъ* и *Волга*. Около 660 година, кога-то умрѣ неина силенъ началникъ Кубратъ, тя се раздѣли между негови-тѣ петь синове на петь малки орди, отъ които само двѣ останахѫ да се скитѫтъ на бащино-ти си мѣсто [1]). Други-тѣ три се прьснахѫ да си трьсѧтъ жилища въ други нѣкои мѣста. Една отъ тѣхъ премина въ Панноніѫ (въ сегашн. Венгріѧ), друга пакъ влѣзе въ Италіѧ и се посели тамъ въ Беневенстка-та область, а пакъ третья-та се спусна къмъ устіе-то на Дунава, гдѣ-то се и запрѣ само нѣколко време. Неина началникъ, 3-тіи синъ Кубратовъ, Аспарухъ, като се запозна тукъ съ работи-тѣ на Балканскіи полуостровъ, намѣри за сгодно да преведе своя-та ордѫ тамъ. Въ 679 г. той е преминѫлъ съ своя-та орда на югъ отъ Дунава, гдѣто въ скоро време е покорилъ сѣверяне-тѣ и други-тѣ седемь Славенски

въ наши дни се появи една нова теорія за нихъ, която ги искарва *Монгоми*. Особно много е распространено сега едно мнѣніе, което ги искарва за една смѣсь отъ Татарско-то и Чудско-то племе и ги нарича *Финно-Татаре*. — Ные пріемаме Шафариково-то мнѣніе че тѣ сѫ были отъ Чудско или Финско порекло. При това бързаме да забелѣжимъ, че насъ твърдѣ малко ни занимава порекло-то на тѣзи Блъгаре, защо-то този въпросъ си нѣма мѣсто-то въ исторія-та на нашіи народъ, който не е тѣхъ имъ потомокъ и нѣма нищо общо съ тѣхъ, освѣнь само име-то което той случайно пріе отъ тѣхъ.

[1]) Тѣ испослѣ се премѣстихѫ малко нѣщо пó-на сѣверъ и тамо между р. р. Волга и Кама основахѫ едно царство, което трая до 13-тіи вѣкъ. Русски-тѣ князове въ 10-тіи и 11-тіи вѣкъ често сѫ имали война съ това царство, и поради това Русски-тѣ лѣтописци ни сѫ оставили доста подробни извѣстія за него. То трая както казахме до 13-тіи вѣкъ, догдѣ нáй-послѣ Батыеви-тѣ татари не го разсыпахѫ, които поглъпахѫ народность-та му въ своя-та народность. Една доста голѣма часть отъ камени-тѣ Блъгаре се поглъна пакъ отъ Русска-та народность, тъй щото отъ тѣ се загубихѫ до единъ.

племена, кои-то бѣхѫ се поселили между Балканъ-тъ, Дунава и чьрно-то море. Като съедини подъ власть-та си тѣзи осемь племена, Аспарухова-та орда, или пò-добрѣ да кажемъ дружина, чрезъ това положи начало за обединяванье-то на Славенски-тѣ племена по всичкіи Балканскіи полуостровъ въ едно политическо тѣло. Ные нѣма да разсказваме подробно исторія-та на това обединеніе, ще забелѣжимъ само, че то тръгна успѣшно, тъй щото пò-голѣма-та часть отъ тѣзи племена въ 8-міи вѣкъ се управляваххѫ вѣче отъ единъ човѣкъ, отъ една воля и съставяхѫ единъ могѫществевъ народъ, една силна дрьжава. Тази дьржава пріе име-то на завоевателна-та Аспарухова орда, която положи прьвіи камикъ въ неино-то основаніе, нарѣче се Блъгарско царство. Отъ тогава племенни-тѣ названія на тѣзи Славенски племена, изъ които възникна тази дрьжава, захванахѫ да исчезвѫтъ. Тѣ всички-тѣ като граждане вѣче на една дрьжава, като части на едно политическо тѣло, захванахѫ да забравѭтъ свои-тѣ племенни особности, слѣхѫ ся въ единъ народъ, който получи име-то на дрьжава-та, въ която се извръши тѣхно-то тѣсно съединеніе и се нарѣче *Блъгарски народъ, Блъгаре*. — А пакъ сами-тѣ Блъгаре, т. е. онази малка орда или дружина, която внесе между раздробенни-тѣ Славенски племена политическо-то единство, въ скоро време се затри между многобройни-тѣ Славенски племена, погльнахѫ се въ този съединенъ на едно елементъ, безъ да оставѫтъ въ него нѣкаква слѣда отъ своя-та инородна народность.

Тъй се образова нашіи народъ. Макарь и да пріе име-то си отъ една малка *Чудска орда,* той ни наймалко не веде родъ-тѣ си отъ неѭ, а е потомокъ на онѣзи многобройни Славене, които въ 6-тіи и 7-міи вѣкъ напълнихѫ Балканскіи полуостровъ. — —

Г) Изъ изд. Л. Каравелова: „Памятники народнаго быта Болгаръ." Кн. I. Москва, 1861.

а) Болгарскія пословицы и поговорки.

Ако даде Господъ! Кога-то питашъ нѣкого [1]): «утре щѣшъ ли да направишъ това и това?» — Ако даде Господъ, отговоря той. Срьб. Ако Бог да!

Ако нѣма мозжкъ въ младица, не го искай ни въ бѣла брадица. Сир. Ако не ѥ уменъ въ младостъ-та си, не ще поумнѣе и въ старостъ-та си.

Ако ржка дава, а срьдце не дава, нищо не става.

Арсжзинъ-тъ [2]) нѣма рогове, да го познаѥшъ, че ѥ арсжзинъ; а познавашъ га по това, щото (той) прави.

Биволица-та ѥ черна, а бѣло млѣко дава. Сир. Той ѥ сиромахъ, ама ѥ добаръ. Срьб. Ако је и црна крава, бијело млијеко даје.

Бий желѣзо-то, дорде ѥ топло. Сир. Врьши си работа-та дорде ѥ рано.

Бойте са отъ тиха-та и мжтна-та вода (рѣка)! Сир. бойте са отъ оногова, дето мжлчи, а не отъ оногова, дето са хвали.

Бѣли пари за черни дни. Срьб. Бијеле новце ваља остављати за црне дане.

Веднашъ тиква на (за) вода, двашъ тиква на вода, а трети пжтъ са разбила. Сир. Веднашъ направишъ зло, двашъ направишъ зло, а трети пжтъ та и уловатъ.

Видѣха у слѣпча ѥдно око и него искатъ да му извадатъ. Сир. У сиромахъ-тъ искатъ да отнѣматъ и послѣдня-та пара.

Вуже-то са кжса, дето ѥ найтжнко. Срьб. Ђе је танко, онђе и пуца.

---

[1]) *ѣ* произносится въ восточной Болгаріи какъ *я*, въ Западной (Македоніи), какъ *е*. [2])=злой человѣкъ.

Въ кѫкво - то хоро влѣзешъ, тѫкова хоро и да играюшъ! Сир. Съ кѫкви - то хора са сберешъ, така и да са дръжишъ. Срьб. У какво коло дођеш, онако и играј.

Голѣма дума — биволъ; длѫбока дума — кладенецъ. Юдинъ мѫжъ училъ жена - та си: «слушай, жено, кога идѫмъ на госте, тй [1]) не хорати малки думи, а голѣми и длѫбоки.» Сир. Да не плеще сичко, а да говори умно. Кога - то утишле на госте, тя захванала да говори голѣми и длѫбоки думи: кладенецъ, кѫща, планина, биволъ и пр.

Гора съ гора са не сбира, а човѣкъ съ човѣка са збира. Срьб. Брдо с брдом не може се састати, а живи се људи састану.

Дай, Боже, дѫж(д)ъ, да са роди рѫжъ!

Да ли да го ѣмъ, да ли да го продамъ! Юдинъ циганинъ отишалъ на бачия - та [2]). Тамъ овчере - те му дале юдно гѫрне [3]) млѣко. Той го зелъ, турналъ го на глава - та си и си отвождалъ дома; ѝ кога - то врьвѣлъ изъ пѫть - тъ, той си мислилъ: «Да ли да го ѣмъ, или да го продамъ! Хайде да го продамъ, и да си купа кокошка. Кокошка - та ще са кокоши, кокоши, и щатъ станатъ двѣ! Да ги продамъ, да си купа гѫска.— Да ми са гѫси, да ми са гѫси; да ми станатъ двѣ! Да ги продамъ, да си купа овца. — Да ми са овчи, да ми са овчи; да ми станатъ двѣ! Да ги продамъ, да си купа магарица. — Да ми са магаричи, да ми са магаричи, да ми станатъ двѣ! Да ги продамъ, да си купа конъ съ позлатени зенгий [4])! И да му са кача и да мина покрай царски - те дворове. Царица - та ще ма види и ще рече: «Манго жени са за менѣ». Азъ ща са

---

[1]) й произносится какъ простое *и*, употребляется же для отличія нѣкоторыхъ словъ между собой, напр. для отличія *тй* (ты) отъ *ти* (тебѣ), *й* (сй) отъ *и* союзъ и т. д. [2])=сыроварня. [3])= горшокъ, кринка. [4])=стремена.

ожена, и ще се родимъ дѣтенце, па ща си играя съ него, ща си го милвамъ и ща му казвамъ: татово-то, то!» И отъ драгостъ Манго подскокналъ. Гжрне-то паднало отъ глава-та му и са разсипало.

Добро са скоро заборавя, а зло никога. Срьб. Добро се брьзо заборави.

Ѥдно му ѥ на срьце-то, а друго на ѣзикъ-тъ. Срьб. Једно му је на срцу, а друго на језику.

Златенъ ключъ желѣзни врата отворя. Сир. Пари-те сичко направватъ.

И на рька-та прьсте-то не са ѥднакви, а не дѣца-та да са ѥднакви. Така говоратъ жени-те, кога нѣкоѥ дѣте излезе не добро, а други-те или брате-то му — умни и добри. Срьб. Ни прсти у руке нијесу сви једнаки.

Както боли ѥдинъ-тъ прьстъ, така болатъ и други-те. Сир. Както ѥ мило на майка-та ѥдно-то дѣте, така й са мили и други-те. Казватъ жени-те, кога-то нѣкои говори, че майка-та повече обича момичета-та, а не момчета-та; или баща-та, че обича повече момчета-та, отъ момичета-та.

Кога Господъ иска да убиѥ нѣкого, тои най напредъ му земе умъ-тъ. Срьб. Кад Бог хоће кога да казни, најприје му узме памет.

Който ходи находи; който трьси намира; който пиѥ заспива.

Кжща безъ жена са не врьти. Казватъ бабички-те томува, който казва, че не ще да са жени.

Лесно ѥ да казвашъ, а видимъ какъ щѣшъ да направишъ. Срьб. Ласно је говорити, ал' је тежко творити.

На харизано магаре, зжби-те са не гледатъ. Черногорска: Даровноме коњу зуби се не гледају. Срьб. Поклоњеној се кобили у зуби не гледа.

Не гледай кой самь бйлъ, а кой самь сега. Срьб. Не гледај ме ко сам био, већ ко сам сад.

Не можешъ на сички-ятъ свѣтъ да затжкнешъ уста-та. Казватъ, кога-то говоратъ люде-те за нѣкого лоше.

Нѣма по-сладко отъ сжнъ; а кога го обичашъ повечко, оставяшъ и безъ хлѣбецъ.

Отъ грьцка лжжа и Циганинъ си плаши.

По-добре голѣма дума да продумашъ, а не съ богатъ да са карашъ.

Пѣни са, не пѣни са — ща та изѣмъ, парички самь далъ! Юдинъ Шопъ [1]) си купилъ сапунъ, защо-то видѣлъ, че си купуватъ и други-те люде, и захваналъ да го ѣде, но сапунъ-тъ му са разпѣнилъ въ уста-та, и той му казалъ: «Пѣни са, не пѣни са - ща та изѣмъ, парички самь далъ!» Срьб. Или се сапунило, ил' не сапунило, вальа ми те јести, кад сам за те новце дао.

Рѣже, като съ ножъ. Казватъ за тия човѣци, дето говоратъ умно и смѣшно.

Слѣпецъ слѣпца води,— и двама-та въ яма-та. Срьб. Ако слијепац слијепца води, обадва ће у јаму пасти.

«Стани, Манго, та набери дрьва.» — Да спимъ, да спимъ, овчарко, че — зимà.— «Стáни, Манго, наклади огжньтъ.» Да спимъ, да спимъ, овчарко, че — зимà.— «Стани, Манго, да ѣдемъ.» Да ѣдемъ и я! Не ли сме дружина, да са слушаме. Юдинъ Циганинъ са главилъ да бжде овчаръ, и кога-то го викале да работи, той казвалъ: «зимà ю» (студено ю). А кога-то ги викнале да ѣдатъ, той казалъ, че трѣба да слушатъ юдинъ другиго, като сговорна дружина.

У Чафутинъ [2]) пий вино,—не спи; у Ерменлия [3]) спи,— не ѣшъ; у Турчинъ пий каве и чубукъ,— вино не пий; у Арнаутинъ [4]) пий и ѣшъ,—на пжтъ не ходи; у Грькъ нищо не прави.

Ще дойде видовъ денъ — видѣщемъ. Срьб. Доћи ће Видов дан (виђећемо, које вера, ко ли је невера).

---

[1])=Болгаринъ изъ Софійскаго округа. [2]) Чафутинъ (тур.) — Еврей. [3]) Ерменлия—Армянинъ. [4]) Арнаутинъ—Албанецъ.

б) Болгарскія легенды.

Господъ, овчаръ и терзия [1]).

Куга дядо Госпот(д)ъ ходилъ по земя - та, ѥдна вечеръ закжснялъ, преправилъ са на просекъ и утишалъ при овчаръ - тъ и казалъ му: «брайно, овчарко, дай ми дядово - то, да поямъ и земи ма да препощувамъ нощеска у тебѣ.» Овчаръ - тъ го нахранилъ добре и казалъ му: «иди сега и трьси други конакъ. Не гледашъ ли, че и азъ нощувамъ по гори - те и по полета - та, нѣмамъ кжща, нѣмамъ покжшнина, а спа подъ небе - то, и за това не мога да та зема да пренощувашъ у менѣ, иди и трьси други конакъ.» Господъ си зелъ тояга - та [2]) и утишалъ да иска конакъ. Врьвялъ, врьвялъ и запрялъ са, като видялъ терзи - ятъ, който шилъ нейде си и са врьщалъ дома си. Въ оние времена куму - то трѣв(б)алъ терзи - ятъ, той го викалъ на кжща - та си, той шилъ тамъ, щото трѣвало, а ти - ѥ го храниле, обличале и плацале му. Господъ са помолилъ на терзи - ятъ, да му даде конакъ и да повечеря. Терзи - ятъ го завелъ дома си, послалъ му постеля и рѣкалъ: «прости, дядо, че нѣма нищо да ти дамъ да повечеряшъ: азъ никогда нищо не купувамъ въ кжща - та си. И отъ ту(о)гасъ Госпотъ проклялъ овчаръ - тъ никуда да нѣма ни кжща, ни покжшнина, и благословилъ го да бжде сичко у него по - много, да помага и да храни сякуго, който и да доде при него. А терзи - ятъ проклялъ да нѣма нищо въ кжща - та си, и въ джебъ - тъ [3]) да нѣма ни пара, а да спи сякога на меко и на топло на бабе - то [4]).

Майка сѝнъ и месъчина - та.

Ѥдна жена бѝла много зла, напуснала мжжъ - тъ си и живяла не добре,— родила дѣте, и то — като нея зло. Дѣте - то ѝ апцувало [5]) сякого, който преминувалъ презъ

---

[1])=портной. [2]) тояга—палка. [3]) джебъ (тур.)—карманъ. [4]) баба—печка. [5]) апсувамъ — ругаю.

пять - тъ, апцувало просеци - те, опсувало сиромаси - те и сякуго. Колко - то повече расло, толкова по - лошо стаяло: зело да апсува и майка си. Веднашъ майка му го изнесла на дворъ - тъ, а то я попитало: «мамо! чує ли месѣчина - та, като та апцувамъ и като апцувамъ и други - те хора?» А въ онова време месѣчина - та ходила близу до земя - та, щото сякой можалъ да я̂ фане съ рька - та, а някуга ходила и по земя - та.—А ако чує, то тебѣ що є грижа? казала майка - та на дѣте - то си.— «Ще са разсрьди наназе,» казало дѣте - то.—Нека да са срьди. А въ това време минувала месѣчина - та и чула, що за нея казватъ, и рекла имъ: «Ахъ, проклѣти проклѣтници! ахъ, зѫме тришклѣти! Да даде Господъ, никуга да не прокопцате [1]), сякуй да бяга отъ васъ, като отъ таласѫмъ - тъ [2]).» И месѣчина - та си утишла. Зла - та жена искала да си отвѫрне [3]), защо - то месѣчина - та я̂ проклѣла и чѣкала, куга мине месѣчина - та и да са запре на пять - тъ, тя да си отвѫрне. Веднашь месѣчина - та са запряла, а жена - та, като я̂ видяла, зела гнуснава пелена и я̂ завила съ нея. И отъ тугасъ месѣчина - та са вдигнала толкова високо, какту є сега. И проклѣла жена - та, да стане на змѣй: отъ нея са и родиле змѣєве. Майка - то съ сйнъ - тъ си живяле много време и много людица изѣле. Ти - є щеле да изѣдатъ сички - ятъ святъ, да не бйлъ свѣти Гёрги. Св. Гёрги утрепалъ майка - та, а свѣти Тодаръ сйнъ - тъ, а тиє змѣєве, кои - ту ходатъ по земя - та, са тяхни унуки [4]).

Д) Болгарскія народныя пѣсни.

а) Изъ сборниковъ Венелина, Катранова и др., изд. П. Безсонова, (Москва, 1855).

1. Вълко [5]).

Позгодйлъ ся Вълко,
За царскѫ дъштерѭ,

---

[1]) прокопсалъ — сдѣлался счастливымъ. [2]) таласѫмъ —домовой. [3]) отвѫрналъ—отмстилъ. [4]) Обѣ легенды записаны въ с. Копривщица. [5]) Пѣсня эта совпадаетъ съ сербскою пѣснью о царѣ Сте-

Царскѫ, бре, и кралскѫ.
Ца́рьъ [1]) Вълку дума:
«Вълко, зетко Вълко!
Калесай си, Вълко,
Сичкѫ-тѫ роднинѫ,
Ала не калесвай
Сестрини си дѣца́,—
Марка, малко дѣте,
И Вълчинъ войводѫ:
Че сѫ кавгаджи́и [2]),
Кавгѫ́ ште направятъ
Сва̀дбѫ да̀ развалятъ.»
Вълко ца́рьъ слуша:
Калесалъ ѥ Вълко
Сички-те родни́ни,
А не ѥ кале́салъ
Сестрини си дѣца!
И станалъ ѥ Вълко
За булкѫ да иде.
Отъ дѣ́ ѥ, бре, зачюлъ
Марко малко дѣте,
Той си майци дума:
«Мари́, стара майко!
Вуйчё ни оя жени,
Нази не калеса:
Дали́ на забра́ви,
Или на не рачи.
Ѭ ми подай, мамо,
Сва̀дбарскѫ прѣмѣнѫ:
Кожюхъ отъ три мечки
И калпакъ самурски [3]),

фанѣ Душанѣ. См. въ сборникѣ В. С. Караджича, кн. 2 (у Бечу, 1845), п. 29: „Женидба Душанова,"—стр. 132—154. [1])=царь, царь-тъ. [2])=люди задорные, спорщики; *кавга* (тур.)—ссора, раздоръ. [3])=соболій.

И ми обдай, мамо,
Наймалкий-тъ топузъ
Отъ сто оки желѣзо;
Азъ штѫ, мамо, идѫ
Не канюнъ [1]), не виканъ.»
Облѣче ся Марко
Нагизди ся Марко;
Че ю станѫлъ Марко,
Свад́бѫ да достигне;
Вървѣлъ, што ю вървѣлъ,
Достигнѫлъ свад́бѫ-тѫ,
При царски-тѣ врата.
Царь пόрти заключилъ
И на Вълка дума:
«Вълко, зетко Вълко!
Намъ ни ю закона: [2])
Акό порти прискочишь,
Булкѫ ште да си зѣмешь.»
Вълко долу гледа,
Та ся съ умъ бию. [3])
Марко Вълку дума:
«Вълко, вуйчё Вълко!
Не калесанъ додохъ,
Не почетенъ додохъ.»
Че си конче разигра,
Та порти прискочи,
На свад́бѫ отвори.
Стварѣлъ си ю цáрю
Насрѣдъ равню дворю
До три колá тръни, [4])
И на Вълка дума:
«Вълко, зетко Вълко!

---

[1])=не званый, не приглашенный. [2]) *намъ* и *ни* — дат. множ. 1 л.; *закона*=законъ-тъ: „у насъ такой законъ"... [3])=размышляетъ, колеблется умомъ. [4]) = царь склалъ среди ровнаго двора три воза хворосту терноваго, колючаго.

Ако трънi прискочишь,
Тогазъ булкѫ ще зѣмешь.»
Вълко долу гледа
И ся съ умъ бие.
Зати́ри ся [1]) Марко;
Марко малко дѣте,
Та трънi прискочи
И свад'бѫ приве́де,
Та въ кѫщи влѣзли.
Приготвилъ е ца́ря
Три моми ху́бави,
И три приличѣхѫ
Една́ на другѫ - тѫ,
И три - тѣ и́махѫ
Еднѫ́ ми прѣмѣнѫ.
Ца́ря Вълку дума:
«Вълко, зетко Вълко!
Намъ ни е закона:
Ако́ булкѫ познайшь,
Тогазъ ще ѭ зѣмешь.»
Вълко долу гледа
Та ся съ умъ бие.
Пристѫпилъ е Марко,
Марко малко дѣте.
И извадилъ Марко,
Златно ми прѫстенче,
Та го моми дава
И тихо говори, —
На три ми дѣво́йки:
«Ой ва васъ [2]), три моми;
Въ царскѫ прѣмѣнѫ!
Коя е булка - та,
Тя прѫ́стень да зѣме;

[1])=быстро пустился, устремился. [2]) Два одинаковыхъ падежа: „эй вы, васъ!..“

И акó го зѣме
Друга-та изъ вази,
Съ топýзъ ѭ ýбивамъ.»
Царска щерка посéгнѫ [1])
Та си пръ́стень зѣма.
Той ѭ за ржкѫ́ хвáнѫ
И вуйчю си прѣдаде;
А втóрѫ за братъ зелъ,
А третѭ за себе
Ступáнкѫ оставилъ [2]). (Въ изд. Безсонова п. V-я).

2.

«Попѣ́й ми, Славке-ле, попѣ́й ми,
Отъ ѥднó гърло два гласа,
Отъ ѩзикъ [3]) сладки!»
— Не мóгѫ да пѣѭ, цáр'ко-ле:
Кагѣ́рна [4]) съмъ, цáр'ко-ле.
«Тъй што си кагѣ́рна?»
— Манастирь съмъ запрáвила [5]),
Че не ми хазнá досóса [6]),
Да си манастирь доправѭ.—
«Пакъ не бойся, Славке-ле:
Азъ ште хазнѫ досусамъ,
Да си манастирь доправишь.
Попѣ́й ми, Славке-ле, да ся повесели́мъ,
Отъ ѥднó гърло два гласа!» (П. XIV).

3. Стоянъ идетъ въ хайдуки.

Стоѩнъ си гости повúка,
Да ся Стоѩнъ повеселú.
Ѣли сѫ, бре, и сѫ пили,

---

[1])=потянулась, протянула руку. [2])=для себя оставилъ хозяйкой, женой. [3]) Обыкнов. *езикъ*. [4])=тур., зн. печальна. [5])=начала строить. [6])=недостаетъ у меня казны.

Стоянну ся не услажда.
Стоянъ дружинѫ думаше:
«Дружина вѣрна, сговорна!
Като́ ѣде́те, пиете,
На срьце́, бре, пада ли ви?
Азъ, дружина, ѣмъ и пиѭ,
На сьрце, бре, не ми пада!
Да не речѣте, дружина,—
Майчина клетва не сти́га:
Майчина клетва сти́гнѫла!
Мене мя майка прокле́ла
За еднѫ́ думѫ ергенскѫ[1]),
Зашто́ и ре́кохъ, дружина:
«Мале-ле, мила мале-ле!
Сички сѫ майки хра́нили,
Хра́нили и оже́нили:
Ти мя си, мале, хра́нила,
Хра́нила, не оже́нила!
Кога́ ште мя, бре, оже́нишь?»
Майка Стоянну думаше:
«Азъ ште тя, синко, оженѭ
За зеленѫ-тѫ мура́вѫ,
Доръ[2]) девять педи въ земѭ-тѫ!»
Станѫ Стоянъ, та отиде
Въ негови, бре, зи́мници,
Изва́ди ко́ня хра́нена,
Съ бѣлъ го орисъ назоби́,
Съ ро́йно го ви́но напои́,
И тръгнѫ Стоянъ, отиде
Въ честѫ горѫ́[3]) зеле́нѫ,
Да ся Стоянъ самъ погу́би.
Тамъ си юнаци намѣри,
Юнаци млади хайду́ти:

---

[1])=за одно слово юношеское, необдуманное; ергенъ (тур.)—холостой, юноша. [2])=до. [3])—въ частый лѣсъ.

Съ тѣхъ ся Стоѭнъ намѣси [1]),
Младъ имъ войвода, бре, станѫлъ.
Походилъ Стоѭнъ, походилъ,
До три ми, холамъ, годи́ни;
Спечелилъ [2]) много иманѥ.
Че ся въ село завѫрнѫлъ [3]),
Намѣрилъ момѫ хубавѫ
И ся за нѥя оженилъ.
Девѧть ся годинъ водили,
Нѣмали рожбѫ никаквѫ.
Тогá-зъ ся Стоѭнъ осѣти,
Че го ѥ майка му проклела,
Тъй при майкѫ си отиде,
И на майкѫ си думаше:
«Мале-ле, мила мале-ле!
Ази съмъ, мале, бре, дошелъ,
Отъ сърце ти да мя простишь,
Дѣто [4]) ти, холамъ, согрѣшихъ,
Когá-то бѣхъ още глупавъ.»
Майка Стоѭна простила,
Прости и го благослови.
Стоѭнъ си у тѣхъ [5]) отиде.
Слѣдъ годинѫ ѥ родила
Нѥгова млада невѣста
Мѫжко ми, холамъ, момченце,
Съ позлатѥно перченче [6]).
Като ся ѥ, бре, родило,
То-зъ часъ ѥ проговорило.
Расло ѥ, та ѥ порасло,
Бѫлгарска войвода станѫло,
Въ голѣма града Софиѭ,
Въ Софиѭ войводствовалъ,

---

[1])=смѣшался, соединился. [2])=пріобрѣлъ. [3])=когда въ село вернулся. [4])=въ чемъ. [5])=домой, во свояси. [6])=съ позолочеными волосками.

Дордѣ [1]) Турци нападнѫли,
Та си Българиѭ зѐли. (П. XVII).

4. Стоянъ и соколъ.

Разболѣ ся Стоѩнъ, добъръ юна́къ,
На планинѫ́ на Агликови́нѫ.
Че ѥ болнѣ́лъ, че ѥ лежѣ́лъ,
Тъкмо ми деветъ годи́ни;
Постелка му — зелена мура́ва,
Зави́вка [2]) му — отъ горѫ́ листиѥ-то,
Подло́жка [3]) — дре́бно-то ка́мениѥ.
На рамо му сѣди́ пиле со́колово,
Той си меса рѣжи, та си пиле храни,
Дребни сълзи ро́ни, та си пиле пой.
Отговарѣ Стоѩнъ, добъръ юна́къ:
Ой тя тебе, пи́ле со́колово!
Ази не тя хранѭ, въ очи́ да мя гледашь;
Ази тя хранѭ, хаберъ [4]) да ми носишь,
Отъ мой-тѫ милѫ ма́йчицѫ,
Отъ мой-тѫ милѫ сестри́цѫ,
Отъ мой-тѫ милѫ невѣстѫ.»
Отговарѣ пиле со́колово:
«Ой тя тебе, Стоѩнъ добъръ юнакъ!
Вчера минѫхъ надъ твой-тѫ кѫштѫ:
Двори-тѣ ти буренѩсали [5]),
Порти-тѣ ти гѫби гѫбѩсали [6]),
На срѣдъ двори до три тополи,
И на топо́ли до три́ кукови́ци;
Пъ́рва куку́ва, ку́ку не прѣстава,
Вто́ра куку́ва, ку́ку прѣминѫ́ла,
Третѩ куку́ва куку — и не твъ́рдѣ.»

---

[1])=пока не... [2])=одѣяло. [3])=подстилка. [4])=тур., вѣсть, извѣстіе. [5])=поросли бурьяномъ. [6])=на воротахъ твоихъ губы нагубились, грибы выросли.

Отговарѣ Стоянъ добъръ юнакъ:
«Първа куковица куку не прѣстава,—
Тя ѥ мой-та мила-та майка;
Втóра куковица куку прѣминала,—
Тя ѥ мой-та мила-та невѣста;
Трета куковица куку и не твърдѣ,—
Тя ѥ мой-та мила-та сестрá.»
Товá си Стоянъ издýма,
И ся отъ душѫ́ отдѣлй. (П. XXIV).

5. Смерть Индже воеводы.

Расплакала ся, морé, гора-та,
Горá-та и планинá-та,
И на горѫ-тѫ, морé, листѥ-то,
И на полé-то трава-та,
Зарадй Инджé войводѫ:
«Дѣ да ѥ Инджé, морé, да дойде,
Съ петь стотинъ млади юнаци,
Горѫ́-тѫ да развесели,
Горѫ́-тѫ и планинѫ́-тѫ.»
Отъ дѣ ѭ зачю́, морé, Инджé-то,
Той си ся викнѫ, провикнѫ
Отъ Алтъ́нъ — бонáрь [1]) клáденецъ:
«Колё-ле, Кóлё байрактáрё!
Развйвай, Колё, байраци,
Събйрай, Колё, юнаци,
Въ Малхамѫ́ да си, морé, отидемъ,
Малхамѫ́ да си сардйшемъ [2]),
Иманѥ да ся, назѣмемъ.»
Кóлё Инджé си, морé, думаше:
«Не ходи, Инджé, въ Малхамѫ́:
Малхамá сѫ малджйи [3]),

[1]) = золотой колодезь. [2]) тур., = осадимъ. [3]) = искатели кладовъ.

Малджи́и хемъ [1]) коршюмджи́и [2]),
Челъ́къ - тъ въ окó ударятъ,
На свѣштѫ́ фити́ль снѣмѫтъ [3]).»
Инджé си Кóля, морé, не слушѣ,
Ами си въ Малхамѫ́ отиде,
Та си Малхамѫ́ сарди́ше.
Пýкнѫла - ся пушка на Инджé,
Катó ся пукнѫ, и той пáднѫ;
Инджé ся викнѫ, провикнѫ:
«Кóлё - ле, Кóлё байрактáрё!
Заги́нѫ Инджé войвода!
Ѩ елá, Кóлё, при мéне [4])!
Добъ́ръ ся селя́фъ нанóси [5]),
Дъ́лга ми пушка бойли́ѭ,
И тънка сабѭ френги́ѭ,
И чифтé [6]) злати пиштове!
Ѩ елá си, Кóлё, запаши [7])
До три кимéрѭ [8]) съ желтúци:
Ѥдина, Кóлё, ти зѣми́,
Другий - тъ мáйци занеси́ [9]),
Третий - тъ, Кóлё, занеси
Въ Хили́ндарски манастирь.» (П. XLIX).

6.

Сънъ мя ви́ѥ, сънъ мя би́ѥ,
Сънъ ми не дохожда, мáмо,
Мóре, катó гледамъ малкѫ момѫ,
Катó по двóръ ходи, мамо,
Катó голýбица,

---

[1])=и, тур. [2]) тур., собств. свинцовники: меткіе стрѣлки, разбойники. [3])=у свѣчи (пулей) снимутъ свѣтильню. [4])=Ну-ка, ступай ко мнѣ! [5]) Селяфъ—тур., оружіе,=наносился я добраго оружія. [6])=пара, тур. [7]) Ну-ка припояшь. [8]) кимерь—поясъ съ деньгами. [9])=отнеси.

Та ми гу́ца, гу́ца, жинамъ,
  Като́ горгу́лица [1]);
Мо́ре, раскя́дрила бѣло лице,
  Като́ бѣлъ трендафилъ;
Мо́ре, спу́сняла ру́сѫ косѫ́,
  Като́ паву́нъ пе́рѥ;
  Проточи́ла тъ́нкѫ снагѫ́ —
  Тънкѫ ми топо́лѫ [2]);
Въспре́тала [3]) бѣли рѫцѣ —
  Бѣли ми снѣгове.;
Застрѣлѣла черни очи —
  Черни ми череши;
Проточила тънки вѣжди —
  Ибришимъ гайтани [4]).
Та че ка́то гледа мя,
Стрѣли́ ми ся спущѫтъ
  Въвъ кле́то-то сърце.
Ѭ да ми ѭ зѣмешь, мамо,
  Ѭ [5]) живъ да не бѫдѫ:
Ѭ штѫ́ да забѣгнѫ [6]), мамо,
Ѭ штѫ́, да забѣгнѫ, мамо,
  По Влашкѫ-тѫ земѧ́
Влашкѫ и Богданскѫ, мамо,
  Оште ми Московскѫ,
Дѣто да мя чюѥшь, мамо,
  Пакъ да мя не видишь.»
— Мълчи́, мълчи́, синко Пенко!
  Штѫ да ти ѭ, бре, зѣмѫ:
Та не ходи, синко, Пено,
  И не забѣгну́вай,

---

[1])=и воркуетъ, и воркуетъ, душа моя, словно горлица. [2])=развила свой тонкій станъ, какъ тонкій тополь. [3])=засучила (рукава на рукахъ). [4]) тур., словно шнуры изъ сученыхъ шелковыхъ нитокъ. [5]) ѭ—ѭ=или—или. [6]) я убѣгу и буду бродить (*забѣгнѫ* употребляется обыкновенно о гайдукахъ).

3

Да не плаче твоя майка
  На старо ти време [1]).— (Вып. 2-й, п. LXXXI).

7.

Заспáла момá край мóре,
Край мóре, край тънко горѫ.
  Подъ дъ́рво подъ маслинѣно; (2)
Бýинъ ми вѣтрецъ повѣялъ,
Отъкъ́ршилъ [2]) клóня [3]) маслúнѣнъ,
  Ударилъ момѫ́ по лице; (2)
Момá ся отъ сънъ събýди,
Вѣтрю си люто кълнѣ́ше:
  «Вѣтро-ло, не навѣялъ ся! (2)
Каквó бѣхъ сладко заспáла,
Заспала, сънъ сънýвала:
  Три момцú млади úдѣхѫ; (2)
Пъ́рвий-тъ бѣше бакáлче [4]),
А пакъ втóрий-тъ терзийче,
  А пакъ третий-тъ черчийче [5]),
  Черчийче, челебийче [6]).
Бакáлче фъ́рли [7]) съ ябълкѫ,
Удари момѫ́ по гъ́рди [8]).
  Терзийче фъ́рли съ пръ́стенце,
  Удари момѫ́ прѣ́зъ пръстю;
Пакъ черчийче ся затече [9]),
Че си момѫ́ пригърнѫ,
  Пригъ́рнѫ та ѭ целýнѫ. (2).
Кой-то си фъ́рли съ я́бълкѫ,
Зелéнъ да бѫде до вѣка;

---

[1])—на старости. [2])—оторвалъ. [3]) т.-е. *клонъ-тъ*, вѣтвь, сучекъ. [4])—торговецъ бакалейными товарами. [5]) тур., торговецъ краснымъ товаромъ. [6]) тур., молодой господинъ. [7]) — бросилъ, швырнулъ. [8])—по груди. [9])—разбѣжался, подбѣжалъ.

А кой-то фърлиж съ пръстение,
Прѣзъ него да ся провира [1]);
А кой-то момж пригърнж,
Пригърня и ж цалунж,
Той нея да си кердоса [2]),
Отъ нинѣ дори до вѣка» (П. XCII).

8.

Богъ да убий, Юно, Юнке,
Твоя-тж майкж и твоя баштж,
Че тя родила твърдѣ хубавж:
Бѣлж-червенж като ябълкж,
Като ябълкж, като Петровкж [3]);
Лице-то ѝ бѣло като лебедово;
Очи-тѣ ѝ пъстри [4]) като на дуганъ [5]);
Вѣжди-тѣ и като гайтанъ.
Пакъ да убие, Юно, Юнке,
Юно, Юнке, твоя-тж майкж,
Че ми върнж годежници-тѣ [6]),
Дѣто носѣхж десеть желтици,
Десеть желтици и десеть махмудии [7]).
Богъ да убий, Юно, Юнке,
Твоя-тж майкж и твой-тъ баштж,
Че тя не дадохж тебе на мене. (П. CVI).

9.

Юнка прѣзъ горж минжва,
Прѣзъ горж, прѣзъ крушёвенж;
Съсъ крушёвъ листецъ свирѣше [8]).
Листецъ свири, говори [9]):

---

[1]) пусть пролѣзетъ сквозь него. [2]) — пусть владѣетъ ею. [3])—что зрѣетъ о Петрову дню. [4])—пестрыя, писаныя, красивыя. [5]) какъ у сокола. [6])—что она вернула (назадъ) моихъ сватовъ. [7])—червонцы времени Махмуда. [8])— наигрывала, насвистывала на листочкѣ грушевицы. [9])—листочекъ наигрываетъ, выговариваетъ.

«Гóро-ле, гóро зелéна,
И ти, водо-ле студéна!
Чернѣ́й горо, чернѣ́й, джáнамъ,
Двáма да чернѣ́еме [1]),
Ти за зелéнъ листéцъ, чéрно гóро,
И азъ за първо лѝбе [2]). (П. CXIII).

б) Изъ сборника Стеф. Верковича (Бѣлградъ, 1860. Кн. I, Женске песме).

1.

Вихоръ ми вѵе въ гора зелена,
Не ми е вихоръ лю ми е Юда [3]),
Гора трошеше дворы градеше.
Темель зафашта се стари люды,
Се стари люды се съ бели брады.
Зидови зиде керпичи клава,
Керпичи клава се малки деца,
Кой отъ године кой отъ половина.
Диреци [4]) клава се млади момчина,
Се армосане [5]) те не венчане.
Кирамиде [6]) клава се малки дивойки,
Се армосане те не венчане.
Две порти клава се млада невести.
Снаха доведе керка одведе,
Снаха доведе ризикъ [7]) нимала,
Ризикъ нимала чедо не добыла,
Не е добыла не е одревила,
Не е одревила деветъ годины,
Дуръ на десетà дете добыла,

---

[1])=вдвоемъ съ тобой будемъ чернѣть (печалиться, горевать). [2])=и я изъ за перваго любезнаго (потеряннаго). [3]) Юда—названіе змѣя, — миѳологическій образъ. [4])=балки. [5])—обрученные. [6])—черепокъ, черепица. [7]) счастіе.

Добыла и одревила:
Бре мале мале стара Пехеро!
Я уземи дребни ключевы,
Да ми отключишъ златни сандуко
Да ми искарашъ златни пелены,
Златни пелены златни поясо,
Да си повіемъ машко-то дете. (П. I).

2

Море моме малкая моме!
Мома стои покрай Дунавъ,
На Дунавъ си огледова,
Па си сама зулѣпсува [1]):
Іой Боже ли, мили Боже!
Ка самъ тенка та высока,
И самъ бела та румена,
Оште да бы црна ока,
Ке залюба царіо-то,
Царіо-то хазпадарче,
Бегово-то челебиче.
Деня вечеръ хазнà брои,
Та не може да доброи,
Два-та ке го доброваме.
Дега дочу царіо-то,
Царіо-то хазнадарче,
Бегово-то челебиче.
Даде двеста та го узѐ,
Даде триста та се венчà.
Та са броили царіо-та,
Царіо-та хазнà. (П. 78).

3.

Никола море Никола!
Никола коня играеше,

---

[1])=съ укоромъ говоритъ, пѣняетъ.

Никола каменъ меташе,
Отъ высокò-то буниште [1]),
Отъ пониско игралишге,
Испаднàка му ножови,
Отъ стребрева ножница.
Никнà ножови да земе,
Убодилъ ми се Никола,
А въ клето срце осойно [2]),
Раширѝ ръки широке,
Извисѝ гласи высоке,—
На дружина ѕборува:
Дружина моя зговорна!
Я идейте кажайте,
На моя-та стара майка,
Не мой й право кажайте,
Че се е Никола убодилъ,
Лю идейте кажайте,
На моя-та стара майка,
Че се Никола армасалъ,
За билолика Велика,
За цˀрноземка дивойка. (П. 79).

4.

Што е тая врева [3]) въ бегови конаци?
Или му е кадуна [4]) умрела?
Или му сынъ отъ їойске дойде?
Не му е кадуна умрела,
Не му е сынъ отъ їойске дойде,
Лю му е робиня бегала,
Та му е зела бегу бˀрза коня,
И му зела бегу мушко дете,
Та бегала Елена робиня.
Стои бего та се чуди,

---

[1])—сорная, навозная куча. [2])—лютое, молодецкое. [3])—шумъ, суматоха. [4])—тур., жена.

Как' да найде Елена робиня.
Тай пустналъ е до три юнаци,
Три юнаци три бумбашира [1]),
Да си стигнатъ Елена робиня.
Гонили га, гонили фатили,
Та й велетъ велетъ и говоре:
Заштò бегашъ Елено робиньо?
Море бегамъ бегамъ, ергени левене [2])!
Да не робувамъ на бегови конаци.
Чунке [3]) бегашъ Елено робиньо,
Да не робувашъ въ бегови конаци,
Заштò земамъ бего б'рза коня?
Земамъ земамъ, ергени левене!
Пишакъ да не хода.
Заштò земашъ бего мушко дете?
Земамъ земамъ сама да не хода. (П. 84).

5.

По пъто идатъ троица турци,
По пъто идатъ, врева си вреватъ:
Мили-те моме, моме каурски,
Сичко-то лѣто, лѣто лѣтомно,
Жетва ми жніетъ, море, чапа [4]) копатъ,
Врела [5]) та вода, вода га піятъ,
Та па са беле, беле ц'рвене,
Беле ц'рвене като калъина!
Наша-та вера турска-та вера,
Турска-та вера наши-те кадуне,
Сичко-то лѣто, лѣто лѣтомно,
Лѣто лѣтомно коприна предатъ,
Коприна предатъ, на сенка седатъ,
На сенка седатъ, студена ўода піятъ,

---

[1])—комисаръ. [2]) — неженатый, веселый господинъ. [3]) — когда, если. [4])—лопата. [5])—ключевой,—кипящій, горячій.

Студена іода піятъ, та па са жълте,
Жълте като жълта дуня. (П. 180).

6.

Недо ле, Недо хубава!
Де се е чуло и видело,
На сонъ мома си открала,
Мегю майка, мегю башта,
Мегю нейни деветъ брата,
Деветъ брата, осамъ снахи,
И дванаесетъ дребни деца.
Откралъ га е войвода-та,
Войвода-та Драмлія-та.
Та га карà Дринополѣ,
Дринополѣ чаири [1]) то,
Чаири-то ливаде-то.
Направи ӗ высокъ чардакъ,
Колко е высокъ, толко е широкъ.
Извиши га на высоко,
На высоко на широко.
Три дни е спала и три вечера,
Па не се е разбудила.
И га е было четв'ртъ вечеръ,
Тогай Неда се разбуди,
На сонъ іода потерала:
Дай ми мале, студна вода,
Да натопе пуста юста,
Че ми е уста погорела,
Като кора калинкова.
Тогай вели войвода-та:
Неси Недо при майка-ти,
При майка ти, при башта-ти,
Тук' си Недо, при менека,

[1])=лугъ, тоже значитъ и *ливада.*

При менека въ чаире - то.
Тогай вели бела Неда:
Дай ми аго юстро нокче,
Да расека жълта дуня,
Жълта дуня и неранца,
Да растопе пуста юста,
Че ми юста погорела,
Като кора калинкова.
Послуша го войвода - та,
Подаде й іостро нокче,
Да расече жълта дуня,
Жълта дуня и неранца.
Не расече жълта дуня,
Лю си убодѐ клето с'рце. (П. 249).

7.

Прочу се Янка Влахинка,
Дури до Стамболъ коприна,
Со хубавина не толко,
Я со работа три толко,
На денъ везе по махрама [1]),
На ночъ преде по кошула.
Я дочу Марко т'рговецъ,
Па ми се чуди, двоуми,
Како да Янка измами?
На майка си й говори:
Мале - ле, стара майчица!
Што ми се мома дочула,
Со хубавина не толко,
Я со работа три толко.
На денъ везе по махрама,
На ночъ преде по кошула.
Какъ да я майко измамамъ?

---

[1])=носовой платокъ.

Майка му тихо говори:
Сыну ле, сыну ле, младъ Марко!
И това ли кахаръ [1]) берешъ?
Прекупи си чиста свила,
И клабоданъ [2]) с'рмалія [3]),
Пусти гемія по море.
Извикни Марко, привикни:
Ела, ела, чиста свила,
И клабоданъ с'рмалія,
Си-те ште дойдатъ да купатъ,
Янка ште Влахинка да дойде.
Како го майка научи,
Си прикупи чиста свила,
И клабоданъ с'рмалія.
Пушти гемія по море,
Извикна Марко, провикна:
Ела те свила евтина [4]).
Си-те девойки дойдоха,
Нема е Янка да дойде.
Па ми се чуди младъ Марко,
Што нема Янка да дойде!
Кога вечеръ надъ вечеръ,
Ето я Янка кай иде,
Со дванаестъ робинки,
Со тринаестъ алайки [5]).
Робинки й поли крепеха [6]),
Алайки й друмъ ги метеха.
Отъ далекъ иде и вика:
Т'рговецъ, млади т'рговецъ!
Т'ргни гемія на сухо,
Свила да одбереме.
Я Марко ли й говори:

---

[1])—забота, печаль. [2])—кружева. [3])—серебряный. [4]) евтинъ—дешевый. [5]) алайка — служанка. [6]) поли крепеха — несли края одежды.

Мене ме майка заклела,
На дворъ гемія да не надамъ.
Па си измами Янинка,
Она си влезе въ гемія,
И Марко тегналъ гемія до море,
Й си грабна Янинка. (П. 314).

8.

Доста одиме, доста шетаме,
Доста одиме пуста Шумадія,
Доста гинеме ц'рни сиромаси,
Зави барякъ ты Милошъ войвода [1]).
Наши-те жени црни кукавици,
Наши-те майки ц'рне к'рпе носатъ.
Наши таткови небричени одатъ,
Наши-те сестри неплетене одатъ,
Наши-те деца у турци робе одатъ.
Доста одиме, доста шетаме,
Доста шетаме рамна Шумадія,
Доста ядоме печене яганца,
Доста ядоме се бели погачи,
Да расипеме голема ордія,
Да откупиме наши дробни деца. (П. 320).

в) Изъ сборника Д. и К. Миладиновыхъ (Загребъ, 1861).

1. Іованъ Поповъ и Самовила.

Кинисалъ ми Іо'анъ Поповъ,
Да ми о'итъ на Велигденъ
На Велигденъ на оранѥ,
И ми пойде до полпѫти,
И излезе Самовила

---

[1]) Разумѣется сербскій князь Милошъ Обреновичъ I-й.

Самовила Самогорска,
Пжтища-та му предстрети:
«Врат' сѣ, врати Іо'анъ Поповъ,
Не одай ми на Велигденъ,
На Велигденъ на ораніе!»
Іо'анъ лепо говореше:
«Бегай, бегай Самовило!
Да н' ти слезамъ отъ моя-ва
Отъ моя-ва бжрза коня,
Да н' те фатамъ за твоя-та
За твоя-та руса коса,
Да н' те вжрзамъ бжрзю коню
Бжрзю коню за опашка,
Да н' те влечамъ, како брана».
Сѣ разлюти Самовила,
Тà отпущи руса коса,
Му сопнала бжрза коня,
Да му піетъ цжрни очи.
Сѣ палюти Іо'анъ Поповъ,
Тà ѣ̀ фати Самовила,
Тà ѣ̀ фати за нейдзина
За нейдзина руса коса,
Тà ѣ̀ вжрза бжрзу коню
Бкрзу коню за опашка,
Ѣ повлече, како брана.
Си ж носи дури дома,
Отъ далеку Майкѣ викатъ:
«Я излези мила Майко!
От' ти носамъ не'естица
Не'естица Самовилска,
Тебѣ, майко, отменица,
Татко-ѣ̈ бѣла променица,
Брату перче изчешлано,
Сестрѣ леса уплетена.»
Ѣ заключи десно крило
Десно крило въ шаренъ ковчегъ.

И седела три години,
Постигнала мжшко дете,
И канила чесна кума;
Ѣ кжрстиле мжшко дете.
И ми дошла кумашина,
Кумашина говореше:
«А не'есто Самовило!
Малу 'оро да поиграшъ.
Малу 'оро Самовилско!»
Самовила говореше:
«Ай ви віе чесни куми!
Нек' ми пущитъ Іо'анъ Поповъ
Нек' ми пущитъ десно крило,
Така 'оро да поигра.» —
«А не 'есто Самовило!
Вѣра немашъ, ке побегнишъ..»
Самовила говореше:
«А егиди [1]) Іо'анъ Поповъ!
Ако те страфъ да н' побегна,
Затворите мали врати,
Мали врати и големи,
Така 'оро да поигра».
Затвориле мали врати,
Мали врати и големи,
Ѣ отключи десно крило.
Колку 'оро заиграла,
Излетала низъ баджа-та [2]),
Свекжрва ѣ привикала:
«А не'есто Самовило!
Дете плачитъ за леляніе
За леляніе, за цицаніе».
Самовила говореше:
«Кога ке ми дете плачитъ
Дете плачитъ за цицаніе,

[1])=господинъ. [2])—труба.

Да го кла'ишъ подъ стре'и-те,
Ке заросамъ ситна роса,
Ке надоямъ машко дете;
Кога ке ми дѣте плачитъ
Дете плачитъ за лелянie,
Да го кла'ишъ на кревет-отъ,
Ке пове'амъ ті'окъ ветаръ,
Ке залелямъ машко дете.»
Сѣ измами свекарва ѝ;
Кога дете заплачило
Заплачило за лелянie,
Си го кладе на кревет-отъ,
Не повеа ті'окъ ветаръ,
Тук' сѣ впущи Самовила,
Си го зеде машко дете.
И сѣ пофали Іо'ану:
«А егиди Іо'анъ Поповъ!
Що ти сѣ тебѣ чинеше,
От' ке држишъ Самовила
Самовила за любенie!» (П. 1).

2.

Шеталъ Марко низъ гора зелена;
Що ми шеталъ три дни и три нокя,
Не можитъ вода да ми найдитъ,
Ни за піетъ, ни да сѣ измієтъ,
Ни за себе, ни за бѫрзя коня.
Па говори Марко Кралевике:
«Варай [1]) горо, горо Димна-горо!
Камо ти вода да сѣ напіамъ,
Немашъ да піамъ, ни да сѣ измiамъ,
Да би ми те ветаръ исушило!
Да би ми те сонце изгорило!»

---

[1])—ахъ, увы!—

Димна гора Марко - ѣ говореше :
«Ай ти Марко, ай ти добаръ юнакъ !
Не мой кълни гора Димна - гора ,
Туку кълни стара Самовила ,
Що собрала седумдесетъ кла'енци ;
Да̀ изнесла на вървъ на планина ,
Да прода'атъ еденъ ба̀рдакъ [1]) вода
Еденъ ба̀рдакъ за църни - те очи .»
Марко ли си съ коня говореше :
«Ай ти коню, мое мило добро !
Али можишъ ти да ме изнесишъ ,
Да отепамъ стара Самовила ,
Да растурамъ седумдесетъ кла'енци ?»
Коня Марку ли му говореше :
«Подстегни ме съ дванаесетъ колане
Два - та ніе да сѣ обидиме .»
И му стегна дванаесетъ колани ,
И г' изнесе на вървъ на планина ;
Да̀ отепа стара Самовила ,
И растури седумдесетъ кла'енци . (П. 9).

Э.

Отъ какъ ся е , мила моя майко ле , зора зазорило ,
Отъ тогасъ е , мила моя майко ле , войска провързвяло ,
Конъ до коня , мила моя майко ле , юнакъ до юнака ;
Саби - ти имъ , мила моя майко ле , както ясно слънце ,
Оганъ святка , мила моя майко ле , презъ гора зелена ,
Войвода имъ, мила моя майко ле, самъ царъ Иванъ Шишманъ,
Отговаря , мила моя майко ле , самъ царъ Иванъ Шишманъ :
Боже силни , мила моя майко ле , Боже сѫздателю ,
Помогни ни , мила моя майко ле , сила и юнаштво !
Бой щемъ да ся біемъ , мила моя майко ле, на Совійско поле,
Кръвъ ще леимъ , мила моя майко ле , за Христово име,
Ще прославимъ , мила моя майко ле , христіянска вѣра .
(П. 58).

---

[1])—кувшинъ, кружка, вообще сосудъ для воды.

4. Яничаръ и Руса Драгана.

Разбега сѫ е Влашка - та земя,
Влашка - та земя и Богданска,
И Богданска - та, сичка - та Доброжа,
Кой горе ходи, кой долу бега
Отъ люти Турци, страшни Маджари.
Стари сечеха, млади робеха,
Млади девойки одборъ земаха,
Тà ги правеха млади робини;
И млади момци одборъ земаха,
Тà ги правеха 'се Яничере.
Де - то минуватъ села - та горятъ,
Хора - та робатъ, села - та горятъ.
Преминале сѫ бѣлі - а Дунавъ,
Наредиха сѫ край Етрополе,
Распространиха сини шаторе,
На равно поле делба делеха
Млади девойки и млади момци.
Кому паднаха по две, и по три,
На младъ Яничаръ сѫ е паднала
Салъ [1]) една мома руса Драгана,
Па ѭ заведи подъ бѣли чаджръ.
Кога е било вечер - то кѫсно,
Млади Яничаръ на дворъ седеше,
Погледна долу, погледна горе,
Изъ черня земя синъ огѫнъ гори,
Изъ синьо небо кѫрвавъ дѫжъ вали.
Млади Яничаръ сѫ е уплашилъ,
Тà поизвика руса Драгана,
И на Драгана жално думаше:
«Мори Драгано, моя робиньо!
Що ще тà питамъ право да кажишъ.
Имашъ ли братецъ, имашъ ли сестра,

---

[1])=нарѣч., только, единственно.

Имашъ ли баща, имашъ ли майка?›
А Драгана му со гласъ продума:
‹Имамъ си баща, имамъ си майка,
Имамъ си братецъ, имамъ си сестра.› —
‹Кѫде е братъ ти, и той ли е поробенъ?»
Драгана му жально отговаря:
«Кога додоха въ Влашка-та земя
Турци избиха младѝ Бѫлгарѝ;
И братъ ми бѣше во тая войска;
А сега тридесетъ години,
Ка сѫмъ азъ братецъ не видела.» —
‹Мори Драгано, моя робиньо!
Ако го видишъ, познавашъ ли го?›
‹Я да го видамъ, си го познавамъ
По клета глава, по ѣдри гѫрди.›
А Яничаръ Драгана питаше:
«Що има на братина глава?› —
‹Братъ ми има отъ сабя бѣлекъ,
Че е посеченъ на люта войска.»
А Яничаринъ Драгана пита:
‹Що има братъ ти на ѣдри гѫрди?› —
«Братъ ми си има на гѫрди бѣлекъ,
Со стрела раненъ во люта войска.›
Па раствори Яничаръ гѫрди-те
Бѣли-те грѫди, клета-та коса;
А на Драгана жално думаше:
«Я стани, сестро, дома да идемъ,
Дома да идемъ, мама да видимъ.» (П. 87.)

5. Янкулова смѫртъ.

Янкула, младъ Янкула,
Янкула Влашка Войвода!
Янкула коня хранеше,
Во тая града Солуна,

На Солунски - те ме'ани [1])
Съ ситна слама оризова [2]).
Янкула коня поеше
Съ Негошко вино, Благушко.
Янкула коня зобеше
Со големерска пченица.
Янкула коня ковеше
На Солунски налбанти [3]),
На налбанти сѣ молеше:
«Ей налбанти мили брате!
Харно ми коня ковайте,
Карагрошъ плочи [4]) клавайте,
Алтани [5]) клинци редейте.»
Янкула седло кроеше,
На Солунски - те сарачи [6])
Отъ чиста свита камуха.
Янкула узда правеше,
Карагрошови лееше
На солунски - те златари.
Коня оружи, престегна;
Коня му веле, говоре:
«Що ме на тимаръ [7]) удирашъ?
Даль ке ме мене продадишъ?
Или ме менка учинишъ
За друга коня похарна?»
Янкула веле, говоре:
«Ей ти коню, мой дрогару!
Нито те, коню, продавамъ,
Ни те, коню, разменувамъ;
Дошло писмо отъ Влашка ная,
Да си пойдамъ на Косово
Косово поле широко;

---

[1]) механа—корчма. [2]) оризовъ—рисовый. [3]) налбанта—кузнецъ. [4]) плоча—доска, плита, подкова. [5])—цекинъ, дукатъ. [6]) сарачъ—сѣдельный мастеръ. [7])—скребница, збруя, конское украшеніе.

Настанала турска ордя,
Турска ордя, силна войска,
Ке си пойдамъ дури тамо.
Вахна коня и кинисa,
Пойде на поле Косово,
Тà влезе въ турска ордiа,
Тà извади остра сабя,
Тà си фати да си сече.
Какъ влезе въ стреде ордiа,
Пушка пукна, Янко падна.
Коня застана надъ него,
Коня диванъ [1]) да му чине;
Съ гриба му сенка чинеше,
Съ опашка мухи бранеше,
Емъ дробни сълзи ронеше,
Там' и она до нег' падна
До нег' падна душа даде. (П. 97).

6. Марко и Мурат-бегъ.

Личба личитъ [2]) цара Мурат-бега—
Кой є Турчинъ вино да не пiетъ,
А кауринъ зелено да не носитъ.—
'Си-те ми го цара послушале,
Не послуша Марко Кралевике;
Тукъ ми носитъ зелена долама,
И со сила Турци натерало,
Да пiєетъ вино во рамазанъ.
Ми дочуло цара Муратъ-бега,
Що ми кладе три млади теляли.
Личба личитъ низъ града Стамбола:
«Кой є юнакъ отъ юнака роденъ,
Да го фатитъ Марка Кралевике,

---

[1]) диванъ=сенатъ, совѣтъ, разговоръ. [2]) личба=обнародованiе, провозглашенiе; личба личитъ=издаетъ указъ, повелѣнiе.

Ке му да'амъ голема пещежа:
Сконие града по край тi'окъ Вардаръ,
И Едрене широки калдарми [1].»
Никой ми сѣ юнакъ не наймило,
Да го фатитъ Марко Кралевике;
Наймала сѫ цѫрна Арапина,
Да го фатитъ Марка Кралевике,
Али Марка живо да донеситъ,
Али Марка, али Марко'а гла'а.
И си явна на коня бѫрзего,
И ми шетатъ низъ града Стамбола,
Ми затералъ [2]) Гѫрци, Арменiи,
Да го баратъ Марко Кралевике.
Марко седитъ на ладна ме'ана,
Ядитъ, пiетъ, баре гайле [3]) нематъ.
Ми дочуло голема потера [4]),
И си стана на нога юначка,
Си го найде цѫрна Арапина!
Тога рече Марко Кралевике:
«А егиди цѫрна Арапина!
Що е ова голема потера?
Аль нещо сакашъ, аль некого барашъ [5])?»
И му рече цѫрна Арапина:
«Ясъ го барамъ Марка Кралевике,
Али него живо да то фатамъ,
Аль него'а гла'а да му земамъ.»
Тога велитъ Марко Кралевике:
«Богъ те убилъ, цѫрна Арапино!
Съ Марка зборвишъ, Марка не познаашъ!»
Тѫргна сабя му пресече гла'а,
И му зеде негоа-та коня,
Ми отиде у цара Мурат-бега,

---

[1])=вымощеная улица, дорога. [2])=бросился, устремился. [3])=забота. [4])=погоня, преслѣдованiе. [5]) *сакамъ* и *барамъ* зн. ищу кого или что.

И му рече Марко Кралевике:
«А егиди цара Мурат-бега!
Чія гла'а ти ми ж бараше,
Аль Марко'а, аль отъ Арапина?»
Тога рече цара Муратъ-бега:
«Айти тебе Марко Кралевике!
Какъ си чинилъ, Марко, пакъ да чинишъ,
Никой тебе да те не запиратъ.»
И му даде голема пещежа:
Скопю града по край ті'окъ Вардаръ,
А Едрене широки сокаци [1]). (П. 125).

7. Сирма Войводка.

Дека сѣ чуло видело,
Мома Войвода да бидитъ—
На седамдесетъ сеймени [2])
На тія гори зелени,
На тія води студени?
Мома имъ веле говоре:
«Това сосъ людба не биватъ,
Това сосъ сраждба не биватъ!
Земайте пѫрстенъ отъ рѫка,
Вѫрзейте пѫрстенъ на бука,
Фѫрлейте редомъ на нишанъ [3]);
Кой ке ударитъ пѫрстен-атъ,
Той ке си бидетъ Войвода
И мене ке ме кердосатъ.»
'Си-те фѫрля'а со редомъ,
Никой ми пѫрстенъ не удри.
Мома си веле, говоре:
«Подай ми, чаушъ [4]), пушка-тà!
Пушка-та пукна отъ рѫка,

---

[1])=тур., улица. [2])=солдатъ турецкій. [3])=цѣль при стрѣльбѣ, знакъ. [4])=тѣлохранитель.

Падна ми пжрстенъ отъ бука.
Пакъ мома веле, говоре:
«Земайте каменъ фжрлейте,
Кой ке ме мене натфжрлитъ,
Той мене нека кердосатъ,
Той младъ Войвода да бидетъ!»
'Си-те ми съ редомъ фжрля'а,
Никой съ каменъ не натфжрли;
Сирма ми каменъ натфжрли
Десетъ чекори [1]) потамо;
И седамдесетъ дружина
Одбра'а Сирма Войвода. (П. 212).

8.

Садила мома край море лозѥ,
Лозѥ ми садитъ и песма пеитъ:
«Хай лозѥ, лозѥ, 'се бѣло грозѥ!
Аль да те садамъ, кой ке те ядитъ;
И ясъ си немамъ нигде никого,
Ни татка имамъ, ни майка имамъ,
Ни брата имамъ, ни мила сестра;
Сжде си имамъ пжрва-та любовъ,
И тоа ми ушло пуста чужина,
Пуста чужина, Арапска земя,
Ми залюбила цжрна Арапка,
Арапка иматъ цжрно Арапче. (П. 294).

9.

Момкова майка изъ домъ излезла,
Изъ домъ излезла, снаха да тражи;
Много тражила и намерила,
Где мома цвеке у китка бере:
«Защо ти, моме, та китка цвеке?

---

[1])=шагъ.

Дали за тебе, дали за либе?» —
«О чужа майко, азъ либе немамъ,
Но салтъ за мене, да ми мирише.» —
«А щешъ ли, моме, да те азъ земамъ
За мого сина, за Костадина?
У него бахча хубава има,
И цвеке има да ми мирише.» —
«О чужа майко, що мене питашъ?
Азъ баща имамъ, ти него питай,
Азъ майка имамъ, ти неа питай;
Гдѣ-то ме дадатъ, я сѫмъ готова. (П. 327).

10.

Заранъ ще ме рано на пѫтъ да идеме,
Презъ гора-та въ село мома да годиме.
Но послушай, синко, що ща да ти кажемъ:
Помни коги влезнешъ у мѫщтини двори,
Да не гледашъ кѫща дали ѥ голема,
Но ти гледай, синко, даль ѥ пометена;
И не гледай дрехи, ако мома има,
Обеци и венци, шити рѫкаве;
Това все не струва салъ неколко гроши;
Но ти гледай паметъ, ако она иматъ,
Защ' това ѥ, синко, голѣмо иманѥ,
Голѣмо иманѥ безъ довѫршуванѥ. (П. 328).

11.

«Девойко, девойко, цѫрвено яболко!
Изгорефъ за тебе, како ленъ за вода,
Босильокъ за сенка, двундзуле за леса,
Каленферъ за роса, Турчинъ за кокошка,
Турчинъ за кокошка, юнакъ за девойка.» —
«Гори лудо, гори, ай да би изгорелъ,
И я така горамъ, немамъ що да чинамъ.
Матко не ме да'атъ, майка не оста'атъ,

Оти куки немашъ, високи чардаки,
Шарени одаи, 'уба'и джамо'и [1]).» —
«Девойко, девойко, ти куkя не гледай,
Ти кукя не гледай, тук' гледай юнака.
Ясъ ке си откупамъ до двесте майстори,
Та̀ ке си напра'амъ високи чардаци,
Шарени одаи, 'уба'и джамо'и.» (П. 423).

12.

Вила сѣ ѥ бѣла лоза,
Около града Будима;
Не ѥ била бѣла лоза,
Ток' си биле до две луди,
До две луди, до две драги;
Едно-то цървенъ карафилъ [2]),
А друго-то бѣла ружа;
Мегю себе си зборуватъ,
Они две да сѣ разделятъ.
Тогай веле бѣла ружа:
«Остан' съ богомъ ти карафилъ!
Ке пойдамъ въ гора зелена.»
Тогай веле карафиль-отъ:
«Оди съдравѥ, бѣла ружо!
Ти да знаишъ, да паметвашъ,
Емъ и да си имашъ на умъ,
Ка ке пойдишъ во гора-та,
Тамо има извиръ вода,
Извиръ вода 'се студена,
Во извор-отъ до две груди
До две груди снегови.
Ка сѣ леятъ до две груди,
До две груди снегови,

---

[1])=стекла. [2])=гвоздика.

Такъ ке сѣ леятъ момини - те
Момини - те пазухи ;
Така душа ке сѣ леитъ
Моя душа по тебе .» (П. 437).

Нѣсколько болгарскихъ пѣсенъ, преимущественно женскихъ, впервые напечаталъ Вукъ Караджичъ въ своей „Песнарици Сербске“ (Вѣна, 1815) и въ своемъ „Додатку к С. Петерб. сравнит. рјечницима“ (Вѣна, 1822). Небольшіе сборники болгарскихъ народныхъ пѣсенъ—Богоева (Пестъ, 1842), Іовановича (Бѣлградъ, 1851) и Славейкова (С.-Петербургъ, 1855). Болгарскія пѣсни печатались въ болгарскихъ журналахъ, каковы напр. „Цареградскій Вѣстникъ“, „Болгарскія книжицы“, „Періодическое списаніе“ и т. д., также въ хорватскомъ журналѣ „Kolo“, въ „Москвитянинѣ 1845 г... Первый большой сборникъ изданъ П. Безсоновымъ: „Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ болгаръ“ (М. 1855); къ этому сборнику онъ присоединилъ изслѣдованіе сербскаго и болгарскаго эпоса и изученіе болгарскаго языка. Въ 1860 г. въ Бѣлградѣ Стеф. Верковичъ издалъ „Народне песме македонски Бугара, кн. I. Женске песме.“ Самый богатый сборникъ болгарскихъ пѣсенъ издали братья Миладиновы „Бѫгарски народни пѣсни“, Загребъ, 1861. Миладиновы дѣлятъ пѣсни на самовильскія, церковныя, юнацкія, овчарскія (пастушьи), жалобныя, смѣшныя, любовныя, свадебныя, лазарскія и жатвенныя (Предисл. VI). Но существеннымъ образомъ болгарскія пѣсни, какъ и сербскія, дѣлятся на пѣсни женскія (пѣсни личнаго чувства и обрядовыя) и пѣсни мужскія (эпосъ). „Народная поэзія Болгаръ вообще представляетъ много общаго съ поэзіей сербской. Тотъже основной складъ быта, сходство исторической судьбы, сближавшей оба народа въ одинаковыхъ обстоятельствахъ и потомъ подъ однимъ игомъ, тѣже общія черты мѣстной природы отзываются и общимъ тономъ, а часто и общимъ содержаніемъ ихъ народной поэзіи. Племенное различіе обнаруживается въ частныхъ. подробностяхъ народной поэзіи, до сихъ поръ впрочемъ мало опредѣленныхъ. Болгарскія пѣсни достигаютъ иногда по своимъ мотивамъ замѣчательной древности, и исторія славянскаго обычая и древняго быта еще найдетъ въ нихъ много любопытнаго матеріала“ (Исторія слав. литературъ“, Пыпина и Спасовича, изд. 2-е, т. I, Спб. 1879 г., стр. 130).

Характеристика современнаго болгарскаго языка.

Отличительныя особенности современнаго болгарскаго языка, сравнительно съ древнимъ церковно-славянскимъ [1]), суть слѣдующія:

А) Относительно звуковъ:

1) Смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ слоговъ, выражаемое одинаковымъ произношеніемъ *ъ* и *ь*, *ы* и *и*, — слышится ни тотъ, ни другой, а какъ бы средній звукъ. Однако, есть и мягкіе, напр. юнакъ, ключь, поясъ, снѣгъ, мѣра, бѣлъ (по восточному произношенію снягъ, мяра, бялъ).

2) Начертаніе ѫ произносится какъ ъ или краткое *а* [2]):

---

[1]) Древній церковно-славянскій языкъ служитъ исходнымъ пунктомъ и критеріемъ при характеристикѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій.

[2]) Правописаніе у болгаръ вообще не установилось еще: нѣкоторые писатели совсѣмъ не употребляютъ начертаніе ѫ, ставя на соотвѣтствующихъ мѣстахъ *ъ* и *а*; другіе же начертаніе ѫ употребляютъ даже вм. ъ и ь (Сборн. пѣсенъ бр. Миладиновыхъ: бѫрза, цѫрни, дѫржишъ, вѫрфъ=врьхъ, вѫрзамъ, кѫрстиле и т. д. Пѣсн. 1 и 2). Въ послѣднее время любопытную попытку установить правописаніе для болгарскаго литературнаго языка предложилъ проф. Дриновъ въ своихъ статьяхъ о новоболгарской азбукѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ Болгарскаго литературнаго общества „Периодическо Списаніе на Българското Книжовно Дружество,“ кн. II, IX—X, XI—XII; измѣненія, которыя проф. Дриновъ считаетъ нужнымъ сдѣлать въ болгарскомъ правописаніи, приняты почти всѣми болгарскими писателями. Вотъ эти измѣненія: 1) *ѕ* отбрасывается; 2) ѧ замѣняется чрезъ *е*; 3) ѥ отбрасывается; 4) *ы* замѣняется чрезъ *и*; 5) *і* также замѣняется чрезъ *и*; 6) ь въ срединѣ словъ, гдѣ звукъ смѣшался съ звукомъ ъ, замѣняется послѣднею буквой. Такимъ образомъ новоболгарская азбука состоитъ изъ слѣдующихъ буквъ: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ь, ѣ, ю, я, ѫ, ѭ (см.

мжжъ—мажъ, ржка—ръка, зжбъ—забъ, пжто—пъто; ѧ произносится какъ *е*: месо, редъ, жело, време, говедо, петъ, десетъ.

3) *ѣ* произносится двояко: въ восточной Болгаріи какъ *я*, въ западной какъ долгое *е*: бялъ, беелъ; иногда выражаетъ простое краткое *е*: венецъ; иногда *ѣ* употребляется вм. *а*: чѣсъ, трѣва.

4) Зубные *д* и *т* смягчаются, по древнеславянски, въ *жд* и *шт*.

5) Губные смягчаются безъ посредства *л*: земя, ловя (=ловлѭ), спа (=сплѭ).

6) Нѣкоторые согласные выпускаются,—чаще всего *в*: сички, довица, земамъ, ода или јода; не'ѣста, гоздь, дигамъ, стори и т. д., также—*д*: клаишъ (=кладешь); *л*: невоя (=неволя); *т*: господьсво, юнасво; *х*: 'уба'а (=хубава, красивая), ду'о'и (=духови).

7) *хв* замѣняется чрезъ *ф* или *в*: фала, волвъ; *в* и *м* чередуются: тавница, рамна, мнукъ.

8) Употребляется перестановка звуковъ: старна или стжрна (=страна), гардина (=градина), джрво (=дрѣво, дерево).

Б) Относительно грамматическихъ формъ:

1) Двойственнаго числа нѣтъ.

2) Употребляется членъ, который ставится *послѣ* существительныхъ и прилагательныхъ именъ: мжжъ-тъ, учитель-тъ, жена-та, око-то, дѣте-то, мжже-те, гори-те, дѣца-та; ъ и ь въ окончаніяхъ именъ существительныхъ съ членомъ произносятся какъ *а* и *я* (въ восточной Болгаріи) или *о* и *е* (въ западной): човѣка-тъ, учителя-тъ; човѣко-тъ, учителе-тъ. Въ прилагательныхъ и существительныхъ на *и* предъ членомъ вставляется *а* или *я* (въ восточной Болгаріи), или *о* и *е* (въ западной): добри-а-тъ, кравай-я-тъ, добри-о-тъ, славей-е-тъ.

3) Что касается склоненія именъ, то оно остается, кромѣ

критическую статью П. Сырку въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1882, августъ, стр. 366).

нѣкоторыхъ случайныхъ исключеній, въ очень жалкихъ остаткахъ. Вообще говоря, падежей нѣтъ, и на помощь являются предлоги: *на* для род., дат. и мѣстнаго, *със* для творительнаго. Самый имен. п. слился въ употребленіи съ звательнымъ: Драганъ и Драгане, Стояне, мѫжо. Нѣкоторыя слова не имѣютъ иной формы кромѣ звательной: дѣдо. Имен. п. множ. ч. оканчивается на *и*, *ове* и въ среднемъ родѣ на *а*: зѫби, сынове, волове, добри, книги, агнета, бремета.

4) Всего болѣе остатковъ склоненія сохранилось въ мѣстоименіяхъ. 1 и 2 л. ед. ч. *имен. п.* азъ, азе, я,—ти, тизи; *дат.* менѣ, ми,—тебѣ, ти; *вин.* мене, ме или ма,—тебе, те или та. Множ. ч. *им.* ние,—вие, *дат.* намъ, ни,—вамъ, ви; *вин.* насъ, ни, назе,—васъ, ви, вазе. 3 л. *им.* той, тая, тое; *дат.* нему, му, неи, и; *вин.* него, го, нея, я. Множ. ч. *им.* тие, те; *дат.* тѣмъ; *вин.* тѣхъ. Возвр. себе, са, си.

5) Сравнительная степень образуется приставкою *по*, превосходная—прист. *най*: по-добръ, най—добръ.

6) Въ спряженіяхъ сохраняется настоящее время: бода, хода, лѣя, стоя, купувамъ, дѣламъ; бодешъ, ходишъ, лѣешъ, стоишъ, купувашъ, дѣлашъ; боде, ходи, лѣе, стои, купува, дѣла. Мн. ч.: бодемъ, ходимъ, лѣемъ, стоимъ, купуваме, дѣламе; бодете, ходите, лѣете, стоите, купувате, дѣлате; бодатъ, ходатъ, лѣятъ, стоятъ, купуватъ, дѣлатъ.

7) Употребляются два прошедшихъ простыхъ: плетохъ, плете, и—плетехъ, плетеше. Множ. ч.: плетехме, плетехте, плетеха. Окончаніе *ха* (хѫ) употребляется одинаково для того и другаго прошедшаго.

8) Употребляется сложное будущее — изъ неизмѣняемаго *ще* (=хощѫ) и главнаго глагола, измѣняющагося по лицамъ: ще дѣла, ще дѣлашъ и т. д. Или измѣняется *ще*, а глаголъ остается неизмѣняемымъ — въ видѣ основы (такъ какъ неопредѣленнаго наклоненія на *ти* у болгаръ нѣтъ): писа щемъ, писа щешъ, ще; писа щеме, щете, щетъ. Эта вторая форма употребляется у сербовъ: писаћу, писаћеш и т. д.

9) Есть повелительное наклоненіе: пиши, дѣлай, пишѣте, дѣлайте. Кромѣ этой обычной, есть еще особенная форма—

съ помощію глагола *дѣти*, всегда впрочемъ съ отрицаніемъ: не дѣй да пишешъ.

10) Формы причастія и, какъ сказано, неопредѣленнаго наклоненія на *ти* нѣтъ.

11) Предлоги любятъ удвоеніе, а нарѣчія—приставки: със, кък, към; отдекато (=откуда) и т. д.

Такимъ образомъ, новый болгарскій языкъ представляетъ сильный упадокъ формъ звуковыхъ и грамматическихъ. Но и словарь болгарскій также весьма сильно измѣнился. Болгары изъ всѣхъ славянъ были ближайшими сосѣдями турокъ и грековъ, и когда тѣ и другіе господствовали надъ ними съ полнымъ униженіемъ болгарской народности, въ болгарскій языкъ вошло множество словъ турецкихъ и греческихъ, которыя странно пестрятъ славянскую основу. Встрѣчаются также слова албанскія, румынскія, венгерскія и др. Новый болгарскій языкъ распадается на два главныхъ нарѣчія: восточное или собственно болгарское, и западное (македонское). Македонское нарѣчіе сохранило больше древности, напр. носовые звуки (въ мѣстныхъ говорахъ), флексію падежей, архаическіе остатки въ словарѣ.... Зубные *д* и *т* въ македонскомъ нарѣчіи смягчаются непосредственно: слышится *д* мягкое или *г*,—а вм. *шт*—мягкое *к*: мегю или медьу (=междоу), ке (=ште или ще, отъ глаг. хощѫ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЯЗЫКЪ СЕРБО-ХОРВАТСКІЙ.

А) Образцы языка изъ памятниковъ древней сербской письменности.

1. Изъ житія Св. Симеона, написан. королемъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ.

(По изд. П. I. Шафарика).

Тѣмь же, ѡ господѣ богѣ светителиѥ, иѥрарьси, иѥреи же и чрьноризьци, любимици же и братиꙗ моꙗ, азь скажоу вамь, недостоины грѣшьны и оунилаи бывь прѣдь ѡшьствиѥмь ѥго, рождены имь паче же и вьспитаны имь, стефань, сего светаго господи своего рождьство и житиѥ и добродѣтели. Аще и несоущоу ми тьгда ни помнещоу бывьшихь ѥже ѡ рождьствѣ ѥго, нь слышаниѥмь ми слышещоу, ѥже бывьшоу великоу метежоу вь странѣ сеи срьпьскыѥ земьлѥ и диѡклитиѥ и дальмациѥ и травоуниѥ, и ѡземльствованоу соущоу родителю ѥго ѡть братиѥ своѥ завистию диꙗволѥю, ѡни же изьшьдь ѡть крамоли ихь вь мѣсто рождениꙗ своего рекомое диѡклитиꙗ, и изволѥниѥмь божиѥмь и прѣчистыѥ ѥго матере роди и сего светаго ѡтрока, хотещаго быти божиѥмь промысломь сьвькоупителꙗ погыбьшимь странамь ѡтьчьствиꙗ ѥго, пастыра же и оучителꙗ, паче же и погыбьшимь обновителꙗ, на мѣстѣ рекомѣмь рыбница. оу храмоу соущимь вь земли тои и латиньскымь иѥреѡмь, изволениѥм же бо жиѥмь

сподоби се и латиньское приюети крьщениие. възвращьшоу же се штцоу юего на стольноје мѣсто, и паки сподоби се вьторою крьщениие приюети шть роукы светителѩ и архиюерѣѩ посрѣдѣ срьпьскыје земле, оу светыю и оу вьсеславныю и врьховнию апостолоу петра и павла. послѣдьствоуе владыцѣ своюемоу пастироу христоу, ѩкоже писаниие вѣщаюеть: ѩко шбою сьсцоу млѣко сьсаль юеси, рекше ветьхаго же и новаго закона сьврьшаје. питаюшоу же юемоу вь благовѣрьныю и богоубьстивоу родителю юего, вьзираста же родителѩ юего на штроуе, невѣдоуща божние таини и милосрьдиѩ поучины, хотещеје бытн на неемь, ѩкоже царствовати юемоу земльними и вь небесныхь вьдварати се сь ангелы.——

Пришьдьшоу же юединомоу шть правовѣрныихь конинь юего, и поклонь колѣнѣ свои сь оуминленнюемь и смѣрениюемь многомь, глаголаше юемоу: господи, азь юединь шть хоуждьшихь слоужещихь ти мьнн юесмь, и видѣвь срьдобольство твою, юеже кь владыцѣ твоюемоу господоу ісоус христоу, и кь прѣчистѣи владычици богородици, и кь снмь светымь оугодьникомь юею, поборьникомь твоимь, иже крѣпькою дланию подьдрьжеть власть твою невредимоу, дрьзноухь вьзвѣстити држави твоюен, юеже нелюбещаѩ ти вѣра и трьклетаѩ юересь юже оукорѣнѩюеть се вь владычьстви твоюемь." си же прѣподобны светы мои господинь, ни мали заквсиѣвь, скоро призвавь своюего архиюереѩ, юебьонимиѩ глаголема, и чрьньце сь игоумени своими, и чьстныје иереје, старьце же и вельмоуже своје, шть мала и до велика ихь, глаголаше светителю и чрьньцемь соущимь и вьсѣмь сьбраныимь с ними: приидѣте и видѣте, шьци и братиѩ, юеже аще и хоуждьши юесьмь шть братиюе своюеје, нь господь богь и прѣчистаѩ владычица богородица мати юего незри на лице чловѣче, нь сподоби мене хоуждьшаго, вѣроующа вь юединосоущьноую нераздѣлимоую троицоу, сьблюдати сиюе прѣданоюе ми нынѣ стадо, юеже и видите нынѩ, ѩко невьсхѩти се плѣвелоу злокьзньнаго и неприѩзньнаго диѩвола. и никакоже мнѣти ми, юеже быти томоу вь шбласти моюеи, юже бо нынѩ слышоу вькорѣнивьшоу се вь малѣ злокьзньномоу, и хоулоу приносеща на светы

доухь, и раздѣлꙗюща недѣлимое божьство, ѥже глаголаше беꙁоумны арии, прѣсѣкаѥ ѥдиносоущьноу троицоу. ѥже прорекьше светии богоносии ѡтьци: кто ти, спасе, риꙁы раꙁдра? арии, рече, беꙁоумьны, иже троицоу прѣсѣче. тѣмь же и си беꙁоумьнии послѣдоуѥть того оученню, невѣдоуще ѡканнии, ꙗкоже синти ньмь вѣровавьшимь и сь онѣмь трьклетымь вь дно адовьь скровиць. си же глаголюштоу светомоу семоу, и распри велицѣ бывьши, прииде дьщи ѥдиного вельможь ѥго правовѣрьныхь, ѡброучена бывьши ꙁа моужь ѡть кривовѣрныхь тѣхь, и соуши кь нихь и сьблюдши нечистыѥ мрьꙁости ихь, и ни мали прикосноувьши се вѣрѣ ихь, и припадши кь ногама светомоу исповѣдаше ꙗсно, глаголющи ѥмоу: господи, господи мои, се ѥже виждоу стеꙁающоу се владычьствию твоѥмоу ѡ вещи сеи, мрьꙁкыѥ и неприꙗꙁниньныѥ вѣры, истиною, господи мои, испрошена бьхь по ꙁаконоу брачьномоу ѡть отьца моѥго, раба твоѥго, имещоу ѥдиновѣрьство соущоу владычьствию твоѥмоу, и вѣхь оу ꙁаконопрѣстоупьныхь тѣхь, и видѣхь истиною, господи, слоужеще ихь отпадьшоумоу славы божиѥ самомоу сотонѣ. и немогоущи трьпѣти смрада глоухихь коумирь и мрьꙁкыѥ ѥреси, истрьгьши се иꙁь роукы ихь и прѣбѣгьши, вьпию дрьжавѣ твоѥи, пораꙁи крьстомь бороущихь се с нами, да навыкьноуть нечьстиви враꙁи, како можеть вѣра твоꙗ, господи. светыи же иꙁьведь сию прѣдь сьборь свои, сьбраны на ѥресь тоу лоукавоую, иꙁьѡбличивь кривовѣриѥ ихь, и сьбесѣдовавь се сь светителѥмь се, ѥвьфимиѥмь, и сь чьстьными чрьньци, и сь вельможами своими, и ни мали ꙁакьснѣвь, посла на ниѥ, вьѡроуживь ѡть славьныхь своихъ, глаголе: ревноуѥ поревновахъ по господѣ боꙁѣ вьседрьжители. ꙗкоже иногда пророкь илиꙗ, на бестоудьниѥ иѥреѥ вьставь, и ѡбличи беꙁбожьствыѥ ихь, и ѡвыихъ иждеже, и дроугыхь каꙁньми раꙁличьными покаꙁа, иныхь ѡꙁемльствии ѡть владычьствиꙗ своѥго, и домове ихь и имѣниꙗ ихь вьсе сьвькоупивь, раꙁда ꙗ прокаженьнымь и нищиимь. оучителю же и начальникоу ихь ѥꙁыкь оурѣꙁа оу грьтани ѥго, не исповѣдающи христа сына божиꙗ, и книгы ѥго нечьстивыиѥ иждегь, и того вь иꙁьгнаниѥ сьтвори, ꙁапрѣщь неисповѣдати

ни поменовати ѡтьноудь трьклетаго имене. и ѡтьноудь искорѣнини проклетоую тоу вѣроу, ꙗкоже ни помѣновати се ѥи ѡтьноудь вь владычьствѣ ѥго, нь славити се ѥдиносоущьнѣи и нераздѣльнѣи и животворещеи троици, ѡтьцоу и сыноу и светомоу доухоу, всегда и нынѣ и присно и вѣкы вѣкомь. аминь.

Житіе Св. Симеона (Стефана Нѣмани, великаго жупана Сербіи съ 1159 до 1195 г., умершаго въ 1200 г. въ Хиландарскомъ монастырѣ), написанное старшимъ его сыномъ королемъ Стефафаномъ Первовѣнчаннымъ (1195—1228 г.), издано П. І. Шафарикомъ въ книгѣ: Památky dřevního písemnictví Iihoslovanův, v Praze, 1851 (2-е изд. v Praze, 1873 г.) по пергаменной рукописи XIII—XIV в. сербскаго правописанія, принадлежавшей нѣкогда Хиландарскому монастырю и находящейся теперь въ Парижской библіотекѣ [1]). Отличительная особенность языка этого памятника—по изданію Шафарика—смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ слоговъ, сказавшееся въ исключительномъ употребленіи ь, и въ употребленіи а вм. ꙗ, и вм. ы и обратно, о вм. є, оу вм. ю и обратно (**пастыра, вьдкарати се, оучинаи, ѿ крамови, таини, сь игоумени, безбожьствныѥ, иерешомь, бороущихь се, ѡтьноудь, ѥже**). По сербскому народному говору смѣшиваются оу и вь: **питающоу же ѥмоу вь благовѣрьныю и богочьстивоу родителю ѥго.** Встрѣчается удвоеніе ь и и: **сиити.. вь дно адовьь скровищь; ѡземльствии, сьтвории, искорѣнии, нечьстивыниѥ.** Удвоенное ь въ древне-сербскихъ рукописяхъ служитъ къ обозначенію род. п. множ. числа и произносилось вѣроятно какъ долгое а, такъ какъ род. п. множ. ч. существительныхъ сербскихъ уже въ глубокой древности (а въ XIV в. несомнѣнно) оканчивался на долгое а. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ удвоенное ь ставится безъ разбору во всѣхъ падежахъ именъ существительныхъ, въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ и въ 3 л. глаголовъ большею частію въ концѣ строки, для наполненія пустаго мѣста (Schaffarik, Serbische Lesekörner, Pesth, 1833, 30).

---

[1]) При изданіи допущены нѣкоторыя отступленія отъ подлинника: раскрыты титла, разставлены знаки препинанія. Также не совсѣмъ согласно съ подлинникомъ издано Шафарикомъ и житіе Св. Симеона, написанное Св. Саввою.

2. Изъ житія Св. Симеона, напис. Св. Саввою.

(По изд. П. I. Шафарика).

Испльнившоу се емоу . лз . — томоу лѣтоу вь дрьжавѣ его, владыка же прѣмилостивыи не прѣзрѣ моленіа его, еже из глоубины срьдьца въздыхаемое, нь ѩко щедрь и троудопріемьць и мьздоподатель вьсѣмь хоте спасти се. приключьшоу бо се времени ѩсно сыи смотрьливыи сыи моужь вьсоу мира сего славоу и чьсть ни вь что же вьмѣни, и красота жизни сее ѩко и дымь моу видима бысть, христова же любы растѣаше вь нѥмь, и разьгарааше срьдце его ѩко храмина емоу оуготована и сьсоудь прѣчисть доуховн его светомоу, нѣкоторимь приложеніемь вь оумь его приложившоу христоу и наставльшомоу и. и тако посласвь сьвькоупи благородноую си дѣтьцоу и вьсе избраные си болѩре, малые и великые. и сьвькоупивь ѥе вь себѣ начеть имь оуче глаголати: чеда моа възлюблѥнаа и вьспитѣнаа мною, се оувѣдѣно бысть вьсѣми вами, како богь своимь промышлѥніемь постави мене владычьствовати надь вами, и вь начелѣ какокоу приѡбрѣтохь прѣѡбидѣноую землю нашоу, и помощію божіею и прѣсветые владычице наше богородице, елико мощь имѣе, не ѡблѣнихь се ни покоа дахь себѣ, дондеже вьса направлю. и богоу поспѣшьствоующоу ми приложихь вь вамь дьлиноу и ширинноу, еже вьсѣмь вѣдомо бысть. вьсѣхь же вась ѩко и свою дѣть вьспитѣхь, даже и до селѣ, и наоучихь вы, како дрьжати се правовѣрные вѣры. мнѡги же иноплеменници вьсташе на ме и обидѡше ме ѩко и нечелы сьть, нь именемь господьнимь противлахь се имь и одолѣхь имь. тѣмь же и вы, чеда моа възлюблѥнаа, не забываите оученіа своего и правовѣрнаго закона мною оуставлієнаго. сіе бо дрьжеще нинѣти хощете бога помощника себѣ и прѣсветоую госпождоу богородицоу. и мою аще и грѣшноу молитвоу. мене же нынѣ ѿтьпоустите, владыкоу своего, сь миромь, да видитѣ очи мои спасеніе, еже есть оуготоваль прѣдь лицемь вьсѣхь свѣта вь ѡтькрьвеніе ѩзыкѡмь и вь славоу вамь, паствѣ мои. виждоу бо,

ѩко вьсе соуєтн улоуьскѡ, елико не прѣбоудеть по сьмрьти. не прѣбоудеть богатьство ни сьнидеть слава, пришьдьнин бо сьмрьть вьса си погоубить. тѣмь вьсоуе метем се. поуть кратькь есть, имже теуемь, дымь есть житїе наше, пара, прьсть и прахь. вь малѣ ѩвлѣет се а вь скорѣ погыбаеть. тѣмь вь истиноу соуєта вьсауьска. житїе бо се сѣнь и сьнь, ибо ни вь уто же метет се вьсакь ѕемльны, ѩкоже рѣше книгы: егда и вьсь мирь приωбрѣщемь, тогда и вь гробь вьселим се, идеже коупно царїе и оубѡѕи. тѣм же, уеда моа любимаа, поустите ме скоро, да идоу видѣти оутѣхы исраилевы. и сими оубѣты оувещавь ихь добры господинь и благы пастырь, симь же вьсѣмь мнѡго рыдающимь и глаголющимь емоу: не ѡстави нась сирь, господи, тобою бо освещении быхѡмь, и тобою наоууени быхѡмь, и тобою просвѣтихѡм се, пастырю добры, полагаеи доушоу свою ѕа ѡвце. и николиже бо вь твое дьни вьсхыщено бысть ѡвуе вълкомь ѡть богапрѣданнаго ти стада пастве. и вь вьсе. ли. лѣть твоихь сьблюдени быхѡмь и вьспитѣни, и иного господа и ѡтьца не поѕнахѡмь раѕвѣ тебе, владыко нашь.——

И это житіе Св. Симеона, написанное младшимъ сыномъ его Св. Саввою, первымъ сербскимъ архіепископомъ (+1237), издано также Шафарикомъ въ его Památk. dřevn. písemn. Jihoslovanuv (по рукописи 1619 г. См. о сей рукописи Шафарика Geschichte der Südslavischen Literatur, III, Prag, 1865, 203—204, N 108). Отрывокъ изъ этой рукописи (л. 89—92) напечатанъ Шафарикомъ въ Serb. Lesekörner, 120—121. Черты правописанія тѣже, что и въ предшествующей рукописи житія Св. Симеона отъ Стефана Первовѣнчаннаго (молениа, уеда. моа вьѕлюбленаа, оууениа, расоу, таковаа неиѕреуеньнаа божїа смотренїа, покоа и т. д., вь. ві. дьны, камикь, вьсоу, ѡтьсоудоу, юже, кь вечерю бывшоу, лежю). Предлогъ вь вм. оу: вьтниша блажены старьць.

3. Изъ Доментіановыхъ житій Св. Симеона и Св. Саввы.

а) По изд. П. І. Шафарика въ Serbische Lesekörner, 1833.

Кь послании дь вьѕвратни се. неуаже вьсоу на господа вьѕложиста родителѣ его рекоуща: господь дасть, господь

вьꙁѣ. ѥко нꙁкоїн сѣ господѥви, тако и висть. боуди имѣ господьнє благословено ѡтьселѣ и до вѣкаа. и вьсписаста ємоу жалостно плачевнаа рекша: аще тако изволи се господеви ѡ тебѣ, чедо наю любимоє, прїиди и тако к нама, да видива твоє богопросвѣщеное лице, и наситива се твоє красніє доброти. и жалости многы растрьгнеши ѡть срьдца наю, и многосльꙁніє источникы оуставиши ѡть оуїю наю. прїидїи, богопослани наю свѣтѣ и небеснаа ꙁарѣ, прошкїи на истовоє слнцѣ христа любителю твоєго, ємоуже иꙁъ млада послѣдовати иꙁволиль єси. прїиди, богомь посланноє намь оутешеніє, прїиди к нама жьꙁлє старости наю, да подопрѣве се тобою ѡ боꙁє, и крѣпость прнемица тобою и послѣдоучева с тобою, любимое чедо, любителю твоємоу христоу. прїиди, радости наю доушевнаа и срьдьчнаа, вь рождаствѣ своємь вьꙁвеселиви наю доухомь светїимь радостию неиꙁреченною, и сьгїи вьꙁвесели на видѣніємь твоє светїе добротїи, ѥко да наꙁрива се аггельскаго ѡбраꙁа носимаго тобою, и твоими светїими молитвами невли сьѡбьщника ти боудѣва вь царьствѣ небеснемь, єгоже тїи иꙁволиль єси искаати, єїє ꙁемльноє царьство ѡставїивь. прїиди, срѣтнучє аггеломь и богомь иꙁбранїи слоуго ѡтьца и сына и светаго доуха, да повеленїємь беꙁначелнаго ѡтьца страшнаго и светаго, и иꙁволенїємь єдинноучедаго сына єго, рождена го ѡтьца прѣжде дьниць и прѣжде битїа небесь и ꙁемлє, и прѣклоншаго беꙁмерніе висоти, и сшьдьшаго на ꙁемлю нашего ради спасенїа, и оутешенїємь и силою прѣсветаго и животворещаго доуха, ѡблечеши и наю вь страхь божїи и соущіє наслѣдїє божїе єже вь твоємь ѡтьчьствѣ, ѥко да и вси оудвориги се сь господемь богомь нашимь, слоужеще ѡтьцоу и сыноу и светомоу доухоу вь бесконачніе вѣкы. — —

б) По изд. Даничича, 1865 г.

О вънъчании благовѣрьнаго кралѥ кирь Стефана прѣосвещенымь кирь Савомь. И призвавь благовѣрьнаго брата своєго прѣвеликаго жоупана кирь Стефана вь великоую архиєпископию рекомоу Житьчоу, вь роукотвореныи ѥмоу манастирь

и по повелѣнию небесьнааго строителꙗ и того благодѣтелꙗ прѣосвещеныи кирь Сава сътвори по обычаю обьноштьное стоꙗние, и обоюдоу прослави прославивьшаага и, овоудоу пѣсньми богогласьными, овоудоу съкроушениемь срьдьчнымь, принесе жрьтвоу юдинь юдиномоу на ольтари доушевьнѣмь, срьдьца съкроушенааго, югоже богь николиже не оуничижаеть. и вь врѣме богоподобьно сътворивь светоую литоурьгию, и по великомь исходѣ светые литоурьгие, приемь светыи вѣньць вь великомь светилишти, и вѣньча благовѣрьнааго брата своюго, и помаза юго доухомь светымь на кралевьство ꙗко звати се юмоу самодрьжавьномоу господиноу кирь Стефаноу кралю, ꙗко да воудоуть вѣньчани богомь вьси трие посовитеꙗние христови, юште вь пльти соуште живи живымь богомь обильною благодѣтию вѣньчани быше, и разлічьными чоудесы прославлени; и не тьчию же имена ихь написана быше на небесехь, нь и образь и подобие юште на земли живѣмь соуштемь написани быше на небесехь по словоу апостола: слоужьшии добрѣ редь себѣ добрыи обрѣтоше, и господоу и светымь аньгеломь юго знаюми быше, и юште вь пльти соуште за правовѣрие ихь вьзлюблени быше богоу и аньгеломь, и вьсѣмь чловѣкомь на оудивлюние быше, три свѣтила свѣдѣтельства божиꙗ истиньнымь богомь вьздвижена на приведение вь богоу своюго отьчьства; трие рачителие прѣсвѣтлые вѣры христовы; трие испльнителие светыихь заповѣдии, и закона юго съкрьшителие; трие юдиномысльноу волю имоуште вь трехь тѣлесехь, вьси юдинодоушьни, юдино мыслеште и на юдино вьзираюште, вьси юдинь поуть живота обрѣтыше; трие тремь вышоу дьнь и нощь подобеште се отьцоу и сыноу и светомоу доухоу; и трие трехь волю сътворьше на земли, отьць сь двѣма чеды вьзлюбленыма, светыи Симеонь сь богоносьнымь кирь Савомь, и сь нимь посовьникь божии кирь Стефань прьвовѣньчаныи краль, волю божию сътворьше на земли, и небесьни граждане ꙗвише се на небесехь; сии же юдинь оть двѣю пльтию младѣнишни светымь же доухомь прьвѣе порождень бысть, и божиею благодѣтию наставлꙗемь, образь божиꙗ повелѣниꙗ показа ро-

дителю своѥмоу, и брата своѥго наоучи вьсемоу боголюбию, и вьсь страхь божии пригвозди вь боголюбивѣи доуши ѥго, и словесьноѥ стадо своѥго отьчьства вьсакомоу благовѣрию наказа, и вьсе вѣньча вь име господьнѥ, ꙗко богь вьсачьскаꙗ испльниѥ благости, и онь вьноу подобе се владыцѣ своѥмоу, недостатькы своѥго отьчьства испльниѥ и любовьнаго брата своѥго вѣньча богодарованою ѥмоу благодѣтию, и вьсоу землю своѥго отьчьства испльни вьсакого благовѣриꙗ и благозакониꙗ, и вьсакоюдѣ оутврьдивь, и тако пребываста вь отьчьствѣ своѥмь о бозѣ добрѣ спѣюште, и вьсе часы дьневьныѥ и ноштьныѥ сь любовию чаюште гласа блаженаго и сладькаго владыкы своѥго позваниꙗ на прѣдьлежештии има поуть, и вьсегда неоусыпьнѣ очи имоуща оумьнѣ и доушевьнѣи о испльнѥнии закона, и о сьхранѥнии заповѣдии божиихь и о прѣданомь има таланьтѣ, готовеште се вьсегьда вь отьвѣштанию цара небесьнаго, и тако спѣюште дроугь дроугоу помагаюште.

Какъ видно изъ многоглаголивыхъ послѣсловій къ обоимъ житіямъ, Доментіанъ, ученикъ Св. Саввы, іеромонахъ Хиландарскій, написалъ житіе Св. Симеона въ Хиландарскомъ монастырѣ, въ 1264 г., а житіе Св. Саввы еще раньше, въ 1243 году, въ Карейскомъ скитѣ или т. н. Типикарницѣ Св. Саввы. П. I. Шафарикъ напечаталъ въ своемъ сочиненіи „Serbische Lesekörner,“ Pesth, 1833, 122—125, два отрывка изъ Доментіанова житія Св. Саввы по рукописи XIV в. (между 1350—1400 г. какъ полагалъ издатель. См. Wien. Iahrb. d. Literatur, 1831, Bd. 53, Anz. Bl. N 133). Но очень можетъ быть, что рукопись эта, писанная на бумагѣ, не ранѣе XV или даже XVI в. какъ полагалъ и Даничичъ (Предисл. къ изд. житій Св. Симеона и Саввы, 1865, стр. VIII—IX). Твердые и мягкіе слоги смѣшиваются, какъ обычно въ сербскихъ рукописяхъ. Смѣшиваются въ употребленіи также **ѣ** и **є**: **рѣкоуща, вьзѣ, сѣ, имѣ, зарѣ, слнцѣ, вьзлѣтевша, оутешеніе, ѡ возе, ѡвещанію, оувелиста, прѣзревша**; о вм. є: **топлотоу, топлаа**; **оу** вм. **вь**: **оудворим се, оузвоудившаа**. Встрѣчается а вм. ь: **вь рождастве, вь бесконачиіє вѣкы, вьпамша** (=**вьньмша**) **вьсь страхь**, и обратно ь вм. а: **дь** (=**да**). Удвоеніе гласныхъ—а, и: **до вѣкаа, немаати, свѣтильникаа, благодателаа,—изволіи, оуставишіи, пріидіи, промысліи...**

Особенности языка этой рукописи исчерпаны въ сочиненіи Шафарика: „Serbische Lesekörner“. Отсюда узнаемъ, что ь вм. а ставится въ рукописи довольно часто: корьвль, сьмь вм. самь, нь=на, дьвь, жьлость, дьрь, ѡть льтниь, брьть и т. д. (Serb. Lesek. 16); вь вм. предл. оу: оу протаѯи вь всѣхь светогорцѣ испроси, оуѕимахоу вь него (стр. 19); часто встрѣчается удвоеніе ь: прѣвиньстьь, помоцьь, домьь, мирьь и т. д. (стр. 30—31); ре вм. же въ словѣ мрѣ, ере (стр. 64). Твор. п. ед. ч. жен. р. на омь: и твоѡмь светою молитвою, сь всомь братиѡмь, саномь (стр. 98). Род. п. прил. и мѣст. на га: велѥга, великога, га (стр. 102). Въ дат. и мѣстн. ед. ж. вм. древнеслав. ѣи встрѣчаемъ окончаніе ои: вь самоѕданном цркви, вь срьбском ѕемли, вь светои софіи и т. д. (стр. 102), а также въ мѣстн. ед. муж. омь вм. ѣмь: на родѣ ѵлоѣѵьском (стр. 103). 3-е л. наст. и буд. безъ флексіи ть: трѣбоуи, има, никто да не оулѣзѣ, да ми свети архиепискова, е (стр. 106). 1-е л. множ. на мо: оудасмо, боудемо, да прѣнотиимо (стр. 107).

Даничичъ напечаталъ въ Бѣлградѣ, 1865 г., житія Св. Симеона и Св. Саввы по рукописи XVI в. Вѣнской Импер. библіотеки N 57. Но Даничичъ исправилъ языкъ этой рукописи примѣнительно ко времени Доментіана, т.-е. къ XIII вѣку и такимъ образомъ совершенно сгладилъ всѣ любопытныя и характерныя особенности языка этого памятника. Какъ видно изъ перечня исправленій, сдѣланныхъ ученымъ издателемъ (Предисл, стр. XI—XVII), въ рукописи часто стоитъ оу вм. вь и обратно вь вм. оу; довольно часто по народному выговору встрѣчается а вм. ь: пришастким, юношаска, масть, подобань, богатаство, мрамь, са, патриарахь и т. д. и обратно ь вм. а: вьсь=вась, дь=да, неѕькьсьньно, ть=та, вьтонедоу, пьииаѵе, ѵьюште и т. д.; въ срединѣ слова ь часто опускается; по народному выговору вм. древнеслав. жд употреблено г (=ђ): потроугеніе; весьма часто смѣшиваются ѣ и е; послѣ ѵ и ж часто въ рукописи ю вм. оу: ѵюдо, жюпань (какъ въ древнерус. языкѣ); вм. ю употребляется часто простое е; и и ы часто стоятъ одно вм. другаго; гласн. а удвояется: наароды, паанѣ и т. д. [1]). Вмѣсто полнаго окончанія аахь въ прош.

[1]) Издатель вм. ї и ѡ печаталъ вездѣ и и о; вм. ѵ, ѱ, ѿ—оу, шт, оть; вмѣсто ѵ—и и в, гдѣ что слѣдуетъ; вмѣсто гг—ньг; вмѣсто ѯ, ѱ, ѳ—кс, пс, т.

несов., и вм. оконч. аго, ии, ыихъ въ прилаг. въ рукописи часто стоятъ стяженныя формы ахь, аго, и, ыхь; въ рукописи 3-е л. ед. наст. встрѣчается безъ флексіи ть: свети (издатель исправилъ: светить); встрѣчается ѥа вм. ѥго, моу вм. ѥмоу; сам вм. ѥсмь и т. д. Такимъ образомъ Даничичева рукопись житій Св. Симеона и Св. Саввы по языку очень сходна съ рукописью, которую имѣлъ въ рукахъ Шафарикъ при составленіи своихъ „Serbische Lesekörner.“ Не излишне здѣсь замѣтить, что рукописи представляютъ цѣлыхъ три редакціи Доментіановыхъ житій Св. Симеона и Св. Саввы. Напечатанныя Шафарикомъ въ Serb. Lesekörn. и Даничичемъ въ 1865 г. представляютъ первую редакцію или подлинное произведеніе Доментіана; вторая редакція есть переработка первой, сдѣланная въ XIV в., и содержитъ только житіе Св. Саввы (напечатана Даничичемъ въ Бѣлградѣ, 1860). Третья редакція, представляющая сокращеніе второй, содержится въ рукописи XV—XVI в. Одесской университетской библіотеки N 34 (см. о сей рукописи замѣтку Я. Шафарика въ Гласникѣ, XXVIII, 1870, 363—365).

4. Изъ Даніиловыхъ житій королей и архіепископовъ сербскихъ.

(По изд. Даничича, 1866).

Изъ житія короля Драгутина.

И сицевыѥ глаголы вѣштавь, и тако вь ть часъ посла слы своѥ кь братоу своѥмоу младѣншемоу Милоутиноу глаголѥ ѥмоу: скоро сьтвори шьствиѥ кь мнѣ, ꙗко велики таины вѣштаниѥ имѣю сь тобою. онь же паче (ꙗко) слышавь о таковои болѣзни ѥго, тьштьно иде кь нѥмоу. и пришьдьшоу ѥмоу кь мѣсто глаголѥмоѥ Дѣжево вь области жоупы рашьскыѥ, и тоу велико рыданиѥ и плачь сьтвори надь братомь своимь. и глагола ѥмоу благочьстивыи (и христолюбивыи) краль Стефань: любимыи мои брате, се оубо видиши, ꙗкоже сьтворихь, вьздасть ми се; да кь семоу оубо прочеѥ не имамь владычьствовати на прѣстолѣ семь, иже вьзехь силою родителю моѥмоу; нь по сихь аще прѣбоудоу на прѣстолѣ семь кралѥвьствоуѥ, тѣло моѥ лютыими казньми неисповѣдимыими имѣѥть искоушено быти оть господа. по дѣломь бо

мониꙗ ꙗко сътворихь вьса сиꙗ имоуть приити на ме. по-
мышлꙗю бо како вь вѣкы царьства боудоуштаго отьпадохь,
вьсхотѣвь маловрѣменьнѣи славѣ. болѣꙁнь бо ꙗже оть геѥны
ожидаѥть ме присьныѥ оуꙁы и тьма вьнѣшьнꙗꙗ, чрьвь ꙗдо-
витыи, скрьжьть ꙁоубомь, скрьбь и тоуга огньныѥ рѣкы.
да коѥ слово иꙁьметь ме, вьꙁлюблѥне, кьто ли прѣдстанеть
ми и поможеть моучимоу? ты же драгыи мои и любимыи
брате,. вьꙁьми вѣньць мои царскыи, и сѣди на прѣстолѣ ро-
дителꙗ своѥго; богь бо повелѣваѥть тако; и вь многолѣть-
нѣмь животѣ боуди кралѥвьствоуѥ и бранє отьчьство твоѥ оть
насилиꙗ воюоуштиихь на те. господь же мои (Иисоусь Хри-
стось) да оутврьдить те и оукрѣпить, и сила доуха светаго
да окрилить те, ꙁаштиштаюшти те оть нападениꙗ лоукаваго;
аньгель господьнь боуди присьно сь тобою, сьпешту ти и
ходештоу, хране те и веселе доушоу твою. И по сихь дарова
ѥмоу прѣстоль свои (царьскыи), и по достоꙗнию прославише
и рекоуште: многа лѣта сьтвори богь благочьстивомоу и хри-
столюбивомоу (и самодрьжавномоу вьсеѥ срьбьскыѥ и поморь-
скыѥ ꙁемлѥ) Стефаноу кралю Оурошоу. И вьса соушта по
сихь ꙗже на потрѣбоу дасть ѥмоу дары многочьстьны и ꙁлато
и свиты (ꙁлатотьканы) многоцѣньны царьскы, конꙗ же своѥго
и ороужиѥ своѥ, ѥже на себѣ самь ношааше на тѣлѣ сво-
ѥмь, сиꙗ вьса дасть ѥмоу глаголѥ: прѣпоꙗши се ороужиѥмь
симь по бедрѣ своѥи, сильне; спѣи же вь больша ꙗ вь богоу,
владычьствоуѥ вь отьчьствии своѥмь. того бо владыкы вьсѣхь
Христа (никогда) не отьчаи се (ꙁаконоу божьствьныихь писа-
нии прилежьно поочаи се), родителꙗ не бесчьствоуи (нь сь
вьсакыимь благоговѣиньствомь прилежьно почитаи), ꙗко да
приложеть ти се лѣта живота; (ништа и) оубога не прѣꙁри,
да не сь богатыимь онѣмь лютѣ постраждеши; и истины не
отьстоупи, глаголѥть бо владыка нашь Христось вь (светѣмь)
ѥваньгелии: аште вь истинѣ прѣбоудете, истина сьблюдеть
вы. молю же те о господи вьꙁлюблѥныи мои брате, сиꙗ
вьса сьхрани, и не имать ти наити ꙁьло; аште ли и наидеть
ти, боуди хвале име господьнѥ благословено вь вѣкы. И гла-
голи вьсегда и именемь господьнѥмь противлꙗи се ѥмоу;

и ѥмоужe недоoумѣѥнии се ꙗже соуть богоу оугодьна, оу того ѥдиного проси, и по пророкоу испльнить ти господь вьса прошениꙗ твоꙗ. и мене же любимаго ти брата не отьчаи се вь любви срьдьца твоѥго; азь же (оубо) вь отьлоучены жрѣбии мнѣ господемь идоу, ꙗко да не сь ноуждею лютѣ страждоуште вь житии семь прѣидемь вь иные вѣкы. подобаѥть же ны самовольно вьдати се вь страстемь и болѣзнемь тѣлесьнымь, ꙗкоже бо по воли зьлаꙗ сьтворихомь и неоугодьнаꙗ богоу. противоу же томоу сиꙗ вьса приидоше на ны. тѣмь вь печали помѣноухомь те, господи. Оутврьдивь же ѥго глаголы богоразоумьными, и тако сьтвори растанѥ сь (вьзлюбленымь) братомь своимь, идѣже дарова ѥмоу кралѥвьство вь Расѣ, вь мѣстѣ рекомѣмь Дѣжевѣ. самь же сь (благоуьстивыи и) христолюбивыи краль Стефань, ѥгоже, о любимици, дрьзноу решти вьтораго Иова многострадальнаго, или скорѣѥ решти Авраама праведьнаго и страньнолюбиваго, иже (оубо) гости любе и аньгелы приобрѣте на старость себѣ, ꙗкоже и сь господинь мои тѣхь нравомь добродѣтели ревноуѥ, славоу земальнааго царьствиꙗ и прѣстоль свои оставивь, и сь проста же оть тѣхь маловрѣменьныихь инуесомоуже (отнюдь не) вьсхотѣ, и вьставь и иде вь область дрьжавы своѥѥ, вь землю нарицаѥмоую Мачва, юже дааль ѥмоу бѣ тьсть ѥго краль оугрьскыи. тамо бо пришьдь сь подроужиѥмь своимь благоуьстивою кралицею Кателиною и сь нѣкоторою уестїю властель своихь, сь (бо) благоуьстивыи носе вь срьдьци своѥмь ськровиште многоцѣньнааго бисера Христа, и того вьсеподательною благодѣтию хоте обогатити се, и тоу землю пришьдь вь ню освѣтити ю, и люди по оученииѥмь божьствьныихь писании вь тьмѣ и мраци соуштиимь неразоумьнымь вь свѣтоу вьзвести сьпасьнааго живота. уьто бо рекоу, о любимици, азь сьмѣреныи Данииль. или уьто прѣвѧѥ вьзглаголю? оть коудоу ли науьноу сего благоуьстивааго моужа толикыѥ троуды и страсти, подвигы же неисповѣдимы и бьдѣниꙗ и обьноштьнаꙗ стоꙗниꙗ, неиссыхаѥмыѥ же источьникы сльзь ѥго? кьто бо обрѧштеть се оть таковыихь хоте (вьса) по имени прѣдьложити вамь сего неизглаголанаꙗ

чоудеса, юлико милостыню къ ништиимь, и малодоушьнымымь оутѣшению, и скрьбештимимь сьпостраданию, и обидимыимь избавителю, божьствьнымимь же црькъвамь многосвѣтлааго свѣтильника? семоу бо господь посылають свѣть свои и истиноу, да та оубо наставита и и въведета и въ велико и высесрьдьчьно покаяние и троуды богооугодьныю, о ихь же нонмоудиомь се слово съставити, юлико възможьно.

Житія сербскихъ королей и архіепископовъ, написанныя Даніиломъ 2-мъ, архіепископомъ сербскимъ (1823—1337) и вмѣстѣ съ дополненіями неизвѣстныхъ продолжателей составляющія такъ называемый сербскій Цароставникъ или Родословъ, напечатаны Даничичемъ подъ заглавіемъ: „Животи краљева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило и други", у Загребу, 1866. Даничичъ критически издалъ ихъ по тремъ рукописямъ, изъ коихъ двѣ XVIII в.—въ патріаршей библіотекѣ въ Карловцахъ, а третья XVI в. въ Львовской университетской библіотекѣ. Языкъ этихъ рукописей издатель исправлялъ примѣнительно къ XIV вѣку (см. Предисловіе).

5. Древне-сербскія грамоты.

а) Грамота Боснійскаго бана Кулина купцамъ Дубровника, 1189 года.

(По изд. И. И. Срезневскаго въ Извѣстіяхъ Импер. Акад. Наукъ, Т. I).

✝ ВЪ имѣ оца: и сна: и стаго дха ѣ банъ: босьньски кулинь: присеꙁаю тебѣ кнеже крьваашу: и вьсѣмь граѣамь доубровьчамь: прави: приѣтель: быти вамь отъ селѣ: и до вѣка: и правь гои [1]) дрьжати сь вами: и правоу: вѣрꙋ [2]): доколѣ сьмь живь вси доубровьчане. кире ходе: по моемоу владанию: трьгоуюке годѣ си кто: хоке: крѣвати [3]): годѣ [4]): си кто мине: пра-

---

[1]) гои—миръ, pax. Даничичъ, Рјечник из књижевних старина српских (у Биограду, 1863). [2]) вѣра—въ значеніи дружбы (amicitia), дружественнаго обязательства. (Ниже: правовь вѣровь—recta fide).—[3]) крѣвати — пребывать, оставаться, considere, morari. Данич.—[4]) годѣ—или, vel. Данич. Годѣ си кто хоке крѣвати, годѣ си кто мине—въ лат. текстѣ: seu habitantes vel transeuntes.—

ковь вѣровь : и правымь срьдьцемь : дрьжати е : беꙃь всакое ꙃледи [1]) : раꙃвѣ що ли кто : да своевь воловь поклонь [2]) : и да нимь не буде : ѿь моихь : ѵьстьниковь [3]) : силе : и докolѣ : у мне буду : дати нимь свѣть : и помокь : какоре : и себѣ : колико̀ре моге : беꙃь вьсега ꙃьлога примысла [4]) : тако ми б҃же помагаи : и сие с҃то еваньгелие . ѣ радое : диѣкь бань [5]) : писахъ сию : книгу [6]) : повелѣ̀вь [7]) банове : ѿь рожьства х҃ва тисука и сьто : и ѡсмьдесеть : и девеѳь : лѣть : мѣсеца : авьгуста : у дьвадесети : и девеѳы : д҃нь : усѣчение главе : иѡвана крьстителa.

In nomine patris et filii et spiritu sancti amen. Ego banus Culjnus bosne juro comitj Geruasio et omnibus raguseis rectum amicum fore perpetuo et rectam uobiscum pacem manutenere. et amicitjam ueram. et omnes raguseos per totam terram nostram ambulantes mercantes. seu habitantes vel transeuntes. recta fide et conscientja uera recipere absque ulla datjone. nisi quis suam per voluntatem mihi donum dare uoluerit. et aput nos dum fuerint manutenere et consiljum eis prebere ut nostre persone ad nostrum posse absque fraude et malo ingenio sic me deus adjuet et hec sancta IIII-or euangelja.

Эта грамота дана баномъ Кулиномъ Дубровничанамъ—о мирѣ и объ ихъ правахъ торговать въ его землѣ. Подлинникъ написанъ по-латини и по-сербски на длинномъ лоскутѣ пергамина: хранится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Напечатана въ сборникѣ „Србскіи споменицы или старе рисовулѣ,

---

[1]) ꙃледь—зло, malum. Данич. (зьлѣдь). Беꙃь вьсакое ꙃледи—въ лат. текстѣ: absque ulla datione. [2]) поклонь — даръ, дарственное приношеніе, donum.— [3]) ѵьстьникъ—чиновникъ. Въ латинскомъ текстѣ опущено все выраженіе: и да нимь не буде ѿь моихь ѵьстьниковь силе.—[4]) примысаъ — умыслъ. Данич.: cogitatio adjuncta. Беꙃь вьсега ꙃьлога примысла — absque fravde et malo ingenio.— [5]) диѣкь бань—дьякъ, секретарь банскій. Диѣкь—scriba. Данич.— [6]) книга—писько, грамота, litterae.— [7]) повели—приказаніе, jussum. Данич.

дипломе, повелѣ“ и пр. Ч. I, у Бѣограду, 1840, въ Památk. dřevn. písemnictví Iihoslovanuv, v Praze, 1851, въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. Имнер. Ак. Н. I, 344, и въ изд. Миклошича: Monum. Serbica, Viennae, 1858.

Представляя собою одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ формы грамотъ сербскихъ и одинъ изъ любопытныхъ фактовъ торговаго значенія Дубровника въ средніе вѣка въ земляхъ югославянскихъ, эта грамота важна и въ отношеніи къ исторіи языка, какъ доказательство ранняго отклоненія сербскаго нарѣчія отъ своихъ древнихъ формъ, при удержаніи однако нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это отклоненіе выразилось:—смѣшеніемъ согласныхъ мягкихъ съ твердыми, что видно и въ исключительномъ употребленіи ь, и въ постановкѣ и вм. ы (косьмьски, кирє, дьвадесєти и дєсєты дьнь), и въ написаніи а и є безъ предыдущаго знака смягченія (вьсак, колов, поклонь канонь, крьститєла); употребленіемъ род. муж. ед. на ога=єга: ꙁьлога, вьсєга); употребленіемъ 3-го лица глаголовъ безъ окончательнаго ть (хокє. минє, вꙋдє, да, ходє, вꙋдꙋ). Съ другой стороны удержаніе древнихъ формъ отразилось: въ незамѣненіи древняго глухаго звука чистымъ звукомъ а, какъ это обычно теперь (косьмьски, вьсѣмь, сьмь, ꙋчьтьникомь), при сохраненіи ь тамъ, гдѣ оно требовалось древнимъ выговоромъ и гдѣ теперь уже не выговаривается (вьсак, ꙁьло, сьто, дьвадєсєти); въ незамѣненіи окончательнаго ѥ краткимъ є (кладаннѥ); въ удержаніи безчленной формы существительныхъ, которыя впослѣдствіи приняли членную форму ан и двусложную анинъ (граꙉамь Дꙋбровьчамь, ср. ниже Дꙋбровьчанє. Отъ слова Дꙋбровьчь произошло прилагательное Дꙋбровьчьски, употребляемое постоянно въ грамотахъ сербскихъ). Заслуживаютъ вниманія и слѣдующія грамматическія формы: имен. ед. муж. на є (радоє), род. множ. муж. на овь вм. употребительнаго нынѣ а=ах (ꙋчьтьниковь); твор. ед. жен. на овь=євь вм. общеупотребительнаго ом (правовь вѣровь, своєвь коловь, поклонь канонь).

Древнеславянскіе носовые звуки замѣняются уже въ этомъ древнѣйшемъ сербскомъ памятникѣ чистыми: ѫ. ѭ чрезъ ꙋ, ю,— ѧ, ѩ чрезъ е; ь ставится послѣ плавнаго, какъ и въ древнеславянскомъ (дрьжати, трьгꙋюнє, срьдьцємь); въ род. ед. сущ. жен. рода ы замѣняется, по-сербски, чрезъ є: силє, главє; ѣ вм. ѧ (ѣ= в мѣст. 1 л., приꙗтєль, дѣмь); древнесл. группа жд, являющаяся при переходномъ смягченіи д, выражена особымъ начертаніемъ

ђ (**граћамь**; начертаніе ђ произносилось вѣроятно **также**, какъ теперь произносится соотвѣтствующее начертаніе ђ=дьжь); группа же **шт** (=рус. ч) выражена буквою **к** (**трьгвюке**, **хоке**, **помокь**, **тисука**; буква **к** въ этихъ словахъ по всей вѣроятности имѣла значеніе нынѣшняго начертанія ћ=тьчь); вм. **въ**, по-сербски, **ѹ** (**ѹ име**); **ре** вм. **же** въ словахъ: **кире**, **какоре**, **коликоре**.

б) Жалованная грамота великаго жупана Стефана Нѣмани Хиландарскому монастырю, 1199 г.

(По изд. Д. Авраамовича въ „Описаніи древностій србски у светои Атонской гори“, Беогр. 1847).

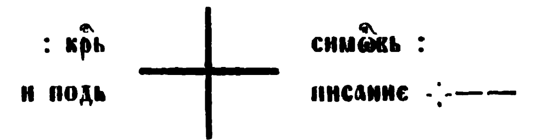
Искони сьтвори бг҃ь нб҃о и ꙁем҄лю. и чл҃вки на неи. и бл҃гослови ѥ и да҃ имь власть на всѣи твари своеи. и постави ѡвѣ царе дроугие кнеѕе. инии владики. и комоуждо дасть пасти стадо свое: и сьблоудати е ѿ всакога ꙁьла находещаго на не. тѣмьже братие бг҃ь прѣмилостивы. оутврьди грьке царьми. а оугре кральми. и когождо ѥзика раꙁдѣливь. и ꙁаконь давь. и нравы оуставы и владикы надь ними по нравоу и по ꙁаконоу. раставль своею прѣмоудростию тѣмьже по множѣи его и неиꙁьмѣрьнѣи милости и чловѣколюбию. дарова нашимь прадѣдомь. и нашимь дѣдомь. ѡбладати сиювь ꙁемлевь срьбьскова. и вьсаковѣко бг҃ь строе на оуньша чловѣкомь не хоте чловѣчи гибѣли. и постави ме велиега жоупана. нареченаго вь свѣтѣмь крьщении стѣфана неманоу. и ѡбновихь свою дѣдиноу. и больше оутврьдихь. бж҃июмь помокию и своею моудростию данову ми ѿ бг҃а. и вьꙁдвигохь погибьшую свою дѣдиноу. и приобрѣтохь ѿ морьске ꙁемле ꙁетоу и сь градовы. а ѿ арьбанась пилоть. а ѿ грьчьке ꙁемле. лабь. сь льпланемь. гльбоучицоу рѣке. ꙁагрьлатоу лѣвьче бѣлицу лепеницоу. и бж҃июмь помокию и своимь троудомь та вса приобрѣть. поспѣшениемь бж҃иемь мирь и тихость вьсьприемшоу вл҃дчьствоу моемоу ѿ вьсоуда. ꙁачехь поштравати мисль свою и поочакати оумь свои. вьжделѣвати и пещи се ѡ д҃ши своеи. вь которое число вьчьтень боудоу. вь дьнь страшнаго суда. и како би мощьно вьсприети ми. агг҃льски и апостольски ѡбраꙁь. и по-

слѣдовати влдчьнемь глаголомь. вьзьмѣте иго мое на се. и наоучите се ѿ мене. ѣко кротькь есмь и сьмѣрень срдцемь. иго бо мое благо и брѣме мое лько есть. минѹвьшѹ же времены многѹ. влдка мои прѣмилостивы. не прѣзьрѣ мѡлениѣ сьплѣсканиѣ [1] своего. нь ѣко щедры трѹдоположьникь и мьздовьздатель. иже рече нескврьниими своими оѹсти не придохь призьвати праведьникь. нь грѣшьникь вь покаѣние. и мьнѣ по милосрдью его вьнезапоу приклоучьшоу се времени ѣсно. и вса мира сего чьсть и слава. ни вь чьтоже ми вьмѣнена бы. и вьсоу красотоу житиѣ сего. и дневьно вьзьрѣние. ѣко и дымь ми бы видимо. а хрстова любы паче привезоваше се кь мьнѣ аще и кь недостоиноу. и вьнезапоу ѡставихь владичьство мое. и вьса моѣ разанчьнаѣ моѣ. хоу изьволь шоу тако. и прѣстѣи госпожди бци. и сподоб(и) ме грѣшьнаго. стаго ига его благаго. и ѡбьщьника ме сьтвори чьстьнаго и англьскаго и апльскаго ѡбраза. малаго и великаго. семоу же коньчавьшоу се о мьнѣ оустрою семоу бываемоу. ѡставихь на прѣстолѣ моемь. и вь хс дарованѣмь ми влчьствѣ. лоубьвьнаго ми сына стѣфана великаго жоупана. и севастократора. зети ѿ бга вѣньчанаго кирь алеѯиѣ цра. грьчькога. и аще и недостоинь рабь хоу нарещи се симеонь минихь. благословихь и всакимь благословлениемь. ѣкоже благослови исакь иѣкова сна своего. еже посьпѣшьствовати емоу ѡ вьсакомь дѣлѣ блазѣ. оу влчьствѣ своемь. и благосрьдоу быти на мирь крьстиѣньскы. и ѡ црькввхь пещи се и о слоужещихь вь нихь. и никакоже быти зазорьноу ѿ всѣхь творьца и га. по семь же изьволениемь влакы моего ис ха. ѣкоже вѣщаваеть писание никоториже прркь вь ѿчьствѣ своемь приеть есть. начеть подвизати се мысль моѣ. изити ми ѿ знаниѣ моего и дѣти. и постигноути нѣкое мѣсто и тоу полоучити спасение. и не ѡстави мене влдка мои и моего желаниѣ. паче бо радоуеть се ѡ грѣшьницѣ кающи се. изидохь изь ѿчьства своего. кь стоую горѹ. и ѡбрѣтохь. монастирь нѣколи бывьши. зо-

---

[1]) сьплѣсканиѥ—formatio. Данич.

комы хиландарь. въведение с҃тые и прѣславьние вл҃тице наше. бц҃е. идѣже не бѣ камень осталь на камени. иоу разваленъ ѿноудь. и потроудивь старость свою. посьпѣшьствоующоу ми сыноу ми великомоу жоупаноу стѣфаноу. сьюдоби ме вл҃ка мои быты емоу кътиторoу и чести его погибьшее вьзыскахь и ѿбновихь и по изьволению вл҃тице бц҃е и да ере исьпросихь царике оу цара оу призрѣнѣ. да дахь ѿ иихь манастирѣ оу с҃тои горѣ. с҃тои бц҃и. оу милеѣхь. села. непробница. момоу-шоу. сламодраиы. ретиклоу. трьние. ретикьщица. трьиовьць. хоуа. и друга хоуа. и тргь тѣиге. и дьва. винограда тѣиге насадихь. и оулиѣиике. д҃. едьнь оу трьнезѣхь. други оу дабьнорѣ. трети. у голишевѣ. четврьти. у царицѣхь. а за коиьждe. оулиѣникомь. по дьва чловѣка. и планиноу. богачоу. а ѿ влахь. радоко соудьство. и дурьгеко. а вьсеге. влахь. р҃. о҃. и дахь ѿ вытька что моге. и оу зетѣ. кобыле. и соли л҃. сьпоудовь. и аке кьто ѿдь манастирьскихь. люди. вѣжи. или влахь. подь великега жупана. или код инога. кога. да се вракаю ѿпеть. ако ли ѿдь жупанихь люди. приходе у манастирьске лоуди. да се вракаю опеть. и вьса елико дахь манастыреви. оу с҃тоу гороу. да нѣ трѣбѣ ни моемоу дѣтетеви. ни моемоу оуноучетеви. ни мо(емоу) ро(ди)моу. ни иномоу. никомоуре. ако ли кьто сие прѣткор(и) (да) моу бг҃ь. соуди. и да моу е соуиьрьница с҃та бц҃а. на страшьномь соудищи ѿномь. и азь грѣшьникь. симеѡнь ∴



Грамота эта написана на большомъ длинномъ листѣ пергамина; хранится въ Хиландарскомъ монастырѣ. Она относится къ тому времени, когда Стефанъ Нѣманя, удалившись изъ Студеницы въ Аѳонскую гору, возобновилъ разрушенный монастырь Хиландаръ. Преставленіе его было февр. 13, 1200 г. какъ свидѣтельствуютъ житіе его, писанное сыномъ его Св. Саввою (по изд. Шаф. стр. 14), и слово, говоренное имъ же и помѣщенное въ Хиландарскомъ типикѣ (Авраамовичъ, Опис. древн. срб. у св. г, стр. 9).

Монастырь Хиландаръ окончательно возобновленъ имъ былъ за 8 мѣсяцевъ до преставленія, какъ сказано въ томъ же типикѣ (у Авраам. стр. 9). Отсюда можно заключать, что грамота писана не ранѣе, какъ за 8 мѣсяцевъ до кончины Стефана Нѣмани (въ монашествѣ Симеона), т.-е. въ августѣ 1199 г. ибо въ ней говорится уже о возобновленіи и надачѣ монастыря (Майковъ, стр. 22). Упоминаніе о ней—въ „Очеркѣ путеш. по Европ. Турціи" Григоровича, стр. 40. Издана весьма точно Д. Авраамовичемъ въ „Описаніи древностей сербскихъ", Беогр. 1847, стр. 16 — 18 (ср. его-же „Света гора"., Беогр. 1848, стр. 40—45) и не вполнѣ вѣрно Шафарикомъ въ „Památk. dřevn. písemn. Jihoslov." и Миклошичемъ въ „Monum. Serbica". При печатаніи мы исправили неправильныя соединенія и раздѣленія словъ, довольно часто встрѣчающіяся въ изданіи Авраамовича, вообще-то весьма согласномъ съ подлинникомъ.—Въ правописаніи смѣшиваются твердые и мягкіе слоги (кса, ксакюга; сьблоудати, исманоу, ѿвьсоуда, приклоучьшоу се, кьсоу, лоубькьнаго, људи; дроугие, гибели, кладники; ь употребленъ исключительно); ѣ вм. ю: ѣко, ѣзь, нѣкова, поканнѣ, крьстиѣньскы, кьса моѣ разинтьнѣ моѣ и т. д.); к для выраженія сербскаго звука ћ (=тьчь): помокню, да се вракаю; ре вм. же въ словахъ: ерв, инкомоуре. Изъ граммат. формъ любопытны: твор. пад. ед. жен. р. (обладати сиюкь земловь срьбьскокь, бжиюкь помоцию, моудростию даноюкь ми ѿ бга), род. прилаг. и мѣст. на ога, ега: ксакога, грьчькога, инога кога, келиега; 3-е л. глаголовъ безъ флексіи ть: бѣжи, прѣкори, да моу бгъ соуди, е (=юсть).

в) Грамота короля Стефана Радослава Дубровницкимъ купцамъ, 1234 г.

(По изд. въ „Србск. Споменикахъ," 2).

Стефань въ ха ба вѣрны краль всѣхь рашкихь земль и треоунинскнихь оуноукь стаго симеѡна немане. и снь црьковѣньчаньнаго крала блаженопоуившега стѣфана монаха раславь. вь лѣ ҂ѕ. ѱ. м. в. излѣзохь прѣ братомь ми влаславомь. За праковѣрниѣ моега и за югова ра великаго прѣклетьвьства. приходь оу си градь доубровьникь. кнезь петрь болеславикь. и тудрь крусикъ. и сь всѣми властелы ѡбьщиновь градьсковь ѿ мала и до велиѣ приюше ме сь поучьстию. и много ме поучьтише. и праковѣрьно ми послоужише. видѣ кралевьство ми

толикоу ѡ̂ нихь почьсть и вѣрно послоужениѥ. и сиѥ оучинивь имь и оутврьдихь. ꙗкоре ако ми б҃ь да и боудоу господарь како сьмь быль. да си ходе сь своими си трьги по всѣи земи̑ ѡбласти кралевьства ми свободно. и по хльмьсцѣ земи̑ и по зетѣ и по всакимь трьгомь кралевьства ми. а да имь се ц҃рина не оуземле ни ѡ̂ мала ни до велика и могорише [1]) хльмьске. и дань что даѥте за рѣкоу и за затонске винограде и за поличке винограде. ѡ̂ тога вы ѡсвобага кралевьство ми да не даѥте ничесаре. а за винограде жрьновьничьке ѡ̂ дѣдь вашихь и ѡ̂ ѡ҃ць вы дори до вась до дньсь. что сте посадили лозиемь земе̂ кралевьства ми. или ѥ. много или мало. прашаю ви да сте ѡ̂ тога свободни. и дани да не даѥте. а ѡдь дь̑сь по ѡноуге земе̑ мое да не покриѥте ни ѥдьне педи. или лозовь или житомь или вокемь коньмь. хоке ли что ѡбьчина ваша прѣзь сиѥ оутврьгениѥ кралевьства ми что примькноути мое земе̑. свѣне мене клетва поневаре вы ѡстаѥте оу прѣклетьствѣ́. ѡбрѣте ли се кто чловѣкь зьль. или ѡ̂ моихь или ѡ̂ вашихь потвараѥ сиѥ. оу томь да нѣ зледи никоере. нь ʼто да се исьправла соудомь правымь б҃жьствьнымь. ꙗкоре да є право и безьгрѣшьно кралевьствоу ми и вамь вѣрьнимь ми приꙗтелемь. и кто боудоу подь роукокь кралевьства ми. боудоукоу ми сь м̑остию б҃жиѥвь и прѣчистые ѥго матере. оу моемь госпо̂ствѣ или ѥ бра̂ мои или стрыць ми. или братоучедь ми или инь кто любо ѡ̂ боларь кралевьства ми. кто хоке сиѥ поткорити. не маль гнѣвь и наказаниѥ има вьсприѥти ѿ кралевьства ми. по животѣ же моемь наконь мене. или ѡстане дѣте мое или оуноуче или праоуноуче или инь кто любо присни мои. и хоке сиѥ поткорити б҃ь да моу соуди и с҃та б҃ца. и к҃рть ч҃ьни. и вси с҃ти оу си вѣкь и оу боудоуки. нь сьврьшенѣ боудоуки вашѣи вѣрѣ и любьки и клетвѣ ѡнои коѥвь ми се хокете ѡвекати ѡ всемь кь мнѣ и кь послѣдьнимь моимь. сего бо ра̂ сиѥ оутврьдивь и по̂писахь роукою кралевьства ми. кь лѣ̑. више писано. м҃ца ферь-

[1]) могорышь—vectigal quoddam. Дан. (=платежъ).

вара. д҃. индиктиѡна д. (и да е сꙋдь ꙋ врѣменѣхь по старомꙋ ꙁаконꙋ ѿ михоли дне до гюргева дне). [1])

Στέφανος ῥήξ ὁ Δȣ́κας.

Подлинникъ на пергаминѣ и хранится въ Вѣнскомъ архивѣ. Кромѣ „Спомениковъ“, напечатана въ „Pamatk“. Шафарика IX, и въ „Monum. Serb.“ Миклошича XXIII. Король Радославъ, какъ извѣстно, около 1284 г. долженъ былъ уступить престолъ брату своему Владиславу и самъ бѣжалъ въ Драчъ и отсюда въ Дубровникъ, не теряя однако надежды снова когда-нибудь сдѣлаться королемъ. Своею грамотой Радославъ обѣщаетъ, получивъ вновь королевство, освободить Дубровницкихъ купцовъ отъ пошлинъ и различныхъ повинностей. Въ правописаніи смѣшиваются твердые и мягкіе слоги. Вмѣсто нынѣшнихъ сербскихъ ђ и ћ употребляются г и к: ѡсковага, оутврьгениѥ, ѡбьвиновь, вокемь, хоке, боудоукоу, ѡбекати. Смѣшиваются ѣ и е: стефань и стѣфана, вашѣи; оу вм. вь: оуноукь. Род. п. на га: блаженопоуникьшега, моега, тога. Твор. ед. сущ. на овь, ѥвь: ѡбькиновь градьсковь, лоꙁовь, подь роукокь, сь мостию бж҃иѥвь, коѥвь. 3-е л. глаголовъ: да (дасть), ѥ (=ѥсть), има (=имать).

г) Договорная грамота Дубровницкаго князя Іоанна Дандула съ королемъ сербскимъ Стефаномъ Владиславомъ, 1234—1240 г. [2])

(По изд. въ „Србск. Спомениках“, 3).

Вь име ѡ҃ца и с҃на и с҃таго д҃ха: аꙁь жани даньдоль: кнеꙁь дꙋбровьчки: сь всѣми болꙗри: и сь всовь ѡпкиновь градьсковь: кльнемо се тебѣ г҃нꙋ кралю: всѣхь рашкихь ꙁемле и поморьскихь владиславꙋ: ꙋ г҃а б҃а нашего і҃с х҃а: и ꙋ прѣс҃тꙋ б҃цꙋ: ꙋ чьстны и животкорещии кр҃ть и ꙋ с҃та бж҃иѣ евьг҃лие; и ꙋ все с҃те ꙋгодивьше б҃ꙋ ѿ вѣка: беꙁ всаке нꙋже: нь своимь хтѣнием: и своѡвь воловь: чистѣмь ср҃цемь: и праковь вѣровь: беꙁ всакога пропадства: и ꙁле мысли: ꙗкоре ѿ

---

[1]) Поставленныя въ скобкахъ слова приписаны другою позднѣйшею рукою. [2]) Такъ по Миклошичу. По Майкову, Іоаннъ Дандулъ управлялъ Дубровникомъ съ 1233 до 1238 г. (стр. 85).

дьньшнега д҃не : да ти смо прьѣтели правы и да смо с тобовь едновь мыслию : и єдинѣмь срцемь : нераѕлȣчно до живота нашега : и твоега : и кто є твои прьѣтель да мȣ смо прьѣтелие : а кто твои врагь прибѣгне ȣ нашь градь кь намь да ти не испакости нищаре ȣ нась бȣде ако ли что испакости : да є мы платимо : ако ли га не платимо : да ѡнога самога да ти дамо : аке ли тога не ȣчинимо : да да є на нась клетва сиѣ : и ако ти се ѕгоди : кое насилие и прибѣжеши ȣ градь нашь к намь да те примемо ꙗко г҃на : сь всаковь почьстию: и сь всакимь прьꙗниемь : сь всѣми твоими болꙗры : и с инѣми всѣми твоими : кои се с тобовь ѕгоде : и колико вьѕлюбиши прѣбыти ȣ нась : да си прѣбȣдеши : сь всаковь почьстию : а ѕла да ти не ȣчинимо никогаре : ни тебѣ самомȣ г҃нȣ : ни госп҃ги женѣ твоеи : ни дѣци твоеи : ни добиткȣ твоемȣ всакомȣ : ни болꙗромь твоимь : и ни всакомȣ никомȣре твоемȣ : ни добыткомь имь : нь паче да имашь почьсть и хранȣ : противȣ моки нашеи : ꙗко и г҃на и кьга си вьсхокеши : поити имамо ѡ нась : да си погеши свободно · сь всакою почьстию : и сь всѣми твоими : и сь добыткомь всакымь твоимь : и ѡнѣхь добыткомь всакимь : а мы да те испратимо : и ѕемли твоеи . и градомь твоимь да не пакостимо . ни плѣномь ни гȣсовь : ни ѡчивѣсть ни таемь : нь паче да имь прьꙗмо . ꙗко и самѣмь намь : и да стоимо ȣ старихь мегахь : а прѣс то да не посежемо никакоре : а добыткь ере смо рекли дати : да ти дамо тисȣкю перперь : и петьдесеть лакьть скрьлата чистога и чрьленога : когаре ты самь г҃нь ѡблюбиши : то половинȣ да ти дамо сьга петь сьть перьперь : и ѡнȣѕи петьдесеть лакьть скрьлата : коере тебѣ ȣгодно бȣде : а дрȣгȣ петьсьть перьперь : да ти дамо до б҃жика . а ѿ (т)ога да ти не ȣдрьжимо всега ни мала : нь да ти подамо все испльнено и царинникь твои да стои ȣ нась : неврѣгень ѡ нась никакоре : и что є твоѣ правина : да ти ю подаемо всȣ сврьшенȣ : и кьга ѡ нась ȣстрѣбȣеши помоки по морȣ : и поидемо ти на помокь : да ны простишь тога лѣта все : что имамо ѕаконь давати : и кȣпцемь нашимь кои вьсходе по твоеи ѕемли царинȣ : ꙗко и г҃нь с҃топочивьши дѣдь ти : и г҃нь с҃топочивши ѡ҃ць

ти : кьга нма смо помагали : працала ны ста : аке ли не ѹзможемо ити на помокь ти : то да си ѹзнимашь все : како ти є законь : и такоге ти се и мы кльнемо : како ти се сѹ и ты болѣре посли наши клели : маѳѣи бѹдаункь : и крькашь мамьгерекикь : и петрь срѣкикь : и никонирє ѹзрокомь : да не разрѹшимо сие клетве с тобовь нь да ю дрьжимо тврьдо : и ако се коѣ крамола ѹчинини мегѹ нами : да се сѹдомь исправла : а клетвѹ вынѹ да дрьжимо к тебѣ : непомьчно : и како хокемо сие все схранити : что се пише ѹ сией клетвѣ : тако да нась бь сьхрани на семь свѣтѣ и ѹ бѹдѹкемь : ако ли прѣстѹпимо : и едно ѿ сега : что смо ѹговорили с тобокь : и ѹписали здѣ : да ны бь сьпьне : и ста бца : и вси сти кои се пишѹ ѹ сией клетвѣ : на семь свѣтѣ и на номь.

Пергаминный списокъ этой грамоты XIII в. въ Вѣнскомъ архивѣ. Напечатана еще у Шафарика X, и у Миклошича XXVIII. Владиславъ, завладѣвши престоломъ брата своего Радослава, очевидно обнаруживалъ безпокойство относительно прочности своего престола и заблаговременно выговаривалъ себѣ отъ Дубровничанъ помощь и безопасный пріютъ въ ихъ городѣ, въ случаѣ бѣгства изъ Сербіи. Вышеприведенною грамотой Дубровницкій князь Іоаннъ Дандулъ заключаетъ союзъ съ королемъ Стефаномъ Владиславомъ. Правописаніе и языкъ этой грамоты тѣ же, что и въ предшествующей. Новыя черты: 2-е л. ед. наст. оканчивается и на ши и на шь: ѡблюбиши, устрѣбуеши и: простишь, ѹзнимашь. 1-е л. множ. наст. и буд. оканчивается, по сербски, на мо: кльнемо се, смо, платимо, испратимо и т. д.

д) Грамота Матвѣя Нинослава, великаго бана Босніи, Іоанну Дандулу, князю Дубровника, 1234—1240 г.

(По изд. въ „Србск. Споменикахъ“, 5).

оу име оца и сна и стаго дха : аминь азь рабь бжи матѣи : а одмѣломь [1]) нинюсавь : бань босньски : велики : кле се кнезоу : доубровьчкомоу : жань даньдѹлоу : и всеи опкинѣ доу-

---

[1]) отьмѣло—cognomen. Дан. Одмѣломь=по прозвищу.

кровӱькон : такомь сн҃ь се клеткью : клель какомь се е : бань коулинь клель : да ходе власи свободно : ихь добитъкь : тако како соу и бана коулина ходили : безь все хабе [1]) и ѕледи : а ѣ коудѣ облада : тоудѣ си ходите : простравно и ѕ(д)раво : а ѣ принѣти какоре сѣмь себѣ : и наоукь давати ѡд все ѕледи : а се писахь нимемь : десое граматигь : бана ниносдава великога босньскога тако вѣрно какоре у прьвыхь : а се еще ако вѣроуе [2]) : срьбланнь влаха : да се при прѣдь кнеземь : ако вѣрue влахь срьблина : да се при прѣдь баномь а иномоу влахоу да не боуде изма [3]) : бе҃ ре ти дан здравие.

Пергаминный подлинникъ въ Вѣнскомъ архивѣ. Напечатана еще у Шафарика VI и у Миклошича XXX. Великій банъ *боснійскій* Матвѣй, по прозвищу Нинославъ, повторилъ дружественный договоръ бана Кулина съ Дубровничанами. Черты правописанія и языкъ—тѣ же, что и въ предшествующихъ грамотахъ. Отмѣтимъ твор. ед. ж. р. на омь: **такомь сн҃ь се клеткью клель какомь се е бань коулинь клель**, и им. ед. муж. р.: **десое**.

е) Грамота короля Сербіи Стефана Уроша Дубровничанамъ, 1326 г.

(Въ „Србск. Спомениках", 36).

Пише кра҃к ми да ѥсть вѣдомо всакомоу створи мл҃ь кра҃в *ми* а поклисаремь [4]) доубровоуⷭ҇кимь . жоупию вльнасоникю и жоупию дрьжникю и жоупию лоукаревикю . да имь ходе трьговци по земли кра҃к ми и по трьговѣхь и по поутевѣхь да имь нѣсть пакосте не и ѿ кога у земли кра҃к ми да ходе свободно да се никто за нихь не задеге [5]) . испакости ли имь кто що . или

---

[1]) **хаба**—поха. Дан. (вредъ, нужда).—[2])=обвиняетъ. Объ употребленіи глагола **вѣровати** въ смыслѣ *обвинять* см. у Даннч. 1,198; 2,506 и у Срезневскаго „Мысли объ исторіи рус. языка", СПБ. 1850, 137 и 180—181.—[3]) **изьмъ**—sumptio, exactio. Дан (=изъятіе, исключеніе). [4]) **поклисарь**—ἀποκρισιάριος, legatus, посолъ. Дан. [5]) Читаемъ „**се не задеге**"—по Микл. отъ глаг. **задѣти се**, attrectare. Дан.—Въ Спом. „**се не задере**". Ср. ниже въ этой же грамотѣ.—

ѹ трьгѹ или ѹ жѹпѣ. да имь сплати все жѹпа [1]) не сплати ли (и)мь жѹпа да имь платі кра̑к ми из моѥ кѹкѥ. [2]) и пакь имь створи мл҃ь кра̑к ми и записа. аке им се гє̑ слѹчи дрѣво [3]) тере им се разбиѥ на мори при земли кра̑к ми да се за ѡноzи дрѣво никтѡ незадегѥ ѿ властель кра̑к ми ни ѿ велихь ни ѿ малихь акели им се кои ѹтета [4]) чинии ѡньдези. да имь сплате ѡколина села воли [5]) гра̑ кои бѹде не сплате ли и̑ да имь кра̑к ми плати из моѥ кѹкѥ. кто ли имь що испакости трьговцемь ѹ земли кра̑к ми или дрѣвѹ да приме гнѣвь и казаниѥ ѿ кра̑к ми и да плати кра̑к ми є҃. сьть пєпє̑. а сию имь кра̑ ми записа мл҃ь на дани мц҃а марта ке҃. дн҃ь на бл҃говѣщениѥ а ѿ вьлщениꙗ хв҃а тисѹща и т. кг҃. лѣто. а тѹ бѣше воѥвода младѣнь и тепчи [6]) владоѥ и челникь [7]) гюрашь. и раико рє̑ писати.

+ Стефань ѹрѡшь Краль.

Пергаминный подлинникъ въ Вѣнскомъ архивѣ. У Миклошича напечатана подъ № LXXXI. Король Стефанъ Урошъ Дечанскій предоставляетъ Дубровничанамъ право свободной торговли въ своей землѣ. Грамота эта представляетъ любопытное свидѣтельство существованія въ тогдашней Сербіи общей поруки, или общей отвѣтственности за преступленіе цѣлой околицы или цѣлаго города. Общая порука, хотя и съ ограниченіями, примѣняема была и къ сношеніямъ Сербовъ съ Дубровничанами. По нашей грамотѣ, Стефанъ Дечанскій предоставляетъ Дубровницкимъ купцамъ вознагражденіе сначала чрезъ общую поруку; но въ случаѣ невозможности, удовлетворяетъ обиженнаго изъ своей казны (кѹкѥ). Правописаніе и языкъ этой грамоты не представляютъ особенностей сравнительно съ предшествующими.

---

[1]) жѹпа—pagus, область, приходъ, округъ.—[2]) кѹка—aerarium, казна. Дан.—[3]) дрѣво—корабль, судно. Дан. [4]) ѹтета — убыль.— [5]) воли—или, vel. Дан.—[6]) тепчия—придворная должность. Дан.— [7]) чельникь—praefectus. Дан.

ж) Грамота Стефана Уроша, царя Сербскаго и Греческаго, Дубровничанамъ, 1356—1367 г.

(Въ „Србск. Спомен." 45).

црк ми сродникомь властеломь дꙋбровьчькимь кнеꙁꙋ и всои ѡпкини. ꙁнате ви како ѥ даль родитель црв ми гнь стопочившии црь мтри црк ми гпги црци трьгове ꙁетьске и паки ѥ сьда дало црк ми трьгь приꙁрѣнки црквн гна цра архигаꙋ. да тамо ви ѥ писало цр ми книгꙋ свободнꙋ вамь и дрꙋꙁѣмь градовомь да гредете свободно беꙁь всаке ꙁабаве ꙋ ꙁемлю црк ми. а никто ништо да ви не ꙁабави или ви што ꙋꙁме ꙋ ꙁемли црк ми. кто ли ви што ꙋꙁме да ви плати црв ми. акее ли што ꙋсхокее ꙋꙁети мтн црв ми гпгꙗ црца ѡ камега трьга а или црк ми. ништо беꙁь кꙋпа да ви не ꙋꙁмемо тькмо да кꙋпимо. а ꙁа жарка што ви ѥ ꙋꙁель нѣ ꙁнало црк ми ни ми сте каꙁали да пошлѣте ми добре люди да поꙁовꙋ жарка прѣ црк ми да ви га да црк ми да ви плати все само седмо. и тамо смь послаль властеличикꙗ црки ми вькишꙋ ꙋ сти срьгь да стои и да ви чꙋва и влюде ѡ всаке ꙁабаве и ѿ жарка и ѿ всега и ш нимь да сте поꙁвали жарка прѣдь црк ми.

Подлинникъ писанъ на бумагѣ и хранится въ Вѣнскомъ архивѣ (у Миклош. CLVIII). Въ грамотѣ упоминаются т. н. *добрые люди*. Это были люди почтенные, заслуживавшіе общее и полное довѣріе, не получавшіе жалованья, подобно чиновникамъ, и отправлявшіе нѣкоторыя постоянныя или временныя должности. Добрые люди являлись чаще всего посредниками въ распряхъ. Въ данномъ случаѣ царь повелѣваетъ Дубровнику послать своихъ добрыхъ людей для призванія виновнаго Жарка, такъ что здѣсь обязанность ихъ соприкасается съ обязанностію пристава. Языкъ и правописаніе этого памятника тѣ же, что и въ предшествующихъ грамотахъ. Отмѣтимъ о вм. е: властеломь, всои; мо въ 1 л. множ.: не ꙋꙁмемо, да кꙋпимо. Удвоенное е въ словахъ: акее, ꙋсхокее должно обозначать, повидимому, мягкое произношеніе предшествующаго согласнаго к (=ћ; ср. мягкій гласный звукъ ꙗ въ словахъ: властеличикꙗ и гпгꙗ; въ этомъ послѣднемъ словѣ г=ђ).

з) Грамота Тврьтка Владиславича, бана Боснійскаго, Дубровничанамъ, 1367 г.

(Въ „Србск. Спомен“. 57).

Вь име ѿца и сина и свѣтога дх҃а аминь ѿ пороенꙗ бж҃ꙗ лѣть ѵ. т. ѯ. ѕ҃. лѣто и нашемȣ го҃подьствȣ дı҃. лѣто мц҃а июна по книѕѣ . а҃ . дн҃ь : ми тврьтко милостию бж҃нѡмь бань босньски придосмо ȣ нашȣ кȣћȣ ȣ градь дȣбровникь и потврьдисмо вѣре с нашомь братиѡмь и с нашими приѣтельми с властели сь дȣбровьчкими ȣ коиѡи є вѣрѣ биль с ними нашь стриць г҃нь бань стѣпань ѡ неиѕи вѣре потврьдисмо ми бань тврьтко и наши властеле ȣ име кнеѕь влаи добровоевићь и тепчиѣ сладое и кнеѕь вьлкота прибиниићь присегосмо на моћехь и на свѣтомь еванћелии кльнȣћесе како да є наша кȣћа сь дȣбровьником една кȣћа до вѣка како є една кȣћа била с нашимь стрицемь ѕ г҃омь ѕ баномь стѣпаномь такоѕи да есть с нами дȣбровьникь една кȣћа до вѣка вѣкомь доколѣ є нась сьме и нихь да се тѣѕи двѣ кȣћи не раѕдвоита никьдаре до вѣка вѣчнега неголи да еста ѡбое една кȣћа и кои сȣ ѕаконь имали с нашимь стрицемь сь г҃омь ѕ баномь стѣпаномь и кое писание ѡнихѕи ѕаконовь и ѡнихь книгь потврьдисмо нашомь присегомь и нашимь писаниемь и нашимь печатомь како да є меєю нами единьство ȣ вѣке вѣкомь и да не хощемо дȣбровьника ѡставити и нихь братьства до вѣка никьдаре доколѣ є нась сьме и нихь беѕ нихь ѕлога почетиѣ ѿложивьше що би не било на невѣрȣ. г҃нȣ кралȣ ȣгрьскомȣ а се писа дражеславь дивкь своиѡмь рȣкомь малокористномь родомь боићь ѕемла ми є мати а ѿчьство ми є гробь ѿ ѕемле есмо и ȣ ѕемлȣ ѡиидемо и вьсе ѕаконе и повеле и писаниѣ кое є ималь дȣбровникь сь старѣмь г҃омь с нашимь стрицемь ѕ баномь стѣпаномь и с неговѣми родители и с прародители вьсега тогаѕи потврьдисмо ми г҃нь бань тврьтко.

Подлинникъ на пергаминѣ—въ Вѣнскомъ архивѣ. (У Миклош. CLIX). Тврьтко Владиславичъ, вступившій въ достоинство бана

въ 1353 г. послѣ смерти дяди своего бана Стефана, подтверждаетъ этой грамотою привиллегіи, дарованныя его дядею Дубровнику. Въ грамотѣ употребляется начертаніе ћ: кꙋћꙋ, на моћехь, свамћели, кльнꙋћесе, бонћь; звукъ ђ выраженъ посредствомъ ј: ѿ пороснпѣ, мею (=междоу). Въ род. ед. жен. р. є вм. ы: потврьдисмо вѣре; въ твор. ед. ж. р. ѡмь, омь: милостию б҃жиѡмь, с нашомь братиѡмь, нашимь просежомь, печатомь, своиѡмь рꙋкомь малокористиомь; въ род. ед. прил. ога, єга: ꙁлога, вꙋчиєга, вьсєга. Въ 1 л. мн. ч. глаг. мо: єсмо, да нехощемо, ꙋиндемо, придосмо, потврьдисмо, присєгосмо.

и) Грамота Балши, владѣтеля Зеты, Дубровничанамъ, 1380 г.

(Въ „Србск. Спомен." 67).

Да є҃ вѣдомо всакомꙋ ꙗ г҃нь балша по м҃ти б҃жие створ҃нь м҃ть [1]) градꙋ дꙋбровникꙋ моѡи брати и срьчанемь приꙗтелє҃ споменꙋюке старо приꙗтел҃тво и любовь кою сꙋ имали с моѡмь братиѡмь и сь мномь . а ми мислимо такогєре и болє . да ходє трьговци дꙋбровьчки свободно по моѡи ꙁ҃мли . и да кꙋпꙋю и продаю всаки трьгь и жито . и да поносє кꙋдє є и҃мь драго . и да плакꙗю ц҃рнꙋ како є прьво било по в҃. динара - - - - а на данью и на кривꙋ рꙋкꙋ да плакꙗю како сꙋ плакꙗли при животꙋ брата мога г҃на гюргꙗ . и по всои ꙁ҃мли моѡи да сꙋ на ꙁаконь кои сꙋ имали при гюргю . и ꙁа сие рекохь . ако бꙋдє комꙋ дꙋбровчанинꙋ що ꙋꙁєто ѿь мога ч҃авка или ѿь мене . да се все исправи . и на томь даю вѣрꙋ мою и мои҃ь властель . да не потворꙋ иꙋ да свршꙋ до мога живота . писа се сиꙗ повелꙗ вь лѣто ҂ѕ҃ . ѿ҃ . п҃ . и҃ . м҃ца ноєбра к҃ д҃нь ꙋ рьтць .

Подлинникъ на бумагѣ—въ Вѣнскомъ архивѣ. (У Миклош. CLXXXIII). Владѣтель Зетскій, Балша Балшичъ, подтверждаетъ этой грамотой привиллегіи, дарованныя Дубровничанамъ старшимъ братомъ его Юріемъ. Сербскіе звуки ђ и ћ выражены по-

[1]) милость—дарственная грамота, которою жаловались новыя, или подтверждались старыя права.

средствомъ г и к: такогере, споменꙋюке, да плакꙗю. Сербизмы въ языкѣ тѣ же, что и въ предшествующихъ грамотахъ: с моꙗмь братꙗомь и сь ииомь, мога, писание.

і) Грамота Стефана Дабыши, короля Боснійскаго, жупану Влкоміру съ братьями, 1395 г.

(Въ „Србск. Спомен.“ 179).

Ва име ѡ҃ца и с҃на и с҃тога д҃ха аминь. Мнї стефань дабиша по милости г҃а бога краль срьблѥ босни прѣморью хлъмьсци земли дольнимь краемь западьнимь странамь ꙋсорѣ соли и подрѣнию. Да е видимо всакомꙋ ч҃овкꙋ комꙋ се подоба да прѣзриньемь милоⷭ҇ти господа моего хр҃ста прѣминкьшꙋ ми господства и прѣстоль вь земла҃ реченї родитель и прародитель моӣ по прѣставлению брата ми краліа твртка и таг҃а прѣде прѣдь краⷧ҇ьство вирьни нашь жꙋпань вльькьмирь семьковиħь сказꙋе намь како за речнога краліа твртка изьбише се колꙗне на дальмии и ꙋчинише мею собомь з҃ мрьтвӣ крьвї[1]) на вири господской и да за то ю речи краⷧ҇ твртко все разагна и землю зараб а ретно село коло ꙋ име да реномꙋ жꙋпанꙋ вльькьмирꙋ и негꙗвима братама твьрдькꙋ и стипанꙋ за село за сльшинищꙋ кое ѿ нихь ꙋзе. И рени жꙋпань вльькьмирь нась ꙋмилюно моли како да бисмо имь и мнї потврьдили и записали рено село ꙋ име коло за нихь слꙋжьбꙋ и вирꙋ. И мнї сани ꙋавьше милостиво негове прошне и мольбе и паки смисливыше нихь вирьне слꙋжьбе що намь послꙋжише всег҃а вирьно и срьчано нананше ꙋ тꙋрачьки боихь не щедеħе своӣ главь за нась потврьдисмо и҃ и дасмо нашимь новимь даньюмь реномꙋ жꙋпанꙋ вл҃ьк҃ирꙋ и братꙋ мꙋ твртькꙋ и стипанꙋ село рено коло на дальмии сь вьими правими котари[2]) и меħми нѣмь и нѣхь послидиемꙋ да юсть за племенито викꙋ викома. А томꙋ свидоци и рꙋчьници наши властеле. Ѿ босне кнезь павалъ радиновиħь з братиѿ. кнезь прѣбое масновиħь з братиѿ, тепачиѣ батало з

---

[1]) крьвь—въ смыслѣ убійства. [2]) котарь—regio. Дан.

братиѡ. влькота прѣбиинћь ꙁ братиѡ. саньдаль воевода ꙁ братиѡ, грьгѹрь виьлхаинћь ꙁ братиѡ. ѿ хльмьске ꙁемле кнеꙁь влькашинь милатовнћь ꙁ братиѡ. кнеꙁь юран радивоевићь ꙁ братиѡ ꙁ братиѡ. ѿ дольний кран воевода хрьвое ꙁ братиѡ. кнеꙁь младинь стапьѵнћь ꙁ братиѡ. ѿ ѹсоре воевода вльѵнхна ꙁ братиѡ. кнеꙁь стипань билошевићь ꙁ братиѡ. ѿ двора прѣставь жѹпань радое радосалнћь ꙁ братиѡ. а ѿ своити бранко снмьѵнћь ꙁ братиѡ. И тко ће сие порећи али нӓ посландии али тко иноплеменинкь да е проклеть б҃гомь ѿцем и с҃иомь и с҃тнмь д҃хомь и в҃і : ап҃лома. и д҃. еваньгелисти. и. ѻ҃. иꙁабрани. писано вь дворѣ краљьтва мѣ рокою ѳѡмаша логофета. по҃ лѣти рожьтва хрстова : ѵ҃ : т҃ : к҃ : е҃ : мі҃а мана. ꙁ҃і : д҃нь :

Господний Краль Стефань Дабиша.

Подлинникъ пергаминный въ частныхъ рукахъ (Миклош. Monum. Serbica, CCXI, стр. 226—227). Грамота эта, подтверждающая за жупаномъ Влкоміромъ съ братьями село Коло, любопытна по чертамъ народнаго сербскаго, и именно западнаго, говора, смѣшивающаго въ произношеніи ѣ и и. Такъ и вм. ѣ: прѣꙁрипьемь, вирьни, вирьно. вирѹ, стипанѹ, сь в҃ими, послидиемѹ, вникѹ викома, свидоци, и обратно ѣ вм. и: прѣморѣю, подрѣию, прѣмилаьшѹ, прѣде, прѣставь, кра̂вьтва мѣ, хрѣстова. Глухой звукъ ь часто замѣняется, по-сербски, чрезъ а: ва име, та̂га, раꙁагна, ѹ тврдаьки̑ воихь, павлаь, юран, иꙁабрани. Въ твор. ед. жен р. омь: совомь, ꙁ братиѡ. Въ 1 л. мн. ч. глаголовъ мо: потврьдисмо, дасмо. Употреблено начертаніе ћ: не шедеће, радиновићь, ће порећи; вм. древнеслав. жд употреблено разъ ћ: мећми, и разъ j: мею.

к) Подтвердительное письмо князя, бояръ и всей Дубровницкой общины, 1438 г.

(Въ „Србск. Спомен." 123).

Ми Кнеꙁь властеле и вса ѡпкина властео дѹбровачцнё даемо на видение всакомѹ комѹ се бѹде достоати или прьедь кога се иꙁнесе сан нашь ꙁапись с нашомь великомь ѡбиѵадномь печатю. Како прьдоше к намь г҃на воеводе стєпана иѡкаисарые

а ми негокемь листомь верованиемь подь неговомь печатью ѡбичаиномь почтени мужь го̂нь раднинь старацъ и кнеӡь вукмань юговикь и ѡстакише у нашь комунь [1]) ӡапись поставе кои био поставно много почено споменутые славни го̂нь сандаль хиини велики воивода русага босанскога. писань ва листа рожства христова на ... листо на ... дань м҃ца ф҃рла у ком се удрьжи поставе ... тисука и ... сать и ... дуката ӡлатехь [2]) и динара дубровачцне [3]) четири тисуке и ... пера [4]) и срьбра плика [5]) сто и тридесети и єедну литрьу и ... унц. [6])

И виши речени покаисарьее почтени мужь раднинь старацъ и Кнеӡь Вукмань юговикь прьиише ѡдь нась у име реченога го̂на воеводе степана ѡдь вишереченога поклада четири тисуке дукать ӡлатехь а ѡста у нашь комунь ѡ реченога ӡаписа двие тисуке и ... сать и ... дукать ӡлатехь и дина дубровачцнехь четири тисуке и ... пера и срьбра плика сто и ... литрьа и ... унц а ѡвои се уписа ӡа тврьгаву [7]) ѡвею страну. И ӡа векю чисокю и вероване ѡвь листь ѡ риечи на риечь почтени мужь го̂нь раднинь старацъ и Кнеӡь

---

[1]) комунь — aerarium, казначейство. [2]) Золотой дукатъ или червонецъ не всегда имѣлъ одну опредѣленную цѣнность, но какъ крупная золотая монета измѣнялся по ходу. [3]) динара дубровачцне — дубровницкими деньгами или дубровницкой монетой. Слово „динары“ употреблено здѣсь въ общемъ значеніи денегъ или монеты. Майк. 102. Но динаръ означалъ и опредѣленную монету. [4]) Динары и перперы — монеты серебряныя. Въ XV в. дукатъ равнялся приблизительно почти двумъ перперамъ, а перперъ заключалъ въ себѣ около 12 динаръ. Майковъ, 100 — 101. Перперъ — испорченное названіе греч. монеты ὑπέρπυρον, названной такъ отъ того, что собиралась съ дыму, огня Венелинъ, Влахоболг. грамоты, Спб. 1840, 8. [5]) сребро плико (Blicksilber?) среднiй сортъ серебра. Дубровничане различали „сребро бѣло, гламьско, плико и фино“. Послѣднее было наилучшимъ. Данич. Рјечн. III, 145—146. Майк., 103. [6]) Литра равняется приблизительно $^3/_4$ рус. фунта, а унція = $^1/_{12}$ литры. [7]) тврьгава или тврьђава—firmitas, securitas. Данич.

Квокмань прьписаше и ωста у нашь Комунь на нємь печать гона воєводе степана а сеи се писа ва изабраном полаче и векинце бголюбнмаго гра нашего дубровника ва лието рожства хрисова на ѱ. ѵ. ӑ. н. лѣто на єı. дана мца юнıа а записа нашь верованн логофеть никола звездикь а повелесмо га запечати нашомь ωбичаано великомь печатю.

Пергаминный подлинникъ въ Вѣнскомъ архивѣ. (У Миклош. CCCXXIX). Письмомъ этимъ Князь, бояре и вся община Дубровницкая свидѣтельствуютъ, что они выдали посламъ воеводы Стефана часть вклада Сандала, бывшаго великаго воеводы Боснійскаго. Памятникъ этотъ любопытенъ по чертамъ народнаго сербскаго языка. Древнеслав. группы жд и шт и мягкое т передаются поср. г и к: за тврьгаку, ωпкина, тисука, за веке чисокю. Звукъ ѣ передается поср. ие (по южному говору): ва видиєние, лието (ср. лѣто), дние тисуке, ω риечи на риечь (ср. прьвѣдь); окончаніе ије сокращается въ ие, ье, а ию въ ю: видиение, веровање, поклисарье, споменутье; печатю (ср. печатью). Глухой ь переходитъ въ а: саи, ва, дааь, ҁ сать (=сътъ, 7 сотъ), старацъ. Группа лъ въ окончаніяхъ именъ и глаголовъ переходитъ въ о: ωпкина властео дубровачкие, био поставио. Звукъ ы въ склоненіяхъ замѣняется чрезъ е: воєводе, постаке (род. ед. ч.) Въ предлогѣ при въ сложеніи съ глаголами находимъ ь вм. и: прьдоше, прьмише, прьписаше. Изъ граммат. формъ любопытны: род. ед. ч. на га: кога, косаикога, речениога, га; твор. ед. ч. ж. р. на омь: с нашомь великомь ωбичаанoмь печатю; 1 л. мн. ч. глаголовъ на мо: дамо, повелесмо.

л) Грамота султана Магомеда II Дубровничанамъ, 1480 г.

(Въ „Србск. Спомен." 168).

Милостиω. божиω. ин велики гωрь и силни царь и велики амира [1]) Султа мухамє. дава [2]) ведети и знати всакому чеку. како учиних милот цартко ми кнезу. и влателомь дубровьчкимь. моимь. верннмь. и правимь слугамь. за зелю. и з државу свою. и за ни баштину. за мале. и за велице.

---

[1]) амира—у Тур. Императоръ. Дан. [2]) У Миклош. давамь.

колико гѡде имаю. ȣ своую рȣкȣ. и ȣ свѡю заповѣть. и коюсȣ и ѿ пѣко дьжали. како своую. итинȣ. и правȣ. баштинȣ. и за све люди коєє имаю. по сȣхȣ и по морѣ. и на отоцѣ. и за гр҃ь и каштелєє [1]) коєє имаю. ȣ своую рȣкȣ. и за ти ми сȣ до сьда плакѡли. ,і дȣкать златї. харача [2]). а за гюрȣкь [3]). двє тисȣкєє. и пєсо. дȣка. златї. а пакъ седа заповєда цартво ми. да ми даю свише тогаи. двє тисȣкєє. и пєсъ. дȣка златї. како за све за ти да се плакѡ цартвȣ ми. пєнадесє тисȣкь. дȣка златї харача на гѡдинȣ. нȣ такои се заповєда. како ови харачь да се донсє по ньєм харачȣ. кои се кєє. платити. дванадесє тисȣкъ. и пєсъ дȣка златї. по тє на годинȣ да се почмє плакѡти. ован ȣречєни хара ѿ пєнадесє тисȣкъ дȣка златї. нȣ такои заповєда цартво ми. како кєкєє ѿ ни да не иште ништо. ни за єє нȣ сьбарь или работȣ. ни санчабє [4]). ни сȣбаша [5]). ни кадиѡ [6]). ни харачни [7]). ни єми [8]). ни ханфсорȣчиѡ [9]). ни ини склавъ [10]) цартва ми кои доходи на мою посьл [11]) на тє страна. кои ȣсхокєє да не ȣпанє ȣ гнєвь цартва ми. и ако се ѡвитъ. или сьтвори. ѿ мои люди нєкоєє зло или напати више речєни добровчано. или ни зєлю или владаниєє да га цартво ми педєвса [12]) како єє подобно. и ни тръговци. да доходє. сь ни трьгь. и сь ни иманиєє. и да трьжȣє ȣ землю царства ми. без нієнє забавє. нȣ да плакѡю царинє [13]) и бродовштинȣ [14]) по земли цартва

---

[1]) каштель — castellum. [2]) харачь—подать (поголовная). [3]) гюмрȣкь — таможенная пошлина. [4]) санчак-бєгь — начальникъ округа. [5]) сȣбаша — apparitor. Дан. [6]) кадиѡ — судья. [7]) харачиникь — взиматель податей. У Миклошича за симъ словомъ прибавлено: ни травникь. Это—взиматель налога т. н. травнина. Травнина—обязанность косить царскіе луга и подать государственная за пользованіе лугами. [8]) єминь—сторожъ. [9]) ханф-сороучиѡ—nuncius trepidus. [10]) сиклавъ—рабъ. [11]) посьль—служба, отправленіе обязанностей. [12]) педєвсати (παιδεύειν)—наказывать. [13]) царина—пошлина, платимая за право ввоза, продажи и провоза товаровъ. [14]) бродовштина — пошлина или сборъ за броды? У Миклош. вмѣсто этого слова читается: продавштинȣ (venalicium. Дан.).

ми бꙋде ходе и проходе. како сꙋ и ѿ прьво до седа плакали. а да не имаю ни ѿ кнога ꙋ҆ѣка некою ꙁлобꙋ. или некою ꙁаврьтицꙋ [1]). и даде се сие писание и ꙁаповѣсти цартва ми више речени добровꙋлно како да и бꙋде въ ꙋтврьдение. и въ непотворение такои да се ꙁна. инакѡ да не бꙋде. Въ лето. ҂ꙅ.ц.п.и. месеца маа днь ꙁ ꙋ цриградꙋ.

Подлинникъ бумажный въ Вѣнскомъ архивѣ. (У Миклош. CDXLVII). Турецкіе султаны нерѣдко посылали свои грамоты въ Дубровникъ по разнымъ дѣламъ. Для подобныхъ сношеній и султаны употребляли сербскій языкъ. (См. у Миклошича грамоты подъ №№ CCCVIII, CCCXXXIX, CCCLXXIV, CCCLXXV, CCCXXXIX, CDXXXVII, CDXXXVIII и т. д.). Настоящею грамотою Магомедъ опредѣляетъ ежегодную дань, которую долженъ былъ платить Дубровникъ. Въ грамотѣ довольно турецкихъ словъ. Въ правописаніи употребленъ кое-гдѣ и большею частію не на мѣстѣ твердый ъ; въ остальномъ правописаніе и языкъ этого памятника—тѣ же, что и въ другихъ сербскихъ грамотахъ XV вѣка.

6. Изъ Законника царя Стефана Душана, 1349 и 1354 г.

(По изд. П. І. Шафарика).

Ꙁаконь благовѣрнаго цара стефана. вь лѣто. ҂ꙅѡнꙁ. индиктїѡнь. в. вь праꙁдникь вьꙁнесенїа господьнꙗ мѣсеца маїа. ка.

Сь же ꙁаконьникь поставлꙗемь ѡть православнаго сьбора нашего, сь преѡсвещенныимь патрїархѡмь кирь іѡаникїемь, и вьсеми архїереи и црьковникы, малими и великыими, и мноꙋ благовѣрнымь стефанѡмь, и вьсеми властели царьства ми, малими же и великыими.

Ꙁаконом же сїимь сложенїа выше:

I. О христїанствѣ.

1. Наипрѣжде [1]) ꙁа христїанство. симь [2]) ѡбраꙁѡмь да ѡчистить се [3]) христїанско. властеле и прочїи людїе да не же-

---

[1]) ꙁаврьтица—molestia. Дан.

Важнѣйшіе варіанты изъ Призрѣнскаго списка XIV—XV в., по изданію Зигеля: [1]) наипрьво. [2]) сїимьꙁїи. [3]) да се ѡчисти.

неть се [1]) не благословивши се оу своего архїереа или оу доуховникь. да благословеть се архїереи поставлѥнными [2]).

2. И ни единь бракь да не бываеть [3]) беꙁ вѣньчанїа. аще ли боудеть [4]) беꙁь благословенїа и оупрошенїа црькве, таковы да раꙁлоучеть се [5]).

II. О доуховиѡмь дльгоу.

3. И ꙁа доуховны дльгь вьсакь члобѣкь да имать повиновенїе и послоушанїе кь своемоу архїерею. аще ли кто ѡбрѣщеть се [6]) сьгрѣшивь црькви, или прѣстоупивь что любо ѡть сего ꙁакона [7]), волею [8]) и [9]) нехотѣнїемь, да повинеть се и исправить [10]) црькви. аще ли прѣслоушать, и оудрьжить се [11]) ѡть црькви, и [12]) не вьсхощеть [13]) исправити повелѣнїа црькви, потѡмь да ѡтлоучить се [14]) ѡть црькви.

4. И светителїе да не проклинають [15]) христїань ꙁа сьгрѣшенїе доуховно. да посилаеть [16]) двашти или трищи кь сьгрѣшившомоу. да ѡбличить его [17]). и аще не послоушаеть, и не вьсхощеть исправити се [18]) ꙁаповѣдїю доуховною, потѡмь да ѡтлоучить се.

5. И ꙁа ересь латиньскоу, кои се соу прѣвратили христїанѣ [19]) кь аꙁимьство, да вьꙁвратеть се вьспеть [20]) вь христїанство. аще ли кто ѡбрѣщеть се прѣслоушавь, и не вьꙁвратить се [21]) вь христїанство, да кажеть се по ꙁаконоу светыхь ѡтьць [22]).

---

[1]) да се не жене. [2]) али оу техьꙁїи да се благослове, кои сѹ иꙁбрали доуховиникы арьхїереи. [3]) И ни една скадьба да се не оучины. [4]) ако ли се оучины. [5]) да се раꙁлоуче. [6]) ако ли се кто ѡбрѣте. [7]) ѡть сїега ꙁаконика. [8]) волѡмь. [9]) али. [10]) да се повине и исправисе. [11]) ако ли прѣчюѥ и оудрьжисе. [12]) и опущ. [13]) не вьсхоще. [14]) да се ѡтлоучи. [15]) да не проклинаю. [16]) да пошлѥ. [17]) да га ѡбличїи. [18]) да ако не чюѥ, и не оусхокѥ исправити. [19]) що сѹ вратили хрстїане. [20]) да се вьꙁврате ѡпеть. [21]) ако ли се кто ѡбрѣте прѣчюѥмь, и не вьꙁвратиксе. [22]) да се каже како пише оу ꙁаконикѹ светыихь отьць.

6. И да поставить црькви великаа протопопѣ по вьсѣхь трьговѣхь, да вьзвратеть [1]) христїаны [2]) ѡть ереси латиньскые, кои се воудоуть прѣвратили [3]) вь вѣроу латиньскоую, дающе нимь заповѣди доуховьные [4]). и да вьзвратить се вьсакы [5]) вь христїанство.

7. И попь латиньскы, аще ѡбрѣщеть се прѣвратикь [6]) христїанина вь вѣроу латиньскоу, да се кажеть [7]) по законникоу светыхь ѡтьць.

8. И аще ѡбрѣщеть се [8]) полоувѣрьць вьзьмь христїанкоу [9]), аще вьсхощеть [10]), да крьстить се [11]) вь христїанство [12]). аще ли не крьстить се [13]), да моу се вьзметь [14]) жена и дѣтьца, и да дасть нимь [15]) дѣль ѡть вьсего имѣнїа [16]), а ѡнь да ѿжженеть се [17]).

9. И кто се ѡбрѣте еретикь живѣ сь христїаны [18]), да се жежеть [19]) по ѡбразоу, и прожененеть се [20]). кто ли га иаучеть [21]) таити, и ть да жежеть се [22]).

III. О доуховницѣхь.

10. И светителїе да поставеть доуховнике [23]) по вьсѣхь норїахь [24]), по градовѡхь и по селохь. и ты [25]) доуховници да соуть [26]), иже соуть прїели благословенїе на доуховничьство везати и рѣшити ѡть своихь нимь архїереи [27]). и да слоушаеть ихь вьсакь по законоу црьковномоу. а ѡныи [28]) доуховници, коихь не соуть [29]) поставили доуховнике [30]), да ижденоуть се [31]), и да ихь ведѣвьса црькова [32]) по законоу.

---

[1]) да възврате. [2]) хрстїане. [3]) кои се сѹ ѡбратили. [4]) и да нимь даде заповѣдь доуховнѹ. [5]) и да се въсакы врати. [6]) ако се наиде ѡбратникь. [7]) да се каже. [8]) И ако се наиде. [9]) оузьмь хрстїанинѹ. [10]) ако ѹзлюби. [11]) да се крсти. [12]) оу хрстїаньство. [13]) ако ли се не крсти. [14]) да мѹ се оузмѣ. [15]) и да нимь даа. [16]) ѡть коукю. [17]) да се иждене. [18]) въ хрїстїанѣхь. [19]) да се жеже. [20]) и да се прожене. [21]) има. [22]) и тъзы да се жеже. [23]) И светителые да поставе доуховникы. [24]) иорїахь. [25]) тизы. [26]) да сѹ. [27]) „иже соуть прїели.... ѡть своихь нимь архїереи" *опущено*. [28]) и ѡиницїи. [29]) не сѹ. [30]) доуховницїи. [31]) да се иждену. [32]) вѣде въса црькка.

IV. О соудѣ.

11. И доуховномоу дльгоу козмици да не соудеть [1]). аще ли кто обрѣщеть се [2]) оть козмикь, соудивь црьковномоу дльгоу, да платить. т. перперь. тькмо црьковь да соудить [3]).

V. О епископѣхь.

12. И митрополитїе и епископи и игоумени по мытоу да не поставлають се [4]). и отселѣ [5]) кто поставить [6]) или митрополита или епископа или игоумена по мытоу, да есть проклеть [7]) и анаѳема да боудеть. и аще обрѣщеть се кои любо по мыту ставь, да изврьжета се оба оть сана, и поставивы и поставлениы.

VI. О игоуменѣхь.

13. Игоумени да не изьставлають се [8]) без дѣла оть цркви.

14. Игоумени по монастырѣхь да ставеть се [9]) добри члоеци и искоусни, кои хотеть быти строителїе домоу божїю.

15. Игоумени да живоуть [10]) вь кїновїахь по законоу, сьвѣть имоуще сь старци [11]).

16. И на тысоущоу коукь да пїтаеть се вь монастырихь [12]). и. калогиерь.

VII. О калогиерѣхь.

17. И калогиерїе и калогиерице, кои се пострицають [13]), та живоуть вь своихь домохь [14]), да изганиють се [15]), и да живоуть по монастырѣхь.

18. И калогиерїе, кои се соу постригьли топици, из мѣтохие тези црькве, да не живоуть [16]) вь монастыри [17]), нь да

---

[1]) да не суде. [2]) кто ли се наиде. [3]) да соудїи. [4]) да се не поставе. [5]) оть сьда. [6]) кто се наиде поставникь. [7]) да есть проклеть и онізїи кои га је поставиль. [8]) да се не поставляю. [9]) да се ставе. [10]) да живу. [11]) зговарає се старцїи. [12]) да се храни оу манастирехь. [13]) коіе се пострізаю. [14]) тере живу оу своихь коукихь. [15]) да се иждену. [16]) да не живу. [17]) оу тезїи црькве.

идоуть [1]) вь них монастыре, да имь се давать дїаконїа [2]). сего ради сице рече се ѡ нихь, живоущие бо вь монастыри, многе злобѣ повинни соуть. не могоуть бо вьси оудрьжати естьство, ако не дати что любо комоу ѡть срѡдникь и знаемыихь. паче бо и сьблазнь вь братїахь велїа. нарицють бо иныхь вь монастыри гости и пришльце. сего ради сице бысть. аще ли кто ѡть нихь и боудеть вь монастыри, нь ни вь чесѡмь да боудеть ѡбладаемь, ѡть нихже хощеть вьзьмь даати, ꙗможе хощеть.

19. Калогерь, кои сврьжеть [3]) расѣ, да се дрьжить [4]) вь тьмници, дондеже ѡбратить се на покаанїе и послоушанїе, и да педепсать се [5]).

VIII. О еретницѣхь, кои тѣлеса мрьтвыихь жегоуть.

20. И люди, кое сь вльховьствѡмь изимають [6]) из гробовь, та ихь сьжижоуть [7]), този село да платить [8]) враждоу, кое този оучинить [9]). и аще боудеть [10]) попь на то пришль [11]), да моу се вьзметь [12]) поповьство.

Законникъ Стефана Душана составленъ на двухъ соборахъ 1349 и 1354 г., въ присутствіи сербскаго патріарха „со всѣми архіереями и церковниками, малыми и великими“, и царя Стефана „со всѣми властелями царскими, малыми и великими“. Это произведеніе національнаго собора не было плодомъ личной мысли одного законодателя. Законникъ утверждалъ то, что было готовымъ результатомъ самой жизни: съ одной стороны онъ служитъ дополненіемъ церковному византійскому законодательству, уже дѣйствовавшему ранѣе, съ другой подтверждаетъ законы прежнихъ царей, освящаетъ народный обычай и даетъ ему юридическую силу. Поэтому онъ чрезвычайно важенъ и любопытенъ

---

[1]) да греду. [2]) да имь се дава храна; все прочее до конца 18-й статьи *опущено*. [3]) сврьже. [4]) да се дрьже. [5]) докла се ѡбрати ѡпеть оу послушанїе, и да се педепьса. [6]) оузимаю. [7]) тере их сьжижу. [8]) да плати. [9]) оучини. [10]) ако ли боуде. [11]) на този дошьль. [12]) да му се оузме.

для изученія той степени культурнаго развитія, которой достигла Сербія въ самую блестящую эпоху старой исторіи. Законникъ Душановъ сохранился въ нѣсколькихъ рукописяхъ. Въ первый разъ онъ появился въ печати, по рукописи Саввы Текели, у Ранча, въ его Исторіи, т. IV, 1795 г., 242—271. Въ 1828 году Магарашевичъ издалъ Законникъ въ „Србскомъ Лѣтопису“, т. III и IV, по Раковецкой рукописи 1700 г. Кухарскій въ своемъ изданіи „Antiquissima monumenta juris slovenici“ (Варшава, 1838) помѣстилъ по той же Раковецкой рукописи Душановъ Законникъ вмѣстѣ съ Русскою Правдою и чешскими законами. Шафарикъ въ 1851 г. издалъ Законникъ въ „Památk. dřevn. písemn. Jihosl“., стр. 29—50, по Ходошской рукописи 1390 г., заимствовавъ только прибавленіе изъ Раковецкой рукописи, какъ самой полной изъ всѣхъ. Въ 1870 г. Ст. Новаковичъ издалъ въ Бѣлградѣ Законникъ по новой, до тѣхъ поръ бывшей неизвѣстной Призрѣнской рукописи XIV—XV в., распредѣливъ статьи Законника на государственное и административное право, феодальное, церковное, международное, гражданское, уголовное, торговое. По той же Призрѣнской рукописи издалъ Законникъ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ Зигель въ своемъ изслѣдованіи о семъ памятникѣ (С.-Петербургъ, 1872). Разборъ содержанія у Майкова въ Исторіи сербск. языка (Москва, 1857), стр. 244—259, у Палацкаго „Сравненіе законовъ царя Стеф. Душана съ древними земскими постановленіями Чеховъ“ въ журналѣ „Časopis“, 1837, I (рус. переводъ въ „Чтеніяхъ“, 1846), у Крстича въ „Гласникѣ“, кн. VI и VII. Описанія рукописей Законника Ходошской, Раковецкой и Саввы Текели у Шафарика въ Wiener Jahrbucher, 1831, Bd. 53 и въ Geshichte d. Südslav. Liter. III, стр. 221—227. Новаковичемъ описана Призрѣнская рукопись и еще двѣ болѣе позднихъ. Объ *языкѣ* Законника по рукописямъ Ходошской, Раковецкой и Саввы Текели сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ Майковъ въ Ист. сербск. языка, стр. 31—40. Призрѣнскій списокъ Законника изобилуетъ формами и оборотами *народными сербскими*, тогда какъ языкъ Ходошской рукописи отличается отъ Призрѣнскаго и отъ всѣхъ прочихъ списковъ наибольшимъ присутствіемъ *церковнославянской* стихіи.

В) Образцы языка изъ памятниковъ древне-хорватской письменности.

1. Изъ Хорватской хроники XII вѣка.

(По изданію И. Кукульевича Сакцинскаго).

U ime boga svemogućega, tvorca neba i zemlje .

Kraljujući cesar u gradi Basilii , cesarstva u vrime , u ko se bihu prosvitlili blaženi muži Jerman biskup i pristolja kapitulskoga i pristolja Kamižie sicilii biskup , i tolikoje počtovani i blaženi muž Benedik , (ki) blizu gore Cilianske pribivaše , na lit gospodinjih trista i pedeset i sedam . J tada izide niki puk i množtvo ljudih od iztoka , ki se zovihu Goti , ljudi tvàrdi i golemo ljuti , prez zakona , kako divji ; kim ljudem bihu gospoda tri bratinci , ki bihu sinove kralja *Svikolada* , kim bratincem biše ime : pàrvomu *Bris* , drugomu *Totila* , tretomu *Stroil* . Bris , koji biše najstariji (umàrši otac njih) , Bris sede na pristolje i misto otčevo , i poče gospodovati . Totila i Stroil tada uzgovoriše ovi dva : pomislimo , kako s pomoćju brata kralja Brisa i mi da bismo gospodstvo i visoko ime dobili . J tako sà svitom i s voljom kralja Brisa brata svoga skupista vojsku i to veliku i poidosta od svoje didine . J oni pàrvo pridosta na kraljevstvo *ugarsko* , i kralja pobiše , i otniaše kraljevstvo . J potom toga pojdoše naprida , i pridoše u Tàrnovinu s množtvom veljom vojske . J zvidivši to kral Dalmatinski , koji pribivaše u čudnom i velikom gradu Solinu , posla posle i listove kralju istrianskomu , da bi skupio u pospih svu moć svoju , i da bista oba pošla protiva tim zgora rečenim , i silam njih zajedno odtimati se . J tako ova oba rečena kralja skupiše velike vojske , i oba zajedno s vojskami staše se i pojdoše suprotiva silnim vojskam Gotom , i sritosta se i staše blizu i suprotiv njim . Svaki dan po osam dan meu sobom skaramučahu s velikim jedne i druge strane vitezi i hrabrimi ljudi

manjisina, zašto se mnogo tvàrdo i nemilostivo biahu, jere i subliz šatori jednih i druzih bihu. J tako osmi dan kàrstjane i rečeni pogane oružaše se i opraviše na rečenu àrvanju, i počeše boj osmi dan meu sobom, pokli se staše sjutra prija tire deri po večernjoj, biše se tvàrdom i nemilostivom àrvanjom jednakim bojem meu sobom, s množtvom màrtac jedne i druge strane, neznajući se do togaj vrimena, komu bi se mogao veće bojati, zašto nijedan od stran neustupase, i biše viditi, da su boj počeli, zašto jednih i druzih živi dohajahu na misto ubijenih. — Da li u jedan čas tomu nitkor nesumnjeći, nere po volji onoga, komu nitkor ne more reći, zašto takor učini, oni Goti nemilostivi dobiše, jedasi kroz niki grih, koji tada u kàrstjaneh pribivaše, i proz izma bi pobijena strana kàrstjanska, i ubijen bi kralj istrinski, i mnogo tisuć kàrstjani po dobitju bi pod mač obraćeno, i vele hàrvat bi pobieno, dà kralj Dalmacie s malo vitezi smàrtnom ranom ranjen, ubiže, i bi prinešen u slavni i čudni grad Solin, u kom gradu bi za veće dan općeni plač i tuga neizrečena. Potom toga svak čas restiše moć i vojska Totile i brata mu Stroila i puk njih čudnim zakonom, svaki čas restiše moć i vojska: i to vidivši da biše veće od reda množtvo i vojsk, sazvaše barune i poglavice, i k tomu se dogovoriše i svit vazeše da bi se imile vojske razdiliti. J sjediniše na to ovamo sve ča bihu vazeli pogani, razsuše i požgaše, da ne mogu ljudi ni dobit ki uzrok u svoje vratiti se. J vaze Totila vojsku svoju, i pojde i razsu Jstriju i Akvileju, i pojde kako munja paleći i gradove razsipljući, i pride u Jtaliu, na lit gospodinjih trista i sedam deset i osmo, čineći čudne i tvàrde àrvanje s Latini. Dà, ništarmanje ništar mu se ne mogaše suprotiviti jere božja volja biše, komu bise. I projde k Sicilii, obniamši u Italii i požgavši i razasapši mnogo grade, i ulize u otok Sicilijski, i po tom malo vrimena živi i onde svoj konac učini, kako mu biše rekao sluga božji *Benedik*. U tom Stroil, brat njegov, s vojskom svojom vaze kraljevstvo od Ilirie, a to jest sva zemlja, ča jest s onu stranu valdemie deri do polonie; i on tvèrdimi àrvanjami i s nemilosti-

vimi boji sve obnjà, jere nitkor suprotiviti se ne mogaše. I pride u Bosnu i slize u Dalmaciu, i razsu primorske grade: Dalmu, Narun i bogati i lipi *Solin*, i grad Skardun. I mnoge slavne grade položi na zemlju, i ne bi mu zadovoljno, posla sina svoga koga jure imiše, i biše imal i s njim vojske, da bi obnjal i donju zemlju, i zagorsku, a tomu sinu biše ime Sviolad. I odpravi sina s množtvom vojske, i meu tim razumivše cesar iz grada cesarstva, da je Stroil poslal sina s množtvom vojske u donju i u gorsku zemlju, a on da je ostao u *Prilinitu*, a to je u bosanske strane: i posla cesar izviditi, i stal je Stroil razdiliti vojske. Istino izvidivši, povidiše Cesaru i Cesar sabrav vojske i pojde na Stroila, ki Stroil vidiv vojske, skupi svoje, i pojde k àrvanji, jere biše slavna sàrdca i tilom jaki, i ognjem junak, ki nere kako sàrdit lav noseć se. I bi od već rán obranjen, ke nehajuć, dà od kèrvi ostavljen, a od ran sprežen, pade s konja, uteć ne mogući, i dospiše ubiti ga. A njegovi vidivši to, u big obratise, i mnogo od njih skupivši se i početše se tvàrditi, i obraniše se, i cesarova vojska robi zemlju i vrati se bogata u Cesargrad, s velikom slavom vesela. Potom toga slišavši Sviolad sin Stroilov zdvize se s vojskami što bàrže može, za osvetiti smàrt otca svoga, da jur je cesar, što ktio biše, učinio, i pošao. I on vidivši da jest učinjeno, i da ne more opraviti, zasede zemlju, i poče na otćevo misto gospodovati. I gospodujući imi sina, i postavi mu ime Silimir, i bi kraljevstvo njegovo Bosna i Valdemia deri do Polonie, tako primorsko, kako i zagorsko kraljevstvo. I tako tu gospodujći mnoge hudobe i progonjenja i zlobe kàrstjanom i nepravde ćiniaše, navlastito koji u primorskih gradih pribivaju. I tako drugonadeste lit gospodstva njegova umri, i osta na njegovu mistu gospodovati sin njegov Silimir, ki ako i poganin biše, sa svakim s mirom i ljubavju živiše, čineći jednako pravdu. I vele kàrstjane ljubljaše, i ne dadiše progoniti jih, i naredi š njimi, da mu budu davati dohodak. I tako opet napuni zemlju hàrvašku, i počinù za njega zemlja, i za njegova gospodstva kàrstjane

u miru pribivaše. I imi sina, i bi mu ime Bladin, i kraljeva Silimir lit dvadeset i jedno, i umri. — —

Эта древнехорватская хроника, составленная, какъ полагаютъ, во второй половинѣ XII в., писана была, по мнѣнію однихъ, глаголицей [1]), по мнѣнію же другихъ, кириллицей или боснійской буквицей [2]). Но хроника эта не сохранилась въ своемъ подлинникѣ, а извѣстна по латинскому переводу Марка Марулича, напечатанному въ книгѣ И. Луція „De regno Dalmatiae et Croatiae" (Francofurti, 1666, p. 303), и затѣмъ отыскана въ другой редакціи (хорватской), написанной латинскими буквами въ 1546 г. нѣкіимъ Калетичемъ, какъ видно изъ послѣсловія въ концѣ хроники: „Gospodin Dmine Papalić najde ovo pismo u krajini u Marković, u jedne knjige stare, pisane hàrvatskim pismom, izpisá rečeni Dmine, rič po rič. A ja Jerolim Kaletić ovo pripisah iz rečenih knjig, na tisuća i pet sat i četàrdeset i šest, na sedam dan otubra miseca u Omišu. Bogu hvala". (Arkiv, I, 37). Калетичевъ списокъ хранится въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ. Этотъ хорватскій текстъ напечатанъ И. Кукульевичемъ Сакцинскимъ въ сборникѣ „Arkiv za povêstnicu jugoslavensku", Kn. I, 1851, u Zagrebu, 1—37. Историческое значеніе этой хроники весьма не велико: она наполнена анахронизмами, перепутываетъ мѣста и лица. Но она имѣетъ великую важность, какъ древнѣйшее свидѣтельство и отголосокъ сербскихъ и хорватскихъ народныхъ преданій и поэзіи (Ягичъ, Histor. književn., I, 113—117). Главное же достоинство ея заключается въ языкѣ. Она есть древнѣйшій памятникъ народной хорватской письменности и представляетъ обильныя данныя для характеристики древнехорватскаго языка. Языкъ въ ней вообще чистый и правильный, по чакавскому нарѣчію (ča вм. што). По западному говору, *ѣ* замѣняется звукомъ *i*: vrime, svit, grih, misto, niki, didine, razdiliti и т. д.; вм. древнеслав. группы *жд* встрѣчаемъ *j*: meu (=meju) sobom. Впрочемъ, нынѣшній хорватскій текстъ хроники, по списку Калетича, не свободенъ отъ вліянія языка итальянскаго (skaramučahu, baruni и т. д.) и даже турецкаго (harač).

[1]) И. Кукульевичъ-Сакцинскій (Arkiv za povêstnicu jugoslavensku, kn. I, 1851, 1—2) и Любичъ (Ogledalo književne poviesti jugoslavenske, I, 1864, 313). [2]) Проф. Ягичъ въ своемъ сочиненіи „Historia književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga", kn. I, 1867, 117.

2. Изъ Винодольскаго закона, 1280 г.

(Въ „Временникѣ Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1846, IV).

Въ име Боже, амен; лет гнйх ã. ĉ. ñ., ñ. индиціо, право дан. ŝ. мисеца дѣнвара.

Въ време краля Ладислава, преславнога краля Угърскога, кралества Нега лето. ĝ. надесет.

Ва време убо великих мужи, господе Федрига, Ивана, Левнарда, Дуима, Бартола и Вида, Кърчких, Винодолских и Модрушских кнези. — —

Скупише се все на куп тако цриквени, тако припроштй люди . . . . У Новом Граду пред образом тога истога кнеза Леонарда, згора именована, избраше се од всакога града Винодолскога не все старійши на вкуп, на ке віяху, да се болѣ споминяху в законих својх отац, и од својх дед, ча биху слишали, и нймъ наредише и указаше тесним закономъ [1]), да би все добре старе изкушене законе у Винодолу чинити положити в писма, од ких би се могли споменути или слишати од својх отац и дедъ, згора речених, тако од сада напридъ могу се улети [2]) блуєня [3]) те ричи, и нйх дѣтца вриме, ко приде да ни маю примисаля в тих законих. — —

§ 1. Найпърво, да ако ка од црикав оптинских з Винодола имаю се кърстити, воля их буде кърстити гдн бискуп, в кой бискупіи е црикав речена, ни ма имити од кърштеня реченога невете [4]) върнез [5]) Бенетачких солдини [6]). м̃., тер. ã. обед, тер. ã. вечеру, а навлаштьно од оних, ки учине ту црикав кърстити; жакан убо, и ки зове се хърват-

---

[1]) =строго [2]) улетй, улезем, оставить, бросить, прервать, остановить. [3]) блуєне=заблужденіе, погрѣшность; порча, уничтоженіе. [4]) невете=но. [5]) върнез—пѣнязь? [6]) солдин—венеціянская монета.

ски малик, а Влашки макарол [1]), ни ма имити од тога истога кърштеня невете боланач [2]). єі҃. вьрнез Бенетачких.

§ 2. Ёште свьрх [3]) прикав, опатій, воля молстировъ [4]) оптинских речених, гдн бишкуп не море положити, воля взети, али заповидати, невете оно, ча би отили дати кашталди [5]) тих истих прикав нему свою волю добру.

§ 3. Ёште свьрху поп оптине речене та исти бискуп не море ниште заповидати, воля взети, нере [6]) гда он сам пошле, воля гре по кнежтву. Ва всаки град Винодолски, в ки он гре, имаю му дати попи онога града. а҃. обед, тер. а҃. вечеру: ниште манѣ ни маю му понести та обед и ту вечеру ван из именѣ онога града, и ни су му държани ван понести. Ни едну другу службу ни су му държани чинити речени попи и жакни; нере ако би впал ки в ники дуг, али эгрешене, за кой имел би платити осуд [7]), море та бискуп исти од сагрешених взети солдини Бенетачких. м҃. за осуд, вете [8]) осуд не море му прити од попи и жакан тих.

§ 4. Ёште, онда када пойде гдн бискуп, тада има пойти с седмими коні по ідн [9]) осмо ва Лижник.

§ 5. Ёште ако гдн кнез у Винодолу, воля речени бискуп, када би пошал по кнежтву по Винодолском, и в ки год би градъ пришал ки од тію, море чинити ѣди и к себи чинити прити по руки сатника онога града за свое іденѣ, и за свое обители од ких коли говед и брав, ке се могу найти найближе, тако од скота кметштега, тако од племенитих люди, тако од попи и од иних всаких люди; ништар манѣ за не имаю платити гдн кнез, гди се коли могу од своих

---

[1]) макарол (отъ итальянскаго mazza pastorale?) палка, трость, посохъ; въ хорватскомъ языкѣ отъ mazza образовалось *маль*, *мамик*=иподіяконъ, держащій епископскій посохъ. [2]) боланча=мелкая венеціянская монета. [3]) свьрх—о, объ, относительно. [4]) молстир—монастырь. [5]) кашталд—церковный староста. [6]) нере—но. [7]) осуд—приговоръ судебный, опредѣленіе; денежная пеня. [8]) вете—вяще, больше. [9]) ід, ида—ѣда, яства, обѣдъ.

перман [1]) чинит ети за се и за свою обител и за вас свой двор от найближняго скота те исте обти́не, буду́ти кога годи згора именованих.

§ 6. Ёште, ако би ки *бил ет* в рубани [2]) на пути или гди инди, да плати кнезоу либар [3]). и҃.

§ 7. И ёште ки би в граду храм разбил в но́ти, воля ако би украл в нем, тер ако би гдо клицал «помагайте», платит има кнезу либар. и҃.; вапіу́т убо «помагайте», есу веровани, ако реку с роту, да есу онога злотворца познали: ништар манѣ ако ній' онде клицано, ни ма платит, него солдини. м҃., тер шкоду како й' више изречено. И ако ту худобу ва дне учини, ній' държан платит не вете солдини. м҃., ако се море показати по веровану сведоку.

§ 8. Ёште ако нигдо в но́ти є украл въ осику [4]) ники скот, воля на гумни жито, воля ва улници, в мести, гди се схраняю пчеле, мед', такое плати кнезу либар. и҃., ако ест онде клич бил «помагай», а ва дне солдини. м҃.; и такое в но́ти, ако ний' онде бил вапай, и шкоду дуплу, како й' писано, и клич е верован.

§ 9. Ако буде пред двором од сили пра [5]), воля од татби, свьрху ке буду ричи, и парац ни ма свидочаства свьрху кривца, и пусти се на роту од рубаня, има кривац присеть [6]) само. к҃. тер. є҃. и од татби именовани свьрху само. кі҃., ако су в той татби шкодни, и ако онде е клицан «помагай».

§ 10. Ёште од татбе, од мошуне [7]) и од жита пожганя, ко стой на поли, и од сена взета (и) на стогу в но́ти, *ако буде пра* од тога учинена, има се одприсети само шест. И ни ма имити одговорника тат през воле двора: ниште

---

[1]) перман—придворный княжескій служитель. [2]) рубани, не, разбой, грабежъ. [3]) либра (итал. *lira*)—венеціянская монета, заключающая 20 солдиновъ или 12 крейцеровъ; венеціанская мѣра около фунта. [4]) осик—сарай? [5]) пра—споръ. [6]) присети—присягнуть. [7]) мошуна—неизвѣстно что означаетъ.

манѣ он, ки присети има, найди поротнике како болѣ море, и ако их не море имити, присеви он сам, воля они толико крат присети имаю.

§ 11. Ёште ако ки силу учини в пристаништю Винодолском, платити има кнезу либар педесет. Ако татбу онде учини, платя лбр. к҃.д҃. Ако сведоци онде ни су, има присетѝ, ки тай, само. в҃і., а то ако се учини тако в нотѝ, тако ва дне.

§ 12. И ёште ако ки приме никога сгоника [1]) тога кнежтва, воля ако би им *дал* ѝсти, или пити, или ину ку помоть, воля свет, платити има кнезу либр. и҃. —

Винодольскій [2]) законъ, послѣ Русской Правды, есть древнѣйшее собраніе славянскихъ законовъ, писанныхъ народнымъ славянскимъ языкомъ. Изданъ по рукописи XVI в. Ант. Мажураничемъ въ III кн. журнала „Kolo" (Zagr. 1843) и перепечатанъ кирилловскими буквами Бодянскимъ въ IV кн. „Временника Общ. Ист. и древн. Рос.", 1846. Законъ этотъ писанъ глаголицей на туземномъ Винодольскомъ (чакавскомъ) нарѣчіи. Языкъ вообще чистый народный, и только юридическая терминологія не свободна отъ вліяній языка итальянскаго (встрѣчаются итальянскія слова: band, pena, kaštigati, oficii, oficial, aredisati, pošišion, fals, dupal, impač и др.). Филологическія замѣчанія о семъ памятникѣ въ III кн. „Kolo", а въ IV кн. „Временника" помѣщенъ, сверхъ того, подробный словарь, составленный Бодянскимъ.—Замѣчательны также по чистотѣ народнаго древнехорватскаго языка и для изученія устройства древнихъ далматинскихъ общинъ *Статутъ острова Керка 1388 г.*, писанный глаголицей (изд. во 2-й кн. „Архива" Кукульевича) и *Статутъ Полицкій*, рукоп. XVI в., писанный боснійско-хорватской кириллицей или т. н. буквицей (изд. въ 5-й кн. „Архива").

---

[1]) сгоник—изгнанный. [2]) Винодолъ область въ Хорватскомъ приморьѣ между городами Сенемъ и Рѣкой (Фіуме).

В) Образцы языка изъ Дубровницкой письменности XV—XVIII вв.

1. Marko Marulić (1450—1524).

Lipo prigovaran'je razuma i človika.

Misleć človik tužben vrimenje nevolje,
od kih je močno b'jen i trujen dovolje,
razum ga susrite, kruna od razloga,
od istine svite noseć u toj doba,
ter ga pitati ja: «Ća s' toli zlovoljan?
ča će reć obraz ta plačan i nevoljan?
riči reci meni, pri neg se dan nagne,
lika ću dat tebi, da t'. žalost odlagne.“
Sliši svaki sada, ča človik tužiti
plačan uče tada, ča l' razum učiti,
ter ćete imati ustrpin'ja jakost,
kada vas tiščati bude koja žalost.
Clovik. Smrt mi je na pamet, mislim da ću umrit,
stojim kako vazet, jer mi je na to prit.
Razum. Narav je človika, ki se rodiv pride
na zemlji ovdika, umrvši da otide.
Još zakon hoće toj: ča vazmeš u zajam,
da povratiš onoj. Zivot je zajat nam.
Život ov živiti, a pak imit žalost
da ćeš vratiti, nika je neharnost.
Človik. Slišam riči tvoje, li to ti umim rit,
nad sve strahe moje strašije mi je umrit.
Razum. Manenost je mnoga, hotiti strah imit
ter se bojat toga, ča znaš da će t' li bit.
Umrli jesu oni, ki živiše pri nas;
umrit će i ovi, ki se rode po nas.
Bolizan je umrit, da tko se još boji,
pravo ti hoću rit, on bolizan hvoji.
A straha imati od smrti ne budeš,
ako se bojati boga vazda budeš. — —

Clovik. U bašćini mojoj ne dadu mi priti,
a u zemlji tujoj ne bih rad umriti.
Razum. Gdi godire umreš, tribuje, dobro znaj,
s sega svita ga greš u pakal al u raj.
Bašćina tvoja ni na svitu ovomu;
da kad primineš ti, budeš stat u komu:
ondi je ljudem stan, gdi jim je uvik bit,
a ne iz koga van tribuje skoro it.
Ne brin' se poni tim, da ne ć' domom umrit,
da brini se sa svim, gdi ćeš umrvši prit.
U Rim duh pustiše glave apostolske,
ne gdi se rodiše u strane židovske.
Ostali apostoli svi se razidoše-
po svitu okoli, domom ne pridoše.
Znahu bo, da njih dom gori je u raju,
vikovnje sad u kom vesel'je uživaju.
Clovik. Evo sam golobrad, u najliplju mladost,
za to umriti sad mnoga mi je žalost.
Razum. Mnozi su starosti živeći doprli,
plačuć, u mladosti da nisu umrli;
jer dugo živeći drazih pokopaše,
ter svitu služeći u grih se umotaše;
pokoja nimaše od protivšćin mnozih
od gute [1]) skučaše, od fibre [2]), od bocih [3]):
i ti da bi stupil na lita starija,
brz bi li oćutil zla, smrti teškija;
još da bi tvu mladost smrt sada ne ubila,
malo za tim starost bi t' ju ogrubila.
Za to ča trpiti do duga ne more,
malo pri zgubiti, ka žalost bit more?
Ne c' žalit mladosti, ni brigu imati,
ako zal starosti budeš razmišljati. — —

---

[1]) guta—наростъ, горбъ; родъ болѣзни. [2])=итал. tebre, лихорадка.
[3]) boci—колотье въ боку,—нын. серб. *пробади*.

Clovik. Nisam jak ni moguć, nimam pinez pun grop;
nisam barun slovuć, nisam biskup ni pop.
Razum. Ako s' sebe dobil, Aleksandra s' jači,
ki biše svit podbil, a zloba ga tlači.
Malim se podklada, ki ljubi kriposti;
kim skupost oblada, ništar mu ni dosti.
Bolje ti je časti zvati se dostojan,
ner ćasti dopasti, buduć nedostojan.
Clovik. Ne buduči jaki, ne buduči moguć,
psovat me će svaki, i jošće prava tuć.
Razum. Raduj se, da s' nejak nepravde tvoriti,
ter nepravde bud jak moći podnositi.
Ne oni ki biju, da ki budu bjeni
za prav, ku imiju, biti će spaseni;
i tim dobise raj mučenici sveti,
li držeći put taj u narod prokleti,
da za pravdu trpiv trude, muke, bjen'a,
uzidu, zasluživ, u vičnja vesel'ja. — —
Završen'je. Za svim pak ča s' hotil tužiti i reći,
ni se na svit rodil ki će svega uteći.
Smrt, plač, bolizni te, nisu nesriće to,
da voće zemlje se, ljudem je dano ko.
Adam kad stvori grih, naš prvanji otac,
bog nas postavi svih u saj suzni dolac.
Bogu hvala budi i dika i slava
u svakomu sudi dostojna i prava.

Марко Маруличъ, родомъ изъ Сплѣта, былъ первымъ замѣчательнымъ писателемъ, начавшимъ блестящій періодъ далматинской литературы. Маруличъ писалъ на языкахъ хорватскомъ, итальянскомъ и латинскомъ. Хорватскія сочиненія его изданы въ сборникѣ югославянской академіи „Stari pisci hrvatski": Pjesme Marka Marulicá, skupio Jv. Kukuljević Sakcinski. Zagreb, 1869. Это—„Historia svete udovice Judite", „Historia od Susane" и различныя пьесы церковной поэзіи и драмы: „Razlike pjesni o Jsusu", „razlike pjesni duhovne", „pjesni šaljivo-satiričke", „prikazanja" (церковныя драмы, мистеріи) и т. п. („Lipo prigovaran'je razuma i človika" на стр. 150—161).

2. Siško Menčetić (1457—1501).

Pjesni. Knjiga prva.

1. Posveta.

Koji čtiš sej pjesni, molim te veselo,
tako ti ljuvezni, veseli tve čelo.
Ako što zadjoh ja, ne prijaj tužicu,
odvrzi draču tja, a vazmi ružicu.
Toj li jur sad bolje ti moreš, ti tvori;
oto ti jur polje: što umiš, govori.
A meni jur kosti prigrizat, čuj, ne moj,
da još tej gorkosti ne ćutim uz trud moj. (II. 1).

2. Pjesnik sam.

Za č skrivaš svoj obraz od mene, cvite moj?
ne znaš li, jer sam vas ja sluga od gospoj?
ne znaš li gospoje, pjesnivac jer sam ja,
za pjesni ter moje od mnozih ime sja?
A za toj jur meni gledati ne brani
tvoj obraz rumeni, moj cvite izbrani;
za č oni ovo jes, ki te će proslavit,
i ki će tvoj ures kon sunca postavit. (II. 3).

3. Moć njene ljepoté.

Tko će znat ljuven stril, pogledaj svak lice,
pozri svak obraz bil od ove diklice,
ka istom pozire ter čini svu mlados
da željom umire, željeći nje rados.
Što druzi jur zel'jem otrave človika,
toj slavnim vesel'jem nje liepos velika,
ka me jest zaniela, koja mi um krati,
kad līcca pribiela u rados obrati. (II. 30).

4. Tko si ti? da li drugo sunce?

Koja si ti od vil? jer poznam, da s' vila,
molim te boga dil, da bi mi pravila?
Angelsko tve lice jer u ki zgledam hip,
ustreptim, svilice, očima kako slip,
ter nimam vlas oči u lice t'pozrit ja,
koliko s istoči u sunce kada sja.
A za to sad ovo me sumnji srdačce,
jeda si ti novo ko drugo sunačce. (II. 52).

5. Uzmi me za vjerna slugu.

Vazmi me za slugu, prisvitlo sunačce,
da želju i tugu ne pati srdačce,
neka te ja pravim za moju gospoju,
neka te proslavim u pjesneh, ke poju;
neka se pogizdam tvojomzi lieposti,
jak mjeseć medj zvizdam sunčanom svjetlosti;
neka mi s' još dika, jak vienčac na glavi,
u drugom za č lika ni mojoj ljubavi.
Ako li prikrati meni se tadi lik,
meni se obrati u gork plač vas moj vik;
meni bi još bolje, da nisam na svit bil,
ter željne nevolje ne bih ja sad patil. (II. 94).

3. Gjore Držić (um. ok. 1510 r.).

Pjesni razlike.

1. Želim te po vas dan.

Želim te po vas dan, moj dragi biseru,
jak jelin kad žedan želi prić k jezeru,
tve oči sunčane da budu lik mi dat
i skrovne me rane kripostno izvidat,
srid srca u meni tvoj pogled ke stvori,
tvoj pogled ljuveni, koji me umori.

Bilig je toj rani priblido me licce
  i život skončani cić tebe divice.
Toj sama mož vidit, pod prozor tvoj minuv
  gdi budem problidit, s uzdahom ostinuv;
ma nu se pozriti slobodno ne smimo,
  meu nami za skriti ljubav ku tajimo.
Aj bože, stvori li na saj svit trud veći,
  neg tomu ki cvili dragoga želeći.
Ah oni blaženi i velmi ćestiti,
  ki često združeni mogu se ljubiti;
jer željom ne traju najlipše mladosti,
  ni zaman ufaju uživat radosti.
Tako mi, ma vilo, ovakoj ne sahnut
  i na tve još krilo pokojno t' odahnut;
tako me još hrlo tvojom kosom rusom
  svezala za grlo, jah lovac zvir uzom!
Koli su pričudne sej muke misliti,
  већma su još trudne u srcu trpiti.
Kroz toj te po vas dan želim, moj biseru,
  jak jelin kad žedan želi prić k jezeru. (II. 8).

2. Moje blaženstvo.

Vilo, ka s' u gizdah moj dičan vinačac,
  lipša ner u zvizdah pun jasan mjesećac:
ja tvoj se zovući sam sebi zavidim,
  najliše budući tuj gdi te uzvidim;
od nike ljubezni uzigrav srdačce
  veselo uzbiesni cjeć tebe sunačce;
rečem: jur tko veće blaženi na sviti
  može se od srjeće kako ja dičiti?
Evo lipa vila, pribilja od sniega,
  k sebi me primila ljubeći vrh svega.
Tko bude nje sužan, blažen se taj pravi;
  da tko je s njom združan, za c da se ne slavi?
Aj blažen sud oni i ures od zvizda,
  ki mene pokloni i na tvu vlas izda!

Da je meu sve ti dan zlamenit svitlostju,
kad vilo ja t' bih dan sa svomzi mladostju.
Jur cvitjem da zene čestiti stupaj moj,
ki proni tuj mene na rajski ures tvoj.
Rajski taj put vinu travom se zeleni,
najpri gdi prominu mene stril ljuveni.
Sve muke čestite i suze, ke prolih
i sve što krozi te tužan se ja bolih!
Ah da bi blaženi svi gorki uzdasi,
kima plam ljuveni me prsi zajazi.
Blaženo vidin'je, kad te najpri vidih,
blaženo željn'je, u kom te ja slidih.
Siavno sve još budi, oblidiv što sahnuh,
i kroz te što svudi trudiv ne odahnuh.
Blaženo toj vrime, ko trajah za milos,
služiv na tve ime za svu mi usilos.
Sinula noć svaka, kako zrak sunčani,
koju bdih bez sanka, ištući lik rani.
Ćestite još, vilo, pisni ke govoriš,
i svako još dilo ko tebi satvoriś.
Blaženo strpljen'je na daždu i zimi,
za tvoje ljubljen'je ma mlados ko primi;
ar niktor još toli čestit na svit ne bi,
kako ja, pokoli u milos bih tebi;
najliše kad združan bih s tobom gospoje,
ja ki t' sam svim sužan mladosti sve moje. (П. 61).

Шишко Менчетичъ и Юрій Даржичъ, родомъ дубровчане, были представителями той любовной поэзіи, основателями которой были провансальскіе трубадуры и знаменитымъ образцомъ которой въ Италіи былъ Петрарка съ своей школой. Пѣсни Менчетича и Даржича—въ второй книгѣ собранія югослав. академіи: „Pjesme Šiška Menčetića Vlahovića i Gjore Držića. Skupio V. Jagić. Zagr. 1870“.

4. Hanibal Lucić (1480—1540).

изъ драмы: „Robinja“.

Skazan'je drugo.

Robinja, Gusar, Derenčin.

Robinja. Vaj meni, ni li grih, gledatje cić boga,
da se tač izmorih mlajahna neboga,
upala u ruke gusarom prihudim
ovako sve muke podnoseć da trudim?
Mogu li pokore na svitu ke ine
najti se, i gore tuge i gorčine,
neg ove, ke tope brižnu me i dave,
pogruziv od stope tja deri go glave?
Meni gorke noći, meni su gorci dni,
od nikud pomoći bolizni mojoj ni.
Ajme, mila mati, na čto me odgoji?
čto me ne potrati, kada me zadoji?
Gusar. Bre, uzu trpiti jure se nauči,
a ne moj vapiti, jak da te tko muči.
Na tvoju malu har, tribuje, ovamo
da ideš na pazar, i da te prodamo.
Nismo se brodili po Savah i Dravah,
i toke obili klance po dubravah.
za da nam ne bude u tebi pak plaća,
koja nam sve trude do pokon oslaca.
Derenčin. Čto tako tuj diklu mičete, junaci,
kako cvit izniklu, ali ste divjaci?
Gusar. Da je ova dikla kako cvit rumeni,
trgovče, iznikla, toj nišće ni meni;
ja išću da prodam nje lice rumeno
za jaspre, ke podam za vince crljeno.
Derenčin. Pokle za prodaju dikla je taj vaša,
stanite, neka ju moja rič upraša,

u kojoj je strani svita se rodila ,
gdi li se uzhrani robinja taj mila . .
Gusar . Oči otvoriti , i tvu stvar gledati ,
i s njom govoriti nitkor ti ne krati .
Dobro gledaj , za te je li , ter ju kupi ,
do kli , ka gleda te , srića ne odstupi .
Cilu , nemužatu ja ti ju obitam ,
da dobro za platu razumij čto pitam :
manje se ne dade , trgovče bogati ,
oda tri hil'jade sve zlatih dukati .
Derenčin . Neka mi sa njome malo pobesidit ,
od cine po tome s vami ću pak vidit .
Gusar . Besidi , koko hoć' , manje se ne će dat ,
vazeti ali oć , u tebi toj će stat .
Derenčin . Molim te , povij mi : od kuda si , ko li ?
jer jadi tvojimi srce me zaboli .
Viru ti obitam od trgovca prava ,
za zlo te ne pitam , robinjo gizdava .
S tobom sam jednake beside i vire ,
i čovik brez svake hinbe i prohire .
Robinja . Trudno je boleću ranu razvijati ,
da li t' se tim ne ću , trgovče , ujati
ja , da ti ne povim , tko sam i od kuda ;
bude li mi , ne vim , s prudom al brez pruda .
Hrabrost oca moga i vira jest bila
kralja ugarskoga k sebi primililā ;
i on mu od tada budući najdraži ,
beloga Belgrada hti da je na straži .
Tuj poslom junačkim po taj put poslova ,
da ga i hrvackim banovstvom darova .
I veća porodi slava mu se totu
neg Janku vojvodi i Vuku despotu .
Po turskoj neviri do pokom pohinu ,
jere u potiri busiju zaminu .
Sriće moje oko tad hoti poćati
u mene ne toko veselo zrčati .

Nu jos se domišljat meni ne bi moći,
  ni ova pomišljat tuga da će doći.
Da, sada poznaju, njegove cić smrti
  ova se vrh naju nesrića razprti;
cić smrti njegove prolivam suzice,
  nesrićna sad ove i' bolim tužibe.
Vaj, smrti srdita, kako brez uzroka
  svakoga čestita dozgoniš pri roka!
a tko no brez česti žive, ter te išće,
  na tvoje dovesti ne ćeš ga stanišće.
Njega si uvela u tvoja toneta,
  ne hajući, vela da je toj grihota;
a ne ć' se oswiti na mene za sobom,
  ka želim smrti, ka teku za tobom.
Biše u vesel'ju i mene skončati,
  a ne me dresel'ju i tugam podati,
a ne me na ovoj dohranit života,
  da mi si ti pokoj, a život tegota.
Gorka si, svak veli, da mi je kako med
  tva gorkost veseli, istom mi dojdi vred.

„Рабыня“ Лучича представляетъ первый опытъ народной драмы: сюжетъ ея—похищеніе турецкими разбойниками знатной дѣвушки, которую освобождаетъ ея поклонникъ, выкупающій ее на торгу въ Дубровникѣ [1]). Сочиненія Лучича, вмѣстѣ съ сочиненіями другаго писателя Петра Гекторевича, изданы въ собр. югослав. акад. VI, Zagr. 1874.

5. Mavro Vetranić Čavčić (1482—1576).

изъ мистеріи: „Posvetilište Abramovo“

(Авраамова жертва).

Плачъ Сары объ Исаакѣ.

O dragi moj sinče, dušice ljuvena,
  gizdavi jeljenče od luga zelena!

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь изслѣдованіе А. Павича о дубровницкой драмѣ: „Historia dubrovačke drame“, Zagr. 1871. О драмѣ „Robinja“ см. стр. 22—24.

tko mi te usplaši i s majkom razdieli,
 što majku ne utaži, da grozno ne cvieli?
Orle zlatoperi, kamo si poletil?
 što majci zaperi u srce jadan stril?
Paune pozlatan, kud zajde po travi?
 jur ve je treti dan da majku ostavi.
Moj sivi sokole, mitaru priliepi,
 što majci na pole srdačce prociepi?
kragujče gizdavi, reci mi boga rad,
 u koj si dubravi loveći ostao sad?
Tko mi će ljubiti tve lice pribilo
 i tebe bluditi vazamši na krilo?
Jaoh rec' mi istinu, molim te rad boga,
 da ovakoj ne ginu u misleh neboga;
jeda si gdje zašal loveći kü vilu,
 ter joj si sam zaspal trudjahan u krilu,
u sjenci zeleni, i cvietju i travi,
 pri vodi studeni od velje ljubavi?
od mladac i vibez kako je običaj
 nositi ljuven vez, pri kom je tužni vaj.
Da griehom toj bude, da mi toj tko reče,
 da s' zašal u blude s tom vilom daleče,
sada bih ostavila polače i dvore,
 i staros spravila put luga i gore,
i glas bih pustila gorčiji od jada,
 da duša iz tila i srce ispada,
po gori hodeći, vaj, gdi su ti luzi,
 suzice roneći u vaju i tuzi,
da najdem tuj vilu gdje s tobom pribiva,
 gdi mi te na krilu u lice celiva,
bolježljiv da moj plać u tojzi dubravi
 sasma te sinko tać s tom vilom rastavi,
da te ta zla zgoda, s kojom su sve tuge,
 daleče od roga ne vodi u luge,
da tvoja dobrota k majci se povrati,
 da t' majci života prie reda ne skrati.

Za što bi pravedno, o dragi sinko moj,
  da s majkom zajedno provodiš život twoj;
za č si moj dragi sin po božjoj ljubavi,
  a sad mi trnov klin u srcu ostavi.
i ranu bez lieka, o dragi sinko moj,
  da želim do vieka ljuveni ures twoj.
Toj li te taj vila, cvileći gdi stojim,
  joh, ne bi vratila, da mi te posvojim,
rekla bih: o vilo, dieta mi slobodi
  pridrago i milo, a mene za nj vodi;
sve zlato i blago još ti ću ja dati,
  ako mi pridrago djetešce povrati.
Još njeka boljezan kolje me i davi,
  ka javi i u san prie mi se ne objavi:
er mnim da njeki glas bolježljiv govori:
  raspleti majko vlas, pogiboh u gori,
i crno rušce kroj, na sece ter stavi,
  er dragi sinak tvoj z glavom se rastavi:
lovac se privari tekući za zvieri,
  ter mene udari, ter mene umjeri
strielicom, jaoh! sade, koja mi žagorno
  objestran propade srdačce jadovno,
u ovoj dubravi ter tužna taj striela
  život moj rastavi i dušu od tiela.
Bez sumnje da je toj, kako bih ja znala,
  o dragi sinko moj, hrlo bih ustala,
ter tako od tuge bez stida i srama
  bjesneći u luge pošla bih ja sama,
jeda te višnji bog jaoh meni objavi,
  gdje ležiš ti nebog izranjen u travi,
jeda te zastanu duhata u gori,
  da t' vidim tuj ranu, koja te joh mori;
er bilje razliko što je zemlja sazdala,
  drobno i veliko, sve bih tuj sabrala,
ter bih ti povila, moj sinko, tuj ranu,
  i suzam polila za ljubav srčanu;

kad suze i bilje zajedno se sastave,
da kažu posilje, da tebe ozdrave;
to li bih ja zaman toj bilje sabrala,
uzdah bih moj jadan k nebesom poslala,
suzice roneći neka tuj izdahnu,
pri tebi stojeći za ljubav istahnu,
neka tuj prieka smrt u tojsi dubravi
oba dva bude strt' i u jedan grob stavi,
ljubavi jedina, da t' majka ne tuži,
da majku i sina jedna smrt sadruži.

Никола Ветраничъ—Чавчичъ (въ монахахъ Мавро), родомъ дубровчанинъ, кромѣ перевода Еврипидовой *Гекубы*, написалъ мистеріи: *Воскресенье Христово*, *Авраамова жертва*, *Чистая Сусанна* и множество разнаго рода стихотвореній. Ветраничъ достигъ уже замѣчательной красоты языка и легкости стиха. Приведенный нами плачъ Сары объ Исаакѣ—истинно поэтическій эпизодъ изъ мистеріи „Posvetilište Abramovo“, и весьма живо напоминаетъ народныя пѣсни этого рода, такъ-называемыя у Сербовъ „нарицанья“. Сочиненія Ветранича въ III и IV кн. упомянутаго собранія югослав. академіи: „Pjesme Mavra Vetranića Čavčića. Skupili Jagić, Kaznačić i Daničić. Zagr. 1871—1872.

6. Petar Hektorović (1487—1572).

Ribanje i ribarsko prigovaranje.

Drugi dan.

Pojdoše vozeći, kude sami htihu,
luku obhodeći, gdi ju našli bihu.
K Suletu gredihu, držeć se vrh vitra,
u tom višća bihu ona dva i hitra.
Bud da vitarac mal, lipotom ča znahu,
od zdol biše ustal, još većši čekahu.
Malo povozivši, pri ner se umori,
riči potočivši, Nikola govori:

recimo po jednu, za vrime minuti,
bugaršćinu srednu, i za trud ne čuti;
da Srbskim načinom, moj druže primili,
kako meu družinom vasda smo činili;
koko da se utice, jer biše od volje,
sam Paskoj pokliče ča može najbolje:
Pask. „Dva mi sta siromaha dugo vrime drugovala,
lipo ti sta drugovala i lipo se dragovala,
lipo plinke dilila, i lipo se razdiljala,
i razdiliv se, opet se sazivala.
Već mi nigda zarobiše tri junacke dobre konje dva siromaha,
tere sta dva konjica mnogo lipo razdilila.
O tretjega ne mogoše junaci se pogoditi,
negli su se razgnivala, i mnogo se sapsovala.
Ono to mi ne bihu, družino, dva siromaha,
da jedno mi biše vitez Marko Kraljeviću,
vitez Marko Kraljeviću i brajen mu Andriašu, mladi vitezi.
Tuj si Marko potrže svitlu sablju pozlaćenu,
i udari Andriaša brajena u srdašce.
On mi ranjen prionu za njegovu desnu ruku,
tere knezu Marku po tihora besijaše:
jeda mi te mogu, mili brate, umoliti,
ne moj to mi vaditi sabljice iz srdašca, mili brajene,
dokle ti ne naručam do dvi i do tri beside.
Kada dojdeš, kneže Marko, k našoj majci junačkoj,
ne moj to joj, ja te molim, kriva dila učiniti,
i moj dil ćeš podati, kneže Marko, našoj majci,
zašto si ga nigdar veće od mene ne dočeka.
Ak li te bude mila majka uprašati, viteže Marko:
što mi ti je, sinko, sabljica sva krvava?
ne moj to joj, mili brate, sve istinu kazovati,
ni naju majku nikako zlovoljiti;
da reci to ovako našoj majci junačkoj:
susrite me, mila majko, jedan tihi jelenčac,

koji mi se ne hti s drumka ukloniti, junačka majko,
ni on meni, mila majko, ni ja njemu.
I tuj stavši, potrgoh moju sablju junačku,
i udarih tihoga jelenka u srdašce,
i kada ja pogledah onoga tiha jelenka,
gdi se htiše na drumku s dušicom razdiliti,
vide mi ga milo biše, kako mojega brajena, tihoga jelenka,
i da bi na povrate, nebih ti ga zagubio.
I kada te jošce bude naju majka uprašati:
da gdi ti je, kneže Marko, tvoj brajen Andriašu?
ne reci mi našoj majci istine po ništore;
ostao je, reci, junak, mila majko, u tujoj zemlji,
iz koje se ne može od milin'ja oddiliti, Andriašu;
onde mi je oblubio jednu gizdavu devojku.
I od kle je junak tuj devojku obljubio,
nikad veće nie pošal sa mnome vojevati,
sa mnome nie veće ni plinka razdilio.
Ona t' mu je dala mnoga bilja nepoznana,
i onoga vinca junaku od zabit'ja, gizdava devojka.
Li u skori mu se hoćeš, mila majko, nadati.
A kad na te napadu gusari u crnoj gori,
ne moj to se prid njimi, mili brate, pripadnuti,
da iz glasa poklikni brajena Andriaša;
bud da me ćeš zaman, brate, pri potribi klikovati,
kada mi te začuju moje ime klikujući, kleti gusari,
taj čas će se od tebe junaci razbignuti,
kako su se vazda krat, brajene, razbigovali,
kada su te začuli moje ime klikovati;
a neka da ti vidi tvoja ljubima družina,
koji me si tvoga brata brez krivine zagubio!
Vesel budi gospodaru, i vesela ti družina, naš gospodaru!
ova pisan da bude tvoj milosti na počten'je".
Uz toj odgovorih: Paskoje, hvala ti!
a pak Nikoli rih: bugari sada ti.

Nik . „Kada mi se Radosave vojevoda oddiljaše
od svojega grada divnoga Siverina ,
često mi se Radosav na Siverin obziraše ,
tere to mi ovako belu gradu besijaše :
ovo mi te ostavljam , beli grade Siverine, moj divni grade ,
ne znam veće viju li te , ne znam veće vidiš li me .
Sva je tada družina brze konje uztegnula ,
tere stavši Radosava družina uprašaše :
jeda nam si , vojevodo , zle bilige ke vidio ?
opeta se zavratimo ka gradu Siverinu .
A on mi se junakom tihim mukom ujimase, Radosave ,
udrio je ostrogami junačkoga dobra konja ,
tere to mi od'jizdi prid junaci crnom gorom .
I kada je bio sridi one crne gore ,
padnuo je Radosave s družinom vince piti ;
da prvo to biše stražice razredio .
Istom straža pripade k Radosavu vojevodi , Siverincu :
da ti je u znan'je , naju mili gospodine ,
ovo li se brode turske kirižie karavane ,
neka to jih pojdemo junaci razjagmiti ?
Radosav mi stražici vojevoda odbesidi :
ne mojte jih po ništo , družino , razjagmiti ,
da isto jim vazmite jedno brime dobra vina , junaci bratjo ,
lipo jim ga vazmite , i dobro jim ga platite .
Lipo su ga vazeli , i lipo ga su platili ;
i kada su padnuli junaci vince piti ,
druga straža pripade k Radosavu Siverincu :
zlo si vince popio , Radosave vojevodo ,
na te se je spravio Vladko Udinski vojevoda ,. Siverine!
Brzo mi su junaci brze konje pohitali ,
tere mi su poseli junačke dobre konje .
Radosav mi ne može svoga konja uhvatiti ,
za što mu se brz konj biše po livadi razigrao .
Za njim to mi potičući vojevoda klikovaše :

stani jure , konju , stani jure , brzi konju , aj davori konju ,
stari jure , brzi konju ; da bi , konju , zaginuo!
kako no je meni tebe cića zaginuti .
Kada mi ga ne može Radosave sustignuti ,
poklopio se je svojim šćitkom perenim ,
tere mi je otašao za družinom brez konjica ,
svojom svitlom sabljicom , s vitim kopjem na ramenku , Siverinče .
Za njim se je upustio Vladko Udinski vojvoda
na svojemu , vitez Vladko , junačkomu dobru konju ;
i kada mi Radosava Siverinca sustizaše ,
smirio ga bieše meju pleća udariti ,
položivši vito kopje brzu konju meu uši .
Već mi se je Radosave junački izvrnuo , vojevoda ,
tere to mu vito kopje na peren šćitak prija.
Na peren ga šćitak prija , a sabljicom ga obsiče .
Stavši to mi vitez Vladko Radosavu uzbesidi :
oto sam te kušao , Radosave Siverinče ,
bi li mi se umio pri potribi izvrnuti ;
a sadi ti vera budi , Radosave , Vladkova , vitežko kopje ,
da te hoću prid družinom vojevodom postaviti .
Odmetni to od sebe tvoje junačko oružje ,
neka da se meju sobom junaci pozdravimo .
Radosav mi odpasa svoju sablju junačku ,
k njemu mi je pristupio Vladko Udinski vojevoda ,
tere mu je pričao bele ruke vezati , Siverincu ,
a sam ga je odveo na svoje devne dvorove .
K njemu su se kupile sve devojke i neviste ,
i one mlajahne , družino , udovice ,
tere to mi Radosavu Siverincu klikovahu:
aj davori davori Radosave Siverine ,
mnozim ti nam si crno ruho postavio , vojevoda !
već to mi je hotila nika srića Vladkova ,

da te je junaka na veri privario,
i njehova t' bi ljubovca crno ruho pronosila.
Tuj mi se je Radosavu na Vladka razžalilo;
tere to mu junak iz glasa klikovaše:
neverna ti, Vladko, vera, i neverna ti ljubovca, viteže Vladko!
Kada ga je začuo vitez Vladko klikujući,
vele t' se je na njega vojevoda razgnjivao,
ter mi je dozvao one svoje verne sluge,
kojim to je pridao Radosava Siverinca,
tere ga je poslao junaka zagubiti.
A sada mi i vazda dobra srića s tabom budi, naš gospodaru,
i zdravo nam svude hodi i veselo domom dojdi.

Петръ Гекторовичъ, родомъ изъ Гвара, извѣстенъ какъ первый далматинскій поэтъ, который уже прямо обращался къ источникамъ народной поэзіи: въ своей поэмѣ „Ribanje i ribarsko prigovaranje“ (три дня рыбной ловли образуютъ три части поэмы) онъ вставилъ три народныхъ пѣсни, двѣ изъ которыхъ нами здѣсь напечатаны. Сочиненія Гекторовича и Лучича въ упомянутомъ собраніи югослав. академіи, VI, Zagr. 1874.

7. Andrija Cubranović (ум. ок. 1550 г.).

Jedjupka.

Višnji gospod, gospodične!
Cestit'jem vas vencem kruni,
I željen'je vaše ispuni,
Ier ste suncu sve prilične!

Od onih smo, gospo, strana,
Otkle žarko sunc' ističe,
Kletva hoće, svit potiče,
Da nejmamo nigdir stana.

Nit' smijemo na jednom mjesti,
Božjom kletvom da stanemo:
Gdi noćimo ne svanemo,
Jer nas pričnu crvi jesti.

Jur dva d'jela segaj svita
Izvili smo od tej strane,
Radi naše brišne hrane,
Jak cić medna pčela cvita.

I primili gospo u putih,
Probijući strane i luge,
Mnoge brige, jad i tuge,
Cića zviri tuj priljutih;

I cić guse, od ke riti
Ne dadu mi grozne suze,
Mislеć tužnoj! što mi uze!
Spomena me čini mriti.

Imah sinke do četiri;
Svaki bjele kako rusa [1])!
Dančula mi odni gusa,
Ka mi u snu jošte tiri.

Prid kom' biguć, planin' hvojke
Bile mi su brašno hode,
I poskupo hladne vode;
Ja trim dajuc' čedom dojke!

S kima k moru pripadosmo
Za pribrodit' sinje more,
Pri neg' gusa dodje s gore
Brodaru se svi dadosmo:

---

[1]) = posa.

I brodeći Alivera
Istom ne bi vaj! na broju.
Iz korablje ljubi moju
Zani vihar od sjevera.

A Elesa moju diku,
Za brodidbu podah, tužna,
Lele, lele, veomi rušna!
Da n' osušu lica viku!

Samo' meni moj Danio
Od četiri jest ostao,
Kako vidiš u bah, mao,
Ali majci veoma mio!

Koga sa mnom, gospo, obdari
J ljubavi tve nadili,
Tako tebi Bog n' uhili
Od najdraže tvoje hari.

Наибольшую славу пріобрѣлъ себѣ Чубрановичъ своимъ стихотвореніемъ Jedjupka (египтянка, цыганка). Цыганка дѣлаетъ предвѣщанія и открываетъ тайны шести различнымъ госпожамъ. Пьеса эта, по всей вѣроятности, написана для карнавальнаго праздника. Сочиненія Чубрановича въ VIII книгѣ упомянутаго собранія югослав. академіи, Zagr. 1876.

8. Dinko Ranjina (1536—1607).

Različne pjesme.

1. Neprijatelju.

Ti, ki si vazda bil od ljudi tamnilo,
Kako si jur hotil, tako t' se zgodilo;
Jer čovek zao, kad čini zled, nepravdu,
Mnokrat mu iz nenad zlo pade na glavu.

Ja t' rekoh: sa mnom skok ne skači zlotvore,
Jer što 'vi neposkok već skočit' ne more.
Ovo je biće me, ovo je jur moj red,
Tko hoće slatka me, sladji sam nego med;
Tko li me grka kad poželi koji hip,
Grči sam nego jad i čemer i nalip.
Ne mogu himben vik ja, kako ti, biti,
Inako, mnju, čovik ne bih se brojiti.
Tim na svit blahome uživat poštuju,
Da jači dvore me a mudri svetuju.

2. Oholost i lepota.

Jur se plám zhusnu vas u tebi ljuveni,
Svenuše t' sva cvitja i v'jenci zeleni,
Sunc' ide u zapad, i već dan ne sviti,
Dospješe sve piesni tvoje se na sviti;
Prislatko pojanje od ptica sve prodje,
Minu tja ljetni hlad, a zima zla dodje.
S dubja ti sve listje će nica panuti,
Hladenac zmrze se, a voda zamuti,
Na slatku tvu radost sve pride grcilo,
Koje se potamna odveće nemilo.
Već n'jesi u scini, koj nekad ti biše,
Kad no se proć službi mojojzi gnjiviše;
A toj sud pravedni, znaj hoće, ljubavi
Da oholas ljepotom dugo se ne slavi!

3. Pesmama.

O pjesni vi moje, ke biste stvorene,
Cjeć da se glas poje vile me ljuvene,
Da vas sv'jet prosudi, vam je sad otiti
Med vile i ljudi razlike na sviti.
Tim imav putovat' toliko dalek tja.
Ovi svjet hoću dat' za nauk vami ja;

Ako vi ljuveno duh živit' vidite,
Njemu se sniženo poklonit' hotite;
I šteć vas koju stvar ako bi on vidil,
Ka ne bi za moj var u čem god dobra bil,
Nikako u tomu zle volje n' uzmite,
Veselo nu njemu ovako recite:
„Rusa, ka sred gore opći se radjati,
Viku se ne more bez drače ubrati“.

9. Dinko Zlatarić (1566—1610).

Različite pjesme.

1.

Da meni veseli ne braniš pogled tvoj,
Od koga ne želi dražu stvar život moj,
Dike bi tve stavil pojući u pjesni,
I vr'jednost objavil od naše ljubesni.
Neka tač, ki moje spievanje bude štit',
Poželi moć tvoje liposti gdi vidit?
I po tom da pravi: dostojna prem dika,
Dostojno zatravi ovoga človika.
Nu bigaš jak plaha košuta od mene,
Ka preda od straha, kad se list gdi krene.
Ter drazim očima ne će pozrit na me vik,
I željam ljupkima tač kratak stvorit' lik.
Ne mogu tim spivat', u mukah neg svak čas
Uzdišuć polivat' suzami moj obraz.
A pjesni ti tvore, ki pokoj tih druže,
Jer tuge kih more, uzdišu i tuže.

2.

Slavju, koji s milim pjesni
Glasiš da je svrha zime,
I da veće pride vrime
Od veselja i ljubesni;

Spivaš jer led hudi prodje
Ki neredno sve haraše,
A žudjeni dni postaše;
Gdi prolitje drago dod'je.
Svitu novu kripost dava
Zlato sunce, muči more,
Stječu novo biće gore,
Polja travu, cv'jetje trava.
Sad živuće sve stvorenje
Ljubav ćuti u radosti,
Ter uzbjesni od sladosti
Gorko dubje i kamenje.
Ali ona, ku obljubi
Duša moja, tvrdo stoji
Tvrdu studen sama goji,
S kom ljuvena sila gubi.
Ti si mnokrat biljišući,
Ustavil se s tvojom drugom,
Čujuć mene smućen tugom,
Tužbe moje slišajući.
Nije, da bi u koj sc'jeni
Tužba moja, neg' sve gine,
Žestočije gvoždja i stine
Nje su prsi protiv meni.
Venem, ginem, kopnim, sahnem,
Nigdi lika ne nahodim;
Ter sva pusta mjesta ohodim,
Da s' istužu, da odahnem.
Vil 'proć meni stoji gnjivna,
Ne će govor moj da čuje
Neg ' sve uši zatiskuje
I odvraća lica divna.
Za toj tako vik ćeš prika
Tvoga mira ne prikrati,
Tako t' dano pripivati
S tvojom dragom tač do vika.

Ti za milost k njoj poleti,
Ter običaj tvu sl'jedeći,
Jasnim glasom žubereći
Htij joj r'ječi ove r'jeti.
Jedan, koga zamamiše
Tvoje dike, mira n' ima,
Nikad ne da sna očima,
Vazda plače i uzdiše.
Bdeć u tuzi noći traje,
U žalosti dni provodi,
Dalek ljudske družbe hodi,
Svoje boli naricaje.
I u svaku rič, ku reče,
Svedj otajni uvjet neki
Spomenuje, ki zloreki
Smete hinac i poreče.
Jur za jadne strile svoje,
Smrt pohita, da ga rani,
A on sili toj se brani,
Nazivajuć' ime tvoje.
Za č imena sladost tvoga,
Toliku mu kripost dava,
Da se moći odrvava,
Tač poraza usiona.
Lje ga život veće mrzi,
Gdi ne može trpjet' truda,
I pustiće da smrt huda
Podere mu duh iz prsi.
Nije dosti da pogine
U najljepšu svoju mladost,
Pokaži mu licem radost,
I odždeni smrtne tmine.
U ljubave sve sad gori,
Razbludno je primaljetje,
Svud je radost, niče cv'jetje,
I topi se sn'jeg na gori.

I ti reci, da u vrućini
On uzdasi led rastopi,
Ki ti srce sve priklopi.
Ter ljuveni plamen primi.
A ne budi tač nemila,
Na njega se već ne gnjivaj,
Od mladosti dni uživaj,
Koje bježe kako strila:
Ter kad sve toj dogovoriš,
Milost pitaj slavju mili,
Jer me ote smrtnoj sili,
Ako milost ku izdvoriš.
Jaoh što mislim? što li činim?
Zaman pomoć svud vapijem;
Po pržini morskoj sijem,
Vietar opteć mrižom scinim.

Динко Раньина и Динко Златаричъ были замѣчательнѣйшими поэтами дубровницкими XVI вѣка. Оба оставили много любовныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, первый писалъ посланія, дидактическія и идиллическія стихотворенія, переводилъ Тибулла, Проперція и Марціала, а также и изъ греческихъ поэтовъ (Ranjina Dinko, Pjesmi razlike, Zagr. 1850). Златаричъ перевелъ „Аминту“ Тасса подъ названіемъ „Ljubmir“, а также „Электру“ Софокла и „Пирама и Тисбу“ изъ Овидія (Zlatarića Dinko, Djela, Zagr. 1853).

10. Ivan Gundulić (1588—1638).

Изъ 8-й пѣсни поэмы „Osman“.

Liepota je od naravi
Dar čestiti, slavno blago,
Gdie se sabrà, skupì i stavì,
Sve što 'e ugodno, milo i drago;
Od svietlosti višnje zràka,
Cviet od raja pun uresa,

Dobro, u kom su dobra svaka,
Bistri izgled od nebesa';
Najizvàrsnie božje dielo,
U kóm svietu raj se otvora,
Gdi 'e pram sunce, iztok čelo,
Zviezde oči, lice zora.
. Od radosti i razbluda'
Skup izbrani, skladna miera,
Sladka od sàrca svieh požuda,
Mila od očih svieh zamiera.
Med presladki, ki tko kuša,
Čemer mu se sladak čini,
Blizu i dalek od svieh duša'
Želja i pokoj drag jedini.
Nu moguća ova liepos
S svietlom kárvi kod se sdruži,
Dva krat veću kaže kriepos,
Da je dvori svak i služi.
U velikoj tere slavi
Leti svudu glasovita,
J neznane puke travi
U najdaljieh stranah svita.
O cesarka kćeri izbrana
U porodu okrunjena,
Ti sva vedra, sva sunčana
S liepote si i s plemena.
Rajski ures lica tvoga,
Ki moć izriet ni'e besiedom,
Vladislava prie slavnoga
Zaniè glasom neg pogledom.
Tiem on želeć, da bi stekó
Dragu milos pred tviem licom,
Kraljicom te 'e svom narekó,
J ljubljenom vierenicom.
Ali dočim ni'e daleče
Namienjeni tvojoj srieći,

Iz sievera ter ti izteče
Sunce bieli dan noseći,
  Tvá liepota rajska prosti,
Mala ptica s tanke hvoje,
Ako iztočnoj tvoj svietlosti
Iz dubrave piesni poje.
  Kraljeviću viereniku
Veće iztočni car zavidi
Pleme i liepos tvú veliku,
Neg svú dobit, s ké još blîdi;
  Steć bo može on na svîtu
Izgubljenu slavu u boju;
Nu liepotu plemenitu
Ne viek naći kako tvoju.
  Pod zviezdami tvoga uresa
Nije bilo, nit će biti:
Jedno 'e sunce várh nebesa',
Jedna 'e liepos tvá na svîti.
  Otmanović tiem zaludu
Poslo je iskat svuda sebi,
Da caricu naći budu,
O kraljice, sličnu tebi.
  S tvojim draziem natiecati
U svem se ište; ali neće
U ljubovcah on imati,
Neg u oružju bolje srieće.
  Sila mu je da izgubi,
I inako moći nije,
Tako u liepoj sada ljubi,
Kako u vàrlom boju prie.
  Jur je došo Kizlar-aga
K Smederevu bielu gradu,
Za iznaći kćer Ljubdraga,
Sunčanicu liepu i mladu.
  Svietla je ova dievojčica
Od koliena despotskoga,

Vid žudjeni i zenica
Sliepa starca, ćaćka svoga.
Ki se unukah unuk zove
Gjurgja despota i Jerine,
Od kieh ime i sad slove
Niz slovinske pokrajine.
Zasve da su Turci hudi
Gospodstvo mu staro oteli,
Gospodske se kaže ćudi,
Plemenit se dielim veli.
Prud kraljevski, niekad ki je
U rukah mu diedim bio,
Njemu 'e sada štap, na ki je
Težku staros naslonio.
Dàržave one, gdie niekada
Vlas despotska sterala se,
Kratka mu je sad livada,
Vàrhu koje stado pase.
Straže mu su psi uzdani,
Krotke ovce puk podložni,
A pastiri i gorani
Prijatelji najuzmnožnî.
Priprosta mu 'e kućarica
Mramornoga mieste hrama,
A razkošna sviem ložnica
Trava uvehla, suha slamu.
Šatori su izvezeni
Zelenoga dubja kitje,
Jestojska mu 'e sat medeni,
Voda i mlieko sladko pitje;
A od zlata čaše izbrane,
Sladka pitja u kieh stoje,
Ruke biele i sniežane
Milostive kćerce svoje.
Dobri ovako starac traje
Najpokonjih danah dio,

Ki od dvanaes sinova' je
Čestit otac niegda bio.
Ali njemu smàrt nemila
Kroz namieru hudu i prieku
Svieh je u bàrzo poplienila,
Da ne osuši lica vieku.
Tiem je on sada ostó veće
Jak obsiečen dub u gori,
Komu vihar s plahe smeće
Grane skàršì i oborì,
Vuk i Ljubdrag, kieh slovjàše
Glas z iztoka do zapada,
S puške ognjene mártvi ostaše
U podstupu Prage grada.
Gojko i Uroš sried zasieda'
Od turske su sablje pali,
Ki su u ognju preko leda
Za cesara vojevali.
Mikleuša i Stiepana
More utopì na pučini,
A dopade smàrtna rana
Vladka od guse u planini.
Glavu izgubì Gàrgur svoju
S priateljskieh zlieh prevara',
A u erdeljskom stignù boju
Smàrt Miloša i Lazara.
Janko i Lauš od svieh biehu
Samo ostali jošte živi
Za razgovor i utiehu
Cácku u težkoj suprotivi,
Ki svu ljubav složì i stavì
Od dvanaes u dva ova,
I kô oči dvie u glavi
I gledá ih i milovà.
Ali huda nad sve ine
Do bàrzo mu srieća uzroči,

Da mu ujedno zrak pogine
I od dva sina i od dvie oči .
Janka né može uzdàržati ,
Da se na boj ne uputi ,
U bogdanskoj tiem ga rati
Pogubiše Turci ljuti .
A Lauša u isto vrime
Srietè prieka smàrt na domu ,
Ki ćaćkovo zovuć ćaćku istomu .
Tad toliko plakat uzè
Od dvanaes probien strila'
Tužni starac , da ga suze
Osliepiše s grozna cvila ,
I svàršio još bi u plàču
Dni kroz težke nepokoje ,
Razgovora da ne začù
Od jedine kćerće svóje .
Sunčanica mlada i liepa ,
Od ké slovu svud krieposti ,
Svietlo ufanje ćaćka sliepa ,
I štapak je u starosti .
Mile unuke on viditi
Želi od drage kćerce ove ,
I u njih opet ponoviti
Sebe i màrtve své sinove .
Ali 'e zaman da itko sada
Nje liepotu dvori mnogu ,
Zašto dievstvo ona mlada
Zavietová višnjem' Bogu .
Mudri ćaćko s bilièg' veće
Pozna ovu nje odluku ,
I što obljubit kćerca neće
Vierenika , ćuti muku .
Nu u sebi opet sudi ,
Da od dietinstva plaha izhodi

Ta nje misó, s koje žudi,
Da dni tako sama vodi;
Tiem nieka u njoj od ljubavi
Probudi se časna želja,
On razlike igre stavi
Od radosti i veselja.
Od bugarskieh mlados sela'
Na igre se skupì ove,
I ljuvene i vesela
Siediljkam' ih miliem' zove.
Liepe dieve i gizdave,
I seljani mladi s njima
Na igre idu, i várh glave
Svak od cvietja vienac ima.
U tanac se svi hitaju,
Svi začinju sladke piesni.
I razlike igre igraju
U pokoju, u ljuvezni.
Vàrh livade mlad uz mlada
Siedi u cvietju razlikomu,
I rieč s riečim hitro sklada
Na uho šaptom ovi onomu.
Natieću se tu pastiri,
I ukazat svaki uživa,
Da skladnie dipli sviri,
I u sladji glas popîva.
Zatiecat se još netaže
Pastirice najmilije,
Ká začinje piesni draže,
Ká li vienčac liepši vije.
Siediljke ove skupio biše
Starac Ljubdrag na svom stanu
Jedà sárce tvárdo odviše
Od své kćerce one ganu,
Ter od mladieh, kieh ustrili
Slavna liepos nje velika,

Kigodi joj tu omili,
I obere ga vierenika.
Tad kon liepe Sunčanice
Na siediljke sej ljuvene
Od svud mladci i mladice
Skupiše se nebrojene.
Ona mlada, zasve da je
Mučna u sàrcu cieća toga,
Poslušna se kazat haje,
Zapoviedim ćaćka svoga.
Sve najliepše gube ime
Pred uresom nje uresa,
Jak pred suncem iztočnime
Jasne zviezde od nebesa'.
Ona zlati pram od kosi'
Na vietric je tih razplela,
A od razlika cvietja nosi
Víenčac vàrhù vedra čela.
U pogledu ljuvenomu
Razbludna joj sja danica,
A u rajskom lieu svomu
Cavti trator i ružica.
Na ustieh joj od veselja
Rumena se ruža smije,
Koprenica sniega bielja
Bielje od sniega pàrsi krije.
Tako ona milo hodi,
I toliku svietlos ima,
Da u jedno vrieme izvodi
Tančac stupom, dan očima.
Pače cieneć da je zora,
Sto su oči nje ljuvene,
Rumena se ruža otvora,
I razliko cvietjè zene;
Bieliem' rukam' po livadi
S drugam' ga ona brat počinje;

Seljani se dižu mladi,
Kolo okolo njih začinje.
U sried kola od svirali'
I od diplih na glas mio,
Da zabave sej pohvali,
Zače ovako mlad Radmio:
„Družbo liepa i vesela
Od mladjanieh pastirica',
Kiem sried očih zora biela,
A sunašce sja sried lica,
Pridružite u ljuvezni
S našiem' vaše skladne glase,
Da pojući sladke piesni
Bitje ovo proslavja se.
Pojmo, pojmo družbo draga,
Bieži mlados, leti vrime.
Od proljetja doba blaga
Uživajmo prie zime.
Nečiekajte, svietla prama
Zlato u srebro da se obrati,
Bez svietlosti i bez plama
Liepieh se očih pogled skrati.
Svaka od vas, liepe moje,
U mladjahna svoja lita
Želje izpunjaj sladke svoje,
Gàrli rados, ljubav hita'.
Čestitos je ovo živa,
Blaženstva su ovo prava,
Ovako se liepa uživa
Mlados i nje dika i slava.
Što se pita, da se ima;
Sto se žudi, da se steče,
Što je liepo blizu očima,
Da i od sàrca ni 'e daleče;
Da dva mlada jedno žele
U životu stravljenomu,

I da vode dni vesele,
Živuć jedan u drugomu“.
Radmio prestà, i taj čas se
S njim u tanac svi hitaju;
Dva začinju, a u sve glase
Skladno ostali odpievaju.
U šapat se igra obrati,
Kô se u tancu dozačina,
Pak uzeše popievati
Četir mlada seljanina.
Pàrvi poče, kô niekada
Od Herzega od Stiepana
Ugrabi se ljubi mlada,
Ká mu sinu bieše dana,
I kô ona jad i smeću
I ćutiela 'e i podnila.
Čiem na starcu sviem màrzeću
Draga 'e mladca promienila;
I kô paka cieća toga
Sin mu se je poturčio,
I iz gospodstva Herzeg svoga
S diecom inom prognan bio.
Zapieva drugi opeta,
Kô Biogradu pomoć podà
Prema silam Mahumeta
Ugrin Janko vojevoda,
I kako se izpod mira'
Grada toga car oholi
Ljuto ranjen tad iztira
Veće màrtav, živ nego li.
Kô se iz grada Dubrovnika,
Kliče tretji, k Zadru uputi
Gjuragj despot, za na prîka
Zeta Ugre podignuti;
I od Sibinja kô ban slavni,
I ugarska sva pospoda

Tad ustaše na boj spravni,
Neka mu se pomoć poda;
I kô s vojskom iz Budima
Kral Vladislav sam se odpravi,
Ter Murata s niezmiernima
Silam' razbi na Moravi.
A četvárti kliknuo bieše,
Kô ugarske skladne volje
Matijaša kralja uzpeše
Iz tamnice na prestolje;
I kô utrudjen kral hrabreni
Hàrvuć vojske od Turaka',
Na kopju se često odmieni
Od despota Vuka paka.
Bugarkinje jur prestale
I pievanja biehu draga,
Kad smete igre sve ostale
Svoim došastjem Kizlar-aga;
Sunčanicu liepu i mladu
Ukasati da mu budu.
Pokli je izkà svud po gradu
Smederevu on zaludu.
Bàrži nego bàrza striela
Odtole se s družbom dieli,
Buduć čuo, da se u sela
Ljubdrag otac s njom preseli.
Tu je nadje u zabavi
Od veselieh siediljaka',
I u pogledu nje objavi
Taj čas mu se sunčja zraka.
Pače bieliem danom svanu
Cárnom agi noćno lice
Na liepotu rajsku izbranu
Od sunčane Sunčanice.
Zapažene od svud vidi
U nju jednu svačie oći,

I cviet sunce gdi je slidi
Pored suncem od iztoči.
Ali cȁrnac kȏ se ugleda,
Nezna od straha nitko gdi je;
Siemo, tamo svak ureda
Hoće biežat, a neumije.
Sunčanica i s njom lȉpa
Družba od straha i od srama
Cvjetje iz skuta na tli sipa,
Ké za zlatnieh braše prama'.
Poniknute liepe vile
Zamuknuše mramorkome,
Scienec, da su tako skrile
Same sebe sienom svome.
Od svuda su vȁrhu lica
Vlase od kosah razpustile;
Ali izmedju zlatnieh žica'
Sjahu im većma oči mile.
Hitri hadum sviem objavi
Veseo pogled, sliku dragu;
Spried na pȁrsi ruku stavi,
I u besiedu kliče blagu:
„Družbo mila, dni čestite
Ki trajete sried dubrave,
Uživajte i sliedite
Liepe igre i zabave.
Nitko ne imaj strah, ni čezni;
Jer došastje moje neće
Razvȁrć vaše tance i piesni,
Ni doniet vam gorke smeće;
Pače u družbu vašu, ká je
Mnoge srieće, mnoge česti,
Gdi u miru svak dni traje,
Ja ću za nać mir uliesti:
Tiem gizdava družbo mlada,
Ovdi, gdie ste vi skupljeni,

Ne budi vam mučno sada
Dat za malo miesto i meni [1]".

Иванъ Гундуличъ представляетъ высшую степень развитія далматинской поэзіи. Его литературная дѣятельность была разнообразна. Какъ плодъ изученія итальянскихъ поэтовъ явился его переводъ „Освобожденнаго Іерусалима" Тасса и нѣкоторые другіе переводы. Гундуличъ написалъ или перевелъ нѣсколько драматическихъ пьесъ („Ariadna", „Dubravka", „Galatea", „Armida" и др.), которыя публично представлялись въ Дубровникѣ, причемъ актерами были самъ авторъ и аристократическіе друзья его. Ему принадлежатъ стихотворное изложеніе нѣсколькихъ псалмовъ („Piesni pokorne kralja Davida"), элегическое произведеніе „Suze sina razmetnoga", пѣснь о величіи Божіемъ („Piesanca o veličanstvu božjem"), ода въ честь Фердинанда III, герцога Тосканскаго. Но особенно знаменитъ въ далматинской литературѣ его „Osman", эпическая поэма, которой уже современники (Юній Пальмотичъ) пророчили безсмертіе и которая до сихъ поръ пользуется большой славой въ сербохорватской литературѣ, какъ лучшій цвѣтъ дубровницкой эпохи. Предметомъ своей эпопеи Гундуличъ избралъ войну 1621 г. между поляками и турецкимъ султаномъ Османомъ и гибель Османа, убитаго въ мятежѣ.—Всѣ дошедшія до насъ произведенія Гундулича изданы въ Загребѣ подъ заглавіемъ: Diela Ivana Gundulića, troškom Dr. Lj. Gaja,

---

[1]) Содержаніе приведеннаго отрывка слѣдующее. Глава евнуховъ (кизларъ-ага), которому молодымъ султаномъ Османомъ поручено набрать отовсюду дѣвушекъ для гарема, красивыхъ и знатнаго происхожденія, пріѣзжаетъ въ Смедерево. Тутъ, въ одномъ подгородномъ селеніи, живетъ старецъ Любдрагъ, обѣднѣвшій и ослѣпшій потомокъ могучихъ князей: лишившись жены и всѣхъ сыновей—у него было ихъ двѣнадцать—онъ живетъ одинъ со своей дочерью Сунчаницей. И тщетно старикъ надѣется, что родъ его продлится хотя въ женскомъ колѣнѣ: дочь его хочетъ прожить всю жизнь дѣвственницей. Чтобы дать ей случай полюбить кого-нибудь и отклонить ее такимъ образомъ отъ этого намѣренія, отецъ созывалъ молодыхъ пастуховъ и пастушекъ на веселыя игры, пляски и хороводы, въ которыхъ она только неохотно принимала участіе. Среди такихъ игръ застаетъ ихъ кизларъ ага...

1844. Другое полное изданіе сочиненій Гундулича въ IX книгѣ собранія югослав. академіи: „Stari pisci hrvatski“ (U Zagrebu, 1877). Поэма „Osman“ была издаваема, кромѣ того, нѣсколько разъ отдѣльно. Отмѣтимъ второе загребское изданіе: „Ivana Gundulića Osman u dvadeset [1]) pjevanjah. Drugo izdanje. U Zagrebu, 1854“, съ біографіей Гундулича. Изъ изслѣдованій о поэмѣ „Osman“ укажемъ Fr. Markovića „Estetička ocjena Gundulićeva Osmana“ (Rad jugosl. akad., kn. 46—47, 50—52) и особенно Ром. Брандта „Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича Османъ“, Кіевъ, 1879.

11. Giono Palmotić (1606–1657).

Изъ 7-й пѣсни поэмы „Kristijada“.

Izraelski puci slavni
L'jep'jem redom i bez smeće
Svi uljezli u poglavni
Jeruzalem bjehu veće.
  Ist' Isukrs danu blagom,
Ki sva zemlja toli časti,
Spravljaše se s družbom dragom
Običajne podat' časti.
  Tim za vazam blagovati,
Prem ka' zakon star' odredi,
Vedro lice k n'jim obrati
Ove r'ječi ter besjedi:
  „Evo, družbo, slavan dosti
Svečani se dan objavlja;
Vas puk mnogoj u radosti
Znamenite gozbe spravlja.

---

[1]) Изъ двадцати пѣсенъ „Османа“ двѣ (XIV и XV) были затеряны, и впослѣдствіи ихъ дополняли П. Соркочевичъ (внукъ Ив. Гундулича) и болѣе удачно Ив. Мажураничъ. Пѣсни Соркочевича вошли въ дубровницкое изданіе „Османа“, 1826 г. Во всѣхъ же послѣдующихъ изданіяхъ Гундуличевой поэмы приняты дополнительныя пѣсни Ив. Мажуранича, автора извѣстной поэмы „Smrt Smail—age Čengića“.

Tim dvojica od vas sada
Pospiešno se uputite
Sionskoga uprav grada,
I nam gozbu da spravite.
Prie smrti neka moje,
K'o j' običaj, blagujemo,
I u radost' gdje svi stoje
Da se i mi radujemo.
Sresti ćete putom hode
Netom u grad uljezete,
Gdje studene pun sud vode
S vira nosi mlado d'jete.
Hod'te za njim, ter u koji
Stan videte nje' uljesti,
I vi, mili druzi moji,
Uljezite s dobrom česti.
Gospodara dvora toga
Mol'te slac'jem besjedami,
Sa čitanja da blagoga
Stan podoban poda nami.
Otkrijte mu moje ime,
Mjesto će vam dat' žudjeno,
Sv'jetlo i svilam uresnime
Svud okoli odjeveno.
Sve što j' treba po načinu
Tuj pripravit' pomnj' imajte,
Tere men' i družbu inu
U veselju pričekajte!"
Reče, a Ivan se s Petrom d'jeli,
Opslužiti tuj besjedu
I žalosni u veseli
Jeruzalem oba gredu.
Tu sterahu nahle vide
S goruštome svud požudom
Proć njim mladac kad izide
Hladne vode s pun'jem sudom.

Tim svrnuše za njim svoje
I stupaje i prizore,
Za vidjeti pomno u koje
Hoće uljest' srećne dvore?
Ter u vrata stan' istoga
U ki ulazit' njega paze,
Bez krzmanja bez n'jednoga
I oni za njim ob ulaze.
Ćestitoga toj S'imuna,
Nebeskomu kralju draga,
Bješe kuća hvale puna
I svakoje sreće i blaga.
On pravedan, blag i slavan
I gospodsk'jem sv'jet'o rodom
Imenovan bieš' i slavan
I pred pukom i gospodom.
Nu najveća čast njegova
Brojaše se vrh sv'jeh ljudi,
Sedam vr'jedn'jeh rad sinova
Mile krvi, blage ćudi.
S njima u dvore ove ugodne
Dohodjaše on mnokrati
Isred sela, gdje slobodne
Dni ljubjaše sve trajati.
Na daleče zlobna grada
I sumnjiv'jeh gradsk'jeh časti
Obr'o živjet' bieše iz mlada
Bez nikakve oholasti.
Kitn'jeh dubrav' sjeni mile
I studene vode žive
Bjehu njemu omilile,
Ravna polja, plodne njive.
Plodne njive i prostrane,
Sto plugova k'jeh orahu,
Koje vr'jedno posijane
Samostati plod vraćahu.

S godištima već napr'jeda
Uz jezere tihe i hladne
Čest' općaše sladje od meda
S lirom pjevat' pjesni skladne.
Vrhu toga pun bistrine
Svekolike znaše rede,
I sve pute i načine
K'jem okoli nebo grede.
Bož'jem duhom razgorena
Većkrat bi ga čuo pjeti,
Što sunčana sv'ječa ognjena,
Što razliki mjesec pr'jeti.
Što pogledi znameniti
Drobn'jeh zv'jezda pripravljaju,
Kad vremena gladna biti,
Kad obilna doć' imaju?
Kakvo od plahe kakv' od tihe
Godine su obilježe,
Kad su suše prem' zalihe,
Štetni daždi kad poteže?
Nu tad bješe s perivoja
U grad doš'o knjižnik znani,
S draz'jem radom sred pokoja
Da svetkuje dan svečani.
I dvornici čim njegovi
S druge strane s pomnjom rade,
Da se srećni pir zgotovi
Dokli žarko sunce pada.
Ur drag romon lire vr'jedne
Koju slatko udaraše,
On vesele pjesni medne
Skladn'jem glasom prip'jevaše.
Klikovaše djede stare,
K'jem s' Izrael njegda klanja,
I čestite pametare
Njih vr'jednoga djelovanja.

I za što su postavjene
Bogoljubne od starine
Ove nebu tač primjene
Izabrane svetkovine.

Современникъ и двоюродный братъ Ивана Гундулича, Юній Пальмотичъ извѣстенъ какъ замѣчательно-плодовитый писатель и какъ замѣчательный импровизаторъ. Пальмотичъ написалъ много драматическихъ пьесъ, чаще всего свободно перерабатывая готовый матеріалъ изъ греческихъ, латинскихъ и итальянскихъ поэтовъ: Гомера, Софокла, Овидія, Виргилія, Тасса и др. Главнѣйшее его произведеніе „Христіада" (24 пѣсни) также не самостоятельный трудъ, а вольная передѣлка поэмы этаго названія Іеронима Виды (составленной въ 1535 г. въ 6 пѣсняхъ). „Христіада", въ которую Пальмотичъ намѣшалъ античной и славянской миѳологіи, пользуется въ далматинской литературѣ великимъ почетомъ (Загребское изд. 1852 г. съ біографіей).

12 Ignatij Džordžić (1676—1737).

Saltjer slovinski.

Psal. CXXXVI.

Babilonsk'jem nad r'jekama
Sred gvozden'jeh sjedeć uza,
Proljevahmo medju nama
Uz te r'jeke r'jeke od suza;
Jer nam staše u spomeni
Naš poražen grad rodjeni.
Sred vrbova bl'jeda luga
Ki prostire sjen na vodi,
Nek ne mine naša tuga
Razgovorom kojim godi,
Objesismo rad nescjene
Pjetne četre povržene.
A to jere naš grabeći
Zaprosi nam stvar nesličnu:

Začnite nam, govoreći,
Kû god pjesan' vam' običnu,
Koj' općiste u l'jepomu
Pjevat' templu Sionskomu.
Vaj k'o b'jedni da pjevamo
Zemlj' u tudjoj božje časti!
I zabavu t'jem davamo
Neverničkoj oholasti!
Kô da sl'jepi bez razloga
Pogrdimo čast i Boga!
O Saleme, rodni grade,
Kućo izbrana, kralju od nebi,
Čuj što veli skupno sade
Svog iz ropstva tvoj puk tebi:
Ah ne ću te, ah nikade
Zaboravit' slavni grade!
I ako te vîk zabudem
S nepomnjive neharnosti,
Ako vazda medju ljudem
Ne ushvalim tve l'jeposti,
Ako radost u spomeni
Svedj ne budeš prva meni:
Ak' od tebe na daleče
Ruka i jezik naš i kada
Četru udari, pjesan reče:
Usahla nam ruka tada,
A jezik nam vas prirast'o
Pri grkljanu neprošasto.
Vaj susjedé zlobne naše
Ne zabudi, Bože, u vike,
Ki proć nami ponukaše
Babilonske razbojnike,
Da nas rodne iz slobode
U pretežko ropstvo vode.
Znaš dan, Bože, u kî idjahu
Na nas vojske vrlovite,

Ter Edomci njim vikahu:
Vas iza dna grad podrijte,
Zgrade i blago sv'jeh godišta
Ispraznite, zbijt' u ništa.
   Babilonski pr'jeki rode,
Rode oholi, plač' i suzi,
Vidim gdje te jur nahode
Tuge slične našoj tuzi,
Blažen tko ti da do mala
Sve što nam si zaimala.
   Blažen budi tko zahvalu
Tvoju spleše i potisne,
I tvu djecu u bah malu,
Pri kol'jevkah za vrat stisne,
Pak krvav'jem svojim rukami
Silno omlati njom o kami.
   Trjema sopstvim najviš'jema
K'jeh se krjepost ne skončava,
Kako j' jedno biće u svjema,
Tako i jedna budi slava,
Ke svedj do sad, svedj poslije,
Svedj u napr'jed, ke svedj prije!

Игнатій Джорджичъ, дубровчанинъ, оставилъ много произведеній на латинскомъ, итальянскомъ и славянскомъ языкахъ. Славянская поэзія Джорджича преимущественно поучительная и религіозная. Главнѣйшія его произведенія „Uzdasi Mandaljene pokornice“ (Вздохи кающейся Магдалины) и Saltjer slovinski“ (переводъ въ стихахъ Псалтири); изданы въ Загребѣ, 1851 г. Игнатій Джорджичъ считается послѣднимъ изи классическихъ писателей дубровницко-далматинской литературы.

Кромѣ интереса культурнаго и литературно-историческаго, произведенія дубровницкихъ писателей имѣютъ великую важность и какъ *памятники языка,* представляя обильныя данныя для исторіи и характеристики сербо-хорватскаго языка въ теченіи XV—XVIII столѣтій. Въ началѣ замѣтны нѣкоторыя особенности *чакавскаго* нарѣчія (zač вм. zašto; kî, kâ, kê вм. koji, koja, koje; mâ, tvâ, svâ вм. moja, tvoja, svoja, удержаніе въ концѣ словъ l,

не перешедшаго въ о и т. д.). Позднѣе эти и подобныя діалектическія черты сгладились, особенно когда, въ періодъ Гундулича, утвердился языкъ поэтическій. Изъ вліяній иностранныхъ языковъ всего больше и замѣтнѣе на далматинскихъ писателяхъ вліяніе языка итальянскаго.

Г) Образцы языка изъ новой сербо-хорватской письменности.

1. Досиѳей Обрадовичъ (1739—1811).

а) Изъ автобіографіи Д. Обрадовича, по изд. Д. Медаковича (у Земуну, 1850).

Мой простосрдачный Игуманъ, съ кимъ бы годь о мени говоріо, заклиняо бы се, да самь светацъ; но придодавао бы къ тому: боимъ се неће та светиня за дуго траяти. (Тако є и́ было). Сва бы ми братія то исто прорицали, да се залуду мучимъ; да се іоштъ нико ніє у Опову близу Ирига посветіо, да неђу ни я. Некій бы ми се ругао, некій сміяо као детету, а некій бы ме жаліо казуюћи ми, да є и самъ у младости тако прелаштенъ и обезумлѣнъ быо као я. Но друге године друга паметъ у глави. Изъ почетка самь мысліо, да они све то изъ зависти раде: не будући свети, небы ради, ни да се ко другій посвети. Но мало по мало чрезъ дуго време лепо ти ме учинише, те изгуби волю къ светиниченю. Да ни самь страшльивъ быо, те да самь кудъ у планину отишао, ко зна шта бы было! Али, самъ у планину за главу, а другій се нико на наће да са мномъ поће, и тако ти остадо лепо до данасъ. А нека ми ко не замери, што ћу правицу рећи; и моя су ми Житія [1]) на некій начинъ доста крива; єръ бы наодіо многе, кои су єли и пили и господски живили, пакъ су међу свете метнути; а многи живили су како су годь хотели , пакъ у саму старость покаяли се, и ништа манѣ нису стражньи остали. Ово є

[1]) Разумѣются Житія святыхъ, которыя Обрадовичъ до тѣхъ поръ всего охотнѣе и усерднѣе читалъ.

све чинило, да самь се волновао кадъ на єдну кадъ на другу страну. При свемъ томъ читанѣ кньига одъ данъ до данъ, све ми є то миліє бывало. Житія сва не само самь очитао неколико кратъ, него и свако самь на кратко изписивао, и на овай начинъ знао самь іи сва као наизустъ; после тога, обѣдъ духовный, вечеру духовну, беседе златоустове, Маргаритъ, каменъ вѣри, светога Ефрема, и друге различне кньиге црковне, све сам я то съ великимъ вниманіємъ и усрдіємъ прочитао, и што бы ми се найугодніе видило, изписивао бы. Ова сва читаня, ту су ми ползу принела, да самь нашъ старый Славенскій єзикъ привикао; а съ друге стране была су ми штетна, као свима онима, кои ни наймаnѣ Логику не разумію, како бы кадри были разсуђавати оно, што читаю; напуне главу свакояки понятія, мнѣнія и противречія, пакъ ходе пуни ветра, чинећи имъ се Богъ зна шта знаду! а не умѣюћи судити и разсуђавати сврхъ оногъ шта знаду, ништа не знаду, или бы много паметніи были, да не знаду ни оно, што знаду, єръ бы баремъ при обштемъ човечіємъ уму и разуму остали, пакъ бы были као остали люди. Мой є мозакъ быо пунъ смутнѣ Вавилонске. Ал онда я нисамь се могао самъ себи начудити, како є могуће, да толике ствари знамъ! Пакъ бы се све моліо, да ме Богъ сачува у смиренію, да не паднемъ у высокоуміє и гордость, а та моя иста молитва произходила є изъ труле, смрдльиве и потайне понирльиве светиньске гордости. И заисто нема ти лукавіє ни высокоумніє гордости одъ светиньске! ни опачніє кривоглавице и лудости одъ коєкаквогъ читаня безъ разсуђеня. Имао самъ у любави некогъ младогъ Іеромонаха, Васілія Осечанина, єръ є и онъ весма любіо читанѣ. Овай ме савѣтує, да читамъ Баронія; коега читаюћи услади́мъ се у Історію. Мой Игуманъ самъ ніє нимало привикнутъ быо читаню, али є весма миловао слушати одъ мене, да му казуємъ, шта самь читао, а сврхъ свега по вольи су му быле Історіє, за то гди бы годъ могао наћи грађанске руске історичне кньиге, узимао бы іи мени на прочитаніє. На овай начинъ почне се побуђавати у мени

желя и другоячіи кньига осимъ црковни. Мой старацъ видеђи ме сасвимъ предана читаню, непрестано бы ми говоріо, да ђу кудъ у светъ поћи за наукомъ, и придодавао бы, да кадъ бы имао довольно трошка, бы ме послао у Кієвопечерску Лавру, да се учимъ. При томъ и вышепоменутый Васіліє, кадъ бы се год са мномъ разговарао, похвальивао бы ми науку, и жаліо бы што не зна Латинскій єзикъ, коєга є почео быо мало учити, и знао є неколико діалога илити разговора, пакъ бы іи све преда мномъ говоріо и толмачіо бы ми іи, башъ као да су се договорили были, да ме подстрекаваю, нове неке желѣ у мени подживући. Падне ти истомъ моя гордость, аки бы и я нешто знао; Латинскій єзикъ, то є єзикъ! А я бѣдный дуракъ ни речи не знамъ! квисъ, квидь, квомодо! уби, убивисъ, убикункве; то є звечало у моима ушима, слађе него сиринско пѣніє; а ништа одъ свега тога не знати! Болѣ бы было да се нисамь на светъ ни родіо! Изгубе ти моя житія, лавсаикъ и отачникъ све поштенѣ. Одъ тога часа сбогомъ Опово и сва твоя красота! Гди науке нема ни латинскогъ єзыка, ту нема ни живота. На ма' бы кудъ у светъ тумаро, да ми ніє было жао, оставити мога доброга и благонаравнога старца, кога самь съ правомъ синовскомъ любови любіо и почитовао. Почнемъ зачинявати и сачинявати моє планове. Гди бы се могао єданъ Дяконъ учити, развѣ у Кієву или у Москви? У ово време непрестанно бы се кодъ насъ говорило о славной Великой Петра кћери Імператрицы Елисавети. Я непрестано у уму и у срцу имаюћи Кієвъ, Москву и Русію; Владѣтелницу ты страна непрестано чуюћи да се споминѣ, и образъ нѣзинъ на много мѣста изображенъ видећи, наравно морао самь кад годъ о томъ и саняти. Видимъ єдномъ на сну Руску Царицу на престолу, сву као у сунце обучену, коя ми да изъ своє руке єдну кньигу отворену, съ разни єзыцы, говорећи ми: *Учисе*. Пробудивши се одъ сна толковао самь мой санъ по моіой жельи. У то исто време Митрополитъ за нешто срдитъ на мога старца, сметне га са Игуманства, и запо-

вѣди му, да пође на неко време у Шишатовацъ, нити му се дозволи, да мене са собомъ поведе. Онъ полазећи у речено мѣсто, даде ми петнайсть дуката; (мало є выше и имао, за свою особиту къ своми манастиру вѣрность). При нашемъ растанку овай ми разговоръ учини:

«Мой Синко! чиними се, да се нећемо выше у животу видити. Я знамъ, да ћешь ты кудгодь за наукомъ поћи. Жао ми є што ти выше не могу дати: живећи у єдномъ манастиру имућу, ни самъ желіо, да мои особиты новаца имамъ; а садъ жалимъ, что нисамь колико толико заштедіо, те бы те садъ болѣ могао оправити; но съ ово мало можешъ де Кієва доћи; а онде ако будешь трудолюбивъ и у науцы прилѣжанъ, небесный Промисао неће те оставити безъ хлѣба. Пустинѣ, пештере и светиниченѣ извади изъ главе, томе се данасъ разумни люди ругаю. У данашный данъ ко се годь за свеца издае, или є каква лажа или фантазира. Ученѣ жели и тражи, колико выше можешъ; нема горегъ живота одъ безпослична и уньлива. Колико самь те я познати могао, ако се ты науцы не предашь, ты ћешь жалити што си се покалуђеріо; ты ниси ни за какавъ другій посао, него за кньиге. Колико самь я прость и неученъ, мени є миліє видити ученогъ младога Раића, него четири вселенска Патріарха, кои бы были безъ науке као я. Видіо си га како є младъ и безъ браде; алъ кадъ стане беседити, мы сви съ великимъ брадама гледамо га као да смо изъ дивіегъ вилаєта дошли. Я ти за мене кажемъ, стидимъ се и срамимъ моє сѣде на образу браде. Нашъ савъ животъ пролази у стараню и у говореню за казане ракійске, за каце, бурадъ и обруче; наша є сва наука у томе, да познамо колико є комъ вину и шльивовицы година. Иди за наукомъ, съ ньомъ ћешъ свудъ пристати, и твоє живлѣнѣ поштено заслужити. Мой синко! Прошла су она глупа и слепа времена, кадъ се є међу нами говорило: болѣ є шесть вранаца у каруца, него шесть школа у глави. Садъ се време преокренуло. Ученъ човекъ ако ће и пѣшице ићи, сваки га поштує, а неучена видећи гди се вози на вран-

цы: вранцы вранца вуку, говоре, и право имаю! Ты видишъ, како ме люби господинъ баронъ Марко Пеячевић. Одъ како смо се годъ познали, любимо се као да смо рођена браћа. Наше се нарави тако слажу, да се никадъ єданъ другомъ омразити не можемо. Онъ ми непрестанно фали науку, и каже, да у садашнѣ време принципски синови, ако нису учени, мало поштеня имаю. Онъ има обичай рећи, да богатъ човекъ безъ науке (валя овде разумети такога богатца, кои съ богоданымъ своимъ богатствомъ никаква добра обштеству и роду свому не чини, даръ божій закопанъ и са́кривенъ држећи) подобанъ є волу съ позлаћены роговы. Казує ми, да цесарски и кралѣвски синови и кћери сву свою младость учећи се проводе, и савъ животъ у читаню кньига. Я само чуємъ имена науке и философіє, нити знамъ црне ли су или беле; али толико памети и разсудка дао ми є Богъ, да могу разсудити, да те ствари мораю быти врло потребне, полезне, велике и славне, кадъ цари и кральи безъ ньи не могу быти. Некій данъ си ми казивао, шта си читао у оной Руской Історіи, колико се є Петаръ Великій старао, увести у царство своє свакояке науке, и чрезъ то, велико и безсмртно име осимъ свію Землѣдржаца, кои су прѣ нега на свету были, задобыо, славу народа свога до самы звезда узвысіо, и своимъ благополучнымъ и высокомогућнымъ Наслѣдникомъ, кои буду по нѣговимъ богоуправляємимъ стопама ходити, путъ къ безсмртію показао и отворіо. Свемогућій, преблагій, вышній Творче! смилуйсе на створеня твоя, и таке премудре и человѣколюбне Цесаре и Цесарице производи чешће на светъ, кои ће сву Европу, Србію, Босну и Херцеговину, наши стары мило отечество, Болгарію, Грецію, и остале божіемъ раю подобне землѣ одъ тиранства, глупости и варварства избавити и ослободити».

«Некъ мумла, ко є лишенъ разума, на мудрость и на науку као совулягa на сунце, говорећи, да оне измышлявaю нова мудрованя: Не слушай ты за то никога; што паметни фале, съ толикомъ жельомъ и трудомъ ишту, и

сврхъ свега на свету любе и почитую, оно мора добро быти. А ко виче на науку? Они, кои находе све своє благополучіє у чанку и бокалу. Вѣруй ми мой синко! кадъ годь чуємъ младога Раньа да беседи, уздишемъ за моіомъ младошћу, и да имамъ какву власть, све бы ове наше манастыре у школе и у училишта преобратіо. Зато послушай ты мой послѣдньій савѣть: извади изъ главе то твоє светиньченѣ; я ти задаємъ мою србску вѣру, да изъ тога неће ништа быти; тражи науку и гладуюћи и жеднећи, и наготуюћи. Я ти выше желимъ, да у єдномъ маломъ сеоцу будешъ мале деце учитель, него у Опову Игуманъ или Архімандритъ. И ако ме послушашъ, (како знамъ да ћешъ) благосиляћешъ ме, кадъ у гробу будемъ».

Ово є послѣдньій разговоръ мога милостивога Оца и Благодѣтеля. Онъ ніє ни мало науке имао, но ништа манѣ быо є природньімъ здравымъ разумомъ и разсудкомъ одаренъ. Родомъ є быо изъ Србіє изъ Београдскога предѣла, свагда весео, чистосрдечанъ, поштенъ колико се выше може, благъ и непорочне нарави човекъ, и за то у цѣлой Славоніи, Срему и Бачкой, малимъ и великимъ, господарима и госпоямa любезанъ и благопріятанъ. Быо бы на кратко време, єданъ мінутъ или два, лютитъ и напрасанъ (страсть природна чистосрдачны и безъ сваке притворности людій). Близу три године, колико самь при нѣму быо, само бы се тада на ме разлютіо, кадъ бы ме видіо, да безъ сваке неволѣ гладуємъ. На три месеца по нашемъ растанку престависе у Шишатовцу, гди самъ му быо на погребу, и оплакао самь га као годь майку мою. Благодаримъ преблагомъ небесномъ Промыслу, што ме є сподобіо ово благополучно живота мога време дочекати, до покажемъ вѣчну мою благодарность памети нѣговой. Име и успомена нѣгова бы ће ми, докъ самь годь живь, драга и любезна. Називао се є Ѳеодоръ Милутиновићь [1]). (Кн. 1-я, стр. 90—97).

[1]) Въ приведенномъ отрывкѣ разсказывается о томъ, какъ Обрадовичъ оставилъ монастырь, чтобы начать свои многолѣтнія, безпокойныя, но исполненныя труда и любознательныхъ исканій странствованія.

б) Изъ перевода Езоповыхъ басенъ, по Лейпцигскому изданію 1788 г.

Лавь и зецъ.

Лавь тражеħи що за ручакъ упази здрава зеца у меħи заспата, могашега ласно сьпачати, но видеħи по далѣ Елена пустисе за нимъ. Зецъ сепробуди и побегне, а Елень утече, ондасе лавь врати кь зецу, аль наħе место чисто. почне лизати устне и маати главомъ, етоти мое памети! оħу елена неħу зеца.

Наравоученіе.

Овое противъ лакомства; избирачъ ніе свагда погаħачь, и ко оħе всегда веħе, губи често из вреħе. Боли е едань зець у чанку него два у полю. Правда, да ова правила, нитису за свакога, нити за свако време, Косе всегда бои да не изгуби малоħе кадъ добити. Avdacem fortuna juvat. Слободнегъ среħа помаже. Веле латини. косс одвеħь ветра плаши, некь не иде на море, и ко се мраза бои некь не сади виноградь. Пакъ щоби било? нища, него скудостъ и недостатакъ. Чему насъ дакле ова басна учи? μηδὲν ἄγαν нища преко мѣре. Уфати зеца, пакъ онда трчи за еленомъ, разумань човекь нитіе страшивь, нити пакъ прекомѣре Слободанъ. Коби радъ да никадъ нища не изгуби, мучноħе що добити. Велика е различностъ съ размомъ или безъ разума що изгубити що други вредни и паметни чине, защо неби и ми чинили? аколи намсе пакъ що противно случи, нико паметань неħе намсе ругати. Предосторожностъ и разумъ нека свачимъ управляю. ти учинисве що надлежи, пакъ се уздай (Басн. 9).

Курякъ и овца.

Курякъ савъ издрпатъ одъ паса лежаше при едной рѣци, упази не далеко овцу пакъ э почне молити дасе смилуе о нѣму видеħига у такой Неволи, и даму донесе мало воде. Яби то ласно и радо учинила, одговори овца, но акоси и савь издрпатъ и Осакаħенъ, и такоси Курякъ, паксе боимь да ниси гладніи него жедніи.

Нравоученіе.

Ево добитакъ злонаравія и неправде. пакостанъ и са свимъ зао човекъ, акоће незнамъ у какву неволю пасти, и акоћесе колико смирити и молити, никосе у нѣга не увѣруе и свакига се одвраћа и гнуша. Нема дакле горе несреће одъ злонаравіа и неправде. Нити већега благополучія одъ добродѣтели. Богатство стећи, може и зао и неправеданъ човекъ, можесе савъ валяти у сласти и изобилію, високе науке и достоинства може пріобрести. Али благонаравіемъ и добродѣтелію украситисе, то зломъ и неваляломъ срцу ніе дато. Злотворителянъ човекъ подобанъ е овоме куряку, кадъ легне на смертну постелю, савъ раздрпатъ одъ свое совѣсти за неправде и зла учинѣна, нитиће га ко жалити нити о нѣму соболѣзновати но свакъ ће рећи, ето човекъ кои ніе положіо бога помощника себи но упова на себе и на неправду свою (Басн. 19).

Лисица и лавъ.

Лисица први редъ сретти лава, такосе ужаснула да малъ ніе мртва пала. Втори кратъ устрашисе но не тако као пре. А трећи разъ толико се ослободи, да приступи и шнимъ познанство учини.

Нравоученіе.

Различне ствари чине намсе страшне ерь и непознаемо, кое по томъ чрезъ обхожденіе и познанство весма намъ обичне биваю. Врло э зао обичай плашити децу из малена, тако да потомъ у доволномъ возрасту боесе сваща и укланяюсе одь странни люди. Лажи лукавства, и свакогъ неваляла посла, кои бива себи или другому на вредъ и щету, тога и э потреба учити дасе и сраме и бое (Басн. 28).

Знаменитый въ исторіи сербскаго возрожденія Димитрій, въ монашествѣ Доситеей, Обрадовичъ былъ родомъ изъ Чакова. Въ автобіографіи онъ разсказываетъ, какъ привлекало его монашество, и онъ сдѣлался въ 1753 г. 14-ти лѣтъ отъ роду монахомъ. Но тогдашнее сербское монашество стояло низко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. При болѣе близкомъ знаком-

ствѣ съ нимъ, Досиѳей разочаровался. Отчасти это, отчасти природная любознательность заставили его оставить монастырь и предпринять путешествіе, которое продолжалось много лѣтъ и принесло ему много пользы въ умственномъ отношеніи. Въ своихъ странствованіяхъ онъ обошелъ почти всю Европу. Послѣдніе годы прожилъ въ Бѣлградѣ, гдѣ былъ сенаторомъ, главнымъ начальникомъ школъ и воспитателемъ дѣтей Карагеоргія. Еще въ бытность свою за границей Досиѳей намѣтилъ много предметовъ для литературной обработки, рѣшился писать свои сочиненія народнымъ сербскимъ языкомъ и внести въ свое отечество европейскую образованность. Въ 1783 г. онъ началъ издавать въ Лейпцигѣ свои труды и прежде всего свою автобіографію: „Животъ и приключенія Димитрія Обрадовича нареченога у калуђерству Доситеа нькимъ истымъ списана и издана“. Въ 1784 г. издалъ „Совѣти здравога разума“, въ 1788 г. „Езопове и прочихъ разныхъ баснотворцевъ, съ различни єзика на славеносербски єзикъ преведене, садъ први редъ съ наравоучителними полезними изяснѣніами и наставлѣніами издате и сербской юности посвећене басне“. Въ 1793 г. Обрадовичъ издалъ въ Вѣнѣ „Собраніе нравоучительныхъ вещей“, въ 1803 г. „Етику или философію наравоучителную“. Нѣсколько сочиненій Обрадовича напечатаны послѣ его смерти. Полное собраніе сочиненій его сдѣлано было въ Бѣлградѣ Г. Возаровичемъ въ 10 кн. 1833—1836, 1845, и въ Землинѣ Д. Медаковичемъ 1850 г. также въ 10 книгахъ.

Заслуги Обрадовича для сербовъ весьма важны. Свою горячую любовь къ просвѣщенію вноситъ онъ въ свои сочиненія и старается возбудить ее въ другихъ. Онъ представилъ много здравыхъ педагогическихъ понятій. Особенно же важна заслуга Обрадовича въ отношеніи къ языку. До него употреблялся славяно-сербскій языкъ. Обрадовичъ первый выставилъ начало, что для народа должно писать народнымъ языкомъ, и первый дѣйствовалъ по этому началу. „Имя Досиѳея Обрадовича осталось однимъ изъ славнѣйшихъ именъ сербской литературы, какъ перваго истинно-народнаго писателя и начинателя современной сербской образованности въ народномъ смыслѣ. По своему пониманію народной жизни и ея потребностей и даже по литературной формѣ, Досиѳей дѣйствительно стоитъ во главѣ всѣхъ послѣдующихъ писателей. Великая его заслуга была въ томъ, что

онъ первый указалъ на дѣлѣ, какъ и что слѣдовало писать для сербскаго народа. Вышедши самъ изъ этой среды, онъ всегда остался близокъ къ народной жизни, зналъ ея нужды и недостатки, и понимая, съ чего нужно начать развитіе народныхъ понятій, сталъ говорить тѣмъ языкомъ, который былъ вполнѣ доступенъ для массы: народъ не понималъ церковнаго языка, и чтобы дѣйствовать на него, нужно было говорить его языкомъ, да и не то только, что народъ могъ найти въ своихъ старыхъ книгахъ. Обрадовичъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательно. Правда, въ его языкѣ есть еще остатки старой манеры, но въ цѣломъ онъ былъ безъ сомнѣнія народенъ, какъ никто изъ его предшественниковъ" (Пып. и Спас., Ист. слав. литер., изд. 2-е Т. 1, СПБ. 1879. 208).

2. Петръ II Петровичъ Његошъ (1813—1851).

„Горскій віенацъ".

(Напеч. 1847 г. у Бечу).

Бадньй вече; владыка Данило и игуманъ Стефанъ, сѣде кодъ огня, а ђацы весели играю по куђи и налажу бадняке.

Игуманъ Стефанъ.

Єсте ли ихъ ђецо наложили,
У пріекрстъ, ка' треба метнули?

Ђацы.

Наложили ђедо, ка' требуе,
Пресули ихъ біеломъ шеницомъ,
А залили црвеніемъ виномъ.

Игуманъ Стефанъ.

Садъ ми дайте єдну чашу вина,
Ма доброга и чашу одъ оке,
Да наздравимъ, старацъ, бадняцыма.

Даю му чашу вина, онъ наздрави бадняцыма и попи е.

Игуманъ Стефанъ (чистеħи брке).

Богъ да прости весела празника!
Донеси те, ђецо, оне гусле,
Душа ми ихъ, ваистину, иште,
Да пропоемъ, одъ давно нiесамъ,
Не прими ми Боже за грехоту,
Овако самъ старацъ научiо, (даю му ђацы гусле).

Игуманъ Стефанъ (пое).

Нема дана безъ очнога вида!
Нити праве славе безъ Божиħа!
Славiо самъ Божиħъ у Витлеемъ —
Славiо га у Атонску гору —
Славiо га у свето Кiево —
Алъ є ова слава одвоила,
Са простотомъ и са веселошħу:
Ватра плама болѣ него игда,
Прострта є слама испредъ огня —
Прекршħени на огню бадняцы —
Пушке пучу, врте се пецыва,
Гусле гуде, а кола пѣваю,
Съ унучаħу ђедовы играю,
По три паса врте се у коло,
Све бы река єдногодишницы!
Све радошħу дивномъ наравнѣно;
А что ми се найвыше допада,
Што свачему треба наздравити!

Владыка Данило.

Среħанъ ли си игумне Стефане,
Како те є Богъ весела дао!

Игуманъ Стефанъ.

Младый сынко, ліепый владыко!
Само собомъ ноћасъ є весело —
А душу самь натопіо капльомъ,
Па се стара игра поврхъ вина,
Ка' бліедый пламенъ по ракіи —
То ми кадкадъ старцу буди кости,
Спомене ихъ на младе године. —

Владыка Данило.

Лѣпше ствари нема на свіету,
Него лице пуно веселости,
Особено, ка' што є кодъ тебе,
Са сребрномъ брадомъ до пояса,
Са сребрномъ косомъ до пояса,
А лице ти гладко и весело,
То є управъ благословъ вышнѣга. —

Игуманъ Стефанъ.

Я самь проша сито и решето —
Овай грдный свіетъ испитао —
Отрови му чашу искапіо —
Познао се съ гркіемъ животомъ —
Све што быва и што може быти,
Мени ништа ніе не познато!
Што годъ дође, я самь му нареданъ. —
Зла подъ небомъ што су сваколика,
Човѣку су прѣія на землю —
Ти си младъ іоштъ и невѣштъ владыко!
Прве каплѣ изъ чаше отрови,
Найгрче су и найупорніе —
О да знадешъ, што те іоште чека!
Свѣтъ є овай тиранъ, тиранину —
Акамоли души благородной!

Онъ є составъ паклене неслоге —
Унь ратує душа са тіеломъ,
Унь ратуе море съ бреговима,
Унь ратуе зима и топлина,
Унь ратую вѣтри съ вѣтровима,
Унь ратуе живина съ живиномъ,
Унь ратуе народъ са народомъ,
Унь ратуе човѣкъ са човѣкомъ,
Унь ратую дневи са ноћима,
Унь ратую дуси съ небесима;
Тѣло стенѣ подъ силомъ душевномъ,
Колеба се душа у тіелу —
Море стенѣ подъ силомъ небеснымъ,
Колеблю се у мору небеса —
Волна волну ужасно попире,
О бріегъ се ломе обадвіе —
Нико срећанъ, а нико доволянъ —
Нико миранъ, а нико споконянъ —
Све се човѣкъ брука са човѣкомъ,
Гледа маймунъ себе у зрцало. —

Владыко Данило.

Добра ватра, а іоштъ болѣ вино,
Мало си се ђедо угріяо,
Па пречишћашъ свіетъ на решето!

Игуманъ Стефанъ.

Ђе си быо данасъ аманати,
Те си дома тако поздно доша?
Стоя у ловъ толико ніеси,
Раніе си свагда доходіо,
И ђе су ти тѣлохранительи?
Два Новака и барактаръ Пима!
(Едно Велестовацъ, а друго Дупилянинъ)
Не быо ихъ пуштаватъ одъ себе,
Быо дозватъ докъ ти Божићъ проће,

Два три сына старога Мартина,
Ере ти се я све боимъ сынко,
Да ће Турцы тебе изгубити;
Двадестъ тридестъ да ноћасъ ударе,
Како ти се кућа осамила,
Што бы шћели, то бы учинили!

Владыко Данило.

Не бойми се, ако Богда, ђедо!
Не мисли се о томе Турцыма,
Зле су мысли и на ньихъ напале,
Па и да бы дошли и стотина,
Имамъ овде десетакъ ђачади,
У кућу се бысмо затворили,
Мы се били, а ты бы намъ пѣва!

Игуманъ Стефанъ.

Одъ те пѣсне, Боже ме сахрани!
Тежа бы ми была но плаканѣ —
Плаканѣ є пѣсна са сузама.—

Иду да спаваю; дижу се предъ зору и иду у цркву; свршила се летурђія, излазе; ђаче прича игумну Стефану предъ црквомъ.

Ђаче.

Слушай, ђедо! да ти нешто кажемъ:
Кадъ су прва звона зазвонила,
Дига' самь се да идемъ у цркву,
Али єку нечесову чуемъ,
Те я стрчи брже на край поля,
И ако є ліепо вріеме,
Мишляхъ, скаче вода у понору,
Кадъ присѣдохъ мало у край поля,
Али ніе оно што я мишляхъ,
Но то брдо на край поля єчи,

Како да ће прснутъ у облаке,
Пушке грме небеса се ломе!
Фиска стои младе убойнике!
Те я брже болѣ, преко поля,
Када дођи при ђинову брду,
Алъ у брдо нигђе ништа нема,
Но се негђе бой крвавый біе,
Па одзивомъ брдо узечало.

Игуманъ Стефанъ.

Мучъ будало! да ли Божићъ ніе?
Већъ є трое пояло пѣвацахъ,
Сада пушке найвише пуцаю,
А то брдо ка' шупля тиквина,
Па гласове хвата одъ свакуда,
Већъ за друго и нетреба ништа
Но понавля оно, што ђе чуе,
Као єдна прекоморска тица: —

Ђаче.

Ніе, ђедо, тако ми рождества!
Но некакавъ поколь те великій,
Одъ милине уру самь слушао:
Димъ є црный лега' надъ Баице,
Ка' найгушћій облакъ о єсени!

Игуманъ Стефанъ.

Хайдъ отоленъ, што коешта дробишъ!
Димъ на Божићъ, великога чуда!
Како ће се свенародня жертва,
Безъ облакахъ дима учинити?

Чуе се грмлява пушакахъ низъ поль, пояха владыка Данило хата, и изиде у поль, кадъ ето низъ поль петъ шестъ стотинахъ людихъ, онъ потрчи коня и брже боль дође меѣу нъи; они се сви око нъга у коло окупи; видећи владыка петъ Мартиновићахъ, Вука Бориловића и три своe слуге све крваве, поче ихъ запитовати.

Владыка Данило.

Причайте ми што є тамо было,
Алъ сте вуцы, алисте лисице?

Войвода Батрићъ.

Весели су гласи господаре,
Кланямо се Богу и Божићу!
Найприђе ти Божићъ честитамо!
Честитамо Божићъ Гори Црной!
Мы петъ братахъ петъ Мартиновићахъ,
И три твое слуге найвѣрніе
Са соколомъ Бориловићъ Вукомъ,
Поклясмо се синоћъ са Турцыма,
У помоћь намъ когодъ чу притече,
Сакупи се войске као воде
И што ћу ти дульити причанѣ,
Колико є равнога Цетиня,
Неутече ока ни свѣдока
Ни да каже како имъ є было,
Те подъ саблю свою не метнусмо,
Кои ни се нећѐ покрстити,
Кои ли се поклони Божићу,
Прекрсти се крстомъ христянскіемъ,
Узесмо га за своега брата —
Куће Турске огнѣмъ изгорѣсмо!
Да се не зна ни стана ни трагá,
Одъ невѣрна домаћега ѣрага —
Изъ Цетиня у ћеклићъ пођосмо,

Ђеклиђкій се разбѣжаше Турцы,
Мало кога одъ ньихъ посѣкосмо,
Ма ньихове куђе попалисмо,
Одъ мечета и Турске џаміе,
Направисмо проклету гомилу,
Нека стои за уклинъ народу.—

Владыко Данило.

Благо мени, мои соколови!
Благо мени, юначка свободо!
Ютросъ си ми дивно воскреснула,
Изъ гробовахъ, нашіехъ ђедовахъ!
(стр. 100—107).

Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка Черногорскій, считается однимъ изъ лучшихъ сербскихъ поэтовъ новаго времени. Главнѣйшее его произведеніе „Горскій віенацъ" напечатано въ Вѣнѣ, 1847 г. и послѣ много разъ было перепечатываемо. „Горскій віенацъ" есть рядъ картинъ въ драматической формѣ изъ черногорскихъ событій конца XVII в., когда въ правленіе владыки Даніила въ страшномъ внутреннемъ переворотѣ [1]) положено было основаніе новой Черногоріи. Это произведеніе исполнено народныхъ мотивовъ, истинно-поэтической силы, мастерскаго изображенія народныхъ сценъ, и проникнуто черногорскимъ чувствомъ національной свободы. Въ 1845 г. П. П. Нѣгошъ издалъ въ Бѣлградѣ свою поэму „Луча Микрокозма" и собраніе юнацкихъ пѣсенъ: „Огледало србско", гдѣ между прочимъ находятся его собственныя пѣсни. Послѣ его смерти изданы: „Лажни цар Шћепан мали" (Тріестъ, 1851) и „Слободіяда" (1854), эпическая поэма въ десяти пѣсняхъ, воспѣвающая битвы Черногорцевъ съ Турками отъ древнихъ временъ.

---

[1]) Разумѣется изгнаніе изъ Черногоріи или избіеніе всѣхъ т. н. домашнихъ турокъ, или отуреченныхъ сербовъ.

3. Вукъ Стеф. Караджичъ (1787—1864).

„Живот и обичаји народа српскога"

(У Бечу, 1867).

Крсно име.

Осим опћијех обичаја о различнијем празницима сваки Србин има по један дан у години којега он *слави*, и то се зове *Крсно име*, *Свети*, *Свето* и *Благ дан*. Ријеч *крсно име* показује да је ова слава постала од имена које се у првоме кршћавању народа нашега надјенуло коме, н. п. коме је надјевено Ђорђије, он је почео славити дан Светога Ђорђија т. ј. Ђурђев дан; а будући да он није гледао да се и његову сину надјене име каквога свеца, него му је надјенуо име Српско, н. п. *Живан* или *Радован*, тако је по смрти његовој и његов син (не имајући свеца имена својега) почео славити онај дан који му је славио и отац, и тако је то остало у цијеломе ономе потомству.

Домаћин се стара и приправља за цијелу годину, како ће и чим прославити крсно име. Кад буде уочи крснога имена пред ноћ, онда зађе један из куће (обично млађи) по селу те зовне (на крсно име) све сељаке, који оно крсно име не славе; тај пред сваком кућом скине капу и обично овако почне: »Божја кућа и ваша! поздравио је отац (или брат) да дођете довече на чашу ракије, да се разговоримо и да мало ноћи поткратимо; што буде свети Никола (или који буде) донио, не ћемо сакрити; дођите, не мојте да не дођете». Кад буде увече, онда неком отиде домаћин, неком пошље сина, неком најамнике (жене увече слабо иду) или другога кога из куће. Кад званице долазе свечарима у кућу, обично овако говоре: «Добар вече и честито ти свето! славио га многа љета и година у здрављу и весељу» . Гдјекоји понесу и јабуку или (по варошима) лимун, те даду домаћину кад му назову добар вече. А пријатељи из дру-

гијех села дођу и не звани, па ту сви вечерају, пију, разговарају се и пјевају до неко доба ноћи; по том сељаци отиду сваки својој кући (домаћин каже свакоме на походу: «дођите и сјутра на чашу ракује»). И тако их сваки дан позива од вечере на доручак, а од доручка на ручак), а пријатељи већ овдје и остану. Сјутра дан дођу рано на доручак, па мало доцније на ручак. Прије ручка или на ручак треба да дође и поп да *прекади* и да очати кољиво. Кад већ буде око пола ручка, онда запале воштану свијећу, донесу тамјана и вина, те устану *у славу*: помоле се Богу, једу кољиво, обреде се вином (напијајући: «за славе небеске, која може да нам поможе») и ломе (домаћин с попом или с ким другим, кад нема попа) *крсни колач* (који мора бити од шенична брашна у кисело умијешен и нашаран поскурњаком); једну четвртину од тога колача даду попу, једну домаћици, а двије они једу; пјевају (два и два) у славу:

Ко пије вино за славе Божје,
Помоз' му Боже и славо Божја!
А шта је љепше од славе Божје
И од вечере с правдом стечене?

Потом сједну опет, и пијући и једући разговарају се и пјевају до мрака (домаћин не сједа за сто, него стоји гологлав и служи гостима вино и ракију). Тако славе три дана (само што не устају више у славу; други се дан крсног имена зове појутарје, а трећи уставци), а пријатељи одлазе чак четврти дан. У Херцеговини по гдјекојијем мјестима гости сједе доклегод у домаћина има пића, а кад он пошљедње изнесе на софру, изнесе с њиме и празне савијене мјешине (у којима се пиће из другијех мјеста доноси). Кад то гости виде, онда како попију оно што је на софри, узима сваки своју пушку и одлази. И најгори сиромах треба да прослави своје крсно име, макар продао какво живинче или друго што из куће, те купио ракије (ако своје нема) и остало што му ваља. Понајвише славе Никољ дан,

Јовањ дан, ђурђев дан, Аранђелов дан и т. д., и то се не мијења. За то се сматрају као роћаци сви који славе једнога свеца. Жена слави мужевље крсно име (баш ако би јој муж и умръо):

«Помоз' Боже и свети ђорђије!
Крсно име господара мога!».

Хајдук.

Народ наш мисли и пјева да су у нас хајдуци постали од Турске силе и неправде. Да речемо да гдјекоји отиде у хајдуке и без невоље, да се наноси хаљина и оружја по својој вољи или коме да се освети, али је и то цијела истина, да што је год влада Турска боља и човјечнија, то је и хајдука у земљи мање, а што је гора и неправеднија, то их је више, и за то је међу хајдуцима бивало кашто најпоштенијех људи, а у почетку владе Турске јамачно их је било и од прве господе и племића. Истина да многи људи не оду у хајдуке да чине зло, али кад се човјек (особито прост) један пут отпади од људскога друштва и опрости се сваке власти, он почне особито један уз другога и зло чинити; тако и хајдуци чине зло и народу своме, који их према Турцима љуби и жали, али се и данас чини хајдуку највећа срамота и поруга кад му се рече да је лопов и пржибаба. У стара су времена хајдуци, као што се и у пјесмама пјева, најрадије дочекивали Турке кад носе новце од дације, али је то у наше вријеме слабо бивало, него дочекују трговце и друге путнике, а кашто ударе и на кућу коме за кога мисле да има новаца или лијепа руха и оружја, те га похарају. Кад коме ударе на кућу, па не нађу новаца а мисле да их има, они га уцијене па му одведу сина или брата, и воде га са собом докле им год он уцјену не однесе. Прави хајдук не ће никад убити човјека који му ништа не чини, већ ако да га наговори каков пријатељ или јатак. Макар била и само два хајдука, опет се зна који је од њих двојице харамбаша (старјешина), хајду-

ци љети живе по шуми и долазе јатацима те се хране, н. п. дођу коме на вечеру па им онај да што, те понесу у торбама што ће јести до сјутра на вече; а кашто их јатак намјести гдје у шуми па им носи и ручак и ужину. Кад дође зима, они се растану и отиду сваки своме каком пријатељу на зимовник, али најприје уговоре кад ће се на пролеће и гдје састати. На зимовницима гдјекоји леже дању по подрумима или по другијем зградама, а ноћу се часте и пјевају уз гусле, а гдјекоји преобучени у просте хаљине чувају стоку као слуге. Ако који у одређено вријеме на рочиште не би дошао, друштво иде те га тражи, па ако би се догодило да јатак хајдука на зимовнику изда или убије, то сваки хајдуци гледају да освете макар и послије педесет година. Хајдуци у наше вријеме у Србији носили су највише чохане плаветне чакшире, горе чохане ћечерме и копоран, гдјекоји и доламу зелену или плаветну а поврх свега куповни гуњ; на глави или ћелепоше или фесове или свилене капе кићенке, од којијех су свилене ките висиле с једне стране низ прси, и које је осим њих слабо ко носио; врло су радо носили на прсима сребрне токе, а који их нијесу могли набавити они су мјесто њих пришивали сребрне крупне новце; од оружја имали су дугу пушку и по двије мале и велики нож... Кад се хајдук насити хајдуковања или га ко намоли и наговори да га се окани, он се преда т. ј. поручи кметовима те му изваде од паше бурунтију, и онда опет изиђе међу људе, и послије тога нико му не смије споменути за оно што је хајдукујући учинио. Предани хајдуци послије понајвише бивају пандури, јер су се одучили од рада пољскога; само кнез не може бити онај који је био хајдук. Хајдуци држе свој закон, посте и моле се Богу као и остали људи, и кад кога поведу да набију на колац, па га Турци понуде да се потурчи да му опросте живот, он псује Мухамеда додајући. «Па зар послије не ћу умријети?» Хајдуци се све држе за велике јунаке, за то у хајдуке слабо смије и отићи онај који се у се не може поуздати. Кад кога ухвате и поведу да набију на колац, понај-

више пјевају иза гласа показујући да не маре за живот. И предани је хајдук свагда слободнији и отреснији од другијех људи, не да на се никоме, и свак га се прибојава.

Побратим.

У нашијем старијем требницима (србуљама) има особита молитва која се чита кад се ко с ким побратими, и по томе би се могло рећи да је у стара времена побратим много више значио него данас. Црногорци се још братиме у цркви, и нешто им поп чита, а најпослије љубе крст. У Србији пак побратими постану на различне начине: 1) кад ко у сну у какој невољи рече коме: «Да си ми до Богу брат!»; 2) кад ко на јави побрати кога у какој невољи; 3) кад ко побрати кога у цркви, и то највише чине жене и дјевојке: кад се разболи жена или дјевојка, онда избере каквога момка, и оде с њим манастиру или цркви каквој, те јој ондје *метне крст* (чини ми се на главу, па веже каквом марамом), и поп јој или калуђер очита молитву; по том ако она оздрави, одна онога момка зове братом, и он њу сестром (мени се чини да је ово Бугарски обичај, јер сам ја то први пут видио у Биограду код Бугара); 4) гл. дружичало; 5) кад се једно од *једномјесечића* жени или удаје, онда друго не смије бити код куће (него га пошљу куд у друго село), нити смије јести од онијех јела што се готове за свадбу. Кад једно умре, онда метну у путо једну ногу мртвога а друго живога, па онда ово живо дозове каквога момка (с којим се пази) и рече му: «Да си ми по Богу брат, пусти ме (или одријеши ме)». Онда онај отвори путо и пусти га, и то су послије *побратими* (ово само гдјешто чине жене које много гатају и гатању вјерују); 6) многи се прозову побратими, а нијесу се побратили никако; тако Србин кад не зна имена коме, а он га зовне: «Еј! побратиме!» Како год што се човјек у сну или на јави побрати (осим цркве), тако се може и *посинити* и *поочити*, а жена *посестрити* и *поматерити*.

О Вукѣ Стеф. Караджичѣ и его литературной дѣятельности см. въ Исторіи слав. литературъ, Пыпина и Спасовича, Т. 1. 2-е изд. 213—219, и изслѣдованіе Пл. Кулаковскаго: „Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ“, М. 1882. Заслуга Караджича двоякая: реформа литературнаго языка и раскрытіе богатства народной поэзіи; обѣ стороны этой дѣятельности впрочемъ тѣсно связаны и дополняются другими его трудами, въ которыхъ собрано множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній по сербской исторіи, этнографіи и описанію сербскихъ земель. Полный списокъ трудовъ и изданій В. Караджича у Пл. Кулаковскаго (въ приложеніяхъ).

4. Бранко Радичевичъ (1824—1853).

«Песме».

(По Бѣлградск. изд. 1872).

Туђин.

У крај мора крај тиога
Ту бродови стоје,
А са брода са једнога
Момче вако поје:

«Ао света големога
Ао јада мога
Да на свету баш никога
Не имадем свога!

Отац, мајка у гроб паде
Брат и сејо драга,
А другога не имаде
Срце моје блага.

Ох кад ветар силан дуне,
Кад се море ускомеша,
Када вода небу груне
Па га с морем смеша,

Ветре , вичем , јаче дувај
Ма брод разнесао ,
Вале море јаче грувај
Ма ме закопао .

Из далеке покрајине
Ја сам амо дош'о ,
Ко б' за момком из туђине
Јадовати пош'о ?»

Тако момак овде жали ,
Једна мома тужна
Стоји мору на обали ,
Стоји као сужна ,

Стоји млада , сузе лије ,
А све оне јадне ,
Па бијело лице крије ,
У мало да падне .

Мучи момче , тако т' Бога ,
Окани се туге ,
Амо брже ето свога ,
Па још брате друге !

Путу крај.

«Ја обиђо млоге доле ,
Млоге реке , млога врела ,
Горе , луке , стене голе ,
Млоге дворе , млога села ;

И опета нигде кута
Дено млађан да се станим ,
Да с' немирна манем пута ,
Свог живота дан предааим .

Дивни места виде доста ,
Дивна беу , ал' не дуго ,
Нигде дуго ја не оста ,
Јер све тражи нешто друго .

Па тако се лево десно
По свијету лупам,
Све је уско, све је тесно,
Да л' ћу што да слупам?
Ко зна де ће још истећи
Тај немирни животъ мој,
Де ће силна жеља рећи:
Доста море, овде стој!»
Пева путник, па силази
Кроз камење низ планину,
Пут се вину, он упази
Дивне драге и долину.
Гледа путник с стене голе:
«О красоте о дивоте!
Нос' ме стазо доле доле!»
Закликтао од милоте.
Доле га је стаза снела,
О да дивна овде чуда!
Једна мома стоји бела
Ка'но снега млада груда:
«Ој девојко злато чисто!
Та лепша си него вила,
Лепша него сунце исто;
Би ли, рано, моја била?»
«Ој срећиче из ненада!
У мога ме иште ћака,
Тела би те мома млада
Тела би те ја јунака.»
Путник иште, отац даје,
Ето путу дође крај,
Ал' и моја рука даје,
Драги роде, песму нај!

Јади из ненада.

Липа стоји не сред двора,
Сунце сјаје одозгора,

А под липом једка дева
Везе млада па попева:
«Итро итро, игло моја!
Драгог ето из тог боја
На коњицу огњаноме
Биће скоро преда мноме,
Да је донде готова
Суђеница његова».
Тако мома песму доче,
Сунце јарко пламтит' поче
Да деклицу красну згледа,
А угледат' липа не да.
Мома везла—готова је,
Тура везак па устаје,
Гледа брду, двором шета,
Ал' одозго једна чета —
«Боже Боже страшна чуда!
Ко силази оно туда,
Да л' ми очи добро виде
Да л' то вранац његов иде,
А на њему, Боже мој,
Да л' је оно драги мој?»
Чета ближе, па све ближе,
Већ до бели двора стиже —
«Боже мили, Боже благи,
Та ово је богме драги!»
Па полете пред милога,
А он клону с коња свога.
Ао јада из ненада!
Глава њему разбијена,
Рука десна саломљена,
Кроз завоје крвца лопи,
Јадна мома руке склопи:
«Па зар тако, драги мој!»
«Само, душо, кад сам твој.»

То рекоше изданушe,
На земљицу те пануше
К'о два бора у сред горе
Кад секире њи оборе.
Зорица је забелила,
Двоје драги наносила,
А сунашца види зрака
Де и ладна прима рака,
Девојка је наносила
Тако лепа јоште била!
Сунце наче на гроб сјати,
Мисли да ће још устати,—
Ох угаси сјајне зраке,
Ајде сунце за облаке!
Што гроб ладни једном свати
Назад више он не прати.

Бранко Радичевичъ вмѣстѣ съ владыкой П. П. Нѣгошемъ ставится во главѣ сербскихъ поэтовъ новаго времени. Радичевичъ, родомъ изъ Славоніи, отличается богатствомъ фантазіи и чувства, легкой формой и вмѣстѣ сохраняетъ народный характеръ и даетъ прекрасные образцы сербскаго языка (славонскаго или банато-срѣмскаго нарѣчія).

5. Ivan Mažuranić (род. 1813).

„Smrt Smail-age Čengića".

(Peto izd., u Zagrebu, 1862).

Agovanje.

Sluge zove Smail-aga,
Usred Stolca kule svoje
A u zemlji hercegovoj:
„Ajte amo, sluge moje,

Brdjane mi izvedite,
Štono sam ih zarobio robljem
Na Morači vodi hladnoj.
Još Duraka starca k tome,
Što me hrdja svjetovaše,
Da ih pustim domu svome.
Jer su reče, vlašad ljuta;
Oni će mi odmazditi
Mojom glavom vlaške glave:
Kô da strepi mrki vuče
S planinskoga gladna miša".
Hitre sluge poslušaše,
Izvedoše tamničare.
Na noguh im težke negve,
A na rukuh lisičine.
Kad ih vidjè silan aga
On namaknù gojne vole
I dželate ljute rise,
Ter ih turskiem darivao darom:
Svakom momku ostar kolac daje,
Kome kolac, kome li konopac,
Kome britku palu namjenjuje.
„Ajte, krsti, dijeliti dare,
Štono sam vi Turčin pripravio,
Vam i vašiem Brdam kamenijem;
Vi bo kako, sva će Brda tako".
Turčin reče, al mrijeti
Za Hristovu vjeru svetu
Težko nije, tko se za nju bije.
Krcnù kolac nekoliko putah,
Zviznú pala nekoliko putah,
Zadrktaše ta vješala tanka,
Al nepisnù Crnogorčad mlada,
Niti pisnù, niti zubi škrinù.
Proz poljanu mrka krvca teknù,
Niti pisnù, niti zubi škrinù;

Poljana se napuni tjelesah,
Niti pisnù niti zubi škrinù;
Već tko zovnù Boga velikoga,
Tko lijepo ime Isusovo,
Ter se lasno razstadoše s suncem
Zatočnici mrijet naviknuti.
Riekom krvca poljem teče;
Turad bulji skrstiv ruke.
Tko je mladji rado gleda
Na lipovu krstu muke;
A tko starij' muke iste
Sam na sebi s vlaške ruke
Već u napried od stră' ćuti.
Ljutit aga mrko gleda
Gdje se silom divit mora
Silan arslan gorskom mišu.
Tko si junak osvetit se nemoš
Na junaku dotle, dok nepreda.
Smaknù Ture toliko junakah,
Posmicà ih, srca neizkali,
Što bez straha svi su pred njim pali.
Boj se onoga, tko je vikó
Bez golema mrijet jada.
Videć aga kriepost taku,
Zazebe ga na dnu srca:
Kô ledeniem rátom leden
Šiljak dušu da mu dirnuù.
Od tuge li za junaci,
Što ih silan zaman stratì?
Turčin tuge za krstove neima.
Od straha li, jer se glavi boji?
Silan aga to sám sebi taji.
Zar nevidiš kako radi
Hrabar junak uzpreć zimu,
Što mu s one piknje male
Po svem tielu mrazne valja vale?

Gledaj glavu, put nebesah
Gdje se okolo hrabra diže;
Gledaj čelo jasno i oko
Kako bistro pod njim sieva;
Gledaj kriepki stas, gdje svoju
Znajuć snagu ravno stoji;
Pak mi kaži, ima l' koja
Tudjer straha i najmanja sjena?
A pak slušaj, kako junak sbori,
I strašljivce kako oštro kori:
„Vaj, Durače, starče stari,
Kuda 'š sade, kamo li ćeš?
Sad gdje smakoh gorske miše?
Il u goru? Brdjani su tamo;
Il u ravno? na ravno će sići;
Il ćeš živjet, da izgubiš glavu?
Najbolje je bježat pod oblake.
Mišad grize, ali po tlih gmiže;
Sám sur oró pod nebo se diže.
Penjite ga na vješala tanka,
Neka znade, što mu strah valjade.
A Turčina ako još imade
Gdjegod koga, ter se vlaha boji,
Popet ću ga nebu pod oblake,
Tù nek plijen vranom vranu stoji".
Múkom muče robske sluge,
Múkom muče, plien svoj grabe
„Aman, aman!" starac pišti,
I Novica sin mu zaman
„Aman, aman!" suzan vrišti.
Stoji aga gorsko zviere,
Gvozden stupac, kamen tvrdi.
Dokle dahnù, rukom mahnù,
Starac Durak skoro izdahnù.
„Medet, medet!..." dželat ljuti
Već mu i grlo dotle sputi.
Durak huknù, sve zamuknù.

H a r a č.

Pod čadorom aga sjedi
Ter izmienja tutum kafom,
Mrku kafu duhom paklenijem.
Izpod čalme čelo vedro
Namrštio mrskam tamniem,
A junačko pod njim oko,
Kô pramenom od oblaka,
Namrčio tere múkom mûči.
Misli aga svakojake misli:
Od balčakah i od djevojakah,
I od lova i od sokolovah,
I od zlata i od ljuta rata,
Od kolacah i Crnogoracah,
Od džilita i od kopja vita,
A pak planù kano plamen živi:
Sramota je takome junaku
Kupit harač, neskupit harača,
Džilitnut se, nepogodit cilja,
Kamo l' sliepit mješte raje Turke,
Kamo l' da mu zlorad krst se smije.
Planù aga kano oganj živi,
Al gdje glasne o stožeru gusle
Med oružjem junak spazi,
Stuknù malo bijes krvni,
A usladì krv se gorka,
Kô nebeskim skladom strunah.
I što krvi žedj bje prije,
Tad postadè pjesme žedja:
Tolika se slast iz pjesni lije!
Pak Bauku govorio aga:
„Oj, Bauče, vriedna vojevodo,
Tebe hvale, da si junak dobar;
Al da udre miši iz planinah,

Kaž', Bauce, koliko bi mišah
Ti jedinac junak posjekao?"
— „Daj šestinu, dobri gospodaru". —
„Hrdjo, kučko, vojvodo Bauče,
Mislio sam da si junak bolji,
Da udari dvadeset Brdjanah,
Vjera turska tako mi pomogla,
Jedin bih im poodsjećó glave. —
Ali sam se mal' ne zabrinuo
Lulu pijuć i prevrćuć misli,
Gdje nam noćca nedopušta mrka,
Da se s krstom kadeć zabavimo.
Vjera moja, ti si pjevač dobar,
A ja željan gusal' i pjevača:
De zapjevaj da me želja mine".
Ustà Bauk, gusle skidè,
A pak smjeran podvitijeh noguh
Na prijašnje sjedè mjesto,
Ter nasloniv pred sobome
Na mek dušek žice glasne,
Gudnù luċcem zveketnijem
Amo tamo po konjskome repu;
Pak gdje klinac nekoliko putah
Krenut škrinù, u gromovit
Uz udesne strune veće
Glas ovako, lukav pjevač, začè:
„Mili bože, čuda velikoga,
Kakav bješe Rizvan-aga silni
I na sablji i na kopju vitu,
I na puški i na nožu ljutu,
I na šaci i na dobru konju!
Sidje aga u polje Kosovo
Pak zakupi careva harača,
Sve og glave po žut cekin ište,
A od ognja po debela ovna
I za noćcu na obred djevojku.

„Kupi aga careva harača,
Tvrda raja daje i nedaje.
Gdje od glave po žut cekin ište,
Odtud često ni bakrena neima;
Gdje od ognja po debela ovna
Daju mu ga, rebra mu se vide;
A gdje za noć mladjanu djevojku,
Odtuda mu kužne babe neima.

„Apsi aga tvrdoglavu raju,
Ter je poljem narazance redi,
Pak je konjem preskakivat stade.
Prvieh deset preskočio aga;
Druzieh deset preskočio aga;
A kad nastà tretje desetero,
Biesan djogo biesno podigrava,
Pak gdje skoknù pusti kolan pučè,
Silan aga na travi se nadjè.

„Malo tome vrieme postajalo,
Ode šapat od ustah do ustah
Po ubavu polju Kosovome.
Što je dalje, sve to jače raste,
Dalje smijeh, dalje sprdnja raji,
Dok proniknù pjesma iz gusalah,
Ter sad pjeva po Kosovu sliepac:
„Hrdja bješe Rizvan-aga silni.“

Još dok kobna pjesma iz ustah
Bauku se grmeć razliegaše,
Tko 'e u agu, a ne u pjevača
Pogled upro, taj mogaše
Po licu mu poznat jade,
Boli, srčbe, gnjeve, biese
I stotinu inieh srdah,
Ponositu štono u srcu
Na ćuh svaki bruke i ruga
Krvavijem nokti gnjezdo riju.

Krvav plamen najprije mu buknù
Gnjevnu u srcu suproć raji crnoj,
Suproć vlahom, psetom, krstu
Lipovome, štono vriedan nije,
Uz Turčina da ga sunce grije.

Gvoždja, otrov, konop, nože,
Palu oganj, kolac grozni,
Ulje vrelo i sto mukah
U čas jedan junak smišlja,
Za izgladit gorkoj bruci trage,
I sačuvat uspomenu čistu,
Čisto ime uz glas strune blage.

Na obrve crn mu oblak sjeda;
Plamte oči poput ognja živa;
Crljen plamen uz obraz mu liže;
Strašniem biesom nozdrve se šire;
A na usti izpod pjene biele
Grozan, paklen izraz stadè,
Kô da veli: raja nek propade,
Samo pjesni čuvat se valjade.

Al gdje Bauk zadnju riečcu izustì,
Jedniem mahom kô da munja
Proz mozag mu sjeknù plaha:
Raja sama bruci svjedok nije,
Raja sama neima oći i usta;
Tuci raju, tuci Turce k jednu,
Samo čuvaj uspromenu vriednu.

Ali u to misó strašnu
U dubine srcu aga topi;
Crte licu kroti, tješi, blaži,
A po licu sve to jače maša
Srčbe plamen; hoće da se miran
Svietu ukaže, a vas drkće i trepti.

Pak najposlie gdje golema ijeda
Pred svjedoci sakrit neuzmognù,

Ustà i viknù bukteć: „Hazur momci,
Hazur s krstom, hazur s ljutiem noži,
S palom, s ognjem, s kolcem, s uljem vreliem:
Razkivajte sve paklene vlasti!
Ja sam junak, to će pjesma rieti;
K tom će cilju svi kô žertva pasti!...“
Aga dobro nedorečè,
A na dvoru puška grmnù
I Saferu, koji prvi
Na glas agin gotov skočì,
U noć drugo prosù oko;
Ter što danas činit ljuti
Džilit počè, smrtno zrno dočè.
„Vlasi, vlasi!“ svudar vika jeknù.
U to jedan cete dijo
U čadorje naboj sasu.
‹Vlasi, vlasi!› Turci viču,
‹Konja, konja!› grmi aga.
Dijo drugi tada grunù.
„Vlasi odasvud, puške, nože!“
Konja, konja, Haso, konja!“
Diljke izprazni dijo treći,
I već Hasan vižla brži
Izvede mu dobra konja.
Posjest aga gdje ga htjede,
Iz oblaka munja kresnù,
I vruć purak sa zemljom ga svedè:
Noć je mračna; neznaš, tko ga svalì
Al tu blizu Mirko puške pali...
Proz noć crnu prhnù bez tijela
Hrabra duša, gola, nevesela!...
Padè aga, al se Turci borc,
Već što tmina čudit ti se neda,
Kolika se tu junačtva tvore.
Od mraka se nerazbire ništa;
Pak kad sjevne oganj sa nebesah

Il iz puške pouzdanu drugu,
Često put se krst i Turcin nadju,
Na dohvatu noža ljuta,
Gdje mnijahu, puškomet je puta,
Ter se grle rukam gvozdenijem,
Ter se ljube kljunom gvozdenijem
Krst i propok dok jednoga teče:
Toliko im mržnja srca peće!

U odjeći noći crne
Prieka u krvcu smrt po polju grezne;
Plahom munjom oči joj je svietle,
A proz kosti hladan vietar duje;
Glasom groma grozna podvikuje
Sada „kuku!", sada „medet, medet!»,
Sad «pomozi, o Isuse blagi!»
I uzdiše, pišti, ciči, hripi,
A pak grabi sad krste, sad Turke,
Ter im svojiem ruhom oči veže.

Tu pogibè uzdan agin ćato;
Mujo, Haso, Omer, Iašar ljuti
I trideset inijeh Turakah.
A Bauka spasi noćca mrkla
I ostalo, što se još izmaknù.

Al tko ono pokraj age leži?
Ter na mrtva mrtav gnjevno reži?
Novica je; ljut ga Hasan smaknù,
Baž gdje junak k mrtvu skoči lavu,
Izmed Turak' da mu skine glavu.

Gràd iz cievih smrtni prestà,
A navali gràd s nebesah:
Četa noćna pod ćadorje udje.
Noć je strašna, krvi oblita,
Tamna, crna; blago četi sade,
Gdje već trudna na konačište padè.

K o b.

Lovčen gora pod nebo se diže,
Nadomak mu jedno polje širi.
U polju je stanak pustinjakov,
A u stanku jedna izba mala.
U toj izbi čudno čudo kažu:
Biesno Ture gdje se krstu klanja.

Stoji Ture odjeveno liepo
I pod čalmom i pod britkom sabljom,
I pod puškom i pod ljutjem nožem:
Strah te hvata, posieć će te biesno.

Al se ne boj, pobratime dragi,
Krotko Ture, posjeći te neće;
Smjerno Ture, uplašit ga làsno.
Udri samo o zemljicu nogom,
Ter ti smjerno obje skršta ruke,
Ruke skršta a prigiba glavu,
A pak desnu pred obraze diže,
I najposlie vrhu čela visi.

Pak pristupi, ter mi gataj, pobre,
Čija 'e ovo ponosito čalma? —
„To je čalma aga Čengijića,
Al se tužno okó glave vije."
Čija 'e ovo, pobratime, glava? —
‹To je glava age Čengijića,
Ali iž nje tamne oči vire›.
Čija 'e ovo okovana sablja? —
‹To je sablja age Čengijića,
Al žalostno uz bedricu visi.›
Čije 'e ovo zlaćeno oružje? —
‹To 'e oružje age Čengijića,
Ali mirno o pojasu hrdja.›
Čije 'e ovo zlatno odijelo? —

«To 'e odielo age Čengijića,
Al od sunca neodsieva jadno!»

Поэма Мажуранича „Smrt Smail-age Čengića" есть одно изъ популярнѣйшихъ произведеній сербо-хорватской литературы, доставившее автору великое поэтическое имя. Издаваема была много разъ; переведена на русскій, чешскій и польскій языки. См. у Пып. и Спас., 2-е изд., Т. I, 249—250.

6. Stanko Vraz (1810—1851).

„Razlike pjesme"

(въ 3 ч. собр. сочин., Загр. 1866)

Zima.

Sva prigrli jurve zima
  K mrzlim njedram rukom bliedom,
Dub već trepti s golim vrhom,
  Kano prosjak s glavom siedom;
Bielom čohom pokriven je
  Kano starac kad mu j' zima,
A kad udre zviźd kroz grane,
  Bi reć kašalj da ga prima.
I kolibu djever drma,
  U kôj momče puno smeće,
Boreć se sa hudom voljom,
  Kano s vihrom pramaljeće.
Sobom tiho progovara:
  „Gdje su kraji bez sjevera?
Gdje sunašce milo blišti
  Od zorice do večera?
„Gdje su kraji, gdje radostno
  „Svedjer putnik Boga slavi?
Gdje on raj, što svedjer ljepši
  Pred oči se meni stavi?»

Tako misli razmišljava ,
Tim jad zabi ; koj ga mori ,
A pred duhom snivajućim
Citav mu se sviet raztvori .

Duhom smatra one kraje ,
Gdje viek cvati loza vita ,
Listan javor , zelen lavor ,
Ruža liepa , plemenita .

Smatra polje , gdje se igra
Jug sa klasjem od pšenice ;
Smatra gore , smatra more ,
Ogledalo od zemljice .

Iz planine sluša orla ,
Koj si smiono slavu spîva ,
Iz doline od slavulja
Usta medna , ljubezniva .

Morem plije množ brodovah ,
More sinje—jadra bîla ,
Bi reć jato labudovah ,
Kad razastre nebom krila .

U njih momci , kî na moru ,
Nebojeć se kril' od burah ,
Dovedoše liepo blago
Izmedj ponor' i klisurah .

Hitrom rukom izkrçaju
Zlato , biser , žito čilo ,
Iz smiona pojuć srdca
Skladnu pjesan ovak milo :

„Oj junače , tak ti Boga !
Nemoj klonut za proljeća ;
Sliedi ti glas duha tvoga
Te ćeš znati , gdje je sreća .

Nori u dno sinja mora ,
Tam biserah je kladenac ;

Onkraj riekah , onkraj gorah
  Dragi tebe čeka vienac".
Tako sniva ; zviždnu sjever .
  Eto minu čudni ga san ,
Koj ga uči kako valja ,
  Da dobiti vienac krasan .

Pjesma i davorija [1]).

Man' se vraga , pjesniče ljubezni !
Bac' tamburu , uhvat' mač željezni !
Tko će slušat sad tvoj mili plač ,
Sa svih stranah kad grmi : mač , mač !
  Tko se ženi , nek pusti nevjestu ,
Sada drugu obrat valja cestu .
Šta će ženska usta , ženski smieh ?
Dok rat vlada , ljubiti je grieh .
  Neka drktju robski tudjomoljci ,
Tudjih bogov sliepi dobrovoljci ,
Neka drktje svak lažiprorok ,
Gdje se pravo , tu stoji i Bog .
  Izručimo Bogu ljube drage ,
Bog ih sazda tek za ljubav blage ;
Al nij' sliedit sad ljubavi trag ,
Mrzit valja , dok nas grdi vrag .
  Kad krajnu laž budemo protjerat ,
I nad naše gore sunce stjerat ,
Kada padne jednom dušman klet ,
Vratiti ćemo s' , ljubiti opet .
  Kada smieh se povrati na lice ,
Kad nebude grieh pjevat pjesmice ;
Tad , o brajko , odpaši mač svoj ,
Tad je vrieme , a ti opet poj !

---

[1]) davorija—военная пѣсня.

Predmet pjesnih.

Od djedovah naših djela slavna,
Što ih čuva sgodbe list pisani:
Kak se Metul od Avgusta brani;
Kol'ko j' stradao narod naš odavna;
Kako j' zemlja bila vjeri stavna;
I kod Siska kako Kupe pjani
Od Slovinah padahu Osmani: —
Naša bit će pjet Homerčad spravna.
Moje žice (preslabe za pjesni
Ratne) poju slovinske ljepote,
I obraza Tvoga zrak nebesni;
I šta ljubav dade, šta l' mi ote,
I da malo radosti užije,
Koga rajških očiuh strijeli bije.

Станко Вразъ, родомъ словинецъ, былъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ и даровитыхъ „иллировъ [1])" и однимъ изъ лучшихъ хорватскихъ поэтовъ. Сначала онъ писалъ на своемъ родномъ нарѣчіи, но послѣ перешелъ къ иллирству, дававшему болѣе широкое поприще. Стихотворенія его отличаются истинной поэзіей и эстетической отдѣлкой; онъ старался ввести въ хорватскую литературу всѣ формы европейской лирики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ревностный этнографъ, и въ 1839 г. издалъ небольшое, но прекрасное собраніе иллирскихъ пѣсенъ изъ Штиріи, Крайны,

[1]) „Иллирство" національно-литературное движеніе, развившееся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Загребѣ, въ противовѣсъ венгерскимъ притязаніямъ. Для объединенія разбросанныхъ отраслей сербо-хорватскаго народа, Людевитъ Гай (1809—1872), родомъ хорватъ, 1836 г. ввелъ въ литературу старое классическое названіе иллировъ, какъ бы давая этимъ знать, что сербо-хорваты суть потомки древнихъ иллировъ. Вмѣсто собственно-хорватскаго „кайкавскаго" нарѣчія былъ принятъ богатый сербо-хорватскій языкъ, господствующій въ Далмаціи, Славоніи, Босніи. Въ 1843 г. имя „иллировъ", какъ чисто-книжное и не имѣвшее корня въ народныхъ понятіяхъ, было оставлено. Иллиры назвались „юго-славянами".

Каринтіи и западной Венгріи. Съ 1842 г. онъ издавалъ наиболѣе любопытный иллирскій журналъ „Kolo", который былъ одушевленнымъ органомъ новаго національно-литературнаго движенія. Сочиненія его изданы Иллирской Матицей: „Dĕla Stanka Vraza", въ пяти частяхъ, Zagr. 1863—1868, 1877.

Д) Сербскія народныя пѣсни.

Изъ сборника В. С. Караджича.

Пјесме особито митологичке.

1. Вила зида град.

Град градила б'јела вила
Ни на небо ни на земљу,
Но на грану од облака;
На град гради троје врата:
Једна врата сва од злата,
Друга врата од бисера,
Трећа врата од шкерлета.
Што су врата суха злата,
На њих вила сина жени;
Што су врата од бисера,
На њих вила кћер удава;
Што су врата од шкерлета,
На њих вила сама сједи,
Сама сједи, погледује,
Ђе се муња с громом игра,
Мила сестра су два брата,
А невјеста с два ђевера;
Муња грома надиграла,
Мила сестра оба брата,
А невјеста два ђевера. (Кн. 1, у Бечу, 1841, п. 226).

2. Женидба сјајнога мјесеца.

Фалила се звијезда даница:
«Оженићу сјајнога мјесеца,
Испросићу муњу од облака,
Окумићу Бога јединога,
Дјеверићу и Петра и Павла,
Старог свата светога Јована,
Војеводу светога Николу,
Кочијаша светога Илију.»
Што се фали звијезда даница,
Што се фали, то јој и Бог дао:
Оженила сјајнога мјесеца,
Окумила Бога јединога,
Одјевери и Петра, и Павла,
Старог свата светога Јована,
Војеводу светога Николу,
Кочијаша светога Илију.
Стаде муња даре дијелити:
Даде Богу небесне висине,
Светом Петру Петровске врућине,
А Јовану леда и снијега,
А Николи на води слободу,
А Илији муње и стријеле. (П. 230).

3. Љуба змаја огњенога.

Змај пролеће с мора на Дунаво
И под крилом пронесе дјевојку,
Под једнијем лијепу дјевојку,
А под другим рухо дјевојачко;
Ал' је змају жеђа додијала,
Испод крила испусти дјевојку,
Пак је посла за гору на воду;
Ал' на води три млада бећара:
Један вели: «Лијепе дјевојке!»

Други вели: «Да је упитамо».
Трећи вели: «Да је обљубимо».
Ал' говори лијепа дјевојка:
«Прођ'те ме се, три млада бећара;
Ја сам кћерца цара честитога,
Вјерна љуба змаја огњенога».
Пак пролеће преко равна поља,
Како зв'језда преко ведра неба. (П. 239).

Љубавне и друге различне женске пјесме.

4. Риба и дјевојка.

Дјевојка сједи крај мора,
Пак сама себи говори:
«Ах, мили Боже и драги!
Има л' што шире од мора?
Има л' што дуже од поља?
Има л' што брже од коња?
Има л' што слађе од меда?
Има л' што драже од брата?»
Говори риба из воде:
«Дјевојко, луда будало!
Шире је небо од мора,
Дуже је море од поља,
Брже су очи од коња,
Слађи је шећер од меда,
Дражи је драги од брата. (П. 285).

5. Брат и сестра и туђинка.

Горица листом листала,
У њојзи братац и сеја,
Сестрица брату говори:
«Зашто ми, брате, не дођеш?» —
«Ја би ти, сејо, дошао,
Али ми не да туђинка,

Туђинка, добра девојка;
Ја добра коња оседлам,
Туђинка ми га расседла;
Ја бритку сабљу припашем,
Туђинка ми је отпаше:
««Куда ћеш, драги, куда ћеш?
Равно је поље широко,
Мутна је вода дубока,
Не иди, драги, не иди»». (П. 298).

6. Сестра куша брата.

Шта с' оно чује на оној страни?
Ил' звона звоне, ил' петли поју?
Нит' звона звоне, нит' петли поју,
Већ сестра брату свом поручује:
«Ја сам ти, брате, Турска робиња,
Искуп' ме, брате, из Турски руку;
За мене Турци млого не ишту:
Три литре злата и две бисера.»
А братац сестри отпоручује:
«Злато ми треба коњу на узду,
Када га јездим, нек ми је лепо;
Бисер ми треба љуби на грло,
Када је љубим, нек ми је мило.»
Ал' сестра брату отпоручује:
«Нисам ти, брате, Турска робиња,
Већ сам ти, брате, Турска царица.» (П. 301).

7. Цијена брата и драгога.

Ој ђевојко, имаш ли драгога? —
Имала сам брата и драгога,
Пак сам оба на војску спремила. —
Јеси л' рада, да ти који дође? —
Ја сам рада, да ми оба дођу. —
Шта би дала, да ти за њи кажем?

За брата би дала мискал злата,
А за драгог' ђердан испод врата. (П. 305).

8. Смрт драге и драгога.

Два се драга врло миловала,
На једној се води умивала,
О један се пешкир отирала.
Једно љето нико их не знаде,
Друго љето сватко их сазнаде;
Сазнаде их и отац и мајка.
Мајка не да, да се драги љубе,
Већ растави и мило и драго.
Драги драгој по зв'језди поручи:
«Умри, драга, доцкан у суботу,
Ја ћу јунак рано у недјељу».
Што рекоше, то и учинише:
Драга умре доцкан у суботу,
Драги умре рано у недјељу.
Укопаше једно до другога,
Кроз земљу им руке саставише,
А у руке зелене јабуке.
Мало време за тим постајало,
Више драгог зелен бор израсте,
А виш' драге румена ружица;
Пя се вије ружа око бора,
Као свила око ките смиља. (П. 341).

9. Јелен и вила.

Јелен пасе по загорју траву,
За дан пасе, за други болује,
А за трећи јаде јадикује.
Питала га из горице вила:
«О јелене, шумско горско звере!
Каква ти је голема невоља,
Те, кад пасеш по загорју траву,
За дан пасеш, за други болујеш,

А за трећи јаде јадикујеш?»
Јелен вили котијо беседи:
«Сестро моја, из горице вило!
Мене јесте велика невоља:
Ја сам им'о моју кошутицу,
Пак ј' отишла за гору на воду,
Отишла је, пак ми не долази;
Ил' је гдегод с пута залутала,
Или су је ловци уватили,
Или ме је са свим оставила,
И јелена другог прељубила.
Ако буде с пута залутала,
Да Бог даде, да ме скоро нађе!
Ако л' су је ловци уватили,
Бог нека им моју срећу даде!
Ако ли ме са свим оставила,
И јелена другог прељубила,
Да Бог да је ловце уватили». (П. 370).

10. Дјевојка и сунце.

Девојка се сунцу противила:
«Јарко сунце, лепша сам од тебе,
И од тебе и од брата твога,
Од твог брата, сјајнога месеца,
Од сестрице звезде преоднице,
Што преоди преко ведра неба,
Као пастир пред белим овцама.»
Јарко сунце Богу тужбу дало:
«Што ћу, Боже, с проклетом девојком?»
А Бог сунцу тијо одговара:
«Јарко сунце, моје чедо драго!
Буд' весело, не буди љутито,
Ласно ћемо с проклетом девојком:
Ти засијај, преплани јој лице,
А ја ћу јој уду срећу дати,
Уду срећу, све ситне девере,

Злу свекрву, а свекра горега;
Сетиће се, ком' се противила.» (П. 416).

11. Момак и дјевојка.

Ој девојко, питома ружице!
Кад си расла, на што си гледала?
Ил' си расла на бор гледајући,
Ил' на јелу танку поноситу,
Ил' на мога брата најмлађега? —
Ој јуначе, моје јарко сунце!
Нит' сам расла на бор гледајући,
Ни на јелу танку поноситу,
Нит' на твога брата најмлађега;
Већ сам млада према теби расла. (П. 422).

12. Ништа се сакрити не може.

Два се драга на ливади љубе,
Они мисле, нико их не види;
Ал' њих гледа зелена ливада,
Па казује стаду бијеломе,
Стадо каза својему пастиру,
Пастир каза на путу путнику,
Путник каза на води возару,
Возар каза ораховој лађи,
Лађа каза студеној водици,
А водица ђевојачкој мајци.
Љуто куне лијепа ђевојка:
«А ливадо, не зеленила се!
Б'јело стадо, поклали те вуци!
А пастиру, посјекли те Турци!
А путниче, ноге т' усануле!
А возару, вода т' однијела!
Лака лађо, ватра т' изгорела!
А водице, ти га усанула!» (П. 444).

13. Црна књига, у црно доба.

Синоћ мене црна књига дође,
Црна књига, а у доба црно,
Црном бјеше булом забулана,
А крвавим слов'ма написана;
Књига гласи од моје ђевојке,
Да се скоро мисли удомити
За некаквим Бегић Асан-агом,
Пак и мене зове на весеље;
Како ћу јој тужан тамо поћи!
Кад ми даду златни пехар вина,
Да напијем срећу за удају,
Ко ће тадар срцу одољети?
Ал' ћу рећи: здраво моја драга!
Ал' ћу рећи: здраво невјернице! (П. 545).

14. Српска дјевојка.

У Милице дуге трепавице,
Прекриле јој румен' јагодице,
Јагодице и бијело лице;
Ја је гледах три године дана,
Не могох јој очи сагледати,
Црне очи ни бијело лице,
Већ сакупих коло ђевојака,
И у колу Милицу ђевојку,
Не бих ли јој очи сагледао.
Када коло на трави играше,
Бјеше ведро, пак се наоблачи,
По облаку сас'јеваше муње,
Све ђевојке к небу погледаше,
Ал' не гледа Милица ђевојка,
Већ преда се у зелену траву.
Ђевојке јој тихо говорише:
«Ој Милице, наша другарице!

Ил' си луда, ил' одвише мудра,
Те све гледаш у зелену траву,
А не гледаш с нама у облаке,
Ђе се муње вију по облаку?»
Ал' говори Милица ђевојка:
«Нит' сам луда, нит' одвише мудра,
Нит' сам вила, да збијам облаке,
Већ ђевојка, да гледам преда се.» (П. 599).

15. Испуњена жеља.

Бога моли момче нежењено,
Да се створи крај мора бисером,
Гди девојке на воду долазе;
Да га купе себи у недарца,
Да га нижу на зелену свилу,
Да га мећу себи под грлоца,
Да он слуша, што која говори:
Говори ли свака о својему,
Говори ли драга и о њему.
Што молио, то му Бог и дао:
Створио се крај мора бисером,
Гди девојке на воду долазе,
Купиле га себи у недарца,
Низале га на зелену свилу,
Метале га себи под грлоца,
Слушао је, шта која говори;
Говорила свака о својему,
Говорила драга и о њему. (П. 600).

Пјесме јуначке најстарије.

16. Свеци благо дијеле.

Мили Боже! чуда великога!
Или грми, ил' се земља тресе!
Ил' удара море у брегове?

Нити грми, нит' се земља тресе,
Нит' удара море у брегове,
Већ дијеле благо светитељи:
Свети Петар и свети Никола,
Свети Јован и свети Илија,
И са њима свети Пантелија;
Њим' долази Блажена Марија,
Рони сузе низ бијело лице.
Њу ми пита Громовник Илија:
«Сестро наша, Блажена Марија!
Каква ти је голема невоља,
Те ти рониш сузе од образа?»
Ал' говори Блажена Марија:
«А мој брате, Громовник Илија!
Како не ћу сузе проливати,
Кад ја идем из земље Инђије,
Из Инђије из земље проклете?
У Инђији тешко безакоње:
Не поштује млађи старијега,
Не слушају ђеца родитеља;
Родитељи пород погазили,
Црн им био образ на дивану
Пред самијем Богом истинијем!
Кум свог кума на судове ћера,
И доведе лажљиве свједоке
И без вјере и без чисте душе,
И оглоби кума вјенчанога,
Вјенчанога или крштенога;
А брат брата на мејдан зазива;
Ђевер снаси о срамоти ради,
А брат сестру сестром не дозива.»
Њој говори Громовник Илија:
«Сејо наша, Блажена Марија!
Утри сузе од бијела лица,
Док ми овђе благо под'јелимо,
Отић' ћемо Богу на диване,

Молићемо Бога истинога,
Нек нам даде кључе од небеса,
Да затворим' седмера небеса,
Да ударим' печат на облаке,
Да не падне дажда изъ облака,
Плаха дажда, нити роса тиха,
Нити ноћу сјајна мјесечина,
Да не падне за три годиницe;
Да не роди вино ни шеница,
Ни за цркву часна летурђија.»
Кад то чула Блажена Марија,
Утр суве од бијела лица.
Када свеци благо под'јелише:
Петар уве винце и шеницу,
И кључеве од небеског царства;
А Илија муње и громове;
Пантелија велике врућине;
Свети Јован кумство и братимство,
И крстове од часнога древа;
А Никола воде и бродове;
Па одоше Богу на диване,
Молише се три бијела дана
И три тавне ноћи без престанка,
Молише се, и умолише се
Бог им даде од небеса кључе,
Затворише седмера небеса,
Ударише печат на облаке,
Те не паде дажда из облака,
Плаха дажда, нити роса тиха,
Нит' обасја сјајна мјесечина;
И не роди вино ни шеница,
Ни за цркву часна летурђија,
Пуно време за три годинице;
Црна земља испуца од суше,
У њу живи пропадаше људи;
А Бог пусти тешку болезању,

Болевању страшну срдобољу,
Те помори и старо и младо,
И растави и мило и драго.
Што остало, то се покајало,
Господина Бога вјеровало.
И осташе Божји благосови
Да не падне леда ни снијега
До један пут у години дана;
Како онда, тако и данаске.
Боже мили, на свем тебе вала!
Што је било, више да не буде! (Кн. 2, у Бечу, 1845, п. 1).

17. Бог ником дужан не остаје.

Два су бора напоредо расла,
Међу њима танковрха јела;
То не била два бора зелена,
Ни међ' њима танковрха јела,
Већ то била два брата рођена:
Једно Павле, а друго Радуле,
Међу њима сестрица Јелица.
Браћа сеју врло миловала,
Сваку су јој милост доносила,
Најпослије ноже оковане,
Оковане сребром, позлаћене.
Кад то вид'ла млада Павловица,
Завидила својој заовици,
Па дозива љубу Радулову:
«Јетрвице, по Богу сестрице!
Не знаш кака биља од омразе?
Да омразим брата и сестрицу».
Ал' говори љуба Радулова:
«Ој Бога ми, моја јетрвице!
Ја не знадем биља од омразе,
А и да знам, не бих ти казала:
И мене су браћа миловала,
И милост ми сваку доносила.»

Кад то зачу младо Павловица,
Она оде коњма на ливаду,
Те убоде вранца на ливади,
Па говори своме господару:
«На зло, Павле, сеју миловао,
На горе јој милост доносио!
Убола ти вранца на ливади».
Павле пита сестрицу Јелицу:
«Зашто, сејо? да од Бога нађеш!»
Сестрица се брату кунијаше:
«Нисам, брате, живота ми мога!
Живота ми и мога и твога!»
То је братац сеји вјеровао.
Код то виђе млада Павловица,
Она оде ноћу у градину,
Те заклала сивога сокола,
Па говори своме господару:
«На зло, Павле, сеју миловао,
На горе јој милост доносио!
Заклала ти сивога сокола.»
Павле пита сестрицу Јелицу:
«Зашто, сејо? да од Бога нађеш!»
Сестрица се брату кунијаше;
«Нисам, брате, живота ми мога!
Живота ми и мога и твога!»
И то братац сеји вјеровао.
Кад то виђе млада Павловица,
Она оде вече по вечери,
Те украде ноже заовине,
Њима закла чедо у колевци.
Кад у јутру јутро освануло,
Она трчи своме господару
Кукајући и лице грдећи:
«На зло, Павле, сеју миловао,
На горе јој милост доносио!
Заклала ти чедо у колевци;

Ако ли се мене не вјерујеш,
Извади јој ноже од појаса».
Скочи Павле, кан' да се помами
Па он трчи на горње чардаке,
Ал' још сестра у душеку спава,
Под главом јој злаћени ножеви;
Павле узе злаћене ножеве,
Па их вади из сребрних кора,
Али ножи у крви огрезли;
Кад то виђе Павле господару,
Трже сестру за бијелу руку:
«Сејо моја, да те Бог убије!
Буд ми закла коња на ливади
И сокола у зеленој башчи,
Зашт' ми закла чедо у колевци?»
Сестрица се брату кунијаше:
«Нисам, брате, живота ми мога!
Живота ми и мога и твога!
Ако ли ми не вјерујеш клетви,
Изведи ме у поље широко,
Па ме свежи коњма за репове,
Растргни ме на четири стране».
Ал' то братац сеји не вјерова,
Већ је узе за бијелу руку,
Изведе је у поље широко,
Привеза је коњма за репове,
Па их одби низ поље широко.
Ђе је од ње капља крви пала,
Онђе расте смиље и босиље;
Ђе је она сама собом пала,
Онђе се је црква саградила.
Мало време за тим постајало,
Разболе се млада Павловица,
Боловала девет годин' дана,
Кроз кости јој трава проницала,
У трави се љуте змије легу,

Очи пију, у траву се крију.
Љуто тужи млада Павловица,
Па говори своме господару:
«Ој чујеш ли, Павле господару!
Води мене заовиној цркви,
Не би ли ме црква опростила».
Кад то чуо Павле господару,
Поведе је заовиној цркви;
Кад су били близу б'јеле цркве,
Ал' из цркве нешто проговара:
«Не ид' амо, млада Павловице:
Црква тебе опростити неће».
Кад то зачу млада Павловица,
Она моли свога господара:
«Ој Бога ти, Павле господару!
Не води ме двору бијеломе,
Већ ме свежи коњма за репове,
Па ме одби низ поље широко,
Нек ме живу коњи растргају».
То је Павле љубу послушао:
Привеза је коњма за репове,
Па је одби низ поље широко.
Ђе је од ње капља крви пала,
Онђе расте трње и коприве;
Ђе је она сама собом пала,
Језеро се онђе провалило,
По језеру вранац коњиц плива,
А за њиме злаћена колевка,
На колевци соко тица сива,
У колевци оно мушко чедо,
Под грлом му рука материна,
А у руци теткини ножеви. (П. 5).

18. Свети Саво.

Збор зборила господа ришћанска
Код бијеле цркве Грачанице:

«Боже мили, чуда великога!
Куд се ђеде цар-Немање благо,
Седам кула гроша и дуката?»
Ту се деси Немањићу Саво,
Па говори господи ришћанској:
«Ој Бога вам, господо ришћанска!
Не говор'те о мом родитељу,
Не говор'те, не гријеш'те душе:
Није бабо расковао благо
На нађаке ни на буздоване,
Ни на сабље ни на бојна копља,
Ни добријем коњма на ратове;
Већ је бабо потрошио благо
На три славна Српска намастира:
Једну бабо саградио цркву:
Б'јел Вилиндар насред горе Свете,
Красну славну себе задужбину,
Вјечну кућу на ономе св'јету,
Да се њему поје летурђија
Оног' св'јета, као и овога;
Другу бабо саградио цркву:
Студеницу на Влаху Староме,
Красну славну мајци задужбину,
Својој мајци царици Јелени,
Вјечну кућу на ономе св'јету,
Да с' и њојзи поје летурђија
Оног св'јета, као и овога;
Трећу бабо саградио цркву:
Миљешевку на Херцеговини,
Красну славну Сави задужбину,
Вјечну кућу на ономе св'јету,
Да с' и њему поје летурђија
Оног св'јета, као и овога.»
У глас викну господа ришћанска:
«Просто да си, Немањићу Саво!
Проста душа твојих родитеља!

Проста душа, а честито т'јело!
Што носили, свијетло вам било!
Што родили, све вам свето било!»
И што рече господа ришћанска
На састанку код бијеле цркве,
Штогођ рекли, код Бога се стекло. (П. 23).

19. Смрт Душанова.

(Отрывки пѣсни).

Побоље се Српски цар Стјепане
У Призрену мјесту питомоме,
Побоље се, умријети хоће.
Кад то виђе царица Роксанда,
Пером пише, како мушка страна,
Она пише три, четири књиге,
Пошиље их на четире стране
По свој њиној редом царевини,
Сву господу по реду позива:
«Чујете ли, сва наша господо!
Тешко болан Српски цар Стјепане,
Болан јесте, умријети хоће;
Но хајдете у Призрена града,
Не би л' цара у животу нашли,
Да чујете, шта ће наручити,
И на ком' ће царство оставити.»
Кад се таке књиге растурише,
Сва господа редом разумјела,
Хитро иду, како који може,
Сви одоше у Призрена града
Код силнога Српског цар-Стјепана,
Затекоше цара у животу;
Код њега се сва господа саста,
И ту дође Вукашине краље,
Диже цара са свил'на душека,
Прислони га у наручје свил'но,

Па над њиме грозне сузе рони .
Погледује Српски цар Стјепане ,
Погледује сву редом господу ,
Погледује , паке проговара :
«Мили куме , Вукашине краље !
Аманет ти моја царевина !
И аманет сви моји градови !
И аманет све моје војеводе
По свој мојој редом царевини !
И аманет мој нејак Урошу
У кол'јевци од четръест дана !
Царуј , куме , за седам година ,
Осме подај мојему Урошу .»
Ал' говори Вукашине краље :
«Мили куме , Српски цар-Стјепане !
Није за ме твоја царевина ,
Ја не могу , куме , царовати ;
Јер ја имам сина самовољна ,
Сина мога , краљевића Марка ,
Кудгоћ иде , никога не пита ,
Ђегоћ сједне , свуће пије вино ,
А све ради кавгу да огради .»
Рече њему Српски цар Стјепане :
«Мили куме , Вукашине краље !
Кад ја заптих све моје војеводе
По свој мојој редом царевини ,
А ти не мо'ш , кога си родио ?
Но аманет моја царевина !
И аманет сви моји градови !
И аманет све моје војеводе
По свој мојој редом царевини !
Аманет ти нејаки Урошу
У кол'јевци од четръест дана !
Царуј , куме , за седам година ,
Осме подај мојему Урошу ».

То говори Српски цар Стјепане,
То говори, а с душом се бори;
То изусти, лаку душу пусти.

. . . .

Он царова шеснаест година;
Колико је зулум поставио,
Што ношаше раја сиротиња,
Што ношаше од свиле хаљине,
Тад' обуче сукнене хаљине.
Млади Урош соја господскога
Довати се снаге и памети,
Па дозива стару своју мајку:
«Мати моја, царице Роксанда!
Дај ми, мајко, комад љеба бабов».
Стара њему мајка говорила:
«Чујеш ли ме, мој млади Урошу!
Има љеба, но је у другога,
Баш у кума Вукашина краља:
Каде ти је бабо починуо,
На самрти царство наручио
Баш на кума Вукашина краља,
Да царује за седам година,
Осме тебе да предаде царство;
Он царује шеснајест година.» (П. 33).

Пѣсни косовскія.

20.

(Отрывки).

Цар Мурате у Косово паде,
Како паде, ситну књигу пише,
Те је шаље ка Крушевцу граду,
На кољено Српском кнез-Лазару:

«Ој Лазаре, од Србије главо!
Нит' је било, нити може бити:
Једна земља, а два господара:
Једна раја, два харача даје;
Царовати оба не можемо,
Већ ми пошљи кључе и хараче,
Златне кључе од свијех градова,
И хараче од седам година;
Ако ли ми то послати не ћеш,
А ти хајде у поље Косово
Да сабљама земљу дијелимо.»
Кад Лазару ситна књига дође,
Књигу гледа, грозне сузе рони.

. . . .

Да је коме послушати било,
Како љуто кнеже проклињаше:
«Ко не дође на бој на Косово,
Од руке му ништа не родило:
Ни у пољу бјелица пшеница,
Ни у брду винова лозица!» (II. 50, I и II).

21. Цар Лазар и царица Милица.

Цар Лазаре сједе за вечеру,
Покрај њега царица Милица;
Вели њему царица Милица:
«Цар Лазаре, Српска круно златна!
Ти полазиш сјутра у Косово,
С' собом водиш слуге и војводе,
А код двора никог' не остављаш,
Царе Лазо! од мушкијех глава,
Да ти може књигу однијети
У Косово и натраг вратити;
Одводиш ми девет миле браће,
Девет браће, девет Југовића:
Остави ми брата бар једнога,

Једног брата сестри од заклетве.»
Њој говори Српски кнез Лазаре:
«Госпо моја, царице Милице!
Кога би ти брата највољела
Да т' оставим у бијелу двору?» —
«Остави ми Бошка Југовића.»
Тада рече Српски кнез Лазаре:
«Госпо моја, царице Милице!
Када сјутра бијел дан осване,
Дан осване и огране сунце,
И врата се отворе на граду,
Ти ишетај граду на капију,
Туд' ће поћи војска на алаје:
Све коњици под бојним копљима,
Пред њима је Бошко Југовићу,
И он носи крсташа барјака,
Кажи њему од мене благосов,
Нек да барјак, коме њему драго,
Па нек с тобом код двора остане.»
Кад у јутру јутро освануло
И градска се отворише врата,
Тад' ишета царица Милица,
Она стаде граду код капије,
Ал' ето ти војске на алаје:
Све коњици под бојним копљима,
Пред њима је Бошко Југовићу
На алату вас у чистом злату,
Крсташ га је барјак поклопио,
Побратиме! до коња алата;
На барјаку од злата јабука,
Из јабуке од злата крстови,
Од крстова златне ките висе,
Те куцкају Бошка по плећима;
Примаче се царица Милица,
Па увати за узду алата,

Руке склопи брату око врата,
Пак му поче тихо говорити:
«О мој брате, Бошко Југовићу!
Цар је тебе мене поклонио,
Да не идеш на бој на Косово,
И тебе је благосов казао,
Да даш барјак, коме тебе драго,
Да останеш са мном у Крушевцу,
Да имадем брата од заклетве.»
Ал' говори Бошко Југовићу:
«Иди, сестро, на бијелу кулу;
А ја ти се не бих повратио,
Ни из руке крсташ барјак дао,
Да ми царе поклони Крушевац,
Да ми рече дружина остала:
Гле страшивца, Бошка Југовића!
Он не смједе поћи у Косово
За крст часни крвцу проливати
И за своју вјеру умријети.»
Пак проћера коња на капију.
Ал' ето ти старог Југ-Богдана
И за њиме седам Југовића,
Све је седам устављала редом,
Ал' ниједан ни гледати не ће.
Мало време за тим постајало,
Ал' ето ти Југовић-Воина,
И он води цареве једеке
Покривене са сувијем златом,
Она под њим ували кулаша,
И склопи му руке око врата,
Па и њему стаде говорити:
«О мој брате, Југовић-Воине!
Цар је тебе мене поклонио,
И тебе је благосов казао,
Да даш једек', коме тебе драго,

Да останеш са мном у Крушевцу,
Да имадем брата од заклетве.»
Вели њојзи Југовић-Воине:
«Иди, сестро, на бијелу кулу,
Не бих ти се јунак повратио,
Ни цареви једеке пустио,
Да бих знао, да бих погинуо;
Идем, сејо, у Косово равно
За крст часни крвцу прољевати
И за вјеру с браћом умријети.»
Пак проћера коња на капију.
Кад то виђе царица Милица,
Она паде на камен студени,
Она паде, пак се обезнани;
Ал' ето ти славнога Лазара,
Када виђе госпођу Милицу,
Уд'рише му сузе низ образе;
Он с' обзире с десна на лијево,
Те дозивље слугу Голубана:
«Голубане, моја вјерна слуго!
Ти одјаши од коња лабуда,
Узми госпу на бијеле руке,
Пак је носи на танану кулу;
Од мене ти Богом просто било!
Немој ићи на бој на Косово,
Већ остани у бијелу двору.»
Кад то зачу слуга Голубане,
Проли сузе низ бијело лице,
Па одсједе од коња лабуда,
Узе госпу на бијеле руке,
Однесе је на танану кулу;
Ал' свом срцу одољет' не може;
Да не иде на бој на Косово,
Већ се врати до коња лабуда,
Посједе га, оде у Косово.
Кад је сјутра јутро освануло,

Долећеше два врана гаврана
Од Косова поља широкога ,
И падоше на бијелу кулу ,
Баш на кулу славнога Лазара ,
Један гракће , други проговара :
«Да л' је кула славног кнез-Лазара ?
Ил' у кули нигђе никог нема ?»
То из куле нитко не чујаше ,
Већ то чула царица Милица ,
Па излази пред бијелу кулу ,
Она пита два врана гаврана :
«Oj Бога вам , два врана гаврана !
Откуда сте јутрос полећели ?
Нијесте ли од поља Косова ?
Виђесте ли двије силне војске ?
Јесу ли се војске удариле ?
Чија ли је војска задобила ?»
Ал' говоре два врана гаврана ;
«Oj Бога нам , царице Милице !
Ми смо јутрос од Косова равна ,
Виђели смо двије силне војске ;
Војске су се јуче удариле ,
Обадва су цара погинула ;
Од Турака нешто и остало ,
А од Серба и што је остало ,
Све рањено и искрвављено .»
Истом они тако бесјеђаху ,
Ал' ето ти слуге Милутина ,
Носи десну у лијевој руку ,
На њему је рана седамнаест ,
Вас му коњиц у крв огрезнуо ;
Вели њему госпођа Милица :
«Што је , болан ! слуго Милутине ?
Зар издаде цара на Косову ?»
Ал' говори слуга Милутине :
«Скин' ме , госпо , са коња витеза ,

Умиј мене студеном водицом,
И залиј ме црвенијем вином;
Тешке су ме ране освојиле!»
Скиде њега госпоћа Милица,
И уми га студеном водицом,
И зали га црвенијем вином.
Кад се слуга мало повратио,
Пита њега госпоћа Милица:
«Што би, слуго, у пољу Косову?
Ђе погибе славни кнеже Лазо?
Ђе погибе стари Југ Богдане?
Ђе погибе девет Југовића?
Ђе погибе Милош војевода?
Ђе погибе Вуче Бранковићу?
Ђе погибе Бановић Страхиња?»
Тада слуга поче казивати:
«Сви осташе, госпо, у Косову.
Ђе погибе славни кнез Лазаре,
Ту су млога копља изломљена,
Изломљена и Турска и Српска,
Али више Српска, него Турска,
Бранећ', госпо, свога господара,
Господара, славног кнез-Лазара.
А Југ ти је, госпо, погинуо
У почетку, у боју првоме.
Погибе ти осам Југовића,
Ђе брат брата издати не шћеде,
Доклегоће један шецијаше;
Још остаде Бошко Југовићу,
Крсташ му се по Косову вија;
Још разгони Турке на буљуке,
Као соко тице голубове.
Ђе огрезну крвца до кољена,
Ту погибе Бановић Страхиња.
Милош ти је, госпо, погинуо
Код Ситнице код воде студене,

ћено млоги Турци изгинули.
Милош згуби Турског цар-Мурата
И Турака дванаест хиљада;
Бог да прости, ко га је родио!
Он остави спомен роду Српском,
Да се прича и приповиједа
Док је људи и док је Косова.
А што питаш за проклетог Вука,
Проклет био и ко га родио!
Проклето му племе и кољено!
Он издаде цара на Косову
И одведе дванаест хиљада,
Госпо моја! лутог оклопника!» (П. 45).

22. Пропаст царства Српскога.

Полетио соко тица сива
Од Светиње од Јерусалима,
И он носи тицу ластавицу..
То не био соко тица сива,
Веће био светитељ Илија;
Он не носи тице ластавице,
Веће књигу од Богородице,
Однесе је цару на Косово,
Спушта књигу цару на колено,
Сама књига цару беседила:
«Царе Лазо, честито колено!
Коме ћеш се приволети царству?
Или волиш царству небескоме,
Или волиш царству земаљскоме?
Ако волиш царству земаљскоме,
Седлај коње, притежи колане,
Витезови сабље припасујте,
Па у Турке јуриш учините,
Сва ће Турска изгинути војска;
Ако л' волиш царству небескоме,

А ти сакрој на Косову цркву,
Не води јој темељ од мермера,
Већ од чисте свиле и скерлета,
Па причести и нареди војску;
Сва ће твоја изгинути војска,
Ти ћеш, кнеже, шњоме погинути.»
А кад царе саслушао речи,
Мисли царе мисли свакојаке:
«Мили Боже, што ћу и како ћу?
Коме ћу се приволети царству?
Да или ћу царству небескоме?
Да или ћу царству земаљскоме?
Ако ћу се приволети царству,
Приволети царству земаљскоме,
Земаљско је за малено царство,
А небеско у век и до века.»
Цар воледе царству небескоме,
А него ли царству земаљскоме,
Па сакроји на Косову цркву,
Не води јој темељ од мермера,
Већ од чисте свиле и скерлета,
Па дозива Српског патријара
И дванаест велики владика,
Те причести и нареди војску.
Истом кнеже наредио војску,
На Косова ударише Турци.
Маче војску Богдан Јуже стари
С девет сина девет Југовића,
Како девет сиви соколова,
У свaког је девет иљад' војске,
А у Југа дванаест иљада,
Па се бише и секоше с Турци:
Седам паша бише и убише,
Кад осмога бити започеше,
Ал' погибе Богдан Јуже стари,
И изгибе девет Југовића,

Како девет сиви соколова,
И њиова сва изгибе војска.
Макош' војску три Мрњавчевића:
Бан Угљеша и војвода Гојко
И са њима Вукашине краље,
У свакога триест иљад' војске,
Па се бише и секоше с Турци:
Осам паша бише и убише,
Деветога бити започеше,
Погибоше два Мрњавчевића,
Бан Угљеша и војвода Гојко,
Вукашин је грдни рана доп'о,
Њега Турци с коњма прегазише;
И њиова сва изгибе војска.
Маче војску Ерцеже Степане,
У Ерцега млога силна војска,
Млога војска, шездесет иљада,
Те се бише и секоше с Турци:
Девет паша бише и убише,
Десетога бити започеше,
Ал' погибе Ерцеже Степане,
И његова сва изгибе војска.
Маче војску Српски кнез Лазаре,
У Лазе је силни Србаљ био,
Седамдесет и седам иљада,
Па разгоне по Косову Турке,
Не даду се ни гледати Турком,
Да камо ли бојак бити с Турци;
Тад' би Лаза надвладао Турке,
Бог убио Вука Бранковића!
Он издаде таста на Косову;
Тада Лазу надвладаше Турци,
И погибе Српски кнез Лазаре,
И његова сва изгибе војска,
Седамдесет и седам иљада;

Све је свето и честито било
И миломе Богу приступачно. (П. 46).

23. Обретеније главе кнеза Лазара.

Кад Лазару одсекоше главу
На убаву на пољу Косову,
Од Србља се нико не десио,
Већ се деси једно Туре младо,
Јесте Туре, ал' је од робиње,
Родила га Српкиња робиња,
Па беседи Турско момче младо:
«Ао Турци, моја браћо драга!
Ово ј' глава једног господара,
Греота је од Бога једнога,
Да је кљују орли и гаврани,
Да је газе коњи и јунаци.»
Узе главу светога Лазара,
Зави у скут коласте аздије,
Па је носи до воде кладенца,
Спушта главу у воду кладенац.
Стајала је глава у кладенцу
Лепо време четрдесет лета,
А убаво на Косову тело,
Ни га једу орли ни гаврани,
Ни га газе коњи ни јунаци.
Мили Боже на свем' теби вала!
Подигле се кириџије младе
Од убава Скопља бела 'града,
Они возе Грке и Бугаре,
Они иду Нишу и Видину,
На Косову конак учинили.
Вечерале кириџије младе,
Вечерале, пак су ожедниле;
Измеђ' себе вењер ужегоше,
Ужегоше веньер јасну свећу,

Они траже воде по Косову,
Намера и намерила била,
Намерила на воду кладенца,
Један вели кириџија млади:
«Ев' у води месечине сјајне.»
Други вели кириџија млади:
«Није, браћо, месечина сјајна.»
Трећи мучи, ништа не беседи,
Окрену се право на Истоку,
Па помену Бога истинога,
Ист'ног Бога и светог Николу:
«Помоз' Боже, и оче Никола!»
Па загази у воду кладенца,
Те извади из кладенца главу
Светитеља Српскога Лазара,
Па је меће на зелену траву,
И заити воде у кондиру.
Док се жедни водом обредише,
Кад су црној земљи погледали,
Неста главе са зелене траве,
Оде глава преко поља сама,
Света глава до светога тела,
Припоји се како што ј' и била.
Кад у јутру бео дан освану,
Глас дадоше кириџије младе,
Глас дадоше старим свештеником,
И ту дође млого свештеника,
Три стотине стари свештеника,
И дванаест велики владика,
И четири стара Патријара:
Прво Пећки, друго Цариградски,
Васиљенски и Јерусалимски;
Облачише велике одежде,
И на главе капе камилавке,
И у руке књиге староставне,
Па чатише велике молитве,

И држаше велика демија
За три дана и три ноћи тавне
Ни седоше, ни се одморише,
Ни легоше, ни санка имаше,
Моле свеца, куд ће светац поћи,
Да којој ће Лаза задужбини:
Ил' Опову, или Крушедолу,
Ил' ће Јаску, или Бешеновој,
Ил' Раковцу, или Шишатовцу,
Ил' ће ђивши или Кувеждину,
Да или ће у Маћедонију;
Не ће светац задужбини туђој,
Већ он оће својој задужбини,
А у свою красну Раваницу
Под високом под Кучај-планином,
Што је Лаза саградио цркву
За живота јоште за својега,
Саградио себи задужбину
О свом лебу и о своме благу
А без суза без сиротињекије. (П. 53).

Пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ.

24. Урош и Мрљавчевићи.

Састала се четири табора
На убаву на пољу Косову
Код бијеле Самодреже цркве:
Једно табор Вукашина краља,
Друго табор деспота Угљеше,
Треће табор војеводе Гојка,
А четврто царевић-Уроша;
Цареви се отимљу о царство,
Међу се се хоће да поморе,
Злаћенима да пободу ножи,
А не знаду, на коме је царство.

Краљ Вукашин вели: «На мене је»;
Деспот Угљеш: «Није, нег' на мене»;
Војвод' Гојко: «Није, нег' на мене»;
Ћути нејак царевић Урошу,
Ћути д'јете, ништа не бесједи,
Јер не смије од три братијенца,
Братијенца, три Мрњавчевића.
Пише књигу Вукашине краљу,
Пише књигу, и шиље чауша
До Призрена града бијелога
До онога протопоп-Недељка,
Нека дође на Косово равно,
Да он каже, на коме је царство;
Он је свј'етла цара причестио,
Причестио и исповједио,
У њега су књиге старославне.
Пише књигу деспоте Угљеша,
Пише књигу, и шиље чауша
До Призрена града бијелога,
До онога протопоп-Недељка;
Трећу пише војевода Гојко,
И он шиље огњена чауша;
А четврту царевић Урошу,
Пише књигу и шиље чауша,
Сва четири ситне књиге пишу
И пошиљу огњене чауше
Све потајно један од другога.
Састаше се четири чауша
У Призрену граду бијеломе
Код двора протопоп-Недељка,
Али прота дома не бијаше,
Но у цркви бјеше на јутрењи,
На јутрењи и на летурђији.
Кол'ко с' силни огњени чауши,
Колико су силни од силнијех,
Те не ћеше коње одјахати,

Но у цркву коње нагонише,
Потегоше плетене канџије,
Ударају протопоп-Недељка:
«Брже хајде, протопоп-Недељко,
Брже хајде на Косово равно,
Да ти кажеш, на коме је царство;
Ти си св'јетлог цара причестио,
Причестио и исповједио,
У тебе су књиге староставне;
Ја л' ћеш сада изгубити главу.»
Сузе рони протопоп Недељко,
Сузе рони, па њима говори:
«Одбијте се, силни од силнијех,
Док у цркви закон савршимо,
Знати ће се, на коме је царство.»
Тако су се они узмакнули.
А кад закон Божји савршише,
Изљегоше пред бијелу цркву,
Тад' говори протопоп Недељко:
«Ђецо моја, четири чауша!
Ја сам св'јетла цара причестио,
Причестио и исповједио,
Ал' га нисам питао за царство,
Већ за гр'јехе, што је сагр'јешио;
Но идите у Прилипа града
До дворова Краљевића Марка,
А до Марка, до мојега ђака,
Код мене је књигу научио,
Код цара је Марко писар био,
У њега су књиге староставне,
И он знаде, на коме је царство;
Ви зовите на Косово Марка,
Хоће Марко право казивати,
Јер се Марко не боји никога,
Разма једног Бога истинога.»
Отидоше четири чауша,

Отидоше ка Прилипу граду,
Б'јелу двору Краљевића Марка.
Кад су били пред бијеле дворе,
Удариише звекиром на врата,
То зачула Јевросима мајка,
Па дозива свога сина Марка:
«Сине Марко, моје чедо драго!
Тко удара звекиром на врата?
Баш ка' да су бабови чауши.»
Уста Марко, те отвори врата,
Чауши се поклонише Марку:
«Божја т' помоћ, господару Марко!»
А Марко их омилова руком:
«Добро дошли, моја ђецо драга!
Јесу л' здраво Србљи витезови,
И честити цареви и краљи?»
Чауши се смјерно поклонише:
«Господару, Краљевићу Марко!
Све је здраво, али није мирно:
Господа се тешко завадила
На Косову пољу широкоме
Код бијеле Самодреже цркве,
И они се отимљу о царство,
Међу се се хоће да поморе,
Злаћенима да пободу ножи,
А не знаду, на коме је царство;
Тебе зову на Косово равно,
Да им кажеш, на коме је царство.»
Оде Марко у господске дворе,
Пак дозива Јевросиму мајку:
«Јевросима, моја мила мајко!
Господа се јесу завадила
На Косову пољу широкоме
Код бијеле Самодреже цркве,
И они се отимљу о царство,
Међу се се хоће да поморе,

Злаћенима да пободу ножи,
А не знаду, на коме је царство;
Мене зову на поље Косово,
Да им кажем, на коме је царство.»
Кол'ко Марко тежио на правду,
Тол'ко моли Јевросима мајка:
«Марко сине једини у мајке!
Не била ти моја рана клета,
Не мој, сине, говорити криво
Ни по бабу, ни по стричевима,
Већ по правди Бога истинога;
Не мој, сине, изгубити душе;
Боље ти је изгубити главу,
Него своју огр'јешити душу.»
Узе Марко књиге староставне,
Па опреми себе и Шарина,
Шарину се на рамена баци,
Отидоше у Косово равно.
Кад су били краљеву шатору,
Рече таде Вукашине краље:
«Благо мене до Бога милога!
Ето мене мога сина Марка,
Он ће казат', на мене је царство,
Од оца ће останути сину.»
Марко слуша, ништа не говори,
На шатора не окреће главу.
Кад га виђе Угљеша војвода,
Тад' Угљеша ријеч говорио:
«Благо мене! ето ми синовца,
Он ће казат', на мене је царство;
Кажи, Марко, на мене је царство;
Оба ћемо братски цароватн.»
Шути Марко, ништа не бесједи,
На шатора не окреће главу.
Кад га виђе којевода Гојко,
'Таде Гојко ријеч говорио:

«Благо мене! ето ми синовца,
Он ће казат', на мене је царство;
Кад је Марко још нејачак био,
Ја сам Марка врло миловао,
У свилена њедра увијао,
Кано красну од злата јабуку;
Куд сам гође на коњу ходио,
Све сам Марко са собом водио;
Кажи, Марко, на мене је царство,
Ти ћеш, Марко, први царовати,
А ја ћу ти бити до кољена.»
Шути Марко, ништа не говори,
На шатора не окреће главу,
Право оде бијелу шатору,
Ка шатору нејака Уроша,
Догна Шарца цару до шатора,
Онђе Марко Шарца одсједнуо.
Кад га виће нејаки Урошу,
Лако скочи са свил'на душека,
Лако скочи, паке проговори,
«Благо мене! ето мога кума,
Ето кума, Краљевића Марка,
Он ће казат' на коме је царство.»
Руке шире, у грла се грле,
У бијело цјеливају лице,
За јуначко питају се здравље,
Па сједоше на свил'на душека.
Тако мало време постајало,
Данак прође, тавна ноћца дође;
Кад у јутру јутро освануло,
И пред црквом звона ударише,
Сва господа дошла на јутрење,
У цркви су службу савршили,
Изљегоше из бијеле цркве,
У столове пред цркву сједнули,
Шећер ију, а ракију пију,

Марко узе књиге староставне,
Књиге гледа, а говори Марко:
«А мој бабо, Вукашине краљу!
Мало л' ти је твоје краљевине?
Мало л' ти је? Остала ти пуста!
Већ с' о туђе отимате царство.
А ти стриче, деспоте Угљеше!
Мало л' ти је деспотства твојега!
Мало л' ти је? Остало ти пусто!
Већ с' о туђе отимате царство.
А ти стриче, војевода Гојко!
Мало л' ти је војводства твојега?
Мало л' ти је? Остало ти пусто!
Већ с' о туђе отимате царство.
Видите ли, Бог вас не видио!
Књига каже, на Урошу царство,
Од оца је останулo сину,
Ђетету је од кољена царство.
Њему царство царе наручио
На самрти, кад је починуо.»
Кад то зачу Вукашине краљу,
Скочи краљу од земље на ноге,
Па потрже злаћена ханџара,
Да убоде свога сина Марка,
Бјежи Марко испред родитеља,
Јер се њему, брате, не пристоји
Са својим се бити родитељем,
Бјежи Марко око б'јеле цркве,
Око б'јеле цркве Самодреже,
Бјежи Марко, а ћера га краљу,
Док си трипут коло саставили
Око б'јеле Самодреже цркве,
Готово га бјеше сустигао,
Ал' из цркве нешто проговара:
«Бјеж' у цркву, Краљевићу Марко!
Видуш, ђе ћеш данас погинути,

Погинути од свог родитеља,
А за правду Бога истинога.»
Црквена се отворише врата,
Марко бјежи у бијелу цркву,
За њиме се врата затворила.
Краљ допаде на црквена врата,
По диреку удари ханџаром,
Из дирека крвца покапала,
Тад' се краље био покајао,
Те је ријеч био говорио:
«Леле мене до Бога једнога!
Ђе погубих свога сина Марка.»
Ал' из цркве нешто проговара:
«А чујеш ли? Вукашине краље!
Ти нијеси посјекао Марка,
Већ пос'јече Божјега анђела.»
На Марка је врло жао краљу,
Те га љуто куне и проклиње:
«Сине Марко, да те Бог убије!
Ти немао гроба ни порода!
И да би ти душа не испала,
Док Турскога цара не двориo!»
Краљ га куне, цар га благосиља:
«Куме Марко, Бог ти помогао!
Твоје лице св'јетло на дивану!
Твоја сабља сјекла на мејдану!
Нада те се не нашло јунака!
Име ти се свуда спомињало,
Док је сунца и док је мјесеца!»
Што су рекли, тако му се стекло. (П. 34).

25. Марко Краљевић и вила.

Пojездише до два побратима
Преко красна Мироча планине,
Та једно је Краљевићу Марко,

А друго је војвода Милошу,
Напоредо језде добре коње,
Напоредо носе копља бојна,
Један другом бело лице љуби,
Од милоште до два побратима;
Паке Марко на Шарцу задрема,
Пак беседи побратиму своме:
«А мој брате, војвода Милошу!
Тешко је ме санак обрвао,
Певај, брате, те ме разговарај.»
Ал' беседи војвода Милошу:
«А мој брате, Краљевићу Марко!
Ја би тебе, брате, попевао,
Ал' сам синоћ млого пио вино
У планини с вилом Равијојлом,
Пак је мене запретила вила,
Ако мене чује да попевам,
Оће мене она устрелити
И у грло и у срце живо.»
Ал' беседи Краљевићу Марко:
«Певај, брате, ти се не бој виле
Док је мене Краљевића Марка
И мојега видовита Шарца
И мојега шестопера златна.»
Онда Милош поче да попева,
А красну је песму започео
Од свију наши бољи и старији,
Како ј' који држ'о краљевину
По честитој по Маћедонији,
Како себе има задужбину;
А Марку је песма омилила,
Наслони се седлу на облучје,
Марко спава, Милош попијева;
Зачула га вила Равијојла,
Па Милошу поче да отпева,
Милош пева, вила му отпева,

Лепше грло у Милоша царско,
Јесте лепше него је у виле;
Расрди се вила Равијојла,
Пак одскочи у Мироч планину,
Запе лука и две беле стреле,
Једна уд'ри у грло Милоша,
Друга уд'ри у срце јуначко.
Рече Милош: «Јао моја Мајко!
Јао Марко, Богом побратиме!
Јао брате, вила ме устрели!
А нисам ли тебе беседио,
Да не певам кроз Мироч планину?»
А Марко се трже иза санка,
Па одскочи с коња шаренога,
Добро Шарцу колане потеже,
Шарца коња и грли и љуби:
«Јао Шаро, моје десно крило!
Достигни ми вилу Равијојлу,
Чистим ћу те сребром потковати,
Чистим сребром и жеженим златом;
Покрићу те свилом до колена,
Од колена ките до копита;
Гриву ћу ти измешати златом,
А поткитит' ситнијем бисером;
Ако ли ми не достигнеш виле,
Оба ћу ти ока извадити,
Све четири ноге подломити,
Па ћу т' овде тако оставити,
Те се туци од јеле до јеле,
К'о ја Марко без мог побратима.»
Довати се Шарцу на рамена,
Пак потрча кроз Мироч планину.
Вила лети по врху планине,
Шарац језди по среди планине,
Ни где виле чути ни видети.
Кад је Шарац сагледао вилу,

По с три копља у висину скаче,
По с четири добре у напредак,
Брзо Шарац достигао вилу;
Кад се вила виде на невољи,
Прну јадна небу под облаке,
Потеже се буздованом Марко
Пустимице добро нештедице,
Белу вилу међ' плећи удари,
Обори је на земљицу чарну,
Пак је стаде бити буздованом:
Преврче је с десне на лијеву,
Пак је бије шестопером златним:
«За што, вило, да те Бог убије!
За шт' устрели побратима мога?
Дај ти биље ономе јунаку,
Јер се не ћеш наносити главе.»
Ста га вила Богом братимити:
«Богом брате, Краљевићу Марко!
Вишњим Богом и светим Јованом!
Дај ме пуштај у планину живу,
Да наберем по Мирочу биља,
Да загасим ране на јунаку.»
Ал' је Марко милостив на Бога,
А жалостив на срцу јуначком,
Пусти вилу у планину живу,
Биље бере по Мирочу вила,
Биље бере, често се одзива:
«Сад ћу доћи, Богом побратиме!»
Набра вила по Мирочу биља,
И загаси ране на јунаку:
Лепше грло у Милоша царско,
Јесте лепше него што је било,
А здравије срце у јунаку,
Баш здравије него што је било.
Оде вила у Мироч планину,
Оде Марко с побратимом својим,

Отидоше Поречкој крајини,
И Тимок су воду пребродили
На Брегову селу великоме,
Па одоше крајини Видинској;
Али вила међ' вилама каже:
«О чујете, виле другарице?
Не стрељајте по гори јунака
Док је гласа Краљевића Марка
И његова видовита Шарца
И његова шестопера златна;
Што сам јадна од њег' претрпила!
И једва сам и жива остала.» (П. 38).

26. Марко Краљевић и бег Костадин.

Коње јашу до два побратима,
Бег Костадин и Краљевић Марко,
Бег Костадин беседио Марку;
«Побратиме, Краљевићу Марко!
Да ти мени о јесени дођеш,
О јесени, о Дмитрову данку,
А о моме крсноме имену,
Па да видиш части и поштења,
А и лепа, брате, дочекања,
И господске ђаконије редом.»
Ал' беседи Краљевићу Марко:
«Не вали се, беже, с дочекањем!
Кад ја тражи брата Андријаша,
Ја се деси у двору твојему
О јесени о Дмитрову данку
А о твоме крсноме имену,
Видио сам твоје дочекање,
И види ти до три нечовештва.»
Ал' беседи беже Костадине:
«Побратиме, Краљевићу Марко!
Та каква ми нечовештва кажеш?»

Вели њему Краљевићу Марко:
«Прво ти је, брате, нечовештво:
Дођоше ти до две сиротице»
Да ј' нараниш леба бијелога
И напоиш вина црвенога;
А ти велиш двема сиротама:
««Ид'т' одатле, један љуцки гаде,
Не гад'те ми пред господом вина.»»
А мени је жао, беже, било,
Жао било двеју сиротица,
Па ја узе до две сиротице,
Одведо и доле на чаршију,
Нарани и леба бијелога
И напоји вина црвенога,
Па покроји на њи чисти скерлет,
Чисти скерлет и зелену свилу,
Па и онда посла двору твоме,
А ја, беже, гледим из прикрајка,
Како ћеш и онда дочекати,
А ти узе једно сирочади,
Узе њега на лијеву руку,
Друго узе на десницу руку,
Однесе и у дворе за столе:
««Јед'те, пијте, господски синови.»»
Друго ти је, беже, нечовештво:
Што су били стари господари,
Па су своју азну изгубили,
И на њима стари скерлет беше,
Оне мећеш у доњу трпезу;
А који су нови господари
И од скора азну заметнули
И на њима нови скерлет беше,
Оне мећеш у горњу трпезу,
Пред њи носиш вино и ракију
И господску ђаконију редом.
Треће ти је, беже, нечовештво:

Ти имадеш и оца и мајку,
Ни једнога у асталу нема,
Да ти пије прву чашу вина.» (П. 60).

27. Орање Марка Краљевића.

Вино пије Краљевићу Марко
Са старицом Јевросимом мајком,
А кад су се напојили вина,
Мајка Марку стаде бесједити:
«О мој синко, Краљевићу Марко!
Остани се, синко, четовања,
Јер зло добра донијети не ће,
А старој се досадило мајци
Све перући крваве хаљине;
Већ ти узми рало и волове,
Пак ти ори брда и долине,
Те сиј, синко, шеницу бјелицу,
Те ти рани и мене и себе.»
То је Марко послушао мајку:
Он узима рало и волове;
Ал' не оре брда и долине,
Већ он оре цареве друмове;
Отуд иду Турци јањичари,
Они носе три товара блага,
Па говоре Краљевићу Марку:
«Море Марко, не ори друмова.» —
«Море Турци, не газ'те орања.» —
«Море Марко, не ори друмова.» —
«Море Турци, не газ'те орања.» —
А када се Марку досадило,
Диже Марко рало и волове,
Те он поби Турке јањичаре,
Пак узима три товара блага,
Однесе их својој старој мајци:
«То сам тебе данас изорао.» (П. 73).

28. Смрт Марка Краљевића.

Поранио Краљевићу Марко
У неђељу прије јарког сунца
Покрај мора Урвином планином.
Када Марко био уз Урвину,
Поче њему Шарац посртати,
Посртати и сузе ронити.
То је Марку врло мучно било,
Па је Марко Шарцу говорио:
«Давор', Шаро, давор' добро моје!
Ево има сто и шесет љета
Како сам се с тобом састануо,
Још ми нигда посрнуониси,
А данас ми поче посртати,
Посртати и сузе ронити:
Нека Бог зна, добро бити неће,
Хоће једном бити према глави,
Јали мојој, јали према твојој.»
То је Марко у ријечи био,
Кличе вила с Урвине планине,
Те дозива Краљевића Марка:
«Побратиме, Краљевићу Марко!
Знадеш, брате, што ти коњ посрће?
Жали Шарац тебе господара,
Јер ћете се брзо растанути.»
Али Марко вили проговара:
«Б'јела вило, горло те бољело!
Како бих се са Шарцем растао,
Кад сам прош'о земљу и градове,
И обиш'о Исток до Запада,
Та од Шарца бољег коња нема,
Нит' нада мном бољега јунака?
Не мислим се са Шарцем растати
Док је моје на рамену главе.»

Ал' му б'јела одговара вила:
«Побратиме, Краљевићу Марко!
Тебе нитко Шарца отет' не ће,
Нит' ти можеш умријети, Марко,
Од јунака ни од оштре сабље,
Од топуза ни од бојна копља,
Ти с' не бојиш на земљи јунака;
Већ ћеш, болан, умријети, Марко,
Ја од Бога од старог крвника.
Ако л' ми се вјеровати не ћеш,
Када будеш вису на планину,
Погледаћеш с десна на лијево,
Опазићеш двије танке јеле,
Сву су гору врхом надвисиле,
Зеленијем листом зачиниле,
Међу њима бунар вода има,
Онђе хоћеш Шарца окренути,
С коња сјаши, за јелу га свежи,
Надњеси се над бунар над воду,
Те ћеш своје огледати лице,
Па ћеш виђет', кад ћеш умријети.»
То је Марко послушао виле,
Кад је био вису на планину,
Погледао с десна на лијево,
Опазио двије танке јеле,
Сву су гору врхом надвисиле,
Зеленијем листом зачиниле;
Онђе Марко окренуо Шарца,
С њега сјао, за јелу га свез'о,
Наднесе се над бунар над воду,
Над водом је лице огледао,
А кад Марко лице огледао,
Виђе Марко, кад ће умријети,
Сузе проли, па је говорио:
«Лажив св'јете, мој лијепи цв'јете!
Л'јеп ти бјеше, ја за мало ходах!

Та за мало, три стотин' година!
Земан дође, да св'јетом пром'јеним.»
Па повади Краљевићу Марко,
Па повади сабљу од појаса,
И он дође до коња Шарина,
Сабљом Шарцу осијече главу,
Да му Шарац Турком не допадне,
Да Турцима не чини измета,
Да не носи воде ни ђугума;
А кад Марко посијече Шарца,
Шарца коња свога укопао,
Боље Шарца, нег' брата Андрију;
Бритку сабљу преби на четверо,
Да му сабља Турком не допадне,
Да се Турци њоме не поносе,
Што је њима остало од Марка,
Да ришћанлук Марка не прокуне;
А кад Марко бритку преби сабљу,
Бојно копље сломи на седмеро,
Па га баци у јелове гране;
Узе Марко перна буздована,
Узе њега у десницу руку,
Па га баци с Урвине планине
А у сиње у дебело море,
Па топузу Марко бесједио:
«Кад мој топуз из мора изиш'о,
Онда 'ваки ђетић постануо!»
Када Марко сактиса оружје,
Онда трже дивит од појаса,
А из џепа књиге без јазије,
Књигу пише Краљевићу Марко:
«Когођ дође Урвином планином
Међу јеле студену бунару,
Те затече онђе дели-Марка,
Нека знаде, да је мргав Марко;
Код Марка су три ћемера блага,

Каква блага? Све жута дуката,
Један ћу му ћемер халалити,
Што ће моје т'јело укопати,
Други ћемер нек се цркве красе,
Трећи ћемер кљасту и слијепу,
Нек слијепи по свијету ходе,
Нек пјевају и спомињу Марка.»
Када Марко књигу накитио,
Књигу врже на јелову грану
Откуда је с пута на погледу;
Златан дивит у бунар бацио;
Скиде Марко зелену доламу,
Простриje je под јелом по трави,
Прекрсти се, сједе на доламу,
Самур-калпак над очи намаче,
Доље леже, горе не устаде.
Мртав Марко крај бунара био
Од дан' до дан' неђељицу дана,
Когођ прође друмом широкијем,
Те опази Краљевића Марка,
Сватко мисли, да ту спава Марко,
Око њега далеко облази,
Јер се боји, да га не пробуди.
Ђе је срећа, ту је и несрећа,
Ђе несрећа, ту и среће има:
А сва добра срећа изнијела
Игумана Светогорца Васа
Од бијеле цркве Вилиндара
Са својијем ђаком Исаијом;
Кад игуман опазио Марка,
На ђакона десном руком маше:
«Лакше, синко, да га не пробудиш,
Јер је Марко иза сна зловољан,
Па нас може оба погубити.»
Гледећ' кале како Марко спава
Више Марка књигу опазио,
Према себе књигу проучио,

Књига каже, да је мртав Марко.
Онда кале коња одсједнуо,
Па привати за делију Марка,
Ал' се Марко давно преставио.
Проли сузе проигуман Васо,
Јер је њему врло жао Марка;
Отпаса му три ћемера блага,
Отпасује, себе припасује.
Мисли мисли проигуман Васо,
Ђе би мртва сараннo Марка,
Мисли мисли, све на једно смисли:
Мртва Марка на свог коња вржѐ,
Па га снесе мору на галију,
С мртвим Марком сједе на галију,
Одвезе га право Светој гори,
Извезе га под Вилиндар цркву,
Унесе га у Вилиндар цркву,
Чати Марку, што самртну треба,
На земљи му т'јело опојао,
Насред б'јеле цркве Вилиндара
Онђе старац укопао Марка,
Биљеге му никакве не вржe,
Да се Марку за гроб не разнаде,
Де се њему душмани не свете. (П. 74).

Пѣсни гайдуцкія.

29. Старина Новак и кнез Богосав.

Вино пију Новак и Радивој
А код Босне код воде студене
Код неког кнеза Богосава,
А кад су се вина понапили,
Кнез Богосав стаде бесједити:
‹Побратиме, Старина Новаче!
Кажи право, тако био здраво!

Са шта, брате, оде у хајдуке?
Каква тебе оћера невоља
Врат ломити, по гори ходити,
По хајдуци, по лошу занату,
А под старост, кад ти није вриме?»
Вели њему Старина Новаче:
«Побратиме, кнеже Богосаве!
Кад ме питаш, право да ти кажем:
Јест ми било за невољу љуту:
Ако мореш знати и памтити,
Кад Јерина Смедерево гради,
Па нареди мене у аргатлук,
Аргатовах три године дана,
И ја вукох дрвље и камење
Све уз моја кола и волове,
И за пуне до три годинице
Ја не стекох паре ни динара,
Ни заслужих на ноге опанке!
И то бих јој, брате, опростио;
Кад сагради Смедерева града,
Онда стаде па и куле зида,
Позлаћује врата и пенџере,
Па наметну намет на вилает,
Све на кућу по три литре злата,
То је, брате, по триста дуката!
Ко имаде, и предаде благо;
Ко предаде, онај и остаде;
Ја сам био човек сиромашан,
Не имадох да предадем благо,
Узех будак, с чим сам аргатов'о,
Па с будаком одох у хајдуке,
Па се ниђе здржати не могох
У држави Јерине проклете,
Већ побјегох до студене Дрине,
Па се маших Босне камените.
А кад дођох близу Романије,

Ту сам турске сватове сусрео,
Они воде кадуну ђевојку,
Сви сватови с миром пролазили,
Заостало Туре младожења,
На дорату коњу великоме,
Оно не шће да пролази с миром,
Већ потеже троструку канџију,
Три су на њој луле од тумбака,
Па удара мене по плећима;
Трипут сам га Богом побратио:
‹‹Молим ти се, Туре младожења,
А тако ти среће и јунаштва!
И тако ти сретнога весеља!
Прођи ме се, хајде путем с миром,
Видиш, да сам човек сиромашан.››
Опет Туре да с' окани не ће,
Већ ме стаде већма ударати;
Кад је мене мало забољело,
И ја сам се врло ражљутио,
Па потегох будак са рамена,
Те ударих Туре на дорату,
Како сам га лако ударио,
У мах сам га с коња оборио,
И к њему сам онда прилетио,
Ударих га још два и три пута,
Док сам њега с душом раставио;
Ватих му се руком у џепове,
Код њег' нађох до три кесе блага,
Па их пуштих себи у њедарца;
Отпасах му сабљу од појаса,
Њем' отпасах, а себи припасах;
Оставих му будак више главе,
Да чим ће га закопати Турци,
Па посједох његова дората,
Одох право гори Романији;
То гледају сви Турски сватови,

Не шћедоше мене ни ћерати,
Ја не шћеше, јали не смједоше.
Ево има четрђест година,
Романију гору обикнуо,
Боље, брате, него моје дворе,
Јер ја чувам друма крос планину,
Дочекујем Сарајлије младе,
Те отимам и сребро и злато
И лијепу чоху и кадифу,
Одијевам и себе и друштво,
А кадар сам стићи и утећи
И на страшну мјесту постајати,
Не бојим се никога до Бога!» (Кн. III, у Бечу, 1846, п. 1).

30. Старина Новак и дели Радивоје.

Вино пије Старина Новаче
У зеленој гори Романији,
Шњиме пије брате Радивоје,
С Радивојем дијете Груица,
Са Груицом дели Татомире
И јошт више тридесет хајдука.
Кад с' хајдуци вина напојише,
А у вину ћеиф задобише,
'Вако рече дели Радивоје:
«Чујеш мене, мој брате Новаче!
Хоћу тебе, брате, оставити,
Јер си, брате, остарио тешко,
Па не можеш више да четујеш,
Нити хоћеш на друм да идемо,
Да чекамо поморце трговце.»
То изрече дели Радивоје,
Па се скочи од земље на ноге,
А довати Брешку по сриједи,
За њим скочи тридесет хајдука.

Оде Радо преко горе чарне,
Новак оста под јелом зеленом
А са своја два нејака сина.
Но да видиш дели Радивоја!
Кад изиђе друму на раскршће,
Лоша му је срећа прискочила:
Сусрете га Мехмет Арапине
Са његових тридесет делија,
Турчин ћера три товара блага,
Па као виђе тридесет хајдука,
А он викну на своје делије,
Те у вришко сабље повадише,
У хајдуке јуриш учинише,
Не даше им пушке истурити,
Но тридесет глава осјекоше,
Радивоја жива уватише,
Везаше му руке наопако,
Везана га воде кроз планину,
А нагоне, те им попијева.
Оде пјеват' дели Радивоје:
  «Бог т' убио, горо Романијо!
  Не раниш ли у себе сокола?
  Пролећеше јато голубова
  И пред њима тица головране,
  Проведоше бијела лабуда
  И пронеше под крилима благо.»
Тако Раде друмом поп'јеваше,
А зачу га дијете Груица,
Па казује Старини Новаку:
«О мој бабо, Старина Новаче!
Неко пјева друмом широкијем,
А помиње гору Романију
И у гори сивога сокола,
Баш ка' да је чича Радивоје:
Ја је чича задобио благо,
Јали нам је муке допануо;

Но хајдемо, да му помогнемо.»
Па довати лака џевердана,
Пође право друму у бусију,
А за њиме млади Татомире,
А за ђецом Новак пристајаше.
Кад дођоше друму широкоме,
Новак стаде друму у бусију,
Око њега два нејака сина;
Ал' ето ти јеке низ планину,
Помоли се тридесет делија,
Сваки носи џиду на рамену
И на џиди од хајдука главу,
А пред њима Мехмед Арапине
Радивоја води савезана,
И он ћера три товара блага,
Право иде друмом низ планину;
Доке паде у бусију тврду,
Ал' подвикну Старина Новаче
А на своја два нејака сина,
Па опали лака џевердана,
Те погоди Мехмед-Арапина
Посред паса, укиде га с гласа,
Ни земља га жива не дочека.
Арап паде у зелену траву,
А допаде Старина Новаче,
Сабљом ману, ос'јече му главу;
Па допаде дели Радивоју,
Прес'јече му тенеф на рукама,
А даде му сабљу Арапову.
Мили Боже, на свему ти вала!
Кад у Турке јуриш учинише,
Раздвојише Турке у буљуке,
Па нагони један на другога:
Што пропушћа дели Радивоје,
Дочекује млади Татомире;
Што утече младу Татомиру,

Дочекује дијете Груица,
Што пропусти дијете Груица,
То дочека Старина Новаче.
Исјекоше тридесет делија,
Од Турак шићар покупише,
Три товара блага задобише,
Па сједоше пити рујно вино.
Али вели Старина Новаче:
«О мој брате, дели Радивоје!
Што те питам, право да ми кажеш:
Ал' је боље тридесет хајдука,
Али старац Старина Новаче?»
Њему вели дели Радивоје:
«О мој брате, Старина Новаче!
Боље бјеше тридест добрих друга;
Али твоје среће не бијаше.» —
Тешко оном свакоме јунаку,
Што не слуша свога старијега! (П. 3).

31. Смрт Сењанина Ива.

Санак снила Иванова мајка,
Ђе је Сење тама попанула,
Ђе се ведро небо проломило,
Сјајан мјесец пао на земљицу
На Ружицу насред Сења цркву;
Ђе звијезде крају прибјегнуле,
А даница крвава изљегла,
А кука јој тица кукавица
Усред Сења на бијелој цркви.
Кад се баба из сна пробудила,
Узе штаку у десницу руку,
Оде право ка Ружици цркви,
Те казује протопоп-Неђељку,
Казује му, шта је у сну снила.
А кад стари баку саслушао,

Он јој оде санак толковати:
«Чујеш мене, остарила мајко!
Зло си снила, а горе ће бити,
Што је Сење тама попанула,
Оно ће ти пусто останути;
Што л' се ведро небо проломило,
И што мјесец пао на Ружицу,
То ће тебе Иво погинути;
Што су зв'језде крају прибјегнуле,
То ће остат' млоге удовице;
Што ј' даница крвава изљегла,
То ћеш стара остат' кукавица;
Што л' ти тица кука на Ружици,
То ће ти је оборити Турци,
А и мене стара погубити.»
Тек што стари у ријечи бјеше,
Ал' ето ти Сењанина Ива,
Сав му вранац у крв огрезнуо,
На Ивану седамнаест рана,
Носи десну у лијевој руку;
Догна вранца пред бијелу цркву,
Па говори остарилој мајци:
«Скин' ме, мајко, са коња вранчића,
Умиј мене студеном водицом,
А причести вином црвенијем.»
Хитро га је мати послушала,
Скиде њега са коња помамна,
Па га уми студеном водицом,
И зали га вином црвенијем;
Па га пита остарила мајка:
«Што би, сине, у земљи Талији?»
Оде Иво 'вако говорити:
«Добро, мати, у земљи Талији:
Доста, мајко, робља наробисмо,
А јошт више блага задобисмо,
Па се здраво дома повратисмо;

Но кад бисмо на првом конаку,
Ту нас стиже и прва поћера,
Црни коњи, а црни јунаци,
Црне носе око главе чалме,
По једном се ватром претурисмо,
Од њих нико не остаде, мајко,
Од нас нико не погибе, мајко;
Но кад бисмо на другом конаку,
Ту нас стиже и друга поћера,
Б'јели коњи, а бешњи јунаци,
Бијеле им око главе чалме,
По једном се ватром претурисмо,
Од нас нико не погибе, мајко,
Од њих нико не остаде, мајко;
Но кад бисмо на трећем конаку,
Ту нас стиже и трећа поћера,
Црна струка, а дугачка пушка,
Прегореле ноге до кољена,
По једном се ватром претурисмо,
А по други бити започесмо,
Од њих, мајко, нико не погибе,
Од нас, мајко, нико не остаде,
До остаде твој сине Иване,
И он ти је рана допаднуо,
Ево десне у лијевој руке!›
То говори, а с душом се бори,
То изусти, лаку душу пусти,
И умрије, жалосна му мајка!
Бог му дао у рају насеље!
Нама, браћо, здравље и весеље! (П. 31).

32. Стари Вујадин.

Ђевојка је своје очи клела:
‹Чарне очи, да би не гледале!
Све гледасте, данас не виђесте,

Ђе проћоше Турци Лијевњани,
Проведоше из горе хајдуке:
Вујадина са обадва сина;
На њима је чудно одијело:
На ономе старом Вујадину,
На њем' бињиш од сувога злата,
У чем паше на диван излазе;
На Милићу Вујадиновићу,
Још је на њем' љепше одијело;
На Вулићу брату Милићеву,
На глави му чекркли челенка,
Баш челенка од дванаест пера,
Свако перо по од литру злата».
Кад су били бијелу Лијевну,
Угледаше проклето Лијевно,
Ђе у њему бијели се кула,
Тад' говори стари Вујадине:
«О синови, моји соколови!
Видите ли проклето Лијевно,
Ђе у њему бијели се кула?
Онђе ће нас бити и мучити:
Пребијати и ноге и руке,
И вадити наше очи чарне;
О синови, моји соколови!
Не будете срца удовичка,
Но будите срца јуначкога,
Не одајте друга ни једнога,
Не одајте ви јатаке наше,
Код којих смо зиме зимовали,
Зимовали, благо остављали;
Не одајте крчмарице младе,
Код којих смо рујно вино пили,
Рујно вино пили у потаји».
Кад дођоше у Лијевно равно,
Метнуше их Турци у тавницу,
Тавноваше три бијела дана,
Док су Турци вијећ' вијећали,

Како ће их бити и мучити;
Кад прођоше три бијела дана,
Изведоше старог Вујадина,
Пребише му и ноге и руке;
Кад стадоше очи вадит' чарне,
Говоре му Турци Лијевњани:
«Казуј, курво, стари Вујадине!
Казуј, курво, дружину осталу,
И јатаке, куд сте доходили,
Доходили, зиме зимовали,
Зимовали, благо остављали;
Казуј, курво, крчмарице младе,
Код којих сте рујно вино пили,
Пили рујно вино у потаји?«
Ал' говори стари Вујадине:
«Не лудујте, Турци Лијевњани!
Кад не казах за те хитре ноге,
Којено су коњма утјецале;
И не казах за јуначке руке,
Којено су копља преламале
И на голе сабље ударале;
Ја не казах за лажљиве очи,
Које су ме на зло наводиле
Гледајући с највише планине,
Гледајући доље на друмове,
Куд пролазе Турци и трговци.» (П. 50).

Собраніе сербскихъ народныхъ пѣсенъ В. С. Караджича (3-е изд. въ Вѣнѣ, 1841—1866, шесть книгъ) по всей справедливости считается образцовымъ. По вѣрности записыванія ни одно слѣдующее изданіе не можетъ равняться съ Вуковымъ. Укажемъ важнѣйшія. Въ 1837 году въ Лейпцигѣ изданъ сборникъ пѣсенъ Симеона Милутиновича (Чубро Чойковичъ): „Пѣваннія церногорска и херцеговачка“, всего 175 пѣсенъ (первая часть напечатана еще 1833 г. въ Будимѣ). Въ 1845 г. вышло въ Бѣлградѣ „Огледало Српско“,—черногорскія юнацкія пѣсни, собранныя подъ надзоромъ владыки Петра Петровича Нѣгоша и также

нѣкоторыя ему принадлежащія. Сербское ученое Общество издало 1867 г. въ Бѣлградѣ большую книгу народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Богол. Петрановичемъ. Отъ тогоже собирателя имѣемъ еще двѣ книги народныхъ пѣсенъ (печат. въ Сараевѣ 1867 г., и въ Бѣлградѣ 1870 г.). 1869 г. вышли сборники народныхъ пѣсенъ Благ. Стояниновича и Милоевича. Сводъ Косовскихъ пѣсенъ сдѣлалъ Ст. Новаковичъ: „Косово. Српске народне пјесме о боју на Косову. У Биограду, 1871.“ Подобный трудъ издалъ Арм. Павичъ: „Narodne pjesme o boju na Kosovu godine 1389“, Zagr. 1877, съ обширнымъ введеніемъ. Пѣсни о Кралевичѣ Маркѣ, собранныя вмѣстѣ, изданы книгопродавцемъ Валожичемъ въ Бѣлградѣ 1871 г. и книгопродавцами бр. Поповичами въ Новомъ Садѣ, 1878 г.—

Сербскія народныя пѣсни раздѣляются на пѣсни юнацкія и женскія, другими словами: эпическія и лирическія (пѣсни личнаго чувства, бытовыя и обрядовыя). Эпическія пѣсни по исторической послѣдовательности дѣлятся на четыре главные періода. Къ первому принадлежатъ пѣсни съ остатками древнихъ миѳологическихъ представленій и стараго быта, остатками, которые можно услѣдить сравненіемъ съ пѣснями другихъ славянскихъ народовъ или общими индоевропейскими преданьями; древніе мотивы перемѣшаны обыкновенно съ новыми наслоеніями, языческое преданіе съ христіанскимъ, или старые мотивы продолжаются съ новыми историческими именами или въ христіанской одеждѣ. Таковы пѣсни, гдѣ являются вилы, змѣи, троеглавные люди, описываются чудесныя приключенія, разсказываются христіанскія народныя легенды и т. п. Къ миѳологическо-легендарнымъ пѣснямъ примыкаютъ прозаическія легенды и сказки. Къ второму періоду относятся пѣсни о старыхъ короляхъ изъ рода Нѣманичей. Этотъ отдѣлъ, теперь немногочисленный, былъ безъ сомнѣнія гораздо обширнѣе, но былъ заслоненъ послѣдующими пѣснями о событіяхъ, которыя сильнѣе затрогивали народное чувство. Этотъ третій періодъ представляется знаменитымъ цикломъ пѣсенъ, изображающимъ борьбу христіанства съ Турками, пѣсенъ о Косовскомъ боѣ, о Маркѣ Кралевичѣ, о гайдукахъ и ускокахъ. Это—центральный отдѣлъ сербскаго эпоса, наиболѣе многочисленный и наиболѣе распространенный. Четвертый періодъ сербскаго эпоса образуютъ пѣсни о событіяхъ изъ новой исторіи сербскаго народа, о Георгіи Черномъ и

его сподвижникахъ, о новѣйшихъ войнахъ съ Турціей, о подвигахъ Черногорцевъ. (Подробнѣе о народной поэзіи Сербовъ—въ Ист. слав. лит. Пыпина и Спасовича, изд. 2-е, т. I, 261—282).

Характеристика современнаго сербскаго языка.

А. Азбука. Нынѣшнее сербское правописаніе введено въ литературу В. Караджичемъ. Слѣдующихъ церковно-славянскихъ буквъ нѣтъ въ новой сербской азбукѣ: ꙗ (=я), ѥ, ї, ъ, ꙑ, ь, ѣ, ю, ѳ, ѵ, ѡ, ѯ, ѱ, ѫ, ѧ. ѭ, ѩ. Вновь приняты Караджичемъ начертанія: j (съ помощію его образуются ja, je, jи, jo, jу), ђ (=дьжь), ћ (=тьчь), џ (=джъ, для турецкихъ словъ), љ (=ль) и њ (=нь). Начертанія j, ђ, ћ, љ, њ, ж, ч, ш всегда мягки; остальныя, кромѣ иногда з, с, всегда тверды.

Б. Въ отношеніи къ произношенію звуковъ современный сербскій языкъ представляетъ слѣдующія характеристическія особенности сравнительно съ древнимъ церковнославянскимъ языкомъ:

1. Древнеслав. *ъ* и *ь* послѣ плавнаго *р* сохраняютъ глухой выговоръ: тръгъ—трг, гръбъ—грб, врьхъ—врх, срьна—срна.

ъ, ь послѣ плавнаго *л* переходятъ вмѣстѣ съ плавнымъ въ *у*: слъньце — сунце, длъгъ — дуг, плъкъ — пук, влъкъ—вук, сльза—суза, жльтъ—жути.

Предлогъ *въ, въз* произносится какъ *у, уз*: у час добар, въстати—устати, въздати—уздати.

ъ, ь при соединеніи съ другими согласными выговариваются какъ *а*: сънъ — сан, дъска — даска, пѣсъкъ—песак, тьнъкъ—танак, въ, съ, къ—ва, са, ка, дьнь—дан, льнъ—лан, тьма—тама, мьчь—мач, чьсть—част и т. д.

2. *ѫ* выговаривается какъ *у*, или—*ам, ем, им, ом*: мѫжь—муж, рѫка—рука, хощѫ—оћу, могѫ—могу, идѫть—иду, водѫ—воду, рѫкѫ—руку; играѭ—играм, пытаѭ—питам, идѫ—

идем, ношѫ—носим, мыслѭ—мислим; водоѭ—водом, собоѭ—собом, вѣроѭ—вијером.

ѧ постоянно выговаривается какъ *е*: кънязь—кнез, свѧтыи—свети, вѧꙁати—везати; ме, те, се; име, време; носе, ходе, ходише.

3. ѣ произносится различно по мѣстностямъ,—на сѣверѣ, въ Славоніи, какъ *е*: вера, бели, дете; на западѣ, въ Далмаціи и у католиковъ, какъ *и*: вира, мира, дите; на югѣ, вь Герцеговинѣ, какъ *је* или *'ије* (такъ и въ литературномъ языкѣ): вјера или вијера, свијет, мљеко, брјег, бијели, дијете, лијеп, вијек; послѣ согласной мягкой, заключающей уже въ себѣ ј, можетъ стоять простое *е*: ђевер, ђело, љето, њемота.

Но не подлежитъ этимъ правиламъ окончательное ѣ въ суффиксахъ падежей,—въ дат. и предл. существительныхъ женск. р. ѣ=*и*: води, жени; въ предложномъ пад. *ед.* ч. прилагательныхъ муж. и женск. р. ѣ произносится какъ *о*: светом (=свѧтѣмь), светој (=свѧтѣи).

4. ы выговаривается какъ *и* съ предъидущей согласной несмягчаемой: ми, бити, риба и т. д., или замѣняется посредствомъ *е* въ род. ед. ч. сущ. жен. р., и вин. множ. муж. и жен. р: воде, жене, рибе, робе.

5. *о* въ прилагательныхъ муж. и средн. р. въ род. п. ед. ч. замѣняется чрезъ *а*: доброга, чистога, великога.

6. *жд*, произшедшее изъ *д*, и всякое мягкое *д*, а также и мягкое ꙉ, выражается чрезъ ђ: рођени, суђени, међу; ђен, ђед, ђевојка; анђео, еванђелије.

7. *шт*=*щ*, произшедшее изъ *т*, *чт*, *кт*, и мягкое *т* и ч выражаются чрезъ ћ: позлаћени, рећи, ноћ, пећи, пишући, будући, ћера; доћи, наћи, браћа; Јовановић, Павловић.

8. *л* твердый, оканчивающій слогъ—въ прошедш. врем. (сложномъ), также въ существ. и прилаг. произносится какъ *о*: био, говорио, написао; Београд, сокô, сô, мисао (=мысль), орао (=орьлъ), мио (=милъ). Въ срединѣ слова *л* иногда опускается: благосовъ, Миросава.

9. *х* во многихъ краяхъ не выговаривается, или замѣняется посредствомъ *ј*, *в*, *с*: тио (=хотѣлъ), љеб, ром, рабар, лад, ранити, уснути, снаа, патриар, одо(х); смеј, греј, тијо; сув, глув, уво; играсмо, писасмо; *хв=ф*: фала, фатати.

10. Замѣненія звуковъ однихъ другими: *гл—д*: дубоки; *ж—р*: морем (могу); *м—в*: тавни, тавница: *н—к*: небески; *н—л*: млоги; *т—д*: од (отъ), од злата, од облака; *щ—шт*: јоште.

11. Опущенія звуковъ: *в*: дигнути; *д*: увенути; *п*: шеница, *с*: донијети; *и*: молит' (неопред. наклон.) и т. д.

12. Изъ призвучныхъ замѣчательны *л* и *д*: зарукавље, копље, ждријебе, раздријешити, имаду, знаду (=имѣютъ, знаютъ).

В. Грамматическія формы.

1. Двойственное число въ склоненіяхъ и спряженіяхъ давно утрачено.

2. Дат., твор. и мѣстный падежи множ. ч. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій имѣютъ одно и тоже окончаніе *има*, *ама*: јеленима, чогецима, мислима, пољима, жутима, свима, женама, земљама. Впрочемъ, католики Сербы Хорваты и употребляютъ эти падежи не смѣшивая ихъ: жутима=жутим=жутијем, свима=свим=свијем.

3. Род. п. множ. ч. существительныхъ оканчивается на *ах* (*х*, впрочемъ, большею частію не выговаривается): човекâ, мужâ, женâ, селâ (вм. човеках, женах, селах).

4. Твор. п. ед. ч. существительныхъ жен. р. оканчивается на *ом*: женом, водом.

5. Род. п. ед. ч. прилагательныхъ полныхъ на *ога*: бијелога, истинога.

6. Въ нѣкоторыхъ падежахъ отличается склоненіе прилагательныхъ неопредѣленныхъ отъ склоненія прилагательныхъ опредѣленныхъ: жут, *род. ед. ч.* жута, *дат.* и *мѣстн.* жуту (въ остальныхъ падежахъ прилагательныя неопредѣленныя и опредѣленныя склоняются одинаково).

7. Въ спряженіи будущее время употребляется описательное съ помощію глагола хоћу или 'оћу: 'оћу да пишем, или: писаћу, хвалићу. Хорваты употребляютъ вспомогат. глаголъ budu съ причастіемъ прошедшаго времени: budu pisal.

8. Образцы спряженій.

НАСТОЯЩЕЕ ВР.

играм	плетем	видим	сам	јесам
играш	плетеш	видиш	си	јеси
игра	плете	види	је	јест
играмо	плетемо	видимо	смо	јесмо
играте	плетете	видите	сте	јесте
играју	плету	виде	су	јесу

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛ.

играј	плети	види	буди
нек игра	нек плете	нек види	нек буде
играјмо	плетимо	видимо	будимо
играјте	плетите	видите	будите
нека играју	нека плету	нека виде	нека буду

ПРОШЕДШЕЕ 1-Е.

играх	плетох	видјех	бих
игра	плете	видје	би
игра	плете	видје	би
играсмо	плетосмо	видјесмо	бисмо
играсте	плетосте	видјесте	бисте
играше	плетоше	видјеше	бише

ПРОШЕДШЕЕ 2-ОЕ.

игра̂х	плетијах	виђах	бијах
игра̂ше	плетијаше	виђаше	бијаше
игра̂ше	плетијаше	виђаше	бијаше
игра̂смо	плетијасмо	виђасмо	бијасмо

играсте	плетијасте	вићасте	бијасте
играху	плетијаху	вићаху	бијаху

ПРИЧАСТІЕ.

играјући	плетући	видећи	будући
игравши, играв	плетавши, плетав	видјевши, видјев	бивши
играо, играла, ло	плео, плела, ло	видио, видјела, ло	био, била, ло
игран, на, но	плетен, на, но	виђен, на, но	

ПРОШ. СЛОЖНОЕ 1-ОЕ.

играо (играла, играло) сам, си, је био (била, ло) сам, си, је
играли (ле, ла) смо, сте, су били(ле, ла) смо, сте, су

ПРОШ. СЛОЖНОЕ 2-Е.

бијах играо (ла, ло)
бијасмо играли (ле, ла)

УСЛОВНОЕ.

играо (ла, ло) бих, би, би
играли (ле, ла) бисмо, бисте, би

БУДУЩЕЕ.

играћу	плешћу	видићу	бићу
играћеш	плешћеш	видићеш	бићеш
играће	плешће	видиће	биће
играћемо	плешћемо	видићемо	бићемо
играћете	плешћете	видићете	бићете
играћê	плешћê	видићê	бићê

Въ глаголахъ, оканчивающихся въ неопредѣленномъ наклоненіи на ћи, вспомогательный глаголъ ставится отдѣльно: рећи ћу, пећи ћемо, доћи ћу и т. д.

9. Страдательныя формы образуются какъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ. Формы причастія страдат. настоящаго времени на *м* нѣтъ.

Сербскій языкъ распадается на два нарѣчія: сѣверное и южное, вообще очень близкія одно къ другому. Отличительный признакъ ихъ—выговоръ звука *ѣ*, который въ сѣверномъ нарѣчіи произносится какъ *е*, а въ южномъ какъ *је* или *ије*: вера, вјера, вијера (католики Сербы и Хорваты произносятъ *ѣ* какъ i: vira). Въ южномъ нарѣчіи сохраняется *х*, которое въ сѣверномъ или не выговаривается, или замѣняется другими сродными звуками; сохраняются (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) древнія отличія дат., твор. и мѣстнаго падежей множ. ч., которыя въ сѣверномъ нарѣчіи имѣютъ одно общее окончаніе *има, ама*.—Въ срединѣ между сербскимъ языкомъ и хорватскимъ находится нарѣчіе далматинское. Собственно хорватскихъ нарѣчій два: приморское, т. н. *чакавское*, (по слову *ча*, замѣняющему *что*, по сербски *што)*, употребляемое въ хорватскомъ приморьѣ и на близлежащихъ островахъ, и словено-хорватское, т. н. *кайкавское* (по слову *кай* вм. *что*), употребляемое въ предѣлахъ королевства Хорватіи (Кроаціи). Эти нарѣчія представляютъ въ себѣ общія черты сербо-хорватскаго языка въ раздробленности и въ соединеніи съ признаками нарѣчія словинскаго или хорутанскаго: чакавское ближе къ сербскому, кайкавское—къ словинскому. — Съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Хорваты приняли для своей литературы общій сербскій языкъ, съ тѣмъ только различіемъ, что они пишутъ латинскими буквами, тогда какъ Сербы употребляютъ русскія. Сербское начертаніе ђ выражается у Хорватовъ чрезъ dj, d'; ћ чрезъ tj, t'; љ—lj; њ—nj; ж—ž; г—g; х—h; ч—č; џ—dž; ш—š.—Хотя Караджичъ и его послѣдователи ревностно заботились объ очищеніи сербскаго языка отъ всего чужаго, ненароднаго, тѣмъ не менѣе и доселѣ въ сербскомъ языкѣ встрѣчается не мало иностранныхъ словъ—турецкихъ, венгерскихъ, а въ хорватскомъ, кромѣ того, итальянскихъ и нѣмецкихъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЯЗЫКЪ СЛОВИНСКІЙ (ХОРУТАНСКІЙ).

А) Фрейзингенскіе отрывки.

(По снимкамъ въ Собраніи слов. пам., наход. внѣ Россіи, П. Кеппена, СПБ. 1827).

Отрывокъ первый. Формулы исповѣди.

Glagolite Po naz Redka Zloueza.

Bose gozpodi miloztiuvi . otze bose . tebe izpovuede . vuez moi greh . I'zuetemu creztu . I'zuetei marii . I zuetemu michaelu . I uuizem crilatcem bosiem . I zuetemu petru . I' uzem zelom bosiem . I' uzem musenicom bosiem . I' uzem vuernicom bosiem . I' uzem devuam praudnim . j' uže praudnim . I tebe bosi rabe . chokú . biti . izpovueden . uzeh . moih greh . I' vueruíu . da mi . ie . na zem zuete beusi . iti se . na on zuet . paki se uztati . na zodni den . I'meti mi ié . sivuot po zem . I'meti mi ie . otpuztic moih grechou . Bose miloztiuvi . primi moiv . izpovued . moih grechou . Ese iezem ztuoril zla . pot dem pongese bih nazi zvuet vuuraken . i bih crisken . Ese pomngu . ili ne pomngu . Ili vúolu . ili ne vúolu . Ili vúede . ili ne vúede . Ili ú nepraudnei rote ili ú lsi . Ili tatbe . ili zavuizti . ili v uzmazi . Ili v zinistue . Ili ese mi ze tomu . chotelo . emuse mi bi . ne doztalo . choteti . Ili v poglagolani . ili zpé . ili nezpé . Ili ese iezem ne zpazal ne-

dela. ni zúeta vúecera. ni mega pozta. I inoga. mnogoga. ese protiu bogu. i protiu memu creztu. Ti edin bose. vúez. caco mi iega potreba vúelica. Bose gozpodi miloztivî. tebe ze mil tuorív. od zih postenih greh. I' od ineh mnozeh. I vúensih i minsih. Ese iezem ztvoril. teh zé tebe mit tuoriv. I' zuetei marii. I' vzem zvetím. I da bim na zem zuete tacoga grecha pocazen vzel. ácose ti mi zadenes. iacose tuá milozt. i tebe liubo. Bose ti pride ze nebeze. vse ze da v moku. za vuiz národ. Da bi ni zlodeiu otél. otmi me vzem zlodeiem. Miloztivu bose tebe poronso me telo. I' mó dusú I moia zloveza i me delo. I' mó vuoliu. I' mo vueru. i moi sivuot. I da bim uzlissal na zodni den tuó milozt vueliu. Z temi iese vzovues tvoimi vsti. Pridete otza mega. izvuolieni. primete vúecsne vúezelie. i vuecsni sivuót. Ese v iezt. ugotoulieno iz uueka z uuek. amen.

Отрывокъ второй. Еще формула исповѣди.

I az ze zaglagolo zlodeiu. I uzem iego delom. I uzem iego lepocam. tose uueruiu u bog uzemogoki. I u iega zin; I u zuueti duh. Da ta tri imena. edin bog gozpod zuueti. ise zuori nebo. I zemlo. Tose izco iega milozti. I sc̑e mariae. I sc̑e michahela: I sc̑e petra. I useh bosih zil. I uzeh bosih mosenic. I useh b̑ zakonnic. I useh zuetih deuuiz. I uzeh b̑ moki. Da mi rasite na pomoki biti. Ki bogu moih grechou. Da bim cisto izpouued ztuoril. I odpuztic ot boga priel. Bogu uzemogokemu izpouuede uze moie greche. I sc̑e marie. vzeh nepravdnih del. i nepraudnega pomislenia. Ese iezem uuede ztuoril. ili neuuede. nudmi ili lubmi zpe ili bde. V zpitnih rotah. v lisnih resih. v tatbinah. u znicistve. V lacomztue. V lichogedeni. V lichopiti. V uzmaztue. I u uzem lichodiani. Ese iesem ztuoril protiuuo bogu. od togo dine po nese xp̑en bih. dase do diniznego dine. Togo uzego izpouueden bodo. Bogu. I sc̑e marii. I sc̑o laurenzu gozpodi. I uzem zuetim. I tebe bosi rabe. Caiuze moih grechou. I rad ze chocu caiati. elicose zimizla imam

eche me bose postedisi. Dai mi bose gozpodi tuuoiu milozt. da bim nezramen. i neztiden na zudinem dine. pred tuima osima ztoial. igdase prides zodit. Siuuim I mrtuim. comusdo po zuem dele. Tebe bose miloztivui poruso uza moia zlouuez I moia dela. J moie pomislenie. I moie zridze. I moie telo. I moi siuuot. I moiu dusu. Criste bosi zinu. ise iezi razil. na zi zuuet priti. gresnike isbauuiti. ot zlodeine oblazti. Vchrani me ot uzega zla. I zpazi me v uzem blase. AMEN. amen.

Отрывокъ третій. Поученіе.

Ecçe bi detd nas ne zegresil te vueki gemu ba siti starosti neprigemlioki nikoligese petsali ne imugi ni slzna teleze i moki nu u vueki gemu be siti bonese zavuiztiu bui nepriiaznini uvignan Od szlauui bosige Potom na narod zlovuezki strazti I petzali boido neimoki i bz zredu zemirt I pagi bratriia pomenem ze da i zinouue bosi naresemze botomu oztanem zich mirzcih del Ese sunt dela sotonina Ese trebu tuorim bratra oclevuetam Ese tatua Ese raszboi Ese pulti ugongenige Ese roti Choise Ih ne pazem nu ge prestupam Ese nenauuiztnizce teh del mirzene pred bosima ozima mosete potomu zinci uvideti I zami razumeti ese bese priuuae zlouezi V liza tazie acose i mui gezim tere nepriiaznina uznenauvidesse A bosiu uzliubise da botomu nine v circuvah ich clanamze I modlimze im I zesti ich pigem I obeti nasse im nezem o zcepasgenige telez nasich i dus nasich Tige se mosem i mui este buiti ecçe tage dela nasnem delati iase oni delase Oni bo lasna natrovuechu segna naboiachu bozza obuiachu naga odeachu malo mogoncka u ime bosie bozzekacho mrzna zigreahu stranna bod cravvi zuoge uvedechu V timnizah i u zelezneh vvosich Vclepenih bozcekachu I u ime bosie te utessahu temi temi ti ze deli bogu briplisaze taco zinzi i nam ze modliti tomu ge vuirchnemo otzu Gorzpodi dos da ni tamo ge vzedli v zezarstuo suoge Ese iest ugotouleno izconi doconi izvvolenicom bosiem I gezm bratria

bozuuani i bbgeni Egose ne mosem nikīse biza ni ucriti nikakose ubegati nu ge stati pred stolom bosigem ze zopirnicom nasim zo zlodgem starim i gest ze pred bosima osima vzacomu zuoimi vzti i zuoim glagolom izbovuedati Ese ge na sem szuete chisto stuoril libo bodi dobro libo li zi zlo da c tomu dini zinzi muzlite ide ne camo ze vcloniti nu ge pred bosima osima stati i zio prio imeti iuse gezim bovvedal Nas gozbod zueti cruz ise gest bali telez nassih i zpasitel dus nassih ton bozzledine balouvanige pozledge pozstavvi ucazal ge im se ze nam dozstoi od gego zavuekati i gemu ze oteti preise nassi zesztoco stradacho nebo ie tepechu metlami i prinizse ogni petsachv i metsi tnachu i po lezv vuesachu i selezni cliusi ge raztrgachu a to bac mui ninge nasu praudnu vuerun i praudnv izbovuediu toie mosim ztoriti ese oni to vuelico strastiu stuorise da potomu zinzi bosi raba prizzuause, tere im grechi vuasa postete i im izpovvedni bodete grechov uuasih.

Хорутанскимъ славянамъ принадлежатъ знаменитые *Фрейзингенскіе отрывки*: это—три славянскія (писанныя латинскимъ письмомъ) статьи, именно: двѣ формулы исповѣди и отрывокъ поученія, вставленные въ старую латинскую рукопись. Эти отрывки относимы были учеными къ началу XI, къ X, и даже къ IX вѣку, и считаются однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго языка. Отрывки эти служили очевидно для латинскихъ священниковъ, которые должны были имѣть подобныя пособія для поученія своей славянской паствы. Латинская рукопись съ отрывками принадлежала прежде Фрейзингенскому монастырю, а теперь находится въ Мюнхенской библіотекѣ. Изданіе отрывковъ съ полными fac-simile и объясненіями Востокова сдѣлано П. Кеппеномъ въ „Собраніи словенскихъ памятникомъ, находящихся внѣ Россіи“, СПБ. 1827, и В. Копитаромъ въ его трудѣ: „Glagolita Clozianus“, Vindob. 1836.—Въ этомъ памятникѣ, какъ видимъ, славянскіе звуки передаются различными латинскими буквами, напр. в чрезъ u, uu, v, vu; ж чрезъ s, z; ꙁ чрезъ z, s, sz; с чрезъ z, s, sz, zc, zz; ч чрезъ c, s, cs, z, ts, tz, и т. д. Древніе церковнославянскіе глухіе звуки замѣнены чистыми,—ъ чрезъ *u* въ словѣ pulti (=плъти), и чрезъ *e*, *i*, по западному говору:

zelom (=сѣломъ), zimizla (=съмысла), zemirt (=съмрть), zegresil и т. д.; чистыми же *e*, *i* замѣняется обыкновенно мягкій звукъ **ь**: vuez, vuiz (=вьсь). Церковнослав. **ы** выражено чрезъ *i*, *ui*, и въ концѣ нѣкоторыхъ словъ чрезъ *e*: greche, zlodeine, te (=**ты**); **ѣ** выражается простымъ *e:* uuede (=**вѣдѣ**), nedela и т. д. Носовой **ѫ** передается чрезъ *u*, *o*, *un*, *on*: musenicom, moku (=**мѫкѫ**), zodni, zaglagolo,—poronso (=**порѫчѫ**), sunt (=**сѫть**), mogoncka (=**могѫщѧ**), vuerun (=**вѣрѫ** вм. **вѣроѭ**). Другой носовой (**ѧ**) замѣняется по большей части гласною *e*: zueti, vzel, ime, me, ze (=**сѧ**) и т. д.; въ словѣ vuensih (=**вѧщьшихъ**) **ѧ**=en; два раза вмѣсто **ѧ** употреблено a: nedela (род. п. ед. ч.), vassa (вин. мн. ч.).—Существительныя на **г**, **к**, **х** въ вин. п. мн. ч. вмѣсто **ы** оканчиваются на *e*, какъ въ нынѣшнемъ хорутанскомъ нарѣчіи: greche, gresnike. Въ твор. п. ед. ч. сущ. жен. р. окончаніе **оѭ** сокращено въ *un*: vuerun. Въ нынѣшнемъ хорутанскомъ нарѣчіи твор. п. этихъ именъ оканчивается на *o*. Въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій, рядомъ съ окончаніемъ—**го** встрѣчается другое, новѣйшее сербское и хорутанское,—**га**: uzega, iega, inoga, mnogoga. Любопытны принадлежащія и нынѣшнимъ южнымъ славянамъ сокращенія въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: tua—**твоѭ**, vuecsne—**вѣчьнѥѥ**, me—**моѥ**, memu—**моѥмоу**, tuima—**твоима**, mo—**моѭ**, praudnu—**правьдьноѭ**, bozzledine—**послѣдьнѥѥ**, nasu—**нашеѭ**. Полныхъ формъ прилагательныхъ на **аѥго**, **оуоумоу**, **ыимь**, **ѣѥмь**, **ыимъ**, **ыими**—не встрѣчается. Въ спряженіяхъ, 1-е л. ед. ч. наст. и буд. оканчивается на о=**ѫ**: zaglagolo, poronso; 2-е л. на *ши* и *шъ:* postedisi, vzovues, prides, zadenes; 3-е л. безъ флексіи *тъ:* vzedli, dozstoi; въ 1-мъ л. множ. ч. окончаніе **аѥмъ** сокращено въ **ам**: clanamze, oclevetam, prestupam.

В) Образцы языка изъ новой словинской письменности.

1. Valentin Vodnik (1758–1819).

1. Moj spomínek.

(Vodníkove pesmi. Uredil Fr. Levstik. V Ljubljani, 1869).

Ko rojen prihodnjih
Bo meni verjél,

Da v létih nerodnih
Okrogle sem pél?
Ni žvenka, ni cvenka,
Pa bati se nič;
Živí se brez plenka
O pétju ko tič.
Kar mat' je učíla,
Me míka zapét',
Kar starka zložíla,
Jo lično posnét'.
Redíla me Sava,
Ljubljansko poljé,
Navdále Triglava
Me snéžne kopé.
Vršáca Parnása
Zgol' svojega znam,
Inacega glasa
Iz gosli ne dám.
Latinske, helenske,
Tevtonske učím;
Za pevke slovenske
Živím in gorím.
Ne hčere, ne sina
Po meni ne bó,
Dovòlj je spomína,
Me pésni pojó.

2. Dramilo mojih rojakov.

Slovén'c! tvoja zemlja je zdrava,
In pridnim nje léža najprava.
Polje, vinograd,
Gora, morjé,
Ruda, kupčija
Tebe redé.
Za uk si prebrisane gláve,
Pa čedne in trdne postave,

Jšče te sreča,
Um ti je dan,
Našel jo boš, ak'
Né si zaspan.
Glej, stvárnica vse ti ponúdi,
Iz rok ji prejémat' ne mudi!
Lénega čaka
Strgan rokáv,
Pal'ca beraška,
Prazen bokál.

3. Ilirija oživljena.

Napoleon reče:
Ilirija vstan'!
Vъstaja, izdiha:
Kdo kliče na dan?
O vitez dobrotni,
Kaj ti me budíš!
Daś roko mogočno,
Me gori držíš!
Kaj bodem ti dala?
Pogledam okrog,
Izločit' ne morem
Skor' svojih otrok.
Kdo najde Metulo
In Terpo moj grad?
Emona, Skardona
Sta komaj poznat'.
Nazaj spet junake
Kdo bode mi dal,
Ki jih se spartanski
Je vojvoda bal?
Od nekdaj snežniki
So najina last,
Od tod se je naša
Razlégala čast.

Je Galijan hraber
Na Padu, pred njim
Doraščen je tresel
V ozidju se Rim.
Ze močen na morju
Ilir'jan je bil,
K' se ladije tesat'
Je Rimljan učil.
Počasi pa Rimljan
Na vojsko ravná;
Se morja navaja,
Premaga obá.
Široko razgraja
Do sedem sto let,
Al' sprave sosednje
Ni hotel imét'.
Od severja pride
Na njega vihár,
Nevredne gospóde
Iz viškega vdar'.
Zdaj Branci in Gotje
In Nemci slové,
Ilir pa v temnice
Pozabljene gré.
Dve sedem sto sólnec
Zarašča ga mah,
Napoleon trebit'
Ukaže mu prah.
Ilirsko me kliče
Latinec in Grék,
Slovensko me prav'jo
Domači vsi vprek.
Dobrovčan, Kotóran,
Primorec, Gorénj'c,
Pokólpljan po starem
Se zove Sloven'c.

Od prvega tukaj
Stanuje moj rod,
Če vé kdo za druj'ga,
Naj reče, od kod?
Z Bilipom in Sandrom
So 'meli trd boj,
Latince po mokrem
Strah'vàl je njih roj.
Zveličana bodem,
Zaupati smem,
Godí se eno čudo,
Naprej ga povém.
Duh stopa v Slovence
Napoleonóv,
En zarod poganja
Prerojen, ves nov.
Oprto eno roko
Na Galijo 'mam,
To drugo pa Grkom
Prijazno podam.
Na Greeije čelu
Korinto stojí,
Ilirija v srcu
Evrope leží.
Korintu so rekli
Helensko okó,
Ilirija prstan
Evrópini bo.

4. Vršác,

po Triglavu narvišji sneżnik med Bohinjem in Sočo.

Na Vršác stopívši sédi,
Néznan svet se ti odprè,
Glédaj! sivih pleš vъ sredi
Zárod żlahtnih zél cvetè.

Sklad na skladu se zdvigúje
Golih vrhov kámen zid;
Večni mojster ukazuje:
Prid' zidár se les učít!
Divja koza prosto skače,
Od muh daleč je goved,
Plánšar z Mino po domače —
Lovec išče v snegu sled.
Ak' vihár dreví valove,
Zbegne v skale plašni trop,
Strésa votel glas bregove,
Grom majè nebeški strop.
Kmalu solnce čisto séje,
Iz jezér stokrat blešćí,
Star mecesen redi veje,
Vetru, zimi v bran stojí.
Tukaj bistra Sava 'zvíra,
Mati pevske umnosti,
Jézer dvanajst si nabíra,
Šola zdrave treznosti.
Tje pogledaj na višáve,
Kjer Triglav kipí v nebó;
Štej snežníkov goličáve,
Kar dozrè nardalj' okó.
Tamkaj ravno Forlaníjo,
Benečansko zad morjé,
Dol' globoco Hrvatíjo,
Švajca bele gor' glavé.
Bliz je polje Korotána,
Orat' vidim Štajerca,
Blíženj sosed mi Ljubljana,
Ziljska, t'rolska planšar'ca.
Pod velíkim tukaj Bogom
Breztelesen bit' želím,
Čiste sape sred' mej krogom
Menim, da že v neb' živím.

5. Nemški ino kranjski konj.

Nemški konj slovénj'mu reče:
  Brate, kaj medlíš na cest'?
Ti li noga, glava neče?
  Al' se ti ne ljubi jest'?
Mene v dobri reji 'majo,
  Ovsa nújajo trikrát,
Ċiste noge mi igrajo,
  Nosim po labódje vrat.
Krajnska para milo pravi:
  Tuď bi lehko jaz bil ták,
Al' tepêjo me po glavi,
  Ľačnemu je stati v mlak'.

6. Nevésta kralja Matijáža.

(Народная пѣсня).

Maťjáž kralj se je óženil,
  Alénčico si záročil,
Prelépo mlado déklico,
  Kraljíco liubo ogersko.
Zadosti malo pri nji spí,
  Zadosti malo, tri nočí.
Mu pišejo četrti dan:
  „Na vojsko brž na mejo vstan'!
Na kraj oblasti dunajske,
  Dol na pokráj'ne ogerske.“
Pokliče k seb' Alénčico,
  Preljubo si kraljíčico.
Ji tako pravi, govorí:
  «Na vojsko meni se mudí,
Na kraj oblasti dúnajske,
  Dol' na pokraj'ne ogerske.
Utegne žálost te obít',
  Utegne čas predolg ti bit';

Preštévaj zlate rómene,
   Gradove var'vaj zídane.
Na vrt naj te ne vódijo,
   Da Turci te ne vjamejo!»
Zasede konj'ča brzega,
   Zadirja z grada bélega,
Na kraj oblasti dunajske,
   Dol' na pokráj'ne ogerske.
Ko pride, mu zaúkajo,
   Da Turki v ón kraj slišijo.
Na polj' šatore stávijo,
   Mat'jažu ga napravijo.
Po neb' priplava tičica,
   Predrobna, krotka pevčica.
Mu trikrat šator obletí,
   Na zlatem jab'ku obsedí.
Mat'jaž jo gleda, ostrmi,
   Mu žrgolí, zágostolí:
„Na konj'ča, konj'ča, kralj Mat'jaž!
   Kaj delaš, druge v čislu 'maš?
Dežele meriš druge vse,
   Na mir pustíš pa sam svojè.
Lej, tvoja ni še mérjena,
   Kraljíca ti je vplénjena.
Turčini hud' prijáhali',
   Alenčko tebi vplénili."
Pa tako reče kralj Mat'jaž:
   „Zavírat' meni kaj imáš?
Ne 'zkušaj tica se z menó,
   Veš, imam pušo rísan'co!»
   «Če 'zkušam tica se s tebó,
Život mi vzami in glavó.»
Kraljič zletí na kónjička,
   Na véjico ko tičica.
Predrobno proti dom' zdrčí,
   Oblak po neb' tak' ne letí —

Do svoj'ga grada zídan'ga,
  Do svoj'ga dóma bélega.
Hití naprót' mu drúžina,
  Naprédaj grede mójskrica.
Vsi v žalosti zdihávajo,
  Solzíce toč'jo, jókajo.
Kraljič pa pravi, govorí:
  «Ne bojte se, družína vi!
Dens tretji dan gotovo bom
  Kraljíco dal vam spet na dom.»
Po turšk' obléče se vsegà,
  Ogrne halo do petá.
Pripáše svetlo sábljico,
  Na sablji voso rúdeco.
Pod halo skrije šmárijn kriż,
  Hití ko strél in blisk in piš.
Si 'zbere konj'ča iskrega,
  Zaséde Belca brzega.
Predrobno 'z dvora mi zdrčí,
  Da pes'k in ogenj se kadí.
Na mejo doli ogersko,
  V Turčíjo doli glóboko.
Na sred' Turčíje glóboke
  Stojé tri lipe zélene.
Pod eno konj'če stávijo,
  Na raj se mi pripravljajo.
Pod drugo raj prodajejo,
  Pod tretjo kroglo rájajo.
Kraljič pri mizi rúmeni
  Tako mi pravi, govorí:
«Gospodje, ne zamérite,
  Pocem vi raje prédate?»
Se turški baša zveselí,
  Prijazno pravi, govorí:
«Jih je po zlatu rumen'mu,
  So tud' po zlatu bélemu;

Junače pa, kir nam je kos,
Ni treba mu, da nas jih pros'.»
Kral seže v aržet židani,
Po zlat rdečerúmeni.
Po mizi mi ga zatočí,
Da mizo trikrat obletí,
Pred bašem turškim obleží,
Mu reče baša govorí:
«Ta zlat je znam'nja dobrega,
Mat'jaža kralja samega.»
Pa reče, pravi kralj Mat'jaž:
«Povém ti, da s' lih nič ne daš,
Mat'jaža sem ob žívot d'jal,
Mu zlate vse vse čist' pobrál.»
Devojko pa si grede 'zbrat',
In reče godcem zaigràt'.
Si mlado 'zbral Alenčico,
Alenčico kraljíčico.
Ročíce si podájeta,
Enkrat okol' porájata.
Pokaže prstan zlat ji svoj —
«Si príšel? druže pravi moj!
Kak' čakala sem težko te,
Kak' Turki sitni me pesté!
Zavman pa vsi se slínijo,
Zdaj brade naj si vbrišejo!»
Kraljič ji reče, govorí:
«Nič več mi srca ne teží.
Še v drugo v krog zarájava,
Prot' konj'ču se zasučeva.
Pa urno bodem te pobrál,
Za sé na konj'ča brz'ga d'jal.
Ce sekal bom na desno stran,
Se drži ti na levo stran."
Še v drugo krog odrájata,
Prot' konj'ču jo zavíjeta,

Pa brzega zasédeta,
  Prot' Dunovu zaprášita.
Pa Turki je spoglédajo,
  Se v' cur'k za njima vdêrejo.
Že baša brado maže si,
  Zasmeje se in govori:
„Sem bil enkrat pri njem vjét,
  Zdaj hté mu mojci glavo snèt',
Alenčico pa meni dàt',
  Ki imel bi jo tako rad."
Drží se mu na levo stran,
  On seka, maha v desno stran.
Po bliskovo konjìč letí,
  Za žnjíco snopje se kopí,
Za koscem trava v red letí,
  Za njim po vrst' pa Tur'k leží.
Pa Belče v dir, da prideta
  Gor' do kovača Vmázanca.
Mat'jáž mu reče: „kaj ti dám?
  Da turški mojster si, poznam.
Brž konj'ča 'zbosi, preobúj,
  Na robe pódk've mu prekúj."
Turčín na robe podkovál,
  Z levíco kralj mu zlat dajál,
Z desníco glavo proč mu d'jál,
  Do Dunova konjìč pektàl.
Se vdere vanjo, rzgetá,
  Ve dobro, kaj na hrbtu 'ma,
Da nosi draga sebi dvá,
  Mat'jaža kralja slavnega,
Jn prelepó nevestico,
  Alenčico kraljíčico.
Čez vodo splava široko,
  Na blažnjo zemljo ogersko.

Валентинъ Водникъ есть безспорно замѣчательнѣйшая личность словинской литературы, которая съ его дѣятельности на-

чинаетъ свой новѣйшій періодъ. Священникъ и потомъ учитель въ Люблянской гимназіи, Водникъ издавалъ въ 1795—97 г. въ Любляни народный календарь съ разсказами, въ 1797—1800 г. газету „Ljubljanske Novice od vsih krajov zeliga svejta". Водникъ составилъ грамматику своего роднаго языка и приготовилъ много матеріаловъ для словаря. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ вводить въ литературу народный языкъ, и какъ многіе писатели славянскаго возрожденія, соединялъ труды поэтическіе съ изслѣдованіями народности. Многія изъ пѣсенъ Водника стали народными. Языкъ его стихотвореній простъ, ясенъ, народенъ, такъ что Водника справедливо признаютъ первымъ настоящимъ поэтомъ словинскимъ.

2. France Prešern (1800—1849).

(Poezije Dóktorja Franceta Prešérna. V Ljubljani, 1847).

1. Pod óknam.

Lúna síje,
Kládvo bíje
Trúdne, pôzne úre žé;
Préd neznáne
Sèrčne ráne
Mêni spáti ne pusté.
Tí si kríva
Ljubezníva
Déklica nevsmíljena!
Tí me ránis,
Tí mi bránis,
De ne mórem spát' domà.
Obraz míli
Tvój posíli
Mi je védno pred očmí;
Zdihujóče
Sèrce vróče
Védno h têbi hrepení.
K ôknu prídi,
Drúg ne vídi,
Ko nebéške zvézdice;
Se perkáži,
Al sovráži
Me sercé, povéj, al ne?
Up mi vzdígni,
Z rôko mígni,
Ak bojíš se govorít'! —
Ura bíje,
K ôknu ní je,
Kaj sirôta čem storít'!
V hrám poglêjte
Mi povéjte,
Zvézde, al rés ôna spí;
Al poslúša,
Me le skúša,
Al za drúziga gorí.
Ako spáva,
Nàj bo zdráva,
Ak me skúša, nìč ne dé;
Po nje zgúbi,
Ako ljúbi ...
Drúz'ga, póčlo bó sercé.

2. Kám?

Ko brez mirú okróg divjám,
Perjátli prášajo me, kám?
Prašájte ráj' oblák nebá,
Prašájte ráji vál morjá,
Kadàr mogóčni gospodár
Derví jih sèmterkje vihár.
Oblák ne vé, in vál ne kám,
Kám nêse me obúp ne znám.
Samó to znám, samó to vém,
De pred oblíčje njé ne smém,
In de ni mésta vèrh zemljé,
Kjer bi pozábil tó gorjé!

3. V spomínj Valentína Vódnika.

V Arábje pušávi
Se tíčik rodí;
V odljúdni gošávi
Sam za—se živí.
So zvézde sestríce,
Mu mésic je bràt;
Ni dáno mu tíce
Si ljúbico zbràt'.
Zanj drúžba ne mára,
In on ne za njó;
V samôti se stára,
Mu léta tekó.
Nar slájši dišáve,
Ki zánje sam vé,
Nar žláhtniši tráve,
Kadíla dragé,
In míre nabéra
Netrúden vse dní,
Se vbáda, se vpéra,
Za smèrt le skerbí.
Germádo 'z njih déla
Perléten samćè,
Ko príde smèrt béla,
Na nji se sožgè.
Vun pláne z plaména,
Z svitlôbo obdan,
Slovécga iména
Tíč Fenis na dán.
Tak pévic se trúdi,
Samôten živí,
Se v slávi, ki zgrúdi
Ga smèrt, prerodí.—

4. Pévcu.

Kdó zná,
Noč témno razjásnit', ki táre dušá!

Kdo vé
Kregúlja odgnáti, ki klúje sercé
Od zóra do mráka, od mráka do dné!
Kdo učí
Izbrísat' 'z spomínja nekdájne dní,
Brezúp prihódnjih odúzét' spred očí,
Praznôti vbejžáti, ki zdájne morí!
Kakó
Bit' óčeš poet in ti preteškó
Je v pèrsih nosít' al pekèl, al nebó!
Stanú
Se svôjiga spómni, tèrpi brez mirú!

5. Povôdnji móž.

Od nékdej lepé so Ljubljánke slovéle,
Al lepši od Urš'ke biló ni' nobêne,
Nobêne očém biló bólj zaželjêne
Ob čásu nje cvétja dekléta ne žêne.—
Ko nár bolj iz zvézd je daníca svetlà,
Nar lépši iz déklic je Urš'ka bilà.
Mnogtére devíce, mnogtére ženíce
Okó je na skrívnim solzé prelivalo,
Ker Urš'ki sercé se je ljúbiga vdálo;
Al ljúbih biló je nji védno premálo.
Kar slíšala môžkih okróg je slovét',
Skušála jih v mréže raspéte je vjét'.
Je znála obljúbit', je znála odrêči,
In bíti perljùdna, in bíti prevzétna,
Mladénče unémat', bit' stáršim perjétna;
Modríj in zviják je bilà vsih umétna;
Možáke je dólgo vodíla za nós,
Ga stákne na záduje, ki bíl je ji kós.
Na stárim so tèrgu pod lípo zelêno
Trobénte in gósli, in címbale péle,
Plesále lepôte 'z Ljubljáne so céle
V nedéljo popóldan z mladénči veséle;

Bilà je kraljíca njih Urš'ka berhkà,
Plesáti ni dólgo nje vólja bilà.
  Jih, dókaj jo prósi, al vsákmu odrêče,
Prešérna se bráni in plés odlašúje,
Si védno izgóvore nôve zmišljúje,
Ze sónce zahája, se mrák perbližúje,
Že sédem odbíla je úra in céz,
Ko jéla ravnàt' se je Urš'ka na plés.
  Al, ker se ozéra, plesávca si zbéra,
Zagléda per mízi rumêni junáka;
Enác'ga pod sóncam mu ní korenjáka,
Želí si plesáti z njim déklica vsáka, —
Omréžit' ga Uršika lépa želí,
Zaljúbljeno v, njêga obráča očí.
  To vídit', mladénec se Urš'ki perblíža:
„Al hôtla bi z máno plesáti?" ji právi;
Kjer Dónova bístri perdrúži se Sávi,
Od tvôje lepôte zaslíšal sim dávi,
Že Uršika zála! pred tábo sim zdàj,
Že Uršika zála! perprávljen na ràj!»
  To rêče in se ji globôko perklóni,
Sladkó mu nasméja se Uršika zála:
«Nobêne stopínjce še nísim plesála,
De čákala têbe sim, rés je, ni šála;
Zatórej le hítro mi rôko podàj,
Lej, sónce zahája, jenjúje že ràj.» —
  Podál ji mladénec prelépi je rôko,
In úrno ta dvá sta po pódu zletéla,
Ko de bi lohké peretníce iméla,
Bilà bi brez trúpla okróg se vertéla,
Ne vídi se, kdáj de pod nôga udár,
Plesála sta, ko bi ju nôsil vihár.
  To víditi, drugi so vsi ostерméli,
Od čúdeža gódcam roké se zastále;
Ker níso trobénte glasóva več dále,
Mladénča nogé so terdó zaceptále;

«Ne máram," zavpíje, „za góeli, za bás,
Strun drúgih, ko plésem zapôje naj glás!»
So bèrž perdervíli se čèrni obláki,
Zaslíši na nebu se strášno groménje
Zaslísi vetróv se sovrážno veršénje,
Zaslíši potókov deréčih šuménje,
Pričjóčim po kônou so vstáli lasjé,—
Oh, Uršika zála, zdaj têbi gorjé!
«Ne bój se, ti Urš'ka! le hítro mi stópi,
Ne bój se", ji rêče, «ne bój se groménja,
Ne bój se potókov ti môjih šuménja,"
Ne bój se vetróv mi perjáznih veršenja;
Le úrno, le úrno obèrni peté,
Le úrno, le úrno, ker pôzno je žé!»
«Ah, májhno postójva, preljúbi plesávec!
De jez se oddáhnem, de noga počíje.»
«Ni blízo, ni blízo do béle Turčíje,
Kjer v Dónovo Sáva se bístra izlíje;
Valóvi šuméči te Urš'ka želé,
Le úrno, le úrno obèrni peté!» —
To rêče, hitréje sta se zasukála,
In dálje in dálje od pôda spustíla;
Na brégu Ljubljánce se tríkrat zavíla,
Plesáje v valóve šuméče planíla.
Vertínec so vídli čolnárji derèč;
Al Uršike vídil nobêden ni vèč.—

6. Slovó od mladósti.

Dni môjih lépši polovíca kmálo,
Mladósti léta! kmálo ste minúle;
Rodíle vé ste mêni cvétja málo,
Še téga róž'ce so se kòj osúle,
Le rédko úpa sónce je sijálo,
Vihárjov jéze só pogósto rjúle,
Mladóst! vundèr po tvôji tèmni zárji
Sercé britkó zdihúje, Bog te obvárji!

Okrísil zgódej 'sim tvoj sád, spoznánje!
Vesêlja dókaj strŭp njegóv je vmóril:
Sim zvédil, de vést čísto., dôbro djánje
Svet zaničváti sè je zagovóril,
Ljubézen zvésto nájti, krátke sánje!
Zbežále stè, ko sè je dán zazóril,
Modróst, pravíčnost, učenóst, devíce
Brez dót žalváti vídil sim samíce.
Sim vídil, de svoj čóln po sápi sréče,
Komúr sovrážna je, zastónj obráča,
Kak véter' njé naspróti tému vléče,
Kogàr v zibéli víd'la je beráča,
De le petíca dá imé slovéče,
De člôvek tóliko veljá, kar pláča.
Si vídil číslati le tó med námi,
Kar úm slepí, z golfíjami, lažámi!
Te vídit', gèrji víditi napáke,
Je sèrca ráne vsékalo kervávo;
Mladósti jásnost vùnder mísli táke
Si kmálo iz sercá spódí in gláve,
Gradóve svítle zída si v obláke,
Zelêne tráte stávi si v pušáve,
Povsòd vesélo lúčice peržíga
Ji úp goljfivi, k njìm iz stísk ji míga.
Ne zmísli, de dih pérve sáp'ce bóde
Odnésel to, kar mísli só stvaríle,
Pozábi kòj nesréč prestánih škóde,
In rán, ki so se kómej zacelíle,
Doklèr, de smó brez dná polníli sóde
'Zučé nas v stárjih létih časov síle.
Zató mladóst! po tvôji tèmni zárji
Sercé zdihválo bó mi, Bog te obvárji!

Францъ Прешернъ признается замѣчательнѣйшимъ поэтомъ у Хорутанъ. Поэзія его очень разнообразна: онъ писалъ въ эпическомъ, лирическомъ, сатирическомъ родѣ, отличался истинной силой фантазіи, чувства и выраженія, но по преимуществу онъ — лирикъ. Прешернъ придалъ словинскому языку замѣчательную

музыкальность и художественность. Собраніе своихъ стихотвореній онъ издалъ самъ незадолго до своей смерти.

3. Jovan Vesel—Koseski.

(Razne dela pesniške in igrokazne. Založila in na svitlo dala Matica Slovenska, 1870, v Ljubljani).

1. Kdo je mar?

Vse doseže, kar mu drago,
Bodi slava, bodi blago;
Vse doseže sosed moj.
Dlan domá mu ne odreče,
Gre na tuje, dobro steče.
Njemu zlata kaplja znoj.
Vidši tujče krasne číne
Se zavzame iz daline —
Kdo je mar?
Mi zapojmo: Rodovine
Je slovenski oratar.
Čujte bor, vojaške roje!
Krogla žvižga, boben poje,
Grad valí se v sip in prah.
Vragu peta se zabliska,
En junák za njim pritíska,
Udri, udri, mah na mah!
Kjer zadene, iskra šine,
Šest jih pade, kjer porine,
Kdo je mar?
Ta pogumen korenine
Je slovenski oratar.
Blaga polna terg in cesta,
Barka plava v daljne mesta,
Velki kupec pošlje vse.
Nam nanese mire, zlata,
Njemu vse odprte vrata,
Zemlja skor njegova je.
Kupi polje, plavž, grajšine,
Dnarje meri na štertine,
Kdo je mar?
Ta bogati korenine
Je slovenski oratar.
V zbor učenih, vedi slava,
Stopi moder, bistra glava,
Vse jezike sveta zna.
Ce zapoje, vse pogleda,
Na katedru grom beseda,
Zvezde šteje, pravdo da.
Svet posluša modrovine,
Se sačudi koncu tmine,
Kdo je mar?
Taka glava korenine
Je slovenski oratar.
Nek se trudi v sodni hiši,
Rase krepko, viši, viši,
Pravde čist, železen hram.
Vse ga slavi, vsi so vneti,
Zvezda se na persih sveti,
Cesar clo ga čisla sam.
Kakor sonce iz višine
On zasije, krivo zgine,
Kdo je mar?
Ta pravičen korenine
Je slovenski oratar.
Pusti svet opravke svoje,
„Sursum corda" v domu poje
Mož pobožen, rajski svat.

Vse oberne v božjo slavo,
Mitra kinči sveto glavo,
Papež piše: „Ljubi brat!“
Kadar grob nemilo zine,
Angelj čist na svetu mine,
Kdo je mar?
Ta pobožen korenine
Je slovenski oratar.
Bodi v tugi, bodi v šali,
Zmir ponižno Boga hvali,
Ter ne zabi rojstva nit.
Skaz je njemu krasno lice,
Uma, sprave, sle, pravice
Zvezdojasen, čist osvít.
Če zavist lizuna zvine,
De zamèrdne sin kertine:
Kdo je mar?
Zagromimo: Čast očine,
Scer slovenski oratar!

2. Oda Bog.

(Переводъ съ русскаго).

O ti prostranstva neizméren,
V osnovi bitja sam čutljiv,
Vremen tečenja neprezéren,
Brez lica v treh osobah živ;
Edin in vedno duh povsoten,
Nikolj začet, nikir stanoten,
Nikomur ved, izkaz, izlog,
Ki vse so sabo napolnuje,
Objemlje, stvari, ohranuje,
Imenovan ki nam je—Bog!
Premeril ocean globoki,
Soštel bi pesk in zvezd oči
Modrosti bistre um visoki,
Le tebi mére, čisla ni!
Celó duhovam posvečenim,
Iz bleska tvojiga rojenim,
Ni moč prebrati tvojih knjig,
Če v tebe misli derzno vprejo,
O veličanstvu tvojim mrejo,
Ko v večnosti preminjen mig.
Kaósa bitnost pretečeno
Iz brezdna večnosti pozval,
In večnost, od nekdaj rojeno,
Si v sebi samim osnoval.
Po sebi sebe sostavljaje,
Iz sebe lastnih sil sijaje,
Si svit, ki svetu je iztek;
Stvorivši vse z besedo jedno,
Se prostiraje v djanju vedno
Si bil, in si, in boš na vek.
Verigo bitij v sebi snuješ,
Jedinši v sebi vse živiš,
Začetek s koncam ti sklepuješ,
Življenje, smert delé, noviš.
Kot iskre vderajo, pospó se,
Iz tebe sonca tak rodé se;
Kot zimske mrazne ure v zrak
Drobtince ivja blesketajo,
Se zibljejo, verté, sijajo
Pod tabo v brezdnih zvezde tak.
Svetil gorečih milijoni
V nezmérnosti širín tekó,
Namena tvojiga zakoni
Življenjedarno luč lijó.
Pa té ognjene vse lampade,
Kristalov žarnih té gromade
Valov kipečih zlat obroč,
Bleskeči jasni ti zrakovi,

Sviteči skupno vsi svetovi,
O tebi so—o dnevu noć.
Kot kaplica spušena v morje
Je pred téboj oblok nebes,
Kaj z mano vred očitno stvorje,
In kaj o tebi, kaj sim jez?
V nadzračnim oceanu zdatno
Će množim svete vse stokratno
Z milijonmi druzih—in če to
S teboj primerim, deržen zdenja,
Je komaj male pikce tenja,
In jez o tebi—nić celó.
Clo nić! Pa v meni ti bleskuješ,
In z veličanstvam svôh dobrot
Tì sebe v meni obrazuješ,
Kot sonce v mali kapli vod.
Nič!—Pa življenje v meni snuje,
Na kviško vedno me dviguje
Nesitih želj nekak občut;
On biti mora, duša pravi,
Prevdarja, misli, sklepe stavi:
Jez sim—tedaj in on je tud.
Ti si!—priroda oznanuje,
Pričuje to mi serca krič,
Razum me tega uveruje,
Ti si!—tedaj jez nisim nič!
Vesoljnosti kolence mićno,
Postavljeno v sredíno dićno
Verige krasne člen sim tvoj;
Kér jenjal si stvarí telesne,
Kér duhe si začel nebesne,
Si konce zvezal ti z menoj.
Vezilo svetov tak letečih,
Mejnik teloosotvarenja,
Sredinopičje vsih živecih,
Začetna čerta božestva,
Gromovju z umam ukazaje
S telesam prašno prenehaje
Sim car, in rob, in červ in bog—
Pa tako čudovitno bitje
Od kod je prišlo? Jasen svit je,
De ni storitba lastnih rok!
Iztok življenja! Blag daritelj!
Ti duše moje duh in car!
Izdihljej tvoj sim, o živitelj!
Modrosti tvoje slavna stvar.
Pravici tvoji voljno bilo,
De smertno brezdno prehodilo
Nesmertno bitje moje bi;
De v smertnost je moj duh ovil se,
In skozi smert bi povratil se
V nesmertje tvoje večnosti.
Razmotrenju de duše moje,
O večni Bog nerazumljiv!
Mogoće ni clo sence tvoje
Načertati, moj ćut je živ;
In kér dolžnost je slavodatka,
Vmerjočim pa krepost le kratka,
Drugač ne morem te častit',
Ko serce dvigati do tebe,
Pozabiti z stermenju sebe,
In blagodarne solze lit'.

Въ современной словинской литературѣ первое мѣсто занимаетъ Іоваиъ Весель-Косескій. Стихотворенія его отличаются силь-

нымъ чувствомъ и фантазіей. Весель-Косескій много стихотвореній переводилъ изъ Шиллера, Гете, Уланда и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ, изъ новогреческой поэзіи и изъ русскихъ поэтовъ: Державина, Пушкина, Лермонтова и др. Изъ крупныхъ вещей онъ перевелъ „Мессинскую невѣсту“ и „Орлеанскую дѣву“ Шиллера и нѣсколько пѣсенъ Иліады. Собраніе его сочиненій вышло въ 1870 г., большой томъ въ 690 страницъ.

4. Janez Trdina (род. 1830).

(„Zgodovina Slovenskega naroda“, V Ljubljani. 1866).

Примѣры мужества Словинцевъ въ борьбѣ съ Турками.

Turške burje so imele važne nasledke za Slovence. Res je, njih dežela je bila zdaj mnogo mendrana, njih posest je v ognji ginila, tisoč bratov ni bilo iz sužnosti več; pa tudi dobrih nasledkov ni manjkalo. Ljudstvo, ki se je v začetku sovražnikov halo, prepričalo se je zdaj, da ga le lastna moč more oteti, ker je imela Avstrija na drugih krajih preveč opraviti, da bi bila tudi tù pomagala. Ono se tedaj iz svojega dolgega spanja predrami, za meč in porat zagrabi, zopet staroslovensko junakost zadobi, in sploh bolj žive misli dobí. Pogum presine vsaktero srce, beg se začenja med sramotnosti šteti, več se ne bojé turških navalov. Grmada na meji se posveti, znamenje je znano in daje se dalje in dalje, v vseh dolinah se zdaj orožujejo; krvava sprejetev sovražnika čaka. In ako je tudi kaka posamezna vas prijeta, bila je vendar tudi takrat zmaga gotova. Možje in mladenči stojé v taboru, pod njimi goré njih hiše, ki so je Turki zažagali; za njih hrbtom je cerkev, ki hrani svete skrivnosti njih vere, ki im hrani zdaj tudi žene in deco, ktero hočejo z vsem, kar jim je v njej svetega in dragega, Turki požgati. Koliko reči tedaj, ki človeku razdražijo ves žolč, ki mu iz vseh nitek srca obudé pogum za najstanovitnejšo in najsrditejšo bran in so mu tedaj gotove zmage poroki! Le tiste boje, v kterih jih je na tisoče padlo, nahajamo v starih bukvah zapisane; pa kje stojí kaj o manjših praskah, v kterih se srčnost posameznega še veliko bolj kaže; kje

kaj o bojih, ki so se na pokopališčih v taborih vršili · in o junaških delih Slovencev, ki so je po samem dovršili? Le ljudstvo je šè sem ter tje te boje ali v pesmah ali v povedkah ohranilo. Kdo ne pozná srčnosti Lambergarja proti grozovitnemu Turku Pegamu; kdo iz Dolenskega ne bo vedel skoro o vsakem griču pripovedovati, da se je nekdaj tù s Turkom bojevalo? V izgled postavljamo tukaj tudi nekoliko teh manjših pa zanimivih bojev.

Mohamedani so pridrli v neko vas na Dolenskem. Vse je bilo prazno, razun ene bajtice, ki je na višavi pri vasi stala. Tukaj je ostal gospodar, velik korenjašk mož, s svojo hčerjo domá in je hotel rajši poginiti, kakor svojo kočo pustiti. Imel je dve puški, s kterima na Turke, ki se prebližujejo, ustrelí in z vsakim strelom neverca prevrne. Srditi planejo Turki proti koči in mečejo plamen v njo, pa bila je z zelenimi jelkovimi kožami krita in se ni hotela prijeti. Med tem si je mož že puškó vnovo nabasal in je zopet Turčina podrl; drugo puško mu pa hčerka zavrta, da more tedaj v četrto sovražnika zvrniti. Zdaj mu hči zopet prvo puško nabaše in tako je to dalje šlo, mož je streljal, hčerka mu sproti basalà in Turki so padali. Jeli so zdaj misliti, da mora v koči cela truma Slovencev skrita tičati, ker streljanje ne preneha in jeli so se če dalje hitrejše odmikati in so nagloma iz vsega tistega kraja pobegnili. Ko pride mož iz bajte, bila je vsa višava z mrtvimi Turki pokrita.

Drugikrat so bili neverci v Mengeš prirojili. Tudi tù so ljudje hiše popustili, le eden, Sčit po imenu, se je v spodnjo klet skril in ondi ostal. Ko pride večer, Turki po hišah polegajo. Sčit zleze zdaj iz svojega zakotja, zaklene zaporedoma hišo za hišo in potem naglo hití po Mengšane, ki so se bili sesli na bližnjem griču. Ti korakajo potem v vas, obstopijo hišo za hišo, in povsod, kamor pridejo, Turkom ukazujejo, da se podadé. Turki so misliji, da je cela vas s kristjani obsedena, zatoraj se zaporedoma vse hiše podadó in tako so postali Turki, kterih je več kot tisoč bilo, jetniki nekoliko slabo orožanih kmetov.

Tudi ženski spol se je skazoval v teh nevarnostih enako

neprestrašenega in pogumnega. Na Skarucino so Turki prišli, ko so ljudje na polji bili. Oni gredó v najlepšo hišo, kjer je bila le 12 let stara pastirica domá. Ker je je tako priprosto gledala, jej obljubijo dva zlata dati, ako jim pokaže, kje so denarji in druge dragocenosti shranjene. Ona je pelje po stopnicah, hramu odpre železna vrata in jim reče svoje delo hitro opraviti. Komaj so v hramu, ona brž zapre vrata, zaklene in po ljudi na polje hiti. Turki so bili potem pobiti, le vikši med njimi se obrne pred smrtjo k pastirici in jej svoj zlat prstan in 1.000 zlatov iz žepa dá, rekoč, da zasluži taka declica plačilo, če ravno mora on sam zavoljo nje poginiti.

Zopet so enkrat Turki v Mengeš prišli. Grajski gospod je z vsemi prebivavci odrinil proti Kranju, kterega so neverci nadlegovali, samo dva hlapca je bil v gradu pustil. Ta dva se, ko Turki pridejo, dobro branita, pa obá sta bila kmalu ustreljena. Zdaj sovražniki vrata izbijejo in si v gradu vesele gostí napravijo. Njih vodja je poželel lepo grajsko hčer, ki se je bila v najskrivnišo izbo zaklenila. Ker ona vidi, da ni otetbe za njeno nedolžnost, sklene sebe pa tudi pohotne sovražnike končati. Da jo Turki za nekoliko izpusté, nehala je čmrna biti in se je jela vodju prilizovati. Vès vesel jej reče on, da smé prosto po gradu hoditi in jej dá tudi ključe od izeb. Ona si izbere ključ od spodnje kleti, kjer je bil smodnik spravljen, vzame potem goreče trsko in vtakne brez strahú ogorek v strelni prah. Pri tej prići je ona zdrobljena, pa tudi grad in Turki, ki so bili v njem, bili so ž njo vred razneseni in končani. — Takih in enakik dogodeb se je ob turških vojskah po deželi mnogo pripetilo. —

В) Словинскія народныя пословицы и поговорки.

I *.

Ako kupuješ, česar ne trebuješ, bodeš prodajal, česar trebuješ. — Ako mi brat kozle odnese, mi je volk; ako

* Изъ книги: „Anthologie Jihoslovanská, sestavil V. Křížek, v Praze, 1863“, стр. 68—69.

mi volk kozle donese, mi je brat. — Ako slépec slépca vodi, oba u jamo padeta. — Brzemu konju ostróg ni tréba. — Bil je v Rimu, pa ni papeža videl. — Bolje da ti zavidajo, kakor da te milujejo. — Brat je mil, ktere vére bil, kadar po bratovsko déla in postopa. — Brez zdravja ni bogatstva. — Če je več mlinarjev, manj je moke. — Denar želézne vrata prebije. — Dober początek je pol déla. — Dobro posvód, naj bolje domà. — Jezik nima kostí, ali môre bosti. — Kákoršna sétva, taka žétva. — Kakor si bodeš postlàl, tako bodeš ležal. — Kakoršna ptica, taka pésem. — Koga je molit', z tém se ni borit'. — Kdor ima s čim, lahko gré v Rim. — Kdor mnogo besédi, tudi mnogo laže. — Kdor préd pride, préd melje. — Kdor ne misli plačati, se ne puli za ceno. — Komur Bog razuma dal ni, temu ga kovač ne skuje. — Med dobrimi sosédi dobro živéti, dobro umríti. — Mlin melje kar mu naspe. — Očí vse vidijo, samo sebe ne vídijo. — Kraj súhega drvesa tudi sirovo izgorí. — Rajše dobrim služim, kakor slabim zapovédam. — Strah ima veliké očí. — Slépega za pot in bedástega za svèt ne prašaj. — Tiha voda brége dere. — Valja pásu kost hititi, da ne laje. — Veliko bi platna potrebovàl, da bi vsem ljudém usta zašìl. — Vídela baba muho na turnu, turna pa ni vídela. — Volk sit in ovca céla ne more biti. — Vsaka krava svoje tele liže. — Vsak mlinar vodi vodo na svoj mlin. — Zastónj je starega vola učiti orati. — Zrélo jábelko samo pade. — Žena sami sebi ruži, kadar moža svoja tuži. —

Bélo, kakor padani, snég. — Dobro mu je, kakor ribi v vodi. — Glédati se, kakor pes in mačka. — Govorí, kakor bi imel vrélo kašo v ustih. — Mi je ljub, kakor trn v peti. — Laže, kakor bi orehe grizel. — Maram za to, kolikor za vlanski snég. — Ne molčí, ako bi mu sto vozlov na jezik narédil. — Tak mu je življenje, kakor mésec, časih poln, časih prazen. — Srce se mu veselí, kakor nevesti na svatbi. — To je kakor riba brez vode, kakor solnce brez svetlobe. — To se bode zgódilo, kadar bode v petek nedélja. —

II *.

Človek se s človekom lovi, tič s tičom.—Pri tuji škodi se je lahko učiti.—Lakomen ima velike oči, pa majhen želodec.—Prijatel, ki vse poterduje, je nevaren, in ki posluša, se boli.—Zunej svet in ojster, znotrej čert in hudega mojster.—Vsak svoj konec doseže, ali cilja ne.—Ena beseda dostikrat več škodje, ko toča po deželi. Cesar se hinavec očitno ne dotakne, v to skrivej globoko kremplje vtakne.—Naši dedi hvalijo svoje čase, mi bomo pa svoje.—Lepota velika ima večidel skritega molika.—Zaupanje v zdravnika dostikrat več pomore ko zdravila.—Slava mojstra dela.—Srečen je ta, ki ima strasti, in ne oblasti.—Zlati rudorov je brez znoja mertev zaklad.—Pred tatom je to varno, česar ne doseže.—

Характеристика современнаго словинскаго языка.

А. Звуки.

Въ словинскомъ языкѣ нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ сходныхъ звуковыхъ явленій съ русскимъ языкомъ. Такъ,

1) Древнеслав. глухіе ъ, ь, и въ русскомъ, и въ словинскомъ языкѣ одинаково замѣняются чрезъ *о*, *е*: solnce (=слъньце, сербск. сунце, чеш. slunce, пол. słońce), volk (=влъкъ, серб. вук, чеш. vlk, пол. wilk), žolt (=жльтъ, серб. жути, чеш. žluty, пол. żółty).

2) Древнеслав. группа *шт* (изъ смягченнаго *т*, *гт*, *кт*) одинаково въ русскомъ и словинскомъ языкахъ передается чрезъ ч, č: noč (=ноштъ, серб. ноћ, чеш. и пол. noc). Но группа *жд* (изъ смягченнаго *д*)=рус. *ж* въ словинскомъ языкѣ выражается чрезъ j: noja (=нжжда, нужа, серб. нуђа, чеш. nouze, пол. nędza), sojen (=сжжденъ, суженый, серб. суђени, чеш. souzeny, пол. sądzony).

* Изъ „Glasnika Slovenskega slovstva, izd. A. Janežic, 1 zvezek, v Celovcu, 1854“, стр. 75—76.

Другія отличительныя особенности словинскаго языка сравнительно съ древнимъ церковнославянскимъ:

3) Твердые и мягкіе слоги смѣшиваются: ы не отличается въ произношеніи отъ *и*.

4) ж замѣняется чрезъ *о* тяжелое: sod, mož; ѧ чрезъ *е*, какъ у сербовъ, хорватовъ и у болгаръ.

5) Словинскій языкъ отличается особеннымъ стремленіемъ поглощать гласныя буквы, замѣнять всякую гласную чистую глухою, напр. род. п. ед. ч. прилаг. beliga словинецъ произноситъ: belъga. (Подобное явленіе есть и въ русскомъ языкѣ: ср. чълаекъ, гътъ=говоритъ).

6) Развиты двоегласные звуки: oa, ua, uo, ue: gospoada, gospuoda. Кромѣ словинцевъ, двоегласные особенно упоупотребляются у словаковъ и кашубовъ.

7) *l* на концѣ выговариѣается глухо, какъ *и* или *о*: kozu, reko. Внутри слова *l*=*v*: povk, hostivnica.

8) Pri=per: permorje, perjatel.

Б. Грамматическія формы.

1) Соблюдается двойственное число въ склоненіяхъ и спряженіяхъ.

2) Вин. и твор. п. существительныхъ жен. р. одинаково оканчиваются на *о* тяжелое: ženo, roko.

3) Род. п. ед. ч. прилагательныхъ оканчивается на *ga* съ предшествующимъ краткимъ *е* или *i*: starega, beliga.

4) Кое-гдѣ употребляется прошедшее простое, но большею частію употребляется сложное съ вспомогательнымъ глаголомъ: delal sem.

5) Словинцы называются *кайкавцами* (по слову kaj, вм. что).

6) Образцы спряженій.

a) Спряженіе вспомогателанаго глагола *biti*.

НАСТОЯЩЕЕ	БУДУЩЕЕ
sem	bodem (bóm)
si	bodeš (bóš)
je (jest)	bode (bó)

sva,—vi	bodeva,—vi (bóva,—vi)
sta,—ti,—te	bodeta,—ti,—te (bósta,—ti—te)
smo	bodemo (bómo)
ste	bodete (bóste)
so	bodo

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНІЕ.

-	bodiva,—vi	bodimo
bodi	bodita,—ti,—te	bodite
naj bode (bó)	naj bodeta, (bósta)	naj bodo

ПРИЧАСТІЕ.

sóč, a, e; bijóč, a, e; bodoč, a, e; bivši; bil, a, o.

ПРОШЕДШЕЕ ВР.

bil, a, o, sem, si, je; bila, i, sva, sta; bili, e, a smo, ste, so.

УСЛОВНЫЯ.

bil bi; naj bi bil; naj bodem (bóm).

б) Спряженіе глáгола *délati*.

НАСТОЯЩЕЕ.

Délam	délava,—vi	délamo
délaš	délata,—ti,—te	délate
déla	délata,—ti,—te	délajo.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ.

—	délajva,—vi	délajmo
délaj	délajta,—ti,—te	délajte
délaj	naj délajta,—ti, te	naj délajo.

БУДУЩЕЕ.

délal, a, o bodem, bodeš и т. д.

ПРИЧАСТІЕ.

délaje; délajóč, a, e; délavši; délal, a, o; délan, a, o.

ПРОШЕДШЕЕ ВР.

délal, a, o, sem, si, je; délala, i, i, sva, sta; délali, e, a smo, ste, so.

УСЛОВНЫЯ:

délal bi; délal bi bil; naj délam; naj sem délal; naj bi délal; naj bi bil délal.

Ученый словинецъ Копитаръ высказалъ предположеніе, что прародина древняго церковнославянскаго языка есть именно Хорутанія (древняя Паннонія). Эту же мысль защищаетъ знаменитѣйшій изъ современныхъ славистовъ проф. Вѣнскаго университета Миклошичъ. Однако, вопросъ о томъ, какой народности принадлежалъ древній церковнославянскій языкъ, доселѣ остается не рѣшеннымъ. Древнѣйшій памятникъ словинскаго языка Фрейзингенскіе отрывки представляютъ твердыя данныя, что и въ то отдаленное время словинское нарѣчіе отличалось отъ чистаго церковнославянскаго языка. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что по нѣкоторымъ особенностямъ своей фонетики и грамматики словинскій языкъ ближе чѣмъ другіе подходитъ къ древнему церковнославянскому. Такъ, *о* тяжелое ближе къ ж, чѣмъ *у* другихъ славянскихъ нарѣчій; сохраненіе двойственнаго числа говоритъ также въ пользу древности нарѣчія. Вообще, словинскій языкъ представляетъ богатый запасъ древнеславянскихъ словъ, особенно названій животныхъ и другихъ царствъ природы. Это не научные результаты, а чисто-народное сохраненіе. Разные говоры, которыхъ въ словинскомъ языкѣ насчитываютъ очень много, сохраняютъ большее или меньшее количество древнихъ словъ.—На современный словинскій языкъ оказали болѣе или менѣе сильное вліяніе языки нѣмецкій, венгерскій и итальянскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Языкъ сербо-хорватскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Языкъ словинскій (хорутанскій).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*		*Напечатано:*	*Должно быть:*
10	5	сн.	Пи́танїє	Пи́танїю
—	4	сн.	и́ма *)	и́ма
11	13	св.	бога̀	кога̀
14	14	св.	хараксеръ	характеръ
39	12	св.	зевамъ	зевашъ
43	13	св.	небричени	небричени
52	11	сн.	то	го
68	10	св.	изъ	изь
—	16	сн.	еїє	сїє
69	4	св.	оводоу	овоудоу
73	1	сн.	вьседга	вьсегда
90	7	св.	нашимь просежомь	нашомь присежомь
113	1	св.	Siško Menčetic	Śiško Menčetić
115	3	сн.	za c	za č
116	13	св.	Siavno	Slavno
117	8	сн.	Cto	Cto
120	18	сн.	vibez	vitez
—	3	сн.	roga	roda
121	17	св.	na sece	na sebe
124	9	св.	i da bi	i da bi mi
127	10	сн.	Cubranovic	Ċubranović
128	9	сн.	biguć,	biguć',
135	16	св.	kod	kad
137	11	св.	Prud	Prut

*) На стран. 10—13 довольно часто смѣшиваются начертанія и и н что благоволятъ исправить самъ читатель.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
—	13 сн.	mieste	mieśte
—	11 сн.	slamu	slama
141 и 142	5 сн.	Sto	Što
143	2 св.	Zivuć	Živuć
—	10 св.	Cetir	Ćetir
—	17 сн.	poturcio	poturčio
144	17 сн.	Ukasati	Ukazati
150	8 сн.	Ur	Uz
157	12 св.	де	до
159	7 сн.	до	да
163	12 сн.	н	и
172	4 св.	pakyje	pakije
187	9 сн.	uspromenu	uspomenu
188	15 св.	cete	čete
231	1 сн.	Видуш	Видиш
235	14 св.	Зи шт'	За шт'
245	7 св.	канцију	канцију
257	14 сн.	Хорваты и	и Хорваты
289	6 св.	Cesar	Česar

СЛАВЯНСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

СБОРНИКИ ПО СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ:

ДРЕВНЕМУ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ, ДРЕВНЕ-РУССКОМУ, БОЛГАРСКОМУ, СЕРБО-ХОРВАТСКОМУ, СЛОВИНСКОМУ, ЧЕШСКОМУ, ЛУЖИЦКОМУ И ПОЛЬСКОМУ.

СЪ СВѢДѢНІЯМИ И ЗАМѢЧАНІЯМИ О ПАМЯТНИКАХЪ И ОБЩИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ НАРѢЧІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Г. Воскресенскій,

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКОЙ Д. АКАДЕМІИ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

ЯЗЫКИ ЧЕШСКІЙ (СЪ СЛОВАЦКИМЪ), ЛУЖИЦКІЙ И ПОЛЬСКІЙ.

Отдѣлъ первый: языки чешскій и словацкій.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. Октября 20 дня, 1883 года.

Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ видахъ историческаго изученія чешскаго языка, въ настоящемъ выпускѣ дано мѣсто образцамъ изъ всѣхъ періодовъ чешской литературы. По отдѣлу древне - чешской письменности приведены отрывки изъ замѣчательныхъ въ филологическомъ и литературномъ отношеніяхъ памятниковъ XIV-го вѣка: легенды о св. Екатеринѣ, чешской Александреиды, аллегорико-дидактическаго сочиненія Смиля Фляшки «Новый Совѣтъ», хроники Далимиловой, философскихъ и нравоучительныхъ сочиненій Ѳомы Штитнаго и два древнѣйшихъ дѣловыхъ документа. Не даемъ образцовъ языка ни изъ «Зеленогорской рукописи», ни изъ «Згорѣльскихъ отрывковъ», ни изъ «рукописи Краледворской» въ виду того, что новѣйшая ученая критика этихъ памятниковъ все болѣе и болѣе рѣшительно склоняется къ признанію ихъ подложности [1]. Во второмъ періодѣ центръ тяжести естественно заключается въ сочиненіяхъ Гуса и его послѣдователей; кромѣ того, здѣсь помѣщены отрывки изъ сочиненій двухъ лучшихъ юридическихъ писателей и изъ двухъ хроникъ. Въ послѣдующій затѣмъ періодъ упадка (отъ 1620 до 1780 г.) чешская литература представила величайшаго писателя, педагога и философа Амоса Коменскаго. У насъ помѣщены отрывки изъ знаменитой «Дидактики» Коменскаго и столь же славнаго поэтическаго его произведенія: «Лабиринтъ свѣта и рай сердца». Періодъ новой чешской письменности представленъ у насъ отрывками изъ сочиненій замѣчательнѣйшихъ дѣяте-

---

[1]) О семъ см. въ Исторіи слав. литер. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, II, Спб. 1881, стр. 804—816.

лей чешскаго возрожденія: I. Юнгманна, П. I. Шафарика, Фр. Палацкаго, Я. Коллара и образцовыми произведеніями въ области лирики, повѣсти и драмы. Дано мѣсто также чешскимъ народнымъ пѣснямъ и сказкамъ. Наконецъ представлены образцы изъ лучшихъ произведеній словацкой (словенской) письменности, также словацкія народныя пѣсни и очерки быта.

При печатаніи текстовъ изъ древне-чешскихъ памятниковъ пользуемся лучшими критическими ихъ изданіями. Таковы изданія М. Гаттaлы и А. Патеры («Александреида»), Я. Гебауэра («Новый Совѣтъ»), I. Иречка («Далимилова хроника») и т. д. Для образца же правописанія помѣщаемъ небольшіе отрывки съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древне-чешскаго правописанія. Откуда взяты нами остальные тексты, показано въ своемъ мѣстѣ [1]). Вообще тексты выбирались наиболѣе любопытные въ филологическомъ и литературномъ отношеніяхъ.

Какъ и въ первыхъ двухъ выпускахъ, за текстами изъ памятниковъ слѣдуютъ примѣчанія двоякаго рода: историческія, для изученія памятника въ литературномъ отношеніи, и по мѣстамъ филологическія, для изученія особенностей языка даннаго памятника. Встрѣчающіяся непонятныя слова объяснены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Въ концѣ приложена характеристика чешскаго и словацкаго языковъ.

---

[1]) Отрывки изъ „Лабиринта свѣта" А. Коменскаго напечатаны у насъ по пражскому изданію 1782 г., но съ употребленіемъ современнаго чешскаго правописанія (удержано только начертаніе *w* вм. *v*).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЯЗЫКЪ ЧЕШСКІЙ.

А) ОБРАЗЦЫ ЯЗЫКА ИЗЪ ПАМЯТНИКОВЪ ДРЕВНЕЙ ЧЕШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ДО КОНЦА XIV ВѢКА.

1. Život svaté Kateřiny.

Legenda.

(По изд. К. Эрбена. Прага, 1860).

Když za dávných časóv v Hřieše [1])
jeden ciesař pohan bieše,
ten vládnieše vsemi králi,
což jich bylo blíž i vz-dáli
všeho lidu pohanského;
Maxencius jmě toho zlého
bylo, tak nam písmo praví.
Jeho hněvní, krutí nraví
byli še pronesli tady,
ež jeho jmě v hoři všady
každý jako hory vozil [2]);
bieše pohanstvo uhrozil:
takž še triesli jeho zrakem,
jako kuře před luňákem [3]).
Miesto Boha jej jmějiechu,
jeho modlám [4]) sě klaniechu,
a což kázal, to še stalo
skrovně, mnoho nebo málo.
Pod tiem ciesařem v hrdosti

---

[1]) = въ Греціи. [2]) hory voziti, что нибудь чрезвычайно тяжелое нести, тяжелую работу исполнять. [3]) luňák, коршунъ, ястребъ. [4]) modla, идолъ, изображеніе, модель.

jeden král u bohatosti
sedieše v jednom ostrově
v Cyprskej zemi, v dobrém slově;
diechu jemu Kostus jmenem.
To jmě držal takým kmenem [1],
ež jedno město obaké,
Nikozia, v Cypře také
slulo, jakž i ješče slove,
tu kdež je moře oplove,
pro něž Kostus byl nazvaný.
Bieše mocný jmenovaný
nade vše pohanské krále;
kralováše v jemnej [2]) chvále,
ve čsti v rozkoši i v zboží [3]):
s svú královú jakžto s roží
mile bydléše v dostatě,
správně, svobodně, bohatě:
byl múdrý, ščedrý, radný, k tomu
věrný siemu i onomu,
branný v nepřátelské přietě [4]);
na vše strany ve všem světě
jeho chvála slula spoře,
tak že ciesař na svém dvoře
neměl krále radnějšieho,
ani k službě snažnejšieho,
což mu kázal ve dne v noci,
dotad, až nevěrní soci [5]) —
jakož i dnes lidem škodie,
křivé šepty k uchóm plodie,
křivé hospod návidiece [6]),
dobrým v službě závidiece,
již vše na svú mísu táhnú,
v onu složenú lež sáhnú,
tu jazykem obrážejí,
věrným v službě překážejí:
takéž tito soci biechu,
jížto jemu závidiechu;
ve cti jěchu sě točiti,
chtiec jej křivě osočiti,
jakž i zděchu, a řkúc tako:
«Ciesaři! věz to, že jako
ny živy vidíš při sobě,
takt' sě Kostus v tejto době
smluvil s tvými nepřátely
a jest' jich přísežník [7]) celý.
Rač nám nejmieti za chlúbu [8]),
smluvilt' sě na tvú záhubu;
proto sě vystřiehaj toho [9])».
Ciesař Maxencí jim z toho
poděkova, neřka tomu
niče; ale jemu z domu
káza i z svej země jeti.
Kostus nejmějieše dětí
viece, než dceru jedinú,
tu bieše nazval Kateřinú.
S tú v koráby všedše, vstachu,
do Alexandře sě bráchu,
i sedú v tom jistém hradě.
A kak byl ciesař v hněvnej vadě,
však sě s múdřejšími tázal,

[1]) kmen, причина, основаніе. [2]) jemný, пріятный. [3]) zbožie, имущество, богатство. [4]) přieta, стычка, столкновеніе. [5]) sok, соперникъ, клеветникъ. [6]) křivě naviděti, не любить какъ слѣдуетъ. [7])=заговорщикъ. [8]) chluba, хвастовство. [9]) vystřici se, оберегаться кого.

z země jemu jeti kázal;
ale královstvo, země, hrady
král Kostus beze všej vady
jměl, i bydléše jak sám chtie-
še;
neb ciesař nedověřieše
tomu, což naň prosočeno
bylo i křivě pořčeno;
proto naň jiným lít nebyl,
než tiem, ež ho jest' z dvora
zbyl.
V Alexandři v tom uměstí
Kostus s svú královú ve cti
bydlil, i s svú dceru milú;
tu milováše všú silú,
jakžto s právem bylo z čina,
neb mu bieše dci jediná.
Proto často radoščemi
vzjiskřil, až ju milošcemi
dal v učenie u vysoké.
Mnohé mistrovstvie divoké,
což najvyšší školní znáchu,
to tej panně vykládachu:
o múdrostěch i o smysle,
bylém i nebylém čísle,
o pósobě každej věci,
jakž kto najvýš mohl dosieci
vělikakým podobenstvím,
to ta panna rozšafenstvím [1])
v krátkých letech vše uměla;
bieše v učení prospěla
nade vše učené žáky,
což jich bieše pod oblaky,
u mistrovství ve všelikém.
Potom v časě v nevelikém
Kostus, jejie otec, snide,
a to královstvo přijide
vše k nie u mocnej porucě [2]).
Ta milá panna žádúcie [3]),
jakž slýchám při starších kme-
tech,
byla v osminásti letech,
a tak převeliké krásy,
jakž na všem světě ty časy
nikdie jej nebyla rovně;
k tomu jejie matka vdovně
činieše násilně vážně,
ež jej vzdy střežieše snažně
i vedieše k cnej lepotě,
jiež při svém čistém životě
jměla stokrát viece sama,
než jejie mateři známa
byla v rozkošnej čistotě.
‹ Mnohý bohatý král o tě! ›
řekla, ‹ blaze bude jemu;
komuž še dostane čemu,
tomu bude věčšie radost'. ›
Ale bieše jejie žádost
jinak, nežli oni mniechu.
Mocní králi jie snúbiechu:
nato niče netbajieše,
neb v svém rozumě znajieše,
že zle porobenstvě žíti,
i nerodi za muž jíti;
pro šlechetnú cnú mysl pro tu
slubi paneskú čistotu

[1]) rozšafenstvie, находчивость, догадливость, разумъ. [2]) = порука, опека, надзоръ. [3]) žádúcí, желанный, пріятный.

dle múdrosti i učenie
nésti do svého skončenie.
V tom času sě sta obnova:
vzvolichu syna Maxencova
ciesařem pro ty dědiny;
neb mu bieše syn jediný.
Tiem ho viece milováše,
vzdy na to usilováše,
chtě jej oženiti mladně.
I rozesla posly řádně
ve vše kraje, na vše strany,
do vsěch zemí u pohany,
ve všecky vlasti, do všech dál,
by který ciesař, nebo král,
jměl dceř krásnú z plodu svého,
jež by dóstojna syna jeho
byla, aby mu ji dali.
Tak še všady pilně ptali,
rovně jemu neznajíce.
Z těch poslóv jedni, ptajíce,
v Alexandři še stavichu,
a těm měščanóm vzpravichu,
čeho ptají, ktož je žene.
Tehdy ti jistí měščené
jechu še praviti o tom,
a řkúc: «Zjezdiec ves svět po tom,
hory, vody i na moři:
panny tak červenej zoři,
i bělosti tak veliké,
rozkošnej krásy všeliké,
vy nikdie neuhlédáte,
ani již pěknějšie jmáte,
než jest Kateřina skrovná,
naše šlechetná královna;
na učení, u múdrosti,
v lepotě i šlechetnosti
rovně jej nikte nevídal.»
Těm poslóm jako by přidal
všem útěchy i veselé:
nic nepomeškavše déle,
těch měščanóv potázachu;
ti jim na hrad ukázachu.
Tamž i jdú ptat podlé rady
panny ciesaři v ohlady [1],
ale jinému nikomu.
Když biechu v králově domu,
střetnú sě s jejie mateři,
ana jde s tú žádnú [2] dceři,
jež tak v drahej krásě ktvieše.
Těmto poslóm še to zdieše
za veliký div nad divy;
řčechu k sobě: «Nikte živý
nám, což o tej krásě diemy,
o niež obak nepoviemy,
jakž jest' přisně, neuvěří!»
Tajně řěchu k jej mateři,
aby jich v tom poslúchala,
a tej panny nedávala
ižádúciemu živému:
ež ji rodu ciesařskému
chtie za ženu usnúbiti.
To jim králová slíbiti
musi. Otpuščenie vzechu,
k ciesařovi še vzpodjechu,
a praviece ty noviny.
Ciezař ihned v ty hodiny

[1]) ohlady, ohledy, осмотръ, смотрины. [2]) žádný, желанный, пріятный.

sezva všecky najmúdřejšie
rádce, i najučenějšie,
i posla je na tu cestu
k Alexandři k tomu městu.
Učinichu potázánie,
jedú tam s velikú pýchú.
A když v Alexandři bichu,
jidú na hrad před královú,
zdávajíc jej chválu novú.
Podlé něj jejie dci stáše:
zdáše še jim, by nic kráše
na všem světě nesvítalo,
ani v květu prokvítalo,
než ta panna stáše v sluše [1];
k tomu bieše v takém rúše,
jakž jeho bohaté měny [2])
nikte nevědieše ceny.
Takž v tej chvíli, jakž tu stáchu
déle nic nepomeškáchu,
jeden rádce z nich vysoký
odšed, s královú vze roky [3])
tomu, jistě kdy přijeti
a tu pannu domóv vzieti
s velikú ctí, ovšem slavně,
tak jakž by slušalo správně
dceř mocného krále vesti,
a za ciesaře ji nesti.
Z toho králevá jim nela [4]),
ale by silně vesela,
jsúci tomu velmi ráda.
V tom časě ta panna mladá
o tom nice nevědieše.
Králová tiem poče spieše
k svatbě sě připravovati,
chtiec svú milú dceř vydati
v slavnej draži, s ludským
sluchem,
stravú [5]) i bohatým rúchem,
jakž dostati mohla z snadna.
Katerina, ta přežádná,
poče tomu sě diviti,
i to sě jie protiviti,
že tak mnoho zbožie vzkládá,
a řkúc: «Co má matka žádá?
co-li jejie úmysl mieni,
že okrašuje své sieni?
která chce býti okaza?»
Jednej svej panny otazá;
ta jej inhed [6]) da věděti,
řkúc: «Královno, chcit' po-
vědieti:
tobě býti smyslem novým
za synem sa ciesařovým;
na hodyt' sě chystaj [7]) na ty.»
Katerina do komnaty
jide své, v niž še utieže.
Ta novina ji mútieše;
sedši, vece k sobě sama:
«Však mi ta vše mudrost'
známa,
již najvyšši mistři znají;
a tak mě za krásnú mají

---

[1]) sluch, slusnost, пристойность, учтивость. [2]) měna, достоинство, цѣна. [3]) rok, годъ, срокъ; совѣщаніе. [4]) nela=ne lala,—láti, láju, бранить, журить, выговаривать, отсылать, отказывать. [5]) strava, пища, кухня, угощеніе. [6])=тотчасъ. [7]) chystati sě, приготовляться.

všickni lidé při svej čiedě,
že ve všem ženském pořiedě
nechtie, by kde taká byla;
a k tomu sem bez omyla
tak vysoce urozena,
i tak v zboží rozplozena,
jakž toho nevědě čísla;
nad to však mám mnoho smysla
u múdrosti i v učení:
proč bych ja v tom poručení
byla, mohúc sě otjieti?
nechci svej mateři přieti
déle tej práce bez studu,
ciesařovú já nebudu!
I zle bych smysla zajala,
bych toho za choť pojala,
jehož sém nikdy z dospěla
ani znala, ni viděla,
kak jesť vzrostlý na životě?
hrbovat-li či v lepotě?
hrady-li jmá či zlé domy?
slepý-li je či vidomý?
mrzutý-li čili tvárný?
skúpý-li je čili dárný?
krásný-li jesť či nekrásný?
nemúdrý-li či věhlasný?
chromý-li jesť nebo pravý?
nemocný-li či pak zdravý?
kaký-li jeho obyčej jesť:
radějši já svú čistú česť
chci nésti beze všech dieky
do mej smrti i na věky;
neb mej múdrosti, ni krásě
nikte živý nevrovná še!»
Tu řeč k sobě domluvivši,
s ustavičstvem sě smluvivši,
zavřěvši komnatné dveří,
vstavši, jide k svej mateři,
a sedši podle něj z čila,
i vece k nej: «Matko milá!
slyš mě málo tejto chvíle:
vizi, že ty beze spíle
mej svatby srdečné žádáš,
velikú práci nakládáš,
dlúho tiem nechtieci dlíti:
jáť za ciesařova jíti
syna nechci, to jistě věz;
protož sě toho i vystřez,
aby ho darmo nezvala,
ni na prázno pracovala.
Toť pravi bez proměněnie.»
Králová vz-to pověděnie
užasvši sě, vece pilně:
«O milá dci! proč tak mylně
mluvíš? mlč, toť razi [1]) tobě.
I kde by ty mohla sobě
nalezti lepšieho muže?
však mu všickni králi slúžie,
a jmá veliké poklady [2]),
podlé vsí města i hrady,
i mnohé široké země.
Nesla bych nelehké břémě,
ač by sě tak minul s tobú!
Milá dci! vieš, vě sirobu
nesle mnoho let, zde jsúce,
a vzdy polepšenie ždúce:
a již si ho dočekala;

[1]) razi=radim, совѣтую. [2])=сокровища.

razit', by nikakž nenechala,
by zaň milé ráda nešla.
Již jest' námna ta čest' vzešla,
po níž-tě tvój otec túžil;
tent' jest' jeho otci slúžil
mnoho let. Dci věz to cele!»
Dievka otpověďě směle,
a řkúc: «Matko! darmo mluvíš
a na mě sě hněvem hruvíš;
kakét' tebe řeči dojdú:
já za žádnéhot' nepojdu
muže, nežt' jej ohledají,
a to na něm znamenají,
že jest' všeho světa krašší,
ctí, urozením najdražší,
nad věs svět najbohatější,
nad vše múdré najmúdrejší;
a pakli to nebude tak,
tehdy, matko, věz, žet' nikak
já nikdy nepojdu za muž.
Protož po tom darmo netuž,
ni sě kto buď' o tom tbče viec.»

Легенда о св. Екатеринѣ, лучшая изъ стихотворныхъ церковныхъ легендъ, найдена въ 1850 г. I. Печиркой въ чешской рукописи XIV вѣка, въ Стокгольмѣ, куда попало много чешскихъ рукописей во время тридцатилѣтней войны, и издана въ 1860 г. въ Прагѣ, подъ редакціей К. Эрбена. Кѣмъ и когда составлена эта легенда, неизвѣстно. Легенда отличается легкостію и изяществомъ стиха, силою и красотою языка. Для характеристики древне-чешскаго языка она представляетъ любопытныя данныя. Отмѣтимъ прежде всего отличительныя черты чешскаго языка вмѣстѣ съ польскимъ и лужицкимъ, т. е. другими языками сѣверо-западнаго отдѣла: а) сохраненіе зубныхъ *d* и *t* предъ *l*, *n*: otvedl, kladli, spadli, střetnú se; б) смягченіе губныхъ безъ помощи *l*: koraby, zemi, vep (=въпль); в) смягченіе зубныхъ *d* и *t* въ *z* и *c* (ц): nuze, mezi, jednorozény, vzbuzena; dcera, moc, noc, osvieceny, chci (1 л. наст. ед.), jsúce, ptajice, všemohúci; г) употребленіе предлоговъ *roz*, *vy* вм. *раз*, *изъ*: rozum, rozno, rozkázati; vybrati, vymysliti, vyvesti: д) употребленіе гортанныхъ вмѣсто свистящихъ въ словахъ: hvězda, kvet, ptak. — Древнеславянскій носовой звукъ ѫ замѣняется чистымъ звукомъ *u*, а подъ вліяніемъ перегласованія — звукомъ *i*: muž, múdry; (вин. ед. ж.) panenskú čistotu, pravdu pravú, и — duši, na truchlost' moji; (твор. ед. ж.) s dceří, s mateří; (1 л. ед.

наст.) ne vizu и — vizi, slibuji; (3 л. мн. наст.) hledají, mají, znají; *ą* = *am*, *ím*: slýcham, mním, slyším. Другой носовой *ѧ* иногда замѣняется посредствомъ *a*: jázyk, vida (прич.), чаще же чрезъ *e*, *ie*: mesiec, světí, jme, sě; (род. ед. ж.) jejie; (вин. мн. муж.) je, kraje; (прич. наст.) chtě, jmaje, mně, spě, stavě и т. д. Древнеславянскіе глухіе *ъ* и *ь* или опускаются или замѣняются чистыми *e*, *u*: čti (чьсти), plti, plné, mlčiece, vschoda, vstati, stvořil; krev, oheň, temný; въ предлогахъ: beze, nade, ote, ve; dluho, mluviti, slunce. Законъ перегласованія *a* и *u* въ *e* и *i*, подъ вліяніемъ j, является въ полномъ развитіи: žel, dennice, device, obetnice, vole; (род. ед.) otce, muže (ср. nem., vem им. nam, vam; nehe, nikte); jiř, lid, lidi (встрѣчается и juž, lude), lít, slíbiti, zítra; otci (дат. ед.) Мягкій *ř* произносится шепеляво, какъ *rš*; вмѣсто *g* употребляется *h*; *sk* смягчается въ *šč*: otpuščenie, deščky; *b* и *m* = *v* въ словахъ: osovne, hruvi, skrovna; *h* = *d*: anděl. Изъ грамматическихъ формъ отмѣтимъ: а) правильное употребленіе двойственнаго числа въ склоненіи и спряженіи; б) окончаніе творительнаго падежа существительныхъ муж. рода на *em* (= ъмь): člověkem, jazykem, věkem, и женскаго рода мн. *ščemi*: miloščemi, radoščemi, světloščemi (срав. chytrostěmi); в) окончаніе прил. муж. род. ед. ч. род. пад. *ého*, дат. *ému*, мѣстн. *ém*: čistého, jistého, krasného, svatému, laskovému, mocnému; dobrém, slunéčném; г) употребленіе прош. простаго: bieše, sedieše, biechu, jmejechu, řechu; д) употребленіе неопредѣленнаго достигательнаго: jdu ptat 185; opět přide (Iesus Kristus) hrozných hněvóv budit, živých i mrtvých súdit 2009 — 2011; е) опущеніе флексіи 3-го л. ед. и мн. ч. наст. и буд. вр.: chcé, jde, slove, bude, táhnú, pojdú. — Для образца древне-чешскаго правописанія помѣщаемъ начало легенды съ удержаніемъ всѣхъ особенностей правописанія рукописи (по снимку къ изданію Эрбена):

Kdyz zadawnych czassuov whrzyesye: geden Czyezarz pohan byese: Ten wladnyese wsemy kraly: Czoz gych bylo blyz

ywzdaly : Wsego lydu pohanskeho : Maxencius gmye toho zleho : Bylo tak nam pysmo prawy : Geho hnyewny kruty nrawy: Byly sye pronesly tady: ez geho gmye whorzy wsady: Kazdy yako hory wozyl byese pohanstwo vhrozyl : yakz ssye trzyesly geho zrakem : yako kurzye przedlunakem : Myesto boha gyey gmyegyechu : Gyeho modlam sye klanyechu : Aczoz kazal to sye stalo skrownye mnoho nebo malo : Pod tyem Czyesarzem vhrdosty : geden kral v bohatosty : Sedyese wgednom Ostowie : Wczyprskey zemy wdobrem slowie : Dyechu gemu kostus gmenē : to gmye drzal takym kmenē : Ez gedno miesto obake : Nikozya vczyprzie ...

2. Alexandreida.

(По изд. М. Гатталы и А. Патеры. Прага, 1881).

I.

Král Filip byl v zemi řecký
muž slovutný, ve čsti světský;
po svém právu mějše ženu,
v zboží ve čsti porozenú;
Olympiaš—tak slovieše,
ovšem divné krásy bieše.
Daru má ot Boha mnoho,
když čstnú ženú darí koho;
kteráž založenie kázni,
tej netřeba časté bázni.
Ustalý rád pitie sahá,
zeschlým lukám časna vláha,
čstná žena muži předraha.
Po vše časy toho králě,
jež pokojní lidé chválie,
řecká země v míře stáše,
nepřátel sě nic nebáše.
Tehdy přijide čstná hodina,
králová porodi syna,

Alexander vzděchu jemu.
By syn rob králěvi čstnému;
nebo by již na tej doběˇ,
jakož mu trěba po soběˇ
bieše ostaviti hlavu
svej d(ě)dině na opravu.
Tehdy i po malém časě
králi zlá príhoda sta sě,
pro niž upade v osidlo.
Posla ženu v jiné bydlo,
a ten, jenž ji provodiéše,
Pauz(a)niaš—tak slovieše,
vzěm sobě protivnú radu,
zavrě sě s ní na svém hradu.
Kto sě móže toho strieci,
komuž porúče své věci?
Neniet' nic tak protivného,
jąkž nepriezeň člověka svého;
neb má o to potaz snadný.
ktož jest v kterém domu vnadný,
ten móž, když chce, býti zradný.
By král v smutce i v žalosti,
pyče poručené čstnosti.
Až sě své rady doloži,
prěd tiem sě hradem položi.
Krátký čas toho vynide,
až král Filip světa snide.
Zradú to neprietel doby,
s málem lidí králě pobi.
Ach člověče, kak si krivý,
kak jsi svej hospodě łstivý;
jehož ti česť vzdána všaká,
jenž ot tebe viery čeká,
toho hlavy tvój meč láká!
Kněź Alexander v tu dobu
spade v velikú sirobu.

Otčíka juz nejmějéše ,
matky také nevidieše ;
jedno mieše mistra svého ,
najvěč(š)ieho světa sěho ,
jemuž jej byl král poručil ,
by jej čsti , múdrosti učil .
Mějéše v sobě smysl mladý ,
neumě sobě dáti rady .
Neprietel(i)e všidy vstachu ,
svoji o něm nepodbachu .
Tak sě země zhubi všecka ,
jež prvé bieše plnečka .
Neby dosti ot bližních horě ,
až i s oné strany moře
král Dariuš lidi vysla ,
že tu zemi bez čísla
zbavichu každého dobra .
Ktož co može , ten to pobra :
koňmi , skotem , zbožím , rúchem ,
jehož kto neslýchal sluchem ;
jakž což cizí nepojechu ,
to vše po ních svoji vzěchu .
Kdažto bude v zlém poběda ,
nenie kto co pověda ,
jedno každý : horé , běda ! (Стран. 2 – 4).

II.

Již by čas protivu zori ,
když bývá krik ptačí sbori ,
kdažto se noc se dnem dělí .
a když slunce na svět spělí .
Alexander vzveda zraky ,
vezrě na zoře oblaky ;
uzrěv deň , jako se léče ,
vstana , rúče sě obléče .
Sed i sta na jednú horě ,

obezrě tu vlast' ot morě ;
potom sě v zemi obráti ,
poče města shlědovati ;
a kam sě koli obrátieše ,
tu na vše strany vidieše ,
kdežto vína , žíta ktviechu ,
kdež která loviště biechu .
Zrěv všady dlí i na prěky ,
uzrě , ande siłne rěky ,
z nich teče široce voda
a mocná v nich rybop(l)oda .
Vida to , velmi sě sźáda ,
vzmluvi tak , k svým lidem sada :
zrěte na vše strany v polě ,
kaká v těchto zemiech vólě ;
zde kráłovstvo , zde chci jmieti ,
a vám chci své země prieti !
Řka ták , nic neotieže ,
da , ktož co dóstojen bieše .
V tom sě nic byl nerozpáčil ,
vniž by ve(s) svět byl podtlačil .
To sděv , káza vojem vstáti ,
do Cilici(e) sě bráti ;
posla k městom i na hrady
a k tvrzem zde i onady ;
a jakž ho náhlě zvěděchu ,
tak jej s milostí prije(c)hu .
Tehdy sě v tu vlast' uvieže ,
hlúbe tam prěd (sě) potieže .
Uda sě j'mu jeti tady ,
kdežto sú trojské obrady ,
ješte jedinké znamenie
tu , kdežto leží kamenie. (Стр. 17—18).

III.

Již na špici právě stáše
král řecký, kdež boje čekáše.
Sporiediv každého k tomu,
v kterém krídlě býti komu;
a sám před zástupem v čelě
k bojovi hotov dospělě.
Podlě něho (s) pravé strany
běchu vítězi stavani:
syn P(a)rmeniov, Nikanor,
a jeho bratr Polykanor,
za tím (C)enoš, Ptol(e)meuš,
Perdikaš, Klytuš, Tydeuš.
To všecko jinoše mladé
a každý zástupem vládne.
Po těch pak na lěvej straně,
kdež počátek každý ráně,
P(a)rmenio bieše postaven,
požitý muž, však nezbaven;
za tím jeho syn (F)ilota.
To pak bieše Antigon, Kraternš
a po těch vítěz Severuš.
Jakž ti pravi, to ti biechu,
jež zástupy vládniechu.
Tehdy král kopie dosáhna,
malěčko oře povztáhna,
své šlechtice upomanu;
zře na 'nu i na si stranu,
chtě poznati jich útrobu,
kto s ním mieni (kak) v tu dobu;
neb co které srdce mieni,
v které-j' vóli neb ve chtěni,
to vše znáti na vezřeni.
Pány prosbú ocho(t'u)je
a chuzším dary slibuje.

Zatiem malěčko postoje,
prvé než dojedú boje:
ktož ste, vece, sěm pozváni,
chuzšie panostvo i páni!
vaši dědové i prědci,
rozliční sú na to svědci,
jsú nepokoj vezdy střěli,
proněžto jsú i čest' vzěli;
a jakž jsú byli dědové,
takéž bud'te i vnukové,
každý na svój rod zpomana.
Dneś vám jest čest' v ruce dána,
ač jedno budete chtieti
svú šlěchtu i rod pomnieti.
Dneś jest již čas prišal toho,
jehož sem žádal prémnoho;
dneś nepokoj bude krácen
a vás každý pobohacen;
mně dobrého slova préjte
a sobě vše zbožie mějte!
Patri každý na 'ny voje,
kakt' sě uzlativše stojé!
Snad' jsú sě na jhru vybrali
a ne proto, by boj brali?
Vizte, kakt' na nich zlato hori,
pron(é)žto dneś budú v hoři,
kdyžto pro korist' je vzvláčie,
a koňmi je nahy vztlačie.
Kakt' stojé sebe široce!
Vizi, že sú na poskoce.
Což mluvi, dobrě poznáte,
až zkrićie jich štíty zlaté,
zeléná kopie proskočie
a z jich srdce krve utočie.
Ještě bych k vám mluvil viece,
alě strach, že poběhnú k rěce.

Pospěšmyž, již ti sršie,
drieve než sě pryč rozpršie!
Řka tak, kopie navrže,
spade v nepřátely brže,
než kdy kameň vrhú z praka.
Taký krik i hróza taká
by u vojech stranú obú,
jakož sě zdáše v tu dobu,
by sě již ve(š) svět horil.
Taký sě tu krik bě stvoril,
ande koni v tieskn(i) rě(h)cí
a meči v oděni skrě(h)cí,
ande z lučišť nejedna střěla
vynde i z samostrěla.
Nikdy s prievała i jednoho
nespadne kropí tak mnoho! (Стр. 35—37).

IV.

Potom jidú mezi panie,
jich nebieše kto již bráně;
a nejedná hořem nyje,
ande s jeje bielé šije
krzno nebo komži drahú
panoše i panošky táhnú.
Nejedna slovutná žena
nedóstojně obnažena
a zajisté div ot díva,
že je mohla kdy býti živa;
ande vedú na vše strany
dievky, ženy mezi stany.
Nejedna své čstnosti želie,
ande jí pojíti velie,
kdežto jej viděti vraha.
Auvech, prěpusto neblahá!
Nejedna svých slez unoří
v svej žalosti i v svém hori

a lomieci bielě ruce ,
ande ju neznamos(t') smúcie .
A když sě již všecko to sta ,
za malěčko král tu posta ,
až povedú Dariovu
matku , sestru i králevú
a v sedmi lět dietě malé
spolu prěd réckého králě .
Stáchu prěd ním v smutném líci
a srdce jde rózno (t)štici ,
ande nenie kto ottuše ;
div , že nevyskočí duše .
V takém stojéce ohromě ,
kdežto na vše strany lomie
ruce , česť , zbožie ztrativše
i všeho dobrého zbyvše .
Sama sě vždy šlěchta káže ,
co je milosrdie dráže ,
kdež kto ottuši smutnému
a najviece neznámému ,
ač kto komu i zaviní .
Takéž (i) král řecký učini ,
uzrěv tak šlěchetní ludi ,
milosrdie sě v něm zbudi ;
ochotně sě k nim prichýlě ,
zajisté prijma je milě :
matku sobě vzě za matku ,
« syn mi (buď!)» vece diet'átku ,
a kto(mu) pak one obě
sestrú miesto prije sobě .
Kak byl milostivý za mladu ,
doňadz nevzě horši vnadu ,
nad vše králě sěho světa
byl by jakožto osvěta . — — (Стр. 45—47).

Лучшимъ произведеніемъ христіанско рыцарской поэзіи, развившейся у Чеховъ съ половины XIII столѣтія подъ

вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, считается *Александреида*,— чешская обработка поэмы объ Александрѣ Македонскомъ. Чешская Александреида сохранилась только въ отрывкахъ, и хотя извѣстна въ спискахъ съ XIV столѣтія, считается произведеніемъ второй половины XIII вѣка. Чешская поэма обработана была по латинской поэмѣ Готье Шатильонскаго, написанной во второй половинѣ XV столѣтія и передѣланной въ XIII нѣмецкимъ поэтомъ Ульрихомъ Эшенбахомъ, который въ своихъ странствованіяхъ заходилъ въ Прагу и посвятилъ часть своей книги королю Вацлаву II. Чешскій поэтъ взялъ за основу латинскій подлинникъ, хотя зналъ и нѣмецкую обработку: сравненіе чешскаго текста съ латинскимъ убѣждаетъ однако, что чешскій поэтъ, взявъ главныя черты сюжета, остался очень независимъ въ поэтическомъ изложеніи. Это былъ, безъ сомнѣнія, даровитый писатель, проникнутый христіанско-рыцарскимъ духомъ времени; его поэма есть наиболѣе самобытное и вообще лучшее произведеніе старо-чешской романтики. Поэтъ раздѣляетъ аристократическія мнѣнія чешской шляхты, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличается и патріотическимъ народнымъ духомъ: Нѣмцы были для него такими же непріятными гостями, какъ для знаменитаго патріота лѣтописца Далимила [1]). Отрывки чешской Александреиды напечатаны въ христоматіи П. І. Шафарика: Wýbor z literatury české, díl I, v Praze, 1845, 135—170, 1091—1144. Новое изданіе М. Гатталы и А. Патеры: Zbytky rýmovaných Alexandreid

[1]) „By Bóh uslyšeti ráčil
své krěstěnsvo hi to zračil,
by takýž byl českým králěm:
ufal bych v to, ž'by za málem
lěč bud' Litva lěč Tateri,
kakž sú menovani kterí,
Besermené nebo Prusi
lěč nepotvrzení Rusi
prišli by k takej prípřětě.
jakž by sě krsta prichopiece,
byli svých modl odstúpiece.
Hi to by sě státi mohlo,
ač by to co juž pomohlo,
že Nemci, již sú zde hostie,
chtie dožďaci, by na mo(s)ce,
Praző, jehož Bóh snad' nechá,
neb(ylo) viděti Čecha:
hi mohlo by sě brž státi,
by jich bylo nevídati."
(Въ изд. 1881 г. стр. 77—78).

staročeských, v Praze, 1881. Помѣщенные у насъ отрывки содержатся въ рукописи второй половины XIV столѣтія— Пражской библіотеки св. Вита. Литература относительно чешской Александреиды въ Ист. слав. литературъ Пыпина и Спасовича, изд. (2-е, Спб. 1881, т. II, 825. Для образца правописанія приводимъ начало перваго отрывка:

KRal philypp byl wzemy rzieczky
Muz slowutny weczsty swyeczky
Poswem prawu mysye zenu
Wzbozi weczsty porozenu
Olympyas tak slowyessye
Owssem dywne krasy byesye
Daru ma othoha mnoho
Kdyz czstnu zenu darzi koho
Kteraz zalozenye kazny
Tey netrzieba czaste bazny
Vstaly rad pytye saha
Zeschlym lukam czassna wlaha
Czstna zena muzi przedraha . . . (Стр. 2).

3. Nová Rada.

(По изд. Я. Гебауэра. Прага, 1876).

Počíná se Nová Rada.

Král lev ten času jednoho
byl rozeslal poslóv mnoho,
po všech krajích na vše strány,
po svá kniežata i pány,
po zvěř veliky i malý.
aby všickni před ním stali.
Tak se byl o to utázal,
že také orlovi kázal,
aby pojma ptactvo všaké
by(l) u jeho dvoru také,

neb ho bylo vše poslušno ;
a to bieše dobře slušno ,
by slyšeli jeho slovo ;
neb tehdy panstvie orlovo
k moci krále lva slušalo
těch časóv , když sě toto dálo .
Tehdy orel bez meškánie
slyšev královo kázanie
sta před králem *s* [1]) svými ptáky ,
ano již zvieřat hluk taký ,
ani se před králem brojie
k jeho poslušenstvi stojie ,
čakajíce rozkázanie .
Tehdy král *lev* bez meškánie
poctivě a velmi mile
orla přivíta té chvíle ,
se ctí jej k sobě přivinu ;
popatřiv na tu družinu ,
děkova z toho orlovi ,
že jest k službě tak hotový .
Když se *již* sebrali biechu ,
což král káže nevědiechu .
Tehdy král lev rukú kynu ,
chtě jim zjeviti příčinu ,
proč se jim *kázal* sebrati
a všem vuokol sebe státi ,
vece : Slyšte , moji milí !
viem , že ste vždy věrni byli
otci mému do skončenie .
Ve všech zemiech tajno nenie ,
že vaší radú i pomocí
veš svět byl pod jeho mocí .
Téhožt' vám také ufaji ,

[1]) Напечатанное курсивомъ взято изъ рукописи чешскаго музея XV вѣка; въ основной же рукописи 1459—61 г. недостаетъ.

jakožt vás v' tej vieře znaji,
kniežata, páni, rytieři,
i vše obci, jakž vam věři.
Vidíte, žet' jsem král mladý,
protož prosím vašie rady;
radiž každý, jakž kto stojí,
k řádu, k zemskému pokoji,
což jest mé ctné, také vaše. — —

Orel radí.

Já jsem na to vyjeł z domu
i své všecky pojal k tomu,
abych učinil tvú vuoli,
což jedno rozkážeš koli,
abych hotuov byl i k svádě,
a když potřebuješ k radě.
Ne v tomt' nechci odmlúvati;
Račiž králi poslúchati,
a na to mysliti pilně,
aby v tvém srdci nemylně
měl vždy na paměti boha,
jenž tě vyvolil ze mnoha
a dalt' lidi, zbožie i čest.
A to vše v jeho moci jest,
prodlíti toho i vzieti,
tě živiti i umořiti.
Ten, jenž nevýmluvné moci,
komuž ráčí, móž spomoci
i móžt' *věcný* život dáti,
také do pekla poslati;
jenžto šeredně provinie
a jeho vuole nečinie,
jsú jeho daru nevděčni,
tyt' posélá v oheň věčný,
kdež odpočinutie nenie.

Jehož chválí vše stvořenie,
toho měj na srdci vážně,
a vždy přemietaje snažně
o tej drahé velebnosti,
tak naplniš srdce ctností
a budes ctně kralovati.

Nedvěd radí.

Když sokol to dopověde;
král vece: Nuž ty, nedvěde,
prav také, což jest na mysli;
na to sme sem tuto přišli,
aby každý podlé řádu
mně pověděl svoji radu.
Nedvěd vece: Tot' se stane,
poslúchajž, mój králi, pane,
každýt' radí, cožt' sam činí,
v tomt' já jich nic ne vini,
mluvie podlé přirozenie.
Mét' tu rady jiné nenie.
Měj ve všem *jedno* svú volí,
cožt' sě jedno líbí koli,
sladké pitie i jedenie,
i ve spanie sděj své chtěnie;
a ktož na tom překazí,
tot' já tobě směle razi,
daj mu bez meškánie ránu,
dokudž neodstúpí v stranu,
at' sě tvojí tebe bojie,
třesúc sě před tebú stojie,
což činiš, at' každý chválí
řka: « tot' dobře, milý králi! »

Zajéc.

Zajiec po svej vázě plaše
také při tom sboru stáše
řka: Králi, měj se na péči,
a nestroj se k žádnej seči,
ale ve všeliké pótce
buď jakožto na poskocě.
Nedbaj oděnie ani meče,
nebt' každý snáze uteče,
ktož sě braní nepřět'ěží,
nerovnět' rychleje běží. — —

Pes radí.

Jeden pes tu také bieše,
ten všech psóv slovo mluvieše
a řka: Králi, radím tobě,
měj své věrné vždy při sobě,
najviec kdež jsi pohostinu,
at' sě tvoji k tobě vinú,
jenž o tvé dobré pečují;
a cožkolivěk učijí,
úklad nebo který skutek,
proňž by tobě přišel smutek,
svú to snažnosti ubradie,
tomut' dojíti nedadie.
A když spíš na svém pokoji.,
at' jsú věrní stráže tvoji
vezdy tudiez vedlé tebe;
tak budeš bezpečen sebe.
Takét' pravím tvé milosti,
vždy buď pilen myslivosti,
ke všelikakému lovu
měj svú mysl vždy hotovu;

honiž všeliká zvieřata
na shon nebo na tenata.
Tak činé dle kratochvíle
pozbudeš túžebné chvíle. —

Liška radí.

Liška podlé obyčeje
jakžto sě pochlebník směje,
lížéci se, hlediec z nice
vece: Žádný královiče!
však js' ty najvětšie hospoda,
pošel z králového roda,
překrásný, a máš předosti;
nad jinés poznán v múdrosti
aniž máš na sobě vady!
Protož cožť jest třeba rady,
by jim sě tak chtěl poddati
a jich rady poslúchati?
Neb kniežata, mocní páni,
ježtoť jsú k radě vydáni,
cožť nepodobného zvědie,
i v uočiť pravdu povědie,
uchopieť tě po své vóli,
čehožť se uradie koli,
chtiec, aby poslúchal rady.
A tys člověk bujný, mladý,
nerod' sě tak zavázati,
daj sě jim, což chtie, tázati,
a ty bud' živ k svej libosti.
K tomu máš nás menších dosti,
ježto, ač co na tě zvědie,
v uočiť toho nepovědie.
Ale cožť zvieme na jiné,
toť tvé milosti nemine;
kteréž koli budu věci

stalé vskutku nebo v řeči,
což my zvieme na tvém dvoře,
tajnět' poviemy v komoře.
Kuna, vydra tovařiška,
též mluviechu, jako liška. —

Ježek [1]) radí.

Ježek i to zvieře sysel [2])
také bieše k tomu přišel
řka: Což máš svých tvrzí ysady,
tvrdá města, k tomu hrady,
dobudiž na ně za času,
aby měl dosti soli k masu,
vína, k tomu také chleba,
tohot' jest každému třeba,
i rozličnú k tomu špíži [3]),
neb když sě zima přiblíží,
již musíš o tom živ býti,
nebudet' viec lzě dobyti.

Veverek [4]) radí.

Múdrý veverek ač malý
královi těch slov pochváli
řka: Múdrát' jest to řeč jistě,
ktož chce rozuměti čistě.
Králi, poslúchaj té rady
a hromazd' sobě poklady;
mravence měj ku příkladu,
kakot' ten bojé se hladu,
jsa přemalitkého těla
těžké dielo snažně dělá.

[1])=морской ежъ. [2])=бѣлка, сусликъ. [3]) špíže, съѣстные припасы, провіантъ. [4])=бѣлка, векша.

Protož, králi, tobě pravi,
dokudž jsi v síle a v zdraví,
dobývaj pokladu sobě,
toť ja věrně radím tobě,
jímžto tvá duše omladne,
(jehož) zloděj neukradne;
před molí jest bezpečný
ten nebeský poklad věčný.

«Новый Совѣтъ» приписывается съ полною вѣроятностію Я. Смилю изъ Пардубицъ, по прозванію Фляшка (род. въ 1-й пол. XIV в.). Здѣсь разсказывается о томъ, какъ царь левъ собралъ со всѣхъ сторонъ своихъ князей и пановъ на совѣтъ, и каждый подаетъ королю совѣтъ по своему разумѣнію. Напечатана «Nová Rada» въ первый разъ въ «Выборѣ» по рукописи чешскаго музея первой половины XV вѣка. Новое изданіе Я. Гебауера (по рукописи 1459—61. г., также чешскаго музея): Nová Rada. Báseň pana Smila Flašky z Pardubic (Památky staré liter. české, I), Pr. 1876

Образецъ правописанія.

Poczinase nowa rada.

Kral lew ten czassu gednogo
Byl rozeslal poslow mnogo
Powssech kragich nawssie strany
Poswa knyezata y pany
Pozwierz weliky y mali
Aby wssickny prziednym stali
Tak se bil oto vtazal
Ze take orlowy kazal
Aby poyma ptacztwo wssake
By vgeho dworu take
Neb ho bylo wsse poslussno
A to biesse dobrzie slussno
By slussely geho slowo

Neb tehdy panstwie orlowo
Kmoczi krale lwa slussalo
Tiech czassow kdyz sie to dalo . . . .

4. Dalimilova kronika česká.

(По изд. I. Иречка. Прага, 1878).

1. Počíná sě kronika česká.
Mnozí pověstí hledajú [1]),
v tom múdřě i dvorně činie,
ale že své země netbajú,
tiem svój rod sprostenstvím vinie.
Neb by sě do nich které cti nadieli,
své by země knihy jměli;
z ních by svój rod veš poznali,
odkud jsú přišli, vzvěděli.
Jáz těch knih dávno hledaju,
a vezdy toho žádaju,
by sě v to někto múdrý uvázał,
vše české skutky v jedno svázał.
A dotad sem toho žádał,
donid sem toho prvé nezbádał,
(ež) v to sě nikte nechce otdati;
proto sě sám v to drbiu uvázati.

2. Řěči prázdné, jelikož mohu, mysliu ukrátiti,
avšak smysł cěły mysliu położiti,
aby sě tiem mohł každý raději učiti,
k svému sě jazyku viece snažiti;
neb usłyšě múdrý řěč múdrú, múdřejí bude,
túžebný tiemto túhy zbude.
Jáz tuto sprostně położiu
a na to lepšieho prošiu,

[1]) Напечатанное курсивомъ *u* означаетъ, что въ рукописи, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, вмѣсто *u* стоитъ *i*.

aby pro našie země čest'
i pro našich nepřáteł łest'
opravił mú řěč rýmem krásným
a osłavił hłahołem jasným,
a mne tiemto nehaněje,
řka: «Plete sě v to, a neuměje».
Jáz sě v tom sám dobřě znaju,
kromě že-t' o svém jazycě velmi tbaju.
To mě jest' k tomu vzbudiło,
i mě k úsiliu připudiło.

3. O počátcě našeho jazyka v Čechách.
V srbském jazyku jest země
jiežto Charvaty jest jmě.
V tej zemi bieše lech,
jemužto jmě bieše Čech.
Ten mužobojstva sě dočini,
pro něž svú zemiu provini.
Ten Čech jmějieše bratróv šest',
pro něž jmějieše moc i čest',
a ot nich mnoho čeledi,
juž jedné noci Čech osledi.
I vybra sě se vším z zeme,
jiejž diechu Charvaty jmě.
I bra sě lesem do lesa,
dědky své na pleciú nesa.
A když dłúho lesem jide,
k velikému hvozdu příde.
Tu sě stešte čeledi jeho.
Vecě Čech: «Ach běda jest' skutka mého.
že pro mě jste v tejto núzi
a jsú pro mě vaši domové hustí łuzi».
I vecě Čech k svému sboru:
«Podejděm pod tuto horu,
dětem, skotu odpočinem,
a snad sě tu s túhú minem.»

Za jutra u pravé zořě
by Čech sám sedm na tej hořě,
s niež všiucku zemiu obleda,
a dále jim jíti neda,
řka: «Jmamy zemiu po svej vóli
budú nem z té plni stoli,
zvěři, ptákóv, ryb, včeł dosti,
ot nepřáteł tvrdá dosti.»
Jako by sě dnes na púšči stało,
kdež by jim nic nepřěkážało.
S té hory na zemiu zřěchu,
proto tej hořě Říp přěvzděchu.
Prvé chleba nejmějiechu,
maso a ryby jediechu.
Prvé léto łaz vzkopachu,
a druhé léto rádłem zorachu.
Ale že jich starosté Čech diechu,
pro-ň zemi Čechy vzděchu.
Ti liudie velmi věrní biechu,
vše zbožie obecno jmějiechu;
komu sě co nedostanieše,
u druha jako své jmějieše.
Jeden obyčěj zlý jmějiechu,
že manželstva nedržiechu.
Tehdy i jedna žena mužem jista nebieše,
jeden muž žen mnoho jmieše.
Právě skotsky přěbývachu,
na však večer nového manželstva hledáchu.
Súdcie i jednoho nejmějiechu,
nebo sobě nekradiechu.
Pakli sě kdy stała která sváda,
u stařějšieho budieše rada,
aby právo učinili,
pravému škody polepšili.
Minu let tomu velmi mnoho,
že še drže ten liud obyčěje toho.

4. O Krokovi a o Libuši, dceři jeho.
Když tomu mnohý minu rok,
vsta v zemi muž, jemuž diechu Krok.
Ten zemiu všiucku súdieše
a múdrosti jie učieše.
Potom Krok jide do navi
tři múdré dcery ostavi,
Kaziu, Tetku a Liubušiu,
o třetiej mluviti mušiu;
Kazě sědieše na Kazíně,
a Tétka na Tetíně,
Liubušě prorokyni bieše
a všiucku zemiu súdiéše.
Sta se, že o meziu dva sě svadista,
a sobě dobřě přibista.
Liubušě je sě jú súditi,
a vinného musi smútiti.
Vinný je sě Liubušě haněti,
řka: «Nechciu tebe za súdciu jmieti;
neb žena lépe umie jehlú šíti
než v súdě muže súditi.
Auvech, to mě velmi trudí,
že našiu zemiu žena súdí.»
I všech paní je sě haněti,
jehož jáz nechciu mluviti.
Liubuše, to uslyševši,
nemúdrému přehověvši,
nic jemu neotpověde,
ale valný snem zapověde.
Když sě na snem všickni snidú,
a před Liubušiu přijidú,
tehdy ta všie země máti
je sě hanby žalovati.
Zeměné, to usłyševšě,
svéj hospodě sě nasmievšě,
jako z praka sě zpodjemšě,

rady i jedné nevzemšě,
křikú všickni jedniem hłasem:
«Nevypłatímy to jedniem vłasem!
Pravdu-t' jest młuvił člověk taký;
nebo-t' jest' muž viła všaký,
jenž sě kto před ženú súdí,
jehož k tomu núze nepřipudí.
Již ti déle nechcem hověti,
chcem mužě za hospodu jmieti.
Jednoho-t' na tobě prosímy:
pověz nám věstbami svými,
z které nám radíš země knězě vzieti?
Nebo v svej nemóžem podobného jmieti.»

5. O Libušinu proročství.
T'dy Liubuše otpovědě,
řkúc: «To-t' vám beze łsti povědě,
jakož koli ste mě uhanili,
kdež ste mě tak potupili.
Zły člověk to musí býti,
kterýž pro své dobré dá obci złým užiti.
Obec jest' každého ohrada;
kdož ju tupí, minuła-t' jej rada.
Ztratě obec, neufaj do hrada;
bez obcě dobude tebe vše liká sváda.
Ale jáz vám své škody nedam złym užiti,
chciu vám beze łsti raditi.
Radější byste mohli mój súd trpěti,
než sě drbíte za kněz silného mužě jmieti.
Lehčeje-t' tepe dievčie ruka:
ot mužské rány bývá veliká muka.
Tu mně tehdy uvěříte,
když svého knězě za železným stołcem jedúc uzříte.
Bude-li nad vámi ciuzozemec vłásti,
nemoci bude dłuho váš jazyk trvati.
Túha-t' jest' každého mezi ciuzími,

a smutný utěší sě mezi známými.
Každý kraluje přieteli svými,
i jeden múdrý nerad' se s ciuzími.
Pojme k sobě liud jazyka svého,
bude-ť vždy hledati vašeho zlého,
a na vaš liud bude hledati viny
a svým rozdělí vaše dědiny.
Češte své, ač i krastavo,
nedaj v své ciuzozemciu, česká hlavo.
Tomu-ť vy učí ženská hlava,
kde jeden jazyk, tu jeho sláva.»

6. O Libušinu koni, ježto Přěmysła přinesł.
Opět' Liubuše povědě:
«Nebo-ť jáz to dobřě vědě,
jemuž býti vašiú hospodú.
Jdětež, čstnější, po mého konie vodu,
kamož-ť jedno on potečе.
A komuž-ti on přitečе,
toho na ten koň vsadiece,
veď'tež ji sěm, sě nesvářiece.
Budete-li sě svářiti,
po tisiuc let bude-ť zemi škoditi.»
Liubuše sě na své věstby vzpusti,
kóň osedłaný bez uzdy pusti.

7. O nalezení prvého oráče.
Páni po koniu pojedú,
až Bieliny řěky dojedú.
Podle té řěky kóň potečе,
na jednu úlehl přitečе,
na niejž oráše muž veliký,
obinuv své nohy łyky.
K tomu mužiu kóň přiskočiv,
i sta u něho sě vztočiv.
Stojieše jako jat v uzdici,
pro to tej vsi vzděchu Stadici.

Páni na chłapě vzvěděchu
jeho jmě, že j'mu Přěmysł diechu.
Počěchu sě druh k druhu smieti
i chtiechu jej inhed vzieti.
A jakož sě jeho dotkú,
Přěmysł vdruži v zemiu otku,
řka: «Žel mi jest', že ste tak rano přišli!
By ste byli teprv ot Liubušě vyšli,
bycht' mohł tuto úlehl vzorati,
viec było by nelzě oráčiu chleba kupovati.
Ale že ste uchvátiti,
a mně v roli překazili,
móž to každý słyšěti rád,
bude v zemi žizn, a často hlad.»
Posáh Přěmysł k łyčeniej kabeli,
vyně sýr a řešetný pecen velí,
počě, na radlici położiv, jiesti,
pánóv prosi podle sebe siesti.
Páni počechu sě shliedati,
a na Liubušinu řeč vzpomínati.
Jechu sě jeho tázati,
proč by jemu było miło na železě sniedati?
Přěmysł tak jim otpovědě:
«Jakž vám Liubušě pověděła, též vám povědě.
Když ste o dievcě nerodili tbáti,
bude vy mój rod železnú metłú kázati».

8. O kmenu otky Přemysłovy.
A když tu Přěmysł sniedáše,
jeden pán na otku hlédáše,
že otka vypusti z sebe pět' pramenóv
a z nich prokvete pět' ořěchóv.
Čtyřie uschú po małej chvíli,
pátý by živ, ten sě všem smíli.

9. O Kartasiech pohanských.
Léta ot narozenie Jesu Krista miłostivého

po tisiúciu po dvú stú po čtyřech dcětech druhého
Kartasi jdiechu,
taterščí spytáci biechu.
Na pět' set těch ludí jdieše,
a tento obyčěj jich bieše.
Kłobúčky vysoké velmi jmějiechu,
rúcho krátké a tobołky nosiechu.
Všickni v nohavičkách chodiechu,
holi dłúhé v rukú držiechu.
Když píti chtiechu, s břěha nakłoňmo pijiechu,
když chleba prosiechu, «Kartas boh» tak młuviechu;
pro to jim Kartasi vzděchu.
Lomičští Kartasa na ščít vzěchu.
Ti liudie, když Rýna dojidú,
opět' za sě pojidú.
Ach českého nedomyšlenie,
jich nemúdré dopuščenie,
že dachu neznámým liudem po zemi sě túłati,
svú zemiu dachu komus spytati!
Kací sú liudie, było jim vzvěděti,
skrzě svú zemiu było jich nepúštěti.
Na léto Tateři pojidú
a třmi prameny vnidú.
Jako po své vezde jdiechu,
neb spytáci je vediechu.
Jedni v Rusi Kyjova, měs ta velikého, hołuby dobychu,
druzí krále uherského pobichu,
třetí vše Polsko zhubichu
a mnoho křěst'anstva zbichu.
Před Ołomúcem sě stavichu,
tu Tateři kralovicě ztratichu.
Jeho pěstúny Tateři zjímachu
a před městem je zvázachu.
Že svého kralovicě nechovali,
pro to je nepřátełóm na smrt' dali.
Tateři sě za sě vrátichu,

před Vratislavem sě položichu.
Kněz Jindřich proti jim vynide
tu velmi žałostně snide.
Na kop*iu* hłavu jeho Tateři nosiechu,
a vš*iu*cku zemiu hubiechu.
Tehdy Čechy, Tater sě bojiecě,
neprázdni bychu, hrady činiece.
Král Prahy zdiú je sě hraditi
a s hradu cěsty k řěcě je sě zd*iu* činiti.
Tateři všecko Polsko zhubichu,
až sě před Kładskem stavichu.
Do Čech mnoho l*iu*dí z Němec přijide,
král s nimi mimo Žitavu na Tatery jide.
Tateři, když to vzvěděchu,
za sě sě inhed vzpodjechu;
neb spytáci byli řekli, nikohého sě nebáti,
kromě českého krále, toho nikoli nedočakávati.

Старѣйшая и знаменитѣйшая изъ чешскихъ лѣтописей есть рифмованная хроника начала XIV вѣка, которая приписывалась обыкновенно нѣкоему Далимилу Мезиржицкому, канонику Болеславской церкви. Такъ полагали, основываясь на томъ, что позднѣйшій историкъ Гаекъ ссылался на Далимила; но вѣроятнѣе, что авторомъ хроники былъ чешскій рыцарь, ученый и патріотъ, въ родѣ Смиля изъ Пардубицъ; притомъ, въ началѣ этотъ авторъ самъ ссылается на Болеславскую хронику, которою пользовался. Въ хроникѣ разсказываются событія чешской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до Яна Люксембургскаго (1314); съ конца XIII вѣка лѣтописецъ говоритъ уже по личному знанію событій. «Далимилъ» принадлежалъ видимо къ оппозиціи, не одобрявшей вліяніе нѣмцевъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ къ нимъ свою антипатію; какъ горячій патріотъ, онъ заботился о сохраненіи національной чести и роднаго языка. Онъ хорошо знаетъ свою страну, дорожитъ преданіями чешской шляхты; по своему

времени очень образованный человѣкъ. Хроника его — всего больше стихотворство на историческій сюжетъ, но иногда не лишена поэтическаго достоинства. Къ разсказу прибавляетъ онъ и хорошія патріотическія наставленія. По всему этому хроника эта давно пріобрѣла большую популярность; многочисленныя рукописи ея идутъ съ XIV вѣка, въ разныхъ редакціяхъ. Въ первый разъ напечатана въ роковомъ 1620 роду, но тогда же сожжена, такъ-что уцѣлѣло лишь нѣсколько экземпляровъ изданія. Второе изданіе сдѣлано Ф. Прохазкою въ 1786 г. Нѣсколько изданій принадлежитъ В. Ганкѣ (отъ 1849, 1851, 1853). Новое ученое изданіе приготовилъ І. Иречекъ: Rýmovana kronika česká tak řečeného Dalimila (Prameny dějin českých. Díl III, svaz. 1—3), Praha, 1878. Критическая оцѣнка Далимиловой хроники въ соч. Фр. Палацкаго: Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber (Neue Ausgabe, Prag, 1869, 98—119). Образецъ правописанія по снимку съ Кралоградецкаго отрывка первой половины XIV вѣка на перг. въ чешскомъ музеѣ (прил. къ изд. В. Ганки, 1851):

Kdiz diewky ot otczow sie brachu a nadiewin sie wsiebrachu Dczi otczu naziwototpouiedie sestra bratru to poviedye Juz iaz neysem nyczse tobie Kazdi gmyey peczu ossobie Pak sobie slubichu wieru wlasta gím da wpityv smyeru Abi sue tlustostý zbily czirtwy amvdri ktomv bily Potom gie natre rozdieli avrzady ge podiely Pak mudrzieysim hrad poruczi Awradie gie wsdy sedyetý vczi Rzkucz ktozt rad sedy w radie ten ostogý wkazdeý swadye Krassím kaza sie liczitý Achitreý rzieczi sie vczitý Rzkucz tymto mvzow poleky ktezto moczu nedotekv Trzietym kaza sluczisti gezditý amuze iako pssi bitý.

5. Thoma z Štitného (1325 + ок. 1400).

a) Knížky šestery o obecných věcech křesťanských.

(По изд. К. Эрбена. Прага, 1852).

Přiemluva.

Buoh mój přikázal mi, jako i každému otci, abych vedl vás, mé dietky! v jeho cestách a skázal jej vám. Toť svédčie starého zákona knihy. Protož tiem mi jest chutnějie bylo psáti vám tyto knihy, aby, což nynie snad pro svú mladosť nemóžete rozuměti, ani sdržeti v paměti, což bych vám pravil, potom, kdyžť snad umru, aby čtli v nich, a porozumievajíc, coť mienie; a také aby mohli s sebú úžitečně pomlúvati o tom, což k spasení slušie, aneb i s těmi, s kým se budete obierati, aby mohli krátiti chvíli, čtúc v nich, a zvláště v svátky doma ve vsi, kdež ani kazanie bývá, ani nešpora. A také vám razi v nich čísti i za sebe, a najviec proto, aby mne otazovali, když čemu čtúc nerozumiete. Neb snad po mně nebudete mieti tak brzo, kto by vám takú věc vypravoval; a velměť jest úžitečno, otázati, když jest slične koho, čemu kto čta nerozumie. Ale veď nevzdyj' pannám slušné tázati se i se kněží, leč by suobú stranú velmě stáli byli a poznáni i podobni. Lépej' druhdy tak přebyti, rozuměje, že nerozumie, nežli se tázati s leckýms.

I psalť sem vam knihy dvoje: tyto prvé sám klada z své hlavy, jakž mi sej' zdálo podobné, což sem kde četl neb slýchal na kázaní aneb od učených, aneb se mohl sám domysliti, ještoj' přístupno k tomu úmyslu, o němž sem psal; ale druhé, ty sem hotovo sebrané, aneb učiněné někým jiným latině, vyložil česky, a kterét' jsú, tamť sem to napsal. Ale tyto prvé rozdělil sem v šestery knížky:

Prvé jsú o vieře, o naději a o milosti.

Druhé o pannách, o vdovách a o manželéch.

Třetie o hospodářovi, o hospodyni a o čeledi.

Čtvrté, kak devět řádóv lidských nešú podobenstvie děvěti kóróv andělských.

Páté, kak nás črt láká.

Šesté, čím se očištijem toho, že hřešíme. A paklit' přičiním sedmé neb i osmé, takéť tu budú.

Což 'kolivěk v těch knihách naleznete, to držte, ač umiete rozuměti, lečt' by vám dobří lidé a učení v písmě ukázali, žej' zle napsáno, tak že by se nemohlo i jednú stranú sjednati s svatým písmem. Neb dobří učení, cožt' naleznú, ješto móž býti z toho dvój rozum, dobrý a zlý, ne ke zlému, ale k dobrému rozumu obracijí. Ktož by chtěli ke zlému obraceti a zle rozuměti písma i těch zvieřat, ješto i na před i na zad plna očí byla, čilit' by nemohli, byt' směli? A tak řku: ukáží-lit' vám dobří učení bohobojní, jimž by milá byla pravda slyšeti i od oslice, žet' sem kde schybil: nic se tiem nesmúcejte, ale veselte, ne tiem, žej' pobiúzeno, ale tiem, že jest opraveno. Jakoj' byl o sobě řekl i svatý Augustín. Neb praví svatý Augustin: « Přieliš převráceně se miluje, jenž chce, aby jiní také blúdili proto, aby jeho blud byl utajen. A čím by to lépe bylo i úžitečnějie, že, kdež on jest sblúdil, by tu jiní neblúdili, a sám jich napomenutím zbyl i svého bludu! a pakli by svého bludu nechtěl zbýti, ale as a tovařišóv nejměl by v něm ». A protož nemilujte mne viece, než obecnú pravdu křest'anské viery; anižt' razi, by sám se kto miloval viece než pravdu, by chtěl svú hrdost' tiem ukázati, že by, přečta bez rozmysla, hyzditi aneb opráveti chtěl tyto knihy tu, kdež nenie třeba, at' sebe když tehdyž nepomstí pravda. Pravda jest, že já i se vším tiem, což sem kdy psal neď psáti budu, kostelu k opravení poddávám se, ufaje tomu, že mě z milosti prvé opraví, bude-li třeba, nežli knihy. Nežt' vědě, že když svatý Pavel sbieráše dřevce na oheň, aby se rozhřéli, ješto běchu vyplúli, tápavše v moři, veliký had přichvátiv se jeho rúky, i uštnul jej, že mněchu, by on od toho mosil umřieti. A však mu jest niče ten jed neuškodil. Takéž mnozí lidé dobří sbierali rozličné písmo, a psali, aby se shřéli ti, ješto sú stydli, tápajíc v moři tohoto světa a zlý starý

had d'ábel pustil jed závisti své v jich ruku, tocíš jich účinek zlých lidí závistí leptal. Tohoj' nebyl prázden ni Jeronym, ni Augustin, ani Rehoř: a což pak já! Ano mnozí rádi by české knihy zatratili, a tož jen dobré. Oněm básniem, jimiž smilní viece se v svém smilstvě rozžehují, nic nedějí; aneb jěsto ponúkají, aby svět byl vždy milován, protiv zápovědi boží, jenž jest řekl skrze svatého Jakuba: «Ktož chce býti prřietel tohoto světa, bude boží nepřietel». A nenie-liž lépe, česky čísti dobré na hradiech, neb kdež kolivěk, a v ta doba aspoň mieti k Bohu dodrú žádost', zapomenúc zlé milosti smilné, aneb klevet na besedě, aneb svárów? Toj' dobře tu znamenáno, že když David hudl před Saulem, ano jeho trápi zlý duch, inhed mu jest odlehčil tehdy. Takéž jest mnohým lidem: donidž čtú neb poslúchají dobrého, dotud jich zmek ne tak nuzí zlú žádostí; a kdy by to, což sú čtli neb poslúchali, vždy v své mysli přemietali, jistě by d'ábla odehnali. Ano i svatý Pavel, komuž jest epistoly psal, psal jest je jich azykem: Židóm židovsky, Hřekóm hřecsky. Svatý Jeronym babám psal a vyklad pismo z neznámého jazyka; kéž jest řekl: «Sprostní tomu neurozumějí». Protož-li mostóv nedělají, žeby nemúdrý mohl upadnúti s něho? Proto-lij' Kristus nepověděl zástupóm, že chce dáti jiesti své tělo, a věda, žej'to mnohým bylo tvrdo slyšeti, ež sú od něho odstúpili? Protož nezdá mi se, by zlé bylo psáti Čechóm české knihy, jimiž by mohli mieti viery křest'anské a dobrých vášní naučenie. A protož nechžt' mě had i uštne, a já sbierám tyto třiešt'ky k dobrému ohni, abych se i s vámi shřél; ufaji v Buoh, že se zhojím, jakož sú se zhojili i jiní.

Knížky třetie. O hospodářovi, o hospodyni a o čeledi.

Hospodářóm.

Hospodář v své čeledi, leč jest chudý, leč bohatý, každý podlé svého běhu má se slunci přirovnati, podlé onoho výkladu, ještoj' Jakub vyložil sen svého syna, ještoj' slunce a měsiec a jedenádcet hvězd byl viděl, ani se modlé jemu,

řka : « Zdali já a máti jeho a jeho bratřie budem se modliti jemu? » I řkú, že jakož slunce světlo jest, a od něho měsiec i jiné hvězdy berú světlost', a vše shřievá a nečistotu blata vysušije: takéž hospodář sám najprv má světel býti dobrými skutky, a dobrým příkladem má svú čeled' osvěcovati, i dobrú radú a napomínáním: aby najprv Boha milovati a chodili ke mši a na kázanie, a střiehli se hřiechu a poslušni byli kněží, tak jakož Buoh kázal. A bude-li sám hospodař horek v božiem milování; tehdy ruče zahřeje se od něho čeled', že bude Boha milovati. A tak vidúc od hospodáře, an poslušen, což kněz přikáže: když světiti, tehdy světí; když se postiti, tehdy se postí; také bude poslúchati a též činiti, jakož vidí; a toho, což bránie kněžie na kázaní neb na zpovědi, bude se střieci, když uzří, ano se hospodář toho střeže. A tak, jakož sem řekl, bude-li hospodář horek v božiem milování, tehdy, jakož slunce vysušije blatnú nečistotu, takéž tú horkostí vysuší všicku smilnú nečistotu v svém domu. Neb když čeled', vidúc, ano hospodář miluje snažně Boha, roznietí se v té žádosti, i bude také snažně Boha milovati; lépet' se vystřeže zlého, nežli-by kto mohl je vystřieci. Má se také hospodář na to rozmysliti zvláště, kak oráč, chté svá semena v zemi uvrci, rozličně ji pósobí, kak by ji plodnú učinil, a kak by býlé, i jiné škodné kořenie v ní zahynulo, aby to siemě jeho bujnějie rostlo; pak-li bude tvrdé hrúdie, ale ztluče je. A když to oráč činí pro své siemě: čím pilnějie hospodář má snažen býti, kak by zvedl svú čeled', a najviec hospodyni? neb z nie čaká svého plemene, tociš dětí: aby tak dietky, vše dobré vidúc a vši šlechetnost' od čeledi, a najvioce od své matky, též v úmysl braly, majíc dobrý příklad a naučenie, přivykly kázni i také vší šlechetnosti. Protož každý hospodář, kakž kolivěk pro svój úřad, aby v něm Boha nerozhněval, má brániti všie necti i všeho zlého své ženě i jiné čeledi, a sám pak ovšem střeha se toho: však zvláště to má činiti pro své dietky, aby těmi vinen nebyl, a těžce před Bohem z nich neodpovieda1 i z jich také prapradětí. Neb což

dietky vidie od svých starost, leč zlé, leč dobré, přivyknúc tomu, i své děti potom vedú k témuž. Protož hospodář nic zlého nepřepúštěj v své čeledi: ani lži, ani řeči nekázané, aneb nemúdrého protiv Bohu porúhánie, ani kostek, ani svárόv, ani také pokútnieho milovánie, ani zlodějstva, ani zpravovánie. Neb kteráž kolivěk zlost' a nelepota jest v které čeledi hospodářovým obmeškáním, za všecky těžce bude odpoviedati: čím pak tieže, bude-li jeho naučením a příkladem!

Protot' jest každý hospodář pán v své čeledi, aby jí bránil nesličného. A však má se o to pokusiti najprv dobrotú; nemóž-li pojednú staviti všeho zlého obyčeje dřévnieho, ale ujímaj po málu: ale novému zlému obyčeji nikakéž vzniknúti nedaj; nemóž-lit' dobrota prospěti na nich, ale ukaž právo svého panovánie. Vzdy na to pomni, že onen kněz Eli v starém zákoně dobrý byl sám, ale synové jeho zle činili: a on řiekal jim: «Zle činíte!» ale však netresktal jich mužsky ze zlého, i zaslúžil tiem božieho hněvu, a dán na příklad všem takovým otcóm a hospodářóm, kteříž toho nejsú tbavi, což jich čeled' činí zlého protiv Bohu. Ale však má se střieci hospodář hněvu prchlavého bez úžitku; nemóž-li zbýti všie věcí hněvu, ale obměkči jej, a svým sluhám ukruten nebud' i své ženě, pomně na to, že Bóh jest jediný pán i tvój i jich. A na to se každý také rozmysl, že nesnad by každý někaké vášně nemosil mieti; a častot' bývá, že jedné vášně, a snad ne ovšem zlé, přezřieti nechtě, viece jej zkazís, aneb jinému mosíš viece přehlédati. Ano kolec často mosí přezřieti oři některé jeho vášně, aby jemu v jiném pohodlen byl. A však nemiením, by bylo přehlédati zřejmě protiv Bohu, ale s rozumem má člověk hoditi času. Svatý Jan Zlatoústy pokládá jeden příklad, že kdyby kto měl helmbrechtnú ženu, nemóž jí všeho pojednú zapovědieti, aby se jí nezpřikřilo: ale najprv těch věcí, ještot' jsú jako najhrubějšie, odmlúvaj jí. Líčí-lit' se, mluv před ní o tom, kak jest to stydká věc, tak šeředně mazati se, aneb cizie vlasy na se cpáti; a kak také často v hanbě bude proto, chtiec cest' mieti; když

to do nie uzřie múdří, za bláznici budú ji míeti; a jiné panie, ješto snad závidie, by ji chválily, pronesú ná ni, a budú jí smiech váleti; a často své vlastnie čeledi mosí se krýti, stydiec se jie v tom; chtiec také mlada se zdáti, skoro se sstará těmi ličidly. A když již toho odvedeš, ač dobrotú nemóžeš, ale nikakéž zlého, věda, nepřehlédaj. Opět po chvíli dobrotivě prav jí, kakt' jí dobře slušie počestné rúcho a pokorné; kakt' jest milejší, než když se jako bohyně přistrojí; kak se všem múdrým a počestným lidem do žen dobře to líbí, když svým rúchem neukazují lehké myslce a nečisté, aneb hrdé; kak by jí to Buoh za dobré jměl, žeby dobrý příklad dala svým súsedám, počestně chodiec, a proto v dobrém rúše, ale počestným krojem. A tak ve všech jiných věcech lépe často zpósobí hospodář po nenáhlu a dobrotivě, nežli kvapně a ukrutně. Neb tak jest soběvolně hrda člověčie mysl, že snáze dá se naraditi, než bezděky přinutkati. Protož kdež kolivěk móž hospodář, tu buď dobrotiv k své čeledi, a zvláště k své ženě. K tomu tě ponúká mnohé písmo. Svatý Petr, po Boze první pastýř, i svatý Pavel, téžměř ve všech svých epistolách velé mužóm, aby své ženy milovali a nebyli jim ukrutni. Velí pak zvláště otcóm svaty Pavel poně ve dvú epistolú, aby svých synóv nedrážďili k hněvu, aby někak nebyli protiv nim lehké myslce, a tak Boha rozhněvali, jenž jest kázal otce ctíti; ale velí, aby je vedli v kázni k dobrým obyčejóm.

Pilně také každý hospodář má se střieci, by zle sbožie nedobýval; neb toho hřiechu najnesnáze se lidé kají. Tak jest tu veliké črtovo oslepenie, žeby radějše almužny dávali na kláštery, nebo kostely stavěli, než by zle dobyté navrátili. A obak, ktož zadržé cizieho, vie-li komu, najprv navrať; pakli nevie, sobět' nemá zachovati, ani tam, kamž se jemu chce, bez rady biskupa svého: než komuž jest poručil on, má obrátiti. Ale žej' nechutno vracovati, pilné se jest toho střieci, by cizieho nezatrhal a zvláště mzdy; ktožt' co podělá, inhed mu zaplat', neprodlévaj tiem do jitra; nebt' snad

večer nemá co jiesti, ani jest prázden choditi po tom. Tomut' jest učil starý Dobeš svého syna.

6) Knihy naučení křest'anského.

(По изд. А. Вртятко. Прага, 1873).

Počínají sě knížky

o devieti staviech lidských, podobných k devieti kórôm anjelským.

Co je od boha, zřiezené jest; a což nenie v řádu jeho, zhyne. Protož činí-li kto z řádu neřád, súd boží trpěti bude. I mienímt' tuto o řádu zvláštích devieti lidských stavóv po měti řeči, ješto jsú zřiezeni v cierkvi svaté podle podobenstvie devieti andělských kóróv, ješto jsú ve třech jerarchiech tam v nebesiech. Neb tak je pán buoh podle své neobsežité múdrosti ten řád zpósobil v andělských kóřiech, že vždy nižší mají od vyších to, že nejsú nečisti a jsú osvieceni a v svém dokonání mají své svrchovánie. Ale když d'ábel, ješto je byl tak stvořen, že mohl ze všech andělóv najvyší býti, kdyby sě byl k bohu obrátil, v pýchu vstúpil, pomysliv, že by mohl býti bohu roveň, postavě svú stolici na puolnoci, totiž ve všem pravdu boře, snad to mysle, jako řiekají filozofové: quod sunt privationes, tot et habitus, a vypadl z řádu andělského, a s ním někteří z těch zlých andělóv z každého kóru, ješto v tom úmysle tomu najvyšiemu andělu povolili a k tomu přistúpili, a tak jsú i s ním v d'ably potvořeni a potvrzeni tu svú zlostí zapeklenú.
V tom podobenství nebeský buoh zřiedil trój lid zde na světě aneb, at' řku, trój stav a jedněmi pósobí druhé. A tak stav neb řád najvyší jest stav duchovních, druhý stav moci světské, a třetí lidu obecného. Kakt' sě pak těch každý opět trojí, také o tom něco uslyšíte. Stav duchovních táhne lidi z stavu moci světské i z stavu lidu obecného svým příkladem, aby boha milovali, a modlitbami ve dne i v noci

bohu vzdávaje chválu, posty, utrpením, nahrazuje obmeškánie v tom a nedostatky tú dvú stavú, totiž stavu moci světské a stavu lidu obecného, a učí i ustavenie činí těma oběma stavoma nižšíma.

Stav moci světské ustavil buoh, aby těma oběma stavoma i duchovním i lidu obecnému hledal pokoje, zlé trápě a neřádné, ješto lstí, násilím i kudyžkoli nepokoj činie a neřád, bořiece pravdu.

Stav lidu obecného má svým dielem, svú prací oba tato stavy živiti, potřeby tělesné jima a pohody dobývaje, aby i oni snáze to pósobiti, což na ně slušie. É, kakt' jest to pravě zřiedil pán buoh! Ktož ten řád boří a nenie pilen stavu svého, potkát' jej súd boží, a ktožt' v svém stavu pracuje věrně, takét' nebude bez odplaty. I diet' s. Pavel: « Každá duše mocem vyšším poddána buď'. Neniet' moc od jinud, než od boha; a co je od boha, zřiezené jest.» A nemát' nikterýž stav ze tří těchto druhú dvú vážiti lehce, nebt jsta jemu potřebna velmi. Aj, kakt' je člověku i noh třeba i rukú a hlavy ovšem; takt' jest v svaté cierkvi potřebie lidí tří stavóv těchto. I jměli by ti troji lidé tak sě spolu milovati, jakož v těle ti troji údové milují sě a jeden druhým pohodlé činí. Stav lidu obecnieho v milosti a v dobré sprostnosti v tom pracuj, což by bylo druhýma dvěma ku potřebě. Stav světské moci pilně hledaj pokoje oněma oběma, a ta oba stavy pomněta, že die Kristus: « Čiňte sobě přátely z toho sbožie, ještot' nenie pravé sbožie,» ale totiž zlý máte za sbožie, « at' vás přijmu v své schrány věčné»; když totiž v tom, v čemž je budete milovati a pomoc jim k tomu učiníte, budete podobnú k nim odplatu mieti. A také duchovní mile nahrazujte obmeškanie túto dvú stavú v duchovenství, bez nichž by nemohl trvati stav duchovní. Ačt' die písmo, že ne v samém chlebě živ jest člověk, všakt' neodmlúvá, by i tělesného chleba i jiného pohodlé nebylo třeba k životu, v němž móž duše odplaty a věčné chvály zaslúžiti, a nemóž bez něho.

Proč se lidé učie.

Stojíť lidé paterým úmyslem po učení. Jedni chtiec skrze to vidieni býti, totiž aby je lidé znali a ctili; druzí, aby věděli, totiž z všetěčnosti, že sě chce věděti; třetí, aby skrze to bohati byli, úřadóv velikých dosáhnúc; čtvrtí, aby jiné učiti mohli; pátí, aby poznajíc pravdu, milovali ji a činili, a zlého sě uměli uvarovati. Neb die svatý Augustin: «Protoť tebe hospodine nemiluji, ačť nemiluji, že tebe neznám; a málo te miluji, neb málo tě znám.» A i na však den to vidíme, čím kto dálí jest pravého světla, tebe bože! tiem viece sě tmú hřiechóv obaluje, a čím u větši jest tmě, tiem na své cestě méně osidla vidí, a proto tiem častějie padá. A to je najhoršie, nevie by padl, a tiem méně tbá vstáti, čím viece mní, by ještě stál. I jestiť hodné dobrým umělu a rozumnu býti dvěma úmysloma posledníma: aby, poznaje pravdu, miloval ji a cinil; druhé aby jí také jiné učil. Dieť žaltář: «Byl bych snad zahynul v své sprostnosti, kdyby tvóji zákon nebyl mé mysli přemietánie.» A die Daniel: Kto budú učení, budú sě stkvieti jako nebeské hvězdy u věčné věčnosti, ješto mnohé naučie spravedlnosti.» I chválímť to, ktož těma dvěma posledníma úmysloma učíe sě a čtú v písmě svatém; ale ne oním prvým: aby vidieni byli a slovútni, neb tem úmysl v hrdosti srdce rozdýmá; ani druhým: aby jen věděli, neb to jest všetečnost a marnost; ani tretím: aby skrze to bohati byli, ziskóv světských hledali, velikých úřadóv došli, toť jest věc světská jako i jiné kupectvie, a strach tu lakomstva. A pro také neřádné úmysly řekl jest Kristus: «Nerod'te býti» aneb nechtějte býti «mistři;» ne, by zle bylo, učiti sě, aby uměl znáti pravdu a držeti sě jie, aneb jsa mistrem v kázaní mohl směle a svobodně učiti pravdě; ale protoť die Křistus: «Nechtějte býti mistři,» ješto sami pro svú čest, pro své světskě zisky chtie slúti mistři, neb ti váznú v rozličná osidla, kteráž topie lidi v zatracenie. Ale kterýž z boho-

bojných, z nabožných uměnie a mistrovstvie dojde, a z těch, kteříž mají milovánie k bohu a k jeho pravdě a k svým bližním, to milovánie přivedet' k užitku to jich uměnie neb mistrovstvie; ale bez toho milovánie jednét' v chlúbu a v hrdost podnese to uměnie neb mistrovstvie.

Θома Штитный есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей XIV вѣка; по ясности ума, патріотическому образу мыслей, легкости и плавности языка его ставятъ во главѣ писателей его времени. Доселѣ найдено до 26 сочиненій Штитнаго. «*Knížky šestery o obecných věcech křesťanských*» изданы К. Эрбеномъ (Пр. 1852) къ пятистолѣтнему юбилею пражскаго университета по пергаминной рукописи 1376 г. пражской общественной библіотеки. Вртятко издалъ тотъ же трудъ Штитнаго, переработанный имъ самимъ въ концѣ своей жизни, по рукописи чешскаго музея 1450 года. Сочиненія Штитнаго посвящены исключительно христіанской философіи и нравоученію. Тогдашняя христіанская философія заключалась въ извѣстной схоластической теологіи и обычнымъ языкомъ ученыхъ «мистровъ» была латынь. Штитный отступилъ отъ обычая и въ содержаніи и въ формѣ: его философія не есть та сухая богословская казуистика, какая господствовала у школьныхъ ученыхъ напротивъ, онъ избѣгалъ безплодныхъ хитросплетеній схоластики и съ простымъ чувствомъ излагалъ свою религіозную философію, главною цѣлію которой было живое практическое поученіе, назначаемое не для ученыхъ, а для всякаго читателя. Великая заслуга Штитнаго заключается и въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ писать о серьезныхъ предметахъ на своемъ родномъ чешскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ превосходно. Какъ писатель, Штитный имѣлъ много враговъ. На него нападали за то, что онъ пишетъ о высокихъ предметахъ на простомъ чешскомъ языкѣ. Защищаясь, Штитный указываетъ на примѣръ апостола Павла, писавшаго посланія къ каждому народу на понятномъ ему языкѣ: «ano i svatý Pavel, komuž jest epistoly psal, psal jest je jich jazykem: židóm židovsky, hřekóm

hřecsky» (см. предисловіе къ соч. «Knižky šestery»). «Mudřějši rozumějí, že tak vzácen jest jemu (Богу) Čech, jako latinník», т.-е. Богу также пріятенъ чехъ, какъ и латынщикъ (второе предисловіе къ тому же сочиненію). Сочиненія Штитнаго представляютъ много указаній, рисующихъ тогдашній общественный и особенно семейный бытъ чеховъ, какъ онъ есть и каковъ долженъ быть. Эта внимательность къ современному состоянію чешскаго общества составляетъ также особенное достоинство сочиненій Штитнаго. У него много намековъ на тогдашніе нравы, безпорядки. Иногда у него тонъ мягкій, иногда же строгое обличеніе. Видно, что Чехія была полна событіями, которыя разразились потомъ реформаціей Гуса.—Указаніе изслѣдованій о Штитномъ въ Ист. Слав. Лит. II, 839. Образецъ правописанія по снимку къ изданію Эрбена, 1852:

Buoh moy przikazal my jako ykazdemu otczy abych wedl was me dyetky wgeho czestach askazal gey wā. Tot swyedczie stareho zakona knyhy. Protoz tyem my gest chutngegye bylo psaty wam tyto knyhy aby czoz nynye snad proswu mladost nemozcte rozumyety any sdrzety wpamyety czoz bych wam prawyl potom kdyzt snad vmru aby cztly wnych, aporozumyewagycz szot myenye Atake aby mohli ssebu vzyteczuye pomluwaty otom czoz kspaseny slussie aneb ystyemy skym se budete obyeraty. aby mohlo kratyty chwily cztuez wnych, azwlastye wswatky doma wewsy kdez any kazanye bywa any nesspora.

6. Древне-чешскія записи.

(Wýbor z liter. české, I).

а) Жалованная запись Яна изъ Вартенберга Герману изъ Ральска, отъ 8 декабря 1380 года.

My Jan z Wartenberka, swrchní podčiešie králewstvie Českého, wyznawámy všem, ktož tento list čísti budú nebo uslyšie, že uznamenawše snažnú službu našeho wěrného služebníka Heřmana z Ralska, ježto jeho předci našim předkóm zaslú-

žili, a on nám zaslúžil a ješče zaslúžiti móž: protož my s dobrým rozmyslem, z dobré wóle a s dobrú radú dáwámy jemu dřieweřečenému Heřmanowi wes tak řečenú Medny až do jeho žiwota anebo do jeho smrti se wšemi póžitký, sé wšemi práwy, sé wší wolí, jakož pan Fřidman ňekdy řečený ot nas držal, w manstwí, ježto jest k nąm spadlo spravedliwú otúmrtí; ale toto wynímajíc: lesy, ješto tu jsú, aby s nimi nic nejmĕl činiti: a také kdyžby byla bernĕ králewa, aby ji dal k našemu úkolu nebo do našie komory. A také jemu dáwámy dřieweřečenému Heřmanowi z wláščie milosti: ačby nás bóh neuchowal, jehož bože nedaj, dřiewe nežli jeho, aby wšie služby prázden byl s tohoto i s onoho, ježto w Ralscĕ drži k naprawĕ ot nás. Kterémuž swĕdectwí a k wetčiemu ujisčení naši pečet smy přiwĕsili. Dáno léta ot narození syna božieho po tisíci po třech stech osmdesátého, ten den w sobotu na početie swaté králewny matky božie.

Этою записью Янъ изъ Вартенберга жалуетъ Герману изъ Ральска селеніе «Medny» въ пожизненное владѣніе. Подлинникъ хранится въ чешскомъ музеѣ; въ «Выборѣ» напечатана на стр. 1007—1009. Это—древнѣйшій дѣловой документъ, писанный чешскимъ языкомъ. Дипломатическимъ и дѣловымъ языкомъ у Чеховъ вплоть до правленія короля Вацлава IV (1378—1409) былъ языкъ латинскій. Во все время правленія Карла IV (1346—1378) латинскій языкъ господствовалъ какъ въ основанномъ имъ Пражскомъ университетѣ, такъ равно въ управленіи земскомъ, въ такъ называемыхъ земскихъ таблицахъ, чешскихъ и моравскихъ и въ оломуцкихъ ленныхъ записяхъ, а равно и изъ канцеляріи королевской и маркграфской исходили только латинскіе и нѣмецкіе документы. Только при королѣ Вацлавѣ IV чешскій языкъ получилъ, хотя отчасти, принадлежащія ему права гражданства и сталъ языкомъ дипломатическимъ и дѣловымъ наряду съ языками латинскимъ и нѣмецкимъ. Сначала выдавали на чешскомъ языкѣ записи и разные документы нѣкоторые паны чешскіе и моравскіе, затѣмъ общества городскія и, наконецъ, канцелярія коро-

левская въ Прагѣ и маркграфская въ Брюнѣ. (Šembera, A. Dějiny řeči a lit. československ. 1859, 76). Приводимъ для образца правописанія отрывокъ изъ этого древнѣйшаго чешскаго дѣловаго документа (по изд. Шемберы въ Ист. чеш. литер., стр. 170):

My Jan zWartemberka Swrchny podczyessye kralewstwye czeského. Wyznawamy wsyem ktoz tento. lyst czysty budu nebo vslyssye ze vznamenawse snaznu sluzbu nasseo wyerneho sluzebnyka Herzmana zralska Gesto geho przyedczy nassym przyedkom zasluzyly A on nam zasluzyl a gescze zasluzytý moz Protoz my sdobrym rosmuslem zdobre wole a s dobru radu Dawamy gemu drzyewe rzeczenemu herzmanowy. wess tak rzeczenu Medný. az dogeho zywota anébo do geho smrtý Sewsyemy pozytky Sewsyemy prawy Sewsy woly Jakoz Pan ffrydman nyekdy rzeczeny ot nass drzal wmanstwy Gesto gest knam spadlo sprawedlywu otvmrty...

б) Запись Зденка изъ Штернберга и Лукова, отъ 18 августа 1386 года.

Já Zdeněk z Šternberka řečený z Lukowa, wyznáwám tiemto listem wšem, ktož jej uzřie nebo slyšeti budú: že urozený Sezema z U'stie z jedné strany, a Jindřich a Wáclaw bratřie z Radhostowic s druhé strany, měli sú při mezi suobú o to zbožie Hobzie, a o ten list, ježto jej ti bratřie jmají ot Sazemy dřiewe řečeného; a s tú jistú při byli sú mocné přišli před wysokorozené knieže pana Jošta markrabi Morawského, i podwolili sú sie mocně suobú stranú. Tu pak dálé markrabě Jošt podal toho na panský nález pánów Morawskych. A ti jistí páni, slyšewše při tu, to jest list těch bratří, i odpowěd proti tomu Sezeminu z U'stie, jenž sie léty bránil: ale ti jistí bratřie ukázali přede pány, že sú upomanuli, nepropustiwše let. Tu sú páni nalezli, aby Sezema z U'stie to zbožie Hobzie, i to což k tomu prislušie, otwadil inhed ot židów; a k tomu sú přistúpili suobú stranú před markrabí i před pány. Ale potom nálezu Sezema z U'stie byl prosil markrabie, aby žida nedal zwésti na to zbožie až do swatého Hawla, a chtě w tom času otwaditi. A toho sě já pamatuji,

a tento list dáwám na swědomie toho prawého nálezu, jakož sě jest dálo před markrabí i před pány, jež sú těm bratři podlé jich prawdy tu při přisúdili, a Sazemě otsúdili. Dan jest list tento w Brně, tu sobotu mezi ochtaby swaté Králowny welike, Anno domini LXXX sexto.

Въ этой записи Зденекъ изъ Штернберга и Лукова свидѣтельствуетъ о рѣшеніи, которое состоялось на панскомъ судѣ въ Моравіи между паномъ Сезимою и братьями изъ Радгостовицъ. Напечатана въ «Выборѣ» (стр. 1014—1015) и еще раньше въ «Архивѣ чешскомъ» Фр. Палацкаго (I, Пр. 1840). Въ этомъ изданіи (Archiv Český, I—V, 1840—1846, 1862—1864) Палацкій собралъ почти всѣ древнѣйшія чешскія записи и разнаго рода документы. Въ «Выборѣ» напечатано всего 23 такихъ дѣловыхъ бумагъ.

Б) ОБРАЗЦЫ ЯЗЫКА ИЗЪ ПАМЯТНИКОВЪ ЧЕШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ОТЪ НАЧАЛА XV ВѢКА ДО 1620 ГОДА.

1. Jan Hus (1369 + 6 іюля 1415).

a) Postilla.

(По изд. К. Эрбена: Mistra Jana Husi sebrané spisy české, II, Pr. 1866).

Milosrdný spasitel, pán všemohúcí, syn boží, Ježíš Kristus, pravý bóh a pravý člověk, přišel jest na svět, aby svědectvie pravdě vydal, o nebeském králevství kázal, ovcě zahynulé shledal, a cěstu jim slovem i skutkem k věčné radosti ukázal, v tom plně vóli otcě svého, pána boha. Milostivý spasitel v pokoře a v tichosti i v chudobě, jsa zavržený od pyšných lidí a od chytrcóv tohoto světa, a zvláště od biskupóv, od mistróv, od kněží a od zákonníkóv, jenž su mu sě vždy protivili, pracoval jest s lidem v kázaní až do smrti; a to jest učinil z velikého slitovánie. Protož píše svatý Mat. v 9 kap. řka: Vida Ježíš zástupy, slitoval sě nad nimi, neb sú byli trápeni, a leželi sú jako ovcě, nemajíce pastýřé. Protož řekl jest učedlnikóm svým: Jistě žeň mnohá jest, ale dělníci nemnozí; protož proste pána

žni, at' pošle dělníky na žeň svú. To jest: mnozí jsú lidé, jenž by rádi slovo božie slyšeli, a tak jako pšenicě v stodolu královstvie Kristova sě hodili; ale nemnozí sú dělníci, to věz, že málo jest věrných kazatelóv, kteří z lásky pro chválu boží, pro lidské a pro své spasenie pracují s lidem božím. Protož die spasitel: Proste pána žni, to jest boha, jenž jest pán všeho světa, at' pošle žencě věrné na žeň svú. To slovo S. Řehoř váží «žeň mnohá a pracovníci nemnozí», řka: Toho bez těžké truchlosti mluviti nemóžeme, neb ač jsú ti, kteříž by rádi dobré věci slyšěli, ale nejsú ti, kteří by pravili. Aj svět kněžími jest naplněn, a však ve žni boží velmě řiedký pracovník bývá nalezen; neb úřad kněžský přijimáme, ale skutku úřada neplníme. Ale važte, bratřie moji! važte, co die pán: Proste pána žni, at' pošle dělníky na žeň svú! Vy za nás proste, abychom užitečné věci vám připraviti mohli, aby jazyk od napomínánie neustal; a poňavadž miesto kázanie sme přijeli, aby před spravedlivým súdcí nás našě mlčenie neodsúdilo. To S. Řehoř. Jehož řeč, ale prvé svého spasitele, já váže, abych ovšem kněžského úřadu neopustil, času nezmařil, umienil sem pro chválu boží, pro spasenie Čechóv věrných, kteříž žádají vóli boží poznati a plniti, čtenie nedělnie všecka kratičce s boží pomocí vyložiti, žádaje, aby ti, kteříž budú čísti neb slyšeti, byli spaseni, napřěd sě hřiechóv varovali, boha nade všechny věci milovali, spolu milost držěli, v ctnostech prospievali, a za mě hřiešného pána boha poprosili.

A že nemají obecně česky psaných, a výklad netak sě brzy přijme bez založenie, protož chci vždy prvě čtenie položiti a potom výklad, aby našeho spasitele slovo vždy najviece vznělo, a tak věrným bylo k spasení oznámeno; neb ktož je v milosti do smrti slyšie, ti budú spaseni a zde jsú blaženi, jakož die sám spasitel: Blažení ti, kteříž slyšie slovo božie a ostřiehají ho. To vážiece, máme pilně, mile, statečně a vesele slova našeho miłostivého spasitele poslúchati, jiným je praviti a kázati; pilně k rozumu přivoditi, a vedlé jiného písma druhé vykládati, jakož světí božím darem vykládají.

I mámt' úmysl, abych, což mohu, najlehčejie vyložil k rozumu čtenie, ač ne ovšem týmž obyčejem, jako káži. — —

Neděle čtvrtá u puostě.
S. Jan v 6 kapitole.

V ten čas odšel jest Ježíš přes moře Galilejeské, jenž jest Tiberiadské, a šlo jest po něm množstvie veliké; neb sú viděli divy, které jest činil nad těmi, kteříž sú nemocni byli. Tehdy všel jest na horu Ježíš, a tu sedieše s učedlníky svými. A bieše velmě blízký beránka den slavný židóv. A když povzdviže oči Ježíš, a uzřě, že množstvie velmě veliké jde k němu, die k Filipovi: Odkud kúpíme chleby, aby jedli tito? Ale to jest řekl, pokúšeje ho; neb on věděl jest, co by měl činiti. Odpovědě jemu Filip: Dvú stú peněz chlebové nestatčie jim, aby každý malíčko co vzal. Die jemu jeden z učedlníkóv jeho, Ondřej, bratr Šimonóv Petróv: Jest dietě jedno zde, jenž má pět chlebóv ječných a dvě rybě; ale teď co jsú mezi tak mnohé? Tehdy vece Ježíš: Kažte lidem siesti. A bieše sěno mnohé na miestě, i šedli sú mužie v počtu jednak pět tisícóv. I vzal jest Ježíš chleby, a když dieky učini, rozdělil jest sedícím, též i z ryb, kterak sú mnoho chtěli. A když sú plni byli, řekl jest učedlníkóm svým: Sbeřte ty, kteříž sú zóstali, úlomky, ať nezhynú. Tehdy sebrali sú a naplnili sú dvanadct košóv úlomkóv z pěti chlebóv ječných a ze dvú rybú, jenž sú zostali těm, kteříž sú jedli. Tehdy ti lidé, když sú uzřěli div, který jest učinil, řekli sú, že tento jest jistě prorok, jenž přijíti má na svět.

Svatého čtenie rozum jest dosti zjevný, ač mnoho spasitel móž dáti svým věrným vtipóv u něho, jimiž by mohli duši své utěšenie naleznúti. A že toto svaté čtenie jest o nasycení Kristovu, protož ač sě jako dnes nestalo, ale že znamená nasycenie duchovnie, jímž sytí Kristus své věrné: protož dnes pro utěšenie pravých a nábožných kajících božím zpósobem jest položeno. Neb od počátka postu vždy jsú epištoly a čtenie, jenž napomínají ku pokání. A že již kající mají někaké v duchu utěšenie mieti, protož mše vesele sě i slo-

vem i notú neb zpěvem počíná; neb die knéz: Raduj sě, Jeruzaléme! to jest, ty duše, jenž čakáš radosti nebeského Jeruzaléma; neb raduj sě, Jeruzaléme! to jest, ty sboře křěstanský, jenž již hřiechóv pozbyv, máš chlebem od Krista, to věz, jeho svatým tělem krmen a nasycen býti. O kterémžto nasycení v podobenství die sě na mši: Raduj sě, aby veseli byli a nasyceni od prsí utěšenie jejie! Tolik sě Jeruzaléme! a sejděte sě všickni, kteříž milujete ji, to věz cierkev svatú; radujte sě s veselím, kteříž ste zamúceni byli, aby veseli byli a nasyceni od prsí utěšenie jejie! Tolik sě miení, aby sě radovala cierkev svatá, jenž jest sbor věrných synóv božích, a jenž znamená sě skrze Jeruzalém. Druhé, aby sě všickni sešli a družbili v lásce, kteříž milují cierkev svatú, aby ti také byli veseli v duchu, byvše zamúceni pro své hřiechy, neb budú nasyceni od prsí neb od cecíkóv cierkvi svaté: jeden cecík jest milost' božie zde, již skrze cierkev svatú krmí své syny mlazšie; druhý cecík jest radost' v nebesiech, již krmí syny staršie, a bude potom krmiti všechny spolu.

Protož věrní kající synové boží mají dnes veseli býti v duchu a sníti sě v hromadu láskú, náboženstvím a těla božieho přijímáním. Neb tak sě vesele zpievá na mši: Sejděte sě všickni, kteříž milujete ji, to věz cierkev svatú, a radujte sě s veselím, kteříž ste v zamúcení byli, aby již byli veseli a nasyceni, nynie u milosti a potom v radosti. Kterého nasycenie abychom byli hodni, Kristovo nasycenie milostivě znamenajme. Aj die svaté čtenie: «Odšel jest Ježíš přěs moře Galilejské», té vlasti Galileje, «jenž jest Tiberiadské», to jest, toho města Tiberias, kteréžto jest na tom moři od Eroda ustaveno ke cti ciesaře, jenž jest slul Tiberius. Přěs to moře odšel jest Ježíš, slyše, že Jan krstitel sť'at, aby nebyl příčina k popuzení zlosti Eroda. Proto jest odšel Ježíš; také aby dal příklad svým potom budúcím k prospěšnému ustúpení.—

Ale ještě móž býti otázka: kterak jest to, že pro bázěň nepřátel nepřišel jest Ježíš k hodu beránka do Jeruzaléma poňavadž Ján krstitel bez strachu tresktal jest Eroda krále až do smrti? Tu móž býti dána troje příčina: prvá aby věda

vóli boží, že má vedlé jeho uloženie (na) smrť jíti k prospěchu lidského spasenie, svú vóli sjednal s boží vólí; druhé, aby moc svú ukázal, ucházěje smrti proti vóli nepřátel, aby věděli jeho moc, že na jeho vóli bylo, kdy a kterak chtěl jest umřieti; třětie, aby dal příklad svým potom budúcím, kdy mají opatrně ujíti před svými nepřátely. Aniž měj pochybenie, byť Kristus nebyl smělejší, než svatý Jan krstitel, i ve všech ctnostech dóstojnější, ač jest Kristus přěsáhl jest Jana, že sě postil čtyrydcieti dní a čtyrydcieti nocí na púšti, a Jan nic. A též i o jiných ctnostech, jimiž jest Jana přěsáhl, i smělosti řádné, že tresktal jest kněží, ani sě kamenie chápají, a to častokrát; a když sú jiní utekli, on sám ostav, ještě sám sě jim zjevil a tresktal je, že to činie mocí temnosti, řka: Tať jest moc temnosti, to věz, od ďábla v vašem srdci položená, aby zlú žadostí mě na smrť dali.

Ale ještě jest otázka, kterak Kristus jest vymluven, že vedlé zákona pro bázeň nebyl jest na hodu beránka? Tu jest odpověď, že ti, kteříž sú měli úhlavnú nepřiezeň, byli sú vymluveni před bohem od nestánie. A týmž obyčejem, ufám bohu, jsem vymluven, že sem nestál v Římě, pohnán jsa, před papežem: prvé proto, že sem své poručníky za tři léta postavil, a těm nikdy nebylo dáno slyšenie; a ti byli sú jímáni i vézeni, proto že sú pravdy žádali. Druhé, že dále jest z Prahy do Říma, než od zámořie Tiberiadského do Jeruzaléma, do něhož z Jeruzaléma byl jest odšel Kristus. Třětie, že nenie v zákoně božiem přikázáno, aby tak daleko do Říma lidi darmo pohonili. Čtvrté, že málo jest u dvora papežova božie pravdy, již by vedli vedlé zákona božieho. Páté, že bych zmeškal lid v slovu božiem, a sám na cestě co bych dobrého mohl činiti? a ač bych k dvoru přišel, kteté bych svatosti u něho nabyl? jedné sváróv, a chtěl-li bych svatokupčiti. Šesté, že bych mnoho almužny darmo utratil, nabera na lidech. Sedmé, že přě, kterúž já vedu, jest proti papežovým obyčejóm a proti jeho moci, ne od boha pojčené, ale od ďábla vymyšlené; neb papež Alexander pátý vydal jest bulu na penězích, v níž jest zapoviedal,

aby nikdež v kaplách nebylo kázáno slovo božie lidu, ač sú na to ustaveny a od papežóv stvrzeny. A také stálo v té bule, aby nikdiež jinde nebylo kázáno, jedne u far a v klášteřiech. A té buly dobyl jest dobré paměti kněz Sbyněk, arcibiskup Pražský s jinými preláty. A mnich Jaroslav, planý biskup, ten v poselství jezdil o tu bulu, v níž jest také stálo, že v královstvi Českém v Praze, a v markrabství Moravském mnohých srdce jsú kacieřstvim tak velice zprzněna, že potřěbie jest přizřenie a tresktánie. A tak ta bula ukazuje, že sú proti zákonu božiemu i papež i kněz Sbyněk učinili; papež vydávaje a Sbyněk dobývaje, aby slovo božie nebylo kázáno svobodně, proti čteni i proti skutkóm spasitele Jezu Krista, jenž jest přikázal učedlníkóm, aby šli po všem světě, kažíce čtenie každému stvoření. A oni sú kázali všudy, tak die S. Marek v 16 k., vsůdy, to věz, kdež kolivěk byl jest lid zpósoben, aby slyšal. A spasitel náš v dnešniem čtení kázal na púšti, a jindy na moři stoje na lodí, a v ulicech, a po městečkách bez kostelóv, a po vsech; a řekl učedlníkóm svým, aby kázali i po střěchách, a sluhy své, aby volali k večeři věčne, poslal i mezi ploty i v rozcestie: kterakž tehdy ta bula s písmem a skutky Kristovými se sjednává? Nikoli; protož od té odvolal sem sě prvé ku papeži, a že též i tohoto papeže sě dotýká, protož pravda miesta nemá. A tak druhý kus buly móž býti práv v tom, že mnohých srdce kacieřstvím jsú zprzněna v Praze, na těch, jenž sú buly proti písmu a proti spasení lidskému dobývali a k ní přivolili.

I co dobrého sú žádali v tom, aby slovo božie v kaplách nebylo kázáno, ani kde jinde, jedné u far a v klášteřiech? Jistě v tom jest závisť, lakomstvie, zlosť protivná slovu božiemu, a úmysl, aby kapla Betlém byla slova božieho zbavena. Jiní arcibiskupové stavěli kaply, aby v nich kázali, a kněz Jan, arcibiskup Pražský, ten svú rukú založil jest tu kaplu Betlém a stvrdil: a pak nebožčik Sbyněk, jsa naveden od kanovníkóv a od faráŕóv Pražských i od mnichóv, jenž sú sě o Betlém smieřili s farářì, chtél jest tu kaplu v slovu boziem zkaziti, a tak mně kázanie úplně odjieti! neb

sú tak byli uložili, kdybych již vedlé přikázanie papežova v kaple nekázał, a jinde miesta nenie kromě far a klášteróv, jakož velí papež; a oni faráři i mnišie tak sú sě svolili, aby mne nedopustili. Protož poznav to take, proti prikázaní nehodnému a proti jich chytré zlosti, vzem milosrdného spasitele na pomoc, postavil sem sě. A konečně nestál sem u dvora papežova proto, abych darmo života neztratil; neb všudy nepřátel jest plno, i Čechóv i Němcóv, jenž mé smrti hledají: nepřietel papež súdcě, nepřietelé i kardinálové, jakož sem shledal v jich listech, ani mé píší kacieřem, nikdy neslyševše, ani vídavše; neb i papeže i kardinálóv dotýká se, když sě káže proti pýše, proti lakomství a zvlaště proti svatokupectví; protož stala by mi sě pravda, jako Ježíšovi. A zvlástě, žé sem shledał svědky křivé a jich svědectvie, jenž sú na mě svědčili v Praže, svědectvie do Řima poslali; mezi kterými svědky jeden svědči, že bych kázal, že když knéz mši slúží, že tu nenie tělo božie. Druhý svědči, že když kněz, jsa v hřieše smrtedlném, mši slúži, že požehná chleba, ale nebude tělo božie. Třětí svědčí, že sem kázal, že baba jest dóstojnějšie ve všem než papež; a jiných kusóv mnoho křivě mi přikládají. A na listech, jež na mě vydal kardinál, súdcě najprvnějši, již mě pokládá svódcí lida, nalezačem bludóv; a v žalobě od kněze Sbyňka, Michal farář z Nového města od svatého Vojtěcha pokládá, že všichni věrni křesťané mají mě za kacieře, kteřiž jsú v Českém království, a že každý den u Betlémě bludy a kacieřstvie kaži, a že jsem knieže kacieřske a hlava kacieřóv. Ale to mi, ufám milému Krištovi, neškodí, aniž mne to mútí; neb viem, že sú jeho svaté milosti kněžie též učinili, a konečně ohavnú smrtí a ukrutnú umořili; jehož svaté milosti poručil sem svú při, aby ji dokonal, jakž ráčí, buď to i mým od lidí potupením i smrtí, a od sve pravdy aby mi nedal odpadnúti.

Ale ještě řiekají: Kéž dostojí smrti a jde do Říma, jako Kristus šel do Jeruzaléma. Odpoviem: Bych věděl, že jest božie vóle, abych v Říme umřěl, tehdy bych šel; a bych

věděl, že bych někaký prospěch učinil, jako jest **Kristus** lidu potom budúciemu i před sebú svatým učinil: **ač jest** neprospěl k spasení biskupóm, mistróm, kněžím a zákonníkóm, jenž sú ho z závisti, a proto, že jich hřiechy tresktal a lidu oznamoval, jako svódci a kacieřě ukrutnú a ohavnú smrtí zamordovali. Nechť pošlí po mě biskupové a kněžie od najvyššieho biskupa, jako sú poslali po Ježiše. Byli sú počeli Němci, když sú v oděni s samoštřiely, a sudlicemi a s meči přiběhli na Betlém, a já káži, jihž póvod byl jest Bernard Chotek: ale pán bóh zmátl jim cěstu, že sú nevěděli, co mají činiti, jakož to jest mnohým lidem známo; nevhod přišli. Byli sú také na pána Ježíše biskupové poslali, an káže; ale že hodina ještě byla nepřišla, protož sluhy biskupóv radějše sú ho poslúchali, než jímali: též ještě nepřišla mě smrti hodina, i nechali sú mne až do božie vóle. Potom sú Němci, radu vzemše, chtěli Betlém obořiti, svolivše še na radnici, neb po německu na rathauzě; a od ních mluvil Čech Holubář k Čechóm, chtie-li k tomu přivoliti, jako sú Němci přivolili, aby Betlém byl zbořen? Tu věrní Čechové, poznavše, že to jest proti bohu a proti jeho slovu, proti spasení lidskému, a že to jest Čechóm na hanbu, a že té moci nemají, aby v takém městě chrám boží úžitečný obořili, nechtěli sú přivoliti. Patři smělosti německé: nesměli by súsědu obořiti peci aneb chlévcě bez královy vóle, a pak směli sú sě pokusiti o chrám boží! Ale nedal jim v tom pán bóh moci, aby lechčejie sě pokáli, a potom sě tak lehce bořenie chrámu jeho nechápali.

Totoť sem psal potomním na výstrahu: dobrým, aby o pravdu směle stáli, a slepým v pravdě, aby sě téhož varovali, a těm, kteříž nevědie mé pře a utrhají, aby poznajíce pravdu, utrháním nehřešili. — —

Aby, ktož budeš čísti, rozuměl mé české řeči, věz, žeť sem psal tak, jakož obyčejně mluvím; neb v jednom kraji Čechové jinak mluvie, a v jiném jinak. U příkladě: já píši: nižádný nevie, a jiní řiekají: žádný nevie; opět já diem: musiem učiniti, a jiní řkú: musím; opět já diem: tělestný,

zjeviti; já: popad ho, a jiní: popad jej; já diem: bychme byli dobři; a jiní: bychom byli dobři. A jest jiných drahně proměn. Protož prosím každého, ktož bude psáti, aby jinak nepsal, než jakož sem já psal; než chybil-li sem kde čteny, neb sřeku, neb slovce opustil, za to prosím, aby opravil, jest-li jist plně, aby mi pravého úmysla nepřevrátil; neb viem, že mnozí, mnějíce by lépe rozuměli, což dobře jest psáno, shlazují, a zle napisují. A na ty sě velmě hněval svatý Jeronym, neb sú jemu to činili.

б) O poznání cěsty pravé k spasení.

(По изд. К. Эрбена, III, 1868.).

Slyš, dcerko! a viz a přichyl ucho své: slyš uchem, viz rozumem a přichyl volí ucho své pilně, aby slyšiec rozuměla, rozumějic toho, co bude psáno, pilna byla, a jsúc pilna, aby naplnila, naplniec odplatu věčnú vzala, a s chotem svým Ježíšem, pravým bohem a pravým člověkem, přěbývala, jenž jest panenstvie zvelebil nad jiné stavy, ráčiv sě z čisté panny uroditi a panicem čistým býti, aby nám i panicstva i panenstvie potvrdil a nad jiné ztavy zvelebil a povýšil. To slyš, dcerko! jenž si jemu panenstvie zaslíbila: slyš, dcerko! a přichyl ucho své a viz, žet' chci, aby poznala sě, vedúc k komu jsi podobná stvořena; druhé, aby poznala své svědomie; třětie, aby poznala nynějšieho života biedu; čtvrté, aby poznala zdejšieho přiebytka pokušenie; páté, aby poznala tři nepřietele; šesté, aby právě sě kála; sedmé, aby dóstojenstvie duše vážila; osmé, aby k buduciemu súdu pilne hleděla; deváté, aby život věčny vážila; desáté, aby pána boha nade všechny věci najviece milovala. A v tom toto písemce konečně chci zavřieti.

Kapitula prvnie.

Slyš, dcerko! a viz, a přichyl ucho své, žet' sem řekl najprvé, aby sě poznala, vědúc k komu jsi podobná stvo-

řena. Nebuď jako ti, jenž mnohé věci umějí, a sami sebe neznají; na jiné lidi hledie, a sami na sě nepomnie. Ty od sebe počni, aby snad sebe neznajíc, jiné věci daremnie chtěla znáti. Ty poznaj sě, neb čím viece sě poznáš, tiem viece boha poznáš; a čím viece boha poznáš, tiem viece k němu přistúpíš, a viece milovati budeš; a čím viece milovati ho budeš, tiem viece on tě zasě bude milovati. Slyšiž, dcerko! viz, a přichyl ucho své, a poznaj sě, že jsi člověk, a tak že máš tělo a duši. Tělo slove člověk zevnitřní, duše člověk vnitřní; tělo tiehne k hřiechu, a dušě k ctnosti. Dušě má tři věci v sobě, jimiž na boha pomní, jeho zná a žádá: prvá věc paměť, druhá rozum, třetie vóle: pamětí na boha vzpomíná, rozumem k němu hledí, a volí sě ho drží neb chápá. Když ty tři věci v duši své poznáš, tehdy shledáš, že's jiná stvorenie nerozumná přěsáhla a k bohu duší podobná jsi stvořna, tak že jakož bóh jeden duch jest tři osoby, to věz otec, syn, svatý duch, tak duše tvá jest jeden duch, a tři tyto věci: paměť, rozum a vóle; a jakož otec nenie syn, ani duch svatý, též rozum nenie paměť, ani vóle; a tak jakož syn, ani duch svatý nic nevolí, než což otec volí, též tva paměť a vóle nic nemá přijieti, než což rozum ukáže. A když sě ty tři věci v duši tak sjednají, ehdy držie v ní obraz a podobenstvie svaté Trojice, jenž jest tě podobnu k sobě stvořila, a to mocně, múdře a dobrovolně. Pomniž na moc otcě boha, jemuž zvláště přislušie pro lidi moc, aby nemněli, by proto, že jest otcem, byl ne tak mocný, jako syn; pomni na múdrosť syna božieho, temuž přislušie zvláště múdrosť, aby nemněli lidé, by proto, že jest synem, nebyl tak múdrý, jako otec; pomni na dobrovolnosť ducha svatého, jemuž zvláště přislušie dobrovolnosť, neb dobrotivosť, aby nemněli lidé, proto že jest duchem, by nebyl tak milostivý, jako otec a syn. A z toho zbéřeš, že rovné jsú tři osoby v božství, v moci, v múdrosti i v dobrotě. A ty tři osoby stvořily sú každé stvořenie, a zvláště člověka učinily k sobě podobného; a dal mu otec moc, aby mocně stal proti zlosti, a syn múdrosť, aby uměl

sě vystřieci od zlosti, a duch svatý vóli svobodnú, aby nevolil zlosti. A když ty tři věci člověk zachová, tak sě znaje, tehdy drží obraz a podobenstvie svaté Trojice, k níž jest vnitřním člověkem, mezi všemi věcmi stvořenými, najviece podoben; a v tom člověku vnitřniem Trojice svatá přěbývá milostí, když pamětí, rozumem a volí najviece po ní tiehne. Protož ty pomni, že tě bóh stvořil k sobě podobnu, rozuměj, že on jest všeho světa stvořitel, a tak šejemu samému klaněj, a žet' on jest najlepšie dobré, protož jeho najviece miluj. Když na boha vzpomeneš, nepojdeš daleko, v sobě ho nalezneš, a v něm sě pokocháš, jakož on ráčí pojčiti, a srozumieš, že bóh v šobě jest neosažený rozumem, neb on jest prvý i poslední, počatek i konec všech věcí: počatek nepočatý, ale od něhož sě vsěhny jiné věci počinají; a konec neskonalý, ale v němž sě všechny jiné věci konají. A tiem srozumiěs, že nenie rozumem osažený, že on všechny věci osáhá a osáhl jest, a jeho nižádná, neb on jest nesmierný. Pomni také, že on, jsa věčný, stvořil jest angely i jiné věci; a tak v angeléch jest žádúcí, neb oni žádostivě v něho rozumem hledie; v svatých jest utěšený, neb oni ustavičně v něm sě radují; v stvořených věcech jest divný, neb všecky věci stvořil jest, a činí mocně a zpravuje múdřě, a rozdává všěm věcem potřěbu milostivě; v lidech jest milovný, neb jest jich bóh, a oni jsú jeho lid, on v nich přěbyva jako v chrámu, a oni jsu jeho lid, on v nich přěbývá jako v chrámu, a oni jsú jeho chrám. Nižádným nepohrzie, neb ktož kolivěk ho v paměti má, kto ho zná rozumem a miluje, s tiem jest milostí; a má ho každý milovati, neb on prvé miluje nás, a učinil jest každého k sobě podobného. On svatý, proto že znaje všecky věci; nemóž býti hřiechem zprzněný, a činí lidi svaté, že dal jest jim rozum, a pak zachovává je od zlosti konečně. A tak slove člověk svatý neb angel svatý, když maje rozum od boha daný, zachovává sě od zlosti, a zvláště od přivolenie k hřiechu. Protož ty poznajíci sě, že's tak od boha svatého stvořena, buď svata, nebt' on toho žádá, řka: Světí buďte, nebt' já svatý

jsem pán bóh váš! buď svata: zachovaj sě od smrtedlného hřiecha, a od všednieho, jakož dále móžeš, a bude v tobě a s tebú bóh přěbývati. Znamenaj, kterak slavné stvořenie jsi, k bohu podobné, jemu velmě milé. Patři, aby nic zlého s přivolením v srdce nevpustila s libostí; patři co vypustíš z úst v řěči, aby nebylo nic marného. Každý den znamenaj pilně, kterak'-s podobna k bohu, aby podobenstvie nezšeřadila hřiechem smrtedlným: Viz prospěch svój v dobrém, a raduj se; spatři nedostatek, a pokoř sě. Pomni, co jsi, odkud jsi, a kam pojdeš: co? že božie, rozumné, slavné a krásné v duši stvořenie; otkud jsi? že od boha pošlý; a kám pojdeš; že k bohu v radosť věčnú, ač jeho obrazu konečně hřiechem neposkvrníš. Pomni, že učinil tě bóh věčnu, a v tobě chce věčně prěbývati: věčnu, to věz, nezhynulú, neb na věky nezhyneš; a aby nezhynúc byla v radosti věčně, dal jest bóh otec syna jediného, boha pravého, sobě rovného, a on syn dal sě sám za tě na smrť ohavnú a velmi ukrutnú, aby nezahynula na věky: on najlepší, najkrašší, najmúdřejší, najbohatější a tak najoslavnéjší! Protož to pomni, a poznaj sě v duši, zda'-s ho kdy rozhněvala, a pokoř sě, a pros milosti u něho; a on tobě buď choť najmilejší, jemuž jsi svú vieru slíbila: tu drž, tě jinam neobracuj, k němu naději tiehni, žeť jest odpustil; co's provinila, že tě od hřiechu smrtedlného zachová, ruky, to věz, moci své od tebe neodtrhne, a po smrti v život věčný přijme. Tak sě poznaj, že jsi podobna k bohu, aby pamatovala, boha znala a milovala, a tak s ním zde v milosti ustavičně prěbývala.

в) O Svatokupectví.

(По изд. К. Эрбена, I, 1865).

Svatokupectví, jakož slovo to vzní, jest svaté věci kupování. A že kupec slove i ten, jenž kupuje, i ten, jenž prodává; protož také svatokupec slove ten, jenž svatú vécku prodává, i ten, jenž kupuje. A tak svatokupectví slove svaté

věci kupování i prodávání. A že muož býti dobré kúpení i prodávání svaté věci, neb muož člověk sobě kúpiti královstvi nebeské; protož nekaždé kúpení neb prodávání jest svatokupectví. Protož řečeno jest napřed, že svatokupectví jest zlé přivolení k změnění duchovní věci za neduchovní. A že muož člověk kúpiti dobře kralovství nebeské, jenž jest blahoslavenstvie, dí pán buoh skrze Izaiáše proroka: Pod'te a kupujte bez střiebra! A spasitel dí, že podobno jest království nebeské člověku kupci, jenž hledá dobrých perel, a když nalezne jednu drahú perlu, jda prodá všecky věci, kteřéž má, i kúpí ji. A tak sluší člověku kúpiti svatú věc, neb nebude míti radosti nebeské, nekupí-li jie. Též také muož kazatel neb mistr pilně proměniti učení za potřebu tělesnú; neb dí S. Pavel: Poněvadž my vám dáváme duchovní věci, neveliká věc jest, že bychom vaše tělesné věci brali. Protož aby věděl, že svatokupectví má pochop neb hniezdo ve zlé vuoli, řečeno jest, že svatokupectví jest zlé přivolení k směnění. A z toho také máš, že netoliko kdy již trh sě stane, neb mlcedlivá směna duchovní věci za neduchovní, jest svatokupectvie, ale když má člověk nezřizenú vuoli k tomu k směnění; jakož smilstvi prvé jest hřiech smrtedlný v duši, a potom v skutku.

Ale jest tuto jedna težkost' v tom, co slove věc duchovní? Poněvadž každý, jenž smrtedlně hřeši, jest svatokupec, neb prodává duši svú d'ablu a dóstojenství člověčké, jenž jest duchovní věc; protož tu věz, že zvláště slove svatokupectví nezřizené směnění mezi lidmi vedlé duchovnieho úřadu domu božieho. A sprostní mněji, že by nikdy nebylo svatokupectví, jedné když by se tržil kněz o tělo boží, řka: Co chceš dáti, a dámt' tělo boží? neb: Zač dáš ten oltář, kostel neb jiný obrok? Ale světí, jenž písmo uměji, ti váží zlú vuoli, jíž člověk za duchovní věc žádá odplaty tělesné, neb přizně a chvaly. Protož die S. Řehoř: Jsú mnozí, jenž penězitých daróv od svěcení neberú, a však svěcení pro lidskú přiezeň davají, a z toho dávání chvály toliko lidské odplaty hledají. Toho daru, jejž sú darmo vzali, darmo nedávají, poněvadž

z daného úřadu svatého penieze přízni žádají. Protož když spravedlivého muže prorok vypisuje, dobře dí: Blažený, kterýž odrazí ruce své od každého daru. Znamenitě dí: od každého daru; neb některý jest dar od služby, některý od ruky, některý od jazyka. Dar od služby jest podání nehodné; dar od ruký, to jest, což za peníze se kúpiti muož, jsú peniezi; dar od jazyka jest přízeň neb zaslíbení nezřiezené. Protož ktož světí, tehdy od každého daru ruku odrazí, když v božských věcech netoliko peněz, ale také i přízni lidské nežádá. To S. Řehoř. A míní, že když kolivěk kto duchovní dar sám neb skrze jiného nezřiezeně, a to buď zjevně neb skrytě za službu neb za dar tělesný neb pro přízen lidskú dává, tehdy svatokupčí proti tomu písmu a přikázaní Kristovu: Darmo ste vzali, darmo dajte. Apoštolové sú darmo, bez daruov, bez služby nehodné i bez přízni tělesné vzali; protož také oni darmo, to jest bez těch daruov dávali sú. Ale že nyní darmo neberú, protož také darmo nedávají i rozhřešení, i svěcení, i olejování, i jiných věcí duchovních.

A z této řeči muož poznáno býti a z obyčejóv, kteréž zjevně vidíme v žákovstvu, že málo jest kněží, by svatokupecky nebyli svěceni a obrokóv nedošli, a tak že ti s jedné strany, a jich biskupové s druhé strany v svatokupectví sú upadli. A že svatokupectví jest kacieřství, protož když by se právě ohledali, spatřili by, že jsú mnozí kacieři; aniž jest rozdíl, jedné kteříž sú vyše v úřadích duchovních, že ti hojnějši, ustavičnější a tučnější jsú svatokupci a tak kacieři; aniž jest pochybení v tom, by svatokupci nebyli kacieři, jakož světí praví. A papež, řečený Pascal, dí, že zjevno jest, že svatokupci jakožto najprvní a najvyšší kacieři ode všech věrných mají zavrženi býti, a když napomenuti jsúc neodstúpili by, od světských mocí mají potlačeni býti; neb všickni hřiechové proti kacieřství svatokupestvie jakožto za nic se nemají. To die ten papež. A S. Řehoř: Vám kněžím pláče mluvím, že mnohé vás, pro dary svěcenie že činíte, poznali sme, dar duchovní prodáváte a z těch zlosti hřiecha

zisk tělesný hromáždíte. Proč tehdy vám na paměť nepřjide, co hlas boží die: Darmo ste vzali, darmo dajte? proč před oči své nepoložíte, že v chrám vykupitel náš všed, stoly prodavačóv holubic převrátil a peníze penězoměncóv rozsypal? I kteří jsú v chrámu božiem dnes, jenž holubice prodávají? Jediné ti, kteříž v krest'anství peníze od vložení ruky berú, skrze kteréžto vložení duch svatý bývá dán z nebe. Protož holubice se prodává, když dar ducha sv. za peníze se dává. Ale vykupitel náš stoly prodavačóm holubic převrací, neb takých kupcóv knežství kazí. Protož svatá ustavení svatokupecké kacieřství potupují a zbaviti jich kněžství přikazují. Tak vše di S. Rehoř. A věda, že mnohými chytrostmi kněží se vymlúvají, protož ihned pridává řka: Přijde jistě ten den, aniž daleko jest', v kterýžto den pastýř nad pastýři ukáže se a každého skutky na jevo vyvede; a ten, jenž nyní skrze vyšší poddaných hřiechy treskce, tehdy vyšších sám hříchy potupí. Protož všed v chrám, sám bičík z provázkuov učinil a z domu božieho zlé trhovce vyvrhl, stoly prodavačóv holubic převrátil; neb poddaných viny mstí skrze pastýře, ale pastýřských zlostí sám pomstí. Neb ten jistě súdce přijde, před nímž mlče žádný se neskryje, jehož zapíraje nemuož oklamati.

Aj tak píše ten veliký svatý papež, ukazuje, žet' kacieřsky svatokupči, kteříž dar ducha svatého, jenž se skrze holubici znamenává, za peníze neb za přízeň tělesnú, neb pro chválu světskú dávaji. A k témuž mluví S. Remigiáš na též čtení, jako S. Řehoř, a die takto: Slyšte a znamenajte toto, kněží cierkve svaté t. sboru krest'anského! a varujte se, aby domu božieho v jeskyni lotrovú nepřevrátili. Neb lotr jest, jenž zisku zákona hledá a službv svátosti pilen jest (z) příčiny kupčení. Protož majít' se báti, aby nebyli vyvrženi z chrámu duchovnieho, jako oni sú vyvrženi z chrámu telesného; neb každý den pán duom otce svého, t. svatú cierkev, navstěvuje a zaneprázdnění s zisky zlými vymítá, a jedním hřiechem vyními kupce i prodavače. A prodavači jsú, kteříž svěcenie za odplatu dávají; a kupci

jsú, kteříž za pravdu peníeze dávají, a dadúc penieze prodavačóm, kupují hřiech.

Znamenáno má býti, že die čtení: stoly penězoměncóm, a stoly prodavačóm holubic převrátil jest. Co skrze stoly penězoméncóv? jedné oltáři se rozumějí, kteříž lakomstvím zlých kněží činí se stolové penězoměncóv. A co skrze stolice prodavačóv holubic? jedné mistrské duostojenství v cierkvi svaté se znamenává, kterėžto duostojenství, když bude k zisku obráceno, bude v nic obráceno. A co skrze holubice? jedné duch svatý se znamená, jenž se nad pánem Ježíšem v holubičím podobenství ukázal. A kteří jsú, jenž holubice prodávají? jedné ti, kteříž ducha svatého, ruce vzkládajíce, za dary dávají. Ale pán stoly prodavačóv holubic převracel, neb takých kněží dary kazí. Neb kterýž kolivěk biskup dar ducha svatého prodává ještě, ač před lidmi biskupském rúchem stkví se, již před božíma očima kněžství zbaven jest. Protož i svatá ustavení svatokupecké kacieřství klnú, a kněžství zbaviti přikazují ty, kteříž za dání dar ducha svatého peněz hledají. Tak píše bez přetržení ten svatý biskup. — —

Tyto sem kniežky napsal, věda, že ani chvály, ani milosti, ani úžitka tělestného od kněží lakomých i od druhých světských neobdržím: neb těch věcí od nich nežádám, ale od boha odplaty a jich spasenie. A potká-li mě jich hanění aneb trápenie, to sem před se položil, že lépe jest pro pravdu smrt' trpěti, než pro pochlebenství časnú odplatu vzieti. A také že die S. Pavel: Bych se lidem líbil, sluha bych boží nebyl. Rozuoměj: bych se líbil lidem pochlebenstvím, sluha bych boží nebyl. Protož varuji se pochlebenství, abych i jich i sebe nezmeškal a nezprznil pochlebenstvím. Upřiemo a sprostně sem řeč položil, zda bych co mohl svatokypecství poraziti a vypleti. K tomu rač pomoci milosrdný spasitel! Jéhož léta tisícieho čtyrstého třinadctého, na den jeho v chrámě obětování od panny Marie, od Simeona na ruce vzetí, kterémužto dni Čechové říkají hromnice (knížky tyto sú dokonany).

Ktož budeš čísti, patřiž, že úmysl muoj nenie, aby dobrí byli pohaněni neb nuzeni, ale aby ti od zlosti se ostřiehali, a zlí aby se pokáli. Amen.

г) Listové (письма Я. Гуса).

(По изд. К. Эрбена, III, 1868).

1.

На дорогѣ въ Констанцъ, отъ 28 сентября 1414 года.

Mistr Jan Hus, v naději kněz a sluha pána Ježíše Krista, všěm věrným a milým bratřím i sestrám v pánu Ježíšovi, jenž sú božie slovo skrzě mě slýchali a přijeli, milost' a pokoj od boha otce našeho, i od ducha svatého, aby bez poškvrny v pravdě jeho přebývali.

Věrní a milí přietelé! viete, že sem s vámi po dlúhý čas věrně pracoval, káže vám slovo božie bez kacieřstvie a bez bludóv, jakož viete, a má žádost' byla jest i bude až do mé smrti, vašě spasenie. A byl sem umínil vám kázati před svú jézdú, než bych odjel k svolání do Konstancie, a z jmena vám ohlásiti křivé svědectvie i svědky po psaní s jich svědectvími; a tit' vám budú ohlášeni proto, kdyby potupili mě neb na smrt' odsúdili, aby vy to vědúce nelekali sě, bych pro které kacieřstvie, jež bych držel, byl odsúzen; a také proto, abyste stáli v té pravdě bez strachu a bez viklánie, kterúž dal vám pán bóh skrze věrně kazatele, skrze mě nestatečného poznati; a třetie proto, abyste sě uměli lstivých a pokrytých kazatelóv varovati. A jižt' vypravil sem sě na cestu bez klejtu mezi velmi veliké a mezi mnohé nepřátely, mezi nimiž najhorší jsú domácí nepřietelé, jakož na svědectví poznáte a po skonání svolánie zviete, jichž mnoho bude, biskupóv i mistróv, i kniežat světských, i zákonníkóv. Ale ufámt' svému milostivému, múdrému a mocnému spasiteli, že skrze své zaslíbenie, a skrze vaši věrnú modlitbu dá mi múdrost' a statečnost' ducha svatého, abych setrval,

a oni aby nemohli mne na křivú stranu uchýliti : ač mi dá pokušenie, haněnie, vězenie, neb smrt' trpěti, jakož jest sám trpěl, a sve najmilejší sluhy v též poddal, a nám dal příklad, abychom pro něho a pro své spasenie trpěli : on bóh, a my jeho stvořenie; on pán, a my sluhy; on všěho světa král, a my lidičkové nestateční; on nepotřebný, a my potřební; on také trpěl, i proč bychom my netrpěli? však našě utrpěnie v milosti, jest našě vyčištěnie ot hřiechóv a od věčných muk zbavenie, a smrt' jest našě vyčištěnie. Jistě věrnému jeho sluze nelze jest ztratiti, když s jeho pomocí setrva! Protož milá bratřie, milé sestry! modlte sě snažně, at' mi ráčí dáti setrvánie, a aby mě račil ostřieci od poškvrněnie; a jest-li k jeho chvále a k našemu prospěchu má smrt', at' ji mi ráčí dáti bez strachu zlého podstúpiti; pakli jest k našemu lepšiemu, aby mě vám ráčil navrátiti, i tam i zaše jeda bez poškvrny, abychom ještě spolu v jeho zákoně sě poučili, a Antikristových sietí něco porušili, a budúcím bratřím po sobě dobrý příklad ostavili. Již snad viece u Prazě mne před smrtí neuzříte! Pakli mocný bóh mě vám ráčí vrátiti, tiem sě veselejí uzříme, a ovšěm když v radosti nebeské spolu sě shledáme. Bóh milosrdný, jenž svým dává pokoj jistý zde i po smrti, jenž jest vyvedl pastýře velikého krvi jeho vylitím, jenž jest našěho spasenie věčné svedečtvie, rač vás ve všem dobrém zpósobiti, aby plnili jeho vóli v svornosti bez roztrženie, aby majíce pokoj v ctnostech, došli věčného pokoje, skrzě pána našěho Jezu Krista, jenž jest bóh věčný a člověk pravý, z panny Marie porozený, jemuž jest chvála a bude na věky se všemi vyvolenými, s nimiž, v pravdě setrvajíc, v radosti budeme přebývati. Amen. Datum anno domini MCCCCX(I)V post festum sancti Venceslai in recessu ad Constanciam.

2.

Изъ Констанцской тюрьмы, отъ 19 января 1415 года.

Buoh s vámi rač býti, aby proti zlosti, proti d'áblu, proti světu a tělu stojiece setrvali. Najmilejší! prosím vás

já v žaláři sědící, jímž sě nestydím, pro pána boha v naději trpě, jenž jest navštievil mne milostivě i nemocí velikú a opět uzdravil, přěpustil nepřátely velmi tuhé, ty, jimž sem já mnoho dobrého činil a srdečně je miloval! Prosím vás, prostež pána boha za mě, ať se mnú ráčí býti, v němž samém naději mám a v vašie modlitbě, žeť mi dá setrvati v své milosti až do smrti. Ráčí-li mě nynie k sobě pojieti, buď jeho svatá vóle; pakli ráčí navrátiti, také buď jeho svatá vóle. Jistě třebať mi jest veliké pomoci, avšak viem, že on nepřěpustí na mě nižádného utrpenie, ani pokušenie, jedno pro mé i pro vašě lepšie, abychom jsúcě zkúšeni a setrvajíce velikú odplatu vzeli. A vězte, že ten list, kterýž sem vám po sobě ostavil, velmiť sú jej nepřietelé v latinu přěložili lživě, a artikulóv proti mně a tolik kusóv vydávají, že mám dosti psáti, často odpoviedaje z žaláře, a nenie člověka, jenž by poradil, kromě milosrdného pana Ježíšě, jenž jest řekl svym věrným: Dám vám ústa a múdrosť, jíž nebudú moci odolati všichni protivníci vaši. O najmilejší! pomněte, žeť žádostivě pracoval sem s vámi, a vždy žádám vašého spasenie, i nynie, jsa v žaláři a u velikém pokušení. Psán v sobotu ten den před svatým Fabiánem.

3.

Отъ 10 іюня 1415 года.

Mistr Jan Hus, v naději sluha boží, všem věrným Čechóm, jenž pána boha milují a budú milovati, žadosť svú vzkazuje, aby pán buoh dal jim v své milosti přěbývati i skonati, a v radosti nebeské na věky přěbývati. Amen. Veřní a v bohu milí páni, panie, bohatí i chudí! prosím vás a napomínám, aby pána boha poslúchali, jeho slovo velebili a rádi slyšeli i plnili. Prosím vás, aby pravdu boží, kterúž sem z božieho zákona psal, a z řečí svatých kázal a psal, aby sě té drželi. Prosím také, ač by kto ode mne slyšal na kázaní neb súkromě co proti pravdě božie, aneb ač bych kde psal, jenž, ufám bohu, toho nenie, aby toho nedržal. Prosím také, ač kto

viděl jest mé lehké obyčeje v mluvení aneb v skutciech, *aby* sě jich nedržel, ale aby za mě boha prosil, aby mi ráčil odpustiti. Prosím, abyste kněží dobrých obyčejóv milovali a velebili, a je ctili, a zvláště, jenž pracují v slovu božiem. Prosím, aby sě varovali lstivých lidí, a zvlášče kněží nehodných, o nichž die spasitel, že jsú v rúše ovčiem, a *vnitř* vlci hltaví. Prosím pánóv, aby své chudině milostivé činili a právě je zpravovali. Prosím měšťěnóv, aby své obchody právě vedli. Prosím řemeslníkóv, aby věrně své dielo vedli a jeho požívali. Prosím sluh, aby svým pánóm a paniem věrně slúžili. Prosím mistróv, aby jsúce dobře živi, sve žáky věrně učili: najprvé aby boha milovali, pro jeho sě chválu učili, a pro prospěch obcě a pro své spasenie: ale ne pro lakomstvie, ani pro světské zvelebenie. Prosím studentóv i žákóv jiných, aby mistróv svých v dobrém poslúchali i následovali, a aby sě pilně pro boží chválu a pro spasenie své i jiných lidí učili. Prosím všech spolu, aby pánóm: panu Václavovi z Dubé odjinud z Leštiny, panu Janovi z Chlumu, panu Jindřichovi z Plumlova, panu Vilémovi Zajiecovi, panu Myškovi, a jiným pánóm z Čech i z Moravy, i věrným pánóm Polského královstvie děkovali i jich pilnosti vděčni byli, že oni jako boží stateční obránce a pomocníci pravdy postavili sú sě proti všemu sboru častokrát, i dovodiece, i odpoviedajíce k vysvobození mému, a zvlášče pan Václav z Dubé a pan Jan z Chlumu, jimž věřte, což budú praviti: nebť sú byli v sboru, když sem já odpoviedal, po několiko dní; oniť vědie, kteří Čechové a kterak mnohé a nehodné věci sú na mě vedli, kterak vešken sbor proti mně křičal, kterak zem já odpoviedal, co sú na mně žádali. Prosím vas také, aby za Královu Milosť, Římského a Českého krále, pana boha prosili, a za Královú svú, i za pány, aby milý pán bóh s nimi i s vámi přěbýval milostí nynie a potom u věčné radosti. Amen.

Psal sem list tento vám v žaláři v okovách, čakaje na zajtřie na smrť odsúzenie, maje plnú naději v bohu, abych pravdy bozie neustupoval, a bludóv, kteréž sú na mě křiví

svědkové svědčili, abych sě neodpřisáhl. Kterak se mnú pán bóh milostivě činí a se mnú jest v divných pokušeniech, poznáte, až sě u boha v radosti s jeho pomocí shledáme. O mistru Jeronymovi, mém milém tovařiši, nic neslyším, než že jest v težkém vězení, čakaje smrti jako i já, a to pro svú vieru, již jest statečně Cechóm ukazoval. A Čechové, najukrutnější naši nepřietelé, dali sú nás jiným nepřátélóm v moc a u vězenie! Prosím, aby za ně boha prosili. Také prosím vás, zvláště Pražané, aby na Bethlém byli laskavi, dokud pán bóh popřeje, aby v něm božie slovo kázali: pro to miesto d'ábel sě rozhněval a proti němu farářóv a kanovníkóv popudil, spatřiv, že jeho královstvie v tom miestě sě rušilo. Ufámť pánu bohu, žeť to miesto zachová do své vóle a učiní v něm prospěch věčší skrzě jiné, než jest skrzě mě nestatečného učinil. Také prosím, aby sě milovali, dobrých násilím tlačiti nedali, a pravdy každému přáli. Dán list v noči u ponděli před svatým Vítem, po dobrém Němci.

4.

Отъ 26-го iюня 1415 года.

Mistr Jan Hus, v naději sluha boží, všem věrným Čechóm, jenž boha milují a budú milovati, žádosť svú i modlitbu nestatečnú vzkazuje, aby v milosti božie přěbývali, v nie dokonali a s bohem na věky přěbývali. Věrní a milí přietělé a v bohu milí! Ještě mi jest to v mysl padlo, aby znamenali, kterak sbor pyšný, lakomý a všie ohavnosti plný potupil jest knihy mé české, jichž jest ani slyšal, ani viděl; ač by je slyšal, tehdy by jim nerozuměl. Neb v sboru byli sú Francúzi, Vlaši, Engliši, Hišpani, Němci, a jiní jiných jazykóv: jedné ač by jim co rozuměl biskup Jan Litomyšlský, jenž jest tu byl, a jiní Čechové nabadači, s kapitolú Pražskú i Vyšehradskú, od nichž pošlo jest pohaněnie pravdy božie i našie země České, již já mám v naději za zemi najlepšie viery, znamenaje žádosť k slovu boziemu a k obyčejóm. O byste viděli ten sbor, jenž sě nazývá sborem najsvětějším, a že

nemóž pobluditi! jistě spatřili by ohavnost' přěvelikú, o nież sem slyšal obecné od Svábuov, že Konstancie neb Kostnice, jich město, za třidceti let nezbude hřiechóv, které jest spáchal ten sbor v jich městě; a řku viece: že sú sě všichni pohoršili tiem sborem, a plvali sú druzí, vidúce ohavné věci! A já vám pravi, že když sem stál přěd tiem sborem prvý den, spatřiv, ano nižádného řádu nenie, řekl sem hlasitě, když sú všichni mlčeli, takto: Mněl sem, by věčšie poctivost', dobrota a lepší řád byl v tomto sboru, než jest. Tehdy najvýšší kardinál řekl jest: Kterak mluvíš? na hradě si pokorneji mluvil! A já sem otpověděl, řka: Neb na hradě nižádný proti mně nekřičel; ale tuto všichni křičie. A poněvadž takým neřádem šel jest ten sbor, jenž jest viece zlosti učinil než dobroty, věrni a v bohu milí křest'ané! nedajte sě ubroziti jich vynešením, jenž, ufám bohu, jim neprospěje: onit' sě rozletie jako motýli, a jich ustavenie stane jako paučina! Mět' sú chtěli ustrašiti, ale nemohli sú božie pomoci ve mně přěmoci. Písmem sú proti mně nechtěli jíti, jakož sú slyšeli páni milostiví, jenž sú stáli statečně podlě pravdy božie, váživše še všie hanby: Čechové, Moravané i Poláci, avšak zvlaště pán Vaclav z Dubé a pan Jan z Chlumu; neb ti sú stáli, jež jest král Zigmunt sám pustil v sbor, a slyšeli sú, že když sem řekl: Žádám naučenie! psal-li sem co zle, chci naučen býti! Tehdy kardinál najvyšší řekl jest: Poňavadž chceš býti naučen, tot' naučenie: máš odvolati, jakož padesát mistróv svatého písma nalezlo jest. Aj, kraššie naučěnie! Tak by svatá Kateřina, dievka mlada, měla by byla ustúpiti pravdy a viery pána Jezu Krista, proto že padesát mistróv proti nie jest bylo. Ale stála jest drahá dievka až do smrti, a mistry jest ku pánu bohu přivedla, jichž já hřiešný nemohu přivesti! Tot' vám píši, aby věděli, žet' sú nižádným písmem, ani kterými duovody mně nepřemohli, než lstí sú mně hledali a hrozami, aby mne navedli k odvolání a k odpřisáhání. Ale milostivý pán buoh, jehož sem zákon velebil, byl jest se mnú i jest, a ufám bude do skonánie, a zachová mě v své milosti až do smrti. Psan list v středu po

svatém Janu Křtiteli v žaláři v okovách, v čekání smrti; avšak pro tajemstvie božie nesmiem řieci, by toto byl mój list poslední, neb ještě buoh všemohúcí móž mě zprostiti.

Гусъ, какъ писатель, выказалъ чрезвычайную плодовитость: онъ оставилъ послѣ себя длинный рядъ книгъ и трактатовъ, чешскихъ и латинскихъ, множество писемъ и посланій. Латинскія сочиненія были давно собраны подъ заглавіемъ: Joannis Hus et Hieronymi Pragensis confessorum Christi historia et monumenta,—Norimbergae, 1558 (2-е изд. 1583, 3-е 1715). Чешскія сочиненія Гуса собраны въ изданіи: Mistra Jana Husi sebrané spisy české. Z nejstarších známých pramenů k vydání upravil K. J. Erben. V Praze, I—III, 1865, 1866, 1868. При третьемъ томѣ—библіографическій обзоръ рукописей и старыхъ печатныхъ изданій чешскихъ сочиненій Гуса. *Постилла*, т. е. толкованія на недѣльныя евангелія, и сочиненіе *О познаніи истиннаго пути ко спасенію* (или *Dcerka*, т. е. *Дочка*), изданы Эрбеномъ по рукописи 1414 года, писанной на бумагѣ въ листъ и принадлежащей теперь библіотекѣ чешскаго музея въ Прагѣ; *О святокупствѣ*—по Будышинской рукописи конца XV вѣка; помѣщенныя у насъ четыре письма Гуса—по рукописи чешскаго музея половины XV в., на бумагѣ въ 4-ку. Чешскія сочиненія Гуса, какъ и латинскія, всѣ имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ церковной реформѣ: и посвященныя объясненію св. писанія, и полемическія и нравоучительныя. Таковы, кромѣ уже указанныхъ, *Объясненія символа вѣры, десяти заповѣдей и молитвы Господней* (Výklad viery, desatera božieho přikázanie a modlitby Páně), *Девять золотыхъ вещей* (Devět kusuov zlatých), *Тройная верьвь* (Provázek třipramený), *Зерцало грѣшнаго человѣка* (Zrcadlo člověka hřiešného), *О шести заблужденіяхъ* (O šesti bludich) и др. Важнымъ памятникомъ литературной дѣятельности Гуса остались также многочисленныя его *письма*, изъ которыхъ особенно извѣстны чешскія посланія къ друзьямъ и товарищамъ — изъ Констанц-

своей тюрьмы, исполненныя преданности волѣ Божіей и глубокаго убѣжденія и оставляющія въ душѣ читателя трагически — трогательное впечатлѣніе. Гусу приписываютъ также нѣсколько *духовныхъ пѣсенъ*, которыя можно считать началомъ гуситской духовной поэзіи, значительно развившейся впослѣдствіи [1]). Въ литературномъ отношеніи великою заслугою Гуса должно признать то, что онъ ревностно заботился о народномъ языкѣ и горячо возставалъ противъ нарушенія его старинной самобытности и чистоты смѣшеніемъ двухъ языковъ,—особенно у Пражанъ; недовольство Пражанами, мѣшавшими свой языкъ съ чужимъ, высказывалось имъ въ весьма сильныхъ выраженіяхъ [2]). Гусъ былъ вмѣстѣ и реформаторомъ языка: онъ изобрѣлъ новое правописаніе, замѣчательное своей простотой, опредѣленностію и послѣдовательностію. (Орфографія Гуса написана по латыни и издана, съ чешскимъ переводомъ, А. Шемберой: «Mistra Jana Husi Ortografie česká», Вѣна, 1857). Принятое Таборитами, по-

[1]) Напечатаны у Эрбена, III, 262—268.

[2]) «Kniežata, páni, rytieři, vládyky, měšťené—mají sě postaviti, aby česká řěč nehynula; pojme-li Cech Němkyni, aby děti ihned sě česky učily a nedvojily řeči; neb řeči dvojenie jest hotové záviděnie, roztrženie, popuzenie a svár. Protož svaté paměti Karel ciesař, král Cesky, přikázal jest byl Pražanóm, aby své děti česky učili, a na radném domu, jemuž německy řiekají rothaus, aby česky mluvili a žalovali. A věrně, jakož Neemiáš, slyšav ano dietky židovské mluvie odpolu azotsky a neumějí židovsky, a proto je mrskal a bil: též nynie hodni by byli mrskánie Pražené i jiní Čechové, jenž mluvie odpolu česky a odpoly německy, řjekajíc: tobolka za tobołka, liko za lyko, hantuch za ubrusec, šorc za zástěrku, knedlík za šišku, renlík za trérožku, pancieř za krunéř, hunškop za konský náhlavek, maršťale za konnici, mazhaus za svrchní sieň, trepky za chódy, mantlík za pláštiek, hausknecht za domovní pacholek, forman za vozataj. A kto by mohl vše vypsati, co sú řeč českú již změtli? tak že kdy pravý Čech slyší, ani tak mluvie, nerozumie jim, co mluvie; a odtud pocházie hněv, závisť, rozbroj, svárové a české potupenie» (Výklad desatera bož. přikázanie, kapit. 40. Erben, I, 133—134). Въ своемъ литературномъ языкѣ самъ Гусъ изъ патріотизма былъ строгимъ пуристомъ.

томъ Чешскими братьями, которые въ XVI в. ввели его въ общее употребленіе, новое правописаніе Гуса въ періодъ католической реакціи было забыто и вновь вошло съ литературнымъ возрожденіемъ, господствуя, съ нѣкоторыми улучшеніями, въ чешскихъ книгахъ до сихъ поръ. Подробнѣе о Гусѣ, какъ писателѣ, въ Ист. слав. лит. II, 847—853.—Чешская азбука Гуса: a, b, c, č, d, d', e, f, g, h, i, y, k, l, l', m, n, ň, o, p, r, ř, s, š, t, t', u, v, w, x, z, ž, ch (Erben, III, 261).

2. Jan z Přibrami (ум. 1448).

Život kněží Táborských.

(Výbor, II).

Tuto sě vypisuje život kněží Táborských od jich počátku až do tohoto léta (1429).

My kněžie i kazatelé i jiní Čechové věrní, světští i duchovní, Českého jasyku milovnici snažní a ústavní, nemohúce trpěti více toliko bluduov i d'ábelných nálezuov od těch kněží Táborských, kteréž den ote dne huoře a huoře vynášejí a po zemi rozsévají po hřiechu nenabyté zaštie i ohavenie této siré země České, nemajíce s nimi súdce a opravce jiného, ani světského ani duchovnieho, žalujem pánu Bohu všemohúcimu a jeho žádáme srdečné pomoci i rozsúzenie, žádáme všie říše nebeské na pomoc a těch hrozných zlostí na opravenie, žádáme všie cierkve svaté i všech Cechuov věrných za plné rozvážeenie, prosíme, voláme i napomínáme: slyšte vážně tyto přeúžitečné výstrahy vší zemi České, slyšte, prosíme, aby vám nebylo k svedectví vašeho zatracenie naše vystřiehánie a vaše netbánie a neposlúchánie, aby na nás nepřišlo této země nenabyté ohavenie pro vaše zmeškánie. Aj s velikú žalostí i s nevýmluvnú srdce našeho tesknosti míníme oznámiti a ohlásiti mnohé a přehrozné bludy a nepravosti těch kněží Táborských, které jsú od počatku svého počeli vésti, aby na ty jich veliké bludy a nehody všichni

věrní kazatelé duchovní i světští procítili a proti nim sě vystřiehali, a jim jakožto svuodcuom a lhářóm a falešným prorokóm viece nesvěřovali. Daj Buoh, aby as poně pozdě již Čechové prozřeli, a znamenajíce toto všecko zlé od nich uvedené, již sobě proti nim rozuom i výstravu vzeli tuto, proti listu a uztavení jich bludném, léta tohoto na Táboře ustaveném (sic).

Najprvé oznamujem všem věrným, že ti kněžie Táborští, to je Mikuláš, omylný a obludný biskup Táborský, Markold, Čapek a Koranda a jiní jich tovařišie, majíce mistra Petra Angliše cizozemce obrance svého v radě s sebú, léta tohoto učinili sú sobě svolánie na Táboře, a tu společně, jakož sami píší, všichni sú sě svolili a tyto bludné a druhé i kacieřské nálezy své proti vieře křest'anské za právo sú sobě ustanovili a po městech všudy rosepsali:

Najprvé, aby křest'ané nevelebili všeho řádu křest'anského při mši slúžení, kterýž vedú poctivě kněžie a mistři Pražští ke cti božieho Těla a Krve, i všichni věrní křest'ané po všem světě, kterýž řád, jako svatý Dionysius apoštol menší a tovařiš svatého Pavla píše kořenně, vydali sú jemu vuodce jeho velicí apoštolové, a kterýž vedla jest cierkev svatá od apoštolského kázanie až do nynie, a kterýž složen jest z najušlechtilejších pravd a modliteb svatých jako z perel svatých drahých a z kusuov zlatých, a z drahého kamenie pravdu a viery křest'anské. A proto v tom kusu tolik krát d'ábelně blúdie kněžie Táborští, kolik těch přespasitedlných pravd i modliteb v tom řádu položených všetečně skládají a opušt'ují, a tolikkrát a tak sú velicí svuodce a lháři, kterak veliké křest'anstvo po všem světě od apoštoluov až do nynějších časuov i s mistrem Janem Husí i se všemi Čechy v tom řádu odsuzují a potupují, a netoliko ty, ale svého Viklefa v tom potupují, jenž je slúžil až do smrti mši se vším řádem v ornátích, jako cierkev svatá má obyčej, kterýž vypisuje, co je mše, v kniehách de Eukaristia v kapitule čtvrté takto die, řka: «Mše jest služba složená ze všie služby kněze slúžicieho od znamenie prvého až do znamenie, rozuměj poslednieho,

kterúž lid měří od toho času, když sě kněz obleče, až do toho, když sě svleče ». A jinde vypisuje všecko rúcho kněžské mešné, potvrsuje jeho i všeho řádu mše od prvnieho až do poslednieho. A to tito zmétenci všecko tupí, své neřádné mše potvrzují. A proč sú složili všecku poctivú službu na mši? že pro blud Těla božieho.

Item, že v témž listu svého nálezu píší a přikazují, aby jich mši potvrzenú vyzdvihli bez ornátuov, kterúž jsú proti Bohu i proti řádu všie cierkve sv. všichni velebili a kázali řkúc, že tak dobře a bez hřiechu slúžie, a toho ani zjevně ani tajně aby na nich netupili. Ale věrní křest'ané mají' to věděti, že kněžie Táborští, kdyt' jsú v bludy a v kacieřstvie o drahém Tělu božiem upadli, nevěříce, by tu v svátosti bylo Tělo božie pravé přirozené z panny Marie narozené, tehdy inhed z toho nečistého kořene jali sú sě všicku poctivost' zevnitřní drahého Těla božieho skládati, ornáty trhati a mšály, to je kniehy mešné, proto že jsú modlitbami (k) Kristovi a k Tělu božiemu naplněné, sekati, rubati a páliti, oltáře bořiti a kostely rušiti a páliti a z nich chlévy dělati, a všecko zpievánie kostelnie, z svatých Bohu ke cti a Tělu božiemu vydané, i všicku službu kostelní jako d'ablové kaziti a jí sě porúhati. A protož, žet' jsú toho bludného kořene tak řád svaté mše zavrhli a potupili, všichni věrní křest'ané mají' sě mší jich jako změtencuov bludných varovati, vědúce, že ktož koli jich neřádóm svolí a takovému neřádnému slúžení sě neprotiví, že každý jest nebezpečen svú duší. Nebo také tito obludové a zmetenci činie proti svému Viklefovi, kterýž v kniehách de Eukaristia v kapitule čtvrté takto die: že kněžie mají sě srovnati v službě s vlastí, v kteréž jsú, a v obyčeji cierkve svaté i v posvěcování i ve všech řádiech kostelních. To Viklef; a tudiež die, že hřešie kněžie, posvěcujíce v jiném jazyku než v latinském, proti obyčeji té vlasti, a tak rozuměj, žet' hřešie i v jiných proměnách cierkve svaté.

Třetie, ustavilit' jsú a píšít', aby při podávání všech jiných svátostí, řáduov od cierkve svaté uložených a od sva-

tých potvrzených nevelebili, zvláště těch, (v) kterých sě dělé s ňámi kněžími, kazateli i s mistry Pražskými; a tiemť porazují řád křtu svatého, řád svaté zpovědi, řád při Tělu božiem i jeho všicku poctivosť kostelní, řád při podávání i mazání olejem svatým, řád při kněžském svěcení i při biřmování, a tak vešken řád kostelní ve čtení, v spievání mši, nešporuov i jitřní, kterýž jsú velicí světí, jakožto svatý Dionysius, Ambrož, Řehoř i jiní světí duchem svatým skládali i vydali. A ten kus tolik v sobě zavierá hřiechóv a zmatkóv, kolik těch užitečných a poctivých kusuov při všech těch svátostech skládají a potupují. Také ten kus tupí mistra Husi i mistra Matěje i jiné věrné vuodce země České.

Čtvrté, ustaviliť jsú v tom listu púhé kacieřstvie a je jsú rosepsali, aby nižádní křesťané ku panně Marii ani k svátým apoštolóm ani k jiným svatým, ješto v nebi kralují, na pomoc nevolali, ani jich za pomoc prosili ani žádali, ani toho velebili. A v tom jsú hrozné kacieřstvie učinili: najprv, že mši svatú porazivše, Tělo božie z svátosti vyrazivše, všicky svátosti ohavivše, vešken téměř řád kostelní potupivše, již pak na drahé svaté sahají a panně Marii, matce všech křesťanuov, i všem apoštolóm i jiným svatým i angelóm moc, kteráž jim je dána od Boha lúpežně a svatokrádežně odjímají; a v tom viece blúdie a viece hřešie, nežli tělesní najvětší lúpežníci a zloději. Také v tom nevýmluvně netoliko svatým, ale vší cierkvi svaté škodie a škodu nevýmluvnú ne toliko spravedlivým, ale všem hriešným činie, kteříž by mohli požiti prosbami panny Marie na svých hřiechóv odpuštenie a potřeb a núzí svých opravenie. Také tiem kusem vešken řád prosby, poctivosti i modlitby, kteréž cierkev svatá činí ku panně Marii i k svatým apoštolóm i k jiným svatým přes celý rok buď to na mšech neb na nespořiech nebo na jiných hodinách porážují. Také tiem kusem netoliko mistra Jana Husi, jenž na smrť jda, zpieval je modlitbu panně Marii, aby jemu pomohla, ale i svého Viklefa v tom potupují, jenž modlenie k svatým radí, velí i velebí, řka o panně Marii v jednom kázaní o vzeti panny Marie do nebe

takto: že panna Maria jest svým ctitelóm velmi pomocnice milosrdná, a že nelze jest nižádnému do nebes vjíti bez pomoci Marie, a že nenie nižádného člověka ani věku buď' zlého bud dobrého, byt' nepotřeboval prositi ji za pomoc, a chce-li spasen býti, musít' jie za pomoc prositi. To Viklef. A z té řeči Viklefovy máš, žet' Táborští kněžie, jenž modlitby od panny Marie skládají, žet' nebudú spaseni.

Páté, v tom listě ustavili jsú, aby nižádný nevelebil očistce po tomto světě. A to je kacieřstvie, kterýmž oblúpivše svaté z moci, již lúpie siré duše v očistci z spasitedlné pomoci. To je proti čtení a svatému Pavlu a proti všem sv. doktoróm od prvnieho až do poslednieho, nižádného nevymieňujíc, kteříž dovodie očistce čtením i zákonem po tomto světě, a že služba za mrtvé i modlitby dály jsú sě za.... apoštolský, a svatý Kliment, tovařiš svatého Petra. A tak tiem kusem odsuzují ty všecky svaté i mistra Husi, i písmo mnohé svaté i všecky křest'any věrné, nébrž odsuzujít' svého Viklefa, jenž mnohokrát dovodí očistce, a zvláště v jedněch kněhách, jenž slovú De dominio civili, v poslednie kapitule takto die: «Musí býti očistec duší po tomto světě»; a toho dovodí svatým Pavlem, sv. Augustinem a mnohými písmy svatými, a řka: «Kdyby nebylo očistce, jinak Kristus zle by řekl, že hřiech Ducha svatého nebude odpuštěn ani na tomto světě ani na onom».

Šesté, ustanovilit' jsú, aby nižádný nevelebil, ani světil všech svátkuov panny Marie, i všech svátkuov apoštolských, i svatého Jana Křtitele, i všech mučedlníkuov, i panen svatých, i angelóv svatých, plniece v tom proroctvie zlých lidí v žaltáři, o kterýchž jest řečeno: «Zapálilit' jsú na zemi chrám tvuoj a poškvrnilit' jsú obydlé jmena tvého, a jako v lese vyrubalit' jsú sekyrami dvéře jeho. A to pokolenie řeklot' jest spolu v srdci svém: Učiňme, at' přestanú všichni dni sváteční na zemi». A proti tomu píše svatý Jan Zlatoústý, kterak těžce hřešie, ktož svátkuov mučedlnických nesvětiec na jich dni neschází sě do kostela, aby slyšeli jich vítězstvie. A v tom kusu tupie M. Jana Husi, nébrž i,

svého Viklefa, kterýž v jednom kázaní, jenž sě počíná latině: Distribuit recumbentibus, takto die: « Potřebie jest nám nebeské svaté krotiti modlitbami, nebo na to svátkové svatých jsú zjednáni, jakožto svatého Klimenta, jehož svátek nastává dnes, a musíme ten svátek světiti, znamenajíce jeho život, kterým je Bohu slúžil, a následujíce jeho, aby za nás on prosil ». To Viklef.

Sedmé, ustavilit' jsú, aby nevelebili lidé ani vedli postuov, kteříž sě dějí ty dni před hody panny Marie a před hody jiných všech svatých apoštoluov a mučedlníkóv. A netoliko tyto posty, ale o jiných všech postech, jakožto o pátcích, o velikém postu i o suchých dnech, i o sobotách vedli jsú i kázali, že lidé v ty dni mají svobodu jiesti, což sě jim zdá, skrovně. A tak přemnožstvie veliká lidu rozpustili jsú v žranie ty dni nestydatá, žet' jedie jedno maso, někteří sýr a vajce, a druzí což chtějí. A v tom jsú potupili všecku cierkev svatú a téměř všecky doctory svaté od apoštoluov i od apoštolského ustavenie i mistra Husi, jenž ty posty velice přikazují a písmem zavazují, né také tupí v tom svého Viklefa, jenž v kněhách De veritate sacrae scripturae die: « Zjevno jest, že poněvadž sě je Kristus postil, že dlužni jsme sě postiti čtyřidceti dni, zdržujíce sě od hřiechu i od krmí »; a též mluví v jednom kázaní, ješto slove Dominum Deum tuum adorabis, a dovodí téhož svatým Augustinem. — —

Обширная литературная дѣятельность Яна Прибрама, принадлежавшаго къ умѣренной партіи гусситовъ, посвящена была опроверженію Виклефа и обличеніямъ Таборитовъ: послѣднія очень важны тѣмъ, что за потерей таборитскихъ сочиненій составляютъ цѣнный источникъ для изученія исторіи этого движенія. Въ особенности важна по свѣдѣніямъ о Таборитахъ его чешская книга: «Жизнеописаніе Таборскихъ священниковъ» (Život kněží Táborských, рук. 1429 г. изд. въ «Выборѣ», II, 409—430), гдѣ онъ

излагаетъ ихъ ученіе и даже иногда приводитъ буквальныя выписки изъ ихъ потерянныхъ теперь сочиненій.

8. Petr Chelčický (1390—1460).

Postilla.

(Výbor, II).

Tuto se počínají spasitedlní výkladové na Čtenie nedělní mnohými dary obohaceného muže Petra Chelčického, Čecha Bohu věrného, kterýž jest byl horlivý milovník pána Jesu Krista a pravdy jeho. A najprv předmluva jeho takto:

Pán Ježíš, jenž jest počátek i dokonánie všech věcí, buď pomoc má v této práci, aby prospěšna mohla býti k jeho chvále. A že ti, kteříž žádají Bohu věrni býti a plniti přikázanie jeho, mají hleděti dobrých příčin a k tomu pomočných, i chci řeč učiniti o tom přikázaní; ješto die pán Buoh: Pomni, aby den sváteční nebo sobotní nebo nedělní světil. Toho svěcenie rozum ukazuje odpočinutí od hřiechuov smrtedlných, nebo s těmi žádný člověk nemuož nic světě a dobrě činiti, ani v neděli, ani v jiný čas. Druhé odpočinutie v den sváteční jest upokojenie ducha i těla s Bohem v dobrých činech a zaneprázdnění v modlitbách a v slovu božím a v tom, což ku pamatování dobrodiní božských příslušie. Protož křesťané v slyšení slova božího, v přemyšlování a v čtení trvati mají v den nedělní. A poněvadž jsú čtení svláštnie položena na každú neděli, protož aby příčina byla k užitečnému svěceni, myslím tuto rozumy těch čtení popsati tak, jakž já jim po jiných mistřích mohu rozuměti. A že sú v každú neděli i v jiné svátky zřiedili a položili čtenie najvýbornějšie, zdá se po tom řádu, ze sú ti milovali pána Krista a jeho čtenie. Ale nynie, hlediece na duchovnie úředníky, viděti jest po skutcích, že těmi řády slavnými v kostelécb toliko zakrývají svá šeredstvie svých ohavných životuov, lakomých, svatokupeckých, smilných a prázdnych, v rozkošech vychovaných, kteřížto v chrámiech oslavují čtenie,

vysokými hlasy je křičíce, zvoníce, jemu kadiece, žehnajíce i líbajíce je, a tiem činem svú lež odievajíce a pokrytstvie, a lid o duše i o statky klamajíce a v slepotu je uvodíce, aby pro jich slavné řády a pro tich mylnú naději nic pravého a upřímého nemohli poznati. Protož ač tiem svrchním hlasitým velebeniem povyšují čtenie a oslavují jím všecky časy, však svým peským životem a nepříkladným každému se rúhají a je potlačují. K tomu, aby je vysokými hlasy spievali a jemu kadili, přes rok sú časy každému zřiedili: ale činiti skutečně čtenie, tomu sú nižádného času nepoložili, nebo jsú nepřítelé čtenie, v skutku jeho zapierajíce a pro ně věrné kazatele na oheň odsuzujíce i jiné lidi spravedlivé pro ně tisknúce a kacéřujíce. Protož jich oslavování čtenie jest peněz lovenie, zbohacenie a rozkoší těla schromáždění, nebo jsú nepřítelé kříže Kristova. A to jich slavné povyšování přes rok čtenie jsúť znamenie lživá, v nichž jest přišel člověk hřiecha (na) zatracenie, jenž se povyšuje nade všecko, co slove Buoh, aby těmi znameními svedl všecky ty, kteříž jeho lži následují a nevěří pravdě. A tak ta čtení s. jich slovami jsu tvář těch pokrytcuov, o nichž die svatý Pavel, že budú mieti tvárnosť dobroty, ale moci její budú zapierati. A že jest lež a lesť na kněžiech i na lidu, to se ukazuje z toho, že sú opustili všecka přikázanie božie a jsú zlořečeni před Bohem, toliko ústy svými velebiece Boha, ale srdce jich daleko jest od něho. Ale jakž sú koli těch čtení pokrytci a lidé duchovní požívali k svému zisku tělesnému a k oklamání lidu, však proto jsú od pána Krista věrným lidem k spasení ostavena, kteříž by je v skutku činiti chtěli, k utěšení čísti a k urozumění ztráviti. Protož bude-li vuole božie, a dá rozum a pomoc svú k tomu, a odpustí konati, budu něco psáti o těch čteních k užitku tiech, kteříž su poznali a milují pravdu. — —

Петръ Хельчицкій, основатель знаменитой Общины Чешскихъ братьевъ (Jednota bratři českých, Jednota bratrská) въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ представляетъ даль-

нѣйшее философское и соціальное развитіе гусситскихъ идей. Главнѣйшія изъ его сочиненій: «Сѣть вѣры» (Sít' víry) и «Постилла» или толкованіе недѣльныхъ евангелій. Сѣть вѣры есть ученіе Христово, которое должно извлекать человѣка изъ темной глубины житейскаго моря и его неправдъ. Хельчицкій старается указать въ Св. Писаніи положительныя основы, по коимъ должно совершиться полное измѣненіе общественныхъ отношеній. Какъ писатель, Хельчицкій мало заботился о гладкой обработкѣ своихъ произведеній; языкъ его иногда неправиленъ, растянутъ, но большею частію оригиналенъ, силенъ и выразителенъ, и иногда возвышается до истиннаго краснорѣчія. О сочиненіяхъ Хельчицкаго см. въ Ист. слав. лит. II, 880—885. Отрывки въ «Выборѣ», II, 605—640.

4. Válečna píseň Táborův.

(Военная пѣсня Таборитовъ).

(Vybor, II).

Kdož jste boží bojovníci
  a zákona jeho ,
prostež od Boha pomoci
  a doufejtež v něho ,
že konečně s ním vždycky svítěžíte .
Tent' Pán velí se nebáti
  záhubcí tělesných ;
velít' i život ztratiti
  pro lásku bližních svých .
protož posilňte
  zmužile srdcí svých .
Kristust' vám za škody stojí ,
  stokrát víc slibuje ;
pakli kdo proň život složí ,
  věčný míti bude :
blaze každému ,
  kdož na pravdě sejde .

Protož střelci, kopidlníci
řádu rytířského,
sudličníci a cepníci
lidu rozličného,
pomnětež všickni
na Pána štědrého.
Nepřátel se nelekejte,
na množství nehleďte;
Pána svého v srdci mějte,
proň a s ním bojujte
a před nepřátely
neutíkejte.
Dávno Čechové říkali
a přísloví měli,
že podlé dobrého pána
dobrá jízda bývá,
s nímž věrný sluha
rytířství dobývá.
Vy pakosty a drabanti
na duše pomněte,
pro lakomství a laupeže
životů netraťte,
a na kořistech
se nezastavujte.
Heslo všickni pamatujte,
kteřéž vám vydáno;
svých hejtmanů pozorujte,
retuj druh druhého;
hlediž a drž se
kazdý siku svého.
A s tím vesele zkřikněte,
řkauc: «Na ně! hrr na ně!»
braň svau rukama chutnejte,
«Bůh náš Pán!» zkřikněte:
bíte, zabíte,
žádného neživte!

Эта военная пѣсня Таборитовъ приписывалась прежде самому Яну Жижкѣ, знаменитому гусситскому вождю, но настоящимъ авторомъ ея называютъ Богуслава изъ Чехтицъ. Представляя собою характерное выраженіе религіознаго ожесточенія, эта пѣсня сначала передаетъ вкратцѣ военныя правила гусситской битвы и потомъ возбуждаетъ мужество воиновъ, убѣждаетъ ихъ не смотрѣть на то, что ихъ только горсть противъ множества непріятелей.

5. Ctibor Tovačovský z Cimburka (1437+1494).

Изъ „Книги Товачовской".

(Vybor, II).

Tuto předmluva na žádost' pánuov, a jim k vuoli sepsání se počíná pořád.

K žádosti vaší, duostőjný pane, pane Tase, biskupe Olomúcký, a urození páni: pane Pertholte z Lipého, najvyšší maršálku královstvie Českého, pane Vaclave z Bozkovic, najvyšší komorníče cúdy Olomúcké, a pane Viléme z Pernštejna, najvyšší komorníče cúdy Brněnské, pane Henriše z Lichtenštejna, pane Markvarte z Lomnice, pane Jane Kuno Kunštatu, pane Henrichu z Bietova, pane Hynku z Valdštejna a z Brtnice, pane Volfganku z Krajku, pane Dobeši z Bozkovic, pane Albrechte starší z Šternberka, pane Jane z Pernštejna, pane Karle z Vlašimě, pane Jindřiše z Sovince, pane Jane Bítovský, pane Bočku starší z Kunštatu, pane Hynku z Valdštejna Židlochovský, pane Albrechte z Bozkovic, pane Oldřiše z Bozkovic, pane Jane Bočku mladší z Kunštatu, pane Albrechte mladší z Šternberka. pane Jane z Lomnice Meziřičský, pane Puoto z Lichtenburka, pane Beneši z Bozkovic, pane Lacku z Lomnice, pane Jane Pňovský z Sovince, pane Jimrame z Dúbravíce, pane Hynku z Ludanic a pane Puoto z Sovince, pane Pertholte z Tvorkova a pane Zigmunde z Dúbravice a pane Přibíku z Miličína etc., páni a bratří moji milí! a vám, stateční a slovútní panoše

z rytieřstva a obyvatelé markrabstvie tohoto Moravského! Já Ctibor z Cimburka a z Tovačova, hajtman téhož markrabstvie. Poněvadž (chtieti) jmieti račíte pamet' mú sepsanú, tak jak pamatuji a svědom jsem obyčejuov a zvyklostí starodávních, které jsú se za našich předkuov zachovávaly a v skutku dály, kteréž jsem já očima svýma viděl a při nich osobně byl, při přijímání za pána krále Ladislava Uherského a Českého atd., krále a kniežete Rakúského a markrabie Moravského, v pokojnú zemi, pána dedičného v městě Brně, a potom po smrti téhož krále opět za krále Jiřieho, voleného krále a pána země koruny České, kterýž vojensky se byl položil v předměstí Brněnském; však když do Brna puščen jměl býti, s tímž řádem jest od pánuov země do města téhož Brna uveden; k tomu, když za téhož krále Jiřieho práva zemská jsú puščena a v Olomúci zasedena osobú jeho královskú, kterak jsú řízena a je spravovali pamětí svú pan Jan z Cimburka, otec mój, a pan Jan z Pernštejna, ješto jiným pánóm poněkud již to z paměti bylo vyšlo, jakož i nynie těchto časuov též; i rád učiním a naplním vuoli vaši a ted' sepsánie posielám: však abyšte račili ješče jiné staré a zachovalé lidi zemanské k tomu vzieti a toho se dál uptati, a bude-li víc upamatováno, toho neopúščeti. A já toto vnáhle k vaši žádosti sepsal jsem, a vaší Milosti, kněže biskupe, poslal jsem, a jest-li že se v čem více upamatuji a najdu zemské potřeby, k tejto mej paměti připíši, jakož mniem, že toho dosti bude ješče moci potřebného nalezeno býti, kteréž se také časem svým nezamlčí; i račiž na tomto sepsání svú práci jmieti.

Když pan umře země, a země osiří.

Hajtman, kterýž jest zemský, když král umře, jmá hned po smrti pána země všem oznámiti smrt' pána a krále, a je všechny obeslati listem svým tuto dolepsaným podlé zápisu tohoto. A když se páni sjedú do města Brna, tu se mají všichni sjíti do kláštera svatého Michala, a tu hajtman země

učinití jmá řeč o smrti pána a zemi hajtmanstvie vzdáti. Kdežto páni moc jmieti budú sobě hajtmana zvoliti a usaditi, buď prvnieho neb jiného, kohož se jim zdáti bude, z jednostajné vuole, najhodnějšieho k tomu úřadu, a toho vyhlásic slíbie poslúchati, což by s radú jich činíl, jemu pomocni býti mají, v ničemž jeho neopúščejíc; a spolky ten jmá moc dávati až do pána budúcieho, i práva pustiti, ač země mírná jest. A hned se lantfrid udělá pro podstatu země a stvrzení pokoje takým spuosobem, jakož tuto psáno jest přípis jeho, kterýž byl po smrti krále Albrechta udělán za pána Jana z Cimburka Tovačovkého. O jiných úřadech bez pána dole jinde se šíře oznámí, ač by který úředník umřel.

Přípis listu, když země osiří.

Službu svú vzkazuji, urozený pane bratře muoj milý! Jakož mniem, že vás tajno není, že z dopuščení pána Boha všemohúcieho král, pán náš milostivý ect., kdež tato země v sirobě po Jeho Milosti jest zuostala, a já jakožto hajtman od JMti u vás usazený v tejž sirobě zuostal jsem; i maje já péči abych úřadu svému dosti učinil a zemi tuto opatřil, aby škody a obtížnosti všelijaké od zlých lidí vyvarovány byly, a jich ujíti mohli, zdá mi se slušné a hodné, aby všichni obyvatelé, páni, preláti, rytieřstvo i města markrabstvie tohoto spolu spěšně se shledali a viděli, a to jmenovitě ten pondelí po druhé neděli po velicenoci, totiž ten ponděli po svatém Jiřie. Protož prosím, žádám i přikazuji z úřadu svého, abyšte podlé povinnosti tej, kterúž zemi povinni jste, i tudiež závazku a pečeti svej a lantfridu učiněnému, u kteréhož pečeť tvá i přiznánie jmena tvého jest, na ten den již psany nikterakž nezmeškával v městě Brně býti; a tu já s radú všech obyvateluov, i tvú také, společně abychom před se vzali to, což by najúžitečnějšieho k řádu a ku pokoji býti mohlo tejto zemi. Také počet ten, kterýž na vás jest položen, jízdných i pěšich; aby, pohotově račil jmieti, kterýž bych koli na vás požádal, aby hned bezé všeho odtahovánie a odmlúvánie

jej poslal; neb já protiv všelikým škuodcím země této s **buoži** pomocí miením brániti, aby se žádnému **nedála škoda**; **k** tomu také sám osobně i se všemi lidmi svými pohotově **buď'**, i s vozy, byla-li by toho dalšie potřeba, **abychom všichni** podlé najvyššieho přemožení svého pohromadě byli a **křivdy** sobě nedopúščeli. Také což na tě jest položeno peněz **k zaplacení** dluhuov, že nezmeškáš toho položiti u výběrčích, tak jakož zuostáno jest. A k témuž zemany své jměj, at' **na** sjezdu jsú, pomoc dadie i pohotově jsú atd.

Přípis listu k lantfridu.

Páni, rytieřstvo, i města markrabstvie Moravského jeden obecný zápis nebo lantfrid spuosobiti a učiniti jsú ráčili, pro řád a pokoj i spravedlivost', aby chudému i bohatému spravedlivě se dálo, a v artikulech v tom listě znících zříditi jsú ráčili. Protož já svrchupsaný N. to všecko, což se v tom zápisu neb lantfridu zavazuje, vyslovuje a zřizuje, oblíbil jsem a oblibuji, schválil jsem a schvaluji, a ke všemu přivoluji, slibuji svú dobrú čistú věrú křest'anskú to všecko, což v tomto lantfridu zřiezeno, spuosobeno, vyjeveno a zapsáno jest, podlé artikuluov v něm znících držeti a pomáhati, tak jako by ten list lantfridu v tomto mém listě vepsán byl, aneb má pečet' k tomu lantfridu a listu přivěšena byla. A jest-li že bych já komu zbožie své odbyti chtěl, kupitele svého k tomu jmám držeti a přivesti, aby list přiznávající v táž slova, jakožto i tento muoj list jest, k tomu lantfridu přiložil, a v tom ve všem aby se zachoval, jakož já svrchu psaný. Tomu na jistotu a zdrženie svú vlastní pečet' přivěsiti jsem kázal k tomuto listu. Jenž dán jest atd.

Když se tak zřídí země podlé svrchu psaného spuosobu, jest potřebie utvrzení, aby země do pána budúcieho v tom pevně státi mohla. I za času pána Jana z Cimburka a z Tovačova páni jsú jeden obecný lantfrid učinili a na tom se ustanovili, aby do pána budúcieho tak se na potom dálo.—

6. Viktorin ze Všehrd (1460+1520).

a) Knihy devatery o práviech země České.

(По изд. Г. Иречка. Прага, 1874.).

Předmluva.

Země česká od založenie svého, Najjasnější králi [1]), až do tohoto času jak poženiem okolnie země převyšuje, tak mužností lidí z ní pošlých, kdyby mužnosti tě proti nepřátelóm svým, ne sami proti sobě užívali, i spravedlností práv, kdyby je v své pevnosti nepohnutě držeti chtěli, daleko a velmi přesahá.

O mužnosti jich v válkách vně i doma dostateční dóvodové jsú skutkové jich, statečností válečnú všem zemiem okolním, králóm, kniežatóm, markrabím i řiešským městóm i Římu přieliš známí, i v jiných dalekých zemiech, křesťanských i pohanských, ciesaři tureckému a Turkóm, i jiným pánóm velikým na všecky strany světa široce. Všech lidí púlnočních jsú statečností zvláštní i známenitější i vzácnější. Mohl bych-to, což mluvím, hned jmény Čechóv statečných vlastními a účinky jich statečnými i velmi převažčivými i divnými zřetedlně okázati, kdybych o válkách kroniky a o mužnosti české, ne o práviech českých knihy jměl psáti. K jichžto mužnosti okázání nenie mnoho svědkóv potřebie přivoditi, poněvadž jsú i ženy české za starých Čechóv, Libuše, Vlasta, Šarka i jiné mnohé, statečnosti mužské následovati směly, zbroj na se bráti, jezditi, střieliti, honiti, kláti, pole držeti, húfy své šikovati a s muži se statečně potýkati, i bíti i přemáhati, uměniem, zvyklostí i smělostí i šťastností, a což se řiedko v ženách nachazie, mužností i statečností i silú v válkách mužóm napřed nic nedati. Nechci připomínati o potomných ženách

---

[1]) Разумѣется Владиславъ, король чешскій, венгерскій и т. д.

a nedávních, kteréž k těm starým podobné mužností jsuce, německých mužov byly jsú statečnějšie, a s statečným Janem z Kalicha, jako někdy za starých Čechóv Oldřich, Spytihněv, Soběslav, Vladislav, Břetislav a jiná kniežata, všecky Němce z země České sú vyplely. Ale zase k Čechóm se navrátím, jichžto mužné účinky a statečné skutky vyznávají a svědčie rozliční a mnozí mužnosti jich vně i doma dóvodové i kroniky o nich ne českým jazykem toliko, ale latinským i jinými jazyky cizími sepsané, a ne od domácích samých, ale také od rozličných cizozemcóv, kteříž nepřátelé českého jazyka jsúce, chvály však statečné mužnosti a mužné statečnosti české zamlčeti jsú nemohli; než jich účinky znamenité, statečnosti, síly, mužnosti i rozumu a uměnie válečného plné, od najprvnějších Čechóv až do času tohoto pilně vypsali, od Čecha prvnieho, od kteréhož i země česká jméno vzala jest, a od Kroka súdce země české počátek psanie svého založivše; kniežata také země české od Přemysla oráče, kteřýž jest prvniem kniežetem země české byl, i krále potomnie všecky, od Vratislava krále najprvnějšieho, když kniežetstvie k slávě královské přišlo jest, až do těhto našich časóv, v kterýchž se již VNsti Kské mužnú statečností a spravedlivú sedm a třidceti let země česká spravuje a v válce i v pokoji řiedi, světle vypisujíce; aby Vlachové, Němci i jiní rozliční cizozemci, kroniky české svým jazykem čtuce, mužnosti a statečnosti v válkách, spravedlnosti a súdu v pokoji od Čechóv sobě k naučení příklady bráti mohli, a aby se skutečných účinkóv od Čechóv nedávno dovozovaných lépe než z řeckých neho svých domácích, již pro starost a času vetchost v zapomenutie vešlých, v knihách toliko zóstalých, pravé mužnosti a spravedlnosti učili. A jistě pravějšie a dokonalejšie chvály nenie mimo tu, kteráž o nepřietele pochází!

Jsú také statečnosti české jistá svědectvie: v manstvie a v službu uvedenie téměř všech kniežetství okolních i království některých, kteráž, ačkoli skrze některé krále české z manstvie propuštěna jsú, však rosumem a mužností i zkušeným uměním v válkách a zvláštní šťastností, kterúž jsú VMst.

Kská (a Čechove) veliké králc, mocné země a velké pány přemáhati přivykli, zase k manství prvniemu přivedena býti mohú, tak jakož jsú od starých Čechóv, kniežat a králóv českých, VMsti předkóv, byla připravena, a zvláště jest-li že se Němcóm a jiným cizozemcóm VMst. Kská v zemi České předkóv svých obyčejem saditi, kořeniti i rozmáhati vedlé práva starodávnieho, nynie obnoveného a znova VMstí Kskú stvrzeného a dskami zemskými zapsaného, nedopustíte: neb to též oni Čechóm v svých zemiech činie a žádného Čecha nikdež žádným obyčejem trpěti nechtie a z přirozenie aneb raději z úmysla Čechóm nepřejí, aniž přieti chtie. O Němciech mluvím.

Ale o mužnosti české v válkách, poněvadž kroniky i od cizozemcóv k chvále jich sepsané široce vypravují (ač jsú mnohem viece Čechové statečného činili, nežli jest o nich všemi kronikami vypsáno), tuto já psáti nemíním, než o práviech českých, kterýmiž se v pokoji od staradávna zpravuji, ačkoli ne všem, ale snad některým k úžitku a k budúcie paméti psáti jsem umínil, poněvadž se málo těch nacházie, kteříž by o práviech zemských k správě nynějším i budúcím co psaného zóstavili. A o práviech rádějí než o válkách psáti mi se chce; neb všem dobrým milejší, užitečnějsí a příjemnější má býti pokoj nežli válka; neb i válka se ne pro válku, ale proto, aby z války byl pokoj přiveden, sdvíhá, a jest se lépe (vedlé starého přislovie) tři léta súditi a sněmovati, než jeden rok váleti, zvláště doma a v zemi, kteráž válka domácie všech jiných válek jest najukrutnějšie a najškodlivějšie.

Z těch i z jiných příčin tyto knihy o práviech zemských sepsal sem, kterýmiž královstvie české (jakož sem prvé povědél), okolnie země znamenitě přesahá, neb svými se právy v něm lidé, vlastními a domácími, ne německými majtpurskými nebo jinými cizími a přespolními súdie.—Súdie se také sami sebú, Královskú Milostí najprv a kmety (Čechy) totižto pány a vladykami k súdu volenými, ne doktory, nebo jinými lidmi v práviech přespolních a cizích učenými, zemi české k jich obyčejóm málo nebo nic užitečnými. A ne zavřeným, než

světlým a otevřeným súdem se súdie, k kterémuz jíti a poslúchati žádnému se nehájí, než všem jest svoboda puštěna k súdóm jich, ktožkoli chtie při tom býti. Aniž také jest k českým s.'dóm jiného jazyka potřebie, než přirozeného českého, poněvadž na žádném súdu českém nemá jinak mluveno býti ani od cizozemcóv (kdyby co před súdem činiti měli), než česky, jakož právo země České káže; neb i dsky všecky i nálezové všickni nejinak než česky se píší a z práva tak budúcné psáti mají, jakožto potom bude na svém miestě ukázáno. Tiemto ještě práva země české práv jiných z· mí okolních vyššie jsú, že v jiných zemiech a cizích súdiech lidé dlúho k slyšení nepřicházejí, a v mnohých letech o své pře rozsúzeni ne bývají, a žádný o své véci brzo konce nebéře, a kto se o malú věc sudí, prvé ji na doktory a na řečníky (ty ktož *od* lidí mluvie) utratí, než jí súdem dosáhne: ale v Čechách každý v jednom roce, a druhdy prvé, konec béře o svú při, beze všech velikých nákladóv, beze všech daróv, poct i alafancóv, kterýchž žádný český súdce nechce bráti; a takové pocty a dary, by pak bohaty přieliš byli, za hanbu a za neslušnost, za potupu a za podezřenie sobě kmetové a súdce zemští pokládají. (A ještě by spěšnější konec o své pře lidé brali, kdyby kmetové a súdce zemští VKskú Mstí, a úředníky zemskými najvyššími [pány i rytieřstvem] k tomu držáni byli, aby pilně pře slyšeti a déle na súdech sedati a ranějie súditi ráčili, stranných a nepóhonných pří, kteréž vedlé práva slyšány býti nemají, mezi pohonné nevkládajíce. Kterúž věc těžce mnozí nesú; neb ti, kteříž právem živi jsú a vedlé práva slyšáni býti mají, náklady na to veliké a útraty vně činiece a doma skrze opuštěnie hospodářství svých na tom škody nemalé nesúce, k slyšení přijíti nemohú, nez spravedlnost jich skrze odtahovánie súdu jim se prodlévá, a těm ježto po právě nejdú, nák'adóv a útrat, škod žádných vně ani doma neberú, hned se slyšenie, jakž brzo zavolají, beze všech póhonóv i častých jiezd dává). — Nenie také potřebie k súdóm českým ani doktora, ani řečníka zvláštnieho, poněvadž té svobody jest země česká, že každý

před každým súdem českým a zvláště před zemským sám svú při móž vésti a sám za sebe beze všech doktoróv (kteříž také, by pak k tomu dobyti byli, málo by zemským právóm rozuměli) a beze všech rečníkóv vymlúvačóv zvláštních mluviti móže, žalovati, odpoviedati, a proti každému sebe i spravedlnosti své brániti, i na každém jí dobývati, tak chudý jako bohatý, žena jako muž. — —

б) O napravení padlého.

(Vybor, II).

Изъ предисловія.

Zlatoústého sem i z té také příčiny rád vyložil, aby se jazyk náš český i tudy šířil, šlechtil a rozmáhal. Neb nenie tak úzký, ani tak nebladky, jakož se některým zdá. Hojnost' a bohatstvie jeho z toho muož poznáno býti, že což koli řecsky, což koli latině (o němčině nic nynie nepravím) muož povědieno býti, to též i česky. A nenie těch knih žádných řecských ani latinských, lečbych se já, milostí jazyka svého pojat jsa, mýlil, aby v český obráceny býti nemohly. Co se pak hladkosti jeho dotýče, neviem, by tak výmluvně, tak ozdobně, tak lahodně všecko jazykem českým povědieno býti nemohlo, jako řecským nebo latinským, bychom se toliko snažili a jedni mimo druhé chvátali, abychom jej vyzdvihali; tudiež by jazyk český hojný, mnohý, vytřený a sebe světlejší vidien býti mohl i pulérovanější. Němci, jichž jazyk tak drsnatý, tak dreptavý a tak nerozumný jest, že jeden s druhým mluvě, Němec s Němcem, sobě častokrát nerozumievají, a však jej našemu na potupu šířie a trú, tak že i latinská slova veň vtrušují, aby vždy jazyk jich byl dostatečnéjší a hojnější, a čehož doma nemají, u súseduov ač dobře dalekých vypójčují. A již téměř všecky knihy pohanské i křest'anské z latinských, jeden jazyk druhým vykládajíc, německé sú učinili, kdež my snad ještě žádných nemámy. A

tak skrze tu pilnost' vykládánie a snažnost', skrze takovú milost', kterúž k jazyku svému mají, stalo se jest, že což v Čechách a v jiných národiech učeni toliko čtú, tomu v Němcích i laici napořád svým jazykem čtúc rozumějí. A divie se mnozí, jak říšská města, v nichž s věčšie strany Němci jsú, jak němecské země v pokoji, v bohatství bez búřek, bez zločinstva, lúpežuov, morduov, bez zemí i měst zkaženie, v spravedlnostech městských a v řádu tak mnoho let trvají, a den ode dne v zboží, v slávě, v pověsti a vzácnosti, v múdrosti, umění rozličném i výmluvnosti zřetedlně se rozšiřují: jak obecné věci i domácie dobrým pořadem i sami se zpravují, obecné dobré ziskuom domácím predkládajíce. Ale ktož toto o Němciech vie, ten se tomu diviti nebude; neb rozličné knihy čítajíc, mají čím by se mohli vně i doma zpraviti, a starých lidí následujíc, nová zločinstva skrocují a s počátku jim zniknúti nedopúštějí: kdež u nás ani zákon boží, ani pravda božie, ani ustavičná den jako den kázanie, upěnie, zpievánie, nic k tomu podobného uvesti, ani v městech, ani na zemi nemohú. - - Necht' jiní knihy nové latině píšíc skládají, a římský jazyk, vody do moře přilévajíc, šířie, ač i těch velmi málo u nás jest: já knihy a sepsánie starých a právě dobrých lidí v českú řeč překládaje, chudého chci radějie obohatiti, nežli se k bohatému špatnými dárky a jemu nevděčnými lísaje, pohrdán a potupen býti. To sú i staří Římané činili: řecskému jazyku se v Athenách vyučiec, svuoj sú, nic řecsky než všecko latině píšíc, velebili, šířili, zdělávali. A jest bez pochyby, na jich samých seznánie, jazyk řecský lahodnější, ozdobnější i na slova bohatší nežli latinský. Učinil to také nedávno i Dantés Vlach, kterýž velikým filozofem času svého jsa, a výborně jazyk latinský znaje, a dokonale jej uméje, však proto múdrost' svú v knihy, k věčné potomním paměti svým vlastním přirozeným vlaským jazykem radějie nežli latinským sepsal jest. Kdyby též i Čechové činili, měli by řeč svú mnohem zpravenější, ozdobnější, hojnější; aniž by potřebie bylo pro učenie ven do cizích zemí vlaských nebo němecských jezditi a statkem svým cizo-

zemce bohatiti, znamenité na se i na děti své naklady a útraty činiec, kdyžby se tomu všemu doma v své řeči mohli naučiti přirozené. Neb umênie všecka od počatku byla sú mezi lidmi prvními v nich vlastniem a přirozeném jazyku: kaldejšti mudrci jazykem kaldejským svú múdrost' su i psali i vypravovali; egyptští též egyptskym jazykem filozofovali; Homerus Řek své knihy oboje reči řecskú přirozenú sepsal; Sokrates, Plato, Aristoteles tiem jazykem, v kterémž se zrodili, filozofovali; a jiní, jichžto nesčíslné mnozstvie jest, Řekové, jako Demosthenes, Escines, Izokrates i jiní výmluvní též. Staří Řimané neb Latiníci dokudž z jednoho jazyka dvú nebylo, též sú filozofí svú svým jazykem učili. Tak Kato, tak Cicero. tak Seneka, tak Ennius, Lukrecius, Virgilius, Ovidius, Tibullus, Katullus, Propercius, Lukanus, Juvenalis, Marcialis, Silius Klaudianus a jiných všecko množstvie. A abych daleké a staré věci vyčítaje, toho což před rukama jest, neminul: náš učitel, tento Zlatoustý znamenitý, jazykem svým řecským psal, mluvil, učil i kázal; Mojžies Židuom jazykem židuovským naučenie božská vypravoval, Jezus, světa vysvoboditel, pán náš, poněvadž k domu izrahelskému přišel, aby jej najprv vysvobodil, tiem jest jazykem mluvil, kterýmž Izrael rozuměl a ne jiným: my sami latinským jazykem filozofujíc, latině, aby nám žádný nerozuměl, věčně mluviti budem, a ciziemu jazyku se účiec nic latiníkuom tiem nepřidadúc, svuoj jazyk, jehó zanedbávajíc, tlačiti budem? A budú nás v tom laici domácí mudřější, kteříž bud'to kroniku, bud'to svú múdrost', jako «Ptačí radu», i jiné knihy mnohé píšíce, svým jazykem českým ne cizím sú psáti chtěli, aby ne sami sobě, ale všem vuobec pracovali, ktož česky rozumějí. A sami my se všech národuov budem, kteříž svuoj jazyk přirozený, dobrý, ušlechtilý, rozumný, ozdobný, bohatý a hojný, nám od Boha daný potupíc, latinský nebo němecský, obojím nevděk, sobě k posměchu zdělávati budem! Já pak jiných nechaje. o sobě nynie mluviti budu, z jiných se ne všetečně vytrhna: ačkoli také bych mohl latině snad, tak jako jiní mně rovní psáti; ale věda,

že jsem Čech, chci se latině učiti, ale česky i psáti i mluviti; aniž mi se zdá tak svú řeč přirozenú v nenávisti mieti, ačkoli někteří se za ni stydie, a tak jie nemilovati, abych všeho, cožbych koli psati chtěl, českým jazykem radejie nežli latinským nepsal. — —

Имена Викторина изъ Вшегордъ и Цтибора изъ Цимбурка принадлежатъ къ числу знаменитѣйшихъ именъ въ исторіи чешскаго права. Главныя произведенія ихъ посвящены были земскому юридическому быту. «Товачовская книга» Цтибора (полное заглавіе ея: Sepsaní obyčejů, řádů, zvyklostí starodávných a práv markrabství moravského, новое критическое изданіе В. Брандля, въ Бернѣ, 1868 г.), составлена съ аристократической точки зрѣнія и старательно защищаетъ на основаніи старины права пановъ. Сочиненіе Викторина: Knihy devatery o pravích země české (послѣднее изданіе Г. Иречка, въ Прагѣ, 1874 г.), представляетъ много любопытнаго матеріала для изученія тогдашнихъ соціальныхъ отношеній. Чрезвычайно важная въ историко-юридическомъ отношеніи, книга Викторина высоко цѣнится и по своему мастерскому слогу, такъ что чешскіе юристы признаютъ ее за главный источникъ юридическаго чешскаго языка. Викторинъ былъ горячій патріотъ: въ своихъ «Девяти книгахъ» онъ восхваляетъ старые обычаи чешскаго права, открытый чешскій судъ и т. п. (см. Predmluvu); въ предисловіи къ переводу Златоуста (см. выше, стр. 196—203) онъ патріотически защищаетъ чешскій языкъ, которымъ въ то время пренебрегали приверженцы латыни. Подробнѣе въ Ист. слав. литер. II, 876—878.

7. Bartošova Kronika Pražská

od léta Páně 1524 až do konce léta 1530.

(По изд. К. Эрбена. Прага, 1863).

Kniha první. Hlava 8.

V níž se oznamuje o nějakém učiteli zákona božího Erasmovi Roterodamském, též i o Luterovi, kdy jest povstal.

Potom kterak lidé počali přijímati pravdu čtení Kristova, a potom příčiny, kterak jest d'ábel skrze sve holomky tomu překazil.

Tomuto se sluší náramně podiviti, jaký div tohoto věku našeho pán bů'h v nenadále a proti vší naději lidské ráčil ukázati, že z jeho vnuknutí povstal byl před několika léty nyní předešlými učitel křesťanský podlé zákona božího v krajinách Rejnských, v Kolíně, v Basilii a jinde, kterémuž Erasmus Roterodamský říkali; muž byl jistě učený a znamenitý v učení svém nad obyčejnou povahu národu Německého. Ten jsa knězem světským podlé řádu Římského, sepsal o náboženství křesťanském mnoho kněch, kterýchž žádný milovník zákona božího a pravého smyslu pána Krista v některých místech hyzditi nemohl, otvíraje pravý rozum křesťanský zákona božího; a následoval v tom některých starých učitelův skrovně, kteříž nezacházeli daleko od smyslu pravého Kristova, a to činil s nějakou opatrností střídmou; jehožto takové spisy mnozí v krajinách rozličných přijímali a oblíbili. A on jest byl veškeń základ i počátek tehdáž ku přivedení znamostí čtení svatého cizích národův, šťastně vsívaje semeno Kristovo v srdce lidská.

Potom brzo vznikl jiný učitel za jeho času, Martin Luter, učený mnich řeholy sv. Augustina, v městě Vitemberce v Saské zemi pod panováním tehdáž osvíceného knížete Fridricha. Kterýžto jsa horlivý a zmužilý při zákonu božím, mnoho také knih sepsál, veda k pravému smyslu zákona božího podlé zachovávání prvotní církve svaté, a podlé toho učil zmužile, kázal čtení svaté v jeho čistotě a prostnosti, nic nedbaje na předky své a ustanovení lidská; to čině na odpor církvi Římské. Tu pak když Erasmus na mimochodníku druhdy Řím obcházel (neb již potom brzy Římská církev ho sobě jako myslivec jestřába unosila), tento cvalem naň dojížděl: tak že v těch okolních krajinách Německých národ ten, od dávních časův Čechům a Moravanům zlostný a nepříznivý, k přijímání těla a krve Kristovy pod obojím spůsobem přivedl a s pomocí boží obrátil, a skrze to okolní

Němce s Čechy a Moravany z daru božího v přízeň a v milost' uvedl beze všech nesnazí; ježto prvé jaké nesnáze, války a rozličná protivenství jedněch k druhým bývaly, kroniky české široce ukazují; a nad to, že jsou Čechové a Moravané za předkův našich mnoho statků s prací a krve proléváním vynaložili, i kompaktata od legatův stolice Římské zjednali, chtíce v jednotu s nimi vstoupiti jakouž takouž kromě kalicha, a tudy kaceřování i jina rozličná hanění, jimiž jsou je rozličně trápili, zastaviti chtěli, a nemohli tomu nic učiniti; nýbrž, tak veliká nenávist Němcův k Čechům a k Moravanům bývala, že jim těžko bývalo o samém jmenu jich slyšeti.. A toho dovodili plijíce, rotíce a do nejhlubšího pekla je odsuzujíce; jednak klatby papežské na ně vydávali, jednak války a jiné zlé věci obmyšlovali. Bůh pak všemohoucí, věčná moudrost, kterýž zná, kdy a skrze koho divnými prostředky zákon a pravdu svou má zvelebiti, z svého božského a nestíhlého tajemství ráčil člověka tohoto nadepsaného v nenadále vzbuditi, aby on to působil, a skrze známost zákona a pravdy cizí národy z slepoty starodávní aby vyvodil a k světlu pravému, jenž jest Kristus jistá cesta, pravda i život, přivodil. A takového divu ani Bernášek, ani Augustin, ani Dominik, ani Jeroným, ani Bonaventura, ani Franěk, ani Beneš, ani Tomek z Aquiny, se všemi jinými mnichy a biskupy i jiné povahy lidmi od papeže zasvěcenými neučinili. A jest-li že jest při těch některých (toho nevím) jaká svatost života byla v tomto světě, však prospívali jsou sami sobě, ale bližním svým neprospívali učením a vedením ku pravé víře Kristově podlé zákona jeho, jako tento doktor Luter božím spůsobem jest prospíval, ne svou ani d'ábelskou mocí (neb by on sám d'ábel sobě odporen býti musil), ale mocí milosti boží, kterouž mu bůh i jiným národům jeho poslouchajícím dával; ježto toho nikda d'ábel, ani jeho náměstkové neměli, nemají, aniž míti budou na věky. Od téhož pak Lutera mnozí mniši a jiní kněží Římští v tom městě i jinde berouce známost, skrze jeho počátek, v zákoně božím, k témuž se obraceli a učili, kázali

i psali, a od nich mnozí světští obecní lidé, chudí i bohatí, veřejně sobě v psaní, v čítání i v jiném příklad brali.

A těch také časův začínalo se v mnohých krajinách, mimo nějakou zvyklost bratří Valdenských, že jsou se lidé znovu křtili, a maso v páteční dny jedli; potom také brzo v Praze procesí a vystavování svátosti těla Kristova v monstrancí v některých kostelích pomíjeli; a odtud dále někteří kněží v Čechách pochop a zvláště v Praze sobě brali, vedouce a kažíce slovo boží upřímně podlé zákona božího, beze všech přídavkův lidských, stranních, téměř zákonu božímu odporných. A po takovém učení mnozí lidé šli a životy své podlé možnosti od mnohého zlého odvraceli a k dobrému se nachylovali, a zvláště zbytečných a nájemních nápojův po hospodách šenkovních mnozí umenšovali, nechodíce do nich. A tu jest byl opět zvláštní podpal nepřízní mezi nimi a mezi těmi, kdož jsou takové nápoje odbyvatedlné mívali, že jsou již k nim málo lidé chodili, hněvajíce se na ně, že jim statkův svých do jich domův nenosili; a tak pikartskou na ně povahu tudy strkali.

Vida to pak d'ábel, že se dílna jeho všudy kazí a boří, a jsa od počátku světa rozličnou naplněn chytrostí, nelenoval se na to mysliti, aby neměl sobě stolice od půlnoci postaviti a roven býti chtíti nejvyššímu, popouzeje mnohých lidí své nákvasy, světských i duchovních, proti tomu, aby cestu království božího zasekali, a cestu království jeho vyčistili, aby bez překážky po ní kráčeli, slibuje jim všecka království světa i slávu jich se vším příslušenstvím postoupiti a v své dsky zapsati k dědičnému držení, když toliko od zákona Kristova odpadnouce Římu se klaněti budou. Jakož jsou se pak v tom nezamlčali prvotně adminstrator i kněží jeho po farách, volajíce a křičíce bez přestání proti kněžím nadepsaným jim v tom odporným, d'ábelským větrem bez přestání dýmali, jedny proti druhým podpalujíce. A podlé nich světští mnozí povstávali, a také proti svým spolusousedům tejnou nenávist a zlost i jiné zlé věci proti nim od několika předešlých časův přijímajíce, tak dlouho, až v tom podstrky

někdy rozličně jedni na druhé řeči protivnou zbytečně činili, i bezpotřebně o víru se mnohokrát hádali, zbytečně i všetečně, ne pro vzdělání, ale na protivenství, v místech nepříležitých, jakožto v krčmách, po ulicech lidé směsiční a nevážní to činili; o věcech kostelních (to zlé nemůž se chváliti) s přimíšením slov rouhavých někteří také mluvili, nemajíce v tom žádné vážnosti ani rozšafnosti ani míry, než aby jedni druhym protivenství činili a ve sváry toliko se dávali. A když toho vždy pribývalo bez trestání a překážky správcův městských, tehdy z toho již příčina jedna z mnohých ku pozdvižení nastávala. A z těch jsou potom mnozí takoví, buď'to z úplatkův, buď'to jakžkoli jináč, v Praze zůstali beze všeho nátisku, a skrze to víc a víc nelibosti a podpalův k mnohému zlému se rozmáhalo, jehož nevím, kterak jest to šlo, že jsou takoví z toho trestáním skutečným od správcův vyvozováni nebyli. A však nevinní za vinné potom břímě to nésti musili, jsouce vypovídáni, ale ti s pokojem zanecháni. A však proto vzdy admistrator s svými kněžími od lásky a svornosti lidi odráželi, a k krve prolití ne křest'ansky, ale tyransky a d'ábelsky divnými okolky ponoukali a troubili, dotud, až bouřku v obci Pražské stroubili.

Бартошъ Писарь (ум. 1535 г.), пражскій мѣщанинъ, по характеру вѣка предавшійся религіознымъ вопросамъ, подробно описалъ споръ, который шелъ между Калишниками и возникшей тогда партіей лютеранской, причемъ онъ держится послѣдней. Въ его разсказѣ иногда живописно отражаются лица и событія его времени. Какъ историческій источникъ, эта хроника высоко цѣнится Фр. Палацкимъ (Würdigung der alten böhm. Geschichtschreiber, Neue Ausgabe, Prag, 1869, 268). По легкости и силѣ языка и по способу изложенія хроника эта занимаетъ видное мѣсто въ ряду произведеній такъ-называемаго «золотаго» вѣка чешской литературы.

8. V. Hájek z Libočan (ymř. 1553).

Kronika česká.

(Výbor, II).

Léta 1009 (o hradě Přímdě).

Kníže Oldřich času letního vypravil se na lov do dalekých lesuov; neb on té kratochvíle velmi pilen byl. Jeden z vládyk velmi bohatý uvedl jest kníže na svuoj hrad, kterýž slul Držtka, a odtud častokrát spolu na lov jezdili. I přihodilo se dne jednoho, že kníže žena se po zvířeti, od svých služebníkův se v lese raným jitrem odrazil, tak až v tom lese zablaudil. I vyjev na jeden vrch, pilně hleděl, zdali by kde mohl jakú ves uhlédati, a nemoha pro vysoké a husté dříví nic spatřiti, svuoj kuoň přivázav vlezl na jedno vysoké dřevo smrkové, a na něm jsa, pilně sě počal ohlédati, až uzřěl jeden hrad na vysoké hoře postavený. Upamatovav se, a položení jeho dobře sobě znamenav, vsed na svuoj kuoň, rychle k němu pospíšil; ale však že všudy okolo něho hustí byli lesové, opět ssedl s koně, a přivázav jej, mečem cestu sobě klestil. A když byl blízko od hradu, počal vysokým hlasem volati; ale žádný se jemu neozval. A on vzav jednu velikú ostrev, přistaviv ji, lezl po ní až k jednomu sklepovému oknu, a tudy všel do toho hradu. A najprv šel k bráně, a nalezl tu zdvižený most; potom všel do sklepuov, a suduov mnoho vína tam uhlédal, zbroje a raucha zetlelého tu také mnoho nalezl. Ohledav to všecko, zase se týmž spustil oknem, a navrátiv se k tomu místu, s kteréhož najprv spatřil ten hrad, po paměti k straně východní jel, a tak času večerního k svým na hrad Držtku se navrátil: kteříž ač málo před tím pro nepřítomnosť knížete smutní byli, vidauce jej, z toho se všickni radovali.

Kníže posadiv se za stuol počal večeřeti, a tu se ptal Vepřka, držitele hradu Držtky, věděl-li by co o jakém

pustém hradu? A on odpověděl, že neví, aniž jest kdy od koho slyšel, aby tu v tech lesích a pustinách jaký měl hrad býti. A kníže hned tu přede všemi všecku svú příhodu pořád vypravoval. Tomu se všickni divili. Jsa tu z přistojících jeho služebníkuov jeden, jmenem Přím, nízko se poklonil, mnohými budúcími se knížeti svému službami zakazuje, jeho za tem hrad prosil. Oldřich, jako pán štědrý, svého služebníka nechtě oslyšeti, jemu jej darem dal, a od toho služebníka knížecího tomu hradu dáno jmeno Přím, a potom Přímda.

Kto by pak ten hrad stavěti dal, zpráva se o tom činí v kronikách německých, tak: že by cisař Jindřich, toho jmena první, kteřéhožto Jindřicha někteří kronikáři nepíší; ale Eusebius, a Paulus Konstantinus, také i Achyles Gassarus jeho nepominuli, pravíce', že by císařovati počal léta od narozeni Kristova devietistého dvadcatého, a císařoval lét osmnáct. A ten měl dceru velmi pěknú jmenem Elenku, jížto frejoval Albrecht hrabě z Aldemburku, kterýž toho času slaužil na císařově dvoře; a ona neméně jeho milovala, a ráda chtěla jej za manžela míti. On pak znamenav, že svým rodem dceři císařově není roven, a že by se taková věc nikoliv sjíti nemohla, Aldemburské zboží císaři prodal, a shromáždiv peníze, i počal po lesích a po pustinách jezditi, příhodného místa, kde by tajně hrad sobě mohl postaviti, hledaje. A když se jemu zdálo místo to najpříhodnější, přivedl mnoho dělníkuov, a tu kázal lesy planiti, kamení lámati, vápno páliti, zdi a sklepy, věže i jiné příbytky na rychlost' stavěti; a když byl ten hrad dokonán, rozkázal jej dobře špiží opatřiti, tak aby tu mohl sám desát za sto let o té ztravě živ býti. Kdýž pak všecky věci, k tomu náležité braně i střelby, připraveny byly, jednoho dne svolav všecky dělníky i jinú čeled' do jedné jistby na předhradí, zavřev je pevně, i zapálil svau vlastní rukau, a tak všecky zhubiv, sám toliko jediný na tom hradě zuostal; a to pro to učinil, aby žádný o tom hradu nevěděl. A pobyv tu málo, na dvuor císařský se navrátil, a tu opět počal císaři jako prvé dvořiti. Času

jednoho, když dcera císařova (majíci s hrabětem srozumění) před hrad ten, na kterémž císař bydlil, vyšla, tu jest od toho hraběte polapena; a vsedši ráda zaň na jeho kůň, jeho se pilně držala, a jeho, aby rychle pryč pospíšil, pilně napomínala, otce ani mateře nepožehnavši, jako by z nějakého ohně utíkajíc pospíchala. Když sú pak, po lesich blúdíce, toho hradu (neb k němu cesty nebylo) dlúho hledali, v jeden den velmi ráno přijeli až k vratuom jeho; všedše tam sau s veselím přebývali, a což sobě byl hrabě prvé připravil, toho požívali. A to se stalo léta devietistého dvadcátého pátého.

Вацлавъ Гаекъ изъ Либочанъ, по рожденію шляхтичъ, занимавшій разныя духовныя должности, составилъ, по просьбѣ чешскихъ пановъ-католиковъ, хронику—отъ древнѣйшихъ временъ чешской исторіи до 1527 года. Издана 1541 г. (2 изд. въ Прагѣ, 1819 г.). Встрѣченная съ похвалами, хроника Гайка долго пользовалась великимъ авторитетомъ у чешскихъ читателей и позднѣйшихъ историковъ и была любимой, весьма популярной книгой. Но по суду современной исторической критики, хроника эта преисполнена разнаго рода выдумками и баснословіемъ, которое внесъ Гаекъ въ чешскую исторію изъ собственной фантазіи и изъ книгъ, никогда не существовавшихъ. См. Fr. Palacky «Wurdigung...», стр. 273—292.

B) Образцы языка чешской письменности отъ 1620 до 1780 года.

Jan Amos Komenský (1592+1620).

a) Didaktika. (По изд. 1849 года, въ Прагѣ).

Čtenáři zdráw bud'!

Didaktika, slowo nám nowé, řecké jest, znamenající docendi artificium, to jest: umění o učení aneb o umělém wyučowání a cwičení mládeže w uměních, jazyku a maudrosti

wselijaké ; jakby totiž snadně, libě, jako ze hry, a na jisto učenými, ctnostnými a pobožnými lidmi učiněni býti mohli. Weliké w prawdě umění, hodné uměním wšech umení slauti, poněwadž se skrze ně jiných wšech umění tak snadně, lechce, libě a wždycky na jisto dochází. Ale zdrž saud, kdokoli toho čteš, dokud nepřečteš, žádám. Weliké jsau wěci, když se slibují ; tak jest; ale weliké také wěci uhlédáš, nad nimiž se podiwíš, potěšíš, boha pochwálíš.

Neznáméť to umění bylo, w tom stupni, předešlých časů; protož spletků a zmatků, zbytků anebo statků, temnosti a mrákoty, wad a chyb we wšem literním umění, we wšech školách, při ucedlnících a učitelích, wšudy bylo plno. Ale začal bůh minulých let teď, jako záři nowému wěku wyskytaje, některým w německé říši učeným mužům w srdce wnukati, aby na nějaké snadnější, líbeznější, wšak plnější a jistší prostředky, jimižby mládež školská snázeji a šťastněji než posawad cwičena býti mohla, pomýšleli. I prohlédli nejedni, jak komu dáno, a aby, což sami uhlédali, jiným též ukázali, didaktik swých na swětlo dáti se neostýchali: Wolfgangus Rattichius (kterýž tu nejprwnejší led prolomil) léta 1612; Joh Rheniys 1614; Christofa Helvici Didaktika od dědiců jeho po smrti wydána, 1619; Elias Bodinus a Stephanus Ritterus 1621; Glaumius se swými učenci (kterýž nejdál že přiwedl widín býti chtěl) léta 1625, a dále Joh. Vogelius, 1629; Ioh. V. Andreae (kterýž pro wzácnost napřed státi měl) w rozdílných swých knihách od léta 1617 začna, přeoswícené církwí, politií, škol neduhy odkrýwal, i žádostiwá proti nim lékařstwí ukázowal: jiných drobnějších, aneb jichž jsme nespatřili, nedotýkaje. Až pak i we Francauzích tau skalau hýbali začato, a Janus Cecilius Frey léta 1629 w Paříži milostnau swau didaktičku wydal.

Poněwadž pak i nám některým z národu českého bůh swíci rozumnosti rozswítil, že jsme při wěci této i nad onyno wšecky jasněji prohledli (chlauba naše w bohu jest, a ne bez prawdy, i kdo oboje srowná, pozná, že wšechen základ na tajnostech přírody položený náš jest, jakož i částeční wšeho

rozwrh a pořádek; jiní toliko s předpisowáním prawidel a oznamowáním obzwláštních pozorowání se zanášeli): nestawíme ji pod kbelec, ale na swícen, aby swítila wšechněm, kdož w domu wlasti jsau: a kdo miluje swětlo, aby plesal w swětle tom a chodil w blesku jeho. Jazykem swým píšeme, protože národu swému píšeme. Mají jiní, kdoby je probuzowal, napomínal, wzdeláwal: mějme i my, a bohu, kterýž po předeslých mrákotách hněwu tak rozkošnými papršlky nám swítiti začíná, wděčně děkujme.

Zdáloliby se komu toto didaktiky wypisowání obšírné, žeby snad tak mnoho k čtení a uważowání jí času neměl, ten nech saudí, že wětší tato wěc jest, nežli aby se při ní práce a času litowati mělo, protože ona práci i čas bohatě zaplatiti a wynahraditi můž. Aniž wšak tu jaká obšírnost jest; toliko že tak zwláštní, weliká a nám ještě nowá, newídaná wěc s dostatečným důkladem ukázána býti musela; a čas jest, aby se tau wěcí, na níž podstata i żiwot každého člowěka blahoslawený, pak obcí a církwe spůsob záleží, jednau již aspoň z hluboka hnulo. Protož nelitowali - lit' jsme my po tolik let, dnem i nocí, úsilné práce, aby tato hojící mast přistrojena byla, nelitujž také některé hodiny, aby sobě oči jí pomazal a prohlédl, kdokoli toto, což slibujeme, newidíš a nerozumíš. Pán bůh, kterýž jest swětlo očí nasich, oswěcujž nás ke wšeliké líbeznosti swé. Amen.

Hlawa XIV.

Že pořádek učení přirozený býti musí.

Začneme již (we jménu božím) základů, na nichžby wšeliké učení jako na skále založeno býti mohlo, dobýwati, kterýchž, poněwadž přirození naprawowati chceme, ne jinde, než w sámem přirození hledati musíme. Nebo prawé jest wšelijak, že umění jde za přirozením, aneb příklad bere od přirození.

Čehož pro důwod některý příklad připomeňme.

Widíme rybu u wodě plauti; přirozené to jí. Kdo ji w tom následowati chce, od ní příklad wzíti musí, a také se na wodu polože, místo perutí rukau, místo ocasu noh užíwati, a co ona perut'mi a ocasem, to on rukama a nohama dělati. Tak dowede, jinak nic. Nébrž i lodí podobu odtud wzal.

Widíme ptáka létati; přirozené to jemu. Chtělliby kdo následowati, křídlaby sobě také, k udržení jeho dostatečná, přistrojiti, připnauti, a potom se, ažby uměl, cwičiti, jako Daedalus, musil.

Wystíženo, že nástroj, kterýmž se z žiwočicha hlas dáwá, jest chřtán s rozdílnými wyššimi a nižšimi kraužky, a na wrchu čípek, že spod pak dmýchající do něho plíce. I wynalezeny jsau na ten spůsob píšt'aly, kejdy, warhany, do nichž se dmýchá, a wšelijaký zwuk, tlustý, tenký, i sauhlasí, jaké nejlibější býti můž, se wydáwá.

Wyhlídl Bartholdus Schwarz zlatoděj, že to, což w oblacích bauchá, ohněm a kamením hází, jest zápalená síra s nitrem. I hledal téhož dělati, a wowedl, tak že nynější naše střelba, totéž dělající, (hřímající, blýskající, ohněm, kamením, železem prskající) wynalezena.

Spatříno, že woda w nádobě o dwau hrdlech w jednom hrdle tak wysoko stojí jak w druhém, rownosti po wšech stranách šetříc; i naučili se s wrchu na wrch, skrze jakaukoli nížinu neb údolí, po trubách ji wésti, a ona tak wysoko na druhé straně wzhůru sama jde, s jak wysoka prwé byla sešla. To se uměním děje, wšak z základu přirození.

Hledíno na oblohu, že se wůkol swěta točí ustawičně, a na rozličné okršky rozdělena jsauc, rozdílné hwězdy a planety wodí, tak že odtud libá swětu dnůw a časůw proměna powstáwá. I wynalezen w týž spůsob tauž oblohu wytwářející hodinný nástroj, také za den a za noc obcházející, a tím obcházením časy a chwíle rozměřující. Musil pak také z kol býti složen (jinak nebylo lze), nejen aby se jedno druhým táhlo, ale také, aby běh bez konce býti mohl. A muselo tu něco býti nepohnutého jako w swětě země jest t. slaupkowé

a šraubkowé rozličné, potom něco napřed se hýbajícího, a jiné s sebau pojímajícího, jako w swětě jest oheň. Poněwadž pak tuto (w hodinách) nebylo lze poručiti něčemu hýbati se, a jiné za sebau točiti, tak jako stwořitel swětlům nebeským poručil, a pro wůli jeho děje se; tau příčinau se přirození na-pomoc wzíti muselo, totiž wáhy a záwaží. Nebo poněwadž wšecko těžké dolů se táhne, přiwešuje se k hodinam olowěná (neb kamenná) wáha, a to na šňůru, kteráž okolo wálce hlawního kola otočena jest, kterýmž wáhy dolů se tlačením kolo to hlawní se obrací, a jiná s ním spiata jsauc, museji za ním. Aby pak to wše prudce neběželo, než pomalu, přidáwá se minuta, sem tam se wracující a běh zdržující. Straně pak, kteráž někdy jen wyrážeti má, přidáwají se zámkowé, kteříž se, kdy potřeba, zdwihají a zase zapadají. Což aby se náležitě swými časy dálo, rozměření kol, zaubků, kolíků a t. d. to působí. W těch, kde záwaží není, jsau péra ocelíwá, násilně stočená, a přirozenau swau mocí k rozmrštění se zase a zpřímění směřující. Ale to násilné rozmrštění, poněwadž se (pro propletení kol s minutau a zámky) státi nemůž, musí se pomaličku rozcházeti a kola za sebau táhnauti. A tak tu hle i základ wšeho hnutí přirožený jest, i spůsob spořádání kol a běhů jejich z podoby samého swěta wzat. — —

б) Labyrint swěta a ráj srdce.

(По изд. 1782 г., въ Прагѣ).

Kapitola I.

O příčinách w swět putowání.

Když sem w tom wěku byl, w kterémž se lidskému rozumu rozdíl mezi dobrým a zlým ukazowati začíná, wida já rozdílné meži lidmi stawy, řády, powolání, prace a předsewzetí, jimiž se zanášejí, zdála mi se toho nemalá býti

potřeba, abých se dobře k kteřemu bých se haufu lidí připojiti, a w jakých wěcech žiwot tráwiti měl, rozmyslil.

Na kterauž wěc mnoho a často pomyšleje, a s rozumem swým pilně se radě, na tom mi se ustanowowala mysl, abych sobě takowý žiwota způsob, w kteřemžby co nejméně starostí a kwaltowání, co nejwíc pak pohodlí, pokoje, a dobré mysli býlo, oblíbil.

Než tu mi se opět nesnadně zdálo, které a jakéby to takowé powolání bylo, poznati: a s kým se o to dostatečně poraditi newěděl sem; aniž mi se hrubě chtělo s někým se raditi, mysle že mi každý swau wěc chwáliti bude. Sám také kwapně k něčemu sáhnauti, abých nepřebral boje se, nesměl sem.

Ač přiznám se jednoho, druhého i třetího, tajně chýtati sem se počal, ale každé hned zase pustil; proto, že sem při každé wěci i nesnadnosti, i marnosti, (jakž mi se zdálo) něco znamenal. Meži tím bál sem se, aby mi má neustąwičnost hanby nepřinesla: i newěděl sem co dělati.

Až natrápě a nawrtě se dosti sám w sobě, na toto sem přišel, abych nejdříwe wšecky lidské wěci, co jich pod sluncem jest, prohledl, a teprw jedno s druhým rozumně srownáwaje, jistý sobě staw wywolil, a swé sobě wěci k ožiwání pokojného na swětě žiwota, pěkně nějak spořádal. Načež čím sem myslil wíce, tím mi se ta cesta líbila lépe.

Kapitula II.

Pautnik dostal wšudybuda za wůdce.

I wyšel sem od sebe sám, a ohlédati se počal, mysle odkud a jak začíti. W tom i hned newím kde se tu wezme člowěk jakýsy křepkého chodu, obratného wzhledu, a řeči hbité, tak že mi se nohý, oči, jazyk, wše na obrtlíku míti zdál. Ten přiwina se ke mně, odkud a kam bych měřil, dotazowal se. Já, že sem z domu swého wyšel, a w swětě se prowandrowati a něco zkusiti umýsl mám.

Schwáliw mi to, kdě pak wůdce jakého máš? řekl. Já odpowěděl, žadného nemám, bohu a swým očim se důwěřuji, že mne nezawedau. Nezprawiš nic, řekl on: slychallis kdy co o Bretenském labyrintu? slychal co si, dím. On zase: zázrak swěta byl, stawení z tak mnoha pokojů, příhrad, průchodišť wzdělané, že kdo se bez průwodčiho do neho pustil, wždycký sem a tam chodě a motaje se, nikdy wen netrefil. Ale to žert byl proti tomu, jak sám swěta tohoto labyrint, zwlaště nyní. spořádán jest. Neradímť, wěř mně zkušenému, samotně se tam paušteti.

A kde pak takowého wůdce wzíti mám? řekl sem. Odpowěděl, já sem na to, abych takowé, kteří něco shlednauti a zkusiti žadají, prowáděl, a jim kde co jest ukazowal: protož sem tobě také wstříc wyšel. Já podiwě se, i kdo jsi, řekl sem, můj milý? Odpowěděl: jméno mé jest wšezwěd, příjmím Wšudybud, kterýž wšecken swět procházím, do wšech kautů nahledám, na každého člowěka řeči a činy se wyptáwám: co zjewného jest, wše spatřuji, co tajného wše slídím a stíham, summau beze mně nic se díti nema, ke wšemu dohlédati má jest powinost: a ty půjdešli zamnau, uwedu tě do mnohých tajných míst, kamžby ty sic nikda netrefil.

Já slyše řeči takowé, počnu sám w sobě wesel býti, že sem takowého wůdce našel: a prosím ho, aby tedy sobě práce neważil mne skrze swět prowesti. Odpowěděl: jak jiným w tom rád slaužím, tak i tobě, a ujaw mne za ruku, pojď mež, řekl. I šli sme; a já řekl: nu rád se podíwam jaký jest toho swěta běh, a takéli w nem co jest, čehožby se člowěk bezpečně držeti mohl. To slyše towaryš můj, zastawil se, a řekl: příteli, jdešli ty tím umyslem, ne aby wěci naše spatře oblíbowal, než aby o nich dle rozumu swého saud wynašel, newím jakby s tím králowna naše, její milost spokojena byla.

I kdo je to králowna waše? dím já. Odpowěděl: Ta kteraž wšecken swěta běh jeho řídí, od končin až do končin: slowe maudrost, ač někteří mudrlanti marnost jí říkají. Pra-

wsmt' tedy časné, když tam choditi a prohlédati budeme, nemudruj nic: sicby sobě tu i jinde ledcos utržil, a ja třebas wedle tebe.

Kapitola X.

Pautník staw učených prohledá: nejprw weřejné.

I řekl ke mne wůdce můj: již já mysli twé rozumím, kam té táhne: meži učene s tebau, meži učené, to pro tebe wnada, to lechčejší, to pokojnější, to mysli užitečnější žiwot. Ba tomut' jest, tak dí tlumočník. Nebo co rozkošnějšího býti může jako aby člowěk nechaje a nedbaje hmotného toho těla kwaltowání, s saumým wšelijakých ušlechtilých wěcí zpytowáním zacházel? tot' w prawdě jest, což smrtedlné lidi nesmrtedlnému bohu podobné, a teměř rowné činí, aby jako wšewědauci byli, co na nebi, na zemi, w propastech jest, neb bylo, neb bude, wšecka stíhajíce, wšecko znajíce; ač ne wšněchněm w jednostejné dokonalosti, prawdať jest, toho se dostáwá. Wed'též mne tam, proč meškáte, řekl sem.

I přijdeme k bráně, kterauž mi disciplinam jmenowali: a ta byla dlauhá, uzká, a tmawá, plná zbrojných strážných, kterýmž se každý kdo do ulice učených chtěl, opowěditi, a průwodu žádati musel. I widěl sem, že haufowé lidu, zwláště mladého přicházeli, a byli hned na rozličné trpké examenny bráni. Nejprwnější examen při každém byl, jaký měšec, jaký zadek, jakau hlawu, jaký mozek (což z wozhera saudili) a jakau kůži přináší. Bylali hlawa oceliwá, a mozek w ní ze rtuti, zadek olowěnny, kůže železná, a měšec zlatý, chwálili, a hned ochotně dále wedli: nemělli kdo toho paterého, aneb mu kázali zpět, aneb špatně tušíc, tak na zdařbuh přijimali. I řekl sem, diwě se: co pak jim tu na tom paterém kowu záleží, že se tak pilně na to wše dobýwají? Ba mnoho, dí tlumočník. Nemáli kdo oceliwé hlawy, rozpukne se mu: nemáli w ní tekutého mozku, nebude z něho míti zrcadla: nemáli plechowé kůže, newytrpí formací:

nemáli člowěčenného sedadla, newysedí nic, rostrausí wšecko: a bez zlatého měšce, kdeby nabral času, kde mistrů, žiwých i mrtwých? Či mníš že tak weliké wěci darmo přicházeti mohau? I porozuměl sem kam se to směřuje, že se k tomu stawu, zdrawí, wtip, ustawičnost, trpnost, a náklad, přinášeti musejí: a řekl sem, takť se tedy oprawdu říci můž, Non cuivis contingit adire Corinthum. Nekaždému se dřewu dostane býti fladrem.

I wejdeme dále do brány, a widím, an každý ten strážný, jednoho neb wíce jich na práci wezma, a s ním se weda, do ušy mu coz dmýchá, oči protíra, nos a chřípě wyparuje, jazyk wytahuje: a okřajuje, ruce a prsty skládá a rozkládá, a newím co wíc nedělá. Někteří se i hlaw prowrtowati, a cos naléwati pokaušeli. Nad čímž tlumočník zděšeného mne wida, nediw se, řekl: učení ruce, jazyk, oči, ušy, mozek, a wšecky wnitřní i zewnitřní smysly jinakší než hlaupý lidu obor míti musejí: protož se tu přeformowáwají, a to bez práce a odpornosti býti nemůž. W tom pohledím a spatřím jak nebozí mnoho od toho přeformowání dáwati museli. Ne o měšci, než o kůži, již museli nastawowati, prawím. Tytýž zajisté pěst, rafije, ferule, metla, na líci, na lebu, na hřbetě, pod sedadly, se octla, až krwawau cedili, a teměř napořád prauhů, šrámů, modřin, mozolů plní byli. Což někteří widauc, dřiw než se jim dali, jen do brány nahlédnauc, caufali: jiní formowatelům těm z rukau se wydrauc, zutíkali tolikež. Menší jich počet dotrwal, až na prostranno puštěni: až i já také, do toho stawu chuť maje, formaci tu sem, ač ne bez nesnadnosti a trpkosti, wystál.

Z brány když wycházýme, widím, že každému tomu ponabraušenému ceych dáwají, po nemžby že meži učence přináleží, poznán býti mohl, kalamář za pás, za ucho péro, a do ruky prázdnau knihu, k shledáwaní umění: i dostal sem toto také. Tu pak dí mi wšezwěd: nu již tu máme čtwero rozcestí, do filozofie, medicíny, juris prudentiae, a teologie: kam nejdřiw chceme? jak saudiš, řekl sem. On zase: dojděme nejprw na plac, kdež se wšichni scházejí,

aby se na ně zespolka podíwal: potom Auditoria po různu procházeti budeme.

I uwede mne na nějaký ryňk, a aj tu oblakowé studentů, mistrů, doktorů, kněží, mládenců i šediwců! Z nichž někteří po hromadách se drželi, spolu rozmlauwajíc a disputujíc: jiní se do kautů tiskli, jiným z očí. Někteří (což sem dobře wysetřil, ale sem jim toho tam mluwiti nesměl) měli oči, a neměli jazyka; jiní měli jazyk, a neměli oči, někteří toliko ušy, bez očí a jazyka, takž sem porozuměl, že i tu nedostatkowe přebýwají. Wida pak já, že wšickni tito odkuds wycházejí, a zase tam wcházejíce, jako wčely z aule a do aule se motají, pobídnu, abychom tam také wešli.

Takž wejdeme: a aj tu síň weliká, jíž sem ani konce neznamenal, a w ní po wšech stranách plno polic, přihrad, škatulí a krabic: žeby jich na sta tisících wozů neodwozil, a každá měla swůj nápis a titul. I řekl sem: do jakéž sme toto pak apatéky wešli? Do apatéky, řekl tlumočník, kde se lékowé proti neduhům mysli chowají: a ta wlastním jménem bibliotéka slowe. Pohleď, jací tu neskonalí składowé maudrosti! Hledě tedy já widím učenců pátéře přicházejících rozličně se okolo toho zatáčeti. Někteří nejpěknější a nejsubtilnější wybírajíce, pokusu z nich wytahowali a do sebe přijímali, powlowně sobě žwykajíce a zažíwajíce; já přistaupě k jednomu táži se: co to dělá? Odpowěděl mi: prospíwám. A jaká w tom chuť? dím já. On zase: dokud se to w ustech žwýká, náhořkost neb nákyselost cítí, potom se obrací w sladost. A nač pak to, řekl sem. Odpověděl: lehčeji mi to přichází wnitř nositi, a jsem tím jistší: a co užitku newidíš? I hledím na něj pilněji, a widím jej tlustého a tučného, barwy krásné, oči se mu jako swíce stkwěli, řeč byla pozorná, a wšecko při něm čilé. I dí mi tlumočník: owšem pak tito. — —

Замѣчательнѣйшею личностію всего этого періода—до первыхъ зачатковъ возрожденія въ концѣ XVIII столѣтія—былъ Янъ Амосъ Коменскій. Предпослѣдній епископъ

Братской общины, Коменскій, вмѣстѣ съ большинствомъ братьевъ чешскихъ, принужденъ былъ въ 1628 году оставить родину, и всю свою жизнь провелъ въ чужихъ земляхъ (умеръ въ Амстердамѣ). Коменскій написалъ огромную массу разнообразныхъ произведеній: историческихъ, религіозно-поучительныхъ. философскихъ, дидактическихъ и поэтическихъ. Многія изъ его сочиненій истребилъ Лешенскій пожаръ 1656 года. Особенно ревностно Коменскій работалъ надъ вопросами воспитанія и обученія. «Дидактика» составлена имъ въ 1626—32 гг. Философско-педагогическіе труды доставили Коменскому громкую европейскую извѣстность. «Лабиринтъ свѣта» — плодъ поэтическихъ стремленій Коменскаго, принадлежитъ къ числу самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ памятниковъ всей чешской литературы. Авторъ совершаетъ аллегорическое путешествіе по лабиринту свѣта, предъ нимъ раскрывается вся суета его «рынка», онъ наблюдаетъ жизнь всѣхъ званій и сословій общества, видитъ пустоту человѣческихъ заботъ, стремленій и надеждъ, безсиліе человѣческой науки: на своемъ фантастическомъ пути онъ встрѣчаетъ наконецъ Христа и видитъ жизнь «внутреннихъ христіанъ», въ которыхъ и заключается его идеалъ. Подробнѣе о Коменскомъ и литература о немъ въ Ист. слав. лит. II, 905—912.

Г) Образцы языка изъ новой чешской письменности.

1. Josef Jungmann (1773 † 1847).

Изъ автобіографическихъ записокъ І. Юнгманна.

1.

Všeslovanský písemní jazyk. Starší sousedé Němci mohli by nám sloužiti příkladem v nejdůležitějších věcech národnosti i u vědění a umění všelikém. Základ obojí národnosti podoben jest sobě velice. Severozápadní částka národu

Německého dělí se od jižnovýchodní, rovně jako slovanská severovýchodní od západní. Ale s jakým rozdílem! U nich jediné nářečí hornosáské panuje co písemní jazyk ve všech země jejich oddílech, ač jiná nářečí v životě samém posud průchod svůj mezi lidem mají. Němec moudře myslí: píši-li sasky, vždy píši německy, mluvím pak doma jak umím a chci. Ne tak Slovan. Polák praví, mám-li psáti rusky, přestanu býti Polákem, a tak každý svou vlastní hude. U Němcův rozličnost náboženství nic nepřekáží užívání téhož jazyka a literatury, u Slovanů rozdíl víry činí nepřestupné hranice mezi rodnými bratry. Němci majíce jediné písmo latinské, ač jazyku jejich nedostatečné a tudy velmi nedokonalé, k jednotě se tihnouce jím se spokojují a divy v něm vyvádějí. Slované i písmem na dva veliké díly rozpojěne tam řeckým tu latinským, a to ještě rozličným způsobom píšící a se lišící, jako n. př. Rusové a Srbové, Poláci a Čechové a t. d., vždy různo lezou, jedni druhých se cizí. Vzájemnost literatur jejich v nových časech poněkud probuzená jest jednoty německé slabý nemnoho platný důstavek. Jak mnohem lépe bylo by dle Němcův jednoho, kterého koli nářečí vůbec co písemního jazyka užívati, kterýž by se druhými nářečími věčně a nesmírně bohatil a šlechtil. To byla má myšlénka a žádost v předmluvě k prvnímu vydání ztraceného ráje pronešená, kterouž proti mně uchopiv mstivý Jan Nejedlý tajně policii co nebezpečnou předložil a mně tříletému tajnému vyšetřování policejnímu podvrhl, z kterého jsem jen zákonným povinností svých ouředních zastáváním a neúhonným živobytím dosti cele a šťastně vyvázl. — A předce jinak smýšleti nemohu. Mnedle, může li u Němců při jednotě literatury a spisovného jazyka obstáti zvláštní rozdílných částek vláda, tám pruská, tu rakouská, tam bavorská, zde virtemberská a t. d., proč by u Slovanů jednoho jazyka písemního užívajících nemohli vedle sebe zachovati se rozličné politické oddíly Rusův, Srbův, Rakouských, Pruských, Tureckých Slovanů? To strašidlo panslavismu, kterého se lekají neb lekati přitvořují se naši ne-

příznivci, jest výmyšlek zištnosti a nenávisti, a to jistě nenávisti nemoudré a slepé, která svůj pangermanismus sobě libuje, nám pak něco jen zdaleka podobného nepřeje, brání, a k tomu zlý svůj úmysl nás u věčném rozdělení držeti a podmaniti — veřejně prohlašovati se nestydí! Jsem upřímný, národnosti naší milovný Čech, ale všeslovanskému písemnímu jazyku i češtinu v obět přinesti hotov, věda že kterýmkoli nářečím píšíce vždy Slované bychom zůstali. Kéž vladařové vznešení s tou myšlenkou se spřízní a nám toho přejí, k čemu nás příroda dovolala.

2.

Písemnímu jazyku českému učí spisové staří. Nemni žádný, že jako se Rusům podařilo národní jazyk na místě církevního za písemní vyvýšiti, tak nám by se zdařilo písemní náš zavrci a prostonárodní na místě jeho do knih a na kazatelny uvesti. Velkoruský jazyk, vyjmemeli tatarismy vloudilé, vždy ještě slovanštější jest našeho všedního, kterýž pln jest německo-českých makaronismů, jejž kdyby nějaký Karamzin cíditi a ku psaní šlechtiti započal, mnoho, přemnoho by měniti a na starší způsob uváděti, t. j. k písemnímu jazyku českému utíkati se byl by povinen. Nač to okorování, zůstaňme raději hned při něm, nemohouce ničeho lepšího ani nalezti ani vymysliti, učme se jemu vším úsilím a majíce pevné dno pod nohama, nechtějme se na nepevné stavěti a teprv je sobě hatiti a dlužiti.

Nedoukům snáze ovšem psáti, jak se v jich rodině neb místě rodním mluví, neb jak se v obchodu s lidem českým mluviti naučili, než aby teprva z knih a dokonce ze starých spisův psáti se učili. Ale má li býti jednota v jazyku, literatuře, nevyhnutelna toho jest potřeba, aby z pramenův hlubších těchto nejen okusili a sobě pysky omočili, nébrž aby pili, žízeň ukojili, aby z pokladův těch tolik nabráli, kolik jim k učenému životu českému potřeba.

A však jak o to stará literatura?

Pohledneme - li na rozsáhlost věku a rozmanitost došlych nás šťastnou náhodou spisův, vidíme tu strakatost jakousi podobnou mluvě národa, písemního jazyka nemajícího, kdež v každém kraji a městě a téměř v každém domě jiný a jiný jazyk hlaholí. Vzezři na nejstarší drahocené zůstatky Sněmův, Rukopisů Kralodvorského, evangelium s. Jana, pohledni na nejbližší věk Alexandreidy, Dalimila, Pulkavy, popatři na spisy XV a XVI století, na díla bratří českých, Veleslavinu, povšimni sobě i nešťastné epochy XVII a XVIII století, aniž neodvracuj očí od děl doby nynější — jaký tu rozdíl, nemyslím obsahu ale jazyka co do látky a do tvárnosti (formy). Co tu zastaralých slov, co zastaralých forem. Chtěje svůj sloh slohem jejich zlepšiti, kde začíti, kde přestati, co vzíti, čeho nechati, an všeho užiti již proto nemožno, že rozdílno a někdy jedno druhému odporno jest, čili všecko bráti, všecko smíchati a strakatinu vyvesti ze starých a nových odranek splácanou?

Nikoli! — Tvářnost jazyka písemního, z jakou za našeho věku nám se představil, nesmí měněna, nesmí formami zakryta neb maskována býti. Ale známost starších forem užitečna jest k rozumění novým. Vidíme před sebou tisíciletou povlovnou jazyka změnu a vrostání, proč právě tu a ne jinou formu na se vzal, na čem každá jeho změna založena. Nabýváme světla ve tvoření, skloňování a užívání slov, kteréhož nám grammatika pouze nový jazyk t. j. poslední jeho nynější formu představující dáti nemůže.

Co do látky i zde nikdy neoceněného prospěchu ze starých spisův nabýváme. Učíme se významu slov původnímu, těšíme se nálezu mnohé perly ztracené, vždy ještě dobře do věnce neb náramku se hodící, na kteréž místo jsme nejednou cizí falešnou perlu vložili.

Učíme se té veliké pravdě, že jako vše ve světě tak i jazyk písemní stálé proměně podroben jest, a že marné jest sičení a sočení těch, kdo jak draci poklady národního střehou, nikterak měniti, ničeho přidati, ničeho ujmouti nedovolují. Učíme se ale také, že jen ty změny, které se s

ústrojím jazyka českého srovnají, zdařiti se mohou, vše ostatní zůstává; učíme se bohatství a užívání jeho dobrému, učíme se češtině pravé a přesné.

Весьма важныя въ біографическомъ и историко-литературномъ отношеніи «Записки» Іосифа Юнгманна, писанныя имъ въ 1845 г. напечатаны въ журналѣ «Časopis Musea Království českého» Pr., 1871, III. Въ отношеніи языка Юнгманнъ явился нововводителемъ: тогда какъ первые дѣятели чешскаго возрожденія (Пельцель, Я. Неѣдлый, Добровскій, Ю. Палковичъ) были въ языкѣ консерваторами, настаивая, что новая чешская литература должна строго слѣдовать языку «золотаго вѣка», временъ Велеславина, Юнгманнъ, признавая это съ формальной стороны, думалъ, что со стороны словаря старый языкъ не въ состояніи служить новѣйшей образованности, если не обогатится запасомъ новыхъ словъ и выраженій. Поэтому онъ составлялъ новыя слова или же вводилъ въ чешскій языкъ слова русскія и польскія. Мечтою Юнгманна было созданіе обще-славянскаго литературнаго языка.—Изъ переводныхъ трудовъ Юнгманна извѣстны переводъ «Аталы» Шатобріана (1805) и «Потеряннаго рая» Мильтона (1811). Много статей Юнгманна разсѣяно въ чешскихъ журналахъ того времени («Hlasatel český», «Krok»—первый научный журналъ, основанный самимъ Юнгманномъ вмѣстѣ съ Я. Преслемъ и въ др.). Два капитальные труда Юнгманна—«Исторія чешской литературы» (1825, 2-е изд. 1849) и «чешско-нѣмецкій словарь» (5 огромныхъ томовъ въ 4-мъ, 1835—1839).

2. Pav. Jos. Šafaiřk (1795+1861).

«Slovanské starožitnosti».

Pokřesťanění Čechův.

Obrácením kn. Bořivoje a celé jeho rodiny na víru křesťanskou rozhodla se převaha křesťanstva nad pohanstvem v

Čechách. Dobou tou končí se pospolu i věk nejistých domácích podání o starobylých příhodách národu českého: uvedením písemného umění a školních nauk do Čech historie domácí nabývá pevného chodu, a letopočet se pravidelněji ustavuje. A však nicméně o samém čase, místě a způsobě toho obrácení tak chudé a dílem nepravdivé zprávy v písemných památkách potomstvu se dochovaly, že úplné jistoty ohledem všech okolností předůležitého tohoto příběhu podnes naprosto dosíci nelze. Viděli jsme nahoře, že již l. 845 čtrnácte pánův českých křest svatý v Rezně přijalo. Ačkoli tím křesťanství do celých Čech ještě uvedeno nebylo, však nicméně domýšletí se lze, že náklonnost a ochotnost ku přijetí jeho, zvláště přičiněním horlivých zvěstovatelův evangelium, od západu do Slovan přicházejících, vždy více v národu se rozmáhala, tak že jestliže kníže český s rodinou svou až dotud víry této a křestu byl nepřijal, stalo se nepochybně jednak pro bázeň před lstivými panovníky německými, kteříž s novým náboženstvím pospolu i jho těžké poroby na obrácené národy slovanské vzkládati byli uvykli, jednak též pro neumělost kněží německých, lidu slovanskému, osvěty hledajícímu i potřebujícimu, nenáviděnou latinu i němčinu, a tudy cizotu, vnucujících. Od bratrské Moravy a slovanských apoštolův, v ní od nedávna v tichosti a požehnaně pracujících, nebylo se čeho toho obávati: kníže Bořivoj ochotnou myslí přijal dary nebeské, odtud sobě a národu svému podávané. Že Bořivoj od arcibiskupa Methoda, přičiněním sameho Svatopluka, obrácen a křestěn byl, o tom všecka nejstarší svédectví jednohlasně vypravují. K víře podobné jest, že to již l. 871 v Moravě nebo v Čechách se stalo, kdežto, jak víme, Bořivoj v těsné přátelské svazky s moravským panovníkem byl vstoupil: aspoň o kněžně české tehdáž za Svatopluka provdané vším právem, že neprodlené křest svatý přijala, domýšleti se lze. Za příkladem panujícího rodu, podlé přirozeného běhu věcí, pošli ostatní lechové a páni; lid obecný volně i nevolně přijímal po malu, což vznešenější jeho vůdcové slovy i příkladem jako dobré

spasitelné přijímati radili. A však i v Čechách, jakož všudy jinde ostatkové pohanstva teprvé po drahném čase, ne bez násilných prostředkův, vykořeněni byli.. První křesťanští chrámové v Čechách byli jménu sv. Klementa zasvěceni, vědomoť pak jest, že Konstantin a Method nejhorlivější ctitelé dotčeného svatého byli, jehož ostatky oni z Chersonu do Moravy, odtud pak do Říma přenesli. Tak np. kaple u sv. Klementa v Litomysli, o níž teď z nově odkrytých pramenův vědomo, že ji sv. Konstantin a Method posvětili, a že v ní tělo sv. Klementa za čas bylo složeno, tak chrám u sv. Klementa na Levém-Hradci, knížecím sídle na levém břehu Vltavy, půldruhé míle k severu od Prahy, nejstarší chrám v knížetství Pražském, tak třetí chrám, rovněž jménem sv. Klementa vyznačený, na Vyšehradě. Neméně světle doličuje vplyvu učitelův moravských na Čechy a užívání liturgie slovanské v zemi této nejstarší legenda cyrillská o sv. Václavovi, v nížto zřejmě se čte, že sv. Lidmila vnuka svého Václava nejdříve skrze popy knihám slovenským, potomně pak v Budči i písmu latinskému vyučiti dala, což podlé tehdejšího spůsobu mluvení na žádné jiné, než cyrillské knihy a písmo, slyšáno býti nemá a nemůže, ješto tehdáš jiného slovanského písma (na rozdíl od latinského, jímž ovšem i slovanská slova se psávala) nestávalo. Dále někdejší bytnost liturgie slovanské v Čechách potvrzuje i prastará, do počátku křesťanství v Čechách sahající církevní píseň Hospodine pomiluj ny, slohem svým cyrillskou býti se vykazující. Naposledy sem i to přináleží, že l. 1035—1097 v době, kdež slovanská liturgie v Čechách od papeže již zamezena byla, obřadové její pod ochranou jednotlivých opatův a knížat zde onde, jmenovitě v klášteře Sázavském, ještě se zachovávali; což mělo-li průchod tak pozdě, po stroskotání říše moravské a odloučení Čech od zemí, v nichž slovanská liturgie panovala, ovšem mnohem snáze a v plnější míře za kvetoucího stavu říše Svatoplukovy a slovanské liturgie v ní, tehdáž od samého papeže nejen připuštěné, anobrž i schválené, při tak ouzkém spojení obou národův a dvorův v nich

panujících, místo míti mohlo i musilo. Z těchto a mnohých jiných neméně podstatných důvodův, jichž zde pro krátkost vyčitovati pomíjíme, dostatečně vysvítá, že jakož dvojí cestou světlo náboženství křesťanského do Čech se dostalo, z Němec okolo l. 845, a z Moravy okolo l. 871, tak i dvojí liturgie, latinská a slovanská, do nich se uvedla a za některý čas pospolu, jedna vedlé druhé, v nich byla užívána. Mám zajisté za to, že tehdáž v Čechách známost obojího písma i jazyka, slovanského i latinského, rovně se rozšiřovala: neboť oboje národu a správcům jeho zároveň byla potřebna, ona ke službám božím a k domácímu vyučování, tato k jednání s cizími dvory, zvláště s papežem a německým císařem. Anobrž i k domácím, zvláště světským předmětům již velmi časné použito písma latinského, jakž toho rukopis Snémy, jejž s největší podobností do konce 9-ho stol. položiti lze, jasně dovozuje. Aniž pak Method sám, tento přítel papežův, od něho samého za arcibiskupa ustanovený a v ochraně jeho se nalezající, latinskou liturgii zamezoval, kteráž i za jeho času na dvoře Svatoplukově vedlé slovanské, obecnému lidu oblíbenější svobodný průchod měla, ačkoli svatý tento muž a nesmrtelný nás učilel o to od nepříznivého, schytralého Wichinga u papeže napořád křivě udáván a rozličnými pletichami bez prestání sužován byl. Zdaliž za jeho času Čechy za částku biskupství moravského pokládány, nevědomo. Že biskupové Řezenští dřívě i později, až do zřízení biskupství Pražského (973), právo k Čechům sobě osobovali, věc jista jest; ale i to neméně zřejmo, že takovéto německé biskupství ve Slovanech (in partibus infidelium) nejednou pouze na papíře a v hlavě Němcův bytovalo, ješto ve skutku (in praxi) docela jináč se dálo, jakž toho v Pannonii, Moravě, Polště, Rusku a j. nejedny příklady nacházíme. Kterák později, po smrti Methodově (885) a nade všecko po vyvrácení veliké říše moravské, tatáž liturgie slovanská, jsouc od svých sester v Pannonii, v Bulhařích, východní Haliči atd. odloučena, za rozličnými příhodami, jmenovité umučením sv. Václava (936) a vyhnáním slovanských kněží ze země od bratrovraha

Boleslava, s protivnou stranou se spolčivšího, konečnou zkázu vzala, toho další vypravování do oboru díla našeho nepřináleží. —

(P. S. Šafaříka Sebané spísy. K vydání upravil J. Jireček. Praha, 1862—65, II, стр. 447—452).

«Славянскія древности» (Slovanské starožitnosti) окончены были печатаніемъ въ 1837 году. Книга эта, доставившая автору широкую ученую славу, и ставшая исходной точкой всѣхъ трудовъ по изученію древней славянской исторіи, переведена на русскій языкъ Бодянскимъ,—М. 1848 г. (2-е изд. въ 5-ти книгахъ; 1-е не было окончено); есть также польскій и нѣмецкій переводы. Вообще Шафарикъ, послѣ Добровскаго, былъ самымъ сильнымъ ученымъ авторитетомъ въ изученіи славянства. Его «Славянскія древности», «Исторія славянской литературы по всѣмъ нарѣчіямъ» (Ofen, 1826), «Славянская этнографія» (Slovanský národopis, 1842 г.,—русскій переводъ Бодянскаго, М. 1843 г.)—имѣли и имѣютъ все—славянское значеніе. Весьма важны также разнообразные труды его по древне-чешской литературѣ, по древне-сербскому языку («Serbische Lesekörner, Ofen, 1833) и южнославянской старинѣ и литературѣ, по вопросу о происхожденіи глаголицы и т. д. Изданіе сочиненій Шафарика: Sebrané spísy, Прага, 1862—65, еще не полное; въ третьемъ томѣ частныя изслѣдованія по древности, миѳологіи, исторіи литературы и филологіи.

3. Fr. Palacký (1798+1876).

Dějiny národu českého (III, 1, Pr. 1850).

a) Янъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій.

Mistr Jan Hus narozen byl r. 1369 v Husinci, městečku náleževším tehdáž dílem službau ku královskému hradu Husi, dílem upřímo ku komoře královske, z rodičův stavu obecného sice, a však vždy poněkud zámožnějších. V Praze studovav,

stal se tam v září 1393 bakalářem svobodnych umění, 1394 bakalářem theologie, pak 1396 v měsíci lednu mistrem svobodných umění. Jméno jeho jevívá se v počtu graduovaných pokaždé asi u postřed; zdá se tedy, že ve škole nebyl považován za hlavu zvláště výtečnau. Počaltě však již r. 1398 professorovati na universitě, a r. 1399 pohádal se ponejprv s kollegami svými, zastávaje některé Viklefovy články v disputací, kteráž držána byla ve faře svatomíchalské na Starém městě. Nicméně volen jest již 15 října 1401 k důležitému auřadu děkanství fakulty filosofské, a presentován co takový za kazatele v kaple Betlemské od králova milce Jana z Milhejmu, Pražského měšťana z Parduhic rodilého, jenž kaplu onu r. 1391 na Starém městě sám byl založil a nadal. Vikář arcibiskupský ustanovil ho k auřadu tomu listem obyčejným dne 14 března 1402 vydaným. A hned na to, v měsíci říjnu, povýšen jest Hus již k najvyššímu důstojenství akademickému, k rektoratu Pražské university, jímz i vládnul az ku konci měsíce dubna 1403.

Mistr Jeronym Pražský pocházel z rodu vládyckého v Praze, a byl o několik let mladší nežli Jan Hus, k němuž již za mládí přivinul se přátelstvím nejvraucnějším. Rovnaje se jemu výtečnými dary ducha, ostrovtipností a výmluvností, lišil se předce od onoho přísně opravdového a pevného charakteru větší jarotau mysli a jakausi neustavičností i zevnitř se jevící. Neb když Hus ani z Prahy a z Čech nevycházel, zdálo se, že Jeronymovi horlivému Europa celá nestačí uhasiti žížeň jeho po vědách. Již co student odešed do Anglie na universitu Oxfordskau přinesl odtud do Prahy několik ještě neznámých spisů Viklefových. V září 1398 stal se bakalářem svobodných umění a obdržel o pět měsícův později, přičiněním přítele svého, dvauletau dispensací od university Pražské. Pak bral se opět do ciziny, na university Kolínskau a Hiedelberskau v Němcích, konečně i do Paříže, kdežto dosáhl důstojenství mistrovského, kteréž jemu v Praze teprv později také uděleno bylo. A však ani na tom dosti neměv, byl již r. 1403 dal se na cesty až do Palestiny a Jerusaléma,

i navštívil později také jiné krajiny, brzy co rytíř a dvořenín, brzy co učenec si počínaje, ale pro náchylnost svau k Viklefovovi také se mnohými protivenstvími se potýkaje, jakož o tom dále na svém místě vypravovati budeme.

Tito byli nejvytečnější dva mužové, kteří pojavše do sebe símě nespokojenosti se stavem církve, v Čechách od dávna trausené, vedli je vlastní ducha mocí k dalšímu rozvíjení. K nim družil se zástup celý mužův nematných, jakoví byli M. Jakaubek ze Stříbra, M. Jan z Jesenice, M. Prokop z Plzně a jiní.

б) Янъ Гусъ, какъ проповѣдникъ въ Виѳлеемской часовнѣ.

Mnoholeté působení tohoto skutečně výtečného kazatele v kapli Betlemské na Starém městě Pražském náleží mezi nejdůležitější zjevy věku onoho. Byv méně hrubým v řečech nežli někdy Kunrat Valdhauser, a méně blauznivým v myšlenkách nežli Milič, nerozbuřoval také posluchačů v té míře, jako tito jeho předchůdcové: za to ale aučinek jeho kázaní byl trvalejší. Mluvívalť zajisté především k rozumu, vodil ku přemýšlení, a poučiv i přesvědčiv dříve, potom teprv užívával také slov dojímavých a pronikavých. Bystrota i jasnost mysli jeho, spůsobilost zvláštní, uhoditi všude do jádra véci a rozvinauti je před očima jednoho každého, neobyčejná zběhlost ve knihách vůbec a zvláště v písmě svatém, rázné i důsledné hájení celé saustavy článkův učebných, — to vše dávalo mu patrnau převahu nade druhy a vrstevníky jeho. K tomu pojila se přísná opravdovost ve všem jednání, mysl nabožná, víra živá i pevná, obcování i dle saudu nepřátel bezauhonné, cit něžný ku přátelům, horlivá snaha o ušlechtění národu a opravení všeho, co v církvi tehdáž porušeného bylo, ale spolu také neobyčejná smělost, neustupnost a nešetrnost proti nepřátelům, do oka padající chtivost po lásce u lidu a po cti a slávě, ale slávě takové, která vrch svuj nalézá v koruně mučennické [1]). Pobožné horlení jeho, směru-

[1]) Lícení toto zakládá se hlavně na uvažování knih od Husa česky psaných, ve kterých původní povacha i mysli jeho přirozeněji a ostřeji se

jící zjevně jen k nápravě mravů a ke zrušení mnohých opravdu mrzkých neřádův, získalo jemu nejen velikau lásku v obyvatelstvu Pražském, ale i zvláštní važnost u tiché a pobožné královny Sofie, která i zvolila sobě jeho za zpovědníka. Tím dán mu přístup a vplyv u dvora, jakkoli Václav málo dbal o články učení jeho a o rozdíl, jestli který vyskytoval se mezi nimi a učením církve obecné. — —

в) Послѣдствія удаленія изъ Праги нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ Пражскаго университета.

Toto pauhau náruživostí počaté a vykonané stěhování německých professorův a studentův z Prahy mělo v dějinách předůležité následky. Z Prahy dělalo se již od věku Karla IV takořka hlavní město veškeré říše Německé, a to za dvojí příčinau, totiž že tam byl i dvůr císařův i universita; tato pak měla v ohledu tom ještě tuším větší váhu, nežli onen. Ačkoli Němce počítaly tehdáž již několikero vysokých škol, nebylo však mezi nimi žádných, které co do počtu a vplyvu bylyby Pražským rovnati se mohly. Již od půlstoletí prýštil se z Prahy hlavní pramen vzdělanosti a umění na vše strany, zvláště ale do severních Němec i až do Skandinavie; a nejen vědecký ale i krásoumný duch prospíval příkladem a pobuzaváním odsud vycházejícím; anobrž i kupectví zmahalo se školami Pražskými více a více, jelikož nejeden

pronáší, nežli ve spisech latinských po školsku skládaných. Kterak Hus záhy da nějakého mučennictví svého se zamýšlel, důkazem mohau býti mezi jinými slova následující od něho r. 1412 psaná: «A běda mně, neučinillibych, kdyby mi se to přihodilo. Neb viem, že milým utrpením získalbych tělu svému mučedlničí korunu, ukrotilbych hněv nepřátel, dalbych dobrý příklad, jinýchbych potvrdil v dobrém, a snad oživilbych trpením duši nepřítele, která jsuc mým bráněním k netrpělivosti popuzena, snadby byla zatracena; a tak já polože život svój za něho, jehožbych tak pokorně sě postavě a trpě, učinilbych ho sobě přítelem, prospělbych jemu i sobě i všie cierkvi svaté mučedlnictvem slavným. Neb nenie příčina slavnějšie k mučedlnictvu svatému, než obrana zákona Kristova» a t. d.

student cizozemský obíral se také kupčením, čili ať řekněme určitěji, mnozí kupci Němečtí dali se byli v Praze immatrikulovati, aby privilegií studentských osobně aučastni se státi mohli. To vše přestalo nyní jedním rázem; Praha pozbyla přednosti své mezi městy Německými již proto, že větší počet Němců neměli více zřetele k ní co sídlu krále svého. Německé university nabyly skrze Pražské vystěhovance nové síly, také založena těmito nova universita v Lipsku a otevřena již v běhu téhož léta 1409; vědecký duch u Němcův, nejsa veden vplyvem města hlavního, počal se rozvíjeti všestranněji a samostatněji. Ještě důležitější ale byly následky stěhování toho pro Cechy. Německá národnost u nich utrpěla jím první téžkau ránu, po níž když jich následovalo v témž směru ještě více, živel německý nemohl skrze několikero století zotaviti se v Čechách zase. Ale nejbližší a nejmohútnější důraz šel ze skutku toho na další rozvijení se ideí reformatorských u Čechův. Ustaupením professorův a studentův německých z Prahy probořila se nejsilnější hráz, stavivší se potud ideám takovým na odpor; vítězství jejich bylo již nepochybné, tak že rozpraudily se v zemi na vše strany téměř bez překážky. A již tak velice ujemněny byly mysli obyvatelstva k nim, že nevole oněch, kteří počítali ztrátu ovšem čitelnau v obchodu vezdejším, nenacházela saucitu ve spaustě lidu obecného, a škoda, kterauž utrpěli hospodáři Pražští ubytím činže a výdělku, sotva hlasitého reptání příčinau se stala.

г) Осужденіе и сожженіе Гуса.

V sobotu dne 6 července měl sbor ve biskupském kostele Konstanském patnácté své valné posezení, jedno z nejslavnějších a nejdůležitějších Přítomen byl i král Sigmund, na trůnu sedě, se znameními majestátu; po boku jeho držel falckrabě Ludvík říšské jablko, Normberský purkrabě Fridrich žezlo, Bavorský vévoda Jindřich korunu, Uherský magnat meč. Kardinálové i preláti byli se svým

předsedau kardinálem ze Brogni v auplném počtu pohromadě. U postřed chrámu vynikalo malé lešeníčko, a na něm kůl obvěšený ornátem mešním. Pokud trvala slavná mše, čítaná Hnezdenským arcibiskupem, musel Hus čekati u dveří chramových mezi oděnci; teprv když biskup Lodenský měl kázaní o slovech apoštola Pavla, «aby zrušeno bylo tělo hříšné,» vězeň uveden byv modlil se na kolenau u lešení, an kazatel připomínal sboru a králi zvláště povinnost. aby vypleli všeliké kacířství z lůna církve křesťanské. Při počátku jednání ohlášena jménem sboru zápověd, že pod pokutau klatby a dvauměsíčné vazby nikdo, buď kdo buď, nesmí rušiti jednání ani vskakováním do řeči, ani odmlauváním, jevením chvály nebe hany. Na to čteno několikero ze 260 článkův bludných, ježto universita Oxfordská ze spisův Viklefových byla vytáhla, i vyřčen nad nimi odsudek. Pak přišla řada na při Husovu. Papežův auditor Berchtold z Vildungen četl nejprv třidcatero článků ze spisův jeho, potom žaloby svědectvími dotvrzené a celý běh práva proti němu vedeného. Hus chtěl hned s počátku odmlauvati a ospravedlňovati sebe, což mu ale již nedovoleno; když pak přece mluviti se pokaušel, přikázal kardinál Zabarella strážím, aby ho donutili k mlčení. Vrhnuv se tedy na kolena, zdálo se jakoby k nebi hledě chvíli se modlil. Když ale netoliko takové stížnosti přednášeny opět, o kterých mněl, že je dávno vyvrátil, nýbrž i nová, do té doby neslýchaná obviňování, jako ku př. žeby se vydával sám za čtvrtau osobu ve svaté trojici, nedal se překaziti, aby neodmlauval opět hlasitě a poněkud i tprce. Opakoval také časté své slovo, že dověřiv se králi a ochrannému jeho listu, přišel ke sboru dobrovolně k dokázaní neviny své. Sigmundovy líce zřejmě zarděly se, když Hus toto mluvě oči své naň upřel. Potom četl biskup Konkordienský odsudek nejprv proti knihám a učení jeho, pak proti němu samému; ony odsauzeny k ohni, on pak vyhlášen za zjevného kacíře, an kázal prý učení bludné, pohoršlivé i odbojné, zavedl množství lidí, tupil čest a moc apoštolské stolice i církvé, a zarputil se

naprosto ve zlosti své; pročež že má býti ssazen s knězství, zbaven přijatého svěcení a odevzdán rukám světským, ana církev nic více s nim činiti nemá.

Nařízeno jest arcibiskupovi Milánskému i šesti jiným biskupům, aby Husa co kněze odsvětili na místě. Postavivše tedy jej na lešení a davše naň všecka raucha mešní, do rukau pak jeho kalich, žádali opět od něho, aby odvolal bludy své. I pronesl se opět s pláčem k okolostojícím, že boje se ublížiti svědomí svému, býti lhářem před bohem a dáti pohoršení posluchačům a učenníkům svým, nemůže učení a spisův svých odpřisáhnauti ani odvolati. Biskupové přikročivše tedy k degradaci jeho, odjali jemu nejprvé kalich, potom raucha mešní jedno po druhém, se hrozným zlořečením, ve případnosti takové obyčejným. Když mu posléze i kněžská pleš zrušena měla, povstala mezi biskupy hádka o spůsob, kterak to činiti se má; on pak uživ příležitosti té, obrátil se ku králi slovy těmito: aj! ještě tito biskupové neumějí ani v tryznění mém se srovnati! Po dokonání obřadu toho traplivého postavili mu pyramidální papírovau korunu as loket zdélí na hlavu, na niž malováni byli tři čertové sápající duši hříšnau, s nápisem: «hic est haeresiarcha,» biskupové pak pronesli tato poslední nad ním slova: «církev nemajíc již nic s tebau činiti, odevzdává tělo tvé moci světské, duši pak tvau d'áblu!» Hus nezamlčev se přitom, osvědčoval ochotnost svau podnikati všeliké muky za příkladem, jak pravil, Kristovým i apoštolův jeho. Na rozkaz od krále Sigmunda daný odložil tudíž falckrabě Ludvík znaky říšské, a vzav vězně v moc svau, odevzdal jej konšelům Konstanským s těmi slovy: «vezměte Jana Husa, jenž dle nálezu krále pána našeho nejmilostivějšího a z rozkazu našeho má co kacíř upálen býti.»

Bez odkladu na to následovalo vykonání nálezu. Když sbor pokračoval v jednání svém, Hus z rozkazu falckrabova veden jest z kostela i z města na popraviště: provodil ho zástup asi tisíci oděncův, u nesmírném divákův davu. Když vystaupiv z kostela, viděl na hřbitově v ohni plápolati kni-

hy své, usmál se tomu; i šel k smrti pevným krokem, žalmy spívaje aneb se modle, aniž bylo při něm znamení strachu aneb lítosti. Pro nesmírnau tlačenici lidu kráčel celý pochod jen z povolna i museł několikrát zaštaviti se; v takových okamženích pakaušel se Hus vyjádřiti se o věci své k okolostojícím. Konečně přišed na popraviště ku připravené hranici, zdálo se, jakoby rozveselil se ještě v duchu. Vrhnul se u prkna tlustého, k němuž přivázán býti měl, na kolena i modlil se hlasitě; při čemž když papířová koruna s hlavy se mu smekla, spatřiv ji usmál se. Někteří okolostojící připomenuli, nechtělliby ještě zpovídati se? čemuž potakav, však když kněz přistaupiv jen pod tau výminkau rózřešení dáti slíbil, jestliže odvolá, opět odepřel. Chtěl potom zase promluviti k lidu, čehož ale přítomný falckrabě nedopustil, kázav jej tudíž přivázati k prknu; jen to mu ještě dovoleno, že děkovav žalářným svým za jejich šetrné s ním nakládaní, s nimi rozžehnati se mohl. Pak svlekše jej katové přivázali ho k prknu provazy i řetězy; když pak tváří k východu obrácen byl, a někteří z okolostojících to při kacíři za neslušné pokládali, otočen jest k západu. Dříví dvě fůry, slámau promíchané, rozloženy okolo něho tak, že až pod krk ho kryly; pod nohy, ještě opautané, podstrčeny také dvě otepě. V posledním okamžení přišel ještě od krále říšský maršalek Haupt z Pappenheimu a vyzval Husa u přítomnosti falckrabě Ludvika konečně, aby odvoláním zachoval život i duši svau. Hus odpověděl, že cítí se v duši své nevinna, i že na té pravdě, kterauž poznav učil a kázal, nyní vesele chce umříti. Tu páni oba tleskše rukama odešli, kat pak zapálil hranici. Děsný boj k smrti netrval dlauho; žalmy spívaje i k nebi hledě, brzy obklíčen byl plápolem odevšad vyrážejícím; vítr se zdvihnuv šlehnuł mu jej do tváře, tak že v několika okamženích ani neblesna zalknul se. Neohroženosti mysli ve všech těchto scenách dokázané obdivovali se i nejkrutější nepřátelé jeho.

Když falckrabě spatřil šaty Husovy ještě v rukau katových, kázal uvrhnauti je také do hořící ještě hranice, slibuje dáti

jemu za to náhradu. Ale i všecken pozůstalý popel musel na popravišti pilně sebrán a do mimotekaucího Reyna vmetán býti, aby po nebožtíku nic nezůstało, coby přátelé schovati, do Čech odnesti a tam co svaté mučenníkovy ostatky ve cti míti mohli.

Первый томъ чешской исторіи Палацкаго вышелъ въ 1836 г. на нѣмецкомъ языкѣ; на чешскомъ начала выходить только съ 1848 г., и въ пяти обширныхъ (двойныхъ) томахъ доведена была Палацкимъ, къ концу его жизни, до 1526 г. Изъ всѣхъ чешскихъ ученыхъ Палацкій оказалъ наибольшія услуги чешской исторіографіи. Его «Исторія чешскаго народа» написана съ обширнымъ, до него у Чеховъ не виданнымъ изученіемъ источниковъ и получила значеніе національное.—Важны также труды Палацкаго по изданію чешскихъ историческихъ источниковъ, старыхъ лѣтописцевъ, актовъ, грамотъ и т. д. Мелкія статьи Палацкаго по литературѣ, эстетикѣ, исторіи и политикѣ собраны въ «Radhost», Pr. 1871—73, 3 части.—Подробнѣе о Юнгманнѣ, Шафарикѣ и Палацкомъ въ Ист. слав. лит. II, 934—949.

4. Jan Kollár (1793 † 1852).

«Slávy Dcera».

(4-é vydání, v Praze, 1875).

Předzpěv.

Aj zde leží zem ta před okem mým slzy ronícím,
   Někdy kolébka, nyní národu mého rakev.
Stoj noho! posvátná místa jsou kamkoli kráčíš,
   K obloze, Tatry synu, vznes se vyvýše pohled,
Neb raději k velikému přichyl tomu tam se dubisku,
   Jenž vzdoruje zhoubným až dosaváde časům.
Však času ten horší je člověk, jenž berlu železnou

V těchto krajích na tvou, Slavie, šíji chopil.
Horší nežli divé války, hromu, ohně divější,
Zaslepenec na své když zlobu plémě kydá.
O věkové dávní, jako noc vůkol mne ležící,
O krajino, všeliké slávy i hanby obraz!
Od Labe zrádného k rovinám až Visly nevěrné,
Od Dunaje k hltným Baltu celého pěnám:
Krásnohlasý zmužilých Slavjanů kde se někdy ozýval,
Aj oněmělť už, byv k ourazu zášti, jazyk.
A kdo se loupeže té, volající vzhůru, dopustil?
Kdo zhanobil v jednom národu lidstvo celé?
Zardi se závistná Tevtonie, sousédo Slávy,
Tvé vin těchto počet zpáchaly někdy ruky
Neb krve nikde tolik nevylil černidlaže žádný
Nepřítel, co vylil k záhubě Slávy Němec.
Sám svobody kdo hoden, svobodu zná vážiti každou,
Ten kdo do pout jimá otroky, sám je otrok.
Nechť ruky, nechťby jazyk v okovy své vázal otrocké,
Jedno to, neb nezná šetřiti práva jiných.
Ten kdo trůny bořil, lidskou krev darmo vyléval,
Po světě nešťastnou války pochodni nosil:
Ten porobu slušnou, buď Goth, buď Skýta, zasloužil,
Ne kdo divé chválil příkladem ordě pokoj.
Kde ste se octly milé zde bydlivších národy Slavů,
Narody, jenž Pomoří tam, tuto Sálu pily?
Srbů větve tiché, Obodritské říše potomci,
Kde kmenové Vilců, kde vnukové ste Ukrů?
Na pravo šíře hledím, na levo zrak bystře otáčím,
Než mé darmo oko v Slávii Slávu hledá.
Rci strome, chráme jejich rostlý, pode nímž sě obětné
Dávnověkým tehdáž pálily žertvy bohům:
Kde jsou národové ti, jejich kde knížata, města?
Jenž prvý v severu zkřísili tomto život.
Jedni učíce chudou Evropu plachty i vesla
Chystati a k bohatým přes moře vesti břehům.
Kov tu jiní ze hlubin skvoucí vykopávali rudných,

Více ku poctě bohům nežli ku zisku lidem.
Tam ti neourodné rolníku ukázali rádlem,
By klas neslo zlatý, brázditi lůno země.
Lípy tito, svěcený Slávě strom, vedle pokojných
Cest sadili, chládek by stlaly vůkol i čich.
Muž syny města učil stavěti, v nich vesti kupectví,
A mlád' svou učily tkávati plátno ženy.
Národe mistrovský, jakové pak máš za to díky?
Rozšklubaný hnusné zpotvořenosti věnec.
Jak včely med zavoníc kradné se do oule cizého
Hrnou stádně a pak matku i dítky bijí:
Tak tu domu vlastní podroben pán, chytře mu vlezlý
Souded ovil těžký smutně o hrdlo řetěz.
Kde spanilá v zelených hajech pěla písně Slavenka,
Už hlaholem zpěvná ústa umlkla němým,
Kde z mramoru stály hromného paláce Perůna,
Z troskotaných sloupů ted' psota chlévy dělá.
Kde k nebi své věžila staroslavná Arkona týmě,
Zlomky drobí ted' tam hostě cizého noha.
Rozbořené želejí zdi chrámů Retry pověstné,
Kde čněly, už ryje tam hnízdo si ještěr a had.
Slávy syna k bratrům přišlého v ty kraje nezná
Brat vlastní, aniže vděčně mu tiskne ruky.
Řeč ho cizá zarazí ze rtů a tváři slavenské,
Zrak mu lže Slavjana, sluch klamy bolně kazí.
Neb tak přehluboko vtlačila znaky Sláva synům svým,
Místo že jich vymazat nikde nemůže ni čas.
Jak dvě řeky, spojilo když i jich vody jedno řečiště,
Předce i po drahné cesté je barva dělí:
Rovně tyto zmatené násilnou národy vojnou
Až posavád loučí dvůj očividně život.
Odrodilí synové však své sami matce začasto,
Bič macechy hříšné oblizujíce, lají.
Nejsou ni Slavjané životem nejsou ani Nemci,
Půl toho, půl toho jen jak netopýři mají.
Tak peleší v krajinách osmanské plémě helenských,

Koňský na vznešené vstrkna Olympy ocas.
Tak porušil zištný Europčan dva světy Indů,
Za vzdělanost' vzav jim cnost, zemi, barvu i řeč.
Národ i čest zmizeli, s jazykem bohové zde zanikli,
Jen sama zůstává příroda nezměněná.
Les, řeky, města a ves změniti své jméno slavenské
Nechtěly, než tělo jen v nich, ducha Slávy není.
O kdo přijde tyto vzbuditi hroby ze sna živého?
Kým přivoden slušný k své bude vlasti dědic?
Kdo roe to nám místo, kde cedil svou někdy za národ
Krev Miliduch, kdo na něm sloup mu památky složí?
Kde hněvivý novotám, otcovskou prostotu bráně,
Válčícím Slavjanům Kruk po slavjansku velel?
Neb kudy vítezný máchal meč v půtce Bogislav,
A v pokoji šť'astnou zákony řídil obec.
Už jich více není! s rachotem surového rekovské
Články jejich zhoubný láme oráče lemeš.
Stíny jejich na dvou se časů hněvajíce ničemnost,
Ve mhle sivé těchto zříceniu úpně vyjí.
Upně vyjí, že osud posavád se smířiti váhá,
A vnuka krev lecjak tam hnije, tam se mění.
Jak muselo v tom by studené být k národu srdce,
Jenžby tu slz jak nad kostmi milenky nelil.
A však umlkni tichá, na budoucnost patři, žalosti
Osluněným rozptyl mráčky myšlének okem.
Největší je neřest v neštěstí láti neřestem,
Ten, kdo kojí skutkem hněv nebe, lépe činí.
Ne z mutného oka, z ruky pilné náděje kvitne,
Tak jen může i zlé státi se ještě dobrým.
Cesta křivá lidi jen, člověčenstvo svesti nemůže;
A zmatenost jednéch často celosti hoví.
Čas vše mění, i časy, k vítězství on vede pravdu,
Co sto věků bludných hodlalo, zvrtne doba.

1.

V onom kraji, kde se květorouchá
Sála dolinami rozstřela,

Po nichž někdy silná kráčela
Pověstného noha Miliducha;
Sláva, že ji čas a zloba hluchá
Zhanobily, k nebi úpěla,
Rada bohů přijdouc zavřela
K její křivdě nakloniti ucha:
Přemítáno dlouho o náhrade,
Každý z bohů vroucně rozpráví,
Jeden to a druhý ono radě;
V tom cos Lada Milku šepce hezká,
Ten aj pannu stvořiv představí,
A sněm tichne, žasne, chválu tleská

(Zpěv I, con. 1).

2.

Nehýřil sem, nelakotil, nepil,
Hry mi záhy přišly v nemilost,
Netěšila mne ta zdvořilost,
Kterou jen zvyk do života štěpil;
Peněz blesk mne nikdy ne oslepil,
Chladným nechala mne zmužilost,
Ale v bělohlavskou spanilost
Veždy oči s podivem sem vlepil;
Ještě ani neznal sem co láska,
Už se srdce v touhách rozlilo,
Jestli sličná potkala mne Kráska;
Božství k jiným ve kři, hromu hlase,
Knihách, snách neb metlách mluvilo
Krvavých, a ke mně v ženské kráse (I, 3).

3.

Nejkrásnější nade všecky cnosti
Cnost, jenž vlastní cnosti ukrývá,
Pohled, jehož krotkost stydlivá
Jest jen zrádcem větší spanilosti;
Srdce, jen mu trůn dej všemožnosti,

Ráje po vší zemi rozsívá,
Rtíky, z nichž se zdravý ozývá
V liboplynné rozum výmluvnosti:
O, kde svítíš hvězdo utěšená?
Jsili v skutku, drahý předměte!
Čili jen sen marný zlatých časů?
I ne, žije! žije? libých hlasů
Struny k chvále její zavzněte,
Ejhle mně je, mně je zaslíbená (I, 4).

4.

Láska, totiž pravá, ne ta bájná,
Nikdy sama jedna nechodí,
Jako z matky se z ní narodí
Hned i pravda a cnost nebedajná;
Kam se pohne nevinnost ji hájná,
Nauka, čest i síla sprovodí,
A co náboženstvu lahodí
Více nežli lkání její tajná?
Naděje a radost v tvaři její,
Jako ranní rosa u růže
Jarokvětné, spanile se skvějí;
Láska jest všech velkých skutků zárod,
A kdo nemiloval, nemůže
Ani znati co je vlast a národ (I, 25).

5.

Hodiny jsou, a to nejšťastnější,
Kde nám jeden kvítek v skrytosti
Více způsobuje radosti,
Než křik a blesk světa nejskvostnější;
Hodiny jsou, a to nejkrásnější,
Kde nás dítě ve své žvavosti
Více poučuje moudrosti,
Nežli Plato a Kant nejslavnější;
Hodiny jsou, kde Bůh v srdci našem,

Věčnost, zem i nebe přebývá
Jasněji, než světy v chrámě vašem:
Tajemství však toto přetlumočí
Jen ten sobě, ctí a cítívá,
Komu láska bělmo sňala s očí (I, 35).

6.

Co jest slunce jitru spanilému,
Měsíc noci, hvězda plavcovi,
Kvítek včele, voda mřenovi,
Slavíkovi hájek zpěvavému;
Co jest čerstvý chládek pocestnému,
Ovci tráva, křídla orlovi,
Koruna a berla královi:
To jest srdci milenka má mému;
Co jest jaro mezi roku díly,
Perla mezi kovy drahymi,
Mezi větry zefyreček milý;
Co jest růže mezi květinami,
Palma mezi stromy jinými:
To jest Ona mezi panenkami (I, 47).

7.

Sláva krásou libé řeči Polku,
Vděkem ozdobila Srbinku,
Slovačky pak, naši rodinku,
Zpěvem úst a srdcem bez okolku;
V Rusku panství, v Českou skryla holku
Smělost k hrdinskému oučinku,
Ale každou krás těch květinku.
Ještě v celém chtěla míti spolku:
Káže tedy, aby podle měru
Spojil Milek, její kochánek,
Ony částky v jednu Slávy dceru:
Proto se tu, jako v moři řeky,
Divne spolu všechněch Slavjanek
Objímají ctnosti, krásy, vděky (I, 48).

8.

Nechci zlata, nápoje a jídla,
  Titulů a korun žádati,
  Chceš-li mi však čeho dopřáti,
  Slávo, matko milá! dej mi křídla;
Na nichžto bych všudy, kde jsou sídla
  Bratrů Slávů, mohl létati,
  Cechové k vám, Srbi, Chorvati,
  Potom kde jsou Visly, Volgy zřídla:
Tak jak motýl z květu na květ létá,
  Podnebím bych létal v krajinách
  Veškerého slavenského světa;
Tou bych pastvou věčně oči bavil,
  A všem kmenům, po všech rodinách
  Zpěvem matku jako dceru slavil (I, 67).

9.

Slávie! ó Slávie! ty jméno
  Sladkých zvuků hořkych památek,
  Stokrát rozervané na zmatek,
  Aby vždycky více bylo ctěno;
Od Uralů Tatrám na temeno,
  V pouštěch, kde má rovník počátek,
  Až kde slunka mizí dostatek
  Království jest tvoje rozloženo!
Mnohos nesla a však křivdy činů
  Nepřatelských všecky přežila,
  Ba i špatný nevděk vlastních synů:
Tak, když jiní snadno v půdě měkké,
  Ty jsi trůny sobě tvrdila
  Na století rumích dlouhověké (Zpěv II, 138).

10.

Od Athosa k Trigle, k Pomořanům,
  Ode Psího k poli Kosovu,
  Ode Cařihradu k Petrovu,

Od Ladogy dole k Astrachanům;
Od Kozáků ku Dubrovničanům,
Od Blatona k Baltu, Ozovu,
Ode Prahy k Moskvě, Kyjovu,
Od Kamčatky až tam ku Japanům;
Ural, Tatra, Volga, řeka Savská,
A všech hor i krajin okolek,
Kde se koli mluva slyší Slavská:
Zaplesejte, bratří, i vy i já,
Líbejme se při tom vespolek,
To hle vlast je naše: Všeslávia! (II, 139).

11.

Všecko máme, věřte moji drazí
Spoluvlastenci a přátelé!
To, co mezi velké, dospělé
V člověčenstvě národy nás sazí;
Zem i moře pod námi se plazí,
Zláto, stříbro, ruky umělé,
Řeč i zpěvy máme veselé,
Svornost jen a osvěta nám schází!
Dejte nám tu, s duchem všeslavosti,
A aj národ máte viděti,
Jaký nebyl ještě v minulosti;
V prostředku se mezi Řekem, Britem
Naše jmeno bude blyštěti
Na sklepení světa hvězdokrytém (II, 140).

12.

Slávové! vy ducha nesvorného,
Živí v rozbrojích a hryzotě,
Jděte všickni spolu jednotě
Od uhlí se učit řeřavého;
Ve hromadě svazku společného
Dokud to jest, hoří v teplotě,
Hasne každý uhel v samotě

Odervaný ode druha svého:
Učiňte tu radost milé matce
Rusi, Srbi, Češi, Poláci,
Žite svorně, jako jedno stádce!
Tak vám vojna lidožerna vládce,
Tak vlast neroztrhnou chytráci,
A vaš narod prvý bude v krátce (II, 141).

13.

Nač by proto srdce naše chladlo,
Nač se pohřížilo v truchlotu,
Že jsme našli práznou pustotu,
Kterou žádné netklo ještě rádlo?
Vítězství to nechci, ježby padlo
S nebe dolů na zem bez potu,
Volím chudou směs a mrákotu,
Aby svět byl, kde nic předtím vládlo:
Arci, že jdou jiní cestou hladší,
Těžce my a pozdě za nimi,
Tím jsme ale a náš národ mladší;
My, co jiní dokázali, známe,
Než to skryto přede jinými,
Co my v knize lidstva býti máme (II, 142).

14.

Stíny Lauritasů! Svatopluků!
Jak vás možno z hrobu vyvesti?
Byste uviděli neřesti
Národu a hanbu svojich vnuků;
Netoužících ani střely luků
Ke svobodě vzíti do pěsti,
Ani okovů svých bolesti
Krotiti hrou vlastní řeči zvuků:
Plémě Penna ledva pomstu tutlá
Skřipně onen řetěz trhaje,
Jímž je víže ruka matky útlá;

Nám krev milou cizí žízeň chlastá,
A syn, slávy otců neznaje,
Ještě svojim otroctvím se chvastá! (II, 143).

15.

Bože! Bože! který dobře mínil
Veždy s národy si všechněmi:
Ach už nikdo není na zemi,
Kdoby Slavům spravedlivost činil!
Kde jsem chodil, nářek bratrů stínil
Všudy veselost mé duše mi,
O' ty soudce nade soudcemi
Prosím: cože tak můj národ zvinil?
Křivda se mu, velká křivda, děje,
Žalobám pak se a zármutu
Našemu svět rouhá aneb směje;
Aspoň v tom nech moudrost tvá mi svítí:
Kdo zde hřeší? či kdo křivdu tu
Dělá? či kdo tuto křivdu cítí? (Zpěv III, 24).

16.

Stokráte jsem mluvil, teď' už křičím
K vám, o rozkydaní Slávové!
Buď'me celek a ne drobtové,
Buďme aneb všecko, aneb ničím;
Národem nás zovou holubičím,
Než aj holuby jsou takové,
Že milují hejno spolkové,
I vam tedy vlastnost tuto žičím:
Slávové, vy národ zlomkovitý!
Síly sjednocené dělají,
Než proud mělkne a schne roztočitý;
Slávové, vy národ mnohohlavý!
Moudří horší srmti neznají,
Než jest život hnilý, prázný, tmavý (III, 62).

17.

Co z nás Slavů bude o sto roků?
  Cože bude z celé Evropy?
  Slavský život, na vzor potopy,
  Rozšíří svých všudy meze kroků:
A ta, kterou měly za otroků
  Jen řeč křivé Němců pochopy,
  Ozývati se má pod stropy
  Páláců i v ústech samých soků:
Vedy slavským potekou též žlabem,
  Kroj, zvyk i zpěv lidu našeho
  Bude modným nad Sejnou i Labem;
O' kýž i já raděj v tu jsem dobu
  Narodil se panství slavského,
  Aneb potom vstanu ještě z hrobu! (III, 110).

18.

Abys věděl, co zde na výsostech
  Dělám vzatá z počtu žitelů,
  V jakovém se spolku přátelů
  Nacházím a při jakových hostech;
V kterém místě, v jakých blaženostech,
  Kdo tu z věrných Slávy ctitelů?
  To chci větrokřídlých andělů
  Psáti tobě po příležitostech:
Dám i o tom zprávu tobě s hůry,
  Komu místo zde už slíbeno,
  Komu věnec pletou nebes kůry.
Stoupím také i tam na čas krátký,
  Kde se mučí ono plemeno
  Zlosynů a zrádců milé mátky (Zpěv IV, 1).

19.

Nad branami nebe stříbrnými
  Průčelí se bílé zdvihuje,

Kde se nápis tento spatřuje
Literami psaný Kyrilskými:
«Tuto Sláva se ctiteli svými,
Dcerami a syny trůnuje,
Tu ples, radost, rozkoš věkuje
S odměnami za ctnost nebeskými;
Pojd'tež sem vy milé moje děti,
Věrné vlasti, řeči, národu,
Světozvučné chvalozpěvy pěti;
Požívejte milovanou draze
Slávu, a v ní slast i svobodu,
Přeblaze vám třikrát, blaze! blaze!» (IV, 4).

20.

Řeč se slavská mluví všudy tuto
V nářečích všech rovno hotové,
V dokonalejší však obnově,
Tak že každý nezvuk vytisknuto,
Staroslavkou v chrámích navyknuto,
Polskou užívati k obcově,
Ruskou ku správě, než v osnově
Jejich není cizomluvů puto;
Hedbávnou řeč československého
Jazyka tu zvláště miluje
Sladkohlasná pohlaví plet' mého,
Tu však, že se v našich rozmlouváních
Tvrdý zvuk *r* a *l* změkčuje,
Tak ja činím v těchto mojích psaních (IV, 123).

21.

Nad vratami pekla železnými
Průčelí se černé zdvihuje,
Kde se nápis tento spatřuje
Literami rytý Glagolskými:
«Tuto Hanba s nášlapníky svými
Otroky a sluhy trůnuje,

Tu plač, hrůza, bolest věkuje
S pokutami za hřích pekelnými:
Sem se kliďte v oheň tento živý
Zrádci vlasti, řeči, národu,
Bůh buď vašim dušem milostivý:
Obývejte místa tato bledá,
Cit'te žalosti i nehodu,
Přeběda vám třikrát, běda! běda!» (Zpěv V, 25).

22.

Jdouce sem tam po pekelné cestě
Mezi spropadlinou stovírnou,
Spatřím nápis nade mučírnou:
«Tento zradil na Kosovu testě,
Za to bude dotud v tomto trestě
Bolest skřipců nesti nesmírnou,
Dokud chvěje s mocí obšírnou
Ocas koňsky v Cařihradě městě.»
Kdo by to byl, myslíc, jemuž muka
Taková se tuto udílí,
Žádám zočit tohe hromotluka;
A v tom dvéře vrzavé mi ruka
Zalářního trochu odchýlí,
Koho uzřím? Brankoviće Vuka (V, 27).

23.

O' vy bratří, ó vy sestry sladké,
Co jste živi ještě na zemi,
Prosím volných uší přejte mi,
Ať vám přidám naučení krátké;
Varujte se oné cesty hladké,
Kterou ďábel protkal sítěmi,
Aby na ní zrádce s dušemi
Lapat mohl do své pasti vrátké:
Pojďte sem hle příklad sobě bráti,
I k těm dobrým i k těm šibalům,

Učte se svůj národ milovati ;
Hučte Tatry hlas ten k horám černým ,
Hučte Krkonoše k Uralům :
Peklo zrádcům, nebe Slavům věrným ! (V, 113).

Одно изъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе характерныхъ явленій новочешской литературы представляетъ поэма Я. Коллара: «Дочь Славы». Родомъ Словакъ изъ Турчанскаго округа, Колларъ окончательное образованіе получилъ въ Іенскомъ университетѣ, вліяніе котораго отразилось на складѣ широкихъ патріотическихъ стремленій юнаго поэта. Къ этому присоединилось одно обстоятельство личнаго свойства. Здѣсь, на берегахъ Салы и Эльбы, жило нѣкогда Полабское славянство, погибшее отъ нѣмецкой вражды и собственной разрозненности: національное чувство, возбужденное этими историческими воспоминаніями, слилось у Коллара съ любовью, предметомъ которой была Вильгельмина Шмидтъ, дочь нѣмецкаго евангелическаго пастора, происходившаго отъ этихъ славянскихъ предковъ. Это двойное чувство дало содержаніе поэзіи Коллара, гдѣ его личныя радости и печали идутъ рядомъ съ воспоминаніями о прошедшемъ славянства, размышленіями о настоящемъ, идеалистическими мечтами о будущемъ и возбужденіями къ національному патріотизму. Подъ «Дочерью Славы» разумѣется у Коллара и его возлюбленная Мина и всеславянское отечество. «Дочь Славы» написана звучными и иногда истинно-поэтическими сонетами; въ содержаніи ярко выразилось новое направленіе, проповѣдовавшее взаимную славянскую любовь и единство: это или патріотическія элегіи, вызванныя воспоминаніемъ о прежней славѣ, или призывы къ единодушію, или обличенія отступниковъ; дидактизмъ занимаетъ въ поэмѣ очень много мѣста. Поэма Коллара была первой цѣльной, глубоко чувствуемой и сильно переданной поэтической проповѣдью національнаго дѣла, которое при томъ понималось не въ тѣсномъ предѣлѣ чешскаго племени, а во всемъ

славянскомъ мірѣ. Это былъ ревностный проповѣдникъ славянской взаимности и нравственно-національнаго единства. Напечатана « Slavy Dcera » въ Пештѣ, 1824 г. «v třech zpěvích » ; въ послѣдующихъ изданіяхъ — « v pěti zpěvích : I Sála . II Labe , Ren , Vltava . III Dunaj . IV Lethe . V Acheron » . — Я. Коллару принадлежитъ также знаменитое произведеніе, оставившее въ свое время сильное впечатлѣніе въ умахъ славянской публики: «О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа» . Эта небольшая брошюра, внушенная тѣмъ же панславянскимъ патріотизмомъ, вышла на нѣмецкомъ языкѣ (Pesth , 1837), съ котораго переведена была на чешскій Я. Томичкомъ (Praha, 1853). Подробнѣе о Колларѣ въ Ист. слав. литер. II, 949—955.

5. Karl Havlíček (1821+1856).

(Sebrané spisy . Svaz . I . V Praze , 1870) .

Tyrolské elegie.

1.

Svit' měsíčku polehoučku
skrz ten hustý mrak ;
jak pak se ti Brixen líbí ?
Neškared' se tak .
Nepospíchej , pozastav se ,
nechod' ještě spat ,
bych s tebou jen chvílinku moh'
diškurirovat .
Nejsem zdejší , můj měsíčku !
tot' znáš podle křiku ;
neutíkej , nejsem « treu und bieder » ,
jsem zde jen ve cviku (I) .

2.

Jsemt' já z kraje muzikantů,
    na pozoun jsem hrál,
a ten pořád ty Vídenské pány
    ze sna burcoval.
By se po svých těžkých pracech
    hodně vyspali,
jednou v noci kočár policajatů
    pro mne poslali.
Dvě hodiny po půl noci,
    když na třetí šlo,
tu mi dával žandarm u postele
    šť'astné dobrybro.
Se žandarmem slavný ouřad
    celý v parádě,
pupek kordem pevně obvázaný,
    zlato na krágle.
« Vstávají, pane redaktor,
    nelekají se,
jdeme v noci, nejsme však zloději,
    jenom kommisse.
Od všech z Vídně pozdravení,
    pan Bah je líbá,
jsou-li prý zdráv? a tuhle to psaní
    po nás posílá ».
Já jsem i na lačný život
    vždycky zdvořilý:
« Odpusť' slavná císařská kommisse,
    že jsem v košili ».
Ale Džok, můj černý buldog,
    ten je grobián,
na « habeas corpus » tuze zvyklý —
    on je Angličan.
Málem by byl chláp přestoupil
    jeden paragraf,

již na slavný ouřad zpod postele
   ud'ál : Vrr ! haf , haf !
Hodil jsem mu tam pod postel
   říšský zákonník ;
dobře že jsem měl ten moudrý nápad ,
   již ani nekvik (II) .

3.

Občan zvyklý na pořádek —
   bylo to v prosinci —
přede vším jsem si obul punčochy
   v slavné assistenci .
Pak jsem teprv četl psaní —
   však to tuhle mám ;
rozumíš - li oúřední němčině ,
   přečti si ho sám .
Bach mi píše jako doktor ,
   že mi nesvědčí
v Čechach zdraví , že prý potřebuju
   změnu povětří ;
že jé v Čechách tuze dušno ,
   horké výpary ,
mnoho smradu po té oktrojírce ,
   holé nezdraví .
Ze on tedy schválně pro mne
   kočár sem poslal ,
abych se hned na státní outraty
   na cestu vydal .
A žandarmům že nařídil ,
   at' mne hodně nutí ,
kdybych nechtěl ze skromnosti přijmont
   jeho nabídnutí (III) .

4.

O' měsíčku , však ty ženské
   dobře znáš a víš ,

jaký s nimi člověk na tom světě
často mívá kříž.
Takés mnohého loučení
tajným svědkem byl,
ty znáš líp než každý novelista
hořskost těchto chvil.
Matka, žena, sestra, dcerka
malá Zdenčinka
stály okolo mne v tichém plači —
hořka chvilinka.
Já jsem sice starý kozák,
v půtkách tužený,
tenkrát jsem měl trochu těsná prsa
a zrak zkalený.
Vtisknul jsem si poděbradku
silně do čela,
aby se těm policajatům slza
nezablyštěla,
neb ti všickni blíže dveří
posud stáli stráž,
aby měla tato smutná scéna
císarskou stafáž (V).

5.

Trubka břeští, kola hrčí,
jedem k Jihlavi;
vzadu, abysme nic neztratili,
klušou žandarmi.
Ten Borovský kostelíček
stojí na vršku,
skrze lesy smutně na mne hledí:
«Jsi to, můj hošku?»
«Pode mnou jest tvá kolébka,
já tě viděl křtít,
starému vikáři ministrovat,
pilně se učit.»

« Táhnout světem na zkušenou,
pak s pochodní jít,
naší chaze plamenem veselým
na cestu svítit.»
« Vidíš, jak ty roky plynou,
znám te třicet let...
Ale chlapče! jaké to obludy
vidím s tebou jet?» (VI).

Карлъ Гавличекъ (или Borovský) былъ несомнѣнный публицистическій талантъ. Съ 1846 г. онъ былъ редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и «Пчелы», съ 1848 г. издавалъ «Народныя Новины», лучшую изъ тогдашнихъ газетъ, получившую вскорѣ огромное вліяніе на чешское общество, въ 1850 г. когда «Народныя Новины» были запрещены, издавалъ «Славянина» (Slovan). Въ 1851 г. Гавличекъ былъ высланъ въ крѣпость Бриксенъ, въ Тироль. Ко времени этой ссылки относятся его «Тирольскія элегіи», отличающіяся истинно-народной простотой, легкостію и вмѣстѣ силою языка (русскій переводъ А. Ѳ. Гильфердинга, въ Собр. соч. II, Спб. 1868, 237—247). Извѣстны также его статьи и письма о Россіи изъ Москвы, гдѣ онъ прожилъ два года, въ качествѣ гувернера. въ домѣ проф. Шевырева. Письма эти знакомили чешскихъ читателей съ настоящимъ положеніемъ русской дѣйствительности; у самого Гавличка была значительная доля славянофильскихъ понятій, въ средѣ которыхъ онъ жилъ въ Россіи. Первая часть собранія сочиненій Гавличка издана В. Зеленымъ въ Прагѣ, 1870.

6. Božena Němcová (1820 + 1862).

Babička.

Dávno, dávno již tomu, co jsem posledně se dívala do té milé mírné tváře, co jsem zulíbala ty bledé líce, plné vrásků, nahlížela do modrého oka, v němž jevilo se tolik dobroty a lásky; dávno tomu, co mne posledně žehnaly

staré její ruce! — Není více dobré stařenky! Dávno již odpočívá v chladné zemi.

Mně ale neumřela! — Obraz její otisknut v duši mé s veškerou svojí barvitostí, a dokud zdráva zůstane, dotud bude žít v ní! — Kdybych štětcem mistrně vládnout znala, oslavila bych tě, milá babičko, jinak; ale nástin tento, perem kreslený, nevím, jak se komu zalíbí! —

Ty jsi ale vždy říkala: «Není na světě člověk ten, aby se zachoval lidem všem». Dost na tom, když najde se jen několik čtenářů, kteří o tobě s takovou oblibou čísti budou, s jakou já o tobě píšu.

I.

Babička měla syna a dvě dcery. Nejstarší žila mnoho let ve Vídni u přátel, od nichž sevdala. Druhá dcera šla pak na její místo. Syn, řemeslník, též byl samostatným, a přiženil se do městského domku. Babička bydlela v pohorské vesnicce na Slezských hranicích, žila spokojeně v malé chaloupce se starou Bětkou, která byla její vrstevnice, a již u rodičů sloužila.

Nežila osamotnělá ve své chaloupce; všickni obyvatelé vesničtí byli jí bratřími a sestrami, ona jim byla matkou, rádkyní, bez ní se neskončil ani křest, ani svatba, ani pohřeb.

Tu najednou přišel babičce list z Vídně od nejstarší dcery, v němž jí vědomost dávala, že manžel její službu přijal u jedné kněžny, která má veliké panství a sice panství Náchodské v Čechách, které jen několik hodin vzdáleno od pohorské vesničky, kde babička bydlí. Tam že se nyni s rodinou odstěhuje, manžel pak vždy jen přes léto že tam bude, když i paní kněžna se tam zdržuje. Ku konci listu stála vroucí prosba, aby babička k nim se odebrala navždy a živobytí svoje u dcery a vnoučat ztrávila, kteří se již na ní těší. Babička se rozplakala; nevěděla co má dělat. Srdce jí táhlo k dceři a vnoučátkům, jichž neznala ještě, dávný zvyk poutal ji k malé chaloupce a k dobrým přátelům. Ale krev není voda; touha přemohla dávný zvyk, babička se rozmyslila, že pojede. Chaloupku se vším, co v ní, odevzda-

la staré Bětce s doložením: «Nevím, jak se mi tam líbit bude, a jestli přece zde neumru mezi vámi».

Když jednoho dne vozík u chaloupky se zastavil, naložil naň kočí Václav babiččinu malovanou truhlu, v loktuši svázané peřiny, kolovrat, bez něhož být nemohla, košík, v němž byla čtyry chocholatá kuřátka, pytlík s dvěma čtverobarevnými koťaty, a pak babičku, která pro pláč ani neviděla před sebe. Požehnáním přátel provázena odejela k novému domovu.

Jakého to očekávání, jakého radování na Starém bělidle! Tak totiž nazýval lid osamělé stavení v rozkošném údolíčku, jež paní Proškové, babiččině to dceři, za byt vykázáno bylo. Děti vybíhaly každou chvilku na cestu, dívat se, nejede-li už Václav, a každému kdo šel kolem, vypravovaly: «Dnes přijede naše babička!» Samy pak mezi sebou si ustavičně povídaly: «Jaká pak asi ta babička bude?»

Ony znaly více babiček, podoby jejich se jim v hlavě pletly, nevěděly však, ku které tu svou babičku připodobnit. Tu konečně přijíždí k stavení vozík. «Babička už jede!» rozlehlo se po domě; pan Prošek, paní, Bětka nesouc na rukou nejmenší děvčátko, které začínalo teprv běhat, a mluvit také ještě neumělo. Děti i dva velicí psové, Sultan a Tyrl, všecko vyběhlo přede dvéře, vítat babičku.

S vozu slézá žena v bílé plachetce, v selském obleku. Děti zůstaly stát, všecky tři vedle sebe, ani s babičky oka nespustily. Tatínek jí tisk ruku, maminka ji plačíc objímala, ona pak je plačíc též líbala na obě líce. Bětka přistrčila ji boubelatou Adelku, a babička se na ni smála, jmenovala ji malé robátko a udělala jí křížek. Pak ale ohlídla se po ostatních dětech, volajíc na ně tónem nejupřímnějsím: «Moje zlaté děti, moje holátka, co jsem se na vás těšila!» Ale děti sklopily oči a zůstaly stát jakoby je přimrazil, a teprv na matčin rozkaz podaly svoje růžová líčka babičce k políbení. Nemohly se ani zpamatovat. Jak pak, to byla babička zcela jinaká než všechny ty, co kdy viděly; takovou babičku ony ještě jaktěživy neviděly! Div na ní oči nenechaly!

Kamkoli se postavila, obcházely si ji kolem do kola a prohlížely od hlavy da paty.

Obdivujou tmavý kožíšek s dlouhými varhánkami v zadu, řásnou zelenou mezulánku, lemovanou širokou pentlí; líbí se jim červený květovaný šátek, jejž babička na placku vázany má pod bílou plachetkou; posedují na zem, aby dobře prohlídnout mohly červený cvikel na bílých punčochách a černé pantofličky. Vilímek poškubuje barevné klůcky na rohožové mošince, kterou babička drží na ruce, a Jan, starši z dvou chlapců, čtyrletý, spolehounka zdvihá babičce bílý, červeně pasovaný fěrtoch, nebot' nahmatal pod nim cosi tvrdého. Byl tam veliký kapsář. Jan by byl také rád věděl, co v něm je, ale nejstarší z děti, Barunka, která byla již pět let stará odstrčila ho, šeptajíc mu: «Počkej, já to povím, že chceš sahat babičce do kapsáře!«— To šeptnutí bylo ale trochu hlasité — bylo je slyšet za devátou stěnou. Babička si toho všimla, nechala řeči s dcerou, sáhla do kapsáře, řkouc: «No, podívejte se, co tu všecko mám!» A na klín vykládala růženec, kudlu, několik chlebových kůrek, kousek tkanice, dva marcipánové koníčky a dvě panenky. Poslední věci byly pro děti; když jim to babička podala, doložila: «Ještě něco vám babička přivezla!» a hned vyndavala z mošinky jablka a kraslice, z pytlíku osvobodila kot'ata, z košíku kuřátka. To bylo radostí, to bylo skákání! Babička byla nejhodnější babičká! «To jsou kot'ata májová, čtyr barev, ty chytají výborně myši; dobré jsou v domě. Kuřátka jsou ochočena, a když si je Barunka naučí, budou za ní běhat jako psičkové!» povídala babička, a děti je hned ptaly na to i ono, nic se neupejpaly, hned byly z babičkou dobří kamarádi. Matka je okřikovala, aby dali babičce pokoj a nechaly jí oddechu, ale babička zase řekla: «Prej nám tu radost, Terezko, vždyt' jsme rády, že se máme», a děti poslechly babičku. Jeden sedí jí na klíně, druhý stojí za ní na lavici a Barunka stojí před ní a dívá se jí do tváře. Jednomu je divno, že má babička bílé vlasy jako snih, že má babička sovrklé ruce, třetí povídá: «Ale babičko, vy

máte jen čtyry zuby!» Babička se usmívá, hladí tmavohnědý vlas Baruščin, řkouc: «Kdyt' jsem stará; až vy budete staří, budete taky jinaky!» a děti to nemohou pochopit, že by ty jejich bělounké, hladké ruce mohly kdy tak svraštělé být, jako ruce staré babičky.

Babička si hned první hodinu srdce svých vnoučátek zcela osvojila, však se jim ale hned také všecka vzdala. Pan Prošek, babiččin zet', jehož ona také nebyla dříve osobně znala, dobyl si srdce její hned na první setkání milou svojí srdečnosti a pěknou tváři, v niž se jevila dobrota a upřímnost. Jedna věc jen jí při něm vadila, a sice to, že neuměl česky. A ona prý to, co někdy německy rozuměla, už dávno zapomněla. A přecě by byla tak ráda s Janem si pohovořila!— Jan ji ale potěšil tím, že české řeči rozumí; babička slyšela hned, že se vede rozmluva v domácnosti dvojitá. Děti a služky mluvily na pana Proška česky, a on jim odpovídal německy, čemuž ony již rozuměly. Babička doufala, že se časem také srozumí, a zatím si pomáhala jak mohla.— —

Když babička nemusela, to do pokoje nešla. Když neměla ani venku ani v domácnosti co šukat, seděla nejraději ve své sedničce, která byla hned u kuchyně a čeledníku.

Sednička ta byla zřízena dle babiččiny chuti. U velikých kamen byla lavice, podél zdi babiččino lože, hned u kamen za ložem malovaná truhla a při druhé zdi Barunčino lože, která si vyprosila od maminky, že bude spát s babičkou. U prostřed stál lipový stůl s trnožemi a nad ním visela od stropu dolů holubička, na podobenství svatého Ducha. V koutku u okna stál kolovrátek, přeslice s naditým kůželem, v kůželi zastrčené vřetánko, na hřebu bylo motovidlo. Na zdi viselo několik obrázků svatých, nad babiččiným ložem krucifix, okrášlen kvítím. Mezi oknem zelenal se v okrouhlíku muškát a bazalka, a v plátěných pytlíčkách viselo tam rozličné koření: lipový květ, bezový květ, rmen a podobné, babiččina to apatyka. Za dveřmi visela cínová kropenička. V šuplíku ve stolku bylo babiččino šití, svazek nábožných

písní, křížová cesta, svazek šňur do zásoby na kolovrat, třikrálová křída a hromničná svíčka, kterou babička vždy při ruce měla a v čas bouřky rozsvítila. Na kamnech stál troudník s křesáním. V pokoji sice užívali k rozžehnutí lahvičky fosforem naplněné, ale babička nechtěla s tím šlakovitým nástrojem nic mít. Jen jednou to zkusila, a kdo ví jak se stalo, propálila si fěrtoch, který měla již pětadvacet let, a ještě prý se div nezadusila. Od té doby nevzala lahvičky do rukou. Hned si zaopatřila troudník, děti přinesly hadrů na troud, dělaly sirky, omáčely špičky v síře, a babička když měla svoje obvyklé křesací nádobí na kamnech, s uspokojenou myslí lehala. Dětem to bylo také milejší, a každý den se ptaly babičky, jestli nepotřebuje sirky, že jí jich nadělají.

Co se dětem v babiččině sedničce nejlépe líbilo, byla malovaná její truhla. Rády se prohlížely na červené půdě namalované modré a zelené růže s hnědými listy, modré lilie a červenožluté ptáčky mezi tím; ale větší radost měly, když babička truhlu otevřela. Bylo se však nač dívat! Spodní strana víka celičká byla polepena obrázky a modlitbičkami, samé to dárky z pouti. Pak tam byl přítruhlíček, a v něm jakých to věcí! Rodinné spisy, listy od dcery z Vídně, malý sáček plátěný, plný stříbrných peněz, poslaných to babičce na přilepšenou od dětí, jichž ona ale nepouživši pro radost si nechávala. Dřevěná škatulka, v ní pět šňůrek granátů, na nich pak zavěšený stříbrný peníz s podobiznou Josefa císaře a Marie Terezie. Když tu škatulku otevřela — a ona to vždy udělala, kdy ji děti žádaly — říkávala: «Vidíte, milé děti, ty granáty dal mi nebožtík váš dědeček k svatbě, a ten tolar dostala jsem od Josefa císaře vlastnoručně. To byl hodný pán, Panbůh mu dej věčnou slávu! No, až jednou umru, bude to vaše», doložila vždy, škatulku zavírajíc.

«Ale babičko, jak pak to bylo, když vám císař pán dal ten tolar? Povězte nám to!» říkala jednou Barunka.

«Až jednou mi připomeňte, pak vám to povím», odpověděla jí babička.

Mito tyto věci měla babička v přítruhlíčku dva růžence dotýkané, fábory k čepcům a mezi tím vždy nějaký pamlsek pro děti.

Dole v truhle ležело babiččino prádlo a šatstvo. A všecky ty mezulánky, fěrtochy, kabátky letní, šněrovačky i šátky ležely v nejlepším pořádku, a na vrchu byly dva škrobene bílé čepce, vzadu s holubičkou. V tom se děti babičce přebírat nesměly; když ale dobrou chvíli měla, zdvíhla kousek po kousku, říkajíc: «Vidíte, děti, tuhle kanafasku mám už padesát let, tenhle kabátek nosívala vaše prababička, tento fěrtoch je tak starý jako vaše matka, a všecko jako nové. A vy máte šaty hned zmycené. Ale to je to, že neznáte, jak drahé jsou peníze! Vidíte, tenhle hedbávný kabátek stál sto rýnských, ale tenkráte platily bankocetle». A tak pokračovala babička dále, a děti poslouchaly tiše, jakoby tomu rozuměly.

Paní Prošková chtěla sice, aby babička se převlíkala do jiného šatu, jak v dobrém úmyslu se domnívala, pohodlnějšího, ale babička nezměnila na sobě ani té nejmenší lemovky a říkala vždy: «Pánbůh by mne starou ženu trestati musel, kdybych se chtěla světa chytati: Pro mne takové novoty nejsou, starý můj rozum by se do toho nehodil». Zůstalo tedy při starém. Brzy se v domě řídilo všecko dle babiččina slova, každý ji jmenoval «babičko», a co babička řekla a udělala, bylo dobře.

Божена Нѣмцова занимаетъ почетное мѣсто въ новой чешской литературѣ, какъ талантливая писательница повѣстей изъ народной жизни. Лучшія произведенія Нѣмцовой: «Babička» (1855, новое изд. 1869), въ которой она изобразила свою бабушку, и «Pohorská vesnice» («Горная дѣвушка», 1856). Собраніе ея сочиненій вышло въ 8 частяхъ въ 1862—63 г. Сочиненія Нѣмцовой отличаются вообще большими достоинствами—замѣчательнымъ знаніемъ народ-

наго быта и языка, легкимъ разсказомъ и задушевностію: она глубоко чувствуетъ поэтическую сторону простой народной жизни, умѣетъ указать ее привлекательными чертами нравовъ и характеровъ, и въ разсказѣ слышится искреннее и убѣжденное исканіе народнаго блага и желаніе ему служить. Прибавимъ, что ея интересы простирались и на народную жизнь другихъ славянскихъ племенъ—Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ.

7. Jos. K. Tyl (1808 † 1856).

Jan Hus.

Dramatická báseň v 5 odděleních.

(2-é vydání. V Praze, 1870).

Oddělení páté.

Veliký sál v Kostnici.

Výstup čtvrtý.

Hus uveden o mnicha a žoldneřů stane vážně v pozadí, kde Chlum k němu přikročil.

Petr ¹). Ten jest mistr Hus !

Zikm. ²) (pro sebe). To tedy muž , jenž
Bourati se osmělil, co lidé
Tisícerá léta v úctě chovali ?
Skoro se mi srdce převracuje
Jeho pohledem .

Jan ³). Kardinále inkviziční — promluv.

Petr (předstoupí).
Slavné shromáždění ! Tu viz člověka ,
Jenžto v zemi české osmělil se ,

¹) Петръ Анджели, кардиналъ и легатъ папскій.
²) Сигизмундъ, императоръ нѣмецкій и король чешскій.
³) Папа Іоаннъ XXIII.

Veden duchem pekla, rouhati se
Svaté církvi, podkopávat její
Základy, a novou víru vymýšleti,
Od samého pekla vnuknutou,
Od Boha i světa prokletou.
Kormoutí se duše nad tím člověkem—
Neb i pastýř pláče nad ztracenou
Ovcí; a tenť vběhl do bludů tak
Velikých, že musí býti z lůna
Církve vyvržen a zatracen, když
Hříchy svoje nepozná! Neb nemůž'
Církev trpěti, by na lesknoucím chrámu
Její svatosti se usazoval
Žravý řez, to k pohoršení, snad i
Na záhubu duší pravověřících;
Však jest také matka milostná, a
Žádnou neuloží pokutu, když
Pobloudilec odvolá, co učil
V bujné zaslepenosti.—Již přistup,
Mistře Huse!

Hus (přistoupí tiše ku předu).

Chlum [1] (postaví se blíže něho).

Petr (vezme od mnicha rukopis).

Spisoval jsi tyto traktaty?

Hus (prohlídne rukopis).

Ano, spisoval jsem je.

Petr. Slyšelo jsi, slavné shromáždění? On se přiznává.— Svatí otcové měli ty práce v poradě a shledali, že jest v nich kacířství.

Zikm. Nechtěl bys nám, pane kardinále, okázati, jak to kacířství vypadá?

Petr. Okážeme to. (K Husovi) A tvrdíš dosavad, co jsi tuto psal?

---

[1]) Чешскій панъ Ганушъ изъ Хлума, по прозванію Кепка.

Hus. Tak dlouho, dokud mě z bludů nepřesvědčíte;—až do svého skonání.

Kněží (mezi sebou). Jaká tvrdošijnosť!

Petr. Mistře Ondřeji, prokuratore de cavsis fidei! Oznam kacířství!

Michal [1]) (rozvine papír a čte). Hus rozšiřoval Viklefovy knihy, kteréž církev zatratila—a reptal, když byly spáleny.

Hus. Já ctil Viklefovo zpytování—a že jsem reptal, stalo se proto, že byly knihy jmění mé a bez důkazů spáleny.

Michal. Hus pravil, že si přeje, aby duše jeho přišla tam, kde Viklefova bydlí.

Hus. A to má býti svědectví o mém kacířství? Ano, pravil jsem to, neboť myslím, že je Viklef v říši pravdy, poněvadž ji hlásal na zemi.

Michal. Hus dokazoval, že ne může býti papež, ačkoliv jest hlava církve—a kolej kardinálů jakožbo její tělo—pravými a jedinými soudci u věcech církevních.

Hus. Je-li papež hlava církve a kolej kardinálů její tělo: tedy jsou pospolu již církví veškerou. Což jsou ale potom ostatní věřící? kam patří ostatní křesťanstvo? A protož pravím: Připouštějte všechny věřící ku správě církevní, jakož na počátku bývalo; ať pomine samovláda biskupů.

Kněží. Hrůza! Hrůza!

Michal. Hus učil, že není svátosť oltářní v duchu Krista Ježíše.

(Mezi kněžímí veliké pohnutí).

Hus. To není pravda!

Michal. Mistře Štěpáne, dosvědč to!

Štěp. [2]). Dosvědčuji. Pravda jest to.

Hus. *V smyslu* Ježíše Krista—učil jsem—není večeře Páně, dokud i laikům kalich nepodáte a všechny věřící k jednomu

---

[1]) Магистръ Михаилъ изъ Чешскаго Броду, прокураторъ Пражской архіепископіи въ Римѣ.

[2]) Степанъ Палечь, магистръ свящ. писанія.

stolu ne připustíte. *V duchu* božského zakladatele jest ale svátost' oltářní, když se k ní přistupuje v čistotě.

Michal. Hus horlil proti odpustkům a bránil v ně věřiti.

Hus. Proti nestoudnému *kramaření* horlil jsem—jako činil Pán, když prodavače z chrámů vyháněl; proti hanebnému svatokupectví, jež zohavuje církev, chtící slouti pravdivou a svatou.

Michal. Hus tupil papeže a neuznával jeho moc.

Hus. Haněl jsem jen člověka v tom rouchu
Papežském. I může státi církev
Bez takého pastýře. Jen Pán jest
Skála, na níž pevně církev stojí;
Člověk je však z prachu stvořen,
Byt' i podle nebeského obrazu—
Křehký jest a vrátký—a tím nemůž'
Býti neklamný.

Kněží. O hříšné rouhání!

Hus. Vy pak všickni, co se odíváte
Rouchem bohatým, an Spasitel sam
Živ byl chudobně; co v hojnosti se
Kocháte a světské nádheře—vy
Chcete slouti zástupcové svatých
Věcí na zemi a náměstkové
Apoštolů?

Petr. Utichni již, zavržený!

Kněží. Pronášejte soud!

Michal (svine papír). To jsou bludy, jenž mistra Husa zatracují.

Hus. Zatracují?—mne? a proč? kde jakých
Důkazů, že bloudím? Přesvědčte mne,
Že jsem pochybil, a já rád uznám
Vinu svou—to slibuji!

Petr. Tys právě
Sám své bludy spočítal a důkaz
Dovršil. Či není tomu takto,
Slavné shromáždění?

Kněží. Kacíř jest.

Petr. Kacíř jsi a zůstaneš, když neodvoláš
Bludy své, jenž vedou k věčné zátratě!

Hus. O jen mluvte zřetelně! Já dávno
Jsem již poznal, v jaké ruce jsem se
Vydal svobodně—to pravím ještě
Jednou: svobodně!—neb ani král můj,
Ani národ nebyl by mě vydal
Na papežské požádání!—Mluvte
Zřetelně, že nechcete, by pravda
Byla vítězem. Mne nepolekáte.
Poznal jsem vás od prvního setkání.
Vy jen lstí a ouskokem mě chcete
Přemoci—a zdání práva sobě
Uchovati; já pak nepoddám se
Na takové důkazy a *neodvolám*!

Petr. Já tě varuji! Zde nejsi v Praze,
Mezi bujným rodem kacířů!

Chlum. To mu neuvádej na pamět; to
Cítí sám, a nemysli, že na tvá
Slova odvolá! My nejsme tako
Třtina, tady dnes a jinde zejtra,
Známéť jsou ty tvrdé lebky české!
Mluvte jen, co soudíte. V té vaší
Jedovaté mysli dávno jste již
Určili—nač tedy rozvažování?
Třebas i byl císař svobodný mu
Průvod slíbil—vy ho zrušíte, a
Císař bude mlčet; tolik jsme již
Tady poznali; však běda vám, až
Bude všeho světa národ vaše
Soudy posuzovati!

Zikm. Mistru Janovi jsme arci dali
Průvod svobodný, však nikoliv, by
Jemu sloužil za štít v nepráví—a
Raděj přiznáme se, že jsme chybili, než

Aby list náš vyprostil ho soudu!
Chlum. Dobře, dobře, pane králi! Jen se
Neostýchej! My již víme, že si
Svatou církev rozhněvati nesmíš.
Povím ja to také Čechům, v jichžto
Jméně tady stojím; povím já to,
Aby na to nezapomněli!
Jan. Ustaň, muži, prudkých řečí! Špatně
Takto sloužíš svému příteli; to
Raději ho k tomu měj, by odvolal.
Chlum. To je starost' mistrova, ne moje.
Odvolá, když svědomí mu dovolí.
Kněží. Musí odvolati!
Jan. Odvolej, at' nepropadneš pokutě!
Hus. Neodvolám—na takový soud, tak
Jako že Bůh nade mnou!
Jan (ke kardinálům).
Vyřkněte již tedy ortel jeho, otcové!
Kardinálove (mluví mezi sebou; pak se vzchopí a zvolají).
Kacíř jest, tak jménem církve soudíme!
Petr. Protož jej i stihne pokuta, co
Na tu hroznou vinu určena. Tu,
(k Zikmundovi:)
Pane jasný, vyslov sám!
Zikm. Poněvadž tě svatá církev viní
Býti kacířem, my podle moci
Od Boha nám dané usuzujem,
Že ten těžký hřích svůj umýti máš
Na plamenné hranici.
Hus. O můj spasiteli! (Hledí tiše vzhůru).
Chlum. Bože, dej mi sílu, abych snesl
Tuto nespravedlnost'! Tot' aby
Ruka byla z dubu, z olova, by
Netasila meč a jedním rázem
Nepřet'ala této hanebnosti
Hrubou osnovu!

Petr (kyne mnichovi a oděncům, aby Husa odvedli).

Hus. Buď mírný, pane
Můj! Mně vešel blahý pokoj do prsou.
Ještě jeden boj, ten snadno zmohu;
Jak jsem počal, dokonám i v Bohu.

(Odejde).

Chlum (k shromáždění).
Běda vám, jenž slepou nenávistí
Puzeni jste tento ortel pronesli!
Vzpírám se mu jménem všeho lidstva,
Ježto touží po osvícení;
Vzpírám se mu jménem národa, kde
První jiskra pravdy zasvitla, a
Kteráž jednou v taký plamen vzejde,
Že ní celá vaše říše sejde!

(Odkvapí).

Zikmund a *Jan* sejdou se svých sedadel a odcházejí s družinou.

I. Каэтанъ Тыль былъ весьма плодовитымъ писателемъ драматическихъ пьесъ; сюжеты для трагедій и комедій заимствовалъ изъ чешской исторіи и современной жизни; написанныя живымъ и легкимъ языкомъ его пьесы возбуждали большой интересъ въ обществѣ. Самъ Тыль вполнѣ отдался театру, которому служилъ и режиссеромъ, и драматургомъ и актеромъ. Съ успѣхомъ писалъ также повѣсти и романы, всего чаще на историческія и патріотическія темы. Кромѣ того, издавалъ нѣсколько журналовъ, между прочимъ «Květy». Ист. слав. лит. II, 963.

Д) Чешскія народныя пѣсни и сказки.

а) Изъ сборника К. Я. Эрбена: Prostonárodní české písně a říkadla V Praze, 1864.

1. Naše holky [1].

Pod našima okny
roste jeřábek [2]:

[1])=дѣвушки. [2])=орѣшина.

že jsou naše holky
jako obrázek.
Pod našima okny
roste rokytí:
že jsou naše holky
jako to kvítí (стр. 108, п. 50).

2. Milé rozednění.

Zdálo mi se, zdálo,
že se od hor mračí:
a to se černají
mé panence oči.
Zdálo mi se, zdálo
o východní záři:
a to se zardělo
mé panence v tváři.
Zdálo mi se, zdálo,
že se rozédnělo:
a to se svítilo
mé panence čelo (п. 51).

3. Láska [1].

Za těma, za těma
černýma očima,
věru bych já pro tě Dunaj
skokem přeskočila.
Ne Dunaj, ne Dunaj,
ale celé moře
pro tebe bych přeplovala,
potěšení moje! (п. 70).

4. Ptáček.

Šla panenka do háječku,
chytila tam ptáčka,

[1])=любовь.

dala si ho do šátečku [1]),
 by ho nezamáčkla [2]).
«Pusť mě, pusť mě, zlaté dítě!
 já ti budu zpívat:
až se tudy se svým milým
 budeš procházívat» (n. 95).

5. Slavíček.

Což ten slavícek od půl noci
 zpívá?
což se ten hlásek pěkně
 rozlíhá!
sedne na větvičku,
 zpívá si písničku,
aby slyšela samička
 milá (n. 140).

6. Mocnost lásky.

Žádnej neví, co je láska,
 kdo jí nezkusil:
nešel bych já za svou milou,
 kdybych nemusil:
ale já tam musím jít,
 svou panenku navštívit,
kdyby mně to všickni lidé
 měli za zlé mít (n. 189).

7. Uprchlý holoubek.

Vyletěl holoubek
 na zelenej doubek.
Vyletěl, zahoukal,

[1]) šateček, платочекъ. [2]) zamačkati, задушить, задавить.

až se dub zahoupal.
Za ním holubička,
hledala samečka.
Sameček uletěl
za ten panskej jetel [1].
Za jetel na lesy:
«Holoubku můj! kde jsi?» (п. 233).

8. Vzdálená.

Horo, horo, vysoká, jsi!
má panenko, vzdálená jsi,
vzdálená jsi za horama —
vadne láska mezi náma.
Vadne, vadne, až uvadne!
není v světě pro mne žádné,
není žádné potěšení
pro mne více k nalezení! (П. 251).

9. Po všem nic.

Chodiła po lesí,
trhala ořeší:
«Což je po ořeší,
když mne nic ne těší!»
Chodila po hájku,
trhala fijalku:
«Což je po fijalce;
když mne žádnej nechce!»
Chodila po poli,
po zvorané roli:
«Co je po té roli,
když mne hlava bolí!» (П. 290).

---

[1])=трилистникъ, дятлина, клеверъ.

10. Zakletá dcera.

Vandrovali [1]) hudci,
dva pěkní mládenci.
Řek' jeden druhému,
bratr bratru svému:
«Slyšiš, milý bratře!
vímt' já dřevo krásné.
Dřevo javorové,
na housličky dobré.
Pojd'me, je utněme,
housli nadělejme.
Housli mně a tobě,
at' zahrajem sobě.»
Když ponejprv t'ali,
dřevo zavzdychalo.
Když po druhé t'ali,
krev se vyprýštila.
Když potřetí t'ali,
dřevo promluvilo:
«Nesekejte, hudci,
Vy pěkní mládenci,
Však já nejsem dřevo,
jsem já krev a tělo.
Jsem pěkná děvečka
tu z toho městečka.
Matka mě zaklela,
když jsem vodu brala.
Když jsem vodu brala,
s milým si postála:
Abych zdřevěněla
a javorem byla.
Javorem vysokým
s tím listem širokým.

---

[1]) vandrovati, wandern, странствовать, путешествовать.

Jděte, hudci, jděte,
mé matce zahrejte.
Zahrejte u dveří
o té její dceři.»
Hudci počnou hráti
matička plakati.
«Nehrejte mi, hudci,
vy pěkní mládenci!
Nic vy mi nehrejte,
v srdce nebodejte.
Dosti já hoře mám,
když dcery své ne mám.
Přenešťastná máti,
co klne své děti!»
(Стр. 466—467. Písně rozpravné, 1).

11. Nešťastny milý.

Ach, zdál je mi se v noci sen,
že můj milý mi přijel sem:
já procitnu — tu nic není,
jenom mně srdce mé bolí.
Bych měla posla tajného,
poslala bych pro milého:
běž; můj poslíčku, jako pták,
pozdrav milého nastokrát.
Poslíček se k hradu blíží,
můj milý z hradu vyhlíží:
«Vrať se, poslíčku, zas domů,
že dnes přijíti nemohu.
Že přijdu ráno, raníčko,
dříve než vyjde sluníčko.»
Sluníčko s hvry vychází,
můj milý mi nepřichází.
Můj milý jede po mostě,
pod ním koníček za dvě stě;

koníček si poskakuje,
me srdéčko se raduje.
Koníček zlámal nožičku,
můj milý srazil hlavičku.
Kde mám pomoci hledati?
kam pro lékaře poslati?
«Lékaře ty mně nejednej, [1])
raděj mi hranu [2]) zvonit dej.»
Zvoňte hrany na vše strany,
umřelo mně potěšení.
Zahynul z bílé růže květ,
jenž mi byl dražší nežli svět;
koho jsem v srdci nosila,
toho jsem smutna ztratila! (Стр. 493, п. 29).

12. Stálá láska.

Svit', měsíčku jasný,
nezacházej ještě:
že je můj holeček
na daleké cestě.
Na daleké cesté,
mezi rovinama:
to sám pán Bůh soudí,
co je mezi náma.
Mezi náma dvěma
láska nejstálejší;
ta nám bude trvat [3])
do smrti nejdelší.
Do srmti nejdelší
láska bude trvat:
až budou skřivánci
o vánocích zpívat,

---

[1]) nejednej - не зови; jednati, сравнивать; заботиться; принимать въ услуженіе. [2]) hrana, hrany, похоронный звонъ. [3]) trvati, продолжаться.

Skřivánci zpívali,
můj milý nepřišel:
snad se na mně hněvá?
snad na mne zapomněl?
U svatého Jana
je černý lesíček,
že tam odpočívá
její milovníček.
Kdyby to vědělo
jeho potěšení,
ono by tam za něj
dalo na modlení! (Стр. 496—497, п. 38).

б) Изъ сборника: Národní písně, pohádky.. pořádá komise spolku «Slavia». V Praze, 1877.

13. Modré [1]) oči.

Moje potěšení, modrý oči máte,
och, já se vás bojím, že mě oklamáte [2]).
— Neboj se Jeníčku mýho oklamání,
neměla bych ani žádný požehnání;
žádný požehnání na našem statečku,
že sem tě podvedla, upřímnej [3]) Jeníčku (п. 1).

14. Přání [4]).

Dybych byla ptáčkem,
nebo vlašťovičkou,
já bych se vznášela
nad naší sedničkou [5]).
Nad naší sedničkou,
nebo nad maštalí [6]),

---

[1])=голубыя. [2]) oklamati, обмануть. [3])=прямой, чистосердечный.
[4])=желаніе. [5]) sednička, комнатка. [6]) maštal, конюшня.

abych já věděla
co chlapci dělají.
Jeden vodu nese,
druhej koně češe,
a třetí miluje
modrooký děvče (n. 6).

15. Vyznání věrnosti.

Teče voda od Tábora,
teče okolo Javora,
všecky lávky pobrala,
jen tam jednu nechala.
Po kerej{Pepíček chodil,
Andulku za ruku vodil:
Utrh' jab'ka, utrh' dvě
a pustil je po vodě.
Plyň jablíčko pomaloučku,
až tamhle k tomu domečku,
co má milá ostává,
z okenečka koukává.
Nanynka z okna koukala,
jablíčko jak uhlídala,
hned ho zpátky poslala
a milýmu vzkázala:
«Plyň jablíčko, plyň jen zpátky,
až tam kde je konec lávky,
řekni mýmu milýmu,
že mu věrná zůstanu» (n. 30).

16. Krása pomine.

Nebud' pyšna ná svou krásu,
šak ona ti pomine,
jako voda po potoce,
tak i ona uplyne (n. 37).

17. Opuštěná.

Pod tím naším okenečkem
   tráva zelená,
žala ji tam má panenka
   celá strápená.
Dyž travičky si nažala,
   žalně plakala;
spatřila strom [1]), pod kerým se
   s milým loučila.
«Ach, můj bože nejmilejší,
   tohle je ten štěp [2]),
pod kerým sem se loučila
   s milým naposled!
On se odtud pryč odebral,
   me tu zanechal,
mě tu smutnou, zarmoucenou
   naříkat nechal» (п. 44).

18. Zabitá sestra.

V tom luleckým černým lese
   hezký děvče trávu seče.
Přišel na ni mysliveček [3]),
   polesného mládeneček:
— Kdo ti kázal trávu síci?
   Ty tu musíš zahynouti!
— Než bych já tu zahynula,
   po třikrát bych zavolala.
— Zavolej třeba čtyrykrát,
   neuslyší tě ani pták!
Dyž ponejprv zavolala,
   obora se rozlíhala.
Dyž po druhý zavolala,

---

[1]) = дерево. [2]) = яблонь. [3]) = охотничекъ.

všecky ptáky vyvolala.
Dyž po třetí zavolala,
Morava se rozlíhala.
Mladší bratr to uslyšel,
staršímu to povídat šel:
— Hola, bratře, zle je s námi!
naše sestra volá v haji.
Jhned [1]) koně osedlali,
do háječku pospíchali.
Dyž přijeli do háječka,
spatřili tam myslivečka.
— Cos udělal myslivečku,
máš skrvácenou ručičku!
— Zastřelil sem holubičku,
v mynářově [2]) okýnečku.
Ona dycky vrkávala,
A mej milej spát nedala.
— To nebyla holubička,
to byla naše sestrička.
— Vaše sestra je skována,
pod javorem zahrabána (п. 216).

в) Изъ сборника К. Я. Эрбена: Sto prostonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních.

V Praze, 1865.

Rozum a Štěstí.

Jednou potkalo se Štěstí s Rozumem na nějaké lávce. «Vyhni mi se!» řeklo Štěstí. Rozum byl tehdáž ještě nezkušený, nevěděl, kdo komu se má vyhýbat; i řekl: «Proč bych já se ti vyhýbal? nejsi ty lepší mne».—«Lepší je ten», odpovědělo Štěstí, «kdo více dokáže. Vidíš-li tam toho

[1]) = тотчасъ. [2]) mynař, mlynař, мельникъ.

selského synka, co v poli oře? vejdi do něho; a pochodí-li tebou lépe nežli mnou, budu se ti pokaždé slušně s cesty vyhýbat, kdy a kde se koli potkáme». Rozum k tomu svolil a vešel hned oráčovi do hlavy. Jak mile oráč ucítil, že má v hlavě rozum, začal rozumovat: «Což musím já do smrti za pluhem chodit? vždyť mohu taky jinde a snáze štěstí svého dojít!» Nechal orání, složil phuh a jel domů. «Tatíku!» povídá, «nelíbí se mi to sedlačení: budu se raděj učit zahradníkem». Tatík řekl: «Což jsi se Vaňku, pominul s rosumem?» ale pak se rozmyslil a povídá: «Nu když chceš, uč se s pánem Bohem! dostane tu chalupu po mně tvůj bratr».—Vaněk přišel o chalupu; ale nedbal na to nic, šel a dal se královskému zahradníkovi do učení. Nemnoho mu zahradník ukazoval, za to tím více chápal Vaněk. Brzy potom ani zahradníka neposlouchal, jak má co dělat, a dělal všecko po svém. Nejprvé zahradník se mrzel; ale pak vida, že se tak všecko lépe daří, byl spokojen. «Vidím, že máš více rozumu nežli ja», řekl, a nechal pak už Vaňka zahradničit, jak sám chtěl. V nedlouhém čase zvelebil Vaněk zahradu tak, že král veliké z ní měl potěšení a často se v ní s paní královou a se svou jedinou dcerou procházel. Ta královská dcera byla panna velmi krásná, ale od dvanáctého svého roku přestala mluvit, nikdo ani slova od ní neslyšel. Král velice se proto rmoutil a dal rozhlásit: kdo spůsobí, aby zas mluvila, že bude jejím manželem. I hlásilo se mnoho mladých králů, knížat a jiných velkých pánů, jeden po druhém; ale jak přišli, tak zas odešli: žádnému se ne podařilo spůsobit, aby promluvila. «A proč by já taky svého štěstí nezkusil?» pomyslil si Vaněk; «kdo ví, nepodaří-li mi se ji k tomu přivest, aby odpověděla, když se budu ptát?» I dal se hned u krále opovědít, a král se svými radami dovedl ho do pokoje, kde dcera jeho zůstávala. Ta dcera měla pěkného psíčka, a měla jej velmi ráda, proto že byl velmi čiperný: všemu porozuměl, co chtěla mít. Když Vaněk s králem a s těmi radami do jejího pokoje vstoupil, dělal, jako by té panny královské ani neviděl; než obrátil se k

tomu psíčku a povídá: «Slyšel jsem, psíčku, že jsi velmi čiperný, a jdu k tobe o radu. Byli jsme tři tovaryši: jeden řezbář, druhý krejčí, a já. Jednou jsme šli lesem a musili jsme v něm zůstat přes noc. Abychom před vlky byli bezpečni, udělali jsme si oheň, a umluvili jsme se, aby jeden po druhém hlídal. Nejdříve hlídal řezbář, a pro ukrácení chvíle vzal špalík i vyřezal z něho péknou pannu. Když byla hotova, probudil krejčího, aby ten zase hlídal. Krejčí vida dřevěnou pannu, ptal se co to?—«Jak vidíš», řekl řezbář: «byla mi dlouhá chvíle, můžeš ji ošatit». Krejčí hned vyndal nůžky, jehlu a nit, střihl na šaty a dal se do šití; a kdyz byly šaty hotovy, pannu přistrojil. Potom zavolal na mě, abych já šel hlídat. I ptám se ho taky, co to má?— «Jak vidíš», řekl křejčí: řezbaři byla dlouhá chvíle a vyřezal ze spalíka pannu, a já z dlouhé chvíle jsem ji ošatil: a bude-li tobě taky dlouhá chvíle, můžeš ji naučit mluvit». I naučil jsem ji skutečne do rána mluvit. Ale ráno, když se moji tovaryši probudili, chtěl každý tu pannu mít. Řezbář povídá: «Já ji udělal». Krejčí: «Já ji ošatil». A já jsem si taky svého práva hájil. Pověz mi tedy, psíčku! komu z nás ta panna náleží?» Psíček mlčel; ale místo psíčka odpověděla dcera královská: «Komu by jinému náležela než tobě? co do řezbářovy panny bez života? co do krejčova ošacení bez řeči? týs jí dal nejlepší dar: život a řeč; a proto právem tobě náleží».—«Sama's o sebe rozhodla», řekl Vaněk: i tobě dal já zase řeč a nový život, a proto mi taky právem náležíš».— Tehdy řekl ten jeden královský rada: «Jeho Milost Královská dá tobě hojnou odměnu, že se ti podařilo dceři jeho rozvázat jazyk: ale jí sobě vzít nemůžeš, jsi sprostého rodu.» A král řekl: «Jsi sprostého rodu, dám tobě místo mé dcery hojnou odměnu». Ale Vaněk nechtěl o žádné jiné odměně slyšet a řekl: «Král bez vymínky slíbil: kdo spůsobí, aby dcera jeho zas mluvila, že bude jejím manželem. Královské slovo zákon; a chce- li král, aby jiní zákonů jeho šetřili, musí je sám napřed zachovávat. A proto mi král musí svou dceru dát».—«Pochopové, svažte ho!» volal ten rada; «kdo

praví, že něco král musí, uráží Milost Královskou a je hoden smrti. Vaše Královská Milost rač poručit, at' je ten zločinec mečem odpraven». A král řekl: «At' je mečem odpraven!» I hned Vaňka svázali a vedli na popravu. Když přišli na místo popravní, už tam na ně Štěstí čekalo, i řeklo tajne k Rozumu: «Hle jak ten člověk tebou pochodil: až má přijít o hlavu! ustup, at' já vejdu na tvé místo!» Jak mile Štěstí do Vaňka vstoupilo, přelomil se katovi meč u samého jilce, jako by jej byl někdo přestřihl; a prvé nežli mu zase přinesli jiný, přijel z města na koni trubač, jak by letěl, troubil vesele a točil bílou korouhvičkou, a za ním přijel pro Vaňka královský kočár. A to bylo tak: ta královská dcera řekla potom doma otci, že Vaněk přece jen pravdu mluvil a že královské slovo nemá se rušit, a jest-li Vaněk ze sprostého rodu, že ho král snadno může knížetem udělat. A král řekl: «Máš pravdu, at' je knížetem!» I hned pro Vaňka poslali královský kočár a místo něho byl odpraven ten rada, který krále na Vaňka popudil. A když potom Vaněk a ta královská dcera spolu jeli od oddavek, nahodil se nějak tou cestou Rozum; a vida, žeby se musil potkat se Štěstím, sklopil hlavu a utíkal stranou, jak by ho polil. A od té doby prý Rozum, kdy koli se má potkat se Štěstím, zdaleka se mu vyhýbá.

Первый сборникъ чешскихъ народныхъ пѣсенъ принадлежитъ Фр. Л. Челяковскому: «Slovanské národní písně», 1—3, Pr. 1822—27. Здѣсь, кромѣ чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ пѣсенъ, приведены образчики народной поэзіи почти всѣхъ вѣтвей славянскихъ, съ чешскимъ переводомъ. Классической книгой считается собраніе К. Я. Эрбена: Pjsně národnj w Cechách», 3 части, Пр. 1842—45. Новое (третье) изданіе подъ заглавіемъ: «Prostonárodní české písně a říkadla», Пр. 1864. Эрбенъ занимался и другой стороной народной поэзіи—сказкой; сюда относится его изданіе: «Sto prostonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních», Пр. 1865. Собраніе и изданіе произве-

деній народной словесности предпринялъ основавшійся въ семидесятыхъ годахъ кружокъ любителей народности, подъ названіемъ «Славія»: четыре выпуска 1-го отдѣла вышли въ Прагѣ 1873—75 г., 2-й отдѣлъ—четыре выпуска—1877—78 г.; въ этомъ послѣднемъ изданіи обращено было вниманіе на то, чтобы при записываніи народныхъ произведеній сохранять варіаціи мѣстныхъ говоровъ.—Лучшее собраніе моравскихъ народныхъ пѣсенъ принадлежитъ Фр. Сушилу: «Moravské národní písně s napěvy do textu vřaděnými. V Brne, 1860», 2-е изд. (1-е 1835—40). Другой усердный собиратель Бекешъ М. Кульда издалъ двѣ книжки подъ заглавіемъ: «Moravské národní pohádky, pověsti, obyčeje a pověry. Pr. 1874—75.»—

«Можно принять, что чешская поэзія,—насколько достигаютъ теперь историческія свидѣтельства и соображенія,—совсѣмъ не знала эпоса, какимъ владѣютъ племя русское, сербское и болгарское; она была исключительно лирическая, съ болѣе или менѣе обильнымъ элементомъ обрядовой поэзіи, гдѣ и хранилась ея главная старина... Достаточно сравнить чешскія пѣсни, напр. обрядовыя, съ русскими, чтобы увидѣть, что чешскія составляютъ гораздо новѣйшую формацію: въ нихъ несравненно слабѣе или вовсе отсутствуетъ тотъ архаическій элементъ, который представляетъ собою столько отголосковъ древне-народныхъ нравственныхъ взглядовъ и поэтическаго чувства, столько наивной глубины и неподдѣльныхъ красотъ... Подъ вліяніями нѣмецкими и городскими чешская пѣсня неблагопріятно измѣнилась и въ своемъ тонѣ... При всемъ томъ, народная пѣсня Чеховъ, Морававъ и Словаковъ, гдѣ больше сбереглась ея старина, и затѣмъ народныя сказки, преданья и повѣрья сохранили еще много истинной поэзіи и оригинальнаго склада»... (Ист. слав. лит. II, 1061).

Характеристика современнаго чешскаго языка.

А. Азбука. Удареніе слышится всегда на первомъ слогѣ, но вмѣстѣ съ удареніемъ наблюдается и долгота гласныхъ

звуковъ. Строго различаются гласные краткіе: *a, e, i, y, u, o* и долгіе: *á, é, í, ý, ó (ů), ú (au, ou)*. Краткое *y* не отличается въ выговорѣ отъ *i*; долгое *ý* произносится въ народѣ какъ *ej*: dobrý=dobrej, býti=bejti. Долгое *ó* произносится какъ *ů*, *uo*: Bůh, dům (род. п. Boha, doma), můj; долгое *ú* какъ *ou*: za mou virou, soud, proud. Согласныя: *b, d, f, g, h, k, l, m, n, p, r, s, t, v* (прежде *w*), *z* выговариваются какъ въ латинскомъ языкѣ; *h* употребляется вм. *g*; *ch=x*; *c* всегда произносится какъ *ц*. Для выраженія звуковъ, въ латинскомъ недостающихъ, латинскія буквы снабжаются надстрочнымъ значкомъ. Именно: *č, ž, š*=*ч, ж, ш*; *ř* произносится шепеляво, какъ *рж*. Согласныя: *d, t, n* смягчаются посредствомъ значка ': *ď, ť, ň*; остальныя смягчаются посредствомъ *j*; *l* есть только средній, западный, какъ въ французскомъ или итальянскомъ языкѣ.

Б. Въ отношеніи къ употребленію звуковъ современный чешскій языкъ представляетъ слѣдующія характеристическія особенности сравнительно съ древнимъ церковнославянскимъ языкомъ:

1. Древнеслав. ъ, ь иногда сохраняютъ глухой выговоръ, особенно послѣ плавныхъ l, r (на латинскомъ письмѣ ничѣмъ не означаются): vlk, vlna; trh, hrb, srp, srna, zrno, srdce, hrdlo.

ъ, ь обыкновенно замѣняются чистыми *e, u*: sen, ohen, den. len; chceme, zname (1 л. наст. мн.); ze, se, ke, rozebrati; dluh, pluk, slunce, tlusty, chlum; ku.

Иногда ъ, ь опускаются: dska, sklo, mzda, tma.

2. ѫ произносится какъ *u*=ou: muž, ruka, soud; peku, mohu; послѣ мягкихъ согласныхъ какъ *i*: chci, piji (1 л. наст. ед.); delají, pijí (3 л. наст. мн.); duši, nadeji (вин. ед.). Въ 1 л. наст. ед. ѫ иногда=*am, im*: delám, pytám, učím.

ѧ произносится какъ *a, e, í*: svatý, patý, maso; me, te, se, díte, břime; kníže, číše, mesíc; chodí, učí, nosí (3 л. мн. наст.).

3. ѣ произносится какъ ě, i: tělo, věřiti; víra, písen, chlíb, míra.

Особенно важныя особенности фонетики современнаго чешскаго языка заключаются въ *съуживаніи* и въ *стяженіи* гласныхъ.

4. *Съуживаніе* или *перегласованіе* гласныхъ состоитъ въ томъ, что каждое мягкое *а* произносится какъ *е*, мягкое *и* (равно происшедшее и изъ древнеслав. *ж*) какъ *і*. Это бываетъ обыкновенно предъ *j* и послѣ *j* и вообще послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ: dej (=дай), volej, tejný, nej (=най, *для* превосх. степ.); jesle, nadeje, vole, zeme, bure, duše, prace, nouze; jitro, jih (=югъ), jinoše, lib, lit, cizi, klič; вин. ед. жен. р.: duši, zemi; 1 л. ед. наст.: chci; 3 *л.* мн. наст. delají, volají.

Прим. Звукъ *а* началъ переходить въ *е* въ глубокой древности; *и*—въ *і* позднѣе: въ древнихъ чешскихъ памятникахъ и въ латинскихъ грамотахъ употребляется то *и*, то *і*.

5. *Стяженіе* гласныхъ состоитъ въ томъ, что изъ двухъ гласныхъ, раздѣленныхъ *j*, изчезаетъ одинъ гласный вмѣстѣ съ *j*, оставляя по себѣ другой гласный долгимъ. Именно: *aja*, *eja*, *oja*, *aje* стягиваются въ *á*: čistá=чистая, smáti se=смѣятися, báti se=боятися, pás=поясъ, délás=дѣлаешь.

oje, *yje*=*é*: vévoda=воевода, čisté=чистыя.

oju, *uju*=*ú*: vodú=водою, čistú=чистую.

ije=*í*: učení, znamení, trní, listí, hnutí.

Прим. 1. Это стяженіе гласныхъ встрѣчается уже въ древнихъ памятникахъ чешской письменности.

Прим. 2. Вмѣстѣ съ древнимъ церковнославянскимъ языкомъ чешскій удерживаетъ: а) группы *la*, *ra*, *le*, *re* тамъ, гдѣ въ русскомъ выступаютъ полногласныя формы: hlava, brada, mleko, břeh; б) начальное *je* въ словахъ: jeden, jezero, jeseň, jelen, jesetr; в) *i* и *yj* тамъ, гдѣ въ русскомъ являются *е* и *ой*: slavik, bij, vij, lij, pij, šij; rýj, krýj, nýj, výj, mýj.

6. *d* переходно смягчается въ *z*: viz, mezi, souzený, nouze.

t, также *ht*, *kt*—въ *c*: pozlacen, smucen, chci, tisíc; moc, noc, pec.

7. Губныя смягчаются безъ помощи *l*: zeme.

8. Предъ *l* и *n* сохраняются коренные *d* и *t*: padl, kvetl, vadnouti.

9. Прибавляются: *j*: jitro, již; *l*: ledva, učedlnik; *r*: zarmoutek, nevražiti; *d*: hrdlo, zrcadlo, mydlo; *t*: stříbro, středa; *c*: dalejc, pozdejc.

10. Опускаются: *i*: psati, lzati, mše; *y*: ptati, dosti; *o*: zvu, obedvati; *l*: jabko; *h*: řek (=грекъ), bodejž (=дай Богъ!).

11. Замѣняются одни звуки другими: *n*=*m*: mrav, nedvěd; *p*=*v*: včela; *s*=*š*; šerý, šedivý, vše (=вьсе); *čr*=*stř*: střep, střemcha, střida.

12. Переставляются: ratolest, žlica, kopřiva, ktvu, dřvi.

Прим. Гортанные *h*, *k*, *ch* смягчаются какъ и въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ въ шипящіе *ž*, *č*, *š* и свистящіе *z*, *c*, *s* (=*š*: Češi, Чехи). Гортанные сохраняются въ словахъ: hvezda, kvet, ptak. Группа *sk* смягчается въ *št*: lidšti, královští, v Polst'ě. Отмѣтимъ также исключительное употребленіе предлоговъ *roz* и *vy* вмѣсто южнославянскихъ *раз*—и *изъ*.

B. Грамматическія формы.

1. Въ древнемъ чешскомъ языкѣ употреблялись двойственное число, прошедшія простыя, неопредѣленное достигательное. Но отъ этого богатства формъ теперь сохраняются лишь скудные остатки: Дв. ч.: oči, uši, ruce, noze, prsa; прош. прост.: bych, bys, by; bychom, byste, by; неопр. достиг.: jdi spat.

2. Перегласованіе *a* въ *e* и *u* въ *i* значительно ослабило склоненіе: *duše*—им., род., зват. ед. ч. и им., вин., зват. мн. ч.; duši—дат., вин., твор. и мѣстн. ед. ч. и род. множ. ч. (въ твор. ед. и род. мн. *duší*)

3. Склоненіе существительныхъ средн. р. на *í* (=*ие*) почти совершенно пропало: *znamení*—им., род., дат., вин., зват. и мѣстн. ед. ч. и им., род., вин. и зват. мн. ч.; *znamením*—твор. ед. и дат. мн. ч.

4. Падежныя окончанія, отличныя отъ древняго церковно-славянскаго языка:

твор. п. ед. ч. сущ. муж. и ср. р. на *em* (=ъмъ): synem, slovem;

род. п. мн. ч. *ů*, *ův*: synů; дат. *ům*: synům.

Твор. п. мн. ч. оканчивается на *y*, *i*, *emi*, *mi*: rody, krali, polemi, lidmi; мѣстный на *ích*, *ech*, *ach*: o dubích, o mužích, v polích, o lidech, v rouchach.

5. Прилагательныя муж. и средн. р. оканчиваются въ род. п. ед. ч. на *ého*, дат. *ému*, мѣстн. *ém*: dobrého, dobrému, o dobrém.

6. Образцы спряженій.

Неопредѣленное накл.

pásti	píti	volati	učiti	býti

Настоящее вр.

pasu	piji	volám	učím	jsem
paseš	piješ	voláš	učíš	jsi
pase	pije	volá	učí	jest (je)
paseme	pijeme	voláme	učíme	jsme
pasete	pijete	volate	učíte	jste
pasou	pijí	volají	učí	jsou

Повелительное накл.

pas	pij	volej	uč	bud'
pasme	pijme	volejme	učme	bud'me
paste	pijte	volejte	učte	bud'te

Причастіе.

pasoucí	pijící	volající	učící	jsoucí
pasší	pivší	volavší	učivší	byvší
				budoucí

Дѣепричастiе.

pas,-ouc pije,-jíc volaje,-jíc uče,-íc jsa,-ouci,-ouc,-ouce
pas,-pašši piv,-vši volav,-vši učiv,-vši byv,-byvši,-byvše
buda,-ouci,-ouc,-ouce

Прош. сложное 1-ое.

pásl,a,o	jsem jsi (jest)	byl,a,o	jsem jsi (jest)
pásli,y,a	jsme jste (jsou)	byli,y,a	jsme jste (jsou)

Прош. сложное 2-ое.

byl,a,o	jsem jsi (jest)	pásl,a,o	byl,a,o	jsem jsi jest	byl,a,o
byli,y,a	jsme jste (jsou)	pásli,y,a	byli,y,a	jsme jste jsou	byli,y,a

Условное 1-ое.

pasl,a,o	bych bys by	byl,a,o	bych bys by
pásli,y,a	bychom byste by	byli,y,	bychom byste by

Условное 2-ое.

byl,a,o	bych bys by	pásl,a,o	byl,a,o	bych bys by	byl,a,o
byli,y,a	bychom byste by	pásli,y,a	byli,y,a	bychom byste by	byli,y,a

Будущее.

budu budeš bude	pásti	budu budeš bude
budeme budete budou	pásti	budeme budete budou

Прим. Страдательныя формы образуются какъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ. Формы причастія страдательнаго настоящаго времени на *м* нѣтъ.

Литературный чешскій языкъ, чисто народный въ своей основѣ, тѣмъ не менѣе весьма сильно испещренъ огромнымъ количествомъ словъ чужеземныхъ или вновь придуманныхъ авторами, и оттого не всегда понятенъ народу. Синтаксическій строй также значительно искаженъ подъ различными посторонними вліяніями, преимущественно латинскимъ и нѣмецкимъ. Латинское вліяніе укоренилось весьма рано вслѣдствіе усилій католическаго духовенства, всюду вносившаго латинскій языкъ. Отъ круга понятій религіозныхъ латинскій языкъ перешелъ и въ сферы правительства: законы, договоры, грамоты писались полатыни. Съ основаніемъ Пражскаго университета (1348 г.), гдѣ все преподаваніе шло на латинскомъ языкѣ, вліяніе это еще болѣе усилилось. Съ другой стороны, переселеніе нѣмцевъ въ чешскіе города образовало особенный городской языкъ, гдѣ нѣмецкія слова считаются необходимостію. Съ возрожденіемъ Чеховъ и пробужденіемъ народнаго чувства, нѣмецкія слова стали изгоняться изъ языка, но тѣмъ не менѣе и доселѣ чешскій языкъ далеко не свободенъ отъ вліянія языковъ иностранныхъ, особенно нѣмецкаго.

E) Образцы языка изъ словацкой (словенской) письменности.

1. Jan Holly (1785 + 1849).*

a) Изъ сочиненія: «Zivotopis Cyrilla a Methoda».

Rastislav, knieža z vätšej [1]) stránky už pokrstených Slovákov, vystrojil k cisárovi Michalovi vyslancov s prosbou: aby mu poslal učitel'ov, ktorí by Slovákov vo viere krest'anskej lepšie vyučovali a písmo svätó jim prekladali. Cisár prosbe Rastislavovej žadost' urobiac, Konštantína a brata jeho Methoda roku 863. k nemu odoslal. Tu s vel'kou vd'ačnost'ou prijatí, za polpiata roka vyučovali, modly, kde ktoré sa nachádzaly, porážali, písmo svätó dial' prekladali, bohoslužbu v reči slovenskej usporadovali, písmu slovenskému učili, mladíkov na kňazstvo pripravovali, chrámy božie stavali a na cestu spasenia všetkých viedli.

Ked' to počul s vel'kým potešením o bratoch tých pápež Mikuláš, r. 867. jich do Ríma povolal. Oni vezmúc so sebou nektorých svojich učedlníkov, vydali sa na púť a do Ríma odcestovali. Medzitým pápež Mikuláš roku 867. 13. nov. zomrel, a 14. dec. nastúpil po ňom Adrián. Tento slyšiac, že bratia Konštantín a Method telo sv. Klementa, ktoré prvší z nich pri meste Chersone našiel, so sebou nesú, vel'kou radost'ou naplnený, von z mesta s kňazmi a s l'udom oproti nim vyšiel a uctive jich prijal. Na pod'akovanie oba bratia za biskupov, ostatní učedlníci ale, ktorých so sebou priviedli, za kňazov a jahnov vysvätení boli. Konštantín však za biskupa vysvätený nenavrátil sa viac do Vel'-

* Нижеслѣдующіе отрывки изъ сочиненій словацкихъ писателей (№№ 1—7) взяты нами изъ словацкой христоматіи, приложенной къ труду I. Викторина: Grammatik der Slovakischen Sprache. Dritte Auflage, Pest, 1865.

[1]) ä произносится какъ русское я.

kej Moravy, lež do nemoce upadnúc a blízky konec života svojeho tušiac, s povolením pápežovym do kláštora vstúpil, meno Cyrilla — pod ktorým teraz známejší je — prijal, a po štyriciatich dňoch r. 868. zomrel. Z tohoto vidno, že Cyrill biskupom u Slovákov nebol.

Method po srmti brata svojeho za arcibiskupa moravského a panonského ustanovený, roku 868. navrátil sa z Ríma do Vel'kej Moravy. — — Poneváč ale bohoslužbu rečou slovenskou vykonával a pohodlnost'am kňazov nemeckých prekážal, neprestávali títo u pápeža na neho žalovat': že od učenia pravej cirkve odstupuje, l'ud do bludu uvádza a ináč učí, nežli ústne a písemne pred apoštolskou stolicou prisl'úbil. Následkom podobných žalôb pápež Ján VIII. r. 878. Methodovi mšu v reči slovenskej slúžit' zakázal a ho nasledujúceho roku do Ríma ku sodpovedaniu sa povolal.

Method do Ríma prídúc, v rade pápežovej, ked' zo všetkého, v čom od protivníkov svojich obviňovaný bol, náležite sa očistil, za pravoveriaceho uznaný jest, a mšu jako aj inú bohoslužbu v chráme rečou slovenskou vykonávat' slobodu obsiahnul. — — —

Po smrti Methoda (r. 885.) Wichin biskup nitránský, rodom Nemec, obrady slovenské potlačoval a vytiskal. Napomáhali mu bavorskí biskupi, ktorí moravských a panonských Slovákov pod svoje právo a duchovnú vladú usilovali sa priviest'. Okolo roku 899. — za času Mojmíra — posli pápeža Jána IX. prišli do Vel'kej Moravy, a tam jednoho arcibiskupa a troch jemu podriadených biskupov posvätili a ustanovili. Títo samých latinského obradu kňazov dosadzovali, a tak s vymerajúcimi od Methoda ustanovenými kňazmi i slovenský obrad vymieral.

("Básne Gana Hollého. Widané od Spolku Milowníkow Reči a Literaturi Slowenskég. We štiroch Zwazkoch. W Budíňe. M. DCCC, XLI—XLII". Swäz. III, стр. 92 и слѣд.).

б) Изъ поэмы: «Svatopluk».

Jak srditý víchor, čo celý náramne fučácou
Rozdrapoval sa hubou deň a kalné mračna dohánal,
Keď znovaný zasekol sa na noc; v tom čeraava hustne,
A smolná po šerej nastává oblohe hróza;
Všetko utíchne tedáž a pre zlú trne od strachu búrku:
Tak prední v divnej setrvávali starci tichosti;
Neb sa na rozpačitých dovčul nazdávali mysl'ách,
Že Svatopluk zhynul a v lútej vzal pohromu vojne.
Až vážný jedným Zemižižen povstane rázom,
Čo v každej dobrú udelit' znal príhode raddu:
Už mu z očí a z tvári samá vyhl'ádala múdrost';
I preto u všetkých vel'ké ho slávilo méno.
Ten teda pretne tichost' a takýmito rečňuje slovmi:
 Vodco vel'aslavný a vy sešlí pospolu radci!
Večne-li odsúdeň k tomu náš je tu na svete národ,
Pod cudzím aby len sme zaprahlí dýchali jármom,
A vlastnú slobodu, vlastnú neužívali vol'nost'?
Od koho tak vel'ké Nemcom sa odevzdalo právo,
Utláčát' bídných a silou k poddanstvu nahánat'?
Ach, Svatopluk, hrozný Svatopluk čo si predca zamyslel?
Jak vel'kú v tebe oklamaní sme zakládali nádej,
Udatnú zmužilost' a neohroženého vid'ácí
Srdca tuhost', že ty nás a milú našu krajnu obrániš,
I v cudzú nikdá nedopustíš vládu upadnut'!
A hl'a ty včul bídný ju i nás nato dávno slačácim
Už Nemcom zapredal si a schválné kúpil otroctvo!
Ach, čo za vec, čo t'a za hrozná k tomu potreka núkla?
Však si ty najvatší býval vol'nosti milovník!
Ach, prečo sám nepadols' a radej v boji záhubu nevzal?
Nežli si mal tol'kú, tak hanebnú spáchat' ohavnost'!
Bídu na nás uvalit, večnej dat' poškvrne méno!
Zdáž nato sme predtým už pod Rastislavom a včul
Pod mileným vodcom Slavimírom tol'ko prehojnej

L'áli tokov krvi a vzácnú podobýjali vol'nosť,
By sme ju včul hotovú z dobrovol'nej pustili hrsti?
Čož nato utlačení poveďá nám nekdy potomci?
Že sme tedáž, slyšanou blízkej len vojny povesťou,
Od strachu naplašení mužské odhádzali zbrojstvo,
I skorenou k Nemcom prosbou a krivýma kolenma
V mzrkú poslušnosť a bolestné l'ézli otroctvo.
Zbroj teda, zbroj hroznú zapopadnime, naproti poďme,
Braňme zlatú vol'nosť a ze záhuby vydrime krajnu!
Jestli by však víťazstvom hoveť nám nechcelo šťastí,
Zemrime včul radšej, než by sme jak otroci Nemcom
Slúžiť a báborské na šijách ňésť mávali jármo.
Sotva že reč dokoná: zbroj, zbroj zapopadnime! všetci
Hneď volajú; zbroj po všetkých sa ozývala ustách:
Jak hrom keď rachotí a po skalných huhle pahorkoch.
Nastane v tom Slavimír a takýmito odreče slovmi:
Uznesené aj z mej polapať braň stránky je zdání.
Radšej smrť slavnú a hrdinský zvol'me si úmor;
Dajme sa rozťať a krv do poslednej kapky vylejme,
Kleslou než slobodou v otrockém járme naríkať!

(„Jana Hollého Spisy básnické. So životopisom. . vydal J. Viktorin. 3-é vyd. V Pešti, 1863". Spev V, стр. 54 и слѣд.).

2. Ludevít Štúr (1815+1856).

Изъ поэмы: «Matúš z Trenčína».

Kolo Nitry tabor leží,
Šírym pol'om roztiahnutý,
A v ňom l'ud na útok mesta
Ozbrojený a napnutý;
Všetko už na heslo vodca
S netrpením očakáva,
Všetko, aby sa len dialo,
Vykrikuje, vyvoláva.
A tu Matúš von zo stánku
Pod šišákom ide zlatým,

Hned' na vojská, hned' na Nitru
Pohadzuje okom zpiatym :
Hoj vy orli, Tatier deti,
Tam ten hrad vás očakáva,
Do bojaže, aby viala
Čim skôr naša tam zástava,
Do bojaže ohnivého,
Vy slovenské svieže rody;
Lepšie padnúť' v mužnom boji,
Nežli hynúť' bez slobody.
Jako ked' sa víchor zdvihne
A na šíry háj dorazí,
Celým hájom rozkolíše,
Stromy zvíta, láme, zrazí :
Tak na slovo Matúšovo
Celý tábor preč do skoku,
Čo mu v ceste leží, padne,
Rúbe, zráža na útoku.
Na valoch sa vojsko král'a
Na obranu postavilo;
Čo len valov zúkol vúkol,
Všetko husto obsadilo;
Na jeho tam strane Róland
Slovo vedie, rozkazuje,
O ňom svetom chýr sa niesol,
Že jako lev tne, bojuje.
Letia šípy už na valy,
Rebríky sa pristavujú,
Letia šípy dolu z valov,
Skaly dolu sa hurtujú;
Vojskami sa hukot nesie,
A čo chvíl'a sa rozmáha,
Plno mrtvých pod valami
A na valoch jich zál'aha.
Stojí útok, útok tuhý,
Každú chvíl'u ho pribýva,

A pere sa v mesta valy,
Lež jich ešte nepodrýva;
Róland všade, kde sa tlačí,
Stojí, mocne ho odráža,
Svojich slovom rozpal'uje,
Tam tých mečom tne, poráža;
Už sa kopa dolu valmi
Od jeho rán rozsypala,
Už v útoku prvé rady
Svieža sila opúšt'ala.
V takej surme šírym vojskom
Matúš sem tam poletuje,
Bojovníkov k smelým činom,
K bystrým chvatom rozpal'uje.
Tu mu Róland padne v oči,
Jako hubí, rúca všetko,
Kam len pozre, kam len skočí:
Rozpáli sa a rozkáže
Svojim verným na tu stranu,
Kde jako smrt' Róland kosí,
Čo len padne mu pod ranu.
Na tie slová Boleslavín
Ta sa k valom chvatom hodí,
Za ním Radmír od Likavy,
Za ním Ctibor vojskom brodí;
Na valy sa všetci ženú,
Hore nimi dobývajú,
Ale ostré meče zhora
Útok lámu, odrážajú.
Proti ranám, proti mečom
Boleslavín hore stúpä,
K výške valov jak sa bliži,
V teplej krvi meč len kúpä.
Už množina bojovníkov
Mečom jeho leží zbitá,
Ale Róland ešte stojí

Jako jedl'a panovitá .
Letia iskry z prudkých mečov ,
Letia z očí rozohnených
I krev tečie a rozžíha
Pomstu v lícach rozpálených :
Hoj cudzinče , padneš predca
Mojím mečom porazený !
Zavolá tu Boleslavín
Vychytený , rozsrdený .
A za týmto slovom ranu
Na Rólanda hroznú zvalí ,
Až sa mu vše v očach ziskrí ,
A hned' na to oko kalí .
Jako dlhý , roztiahnutý
Na zemi už Róland leží ;
Že zabili náčelníka ,
Krik po celých valoch beží ,
Krik po celých valoch lieta ,
Na rady sa hróza valí ,
Už sa v útek rady ženú ,
Jak by vetry jich odvialy .
Za nimi na valy skáču
Matúšove husté pluky ,
Kriky zas tu sa radostné
A hrmotné nesú hluky :
Hoj užs' naša , nášho pána ,
Nik t'a nám viac nevytrhne ,
A kto sa sem opováži ,
Toho v peklo meč náš vrhne .
A kde Matúš , kde náš vodca ?
Hlasy jedných pokrikujú ,
Hlasy druhých : tu je , tu je !
A plukom ho ukazujú .
Ked' ho zazre , hor' ho mužstvo
Vyzdvihuje , slávu volá ,
A Matúš jich pochval'uje

A hovorí k nim dokola :
Dobre boj ste započali ,
Naša Nitra je vysoká ,
Nechže ten chýr rodom našim
Preletuje doširoka ;
Nechže letí , oznamuje ,
V rukách Nitra že Matúša ,
A našincov týmto chýrom
Nech sa v boje zmocní duša .
Tu na Nitre , kde predkovia
Slávu svoju založili ,
Starí králi Mojmírovci
Nad Slovákmi kde trónili :
I my vnuci jich d'alekí
Založíme slávu svoju ;
Len sa smelo proti cudzím ,
Len sa bystro majte k boju !

(„Spevy a Piesne Lud. Stúra. V Prešporku. 1853". Стр. 59 и слѣд.).

3. Josef M. Hurban (род. 1817).

Изъ соч: «Slovensko a jeho život literárny».

Mladé pokolenie je taká mladá dedinská chasa; ked' sa na zvon šturmovat' má — pri príhodách osudných—prvšia letí na vážu a bije na bok zvonov , combila slobodno zvonami , ked' ide biskup lebo král' . Príchod nového principu , klepanie podzemských , predžitovných duchov na kôru skutočnosti čuje najsamprv duch mladého , slobodného pokolenia : a preto sila nová mladými duchami vyslovovaná aj uskutočňovaná , podpieraná aj k zralosti preprevodená býva . — Po tých predchodných krokoch slovenského genia prosredkom jednotlivých literárnych zjavov urobených , teskno bolo vo vzduchu literárneho života , a s t'ažkost'ou čakal sa dáky vysloboditel' z toho labyrintu , do jakého to habkanie , tie pokusy a hádaniny slaboliterárne obecenstvo uvádzaly . Lebo

nebolo naprosto žiadneho pravidla, žiadnej gramatiky, tým menej slovára, syntaxi, filosofie reči slovenske. Tu povstal v útlom veku, srdcom denglavým mládenec slovenský, ktorého oko k nebu bolo obrátene, ktorého duch smelo letel nad zaprášené cesty zastaraleho zvyku, a ktorý povedal prvý zretel'ným slovom: Slovaci! píšte po slovensky, tu máte slovo moje o reči vašej. — A tento mládenec bol Anton Bernolák, učenec semeništa prešporského. Slovo jeho bolo pojednanie v latinčine spísané: « Dissertatio philologico - critika de literis Slavorum etc.» A hlas tento nebol viac hlasom na pustatine, lebo stá hlasov ozývalo sa a mládenca pozdravovalo, o ktorom neznámi mysleli, že je 70 ročný, bachantami obklopený, prachom starých bibliotek zapadlý starec; a známi i neznámi, starí i mladí menovali ho svojím otcom, vodcom, náčelníkom literárnym, povolaným za vyslovovatel'a jejich vlastných myšlienok. Bolo to nadšenie sviatočné, pozdravujúce nový vek s vrúcnostou a pobožnostou. Prvší hlas, ktorý vinul sa z priehlbín slovenského naroda, boł hlas obrátený k mladému Bernołákovi, aby dal Slovákom gramatiku slovenskú, slovár, syntax, prosodiu, slovom: žiadalo sa od něho nielen vyslovenie, ale aj uskutočnenie idey a myšlienky slovenskej.

Roku 1790. vyšla v latinskej reči jeho gramatika, prv už ústne a priatel'sky medzi mladším pokolením rozšírená. Na vel'kom svojom slovare pracoval cez celý život, ktorého ale vydania sa nedočkal. Muž tento svoje peniaze, hodnosť, úrad, čas a život obetoval na vskriesenie života slovenského. Jako kaplán čeklísky, kde gramatiku vydal, pôsobil na okolité strany, menovite na mladé kňazstvo; najme ale jako farár a dekan novozámsky celým vplyvom svojím o to stál, aby len bolo nečo z kmena slovenského. On rozožíhal sviecu vo tmách, on sreťazoval priatel'ov slovenskej literatúry po prešporskej, nitranskej, trenčanskej stolici, a tak na povedomí slovenského ducha a povolania pracoval. Je to nekonečná radosť pre citlivého a vzdelaného Slováka videť, po tisícročnom mlčaní najvätšej čiastky národa, dvíhať sa muža

u prosred tých najhroznejších bied a nedostatkov, ktorý vyletiac nad ne, obživí tisíc zanedbaných duchov, jako to urobil náš nezapomenutél'ný Bernolák. Škoda večná, že ho život duchovný, že ho milenka jeho večná, myslienka slovenskej úlohy a slovenského povolania skoro a prívčas strávila; skončil cestu svoju v neslave národa slavnú a nepoškvrnenú 15. jan. 1813. Ale nie, prajme mu odpočinku, neskončil cestu prívčas, ked' na ňu pohliadneme okom tým, ktorým čitajú sa nie roky, ale kroky urobené na tej ceste, po ktorej národ kráča k poznaniu seba, svojej úlohy a sily ku tam tej potrebnej. — S ním a po ňom dostalo toto snaženie slovenského genia meno *Bernolákismu*, nárečie ním vzdelané *Bernoláčiny*, a toto pomenovanie Thersitovia slovenskí aj jako posmech užívali a užívajú. Medzitým za meno Bernolákovo nezahaňbí sa žiaden Slovák, ba s vd'ačnosťou nábožnou klásť ho bude do Pantheona historie národa svojeho. Uznať však musíme odporníkom, že myšlienku svoju nevyviedol a nedokončil; lež ktože to z l'udí môže a smie žiadať? — Gramatika jeho je chybná, nedôsledná, na bohatosť slovensko-slovanskú nárečia našeho potrebný pozor neobracajúca; ale kto môže chceť, aby jeden duch vytahal na dno tú najbohatšiu studňu tisícvekých prameňov a žíl životodarných takej reči jako je slovenská. Kto to všetko žiada od Bernoláka, ten nech seba najprv skusí, či má len jeden necheť zo zasluh Bernolákovych, a nech potom hovorí. Inde sme povedali, že je táto reč prosredok medzi češtinou a čistou slovenčinou, a ospravedlnili sme krok tento dostatočne; kto teda chce súdiť, musí to stanovisko před oči vziať a z toho kritizovať Bernoláka. Už aj to pomenovanie Bernolákismu, nakol'ko od samých, uprimných a dobrých, Bernolákovmu snaženiu oddaných Slovákov pochodilo, svedčí, že tieto počiatky same ne osobovaly si cistotu slovenčiny, začo ju ani slovenčinou nemenovali. My ale cítime aj oceniť vieme krok tento, jako aj o jeho historicko-filosofickej nevyhnutel'nosti a potrebe presvedčení sme.

(„Slovenské Pohl'ady na literatúru, umenie a život. Redaktor J. M. Hurban. V Skalici a v Trnave. 1846 — 1852“. Diel I, svázok 2, стр. 24 и слѣд.).

4. Michal Hodža (род. 1811).

Изъ статьи: «Reč Ruská».

Reč ruská menuje sa tak od Rusov, slavianskej riše na východe založitel'ov od r. 863. čo predtým bezpochyby slovenskou menovala sa za najstarších časov. Táto je najrozšírenejšia panujúc od východnieho Predtatránska až k Uralu, a roztrúsene šírom Severnej Azie až do Ameriky; od Bieleho Mora až ku Čiernemu. Hovoria ňou v jednom hlavnom a vo dvoch menších nárečiach 50 milionov l'udu slavianskeho, svätša pôvodčitého, samorodnieho, ktorý kraje oné v časiech už predhistorických obýval a otcovi historického umenia gréckemu Herodotovi (r. 450 pr. Kr.) pod menami Budinow, Neurow a Piengitow známy bol. Istá sila i krása a zvlášte mohutnému kmenovstvu slavianskemu svečná veličanstvennosť, prejatá pri tom všetkom šírosrdečnou milotou slovenskou, je neodpriečne svojstvo ruštiny. Slovák zvlášte si ju môže a má po mnohých svojenárečných hlasiech a spôsoboch slovničných dobre prisvojovať, osobitne narečie vel'koruské. Niet pochyby, že by z nej väčšieho utešenia mal, nežli z cudzích rečí, za ktorými tak pachti a v jichže znaní tol'ko si zakladáva. Svetonárodní organ Slavianstva je skutočne už ruština; preto učencovi slovenskému práve nič z nej nevedeť, je i národnia i človečenská nechvála i nešvára.

Dvoja reč vnárodnila sa v ruskom Slavianstve: cirkevná staroslovenká a svetská ruská, obe so životom národním, nímže Rus je cez na kroz prejatý a preživlený, nerozlučne spojené a sice tak, že jedna druhú nie reku snaša, ale vlastne v cirkevnej a občanskej povinnosti, vo svätosláve i svetoslave odmieňa. Ruský vzdelanec napospol je rečou i Starosloven i Rus; ba sú nie riedke príklady, že pospolití l'udia celé knihy písma svätého, k pr. žalmy, evanjelie

naspamäť vedia. V ohľade tomto niet reči - mimo latinskej- ktorá by v takom priestranstve ozývala sa na chválu Boha, jako staroslovenská. — Čo do ruskej literatúry, táto je teraz medzi všetkými slavianskými jak hojnostou a rozmanitosťou plodov, tak i výtečnosťou jejich najonakvejšia. Jej rozvinutie je podľa času dvojako rozdobné: staršia doba je od uvedenia kresťanskej viery a slovenskej bohoslužobnosti za Vladimíra (r. 988.) až do Petra Velikého (r. 1700); novejšia ide od tohoto panovníka, obnoviteľa ruskej a tvorca jej terajšej mohutnosti, až do terajška. Obe tieto doby hlavne rozoznámkujú sa rečou i slohom, toť že v onej písavali Rusi staroslovensky, hárs i miešano s ruským, v tejto spisovať začali a spisujú v nárečí národňom a zvláště moskevskom, nímže literatúra stala sa obecnou, všestrannou, jako Rusovia hovoria «mešťanskou» (graždanskou). Z prvšej doby najzvláštnejšie pamätiny sú: «Pravda ruská», t. j. staré práva ruské, ktoré knieža Jaroslav sobral, sporiadal a vydal (r. 1016—1020). — «Nestorova kronika» (nar. r. 1056. zomr. r. 1115. alebo 1116.) najdôležitejší a najkrajší z onoho veku historický pamätník. — «Slovo o pluku Igorovom» z konca XII. stoletia, báseň epická ducha ossianského a iné. — Najvzácnejšie ale dedictvo duchovného života onej doby složené je pre potomstvo v tehdajších letopisiech a listinách čili obecných úradných písemnosťach, týchto posledních najviacej čistoruských, jakýmiže v tej miere na onen vek žiaden iný národ nemôže sa honosit, a jejichže úplným spravným vydaním z rozkazu cára zvláštna společnosť sa zanáša. V čas mongolského poddanstva, v ňomže národ ruský skoro celých dve sto rokov a výše preneresti, spisované boly najviacej nábožensko knihy, ale i letopisné celkom zanedbané neboly. Pó zlomení jarma tatárskeho (r. 1462.) a uvedení kníhtlačiarstva (r. 1553.) pokračovalo sa v obojom. Makarij zhotovil ohromné dielo životov Svätych. Pozoru hodné plody zákonodarstva toho času sú: «Súdobník» (r. 1559) a «Ulože e» (r. 1649).

Peter Veliký postavil Ruskú do radu hlavných evropejských

mocenství. On nastavil novokrojné písmo ruske (grazdanicu) a dal, jako všemu, tak i slovesnosti nový beh. Za jeho času kvetli vedľa duchovných už aj spisovatelia svetskí: Kantemir (r. 1708 — 1744.) Tatiščev (r. 1685 — 1750) Trediakovkij (r. 1703 — 1769) ktorý vlastne staroslovenčinu snažil sa uviesť jako reč spisovnú i do literatúry. — Ale tvorca'a otec novejšej literatúry ruskej je Lomonosov (r. 1711 — 1765.) veliký duch. Za ním básnik Deržavin (r. 1743 — 1816.) jehože óda «Na Boha» svetochýrneje. Na vyšší stupeň i bohatstra i dokonalosti zdvihla sa literatúra ruská za Karamzina (r. 1765 — 1826.) pôvodcu dokonalejšej prostomluvy ruskej. Z básnikov jehó času predkuje medzi inými Žukovskij (nar. 1783.); a jako skladateľ nevyrovnaných bájok prišiel u celého ruského národa do klasickej vážnosti Krylov (nar. 1768). Treti za Lomonosovom i Karamzinom stupeň literatúre národnej položil slávoduchý básnik Puškin (r. 1799 — 1838). — Teraz už ide to tam zo slávy na slávu vo svojom spôsobe času a okolností, ale nado všetko duchom ruskej veľaslavnej, všeživelnej národnosti.

(„Vetín o slovenčine. Spísal M. M. Hodža. V Levoči, 1848“, стр. 64 и слѣд.).

5. Samuel Chalupka (род. 1812).

Изъ баллады: «Väzeň».

Vykvetal kvietoček na pustom polome:
Dorastalo dievča v svojej matky dome;
Na pustom polome bieluśká bimbonka:
V svojej matky dome nevinna Ilonka.
Mať ju vychovala biednym vdovským chlebom,
Roveň si nemala pod tým božím nebom,
Roveň si nemala len azdaj na nebi,
So sväté anjelstvo kde Boha velebí.
Mne kvitla bimbonka, to bieluśké kvieťa:
Mne rástla Ilonka, to nevinné dieťa;

Bimbonka uvädla ; červoč ju podryla :
Ilonka umrela ; mojad' ju zmárnila ;
Mojad' ju zmárnila — a len pre to jedno :
Zdalo sa jej haňbou v rode dievča biedno .—
Zodvihla sa bola búrka od východu ,
Prihučala na zem slovenského rodu .
Mad'ar zpod Kavkazu v nerocetnom roji
Do šíreho sveta pustil sa po zboji .
On ohňom i mečom padol do Moravy ,
A nás král' Svatopluk volal pod zástavy .
Surmily surmity v zlatom Velehrade ,
Po slovenských krajoch zbroj cendžala všade .
Povstal môj dobrý l'ud i bratské národy ,
Kde Visla i Laba mútne leje vody ;
I kde Tatry pyšno k nebu sa spínajú :
Valily sa vojská k tichému Dunaju .
Nad Dunajom kral' náš zastal si táborom ,
Pri ňom župy - každá pod svojím práporom ;
Tam rozšikovaly jasné šíky svoje
Pod mojím prievodom černohradské voje .—
A môj rod - tí hadi - spolu kameň duli ;
Na moju Ilonku zlostné rady kuli :
Či dievčatko srazit' z tej skaly vysokej ,
A či ho zaväzit' do väže hlbokej ;
Kde ani len slnce na ňu nezasvieti ,
Kam ani len vetor ku nej nedoletí .—
Dlho rady stály , tak sa dokonaly :
Srazili Ilonku z tej vysokej skaly ;
Srazili na Dunaj , na tie hlbočiny :
Zhynul mojím rodom anjel môj nevinný .—
Lovili rybári ryby na Dunaji ,
Videli Ilonku tonút' popri kraji .
Tí dievča vyniesli do zelenej trávy ,
Ihlicu aj partu vypali jej z hlavy :
Ihlicu aj partu zo zlata čistého ,
Zaniesli rybári do chrámu svätého .

Na božom oltáre tam ju povesili,
Lud'om pravovercom smútok ohlásili:
« Letorôstka suchá už sa nerozvije,
A telo bez ducha nikdy neožije.
Kto tú partu svojej darom dal neveste,
Tomu, pravoverci, také heslo neste:
Že už s ňou nekl'akne nikdy jedným párom
Na ten svätý kameň pred božím oltárom ».—
Ešte ani slnce nesadlo za horu,
Už to smutné heslo dobehlo k táboru:
A ani biely deň na mňa nezasvietil,
Už som ja ten zločin zločinom odvetil.—
V noci čierne mraky na nebi zavisly,
Oj, ale čiernejšie na tej mojej mysli.
Po nebi sa blesky krížily ohnivé,
A po mojej mysli pomyšlenia divé.
Bez seba som sa vám do sedla vyhodil,
A letel som v oslep, až sa kôň zachodil:
Cez hlbohé toky, cez široké polia,
Až ta, kde táborom stál Mad'ar dokola.
Tam, tam mi pošepol zlostník zlostný z pekla,
Čo najhoršie znala duša jeho vzteklá.
Ja sám som vyviedol mad'arské zástupy
V noci hromobitnej na hrad mojej župy:
Ja sám som rozrazil bránu rukou svojou:
Padol biedný môj rod mad'arskou zbrojou.—
Stal sa hriech - lež zápät za ním prišla kára.
Jako víchor kral' náš udrel na Mad'ara;
A jak plevy rozbil hrdé jeho pluky:
A mňa vydal Pán Boh král'ovi do ruky.—
Smutno vyhrávaly zvony zo zvonice;
Plakaly Ilonku jej verné družice:
Oj, a ja zajatý mojím vlastným l'udom,
Stál som okuvaný pred kral'ovym súdom.
Dvanásti mládenci, a každý pod perom,
Zaniesli Ilonku do hrobu večerom;

A mňa nešťastníka tie král'ove straže
Pod holými meči zaviedly do väže.
Ilonké čierny kríž na hrob postavili,
Jej nevinnú dušu Bohu poručili;
A mňa do tej väže múrom zamúrali,
Na mú biednu hlavu kl'atbu mi nakliali:
«Nech ťa tu, zrádniče, hriech tvoj večne morí!
Nech ťa Boh z milosti na veky vytvorí!
Ked' naň volať budeš, aby sa nepohol,
Že by si tu hynul, a zhynúť nemohol».
Tak mi popi kliali, a l'ud volal: «Amen»!
A ostatní zavrel väžu túto kameň.

(„Lipa. Národní Zábavník. Vydal Josef Viktorin. Ročník I. V Budíne. 1860", стр. 221 и слѣд.).

6. Andrej Sládkovič (1820+1872).

a) Изъ поэмы: «Marína».

Slovensko mladé, rodisko moje,
Aj mohyla mojich kostí!
V tebe mám pekných obrazov dvoje
A dvoje vel'kých l'úbostí.—
Jako je krásna tá moja deva,
Jaká k tej l'úbosť vo mne horieva:
Tak ty a k tebe, otčina!
Jako tyš pekná, krajina moja,
Jako mladistvosť milá mi tvoja:
Tak pekná, milá Marína!

Na horách našich mládenec stáva,
Spev jeho kvet duše jeho;
Zápasy bohov on nerozpráva,
Nie huk ritierstva starého;
Hlas ten nezvoní bitky pradedov,
Nehlási spev ten krivdy súsedov,
Nie bičov sveta hromoplesk:

Začre si do prs, l'úbosť zaspieva,
A pol'om žiale svoje rozlieva,
A nádeji budúci blesk.

A žiale svoje pol'om rozlieva,
Že je svet ja krem otčiny;
A bôle svoje pol'om previeva,
Že tam niet jeho dievčiny;
Do vekov nových hlas jeho letí,
A blesk úfania z tvári mu svieti.—
No, ňadrá verné slovenskej devy
K prsám primkne verný šuhaj:
Slavné v spievankách zazvonia hnevy:
Svetom budeš úzky môj raj!

Vek náš je taká próza netrebná,
Že nič v ňom nemáš svätého;
Idea mu je snárstvo velebná,
A vo fabrikách boh jeho;
Do šiat lásky sa sova oblieka,
Krása v otroctve potrieb narieka,
A vernosť každý vysmeje.
To jen tón času! povieš. Mne l'úto,
Lebo tón tento veku tomuto
Špatne na pohrab zavzneje.

S Bohom! ty l'ud môj, l'ud môj l'úbený,
Vyšších letov mojich predmet!
S Bohom! pamätaj, že máš sl'úbený
Duchom svetov bezmierny svet:
Ja duchom tebou večne prejatým
S tebou chcem túžiť k ideám svätým,
A s tebou tam i tu bývať;
Syn tvoj chce žialiť tvoje žialenie
A na síl tvojich víťazné vrenie
S vrelým sa nadšením dívať!

(„Spisy Básnické Andreja Sládkoviča. V Bystrici. 1861", стр. 43 и слѣд.).

б) Изъ поэмы: « Detvan ».

Stojí vysoká, divá Polana,
Mať stará ohromných stínov,
Pod ňou dedina Detvou volaná:
Mať bujná vysokých synov:
Či tých šarvancov Detvy ozrutných
Polana na tých prsách mohutných
Nenosí a nenadája?
Alebo aspoň na tie výšiny
Nehľadí dcera tejto rodiny,
Keď má porodiť šuhaja? —

Jako by Detva obrov nemala! —
Mať zrodila v poli syna,
Trávovú plachtu porozvíjala,
Z buka na buk ju pripína;
Prvýraz oči šuhaj roztvorí,
Čo vidí? — vysosť Polany hory
A opachy nezvratných skál;
A zpustí zraky prvé v doliny,
Čo vidí? — hory zázračnej stíny
A prekrásnu slovenskú diaľ.

Z výšin Zbojníckej Polany dolu
Hučí gajdí mohutý bas,
A cez ozrutnú letí homolu
Poskočný piskora ohlas:
To jednostajné, prísne tečenie
A tónov hrubých zúfalé vrenie
Podobné je časov toku;
A gajdeniec ten štebot spevavý,
Jako radostí kŕdeľ ihravý,
Vo veselom, jarom skoku.

Huk ten ohluší prózu života,
V chripení tom zachripne žial',
V ňom vieri sa tá šťastná jednota —
Tá večnosť - tá bez kraja dial':
Huk ten je taká tmavá noc sveta,
A pieseň, čo sa hukom prepletá,
Je deva, čo krásne sní si;
Huk ten je taká tabul'a biela,
Kde šialeného v slasťach anjela
Vymaloval Van - Dyk kýsi.

Huk ten je osud slovenských časov,
Prísny, smutný, nepremenný;
Tá harmonia tarkavých hlasov
Je nádeje svet zelený:
Vtedy, ked' čuješ, rodák môj milý,
Gajdičiek našich ohlas spanilý,
Spomeň si zvon nášho žitia,
A v tých duniacich dumách hukových
Nech t'a nádeje osudov nových
Do sladunkých citov schytia! —

Neodt'ahuj sa od kvetu lipy,
Že vidíš dub už s žaludom. —
Cudzie t'a nikdy nesmiera vtipy
S naším slovenským osudom.
Musí sa v mále dokázat' verným,
Kto nechce večne zostat' mizerným;
Musí pučit', čo chce zkvitnút';
Kto, ked' počuje žalmy škrováňa,
A ligotavú hviezdičku rána —
Neverí, že musí svitnút'! —

To je tá kl'atba našho života,
To netopýrstvo osudov,

V ktorých sa k nebu od zeme mota
Mizeráctvo našich bludov.
Tá podlost' medzi dychom, prírodou,
Medzi otroctvom, medzi slobodou,
Medzi špatou, medzi krásou;
Ked' nevieš, čo si, nemreš, nežiješ,
Len sa od skaly ku skale biješ

Po jazere bl'adých časov.—
No, dobre sa maj, druh môj srdečný!
Spevca rodinná postava.
Z nízkosti takto tvorí duch večný
Trón, kde si Sláva sedáva:
Rod môj! ty l'úb si svojho Detvana.
V ňom duša tvoją je zmalovaná,
Zhrej obrazom tým, čo schladlo.
Kde bujné v duši rastú zárody,
Tam pyramida vstáva slobody —
A to je naše zrkadlo!

(Стр. 171 и слѣд.).

7. Ján Kalinčák (1822+1871).

Изъ повѣсти: « Serbianka ».

Bolo raz jedno pekné dievčatko, utešené, krásne, že mu nebolo rovného pod slncom. Malo ono očká čierne, vel'ké; ked' nimi pozrelo a dokola švihlo, nazdal bys' sa, že sokol svojimi peknými krídlami dokola zavesloval. Malo ono pekné, utešené líčka; ked' nimi len pohlo, nazdal bys' sa, že slniečko ranné vyskočiac zpoza vysokej hory svojou l'úbostnou žiarou bozkáva v plnote citu a lásky svojej celý šíry široký svet. A jeho postava taká bola uhladená, vysoká, hybká, že bys' ju bol mohol prutom pretat' alebo dvarazy obejmút'. Volalo sa to dievčatko Milica.

Ale to dievčatko mnoho zlého na svete narobilo: ked'

neveríš, opýtaj sa len mladých šuhajcov, a oni ti všetci povedia: ano, tak jest, ono mnoho zlého na svete narobilo. Ale ono nebolo toho príčinou; ono svietilo na svet neohliadajúc sa na to, čo si l'udia z jeho pozoru robia, nepozerajúc na to, či ono šťastie či nešťastie svetu donesie.

A to dievčatko Milica bolo sirôtka, nimalo nikoho krem Boha a dobrých l'udí na tom božom svete. Ešte malo sotva dva roky, už mu otec i matka odomreli. Jej rodina celá padla na Kosove, a jej otec, ktorý vládal nad srbskou zemou v odvislosti tureckej, zahynul r. 1447. keď Turci zničili na Dunaj plemená grécke, románske a slovanské.

Bol starý Sáva Markovič, ktorý ujal sa mladej Milice, a dievčina prekvitala si uňho jako ranná zora, a nič jej nechybelo, len matička v zemi zahrabaná a vtáče mlieko. Starý Sáva ju zastával i pred zlými Turkami, i pred očami všetečných mládencov, a strežal ju jako oko v hlave: bo Turci zlí, oni zoberajú, čo môžu, a zvlášte pekné mladé panny; i mládenci sbrskí zlí, bo oni kradnú srdiečka a robia devčaťom na tisíce starostí. K tomu bol Sáva Markovič dobrý Srbín, i snoval v hlave mnohé myšlienky. On sl'úbil Milicu najhodnejšiemu junákovi srbskému, a čo by ho to čokol'vek stáť malo. Keď prišli zalovať sa k nemu l'udia, že Turci haradž (daň) vyberajúc, alebo pre bašov zbožie snášajúc a glavnicu (od hlavy) pýtajúc, jich súža a zodierajú, hovoril: « Haňba junákovi sťažovať si na potlačovanie a nemyslieť na pomstu, nemyslieť na vybavenie domoviny »! Keď si starí l'udia sťažovali, že jim Turek kostoly hanobí a ne jejich staré dni sem i tam jich preháňa, na to ozval sa Sáva: « Hej pobratímci! vytrepte Turka a zhyňte sami; krem toho nemáte tol'ko dní života jako vlasov na hlave »! Pre takéto reči a pre jeho samostatné si vedenie bol Sáva Markovič držaný za najlepšieho Srbína. U tohoto kvitla a jasala sa devica Milica.

Ale Sáva vždy starnul a starnul. Vlasy mu pomaly obelely i vypadaly, a oko, ten krištál duše l'udskej, vždy sa vätšmi a vätšmi zatemňievalo, ruka i hlas sa triasly, a po-

stava junácka shybla sa jako javor v jaseni smutiaci za lístkami života svojeho.

Sávovi bolo teskno, smutno v duši. Nevidel nikde pomoci, nikde vyslobodenia. Starí l'udia, ktorí zacítili sladkost slobody, povymierali; nové pokolenie už vyrástlo v otroctve a nazdávalo sa, že to tak byť musí. Stisklo mu to srdcom i vzdychnul, keď si na pamäť uviedol, že on nikdy nedožije oslobodenia domoviny; ale zaplakal, keď pozrel na Milicu, diamant duše svojej: bo beda žene, ktorá neznajúc sa brániť, bez svojej viny v otroctve hynúť musí.

Raz prišiel k nemu jeho starší syn Marko i povedal: « Otče môj! ja som už aspoň sto Turkov zabil; pýšim sa i tým, že som krev z tvojej krve, duša z tvojej duše; i tým, že som najlepší junák v celej Srbii, a tak podl'a sl'ubu pýtam ťa, daj mi Milicu za ženu ».

Starý Sáva ovesil hlavu, mumlal dačosi pod šedivým fúzom i odpovedal vážne, potichu: «Synak Marko! kto Milicu dostane, musí viac urobiť, nežlis' ty urobil; ten musí oslobodiť Srbsko od jarma turbánov a viery nepravého proroka».

«Otče, neprehovor sa!» odpovedá Marko.» Ty žiadaš viac nežli pol sveta vymôcť a urobiť môže. Dušman zatriasa pol svetom a vysmieva sa národom, ktoré hynú pred ním jako mhla na horách pred svetlom slnečným!»

Sáva zaškrípol zubami, bo srdce jeho bolo drážlivejšie nežli hoc jako jarého mládenca, pozrel hnevivo na syna, ruku zdvinul jako by k hrozeniu, a potom s potupným smiechom vyrieknul: «A tys' najlepší junák srbský? — a tys' krev z krve mojej? — a ty chceš obdržať Milicu?»

«Ano, som a chcem!» odpovedal pyšne Marko. « Otče, nehnevaj ma!» zavolal po malej prestávke, «lebo nech som nie Srbin, keď budem znášať tvoj potupný pohl'ad!»

«Pekne, pekne synak Marko!» prudko zas povie starec, «od starého otca, ktorý sotva v stave je vyzdvihnúť v ruke handžár, nemôžeš sniesť pohl'ad potupný, ale za nemožnosť držiš zprostiť sa potupy tureckej. Pekne, pekne synak Marko!»

A Marko zatriasol sa jako osika, zuby mu zacengotaly, čelo mladé zamračilo sa a málo chybebo, že otca za prse nechytil. «Kto ti to povedal, že ja lížem reťazi vraha našeho? že neškrípem zubami nad hanobou našou? — No zadrž si Milicu, ja ju nechcem, kým noha dušmanova kráča po dolinách Srbie. — Zdrav sa maj, otče!»

Starý Sáva s roziskrenými očami pohliadnul na svojeho syna, a chytil ho mocne za kabaňu i volal: «Postoj, postoj synak Marko! jako že som prežil už sedemdesiat rokov, tak bude Milica tvojou!»

«Nepozrem ani na teba, ani na Milicu,» zavolá Marko, «kým neuznáš, že som najlepší junák v celej srbskej zemi!»

«Uznám, uznám synak môj!» odvetil starec, «ale počuj múdre slová staroby!»

Marko sa obrátil, hodil sa za stôl na stolicu, podoprel rukami hlavu a pozeral na svojeho otca, jako by ho k hovoreniu vyzýval.

«Ty si teraz nesmieš vziať Milicu!» — a potom schyliac sa k nemu skoro pošepky hovoril: «Synak Marko! moji pobratímci prebehli i Srbiu i Bosnu i Hercegovinu, a kresťania pozdvihnú sa o krátky čas; — synak Marko, ty jich musíš viesť — a zhynúť, keď' nebudeš môcť zvíťaziť!»

Markovi zaligotaly sa oči. Vyskočil zpoza stola, objal starého otca a držal ho v svojom náručí bez slova, bez hlasu.

Ludia prirodzení žijú len v samučičkej prítomnosti, a jedno slovo v jejich prsách môže vzbudiť najodpornejšie náruživosti.

Smutno, pusto v srbskej krajine! Nazdal bys' sa, že to veľký hrob. tá pekná, krásna zem srbská, a ľudia mátohy a duchovia okolo hrobu toho obchádzajúci. Nik nepovzdychnul, nik nezažalostil nad tým junáckym ľudom; a oni sami ledva slovo hovorili, bo sa báli zrady: len jim oči hovorily medzi sebou a ruky znamenia podivné dávaly.

Ale predca boly dni v roku, v ktorých žiadna moc, žiadna sila nezabránila l'udu srbskému, aby sa vedno neschodil: boly to sviatky náboženské a výročné.

I teraz v rudnických horách sišlo sa tisíce l'udu: Na pätehôr rudnických stojí monastír svätého Jovana, ktorého mníchovia, zachovávajúc přísno pravidlá riadu svojeho, boli známi medzi srbským l'udom láskou k rodinám jeho. Teraz je deň svätého Jovana, sviatok to patróna monastíru, a preto tak mnoho l'udstva obsadlo kopce okolo kláštora.

Pred svätou bohoslužbou je l'ud rozložený okolo dubov a bukov, na ktorých sú obrazy Matičky Božej, sv. Jovana, sv. Nikoly a iných Svätých popribíjané. Pod tými stromami sedia starci, ktorým vek svetlo denné odobral, s holými hlavami, na ktorých pofukujúci vetor dvíha dohora ostatky šedivých vlasov, v ruke držia husle a čistým, tu i tu trasavým hlasom prespevujú piesne junácke zo starých, pekných časov dávno zabudnutej vol'nosti srbskej. L'ud sháňa sa okolo nich v kopy, z hláv čiapky sníma, žehná sa krížom, zvesí hlavu a v nemej tichosti dá vol'nosť prsám svojim, aby si v nich piesne slepcov podl'a l'úbosti poihraly. A keď tak dlho počúvajú, zakryjú si tvár oboma rukama — a tam oko tvrdého Srba slzy vylieva; tu s l'útosťou pozerá jeden na randy, ktoré telo pobratíma jeho prikrývajú; ten zas žehná trepotajúce sa maličké dieťa v rukáth utrápenej matky. Smutná to púť, kde nie potešenie ale zármutok duše l'udské prerýva.

Okolo najrozložitejšieho dubu shŕňa sa l'ud najvätšmi. Konáre jeho l'úbezným chládkom zatônujú vyschnutú zem, a jejich lístky poihrávajú si s tichým vetríkom, ktorý zadiera sa do nich, jako ruka stareho spevca do struny husiel, a tiché, šepotavé tóny z nich vydáva. Pod dubom sedí starec s huslami; vlasy jeho sú poza uši jako venec začesané, bo vrch hlavy holý. Oči jeho dívajú sa stl'pkom dohora, svetlo jim nič neuškodí, bo na veky ztratilo sa z nich; ale vrásky na čele a tiché podychovanie svedčia, že je sluch napnutý, ktorý to usiluje sa vynahradiť, čo oko urobiť nemôže. Na-

pravo leží lutna, a zľava sedí pri ňom, hlavu o ručku podopretú majúc a očkami do zeme hľiadac dievča, ktorému už kvet mladosti prešiel a tvár závoj dákysi smútku oblietnul. — Ľud sohnal sa okolo neho. Mužia podoprúc sa o dlhé palice, pozerajú na Sávu Markoviča so smútkom; ženy si na zem posadaly a deťom svojim tichosť kážuc, ukazujú jim na devicu Milicu. Starý Sáva oslepnul docela; jednoho syna ztratil, druhý ušiel k Turčínom, ktorí vyhnali starca z jeho vlastného domu, a teraz chodí po krajine od anjela svojeho device Milice sprevádzaný. Krásna je láska, krásna obetovavosť dievčiny za starobu, ktorá si je sama pomáhať nie v stave!

Starý Sáva sedí medzi tichým zástupom so zvelebou dákousi dívajúcim sa naňho, a sluchom počúva, chcejúc pocestnosť zástupu z hukotu vyzvedeť. Pomaly ovesí hlavu, vezme husle a spieva pieseň hlasom strún sprevadzanú:

Na Kosove bielom poli
  Šumí barjak cár Lazara.
Srbské dieťa srdce bolí,
  Keď sa o tom rozhovára.

To Kosovo bielo pole
  Smutné zvesty nám donáša;
Na ňom padla do nevole
  Domovina voľná naša!

Ty Kosovo pole bielo!
  Našej padlej slávy pole —
Čos' tak smutne zašumelo?
  Čože značia tvoje bôle?

A Kosovo odpovedá:
  «Jak by som ja nešumelo?
Srbský synak v putách sedá!
  Srdské dieťa onemelo!

O vol'nosti viac nevraví,
O nej sa mu viac nesníva;
Ked' ho dušman depce, dávi,
Ono na to sa len díva.

A mne srdce schnę od bôl'a,
A mňa smútok, žial' prikrýva;
Lebo vinu môjho pol'a
Krvou svojou nik nezmýva.

Srbský synak, srbské diet'a!
Kedy zbavíš domovinu?
Kedy zory ti zasviet'a?
Kedy zmyješ moju vinu?»

(„Orol Tatránsky. Redaktor Ludevít Štúr. V Prešporku. 1845—1848.„ Ročník III, стр. 690 и слѣд.).

8. Словацкія народныя пѣсни, повѣрья, обычаи.

a) Изъ сборника: Veniec národních piesni slovenských. Uvil a vydal M. Ch. (V. B. Bystrici, 1862).

Nitra.

Nitra milá, Nitra, ty vysoká Nitra:
Kdežè sú tie časy, v ktorých si ty kvitla?
Nitra milá, Nitra, ty slovenská mati!
Čo pozrem na teba, musím zaplakati.
Ty si bola nekdy všetkých krajín hlava,
V ktorých tečie Dunaj, Visla i Morava;
Ty si bola bydlo král'a Svatopluka,
Ked' tu panovala jeho mocná ruka;
Ty si bola sväté mesto Methodovo,
Ked' tu našim otcom kázal božie slovo.
Teraz tvoja sláva v tôni skrytá leží:
Tak sa časy menia, tak tento svet beží (u. 7).

Hej Slováci!

Hej Slováci! ešte naša slovenská reč žije,
Dokial' naše verné srdce za náš národ bije:
Žije, žije duch slovenský, bude žit' na veky;
Hrom a peklo marné vaše proti nám sú vzteky!
Jazyka dar sveril nám Boh, Boh náš hromovladny,
Nesmie nám ho teda vyrvat' na tom svete žiadny!
I nechže je kol'ko l'udí, tol'ko čertov v svete,
Boh je s nami: kto proti nám, toho Parom zmetie.
Nech sa teda nad nami aj hrozná búra vznesie,
Skala puká, dub sa láme a zem nech sa trasie:
My stojíme stále, pevne, jako múry hradné;
Čierna zem pohltni toho, kto odstúpi zradne! (n. 48).

Hynutie mladosti.

Veje vetrík po doline,
Moja mladost' len tak hynie,
Moja mladost' i podoba
Tak mi hynie, jako voda:
Voda zhynie, druhá príde,
Moja mladost' už nepríde (n. 89).

Zapomenutie na mladost'.

Zahučaly hory,
Zahučaly lesy:
Kamže sa podely
Moje mladé časy?
Časy moje, časy!
Neužily krásy,
Moje mladé letá
Neužily sveta.
Mladost', milá mladost'!
Vyšlas mi na marnost',

Vyšlas mi na márnosť
Pre moju nedbalosť.
Mladosť, milá mladosť!
Ver si sa ztratila,
Jakoby som kameň
Do vody hodila.
Ešte sa ten kameň
Ve vode obráti,
Ale moja mladosť,
Nikdy sa nevráti! (n. 90).

Nezvädnutie lásky.

Holubice smutná zletovala kraje,
Pierko do tichého padlo jí Dunaje;
A jak tomu pierku na tichém Dunaji:
Tak i mně tu pusto v dálném od té kraji.

Když jsem byl u tebe žítko dozřávalo,
I mé srdce k tobě láskou dohářalo:
Klasy se zas vlají a žítko dozřívá,
Ale moje srdce za tebou odmlívá.

Stromek když dorostá, květem se pokrývá,
I jaro života láskou se odívá.
Z dubečka bude dub a větrem nepadne,
Naše mladá láska zroste a nezvadne (n. 94).

Milá za milým.

Po zahrade chodila, rukama lomila:
Ach Bože môj, prebože! čo som urobila?
Vypustila som si ja sokola pre páva,
Išla bych ho ja hľadať, neviem, kde sedáva.
Sedáva on, sedáva na súseda dvore,
Tam je on uviazaný na hodbavnej šnore.

Tá hodbavná šnorečka, velice tenučká
Vrezala sa mu ona do jeho srdečka.
Vrezala sa, vrezala, viac sa nevyreže:
Už mi v mojej nemoci nikdo nespomôže! (n. 106).

Zradca.

Vychodí mesiačik
Zpoza sivých holí:
Ja čo len naň pozrem,
Srdce ma zabolí.

Bodaj si bol, bodaj,
Spadol z toho neba, —
Dala mne, moja mat'
Mesiačko pre teba! —

V našom dvore lipa,
Pod lipou lavička:
Už k nám šuhaj chodí,
Ešte som maličká.

Oj! Bože môj, Bože!
Jakáže to vina,
Čo si so šuhajkom
Posedí dievčina?

Šuhaj a dievčina, —
Dva holúbky v páre,
Spolu si sedajú
Na jednom konáre;

Po zelenom háji
Spolu si lietajú:
Jaj Bože! či preto
I ony hriech majú? —

Načo si mesiačko
Zpoza mraku blyscl,
Ked' ma ten Milý môj
Kolo bôčkov stisol?

Moja mat' nespala,
Oblokom hl'adela,
A mňa so šuhajkom
Pod lipou zazrela.

Bodaj si bol, bodaj
Spadol z toho neba,
Dala mne moja mat',
Mesiačko pre teba! (n. 119).

T'ažkost' lúčenia.

Lúčenie, lúčenie!
Ver je to t'ažká vec!
Ked' sa dvaja rozlučajú,
S panenkou mládenec!
Ked' sme sa lúčili,
Oba sme plakali;
Oba sme si bielou šatkou,
Líčka utierali.
Zomreš ty, zomrem ja,
Zomreme obidva,
Dáme sa my pochovati,
Do jedneho hroba.
Dáme si napísat'
Na jednu daštičku:
«Tuto ležia dvoja l'udia:
O jednom srdiečku!» (n. 140).

Zarmútené srdce.

Svitaj, Bože, svitaj,

Aby skôr mrkalo,
Aby môjho veku
Skorej ubývalo.
Zaspievaj slávičku
V zelenom hájičku
Urob pol'ahčenie
Mojemu srdiečku!
To moje srdiečko
Tvrdé jako kameň,
Už ho nepoteší
Na tom svete žiaden.
Potešil by jeden,
Ale je d'aleko,
Potešil by druhý,
Ale nevie jako (n. 141).

Čerešnička.

Zasadil som čerešničku v zime,
Dá to 'pán Boh, azda mi príjme.
Počala sa čerešnička príjmat,
Začal som ja dievčence objímat'.
Počala mi čerešnička riasti,
Začal som sa za dievčenci triasti.
Počala mi čerešnička kvitnút',
Začal som ja za dievčenci lipnút'.
Počala mi čerešnička rodit',
Začal som ja za dievčenci chodit (n. 147).

Dcérka a mat'.

V slzách matička sedela,
Často vzdýchlo sa jej,
A malé útle dievčatko
Vraví mamke svojej:

«Čo kropíš tými slzami
Moje žlté vlasy?
Či vari visia nad nami,
Mamička, zlé časy?»

Pritisknúc k srdcu vrelému
Mat' púčok ružový,
A ústa v čielku bielemu,
Dcérušku osloví:

«Otec tvoj nechce z hrobu vstat'
Zpod zelenej trávy:
A nevie, nevie tvoja mat',
Čo svet z teba spraví!

Svet má zbroje, tys bez zbroje,
Vel'ký svet, tys malá:
A nevie, nevie tvoja mat'
Komu t'a chovala!»

A slza v očach dievčatka
Teší plač materi,
A potecha tečie sladká
Z nevinných úst dcéry:

«Dobrí sa zlostných neboja,
Čoby sa jich báli? —
Boh má zbroje, svet bez zbroje,
Boh vel'ký, svet malý!»

A dve l'ubosti objímu
Nádeje svet nový:
Pritiskne k srdcu vrelému
Mat' púčok ružový (n. 166).

6) Prostonárodnie obyčaje, povery a hry slovenské. Usporiadal a vydal Pavol Dobšinský. Turč. Sv. Martin. 1880.

Život rodinný, domáci a pospolitý.

Poctivé t. j. sobášené, zakonne uzavrené manželstvo je základom a rodišť'om—dl'a pochopu a mravu l'udu našho—tiež poctivej rodiny, poctivých synov a dcér. Deti nemanželské alebo z tak nazvaného nepoctivého (nesobášeného) manželstva pošlé sú tiež deti nepoctivé. — Rad u l'udu známej pokrevnosti je, v kmenu: dedo a dedová, starý otec a stará mat', otec a mat alebo ňaňo a ňaňa, tiež tato, tatko a mater, mamička, syn a dcéra (dievka), vnuk a vnučka, pravnuk a pravnučka čiže tak rečené detné deti; v ratolestiach: otcov brat je det'om strýk, strýko, strýčik, matkin brat jim je ujec, ujčok; otcova sestra jim je stryná a matkina sestra ujčiná; synovia od dvoch bratov pochádzajúci sú medzi sebou bratranci, bratináci, bratovci; od dvoch sestár sú to sestrenci; dcéry od dvoch bratov i sestier pochodiace sú medzi sebou sesternice; tamtí synovia sú jim bratranci a tieto jim tiež sesternice; strýkovia, ujčokovia, stryné a ujčiné volajú dietky od jejich bratov a sestár pošlé: môj bratovec, môj sestrenec, moja bratová, moja sestriná alebo bratov syn, sestrin syn, bratová dievka, sestriná dievka.— —

Otec a mat' nijak nepúšt'ajú z rúk veslo vlády a správy domácej, ani pri dospelosti ženatých dietok. Jako takých menujú i oslovujú jich: ten gazda, tá gazdiná; hospodár a hospodárka. Otec «nosí klobúk na hlave;» v skutku on drží klobúk na hlave v izbe, podčím synovia a služobníci povinní zložit' ho z hlavy, vstúpac do izby; ale to znamená, že on rozkazovatel', «kazár v dome.» V jeho moci a správe je pole, stodola a almária za stolom (skryňha) s písmami, knihami a peňazmi. On vymeruje práce zvlášť mužským členom domu. — Matka má v rukách komoru a jej skryne, v nich strovu, šat a pradivo; péčie, varí a dáva na stôl i chová celú čel'ad'; ženské roboty ona vymeruje a spravuje, pracujé i sama. Jesú domy, kde takto pod správou starého otca a

starej matere žijú synovia a nevesty s det'mi a detnými det'mi. — —

Obrazy visia na stenách ponad stôl a medzi prednými oblokmi, k nímž zrkadlo len v novšom čase a u poprednejších obyvatelov dostalo sa. Bývajú to u katolíkov obrazy Spasitel'a, Marie a Svatých; u evanjelikov tiež obraz Spasitel'a ukrižovaného lebo tŕním korunovaného a podobizne Dr. M. Luthera, Katarieny z Bory, Melanchtona a Superintendentov jejich Jozeffyho, Seberiniho, Kuzmaniho atd'. U katolíkov nadto najdeš kríž (krucifiks) a nádobku s posvätnou vodou: u obojích zasa dl'a starodávneho zvyku na skle mal'ovaných naších hôrnych chlapcov predovšetkým Jánošíka a d'la novšej prebudenosti národnej podobizne národních výtečníkov, ba už aj svetlopisy členov rodiny. Rovne tu i tam nechybujú obrázky Adama a Evy, stvorenia i raja a podobizne jak slávne panujúcich naších zemepánov a král'ov, tak aj iných evropejských, ba niekedy i z inej čiastky zeme kniežat a mocnárov. — —

Život obchodný a svetový.

Do sveta! Sveta zkúsit'! Svetom za novým letom! Sú heslá Slováka uberajúceho sa von z rodnej dedinky lebo mestečka, z nichž len čo za vršek zajde, už mu je otvorený ten široký a d'aleký svet na východ až po Čierno more a odtial k severu po Volgu, Ural i Petrohrad, k juhu do Carihradu, Malej Asii až po Egypt; na západ ces Moravu, Čechy, Sliezko, Pol'sko, na Berlín až po Paríž, ba hen do Ameriky, kde všade ba aj inde priemyselného a obchodného Slováka najdeš. Nie je to len domácich krajov núdza, čo ho takto i do sveta pobúdza; je to duch odvahy a podnikavosti jeho, že jako v poviestkach svojich posiela to popelvára svojho na výboje do sveta, to i tú dievčičku svoju vedie do služby, tak sám púšt'a sa vidiet' a zkúsit' svet i svoje št'astie v ňom.

Uberajúcich sa do sveta rodina a domáci zvykli odprevádzat' až na chotár, niektorí i d'alej pomáhajú jim prenášat'

batožinu. Uberajú sa často húfne, veselo, pri gajdách. Obyčajne len popoľudní vyberajú sa z domu, neďaleko rodiska prvú noc stráva a poobzerajú či pešiu či voznú výpravu, by mohli dať doniest, čo snaď zapomenuto. Pri rozlúčke s domácimi upodávajú si ruky, ustískajú sa srdečne a ešte srdečnejšie želajú si «šťastlivú cestu, šťastlivý návrat a aby len Pán Boh sprevádzal a chránil pocestných». Čo mladšiemu nezapomnú privolať: «Ale že, aby sme ne zahanbili sa za teba!» Ba v tom širokom, zmotanom svete aby každý medzi ľuďmi ľudsky to jest pekne, počestne viedol si a statočne zadržal sa. I chýry o tom donášajú si jedni o druhých i dopisujú si a pri dlhšom bavení sa vo svete nijak neostávajú bez spojitosti s domácnostou, pokiaľ to len možno. Bo zas o dajednom putujúcom nechyrovať ani do roka, až pekne krásne prikvitne sám.

Jakže ale už v tom svete? Snadno osvojujú si reč i zvyky národov a chovajú sa tam dľa toho svojho, koľko krajov, toľko obyčajov ku cudzým. Zvláštne zbehlí sú naši vozári a obchodníci v rečach, nastoľko, že nielen niet Slovanského nárečia, ktoré by plynne nehovorili, ale shovárajú a jednajú sa s cudzími národmi vždy v reči tých, k nimž zajdú. Maďar, Nemec, Rumun, ba aj Francúz a Angličan počuje reč svoju z úst jejich a jak v Asii, v Egypte lebo v Amerike dohodnú sa s tamorodými, to je tiež vec našincov tatam putujúcich. Ale iste vzhľadom k rozšírenosti slovančiny toto porekadlo máme: čo kde v širý svet zajdeš, slovenskú reč najdeš,» a Slováci i Slovania sú v tomto sebe na vzájom vo velkej výhode. Ale vraj náš pútnik už ani nečuduje sa, keď kdekoľvek tú svoju slovenčinu zaslyší.—

Lež zase kde naši svetapútnici prikloňujú sa k rečiam a zvykom cudzím, to naše «keď si prišiel medzi vrany, musíš kvákať jako ony,» neide tak ďaleko, žeby v svete cudzom opúšťali svoj zvyk i kroj. Práve putuje Slovák medzi turbánmi i cilindermi vo svojom širáku, halene i v opasku, s cedidlom lebo remennou kapsou pri boku a s hoľou v ruke lebo s našmarovaným bičom pri voze. Rovne Slovenka s pes-

trými stužkami vo vrkoči alebo v bielom čepci svojom na hlave a s bielym obrúskom, s batôžkom svojim na chrbáte. Po národňom kroji poznáš našich na všetkych trhoch a uliciach miest i v najostatnejšom kúte «sveta Trantárii.» —

Túha po domove, obyčajná u všetkych horalov, jakže javí sa u nás? Uslzeným okom ide pútnik von z rodnej dediny a ozerá sa k tým svojim milým zahradám i poliam i lúkam i hájom. Ale jak za vršek zajde, už vyjasní sa jeho oko a bystro, smelo pozerá do sveta. Veselších, rozmarnejších, a spolu i odvážlivejších pocestných po horách i po pustatinách, na silniciach i po chodníčkoch, na vode i na suchu málo máte jako sú Slováci. A budú príhovorčiví a shovorčivia privetiví všade a s každým, bo oni to tak «po jazyku všade zajdú a všade ako doma najdú sa.» Len potom už po nečase, keď návratu niet a zvlašt' kde hory z obzoru zmizly a cudzota i samota jich otáča; tam spomenú nielen na to «všade dobre, doma najlepšie,» ale i oko zaslzí i stisnuté srde vzdychá:

Idem, idem, neviem zkade,
moje srdce ako v l'ade;
lebo moju vlast' opúšt'am
a v cudzí kraj v nohy púst'am.

Первый сборникъ словацкихъ пѣсенъ принадлежитъ П. I. Шафарику: «Pjsně swětské lidu slowenského w Uhřjch;» изданы были Я. Колларомъ въ Пештѣ, 1823—27 г., и послѣ вошли во 2-е размноженное собраніе Коллара, 1834—35 г. Небольшой сборникъ вышелъ въ Быстрицѣ, 1862 (uvil a vydal M. Ch.). Помѣщенная здѣсь знаменитая у Чеховъ пѣснь: Hej, Slované, явившаяся первоначально въ словенской формѣ, принадлежитъ С. Томашику. Небольшое собраніе словацкихъ пѣсенъ составлено было пок. И. И. Срезневскимъ, въ Харьковѣ, со словъ заходившихъ туда Словаковъ: «Словацкія пѣсни. Харьковъ, 1832,» 60 стр. въ 16°. Съ основаніемъ въ

1863 г. Словенской Матицы въ Турчанскомъ Св. Мартынѣ предпринято было новое собраніе произведеній народной словесности, но съ закрытіемъ Матицы прекратилось и это изданіе; въ двухъ вышедшихъ книжкахъ: «Sborník Slovenských národních piesní, povestí, príslový, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier» (1870 и 1874. Turč. sv. Martin) соблюдались особенности народнаго мѣстнаго языка. — Собраніе словацкихъ народныхъ сказокъ имѣется отъ Я. Франциски (псевдонимъ Я. Римавскій): «Slovenskje povesti, V Levoči, 1845, отъ А. Шкультетаго (Skultety) и П. Добшинскаго (1858—61, 6 вып.) и отдѣльное изданіе П. Добшинскаго (1-й вып. 1880, Turč. Sv. Martin), отчасти съ соблюденіемъ мѣстныхъ говоровъ.

Характеристика словацкаго языка.

Языкъ Словаковъ или Словенцевъ, живущихъ по отлогостямъ Карпатскихъ горъ въ сѣверозападной Венгріи и другихъ областяхъ венгерскихъ, довольно рѣзко отличается отъ чешскаго языка, господствующаго въ Чехіи и Моравіи. Именно, въ немъ

1. древнеслав. ъ, ь нерѣдко замѣняются чрезъ *o*: pesok, vetor, zobrali, Pavol, orol. Иногда удерживается глухой выговоръ: dlh, klzki, tlsty.

2. ѧ замѣняется посредствомъ *a*: ma, ta, sa, mesjac.

3. ѣ произносится какъ *e* или *je*: vera, rjeka.

4. Мягкія *a*, *u* не переходятъ въ *e* и *í*: čaša, duša, kluč, lub, lut.

5. *o*, переходящее въ чешскомъ въ *u* (ó), произносится как *uo*: Buoh, kuon, hraduov, potuoček.

6. *d* и *t* смягчаются непосредственно; sudjeny, pozlatjeny, или же *d* смягчается въ *dz*: medza, núdza, priadza, cudzí, vyvadzati.

7. *h*, *k*, *ch* не смягчаются въ *ž*, *č*, *š*: v ruke, na nohe, po streche.

8. Нѣтъ шепеляваго произношенія буквы *r*.

9. *čr* не измѣняется въ *štr*: črevo, črep, čerešnja.

10. Въ склоненіи именъ существительныхъ употребляется *o* вмѣсто чешскаго *e*—въ им. п. ед. ч: nebo, slunko, ohnisko, lico и въ твор. ед.: duchom, darom. Но въ прилагательныхъ родит. п. ед. ч. оканчивается на *iho*, дат. *ímu* (чешск. *ého*, *ému*): dobrího, dobrímu.

11. Въ спряженіи также господствуетъ *o*—въ 1 л. наст. ед. ч. вспомог. глагола: som (чеш. jsem); въ 1 л. множ. ч.: damo, nesemo (чешск. dame, neseme); въ прош. вр.: bol (=byl), sedol, niesol, prišol.

12. Твердое *l* выговаривается коегдѣ какъ краткое *u*: poslau, vidau, usporjadau, prišou.

Словаки въ древности не имѣли особой письменности, и съ появленіемъ ея въ эпоху гусситства принятъ былъ языкъ чешскій, который и господствовалъ почти безраздѣльно до конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. У словаковъ-протестантовъ чешскій языкъ есть и донынѣ языкъ библейскій, церковный; на немъ говорится проповѣдь. Но словаки-католики, считая чешскій языкъ еретическимъ, «гусситскимъ», начали вводить въ литературу свое мѣстное нарѣчіе. Изъ этихъ дѣятелей особенно извѣстны: *Антонинъ Берполакъ* (1762+1813), составившій грамматику и словарь словацкаго языка и установившій словацкое правописаніе (грамматическіе труды его—на латинскомъ языкѣ, отъ 1787, 1790 и 1791 г., а словарь изданъ уже послѣ его смерти), и *Янъ Голый*, знаменитый національный поэтъ словаковъ. Въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ, въ борьбѣ съ мадьярствомъ, и словаки-протестанты примкнули къ сторонѣ католической. Особенно видные дѣятели изъ протестантовъ: *Людевитъ Штуръ*, замѣчательнѣйшій дѣятель цѣлаго славянскаго возрожденія (авторъ извѣстной книжки «О народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ славянскихъ племенъ», Прага, 1853), *Іос. Милославъ Гурбанъ*, оставившій, между прочимъ, самое подробное изложеніе литературной исторіи

Словаковъ, *Мих. Милославъ Годжа*, горячо отстаивавшій права словацкаго литературнаго языка, *Сам. Халупка*, патріотическій поэтъ, *Андрей Сладковичъ*, считающійся первостепеннымъ поэтомъ новѣйшей словацкой литературы, *Янъ Калинчакъ*, лучшій словацкій новеллистъ, и изъ католиковъ: *Іос. Викторинъ* (род. 1822), авторъ словацкой грамматики (3-е изд. Peśt, 1865), ревностный патріотъ, заботившійся вмѣстѣ о развитіи словацкой литературы и о сохраненіи ея связей съ чешской, *Фр. Викт. Сасинекъ* (род. 1830), лучшій словацкій историкъ и горячій патріотъ. Подробнѣе о Словакахъ въ Ист. слав. лит. II, 1000—1049. Замѣтимъ еще, что разные словацкіе писатели вводили въ литературу разныя нарѣчія словацкаго языка. Такъ, Бернолакъ вводилъ въ книгу тернавское нарѣчіе, Л. Штуръ-тренчинское, Годжа рекомендовалъ нарѣчіе липтовское; наконецъ проф. пражскаго университета М. Гаттала въ своихъ грамматическихъ трудахъ, начиная съ латинской Grammatica linguae Slovenicae, 1850, точно опредѣлилъ словацкій языкъ по нарѣчію зволенскому, и это опредѣленіе—теперь господствующее.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

В) Образцы языка чешской письменности отъ 1620 до 1780 года.

Г) Образцы языка изъ новой чешской письменности.

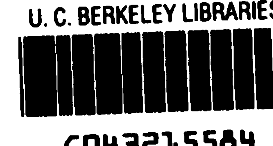
Д) Чешскія народныя пѣсни и сказки.

Е) Образцы языка изъ словацкой (словенской) письменности.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
1	10 сн.	še	sě
4	17 св.	še	sě
5	11 сн.	še	sě
17	7 св.	XV	XII
24	2 сн.	првписы	припасы
37	9 сн.	ned	neb
39	6 св.	milovati	milovali
57	14 сн.	ztavy	stavy
58	16 св.	stvořna	stvořena
66	3 св.	sve	své
68	8 сн.	zem	sem
74	5 св.	výstravu	výstrahu
—	13 сн.	pravdu	pravdy
81	15 св.	Válečna	Válečná
82	7 сн.	kazdý siku	každý šiku
84	5 св.	zacbovávaly	zachovávaly
87	6 св.	požeuiem	položeniem
88	16 сн.	VNsti	VMsti
94	9 сн.	196 — 203	91 — 94
103	16 сн.	čiowěka	člowěkь
106	15 св.	ze	že
107	16 св.	Wsudybud	Wšudybud
108	16 св.	wšněchněm	wšechněm
115	7 сн.	въ 4-мъ	въ 4-ку
—	5 сн.	Safaiřk	Šafařík
119	4 св.	Sebané spísy	Sebrané spisy
122	11 сн.	da	do
129	13 св.	Souded	Sonsed
132	3 св.	Cili	Čili
133	15 св.	drahymi	drahými

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
136	3 св.	Ceši	Češi
144	4 сн.	přijmont	přijmout
145	5 св.	novelsta	novelista
147	13 св.	sevdala	se vdala
149	2 св.	da	do
152	4 сн.	дѣвушка	деревушка
155	16 св.	jakožbo	jakožto
—	18 св.	Jo-li	Je-li
164	13 св.	Přenest'astná	Přenešt'astná
—	4 сн.	s hvry	s hory
165	4 сн.	budon	budou
180	3 св.	Jan Hollv	Ján Hollý
182	7 сн.	potrefka	potreba
193	7 св.	neročetnom	nepočetnom
199	3 св.	dychom	duchom
202	2 св.	chybebo	chybelo


U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043215584